

КАВКАЗЦЫ

ИЛИ

ПОДВИГИ И ЖИЗНЬ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛИЦЪ,

ДѢЙСТВОВАВШИХЪ НА КАВКАЗѢ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СОИЗВОЛЕНІЯ,

ВЫХОДЯЩЕЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Гвардіи Полковника Семена Новоселова.

ВЫПУСКИ 1-й и 2-й.

Жизнеописаніе подполковника Бибанова. — Подвигъ рядового Уколова. — Жизнеописаніе генералъ-маіора Слѣпцова.

Приложенія: заглавный листъ, портретъ генералъ-маіора Слѣпцова и два рисунка, изображающіе подвиги подполковника Бибанова и рядового Уколова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1857.

Денсоръ В. Векетова.

Послѣдній Подвигъ
Подполковника Бибанова.

Леч И Корелинъ

ПОДПОЛКОВНИКЪ БИБАНОВЪ.

Алексѣй Ивановичъ Бибановъ *), подполковникъ пѣхотнаго генераль-фельдмаршала князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго (нынѣ Ширванскій Великаго Князя Николая Константиновича пѣхотный) полка, родился въ 1810 году и происходилъ изъ дворянъ Казанской губерніи. Имѣвъ несчастье потерять родителей въ малолѣтствѣ, онъ получилъ первоначальное воспитаніе въ домѣ одной добродѣтельной родственницы, а потомъ поступилъ въ Казанскій Университетъ. Но занятія мирнаго гражданина не могли быть по сердцу будущаго рубаки; тѣмъ болѣе, что въ это время Россія оглашалась воинскими кликами и громкими побѣдами, ознаменовавшими начало послѣдней нашей войны съ Персіею. Извѣстія о геройской защитѣ Шуши, о побѣдѣ Шамхорской, о совершенномъ пораженіи вдесятеро сильнѣйшей арміи неприятельской подъ Елизаветполемъ и о разбитіи Персіянъ на берегу Аракса — не могли не воспламенить воинскія склонности, таившіяся въ душѣ юноши. Бибановъ по-

*) Въ большей части напечатанныхъ официальныхъ бумагъ онъ названъ Бабановъ; но самъ онъ подписывался Бибановымъ.

спѣшилъ оставить учебную скамью, и 1-го сентября 1827 года поступилъ унтеръ-офицеромъ въ бывший 30-й егерскій полкъ, въ которомъ 7-го октября того же года переименованъ въ юнкера. Однако въ Персидской и велѣдъ за нею начавшейся Турецкой войнахъ Бибанову не удалось участвовать; тѣмъ съ болѣею радостію онъ выступилъ въ походъ въ 1831 году. Надежда опять его обманула; ему не удалось находиться въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ, не представилось случая обнаружить таившееся въ немъ мужество. 1-го апрѣля 1833 года Бибановъ утвержденъ кандидатомъ; 13-го іюня того же года, при реформированіи войскъ, поступилъ въ Ряжскій пѣхотный полкъ, съ переименованіемъ въ портупей-прапорщики, и наконецъ, 1-го ноября того же года, бывъ уже 24 лѣтъ отъ роду, произведенъ въ прапорщики. Потомъ онъ получилъ по линіи чины: 23-го мая 1836 года — подпоручика, а 4-го октября 1839 года — поручика.

Наконецъ, въ 1840 году, исполнилось пламенное желаніе Бибанова; — на 14-мъ году службы, когда ему уже было 30 лѣтъ отъ роду, началась для него боевая жизнь: онъ назначенъ въ Кавказскій Корпусъ. Прибывъ на Кавказъ,

Бибановъ 2-го сентября былъ прикомандированъ къ грозному для горцевъ полку князя Варшавскаго (Ширванскому), въ который окончательно переведенъ 5-го декабря того же года, и съ которымъ уже не разставался.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи на Кавказъ, началось знакомство Бибанова съ войною въ горахъ, и съ этого времени, вмѣстѣ съ славнымъ полкомъ, въ теченіи восьми лѣтъ, онъ ежегодно участвовалъ въ экспедиціяхъ противъ горцевъ, — въ этихъ эпизодахъ кровавой драмы, непрестанно разыгрывающейся въ горахъ, ущельяхъ и пропастяхъ Кавказа, — и всегда, съ однимъ ли взводомъ, съ своею-ли несравненною ротою, или въ главѣ командуемаго имъ чудно-храбраго баталіона, Бибановъ всегда являлся одинаково величаво-хладнокровнымъ и неустрашимымъ. Ни одно значительное дѣло, ни одно движеніе во время этихъ восьми, большею частію опасныхъ и трудныхъ экспедицій, не обходилось безъ его участія, — до тѣхъ поръ, пока неимовѣрный подвигъ не сдѣлался для него роковымъ.

Въ 1840 году онъ находился въ экспедиціи генерал-майора Клюге-фонъ-Клугенау и участвовалъ: 10-го сентября въ пораженіи скопищъ Шамиля въ Гимринскомъ ущельѣ, во взятіи штурмомъ заваловъ, укрѣпленныхъ пещеръ и занятіи съ боя селенія Гимры, а потомъ съ 21-го сентября по 1 января 1841 года въ движеніяхъ по Казикумухскому владѣнію и Сѣверному Дагестану, для удержанія въ нихъ спокойствія и для наблюденій за партіями горцевъ, покушавшихся производить нападенія.

Въ 1841 году Бибановъ былъ въ походѣ въ Салатавію, предпринятомъ подъ личнымъ предводительствомъ корпуснаго командира, генерала отъ инфантеріи Головина, и въ самомъ началѣ похода, именно—8-го мая во время усиленной рекогносцировки Ахатлинской переправы и ружейной перестрѣлки и канонады по заваламъ, — успѣлъ обратить на себя особенное вниманіе. Потомъ онъ участвовалъ при взятіи Хубарскихъ высотъ съ рукопашнаго боя и въ трехъ-недѣльномъ походѣ въ землю Ауховцевъ. Въ этомъ послѣднемъ Бибановъ находился въ дѣлахъ: 5-го іюня при очищеніи отъ непріятеля лѣса, облегающаго селеніе Ярыхъ-Су-Аухъ, 7-го при взятіи съ боя Кишень-Ауха,

съ 7-го по 10-е въ частыхъ перестрѣлкахъ съ толпами Шамиля, происходившихъ при совершенномъ истребленіи этого селенія и при опустошеніи его окрестностей, и 18-го и 19-го въ жаркомъ дѣлѣ съ тѣми же толпами у укрѣпленія Бегляръ-Гирганъ. Съ 22-го іюня по 25-е сентября онъ участвовалъ въ возведеніи укрѣпленія Евгеніевскаго.

За отличіе въ этой экспедиціи, 1-го января слѣдующаго года, Бибановъ награжденъ чиномъ штабсъ-капитана, со старшинствомъ съ 8-го мая 1841 года.

Въ теченіе 1842 года Бибановъ находился: въ мартѣ мѣсяцѣ при покореніи селенія Гимры, при постройкѣ и вооруженіи форта въ Унзукулѣ, въ движеніяхъ и форсированныхъ маршахъ по Агуши; 27-го при взятіи съ боя деревни Дароды; въ іюнѣ въ походѣ въ Аварію, при чемъ участвовалъ въ нѣсколькихъ сильныхъ перестрѣлкахъ и особенно 27-го числа при пораженіи непріятельской партіи у Иголльскаго ущелья, и 29-го въ упорномъ бою на горѣ Арахтау.

Въ это время былъ вновь сформированъ Самурскій отрядъ, подъ начальствомъ полковника князя Аргутинскаго-Долгорукова, умершаго въ 1855 году, въ чинѣ генералъ-лейтенанта и въ званіи генералъ-адъютанта, по поводу бунта Казыкумыкского ханства, передавшагося въ 1842 году Шамилю. Сраженіе при Кюлюли усмирило ханство; но войскамъ, подчиненнымъ князю Аргутинскому, предстояло еще обширное поле непрерывной борьбы въ разныхъ видахъ, въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время года въ Южномъ и Сѣверномъ Дагестанѣ. Прежде всего занялись приведеніемъ въ оборонительное положеніе тѣхъ пунктовъ, которые болѣе подвергались нападенію врага. Съ наступленіемъ же весны каждаго года производились непрерывныя передвиженія нашихъ войскъ, рекогносцировки опасныхъ мѣстъ; при этихъ операціяхъ не обходилось безъ стычекъ, безъ жаркихъ перестрѣлокъ съ горцами, во время взятія съ боя какого-либо аула, занятаго ими: но горцы всюду были преслѣдуемы и разсѣваемы; ни одно ихъ движеніе, ни одинъ набѣгъ ихъ не удавался; замыслы ихъ были вездѣ разстроиваемы. Бибановъ вмѣстѣ съ Ширванскимъ полкомъ находился въ этихъ непрерывныхъ тревогахъ, и постоянно вы-

казывалъ свою энергію, находчивость и изумительное знаніе характера горной войны.

Въ 1843 году Бибановъ участвовалъ въ удачномъ движеніи князя Аргутинскаго внутрь Дагестана; 5-го сентября во взятіи съ боя селенія Ругиджаба, въ преслѣдованіи непріятели къ Тилитли, 13-го въ нанесеніи пораженія скопищамъ Мюридовъ на Гоцатлинскихъ высотахъ, въ преслѣдованіи ихъ до Тануса, 15 и 16-го въ отраженіи частыхъ покушеній сильной партіи Шамиля, занимавшей этотъ аулъ, и 26-го въ движеніи въ Хунзахъ.

Въ этомъ послѣднемъ движеніи Бибановъ, съ незадолго предъ тѣмъ вновь-сформированною 4-ю гренадерскою ротою князя Варшавскаго полка, и уже доведенною имъ до высшей степени совершенства во всѣхъ отношеніяхъ, дѣйствовалъ столь отчетливо, какъ бы на маневрахъ. Князь Аргутинскій, свидѣтель его необыкновеннаго хладнокровія и распорядительности, въ порывѣ восторга вскричалъ: «Честью завѣряю, если бы отъ меня зависѣло, то далъ бы Бибанову два чина.» Это были какъ бы пророческія слова. Прошло едва полтора мѣсяца послѣ этого дня и Бибановъ заслужилъ такую лестную награду.

7-го ноября, немедленно по возвращеніи изъ экспедиціи въ штабъ-квартиру полка, Бибановъ получилъ приказаніе, съ тою же 4-ю гренадерскою ротою, какъ можно поспѣшнѣ доставить въ Темиръ-Ханъ-Шуру провіантъ изъ Низоваго укрѣпленія. До сихъ поръ, во всѣхъ исчисленныхъ прежде дѣлахъ, Бибановъ составилъ себѣ извѣстность въ отрядѣ; это же порученіе доставило ему случай къ отличію, обратившему на него не только вниманіе цѣлаго корпуса, но даже удостоившемуся особеннаго благоволенія въ Божѣ почившаго Государа Императора. Излагаемъ въ подробности совершенный имъ подвигъ, — наилучшее событіе его жизни.

Но прежде скажемъ нѣсколько словъ о положеніи Низоваго укрѣпленія.

Оно находилось въ Сѣверномъ Дагестанѣ, въ 3½ верстахъ отъ Каспійскаго Моря, въ 125 верстахъ отъ Дербента, на низкомъ берегу, подъ горою, на ребрахъ которой раскиданъ городъ Тарку, увѣнчанный крѣпостью Бурной. Эта гора составляетъ оконечность хребта Акуши и Мектули.

Звучное слово «укрѣпленіе» можетъ, пожалуй, не-Кавказца ввести въ обманъ, заставивъ въ самомъ дѣлѣ думать о какой-нибудь твердынѣ. Напротивъ, Низовое укрѣпленіе вовсе не походило на крѣпость. Когда существовала крѣпость Бурная, въ Низовомъ, составлявшемъ ея предмѣстіе, было расположено все хозяйственное заведеніе гарнизона и мѣсто это было обрыто канавою и обнесено незначительнымъ брустверомъ, безъ всякой фланговой обороны. Съ упраздненіемъ крѣпости Бурной, гарнизонъ былъ переведенъ на низъ; для помѣщенія его устроили довольно обширный форштадтъ, который также окопали рвомъ и обнесли брустверомъ, что и получило названіе укрѣпленія Низоваго. Такимъ образомъ это былъ не больше, какъ продолговатый отъ сѣверо-запада къ юго-востоку четырехугольникъ, съ двумя воротами, обведенный неглубокимъ рвомъ и небольшимъ валомъ съ плетнемъ: только этимъ и ограничивались всѣ оборонительныя средства Низоваго. Какъ на форштадтѣ, такъ и въ самой цитадели нельзя было найти мѣста, гдѣ бы можно было укрыться отъ ружейной пули. Для наблюденія же за окрестностью были устроены вышки по угламъ. Къ одному изъ этихъ угловъ косвенно примыкалъ небольшой параллелограмъ, въ которомъ находились кузницы, слесарня и другія потребности укрѣпленія. Внутренность Низоваго не представляла ничего замѣчательнаго: солдатскія казармы состояли изъ бѣлыхъ мазанокъ, уставленныхъ чинно въ рядъ.

Въ полуторѣ верстахъ отъ Низоваго, на юго-западъ, въ крутомъ ущельи, по скату горы, сверху до низу, раскинутъ городъ *Тарху*, мѣсто пребыванія шамхала Тарховскаго, къ которому отъ укрѣпленія вьется каменистая дорога, довольно крутая и столь узкая, что двѣ арбы съ трудомъ могутъ разъѣхаться; рядомъ съ дорогою бѣжитъ ручей, то скрывающійся въ жолобахъ и сакляхъ, то падающій съ шумомъ по камнямъ. Улицы въ Тарху кривыя и узкія, нерѣдко оканчивающіяся ни съ того ни съ сего стѣною. Домовъ или саклей, въ то время, считалось до 1,200; они большею частію смазаны изъ камня съ глиною. Почти посрединѣ города находится дворецъ шамхала, — единственное зданіе въ городѣ, которое можетъ быть названо домомъ, и отличающееся отъ частныхъ жилищъ величиною и тщатель-

стію отдѣлки, но съ такою же плоскою крышею, какъ и у нихъ. Жителей было до 5,000 душъ.

Надъ Тарху виситъ крѣпость *Бурная*, тогда уже оставленная. Къ ней вѣтся дорога крутая, вырытая въ горѣ: лошадь съ трудомъ тянется на эту крутизну, простирающуюся отъ города до крѣпости почти на полверсты. Первая крѣпостная стѣна, прикрывающая родникъ, изгибается подъ утесомъ, на которомъ стоитъ Бурная: здѣсь находятся первыя ворота, подлѣ которыхъ выстроена башня, и вытекаетъ ключъ, снабжающій крѣпость водою. Далѣе дорога идетъ между утесомъ и стѣной, и чѣмъ ближе къ крѣпости, тѣмъ путь каменистѣе. Много было нужно труда, чтобы проложить сколько нибудь удобный спускъ для сообщенія крѣпости съ родникомъ. Почти по срединѣ пути стоитъ башня, и отсюда крутой поворотъ направо: передъ глазами каменистая дорога, прорванная всеокрушающею силою пороха въ скалѣ, возвышающейся перпендикулярно на нѣсколько саженъ.

Бурная расположена на самой возвышенной части скалы, отвѣсно спускающейся въ Тарху съ высоты 100 саженъ. Окружность крѣпости не болѣе 450 саженъ. Съ трехъ сторонъ: западной, южной и восточной, она ограждена стѣною, имѣя съ сѣверной защитою перпендикулярный обрывъ. Стѣны выложены очень прочно; внутри находится прекрасное зданіе комиссаріата, гауптвахта и нѣсколько казармъ.

Выступивъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ самый день полученія приказанія, Бибановъ въ 6 часовъ слѣдующаго утра былъ уже въ Низовомъ укрѣпленіи. Здѣсь онъ узналъ отъ воинскаго начальника Грузинскаго линейнаго баталіона № 12, поручика Стоянова, о волненіи, обнаружившемся между Шамхальцами, и о томъ, что жители города Тарху обѣщали Шамилю драться противъ Русскихъ. Вслѣдъ за тѣмъ, возвратившіеся съ Буйнакскаго поста *) казаки раскрыли еще яснѣе положеніе дѣлъ: жители селенія Буйнакъ объявили имъ, что если они проведутъ на посту еще сутки, то непременно будутъ изрублены, и что нельзя ручаться за

*) Буйнаки — селеніе, верстахъ въ 40 отъ Низоваго.

ихъ безопасность и теперь, когда поѣдутъ по большой дорогѣ.

При такихъ обстоятельствахъ, понимая вполне важность возложеннаго на него порученія и поспѣшность, съ которою его слѣдовало исполнить, Бибановъ хотѣлъ, безъ особенныхъ формальностей, забрать провіанту, сколько могло помѣститься на транспортахъ, какъ изъ магазиновъ укрѣпленія, такъ и прямо съ рейда, гдѣ находилось еще до 700 четвертей не перевезенныхъ, и утромъ на другой день прямо отправиться въ Шуру. Но было уже поздно.

Ночью на 10-е число раздавались выстрѣлы въ сторонѣ Каспійскаго Моря, гдѣ былъ караулъ *) отъ 4-й линейной роты, при казенныхъ складахъ **) провіанта, инженернаго инструмента и проч.; потомъ видѣнъ былъ пожаръ этихъ складовъ, а утромъ загорѣлась и Туралинская-Ватага, находящаяся въ 15-ти верстахъ отъ Низоваго укрѣпленія. Утромъ же 10-го числа огромныя толпы Татаръ съ разныхъ сторонъ стекались къ рейду, а дымъ въ упраздненной крѣпости Бурной ***) извѣстилъ, что непріятель зажегъ и ее. Изъ этого сдѣлалось очевидно, что со 100 человекъ рядовыхъ, составлявшихъ роту, ввѣренную Бибанову, не было возможности доставить огромнаго транспорта въ Темиръ-Ханъ-Шуру, а рисковать на это значило безъ пользы терять людей и оставить на жертву гарнизонъ Низоваго. Въ такомъ положеніи Бибановъ рѣшился остаться въ укрѣпленіи и защищать его до послѣдней крайности. Около 8 часовъ утра прибылъ въ Низовое прапорщикъ Ходжаевъ съ командою егерей Кабардинскаго полка ****), доставившій Би-

*) Караулъ этотъ состоялъ изъ 15 человекъ рядовыхъ при унтеръ-офицерѣ, и весь погибъ тамъ, кромѣ двухъ раненыхъ рядовыхъ, явившихся утромъ.

**) Не смотря на приморское положеніе, здѣсь нѣтъ пристани; берегъ открытъ всемъ вѣтрамъ, скрываетъ подводные камни, одержимъ безпрестанными бурями и недовольно глубокъ. Единственныя суда, пристающія къ Тарху съ провіантомъ для войскъ, становятся на якорь въ значительномъ разстояніи отъ берега и разгружаются съ помощью лодокъ.

***) Два рядовые, бывшіе тамъ въ караулѣ, пропали безъ вѣсти.

****) Съ этою командою явились два кизлярскіе купца, спасшіеся во время разграбленія хищниками рейда.

банову отъ командовавшаго войсками предписаніе остаться въ укрѣпленіи, а порученіе передать Ходжаеву. Последняго, какъ видѣли, исполнить не было возможности: оставалось только укрѣпиться въ цитадели.

Цитадель эта имѣла внутри не болѣе 40 кв. сажень и была вооружена двумя крѣпостными орудіями, поставленными: одно на переднемъ фасѣ, другое на курганѣ въ задней части укрѣпленія. Съ утра 10-го числа принялись за исправленіе укрѣпленія и за переноску въ него дровъ на случай осады, а также приготовленіемъ зданій форштата къ пожару, откуда нижніе чины 4-й линейной роты *) съ ихъ женами и имуществомъ переходили въ цитадель.

Въ ней находилось уже три бунта сухарей, въ количествѣ 10 т. четвертей; сверхъ того былъ еще бунтъ сухарей съ соответственной пропорціею крупъ. Число людей, которыхъ слѣдовало помѣстить въ цитадели, состояло изъ 11 офицеровъ, 551 нижнихъ чиновъ, 42 малакановъ, 45 черводаровъ, 128 женщинъ, 76 дѣтей и 3 кунцовъ, выбѣжавшихъ изъ плѣна. Каждый изъ нихъ желалъ имѣть при себѣ нѣкоторое имущество, а допустивъ это, цитадель, или лучше—120 квадр. шаговъ сдѣлалась бы въ короткое время одною огромною кучею, которую защищать было бы почти невозможно. Большихъ трудовъ стоило Бибанову возбудить общее единодушіе защищаться противъ многочисленнаго непріятеля и сроднить всѣхъ съ мыслию, что пожертвованія частныя необходимы для пользы общей. Ожидая скорой помощи изъ Шуры, разнородные жители Низоваго укрѣпленія жалѣли отдать на разграбленіе хищниковъ своихъ лошадей и скотъ; они медленно заготовляли дрова, высчитывая труды и издержки, употребленные для этого, и, наконецъ, вмѣсто того, чтобы помогать нижнимъ воинскимъ чинамъ начинять сѣномъ зданія форштата и готовить ихъ къ пожару,— что было необходимо для усиленія обороны цитадели, — они заваливали въ своихъ домахъ выходы и

*) Около крѣпости подъ ружейнымъ огнемъ устроивается на Кавказѣ обыкновенно форштатъ для помѣщенія женатыхъ нижнихъ чиновъ, гдѣ они заводятся домашнею птицею и скотомъ и живутъ какъ поселяне.

окна, чтобы не дать возможности и другимъ исполнить это приказаніе *).

Не смотря на всѣ затрудненія, къ утру 11 числа Бибановъ готовъ былъ встрѣтить непріятеля. Ровъ въ цитадели очистили; брустверь по возможности исправили и обнесли колючкою; часть зданій форштата, людьми его роты и коннаго транспорта, была приготовлена къ пожару и, наконецъ, лошадей и скотъ, казенный и частный, помѣстили подъ выстрѣлами на площади между цитаделью и воротами со стороны моря.

11-го числа, около 8 часовъ утра, показался непріятель; раздался первый нашъ пушечный выстрѣлъ, и съ тѣхъ поръ, до окончанія осады, перестрѣлка прекращалась только за темнотою ночи. Непріятель расположился вокругъ укрѣпленія и открылъ огонь.

За часъ до вечера того же дня одинъ Татаринъ подѣхалъ къ воротамъ форштата, имѣя папаху поднятою на ружьѣ и крича, чтобы по немъ не стрѣляли. Караулъ привелъ его къ Бибанову: это былъ посланный Магомета, кадія Акушинскаго, съ предложеніемъ о сдачѣ. «Гергебиль взять, и Шура обложена Шамилемъ,—сказалъ онъ;—въ Кази-юртѣ съ Евдокимовымъ войскъ мало; изъ Дербента помощи ожидать нельзя: тамъ одинъ линейный баталіонъ и сообщеніе перерѣзано. Кадій нашъ имѣетъ здѣсь 6 т. Мюридовъ; завтра привезутъ одно орудіе, а послѣ завтра придутъ еще 6 т. и другое орудіе. Защищаться вамъ противъ такихъ силъ бесполезно; и потому кадій, по своему человѣколюбію, не желая напрасно губить людей, предлагаетъ сдаться, обѣщая всѣмъ пощаду; въ случаѣ же отказа—послѣдуетъ жестокое наказаніе.» Чувство самоохраненія заставило его тогда же рассказать, что онъ взятъ Мюридами въ плѣнъ и очень расположенъ къ Русскимъ. Онъ кончилъ вопросомъ: «отпустятъ—ли его?» Толпы горцевъ бѣзмолвно наблюдали, что будетъ съ ихъ посланнымъ. Оставивъ его на томъ же мѣстѣ

*) Въ окрестностяхъ Низоваго хотя растетъ лѣсъ, но онъ такъ мелокъ и тонокъ, что не годится ни на какое употребленіе: это скорѣе кустарникъ, а не лѣсъ; для отопленія берутъ самыя дрянныя дрова версгъ изъ-за 15; хорошій же строевой лѣсъ доставляется изъ Шуры.

подъ присмотромъ, Бибановъ отвѣчалъ, что по окончаніи нѣкоторыхъ приготовленій къ защитѣ, его отправятъ къ кадію съ объявленіемъ ему, что укрѣпленіе намѣрено защищаться до послѣдняго человѣка, — и немедленно приказалъ зажечь форштатъ.

Вскорѣ форштатъ задымился, караулы быстро стянулись, парламентаръ введенъ въ цитадель и мостъ поднятъ; толпы горцевъ, покровительствуемые дымомъ и сумерками, хлынули на форштатъ, и большею частію бросились на лошадей и скотъ. Прорвавшееся пламя, въ загорѣвшихся зданіяхъ форштата, ярко освѣтило картину грабежа. Хищники, увлекаемые корыстью, подбѣгали очень близко къ укрѣплѣнію и за дерзость платили жизнью. За часъ до свѣта шумъ на форштатѣ умолкъ, и только караулы кой-гдѣ мелькали ереди пожара, между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слышны были удары топоровъ. Такъ началась осада Низоваго укрѣпленія.

На зарѣ 12-го числа непріятель изъ Тарху потянулся на форштатъ. Часть его, занявъ ближайшія зданія въ цитадели, уцѣлѣвшія отъ пожара, пробила въ нихъ бойницы и открыла сильный и мѣткій огонь; другая же и большая часть принялась за устройство заваловъ изъ оставшихся дровъ. Еще въ продолженіе ночи горцы собрали, въ разныхъ открытых мѣстахъ, огромныя кучи лѣса. Расположившись за этими кучами и выдвигая постепенно въ-право и въ-лѣво отъ себя бревна, они устроили первоначально почти непрерывный заваль, чрезъ который, перекидывая на нашу сторону лѣсъ и фашиинникъ, такимъ образомъ устраивали, подобный первому, второй заваль ближе къ намъ и т. д. Этими завалами непріятель постепенно подвигался къ цитадели въ продолженіе всей осады, бывъ совершенно прикрытъ отъ нашего ружейнаго огня. Но за то ядра наши ему сильно надоѣдали. Кромѣ этихъ работъ и перестрѣлки, Магометъ-кадій ничего не предпринималъ во весь день и слѣдующую ночь.

Изъ описанныхъ приготовленій къ защитѣ видно, что въ дѣйствіяхъ нашихъ не было ни единодушія, ни совокупности: необходимо было, для всѣхъ командъ, составлявшихъ гарнизонъ, одинъ общій начальникъ. Бибановъ, чувствуя себя способнымъ для предстоящихъ дѣйствій, вступилъ въ командованіе. Первою его заботою было обезпечить себя

патронами и артиллерійскими зарядами и возвысить слишкомъ низкій валъ цитадели, невыгоду котораго ясно показалъ день 12-го ноября, когда непріятельскіе стрѣлки засѣли на крышахъ уцѣлѣвшихъ зданій форштата. Огнестрѣльные припасы оказались надежны, но готовыхъ зарядовъ пушечныхъ и ружейныхъ было недостаточно. По этому всѣ патронщики гренадерской роты, дѣти солдатъ и малаканы были посажены дѣлать холостые патроны; пули же положено раздавать на руки; солдатскія жены шили изъ мѣшковъ и разнаго холета картузы для артиллерійскихъ зарядовъ. Въ продолженіе ночи на 13-е число по всему валу цитадели и на батареяхъ поставлены стоймя кули съ мукой, оставивъ только промежутки для бойницъ; чрезъ это брустверъ возвысился на 3 фута.

13-го числа, до разсвѣта, огромныя толпы Татаръ тянулись къ Таркамъ, а на форштатъ Низоваго везли на арбахъ фашиинникъ. Когда насталъ день, то къ сторонѣ Жидовской слободы, шагахъ въ 300 отъ цитадели, была видна правильная насыпь; оттуда вскорѣ прилетѣло къ намъ первое непріятельское ядро, за нимъ другое, и горцы открыли довольно частую пушечную пальбу; но мѣткіе выстрѣлы съ нашей верхней батареи заставили непріятеля быть осторожнѣе; послѣ каждаго своего выстрѣла онъ долженъ былъ пригнать орудіе, и отъ того пальба его сдѣлалась рѣдкою и не мѣткою. Батарея эта дѣйствовала по цитадели въ продолженіе всей осады.

Передъ вечеромъ, съ сѣверной стороны поднялся вѣтеръ, усилившійся до того, что съ оставшихся домовъ форштата были сорваны крыши, и доски отъ нихъ носились по воздуху. Непріятель воспользовался вѣтромъ и зажегъ колючку *) и форштатъ; вѣтеръ рвалъ огонь и бросалъ на нѣсколько саженей впередъ головни, которыя падали на бунты съ провіантомъ и пороховой погребъ; всю лѣвую половину цитадели затопило дымомъ. Положеніе дѣлалось затруднительнымъ: потушить огонь осталось одно средство—вырубать впереди вала колючку. Подпоручикъ Капцовъ и нѣсколько гренадеръ вызвались это исполнить. Они выпрыгнули

*) Колючкой усаживается брустверъ вмѣсто палисада.

въ ровъ съ шанцовымъ инструментомъ и въ одну минуту колючка впереди вала вырублена и выброшена за ровъ.

Непріятель, пользуясь сильнымъ дѣйствіемъ огня, прикрытый дымомъ и начинавшимися сумерками, съ ужаснымъ крикомъ бросился на цитадель; и когда огонь, добѣжавъ до очищеннаго мѣста, погасъ, а дымъ въ одно мгновеніе пронесло вѣтромъ, то храбрѣйшіе изъ нихъ были у самага рва; картечь и мѣткій ружейный огонь остановили горцевъ. Въ этотъ день они понесли значительную потерю.

Во время штурма у одного изъ нашихъ орудій треснула цапфа, а между тѣмъ приступъ показалъ, что фасамъ цитадели, и въ особенности рву, необходимо дать фланговую оборону. Для исправленія этого недостатка, не смотря на темноту ночей, холодное, ненастное время и недостатокъ матеріаловъ, успѣшно втащили на батарею и положили на подмости три чугунныя орудія, лежавшія у пороховаго погреба.

Въ ночь на 14-е число непріятель подвезъ еще другое орудіе и поставилъ его въ церкви, шагахъ въ 70 отъ цитадели, и съ разсвѣтомъ открылъ огонь. Но осажденнымъ удалось обрушить въ церкви стѣну и тѣмъ заставить замолчать орудіе на цѣлый день, въ теченіе котораго горцы не предпринимали ничего особеннаго, продолжая заниматься устройствомъ заваловъ. На слѣдующую ночь они перетаскали орудіе изъ церкви въ форштатъ на курганъ и начали снова пальбу по цитадели. Но послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ это орудіе было подбито и съ тѣхъ поръ не являлось болѣе въ дѣло. Пользуясь вѣтромъ, поднявшимся съ моря, непріятель еще разъ пытался зажечь цитадель, предавъ огню стоги сѣна, бывшіе за рвомъ форштата со стороны моря; но вѣтеръ вскорѣ стихъ и предпріятіе горцевъ было безуспѣшно.

Въ этотъ же день, три донскіе казака, изъ числа прибывшихъ съ Буйнакскаго поста, просили отпустить ихъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, чтобы передать вѣсть о положеніи укрѣпленія. Разсчитывая невозможность исполнить это, по многочисленности непріятеля, и зная, что казаки не говорятъ по-татарски, Бибановъ полюбопытствовалъ спросить: какія имѣютъ они средства пробраться въ Шуру? Казаки отвѣчали: «ночи теперъ такъ темны, что можно неза-

мѣченнымъ проползти мимо непріятельскихъ часовыхъ, а если два изъ нихъ и погибнутъ, то, можетъ быть, третьему удастся увѣдомить начальство.» Поблагодаривъ ихъ за столь отважную рѣшимость, Бибановъ отказалъ однако же въ просьбѣ: при ежедневной убыли людей, каждый человѣкъ былъ дорогъ, а тѣмъ болѣе люди съ такимъ самоотверженіемъ.

Въ ночь на 16-е число положены послѣднія орудія на подмости. У непріятеля же, во всю ночь, слышенъ былъ скрипъ арбъ. Утромъ у нихъ оказались огромныя кучи заготовленныхъ фашиновъ и шесть катковъ, медленно подвигавшихся къ укрѣпленію; каждый въ діаметрѣ былъ въ ростъ человѣка, а въ длину могъ прикрыть отъ 8 до 10 человѣкъ, поставленныхъ рядомъ. Телеги нашихъ воловьего и коннаго транспортовъ были сняты съ колесъ и между ихъ ящиками засѣло множество Мюридовъ. Нѣсколько выстрѣловъ картечью изъ вновь устроенной батареи разогнали послѣднихъ; но катки подвигались впередъ. Выстрѣлы наши противъ нихъ были первоначально неудачны, но наконецъ залпъ изъ трехъ орудій по ближайшему катку разорвалъ его, потомъ уничтожены еще три; Мюриды изъ-за остальныхъ двухъ бѣжали, не дожидаясь новыхъ залповъ. Число непріятелей въ этотъ день значительно уменьшилось.

Передъ вечеромъ, Мюриды, разговаривая съ солдатами, совѣтовали имъ убить офицеровъ и сдаться, обѣщая пощаду; въ противномъ случаѣ — грозили мучительною смертію по взятіи укрѣпленія. Солдаты отвѣчали ругательствомъ.

17-го числа, около 9-ти часовъ утра, по дорогѣ изъ Буйнакъ въ Тарху, показался непріятель въ огромныхъ толпахъ. Немного спустя со всѣхъ крышъ города и Жидовской слободы начали стрѣлять залпами, а чрезъ полчаса отъ деревни Куртумъ-Кале выѣхалъ длинный строй непріятельской кавалеріи въ бѣлыхъ чалмахъ, и, не доѣзжая къ Жидовской слободѣ саженой на 100, сдѣлалъ цѣлымъ фронтомъ залпъ. Это была помощь, присланная Шамилемъ, находившимся въ то время въ Казанищахъ. Узнавъ изъ донесенія Магомета-кадія, что Шамхальцы и Акушинцы отъ ежедневныхъ потерь лишаются охоты взять Низовое, онъ, чтобы возбудить ихъ упавшій духъ, прислалъ тысячу человѣкъ отборнѣйшихъ Мюридовъ. Не прошло часа по прибы-

ти этой помощи, какъ мюриды, оставивъ въ селеніи лошадей, бросились въ завалы и работа закипѣла. Не смотря на убійственный съ нашей стороны огонь, они не прекращали работы цѣлый день и понесли огромную потерю, что доказывалось множествомъ выносимыхъ и выводимыхъ раненыхъ за форштатъ. Въ укрѣпленіи, женщины и дѣти, видя такое упорство непріятели, пришли въ отчаяніе.

Передъ вечеромъ, фельдфебель роты Бибанова, Андрей Грачевъ, просилъ у него позволенія сдѣлать ночью вылазку съ 50-ю человѣками охотниковъ, съ тѣмъ, чтобы выгнать непріятели изъ заваловъ и самые завалы сжечь. Согласиться на это значило послать 50 человѣкъ на вѣрную гибель и лишитъ укрѣпленіе, въ минуту самую рѣшительную, лучшихъ его защитниковъ. Бибановъ отказалъ въ просьбѣ.

Всю ночь непріятели устроивалъ завалы; Бибановъ же, съ своей стороны, въ ожиданіи на другой день штурма, сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: полтораста мѣшковъ, набитыхъ порохомъ, положены на валъ, съ тѣмъ, чтобы въ то время, когда горцы ползутъ на брустверъ, бросать мѣшки въ ровъ и взрывать ихъ, для чего было достаточно невооруженныхъ людей. Въ паркъ послано приказаніе взорвать порохъ, въ то время, когда не будетъ уже возможности выгнать непріятели, занявшаго цитадель. Раненые положены на крышу порохового погреба; женщинамъ и дѣтямъ приказано собираться туда же.

Въ ночь на 18-е ноября непріятели подвинулъ къ укрѣпленію свои завалы шаговъ на 35; противъ ближайшаго изъ нихъ Бибановъ приказалъ построить батарею изъ кулей, пересыпанная ихъ землею *). Ожидая рѣшительнаго и, можетъ быть, послѣдняго боя, Бибановъ старался объяснить всѣмъ, въ особенности малаканамъ, что когда удастся отбить непріятели, то во второй разъ штурмовать онъ, вѣроятно, не рѣшится, а къ укрѣпленію скоро подоспѣетъ помощь; но когда же непріятели возьметъ цитадель, то, судя по его ожесточенію, плѣна ожидать нельзя, а если кто и оставленъ будетъ въ живыхъ, то Мюриды заставятъ его принять маго-

*) Во время этой работы, бунтъ, изъ котораго брали кули, обвалился и задавилъ двухъ черводаровъ.

метанскую вѣру. На это старшина малаканъ отвѣчалъ: «нѣтъ, родной, лучше погибнуть всѣмъ, чѣмъ даваться въ полонъ этимъ бусурманамъ», и, обратясь къ своимъ, сказалъ: «пойдемъ—ка, ребята, приберемся». Насадивъ косы и топоры на древки, они расположились между стрѣлками.

Наконецъ, 12-го числа, на зарѣ, непріятели завалы были уже шагахъ въ 20-ти отъ рва. Перестрѣлка, какъ обыкновенно, началась съ разсвѣтомъ. Около 8-ми часовъ утра послышался на сторонѣ Озени дальній пушечный выстрѣлъ; вслѣдъ за тѣмъ раздался болѣе сильный выстрѣлъ, потомъ третій и показался дымокъ. Осажденные вздохнули легче. Низовое было спасено.

Вскорѣ заблестали штыки и показались колонны: это былъ отрядъ генерала Фрейтага. Непріятели быстро двинулся изъ форштата Жидовской слободы и изъ Тарху на встрѣчу къ подхлѣбшимъ русскимъ войскамъ. Генералъ Фрейтагъ произвелъ искусное движеніе, въ намѣреніи увлечь толпы горцевъ на равнину къ морю. Непріятели вдался въ обманъ и потерпѣлъ сильное пораженіе. Все потянулось изъ Тарху къ морю, а изъ укрѣпленія провожали ихъ прощальными ядрами. Въ это время на форштатѣ осталось нѣсколько человѣкъ Мюридовъ, старавшихся взять значки, разставленные въ разныхъ мѣстахъ; но усиленный огонь на эти пункты съ нашей стороны помѣшалъ это исполнить, и значки, числомъ до двѣнадцати, достались въ руки пришедшему отряду.

Со времени поднятія моста до минуты освобожденія Низоваго укрѣпленія, всѣ находившіеся въ цитадели старались, чѣмъ кто могъ, вспомоществовать общему дѣлу въ оборонѣ. При началѣ же, пока не освоились съ своимъ положеніемъ и опасностями, нѣкоторые тревожились будущностію; но на третій и въ послѣдующіе дни во всѣхъ поселилась увѣренность въ своихъ силахъ, и уже равнодушно смотрѣли на озлобленныя толпы горцевъ.

Незабвенный Государь Императоръ Николай Павловичъ, щедрый цѣнитель дѣлъ доблести, Всемилостивѣйше произвелъ Бибанова, 12-го декабря того же года, въ капитаны, со старшинствомъ съ 16-го ноября, а на слѣдующій день въ майоры и пожаловалъ, 19 февраля слѣдующаго года, по удостовѣренію Кавалерской Думы военнаго ордена Св. Георгія, кавалеромъ этого ордена 4 степени. Сверхъ того онъ

получилъ отъ Монаршихъ щедротъ единовременно 345 рублей, въ вознагражденіе понесенной имъ при осадѣ потери имущества. Столь же милостивыхъ наградъ удостоились и прочіе участники славной защиты.

Начиная съ перваго дня по освобожденіи, въ теченіи слѣдующаго мѣсяца, Бибановъ снова находился постоянно въ движеніяхъ и дѣлахъ и, между прочимъ, участвовалъ 15 декабря въ пораженіи генералъ-лейтенантомъ Гурко скопищъ Шамиля, при селеніи Большія Казаница.

Въ слѣдующемъ году онъ участвовалъ въ трудной экспедиціи, подъ начальствомъ князя Аргутинскаго, продолжавшейся съ января по октябрь; 13-го января онъ находился въ дѣлѣ съ многочисленнымъ скопищемъ горцевъ, атаковавшимъ нашу позицію при селеніи Беряккее, и потомъ при взятіи съ боя аула Джамикенту; 4-го марта при пораженіи значительныхъ силъ горцевъ и взятіи съ боя аула Дювека; 24-го апрѣля при пораженіи у селенія Марги непріятельскихъ скопищъ, занимавшихъ здѣсь крѣпкую позицію, и, вслѣдъ за тѣмъ, при овладѣніи съ боя переваломъ Бешкента, Цагамо и высотой Дучра-Гатырь; ночью съ 8 на 9-е іюня, въ кровопролитномъ дѣлѣ на хребтѣ Доккуль-бяръ, гдѣ непріятеля было слишкомъ 8,000 человекъ Сюргинцевъ, изъ которыхъ большая часть легла на мѣстѣ.

24-го іюня нашъ отрядъ выступилъ въ общество *Дарго*. При этомъ Бибановъ участвовалъ 30-го числа въ общемъ стремительномъ наступленіи на горцевъ и въ овладѣніи ауломъ Цудахаръ и двумя мостами—черезъ Казы-Кумухское койсу и Салтинскимъ черезъ Кара-койсу и, послѣ быстрыхъ и смѣлыхъ переходовъ по неимоверно-трудной гористой мѣстности, не смотря на суровую осень, въ покореніи укрѣпленныхъ ауловъ Согратля и Тилитля,—чѣмъ блистательно окончилась эта экспедиція, — за отличіе въ которой Бибановъ Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4 степени съ бантомъ.

Не смотря на непрерывныя пораженія и неудачи, горцы продолжали тревожить наши владѣнія со стороны Казы-Кумухскаго ханства; разбойническіе ихъ набѣги возобновились и въ слѣдующемъ году. Батальонъ Бибанова участвовалъ въ противудѣйствіи имъ. Во время демонстрацій у переправъ черезъ рѣку Кара-койсу онъ былъ въ непрерывныхъ

перестрѣлкахъ съ непріятелемъ: потомъ онъ находился при истребленіи ауловъ — 8-го іюля Кегера и 21-го Гачаду — мѣстопробываній измѣнниковъ Асланъ-Кадія и Даніель-Бека, участвовалъ 1 іюля въ отраженіи сильно преслѣдовавшаго насъ непріятеля, при отступленіи къ урочищу Инувгечиף-гель и 24 іюля въ сильномъ пораженіи ихъ скопищъ. Въ воздаяніе за отличное мужество и храбрость, оказанныя въ эту кампанію, Бибановъ, согласно опредѣленію главнокомандовавшаго, Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ Св. Анны 2 степени.

Въ 1846 году Бибановъ снова ходилъ въ походъ съ княземъ Аргутинскимъ, не менѣе прежнихъ ознаменованный сильными пораженіями и неудачами горцевъ. Во время же движенія отряда къ Салтамъ и на Тлесерахъ-чай Бибановъ съ своимъ батальономъ оставленъ на Турчидагѣ для удержанія позиціи. 17-го августа онъ участвовалъ въ совершенномъ разбитіи Лезгинъ у Согратля; наконецъ въ сентябрѣ—въ смѣломъ и расчитанномъ маневрѣ въ тылъ Шамилю, вторгнувшемуся въ Акушу, которымъ непріятельскія силы были развлечены и вскорѣ предѣлы нашихъ владѣній очищены отъ горскихъ скопищъ.

Походъ 1847 года, бывший для Бибанова послѣднимъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые должны занять первое мѣсто въ лѣтописяхъ Корпуса, — говоримъ о штурмѣ Гергебиля и объ осадѣ Сальтъ. На первомъ, 4-го іюля, впереди нашихъ колоннъ шли два молодца, оба увѣщенные Георгіемъ: предъ Апшеронцами — подполковникъ Евдокимовъ, предъ Ширванцами — Бибановъ. Въ эту торжественную минуту нашъ герой, думая только о славѣ, кричалъ Евдокимову: «хлѣбъ соль вмѣстѣ, а пушечки врознь!» Князь Воронцовъ, славный и испытанный вождь, умѣвшій съ полною справедливою цѣнить и отличать дѣла доблести, видя такую отвагу, восхищенный стремительною, съ какою шли несравненныя батальоны, билъ въ ладоши храбрецамъ. Бибановъ на этомъ штурмѣ раненъ *въ первый* разъ въ жизни, но остался на конѣ, не покидая мѣста, а храбрый Евдокимовъ убитъ. Вслѣдъ за этимъ Бибановъ успѣшно дѣйствовалъ при движеніи отъ Гергебиля къ Ходжалмахи, бывъ, по обыкновенію, въ первыхъ рядахъ. Главнокомандовавшій опредѣлялъ: «въ воздаяніе отличнаго мужества и

храбрости въ обоихъ этихъ дѣлахъ наградить его золотою полусаблею съ надписью за храбрость, » что и было утверждено Государемъ Императоромъ.

Возвратившись на Турчидагъ, отрядъ снова выступилъ въ походъ и прибылъ къ укрѣпленному аулу Салты, предъ которымъ расположился лагерь съ двухъ сторонъ, и началъ осаду. Все, что Шамиль могъ приказать собрать противъ дѣйствій нашего отряда, было расположено лагеремъ близъ Салтинскаго моста, по правому берегу Кара-койсу, на господствующихъ высотахъ. Горцы, предводимые извѣстнымъ изувѣромъ Хаджи-Муратомъ, то нападали съ обычнымъ мужествомъ на нашъ лагерь, то дѣлали вылазки, чтобы воспрепятствовать правильному ходу осады, отъ которой зависѣла судьба одного изъ ихъ первостепенныхъ ауловъ; но ихъ усилія были тщетны: вылазки и нападенія каждый разъ отражались съ жестокимъ со стороны непріятеля урономъ. Бибановъ постоянно былъ въ дѣлахъ и, между прочимъ, участвовалъ въ нападеніяхъ на фланги позиціи горцевъ, произведенныхъ подъ личнымъ начальствомъ главнокомандовавшаго, ночью съ 6 на 7 и съ 8 на 9-е августа; но ему не суждено было видѣть паденіе Салты—торжества нашихъ войскъ.

22-го августа наша артиллерія открыла дѣйствіе съ одной изъ батарей; вскорѣ наружныя стѣны аула и нѣсколько внутреннихъ строеній пали, и колонна генерала Бюрно, изъ двухъ баталіоновъ: 3-го полка князя Варшавскаго — подъ командою Бибанова и Самурскаго — подъ начальствомъ подполковника Болотникова, заняла Салтинскіе сады и укрѣпленія съ этой стороны.

Тогда непріятель рѣшился на отчаянную мѣру: ночью произвелъ онъ стремительное нападеніе на войска наши въ садахъ, и семь разъ съ ожесточеніемъ возобновлялъ его, но каждый разъ былъ отбиваемъ съ урономъ. Позицію блистательно отстояли. Но это не обошлось для насъ безъ большой потери. Въ числѣ другихъ храбрыхъ тутъ геройски палъ и Бибановъ.

Ближе всѣхъ къ аулу на этомъ мѣстѣ нашей позиціи находились двѣ роты баталіона Бибанова, командуемая поручикомъ Сокольниковымъ и подпоручикомъ Форбрихеромъ. Остальныя двѣ роты баталіона, при которыхъ находился самъ Бибановъ, стояли за ними, въ резервѣ. Солдаты гото-

вились къ ужину; какъ вдругъ, почти внезапно, послѣдовало самое стремительное нападеніе горцевъ. Наши едва успѣли схватить оружіе. Сокольниковъ и Форбрихеръ были изрублены. Горцы съ бѣшенствомъ бросились на наши орудія. Бибановъ лично защищалъ одно изъ нихъ. Каждый ударъ его шанки наносилъ смерть врагамъ. Но сила превозмогла, и Бибановъ палъ на пушкѣ, пораженный тремя пулями.

Тѣло его было перевезено въ укрѣпленіе Кумухъ. Въ эту экспедицію въ іюнѣ мѣсяцѣ я встрѣтилъ Бибанова раненымъ; въ іюлѣ онъ — меня; наконецъ въ августѣ мнѣ привелось его похоронить. Странная судьба!

Могила Бибанова находится на площади передъ укрѣпленіемъ, на которой погребено и нѣсколько другихъ офицеровъ, павшихъ въ разныя времена въ дѣлахъ съ горскими народами. Послѣдній его приютъ покрываетъ большой памятникъ, украшенный однимъ только Георгіевскимъ крестомъ, и сооруженный по подпискѣ, собранной, въ короткое время, его товарищами.

Въ продолженіе осьми лѣтъ своего пребыванія на Кавказѣ, Бибановъ приобрѣлъ общую любовь и уваженіе всѣхъ его знавшихъ. Память этого человѣка священна для каждого, кто чтитъ доблесть русскую. Даже Татары, до-сихъ-поръ, проходя мимо его могилы, снимаютъ шапку предъ покоющимися останками храбраго. Это былъ челоуѣкъ рѣдкой души, прекраснѣйшихъ правилъ; узнавъ его, нельзя было не полюбить. Но онъ рѣдко высказывался на словахъ, и только на дѣлѣ обнаруживалъ все прекрасное, — чувства самыя возвышенныя, таившіяся въ закаленной въ бояхъ его груди. Набожный христіанинъ, вѣрный слуга Государевъ, горячо привязанный къ родинѣ, истинный отецъ-командиръ подчиненныхъ, безстрашный воинъ, чудный товарищъ, Бибановъ былъ твердъ и терпѣливъ въ нуждѣ, отваженъ и смѣлъ въ минуту опасности, кротокъ и смиренъ духомъ въ годину счастья; безукоризненъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Онъ, какъ вполне русскій челоуѣкъ, съ дѣтства привыкъ находить въ религіи утѣшеніе, опору и надежду; Вѣра подкрѣпляла его въ самыя тяжкія мгновенія; она внушала ему геройское самоотверженіе и презрѣніе опасностей. Эти вы-

сокія религіозныя чувства Бибановъ неукоснительно поддерживалъ и между своими подчиненными, требуя отъ нихъ строжайшаго выполненія обрядовъ Церкви, и самъ подавая въ томъ примѣръ.

Священные для насъ имена Царя и Отечества, своею нераздѣльностью составляющія силу, благоденствіе и славу Россіи, для Бибанова были предметомъ самаго живого, самаго горячаго поклоненія. Эти чувства, а не личныя выгоды тщеславія или корысти, были единственнымъ его душевнымъ предметомъ, его девизомъ. Бибановъ служилъ не потому, что *желалъ* служить, но потому, что *считалъ* долгомъ до истощенія силъ, до гробовой доски участвовать служеніемъ своимъ въ благоденствіи и славу Россіи. Для него служба была дѣломъ священнымъ, и составляла не эпизодъ жизни, а самую жизнь.

И служилъ Бибановъ Царю истинно по-русски: сосредоточивая постоянно и исключительно всю дѣятельность свою на строжайшемъ исполненіи служебныхъ обязанностей, во всегдашнемъ, точнѣйшемъ, безусловнѣйшемъ исполненіи всего постановленнаго, какъ бы это тягостно ни было для его личныхъ выгодъ, желаній и произвола; въ исполненіи всего этого по честному чувству долга, налагаемаго службой, не разсуждая о томъ, касается ли это предметовъ важныхъ или малозначительныхъ, и вовсе не разсчитывая, будетъ ли его исполненіе замѣчено, или не замѣчено начальствомъ, онъ съ одинаковою покорностію всегда готовъ былъ умереть подъ знаменами, когда потребуетъ этого долгъ и честь службы, — что славно доказалъ на дѣлѣ, — и не позволялъ себѣ, вопреки ея порядку, и малѣйшаго отступленія отъ самой формы одежды, даже въ такое время, когда могъ быть совершенно увѣреннымъ, что этого отступленія никто не увидитъ. И такое строгое исполненіе долга онъ отнюдь не считалъ особою добродѣтелью, но простою служебною обязанностію, которую добровольно принялъ на себя всякій, вступившій въ военную службу, вмѣстѣ съ присягою: честно, вѣрно и усердно исполнять все, что только будетъ требовать долгъ службы.

Подавая собою примѣръ строжайшей подчиненности и повиновенія, Бибановъ и самъ вполне зналъ трудную науку начальствовать: «у меня, говорилъ, не зѣвать!» И дѣйстви-

тельно, ввѣренную ему часть онъ доводилъ до того, что каждое его слово было для нея закономъ. Крикнетъ, бывало, Бибановъ громовымъ своимъ голосомъ, — батальонъ уже встрепенулся, готовъ! Но, бывъ самъ самолюбивъ, — въ благородномъ значеніи этого слова, — онъ старался исправлять и другихъ, дѣйствуя на ихъ самолюбіе. Онъ покорялъ людей своей волѣ, не оскорбляя ихъ, господствовалъ надъ страстями подчиненныхъ, не унижая нравственнаго ихъ достоинства, побѣждалъ сопротивленія, не возбуждая непокорности, но достигалъ этого простымъ требованіемъ безусловнаго повиновенія. Всякое нарушеніе дисциплины, ослушаніе или неуваженіе къ старшимъ, онъ искоренялъ въ своихъ людяхъ безъ малѣйшаго послабленія. Но, неусыпно наблюдая, чтобы его подчиненные въ точности и усердно исполняли свои обязанности, побуждая ихъ къ тому всеми законными средствами, Бибановъ никогда ни малѣйшимъ образомъ не употреблялъ во зло своей власти, и отнюдь не отягощалъ подчиненныхъ дѣлами, къ ихъ должности не относящимися. Онъ строго взыскивалъ съ подчиненныхъ за проступки, но никогда не унижалъ ихъ званія, и не ставилъ себѣ за правило карать всякую малѣйшую вину, даже неумышленную, избѣгая шума по пустому. Въ то же время, Бибановъ, въ обращеніи съ подчиненными, не позволялъ себѣ ни малѣйшей невѣжливости, постоянно стараясь пріобрѣсть ихъ любовь, уваженіе и довѣренность.

Любя порядокъ до чрезвычайности, онъ выражалъ это всегдашнею своей поговоркой: «чинно — ладно.» За то въ его части и было что поглядѣть, было чѣмъ полюбоваться! Всему свой порядокъ, все на своемъ мѣстѣ, — и муха не смѣетъ пролетѣть безъ приказанія! Чуть свѣтъ, бывало, Бибановъ уже на ногахъ, и вездѣ его глазъ, вездѣ онъ доглядитъ: лѣнливаго — пугнетъ, прилежнаго — похвалитъ, неумѣху — на толкъ наведетъ. Въ ротѣ или въ батальонѣ онъ былъ, какъ душа—въ тѣлѣ.

О благосостояніи нижнихъ чиновъ Бибановъ пекся, сколько могъ; улучшение ихъ участи было постоянною его заботою. Люди, составлявшіе его прислугу, пользовались всегда большими удобствами, нежели онъ самъ; и когда ему дѣлали вопросъ, «для чего онъ это дѣлаетъ?» — Бибановъ

отвѣчалъ: «Гмъ! надо напередъ дать всѣ средства, а потомъ уже требовать.»

Незнавшій Бибанова поглядитъ — страшно подступиться! Такой строгій начальник! а ребенка малаго не обидѣлъ. Съ каждымъ ласковъ и привѣтливъ; во всякое время принималъ каждаго, желавшаго переговорить съ нимъ; хоть въ полночь — выслушаетъ; сдѣлаетъ все, что можно; безъ помощи не оставитъ. Честное, добродѣтельное сердце его не отказывало никому въ справедливыхъ требованіяхъ, и если могъ, онъ всегда облегчалъ участь каждаго. Но ужъ за то, бывало, держи ухо востро!... Бѣда, ежели замѣтитъ неправо дѣло, обманъ и нерадѣніе! Такую задасть передрагу, такъ иному бокъ назудитъ, что и дверей не найдетъ, и небо покажется съ овчинку. Вездѣ и все онъ зналъ, видѣлъ, слышалъ, и вездѣ успѣвалъ уладить, всему доброму, прекрасному сочувствовалъ.

Все это, вмѣстѣ съ беззавѣтною храбростію, возбуждало въ бывшихъ съ нимъ въ сношеніяхъ чрезвычайную къ нему привязанность и преданность, и дѣлало то, что солдаты обожали своего отца-командира, и готовы были, по одному его слову, идти въ огонь и воду.

Чудо-богатыри была 4-я гренадерская рота Ширванскаго полка, съ которою Бибановъ защищалъ Низовое. Съ этою же ротою, чрезъ 5 лѣтъ, и я имѣлъ счастье заслужить Монаршее вниманіе, отстоявъ Ахты. Съ такими людьми, какъ говорится, и смерть красна. 3-й батальонъ тогоже полка, которымъ онъ потомъ командовалъ, былъ посылаемъ всюду, гдѣ предстояла наибольшая опасность, и Бибановъ окровавленнымъ побѣдителемъ возвращался впереди батальона, съ рапортомъ, что «приказаніе исполнено въ точности.»

Наблюденіе за подчиненными онъ считалъ своими будничными днями, а праздники его состояли въ тревогахъ и схваткахъ съ непріателемъ. Тутъ выказывался онъ съ другой стороны.

Въ дѣлѣ Бибановъ былъ распорядителемъ, хладнокровенъ, всегда впереди той части, которою командовалъ. Тотъ, кто видѣлъ его въ пылу сраженія, подъ свистомъ пуль, только тотъ вполнѣ можетъ судить, до какой степени храбрость его была очаровательна; всякое описаніе этому будетъ слабо.

Онъ совершалъ чудные подвиги не хвастливо, не запальчиво, безъ ожиданія похвалъ и извѣстности, и, наконецъ, встрѣтилъ геройскую смерть — въ сердечной увѣренности, что такъ быть должно, и иначе быть не можетъ. Дѣла его всегда будутъ громки на Кавказѣ. Имя его пользовалось завидною извѣстностью въ горахъ, и немирные горцы благоговѣли предъ нимъ: извѣстно, что горцы чтятъ храбрость.

Въ походѣ, какъ и всегда, Бибановъ и его батальонъ были одѣты по формѣ, и только, если что онъ позволялъ себѣ, то это не носить эполетъ. Но онъ никогда не былъ въ буркѣ, и терпѣть не могъ, чтобы кто надѣвалъ черкеску.

Любимымъ оружіемъ Бибанова была шашка, съ которою онъ былъ неразлученъ. Стрѣльбою онъ славился въ горахъ, и не разъ немирные горцы пріѣзжали *) посмотреть, какъ Бибановъ стрѣляетъ: онъ выстрѣломъ разрѣзывалъ пулю на ножъ, на-лету попадалъ въ полуимперіаль. Съ увѣренностію офицеры — особенно часто это дѣлалъ батальонный адъютантъ, подпоручикъ Стишевскій, — вызывались держать вмѣсто цѣли конвертъ, въ печать котораго Бибановъ стрѣлялъ *изъ ружья*, и т. п. Но въ дѣло онъ никогда не бралъ съ собою ружья, и всегда смѣялся надъ тѣми изъ офицеровъ, которые увѣшивали себя оружіемъ, справедливо говоря, что назначеніе въ дѣлѣ офицера такъ велико, что ему некогда стрѣлять. Какъ теперь помню, на Турчидагѣ къ нему въ батальонъ былъ переведенъ одинъ молодой офицеръ. Батальонъ строился на фуражировку. Этотъ офицеръ явился во фронтъ съ ружьемъ за спиною, украшенный пистолетами и кинжалами. Бибановъ, какъ только увидалъ это, бросился бѣжать. «Помилуйте, батюшка! — кричалъ онъ, — вы меня перепугали; столько оружія! да къ чему оно вамъ? Снимите, снимите, и потомъ расскажите мнѣ вашу обязанность.» Пристыженный офицеръ былъ озадаченъ, и не зналъ, что отвѣчать. Бибановъ не вѣровалъ въ храбрость тѣхъ, кто такимъ образомъ

*) Немирные горцы посѣщаютъ наши города и селенія, съ дозволенія нашего начальства, для ярмарокъ и тому подобныхъ сношеній.

украшалъ себя оружіемъ, и истинные Кавказцы вполнѣ раздѣляютъ его мнѣніе.

Ночью, онъ никогда не позволялъ стрѣлять и солдатамъ, говоря, что это только напрасная трата пороха, и значило бы ставить себя подъ неприятельскую пулю. Дѣйствительно, горцы, въ темнотѣ не зная, гдѣ именно расположена цѣпь наша, всегда стараются выманить нѣсколько выстрѣловъ, и по нимъ уже опредѣляютъ направленіе цѣпи, и нападаютъ именно на ту ея часть, гдѣ не было выстрѣловъ, полагая, что тамъ нѣтъ и людей; если же цѣпь не откроетъ огня вовсе, то въ темнотѣ горцы не всегда рѣшаются напасть; а когда и нападутъ, то наткнутся прямо на штыкъ, и тутъ пойдетъ уже наша работа.

Передъ боемъ Бибановъ всегда прочитывалъ молитву: «*Помилуй мя Боже!*» Готовый постоянно умереть, онъ соблюдалъ до боя постъ, совѣтуя и молодымъ офицерамъ тогда ничего не ѣсть и не пить, говоря, что они, можетъ быть, готовятся предстать предъ Всевышняго. Но послѣ боя, Бибановъ самъ предлагалъ подкрѣпить усталыя силы, говоря: «Ну, теперь выпьемъ. Ст-е-нъ-ка! ныжа!» — Пыжемъ онъ называлъ сухую закуску.

Бибановъ, какъ и всѣ люди его правилъ, былъ крѣпокъ и неторопливъ на знакомства: не скоро, бывало, онъ кого полюбитъ; но, полюбивъ разъ, онъ умѣлъ любить до могилы. Строгій начальникъ, грозный для враговъ, Бибановъ въ тѣсномъ, дружескомъ кружкѣ, среди людей, умѣвшихъ заслужить его довѣренность, былъ себе-сѣбникомъ пріятнымъ, и умѣлъ утѣшительнымъ и веселымъ словомъ подкрѣплять разстроенное сердце. Всегда прямой, онъ откровенно высказывалъ, что любить только храбрыхъ, и презираетъ трусовъ. Самъ справедливый во всѣхъ отношеніяхъ, онъ не могъ равнодушно слышать о неправдѣ. Страшно было видѣть Бибанова, когда ему рассказывали о какой-нибудь несправедливости, или о безчестномъ поступкѣ: въ такія минуты, глаза у него наливались кровью, лицо судорожно сжималось, зубы скрежетали. Онъ не могъ также слышать объ уклоненіяхъ отъ военныхъ постановленій, дозволяемыхъ себѣ иными начальниками. «Законъ для всѣхъ равенъ,—говорилъ онъ:—есть-ли возможность требовать

исполненія постановленій отъ подчиненныхъ, когда самъ ими пренебрегаешь?»

Но еще болѣе выводили Бибанова изъ себя мнимые умники, *бонжурьы*, — какъ онъ называлъ ихъ, т. е. люди, позволяющіе себѣ толковать о вещахъ, которыхъ они не понимаютъ. Впрочемъ, онъ чрезвычайно рѣдко входилъ въ пренія о политикѣ, хотя изумительное его знакомство съ истинами большей части наукъ, начитанность и необыкновенная память, вполнѣ позволяли ему предаваться разсужденіямъ. Вообще же онъ выражался ясно и кратко, и судилъ положительно о дѣлахъ и предметахъ самыхъ отвлеченныхъ.

Подобно древнимъ русскимъ богатырямъ, Бибановъ велъ жизнь суровую. Обыкновенное его ложе составляла звѣриная шкура, а изголовье — сѣдло; но очень часто онъ отдыхалъ и на голой, сырой землѣ, подъ открытымъ небомъ, припоминая родную пословицу: «въ голову кулакъ, а подъ бокъ и такъ». О простотѣ его жизни свидѣтельствуетъ слѣдующій анекдотъ. Получивъ извѣстіе о Всемилоствѣйшемъ назначеніи денежнаго пособія послѣ защиты Низовой, Бибановъ писалъ полковому командиру, полковнику Заливкину: «Потрудитесь выдать посланному, сколько нужно, на покупку 3 столовыхъ и 6 чайныхъ серебряныхъ ложекъ, и еще 100 рублей мнѣ на расходы; теперь я заживу истинно по штабъ-офицерски». Табакъ составлялъ его единственное наслажденіе, и свою маленькую трубку Бибановъ не выпускалъ изо рта.

Какъ всѣ люди съ чистымъ сердцемъ и высокою душою, онъ любилъ природу и находилъ утѣшеніе быть постоянно на открытомъ воздухѣ. Поэтому, въ краткіе промежутки отъ движеній и дѣлъ, охота была любимымъ занятіемъ Бибанова. Послѣ того, какъ, въ 1844 году, онъ былъ воинскимъ начальникомъ въ Кумухѣ, князь Аргутинскій, довольный его распоряженіями, спросилъ: «какой онъ самъ желалъ бы награды?» — «Позвольте, Ваше Сіятельство, на двѣ недѣли поохотиться на Низовую» *) — было его отвѣтомъ. Аргутинскій его отпустилъ, и Бибановъ двѣ недѣли не оставлялъ

*) Около Кубы, въ расположеніи штабъ-квартиры Ширванскаго полка, гдѣ мѣстность изобилуетъ дичью и превосходна для охоты.

ружья, и въ послѣдствіи съ удовольствіемъ вспоминалъ эти дни.

Наконецъ, скажемъ, что къ почтенной родственницѣ, его воспитавшей, — ко второй матери, какъ онъ называлъ ее, — Бибановъ питалъ истинно-сыновнюю привязанность; при ея имени, у него наворачивались слезы признательности, и онъ часто говаривалъ, что считалъ-бы себя счастливейшимъ изъ смертныхъ, если бы Господь привелъ его увидеть и успокоить ее.

Бибановъ не былъ женатъ, и не имѣлъ, кромѣ этой род-

ственницы, никого кровныхъ; но, чувствуя потребность въ близкой привязанности, онъ, въ послѣднее время, сосредоточилъ свои заботы на воспитаніи мальчика, изъ Кумыхскаго ханства, лѣтъ 14, взятаго имъ въ услуженіе. Этотъ мальчикъ, по имени Гуссейнъ, вскорѣ чрезвычайно привязался къ Бибанову, и сдѣлался вполне достойнымъ его попеченій. Объ этомъ молодомъ человѣкѣ, въ послѣдствіи убитомъ самымъ варварскимъ образомъ, мы будемъ имѣть еще случай говорить.

Таковъ былъ несравненный Бибановъ! Миръ праху его!

Ценсоръ В. Бекетовъ.

Илч. И. Корзинъ.

ПОДВИГЪ РЯДОВАГО УКУЛОВА.

РЯДОВОЙ УКОЛОВЪ.

Между подвигами, которыми тысячи солдатъ нашего славнаго войска, лично, по одиначкѣ, обезсмертили имена свои и запечатѣли ихъ въ Русской Военной Исторіи, — которые не умираютъ въ памяти ихъ товарищей и, передаваясь въ каждомъ полку солдатами, въ досужій часъ, при огнѣ бивака, дѣйствуютъ магически, рождая въ старо-служащихъ высокое воинское желаніе быть также предметомъ благоговѣйнаго воспоминанія товарищей, а въ молодыхъ — жажду скорѣе отличиться, заслужить похвалу и имя храбраго, — одно изъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ подвигу Уколова.

Прокопій Уколовъ, изъ солдатскихъ дѣтей, Тульской губерніи, деревни Дулова, родился въ славномъ 1814 году, въ службу вступилъ 10 марта 1843 года рядовымъ въ Бѣлевскій егерскій полкъ, 12 декабря 1844 года переведенъ въ Прагскій пѣхотный, а 8 июня 1846 года въ Самурскій пѣхотный полкъ.

Въ Уколовѣ съ первыхъ дней его службы былъ видѣнъ будущій лихой солдатъ: физически, нравственно и умственно онъ отличался отъ однолѣтнихъ товарищей; ясно было, что Уколовъ вполне понималъ высокое назначеніе и долгъ

русскаго воина — быть защитникомъ святой Руси и Престола, и приносить имъ въ жертву кровь и самую жизнь.

Служба на Кавказѣ, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, способствуетъ развитію и укрѣпленію этого могучаго духа, оживляющаго православное воинство. Въ первый годъ по опредѣленіи на Кавказъ, 1845 г., Уколовъ находился въ отрядѣ, которымъ истребленъ аулъ Марцо-Ирзау, и при рубкѣ лѣса на рѣкѣ Аргуни; а потомъ въ Чеченскомъ отрядѣ генерала отъ инфантеріи Лидерса и въ экспедиціи въ Андію подъ личнымъ начальствомъ князя Воронцова. Слѣдующій годъ онъ провелъ въ движеніяхъ и перестрѣлкахъ, находясь въ Дагестанскомъ отрядѣ князя Аргутинскаго, а въ 1848 году участвовалъ во взятіи штурмомъ Гергебиля.

Эти экспедиціи въ густые, непроходимые боры, заросшіе исполинскими деревьями, и по горамъ Дагестана, въ которыхъ каждый шагъ, съ остервенѣніемъ защищаемый горцами, покупался дорого, способствовали тому, что Уколовъ, поступившій въ ряды Кавказскаго Корпуса съ равнины внутренней губерніи, въ короткое время могъ уже состязаться въ одиночной схваткѣ съ хищникомъ, рожденнымъ въ горахъ, а хладнокровіемъ, мужествомъ и необыкновен-

ною смѣтливостію, которыми кавказскіе солдаты обладаютъ въ высшей степени, онъ, при случаѣ, не могъ не взять перевѣса надъ врагомъ храбрымъ, но запальчивымъ, дѣйствующимъ безъ единства и цѣли.

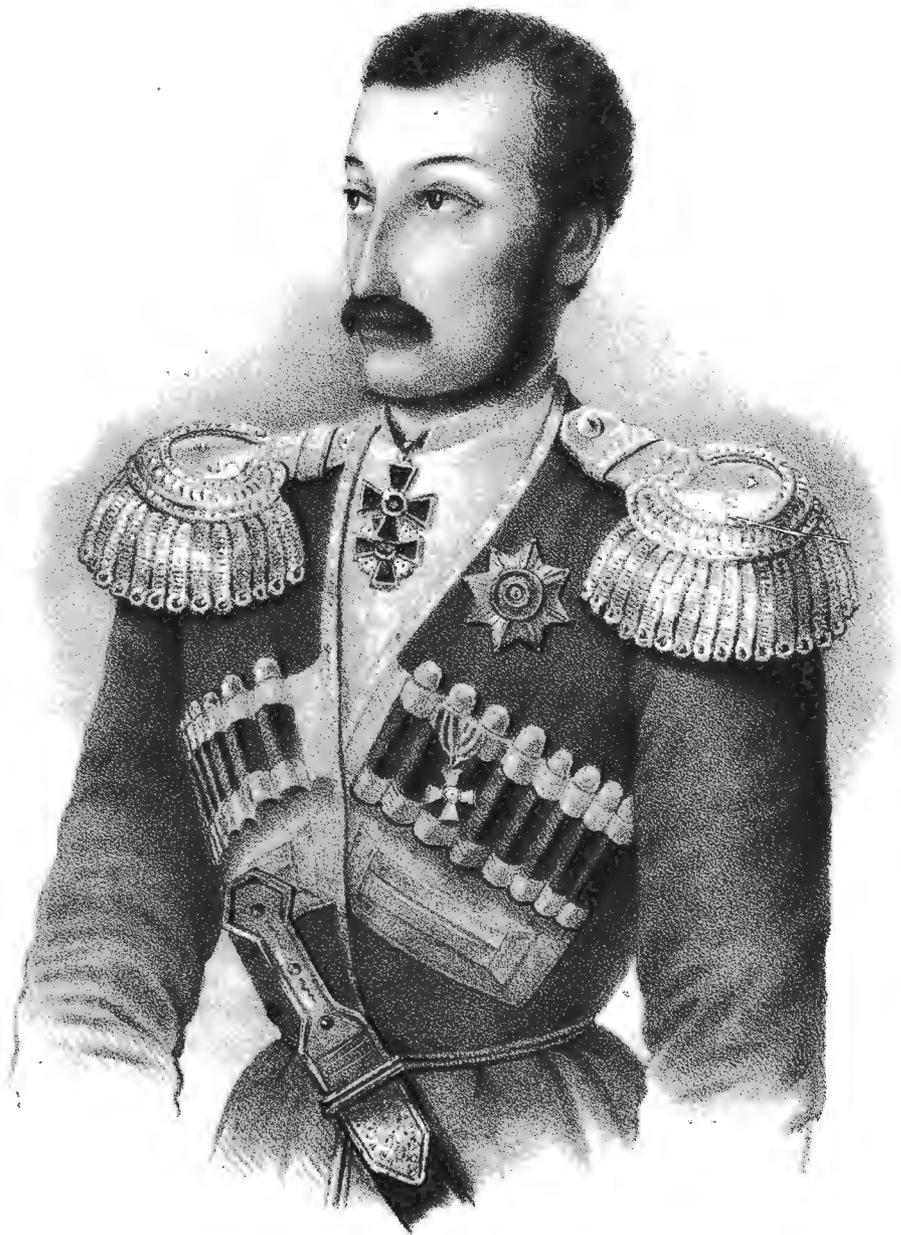
Этотъ случай проявить богатырство, неодолимую храбрость и самоотверженіе наконецъ представился для Уколова.

28-го апрѣля 1849 года онъ находился въ конвоѣ, состоявшемъ изъ 2-хъ унтеръ-офицеровъ и 25-ти человекъ рядовыхъ, подъ командою Самурскаго пѣхотнаго полка прапорщика Добашинскаго, который прикрывалъ провіантскій транспортъ, слѣдовавшій по дорогѣ изъ укрѣпленія Ходжалъ-Махи въ Цудахаръ. На правомъ берегу Казыкумыхскаго койсу, среди скалъ, между которыми пролегаетъ дорога, скрытно засѣла партія мюридовъ, до ста человекъ, съ двумя значками, въ ожиданіи добычи. Хищники пропустили передовой патруль, но когда конвой поравнялся съ засадою, они сдѣлали залпъ изъ ружей, и съ гикомъ бросились въ шашки. Первыми выстрѣлами были убиты прапорщикъ Добашинскій и унтеръ-офицеры. Въ эту рѣшительную минуту Уколовъ принялъ начальство надъ своими товарищами и вскрикнулъ молодецкимъ голосомъ: «Ребята! слушай моей команды: отомстимъ за храбрыхъ своихъ начальниковъ и докажемъ, что нашъ хлѣбъ не дешево приходится!» Солдатики, ободренные возгласомъ находчиваго товарища, ударили въ штыки, и тутъ уже пошла потѣха: каждый отстаивалъ свою позицію. Уколовъ воодушевлялъ своими остротами, приговаривая:

«поддиюливай, поддиюливай на острую удочку!» и во все время боя подсмѣивался надъ кривляніемъ бусурманскихъ рожъ отъ самурскаго штыка. Къ солдату, который былъ при провіантѣ, подскочилъ мюридъ съ кинжаломъ; солдатъ не потерялся, ударилъ его штыкомъ, говоря: «на закуси, наѣшься русскаго хлѣба»; солдатскимъ остроуміемъ не было конца, одни говорили: «вмѣсто хлѣба попробуй штыка», другіе: «не тронь солдатское: въ прокъ не пойдетъ, а вотъ на штыкъ какъ разъ попадешь», и тому подобное. Уколовъ превзошелъ всѣхъ, подавая примѣръ храбрости и неустрашимости своимъ товарищамъ; отразилъ всѣ нападенія, которыя непріятель возобновлялъ съ ожесточеніемъ, въ надеждѣ одолѣть нашихъ превосходствомъ числа.

Между тѣмъ преданные намъ жители дали знать въ Цудахаръ и Ходжалъ-Махи объ опасномъ положеніи горети храбрыхъ; имъ посланы подкрѣпленія, съ приближеніемъ которыхъ хищники бѣжали, и вмѣсто солдатскаго провіанта понесли чувствительную потерю. Съ нашей стороны убиты оберъ-офицеръ 1, унтеръ-офицеровъ 2 и рядовыхъ 4; ранено рядовыхъ 4.

Въ Бозѣ почивающій Государь Императоръ Николай Павловичъ, извѣстясь объ этомъ подвигѣ, Всемилостивѣйше повелѣтъ соизволилъ: рядоваго Уколова произвестъ въ унтеръ-офицеры и, вслѣдъ за тѣмъ, въ прапорщики, выдавъ ему сто рублей серебромъ; нижнимъ же чинамъ, отстоявшимъ транспортъ, выдать по пяти рублей серебромъ на человека.

Лит. И Шевельев

Цех. Бекетовъ въ С.П.Б.

Генераль - Маіоръ
слѣпцовъ.

ГЕНЕРАЛЬ-МАІОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ СЛѢПЦОВЪ.

Николай Павловичъ Слѣпцовъ родился 6 декабря 1815 года, въ селѣ Кологривовкѣ Аткарскаго уѣзда въ Саратовской губерніи, родовомъ имѣніи Слѣпцовыхъ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ родительскомъ домѣ, подъ наблюденіемъ строгаго, но попечительнаго отца, извѣстнаго своимъ положительнымъ умомъ и высокою, старинною барскою честностію слова, и нѣжной матери, женщины истинно религіозной. Десяти лѣтъ *) онъ былъ отправленъ въ Ярославль, въ тамошній Благородный Пансіонъ при Демидовскомъ Высшихъ Наукъ Училищѣ, нынѣшнемъ Лицеѣ. Въ этотъ отроческій возрастъ былъ уже видѣнъ въ Слѣпцовѣ будущій человекъ, котораго судьба поведетъ ко многому; — и тогда онъ имѣлъ острый умъ, пріятное, умное личико, глаза черные, блестящіе и сверкающіе, когда разсердится. Самый большой и сильный изъ пансіонеровъ не рѣшался

*) *Слѣп.* Пчела 1852 г., № 109, въ статьѣ «О генераль-маіорѣ Слѣпцовѣ», написанной роднымъ братомъ героя; по этому г. Ильинъ, товарищъ Слѣпцова по Лицею, несправедливо показываетъ, въ статьѣ напечатанной въ *Кавказъ* 1852 г. и перепечатанной въ *Русскомъ Инвалидѣ* 1852 г., № 152, что въ это время Николаю Павловичу было восемь лѣтъ.

обидѣть его, потому что, не смотря на свое безсиліе, въ первую удобную минуту Слѣпцовъ подкрадется къ обидчику и, покуда тотъ опомнится, онъ отдѣлаетъ его по-свойски и увернется какъ ртуть; но самъ онъ не начиналъ никогда ссоры. Дарованія его были превосходны. Изъ Ярославля Слѣпцовъ прибылъ въ С. Петербургъ, и поступилъ, 4 іюля 1828 года, въ Горный Институтъ, въ которомъ пробылъ до 26 мая 1834 года.

Здѣсь въ немъ вполне развилось призваніе къ военной службѣ, въ которой постоянно находились предки Слѣпцова еще до послѣдней половины XV столѣтія. Награжденный четыре раза за прилежаніе, успѣхи въ наукахъ и благо нравіе, онъ, сверхъ того, получилъ за ситуацію — топографическую карту, а за фехтованіе — рапиру. Эти двѣ послѣднія награды Слѣпцовъ считалъ своимъ торжествомъ и неотступно просилъ отца о переводѣ его въ Школу Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Юнкеровъ. Обремененный семействомъ отецъ долго не рѣшался. Наконецъ, по ходатайству родныхъ, согласіе было изъявлено, и вотъ письмо юноши къ отцу, слово въ слово, предъ экзаменомъ, отъ 13-го іюня 1834 года:

« Я началъ письмо мое вступленіемъ о затрудненіяхъ предстоящаго экзамена, не для того, чтобъ возвысить въ глазахъ вашихъ цѣну заботъ моихъ, но отъ искренности и чистоты души, и потому еще, что это весьма важно въ теперешнемъ моемъ положеніи. Не думайте также, любезнѣйшій батюшка, чтобъ я раскаявался въ своемъ желаніи и предпріятіи. Боже меня сохрани отъ такой мысли! Я никогда не допущу этого! Чѣмъ затруднительнѣе опредѣленная собственнымъ моимъ побужденіемъ цѣль, тѣмъ радостнѣе будетъ для меня достиженіе ея! Теперь же я смѣю только надеяться, позволю даже себѣ быть увѣреннымъ, но отчаяваться—никогда! Постыдно и безбожно было бы мнѣ не чувствовать родительскихъ заботъ вашихъ; я понимаю ихъ и цѣню, какъ великъ долгъ мой. Благословляю Творца, что Онъ, по благодати Своей, не судилъ еще до сихъ поръ заслужить отъ васъ упрека въ моемъ стараніи. Будучи осьмнадцати лѣтъ, я, сколько чувствую и сознаю себя, надѣюсь, что не допущу васъ въ немъ усомниться, и, если позволите сказать прямо, откровенно думаю, что заботы ваши пали не на совсѣмъ бесплодную почву, но рано или поздно должны принести плоды (по силамъ моимъ), болѣе или менѣе для васъ утѣшительные. Чувства мои не должны быть для васъ закрыты; по законамъ Бога и природы, я долженъ держаться предъ вами только одного: что на душѣ, то и на языкѣ. Я былъ бы слишкомъ безчувственъ, слишкомъ неблагодаренъ, если бѣ когда либо осмѣлился не быть увѣреннымъ, составить ваше утѣшеніе. Молю только Бога, да продлитъ Онъ дни ваши на радость и счастье. Батюшка! Я очарованъ истиннымъ назначеніемъ военнаго званія, я ставлю его выше всѣхъ другихъ понятій. Всѣ мои желанія, всѣ усилія стремятся къ тому, чтобъ вступить на это высокое, славное поприще и быть его достойнымъ. Я упросилъ, умолил васъ, такъ сказать, вырвалъ у васъ согласіе, и теперь у меня нѣтъ и не должно быть ни другой мысли, ни другихъ заботъ, кромѣ тѣхъ, чтобы заботиться о вашихъ радостяхъ и оправдать доброе участіе родныхъ. Вы рѣшились, — и для меня нѣтъ препятствій! Предо мною обширное поле блаженству. Теперь я забываю превратность судьбы; мнѣ кажется, что я счастливъ навсегда — навѣки, по крайней мѣрѣ, въ эти минуты — совершенно! »

Сдержалъ-ли слово свое осьмнадцати-лѣтній юноша? Это всѣхъ лучше зналъ осьмидесяти-лѣтній старикъ—отецъ, скончавшійся за четыре года предъ смертію достойнаго сына. Когда начала гремѣть слава дѣлъ Николая Павловича на Сунжѣ, старикъ плакалъ, и могъ не стыдиться своихъ слезъ.

16 сентября 1834 года Слѣпцовъ былъ зачисленъ унтеръ-офицеромъ въ Л.-Гв. Литовскій полкъ, а 20 мая 1836 года произведенъ въ подпрапорщики.

Во время своего пребыванія въ Школѣ онъ былъ особенно отличенъ внимательнымъ начальникомъ ея, генераломъ Шлиппенбахомъ, который лично сказалъ его родному брату *): « братъ вашъ имѣетъ истинный характеръ военнаго человѣка, и подаетъ прекрасныя надежды. » Слѣпцовъ былъ въ Школѣ фельдфебелемъ; всѣ товарищи любили его безъ памяти и, уважая Николая Павловича, берегли его и опасались какими либо шалостями подвести подъ отвѣтственность.

Высочайшими приказами Слѣпцовъ произведенъ: 1-го января 1837 года, имѣя отъ роду 20 лѣтъ, въ прапорщики, со старшинствомъ отъ 4-го сентября 1836 года, и назначенъ Лейбъ-Гвардіи въ Литовскій полкъ; 28 января 1838 года въ подпоручики; а 29 января 1839 года « за отличную усердную и ревностную службу », Всемилостивѣйше награжденъ единовременно 500 руб. асс. Но служба въ рядахъ блестящей Императорской Гвардіи, — въ то время, когда не предвидѣлось ни съ которой стороны близкой войны, — была не по душѣ Слѣпцову. Поэтому 16-го іюня 1840 года, по собственному желанію поступить скорѣе въ дѣйствующія войска, онъ перешелъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ **) штабесъ—капитаномъ, съ состояніемъ по кавалеріи. По прибытіи на Кавказъ, Слѣпцовъ поступилъ, 10-го сентября 1840 года, въ должность адъютанта къ начальнику штаба войскъ, расположенныхъ на Кавказской Линіи и въ Черноморіи, генералъ-маіору Траскину, — въ которой былъ утвержденъ 28 декабря того-же года.

Съ первыхъ же дней Слѣпцовъ принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ; именно, въ октябрѣ и ноябрѣ 1840 года,

*) *Слв. Пчела* 1852 г. № 109.

**) Нынѣ Нижегородскій драгунскій Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полкъ.

онъ находился въ экспедиціи, предпринятой подъ начальствомъ генераль-адъютанта Граббе въ Чечню, — въ ту страну, гдѣ, въ послѣдствіи, онъ основалъ Сунженскій казачій полкъ и постоянно водилъ его къ побѣдѣ. Во время этой экспедиціи было истреблено очень много враждебныхъ ауловъ, и за отличіе, оказанное въ дѣлахъ, при томъ происходившихъ, Слѣпцовъ Всемилостивѣйше награжденъ, 30 іюня 1841 года, первымъ орденомъ — Св. Станислава 3-й степени.

Въ слѣдующемъ году онъ находился опять въ Чеченскомъ отрядѣ, подъ начальствомъ того-же генерала и, между прочимъ, участвовалъ: 13-го мая въ продолжительномъ и упорномъ бою при овладѣніи берегами рѣкъ Ачи-Су и Татлы-Су и окрестными высотами; 15-го мая — при взятіи Хубарекскихъ высотъ съ рукопашнаго боя; 21-го — въ жаркомъ дѣлѣ, бывшемъ при истребленіи деревень Дыльму и Юртъ-Ауха; 26-го іюня — во время слѣдованія изъ аула Чахкеры, въ сильной перестрѣлкѣ съ партією Ахверды-Магомы; 27-го — въ жаркомъ дѣлѣ при проходѣ по западному скату высотъ Ханкамшинскаго ущелья; 28-го сентября — въ упорномъ дѣлѣ въ лѣсу, прилегающему къ аулу Чемулго и при взятіи съ боя ауловъ: верхнихъ, среднихъ и нижнихъ Чуреки-Аршты; 29-го — при взятіи аула Берешни и его каменной башни; 16-го октября — въ рукопашныхъ схваткахъ въ Бокаевскомъ лѣсу; 17-го октября — въ жаркомъ дѣлѣ полковника Фрейтага при переходѣ отъ деревни Алды къ Урусъ-Мартану въ Гойгинскомъ лѣсу; 23-го — въ рукопашномъ бою, бывшемъ при истребленіи Гойгинскихъ и Алдинскихъ хуторовъ и въ сильнѣйшей перестрѣлкѣ съ толпами Ахверды-Магома; 30-го — въ жаркомъ дѣлѣ той же колонны полковника Фрейтага и, кромѣ того, во многихъ перестрѣлкахъ и схваткахъ съ горцами, происходившихъ при истребленіи ихъ ауловъ.

Въ 1842 году Слѣпцовъ участвовалъ въ движеніяхъ генераль-лейтенанта Засса за Кубань. 16-го мая этого года онъ былъ произведенъ въ капитаны, а 25-го іюля слѣдующаго года перемѣщенъ на должность адъютанта къ начальнику штаба Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, которымъ былъ тогда назначенъ генераль-маіоръ Траскинъ.

Въ началѣ послѣдняго года, Слѣпцовъ опять находился

въ экспедиціи за Кубань и, между прочимъ, участвовалъ 1-го марта въ отраженіи значительной партіи горцевъ, атаковавшихъ Житомирскій полкъ, а потомъ Зассовское укрѣпленіе; 24-го — при отраженіи горцевъ, напавшихъ на станицу Махашевскую; потомъ былъ командированъ въ отрядъ, охранявшій Военно-Грузинскую дорогу, а съ 1-го іюля по 1-е октября командированъ въ отрядъ, строившій укрѣпленіе на рѣкѣ Кефарѣ, гдѣ находился на службѣ во фронтѣ, по порученіямъ, на штабъ-офицера возлагаемымъ; 2-го октября получилъ еще новую командировку въ отрядъ войскъ, собранныхъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ, въ который прибывъ, состоялъ при штабѣ генераль-лейтенанта Гурко.

Здѣсь представился Слѣпцову случай совершить первый особенно замѣчательный подвигъ, завоевать первый листокъ въ свой лавровый вѣнокъ.

Когда, 16-го декабря, генераль Клюге-фонъ-Клугенау пошелъ на выручку храбраго подполковника Діомиды Васильевича Пассека, бывшего въ осадѣ слишкомъ мѣсяць въ укрѣпленіи Зыраны, Слѣпцовъ отправился охотникомъ, въ отрядѣ генерала Клугенау, который поручилъ ему въ командованіе 1-й баталіонъ Апшеронскаго полка. Сорокъ верстъ до Зырановъ наши соколы не прошли, а перелетѣли, отдохнувъ съ часокъ у Бурундукъ-Кальской башни. Непритель вездѣ бѣжалъ, и русскія знамена развѣялись на высотахъ, находящихся въ двухъ верстахъ предъ Зыранами. Войска Клугенау, едва переводя духъ, стремились къ братьямъ; святое «ура!» было дружескимъ привѣтомъ обоихъ отрядовъ; и вдругъ изъ укрѣпленія, въ привѣтъ избавителямъ, раздавался залпъ изъ ружей, загрохотала пальба изъ всѣхъ орудій, растворились ворота, подъемный мостъ упалъ и радостныя слезы двухъ отрядовъ смѣшались при объятіяхъ избавителей и избавленныхъ. Николай Павловичъ плакалъ, какъ ребенокъ.

На другой день началось выступленіе изъ укрѣпленія Зыраны противъ непріятеля, занявшаго между тѣмъ дорогу къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Едва вошли отряды въ Игранойское ущелье, какъ съ обѣихъ высотъ полетѣли пули и камни. Лѣвую высоту ущелья взялся очистить Пассекъ, правую Слѣпцовъ. Съ шашкой въ рукѣ, впереди всѣхъ, онъ полѣзъ на кругую высоту, болѣе 300 сажень. Многіе валились кру-

гомъ его, и раненые летѣли внизъ, не имѣя силъ удержаться, но онъ хранимъ былъ рокомъ. За гребнемъ горы засѣли горцы; ружья были безсилны противъ нихъ. «Не стрѣлай, не стрѣлай!» — кричалъ Слѣпцовъ, — «береги зарядъ, не торопись, переведи духъ... ура!» и горцы были опрокинуты, и погналъ онъ ихъ съ гребня на гребень, и пошелъ вездѣ колотить ихъ *).

За отличіе, оказанное въ это время, Слѣпцовъ, 20 сентября 1844 года, произведенъ въ маіоры со старшинствомъ съ 15 декабря 1843 года, съ назначеніемъ состоять по кавалеріи и при Кавказскомъ линейномъ казачьемъ войскѣ.

Въ 1844 году онъ находился сперва въ экспедиціи, принятой подъ личнымъ начальствомъ командира Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, генераль-адъютанта Нейдгардта, и, кромѣ многихъ перестрѣлокъ, участвовалъ: 15-го августа въ рукопашномъ бою съ Чеченцами, который славно выдержалъ авангардъ и боковыя прикрытія отряда, производившаго фуражировку подъ начальствомъ генераль-маіора Викторава, по направленію къ Закатъ-Юрту; потомъ находился въ экспедиціи подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Гурко, для заложения передовой Чеченской линіи, участвуя почти въ ежедневныхъ перестрѣлкахъ, а 19-го августа въ кавалерійской атакѣ близъ большой Атаги; 20-го — въ пораженіи значительной партіи конныхъ Чеченцевъ, при слѣдованіи къ Чахъ-Киринымъ хуторамъ; 22-го — при завладѣніи островами, на р. Аргуни, частію отряда подъ командою подполковника Меллера-Закомельскаго; 23-го — въ кавалерійской атакѣ на Чеченцевъ; 30-го — въ переправѣ чрезъ р. Аргунъ подъ сильнымъ огнемъ непріятельскаго скопища, при овладѣніи Тембулатъ-Юртомъ, въ занятіи лѣсистыхъ высотъ праваго берега и при наведеніи моста чрезъ эту рѣку; 31-го — въ отраженіи и преслѣдованіи значительной партіи горцевъ, напавшихъ на два фаса засѣки, устроенной на правомъ берегу р. Аргуни; 8-го сентября — въ поискѣ части отряда, подъ личнымъ начальствомъ генераль-лейтенанта Гурко, къ аулу Шали, при овладѣніи переправой чрезъ

*) Изъ разсказа г. Ильина, очевидца дѣла, помѣщеннаго въ *Казакъ* 1852 года в *Русскомъ Инвалидѣ* 1852 г. № 152.

Аргунъ, близъ большой Атаги, и въ двухъ кавалерійскихъ атакахъ, бывшихъ въ этотъ день; 21-го и 24-го — въ дѣлѣ съ сильною партією горцевъ въ Ханқалинскомъ ущельѣ, которое имѣла колонна полковника Козловскаго, ходившая въ Грозную; 26-го — въ томъ же ущельѣ, при взятіи съ боя непріятельскихъ заваловъ, подъ начальствомъ подполковника Бибикова; 28-го — при занятіи съ боя этого же лѣса; 1-го октября Слѣпцовъ участвовалъ въ набѣгѣ части отряда, опять подъ личнымъ начальствомъ генераль-лейтенанта Гурко на аулъ Геленъ-Гойта, при чемъ происходила переправа чрезъ р. Гойту подъ сильными непріятельскими выстрѣлами, съ боя наши овладѣли многолюднымъ ауломъ Гойта, разграбили его и отразили нападеніе Чеченцевъ на боковыя прикрытія и арьергардъ, и происходилъ рукопашный бой въ послѣднемъ; 16-го — въ схваткѣ съ Чеченцами на правомъ берегу Аргуни; 11-го ноября — въ кавалерійской атакѣ на томъ же берегу къ аулу Дады-Шавдокъ и въ занятіи аула; наконецъ онъ участвовалъ въ кавалерійскихъ набѣгахъ: 14-го — на аулъ Телингенъ-Эку и 15-го — на аулъ Иславъ и во многихъ перестрѣлкахъ.

13-го іюля 1844 года Слѣпцовъ Всемилостивѣйше награжденъ, «за отлично-усердную и ревностную службу», орденомъ Св. Анны 3-й степени; а за отличіе, оказанное въ дѣлахъ съ горцами въ теченіе этого года, онъ получилъ, 12-го августа 1845 года, орденъ св. Владимира 4-й степени съ бантомъ.

19-го января 1845 г. маіоръ Слѣпцовъ назначенъ командиромъ 1-го Сунженскаго линейнаго казачьяго полка съ оставленіемъ по кавалеріи. Сообщаемъ замѣчательный приказъ, отданный имъ по полку отъ 30-го августа того же года, объ этомъ назначеніи, въ которомъ ярко отражается характеръ Слѣпцова и видны не только его воинскія доблести, но и душевныя и нравственныя качества. Вотъ этотъ приказъ:

«Высочайшимъ приказомъ въ 19-й день января 1845 года назначенъ я командиромъ 1-го Сунженскаго линейнаго казачьяго полка. Обязанность моя заботиться о благосостояніи вашемъ, и я приступаю къ трудному долгу своему съ удовольствіемъ. Желаніе Государа и Правительства, чтобы вы на новой линіи были твердымъ оплотомъ для защиты

дарованныхъ вамъ земель, вашего имущества и семействъ— противъ хищниковъ. Милостью Царя вамъ даны вспомошествованія и преимущества. Чувствуйте благодѣянія Монарха и попеченіе начальниковъ.

«Вѣра въ Бога и повиновеніе властямъ земнымъ есть первый залогъ отваги и силы. Понимайте долгъ христіанскій, исполняйте его по присягѣ, и вы превзойдете старыхъ одиностаничниковъ вашихъ, оправдаете надежду Царя и начальниковъ.

«Молодечествомъ казакъ щеголяетъ, удалство въ крови его, оружіе и конь срослись съ нимъ. Новобранцы! берите примѣръ съ опытныхъ, и будемъ единодушно отстаивать собственность вашу твердо и мужественно. Не обманывайте себя заранѣе ложною силою непріятеля; вы будете имѣть борьбу съ народомъ, на которомъ лежитъ клеймо Божьяго гнѣва и презрѣнія, съ бродягами, попирающими земные дары, промѣнявшими честный трудъ на грабежи и мошенничество. Они сильны тогда только, когда нападаютъ на слабого, а вы всегда сильны вѣрой, славой имени Русскаго и славой казацкою съ давнихъ временъ.

«Будьте же достойны званія казака по долгу христіанскому, вѣрности присягѣ, доблести, мужеству, удалству, повиновенію къ старшимъ, ловкости и расторопности. Тогда будете имѣть успѣхъ въ хозяйствѣ и дни ваши процвѣтутъ изобиліемъ и богатствомъ. Земля ваша имѣетъ все способы къ тому, и вы сами ее уже оцѣнили.

«Нѣтъ врага кресту нашему; мы водрузимъ знаменіе Спасителя вездѣ, гдѣ укажетъ намъ Богъ перстомъ Царя. Долгъ нашъ — оружіемъ утвердиться здѣсь, на новыхъ мѣстахъ поселеній, и мы обязаны исполнить этотъ священный долгъ съ горячимъ усердіемъ, славно, честно, неутомимо.

«Кто не признаетъ истины въ словахъ моихъ, тотъ врагъ закону Божію, врагъ порядку и собственной пользѣ, тому судъ небесный, а на землѣ нѣтъ мѣры наказанія.

«Считаю обязанностію по званію моему и считаю долгомъ пріятнымъ жертвовать собою для пользы вашей; вы это узнаете послѣ. Отъ васъ же требую я усерднаго исполненія по закону и словамъ моимъ. Мой долгъ также соблюдать и ограждать права ваши; всякой обиженный и неудовлетворенный кѣмъ бы то ни было и въ чемъ бы то ни было можетъ

придти ко мнѣ во всякое время съ жалобой, лишь бы она была законна и справедлива. Объявляю вамъ также, что я буду каждый мѣсяцъ постоянно опрашивать претензіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ предвѣряю, что изслѣдованія мои по жалобамъ будутъ самыя строгія и съ виновныхъ будетъ взыскиваться по законамъ примѣрно. Все бумаги, при которыхъ будутъ получаться для васъ деньги отъ Правительства или другія вспомошествованія, поставлю правиломъ обнародовать отъ слова до слова на сходкахъ, какъ я это уже дѣлалъ доселѣ.

«Высочайше одобренныя правила уже были не разъ обнародованы мною вамъ къ всеобщему свѣдѣнію. Отъ васъ зависитъ, чтобы довольствіе сопровождало дни ваши; исполняющій долгъ свой будетъ веселиться; веселье честной души радуется сердце начальника, а жить будемъ весело тогда, когда вы уразумѣете свое дѣло по долгу присягѣ и словамъ моимъ. Въ томъ я вамъ порукою.»

Все слова приказа Слѣпцовъ въ точности выполнилъ своимъ командованіемъ и запечатлѣлъ своею геройскою смертію.

Въ самое короткое время послѣ сформированія Сунженскаго казачьяго полка и заложенія прекрасныхъ его станицъ, Слѣпцовъ и храбрые его казаки, вполнѣ достойные такого начальника, сдѣлались грозой нашихъ непріятелей въ этой сторонѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, надеждою и увѣренностію для болѣе благомыслящихъ Чеченцевъ; потому что тотъ же самый Слѣпцовъ, который никогда не зналъ ни одного неудачнаго дѣла, во всехъ случаяхъ завоевывая полный успѣхъ немедленною и рѣшительною атакою въ шашки, пріобрѣлъ общее уваженіе справедливостію во всехъ сношеніяхъ и ласковымъ обхожденіемъ съ тѣми, которые расположены были съ нами мириться.

Между тѣмъ въ этомъ году Слѣпцовъ находился въ Назрановскомъ отрядѣ, дѣйствовавшемъ въ Малой Чечнѣ подъ начальствомъ генералъ-маіора Нестерова; при чемъ, 5 іюня, онъ участвовалъ въ набѣгѣ на ауль Шаудень—Шари, близъ Заканъ—Юрта, въ перестрѣлкѣ съ непріателемъ, происшедшей при взятіи и истребленіи этого аула, въ отступленіи на р. Фортангу, при сильномъ натискѣ Чеченцевъ, въ атакѣ милиціи и казаковъ и въ преслѣдованіи разбитаго непріятеля.

За оказанное при этомъ отличіе, 3-го января 1846 года, онъ произведенъ въ подполковники, со старшинствомъ со дня подвига.

23-го октября Слѣпцовъ участвовалъ въ отраженіи и преслѣдованіи значительной партіи Чеченцевъ, напавшей на скотъ около 2-й станицы 1-го Сунженскаго казачьяго полка, и за оказанное при этомъ дѣлѣ отличіе удостоился получить именное Монаршее благоволеніе, объявленное въ Высочайшемъ приказѣ 27-го іюня 1846 года.

Въ 1846 году, послѣ долговременнаго личнаго бездѣйствія, Шамиль, собравъ весьма сильное сборище, въ ночь съ 15-го на 16-е апрѣля переправился чрезъ Сунжу и пошелъ, какъ онъ надѣялся, скрытно, по направленію Большой Кабарды. Но это вторженіе, долго обѣщанное Шамилемъ всѣмъ народамъ Кабарды и за Кубанью, отъ котораго онъ ожидалъ общаго тамъ возстанія и сильнаго потрясенія нашей власти на Кавказѣ, въ нѣсколько дней было кончено безъ малѣйшаго успѣха, и ко вреду только тѣхъ изъ жителей Кабарды, которые по замыслу, или по слабости, присоединились къ нему на нѣсколько этихъ дней. Самъ Шамиль спасся, но спасся единственно поспѣшнымъ бѣгствомъ, и пока наши войска не могли еще съ разныхъ мѣстъ пріѣхать его окружить и истребить.

Замѣчательнѣйшія изъ дѣйствій, въ которыхъ при этомъ находился Слѣпцовъ, были: 18-го апрѣля пораженіе около аула Елхотова двухъ набовъ, отбитіе 500 арбъ съ имуществомъ жителей и 2500 штукъ рогатаго скота, 22-го — преслѣдованіе Шамиля до укрѣпленія Черекскаго, 23-го — отраженіе и преслѣдованіе непріятельской конной партіи, занявшей позицію противъ Урвана, и 27-го — преслѣдованіе бѣжавшаго Шамиля движеніемъ изъ Череха на Урухъ.

Князь Воронцовъ, за дѣятельное участіе Слѣпцова, *счелъ пріятнѣйшимъ долгомъ*, — какъ самъ выразился, — въ приказѣ по Отдѣльному Кавказскому и 5-му пѣхотному корпусамъ, отдать ему полную справедливость и истинную свою признательность; а Государь Императоръ, «въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости», при этомъ имъ оказанныхъ, Всемилостивѣйше наградилъ его орденомъ Св. Анны 2-й степени.

9-го іюля того же года Слѣпцовъ участвовалъ въ отра-

женіи значительной партіи хищниковъ, покушавшейся напасть отъ р. Ассы на передовые посты казаковъ Донскаго № 19-го полка, прикрывавшіе покосныя мѣста, и при отраженіи нападенія партіи на жителей Троицкой станицы 1-го Сунженскаго полка, занимавшихся уборкою сѣна.

22-го іюля другая партія Карабулакъ, въ числѣ болѣе 300 человекъ отборной конницы, съ частію пѣхоты, напала на косцовъ той же Троицкой станицы; но *благоразумными распоряженіями* *) подполковника Слѣпцова и командовавшаго прикрытіемъ Навагинскаго полка, маіора Артемьева, косцы были прикрыты и хищники не успѣли ни чѣмъ поживиться. Между тѣмъ, резервъ Троицкихъ казаковъ, около 100 человекъ, подъ командою храбрыхъ хорунжаго *Старицкаго* и корнета *Мороза*, такъ стремительно атаковалъ въ шашки непріятели, въ три раза сильнѣйшаго, что, оглушенные смѣлымъ ударомъ, Карабулаки, бросились бѣжать въ рассыпную въ лѣсъ, по едва проходимымъ дорогамъ, оставивъ на мѣстѣ боя семь изрубленныхъ тѣлъ съ оружіемъ и лошадьми, кромѣ значительнаго числа убитыхъ и раненыхъ, увезенныхъ ими съ собою.

Князь Воронцовъ, въ приказѣ по Корпусу **), объявилъ *полную свою благодарность* подполковнику Слѣпцову и всѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ этомъ *блистательномъ дѣлѣ* ***), испросилъ награжденіе наиболѣе отличившимся офицерамъ и назначилъ знаки отличія военнаго ордена: двумъ нижнимъ чинамъ Навагинскаго, двумъ Донскаго № 19-го и двумъ 1-го Сунженскаго полковъ.

Въ концѣ года представился еще случай, доказавшій, по официальному выраженію ****), *постоянную въ то время бдительность войскъ нашихъ на Сунжѣ и неусыпность ихъ начальника, подполковника Слѣпцова, а также и смѣлость казаковъ вновь поселеннаго полка*. Именно:

*) Выраженіе князя Воронцова, въ приказѣ по Корпусу, отъ 2-го августа 1846 г., № 207.

***) Приказъ по Корпусу, отъ 2-го августа 1846 г., № 207.

****) Выраженіе князя Воронцова (тамъ же).

****) Донесеніе начальника Владикавказскаго военнаго округа, напечатанное въ *Кавказъ* 1846 г., № 51-й.

16-го ноября партія Чеченцевъ, до 500 человекъ, послѣ тщетныхъ ожиданій въ лѣсу у Нестеровскаго укрѣпленія выгона житейскаго скота, около полудня начала переправляться обратно чрезъ рѣку Ассу, выше укрѣпленія. Сигнальные выстрѣлы повѣстили Сунженскую линію о появленіи непріятеля, и немедленно конные резервы бросились изъ всѣхъ трехъ станицъ: Сунженской, Михайловской и Троицкой на Ассу, а за ними резервы Донскихъ полковъ и шесть ротъ пѣхоты съ 2-мя орудіями.

Первымъ прискакалъ къ рѣкѣ резервъ Сунженской станицы, подъ командою хорунжаго *Предимирова*, съ тѣмъ, чтобы перерѣзать отступленіе непріятелю, который тянулся по опушкѣ Карабулакскаго лѣса на противоположномъ берегу; казаки эти тотчасъ же переправились черезъ рѣку и скрытно пробѣжавъ лѣсистою балкою, бросились на Чеченцевъ и завязали съ ними рукопашный бой. Непріятель сначала, пользуясь превосходствомъ силъ, упорно защищался, но, замѣтивъ приближеніе остальныхъ казаковъ, бѣжалъ и едва успѣлъ скрыться въ глубинѣ лѣса. Эта удачная схватка продолжалась не болѣе четверти часа: дѣло рѣшили одни казаки Сунженской станицы.

Наконецъ 16-го ноября того же года Слѣпцовъ предпринялъ поискъ за сильною непріятельскою партіею, подъ начальствомъ четырехъ наибовъ, переправившеюся чрезъ Сунжу, между укрѣпленіемъ Казакъ-Кичу и Заканъ-Юртомъ. Горцы вскорѣ бѣжали.

Въ продолженіе всей зимы 1846—47 года непокорные жители Малой Чечни подвергались нападеніямъ нашихъ отрядовъ и лишенію всего имущества и находили въ своихъ, постепенно очищаемыхъ лѣсахъ лишь ненадежное убѣжище. Слѣпцовъ, по обыкновенію, во всѣхъ этихъ дѣлахъ принималъ самое сильное участіе. Остановимся на главнѣйшихъ изъ его подвиговъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1847 года отрядъ генералъ-маіора Нестерова, въ которомъ находился и Слѣпцовъ, проложилъ двѣ дороги отъ Назрана и станицы Сунженской въ Галашевское ущелье, вырубилъ по нимъ лѣсъ и истребилъ аулы между Ассою и Фортангою. Этимъ была пріобрѣтена возможность во всякое время года безпрепятственно наказывать Галашевцевъ, весьма безпокойныхъ сосѣдей новыхъ Сун-

женскихъ станицъ. Жители ауловъ между Ассою и Сунжею, съ движеніемъ нашего отряда, принуждены были покинуть свои дома и со всею своимъ имуществомъ перейти на правый берегъ Ассы въ ущелье рѣки Пфуты, въ мѣста, которыя они считали для насъ недоступными.

Для преслѣдованія горцевъ и тамъ, генералъ-маіоръ Нестеровъ отправилъ полковника барона Вревскаго, съ отрядомъ, въ которомъ находился и Слѣпцовъ, чрезъ рѣку Ассу къ рѣкѣ Пфутѣ. Движеніе было произведено совершенно внезапно и успѣшно. 17-го января Слѣпцовъ, съ двумя сотнями 1-го Сунженскаго линейнаго казачьяго полка, выступивъ изъ станицы Сунженской, присоединился къ отряду, а 18-го уже былъ, вмѣстѣ съ нимъ, на рѣкѣ Пфутѣ. Кавалерія, которою командовали подполковники Эрстовъ и Слѣпцовъ, поддержанная во время пѣхотою, мгновенно окружила непокорные аулы и, не смотря на сопротивленіе непріятеля, пытавшагося нѣсколько разъ атаковать наши цѣпи, успѣла истребить 11 селеній со всею запасами хлѣба и сѣна.

Слѣпцовъ, за отличіе, оказанное въ этомъ дѣлѣ, Всемилостивѣйше награжденъ, 25-го іюня того же года, чиномъ полковника со старшинствомъ съ 18-го января.

19-го января онъ участвовалъ въ истребленіи непокорныхъ ауловъ Галашевскихъ по лѣвому берегу Ассы.

20-го числа генералъ-маіоръ Нестеровъ съ отрядомъ возвратился на Сунжу, откуда 24-го числа предпринялъ новый набѣгъ на рѣку Фортангу для истребленія аула Бумута; въ набѣгѣ участвовалъ опять Слѣпцовъ.

14-го февраля нѣкоторая часть жителей Малой Чечни, находившаяся въ сборѣ, намѣревалась напасть на дровосѣковъ Сунженскихъ поселеній. Слѣпцовъ, получивъ объ этомъ свѣдѣніе, выслалъ за ранѣе цѣлый баталіонъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка, подъ командою маіора Кемпферта, въ прикрытіе рабочимъ, и, нѣсколько времени спустя, самъ съ двумя сотнями казаковъ прибылъ на мѣсто рубки. Послѣ благополучнаго окончанія работъ, Слѣпцовъ, желая наказать Чеченцевъ за ихъ непріязненные намѣренія и зная, что они пасутъ свой скотъ между Сунжею и Ассою, рѣшился отбить у нихъ стада. Оставивъ двѣ роты съ орудіемъ въ дефилѣ, для прикрытія обратнаго слѣдованія повозокъ, самъ онъ съ

остальными войсками, 16-го числа, быстро двинулся внизъ, по правому берегу Сунжи, и въ недалекомъ разстояніи открылъ стада непріятеля. Казаки немедленно бросились на сторожившихъ Чеченцевъ, изрубили нѣсколько человѣкъ, взяли въ плѣнъ 7 душъ и отбили 30 штукъ рогатаго скота. Между тѣмъ, партія въ 300 конныхъ Чеченцевъ, переправившаяся ночью за Сунжу и скрывшаяся за Кабардинскими горами, услышавъ перестрѣлку, понеслась на помощь своимъ и стремительно атаковала казаковъ; но эти послѣдніе, безъ выстрѣла, бросились въ шашки и разсѣяли ее. Потомъ весь отрядъ возвратился въ станицу съ большею добычею. Потеря наша состояла въ 1-мъ убитомъ и 5 раненыхъ.

30-го апрѣля Слѣпцовъ назначенъ начальникомъ Верхне-Сунженской Линіи, съ оставленіемъ въ прежней должности и по кавалеріи.

Въ маѣ мѣсяцъ Сунженскую Линію посетилъ князь Воронцовъ. 3-го числа Главнокомандовавшій прибылъ въ станицу Сунженскую, а на другой день, 4 мая, въ его присутствіи храбрый Слѣпцовъ съ казаками своими снова имѣлъ прекрасное дѣло на берегахъ Ассы. Огромные толпы Чеченцевъ, при многихъ набахъ, перешедъ ночью рѣку Фортангу выше Ачхоевскаго укрѣпленія, расположились, по утру 4-го, на правомъ берегу Ассы; пѣхота съ однимъ или двумя орудіями оставалась на томъ берегу, а конница перешла на лѣвый. По первому извѣстію объ этомъ, Слѣпцовъ съ 700 казаками поспежалъ къ непріятелю, а за нимъ слѣдовалъ баталіонъ Грузинскаго гренадерскаго полка съ двумя орудіями. По прибытіи казаковъ къ Ассѣ, Слѣпцовъ остановилъ ихъ въ ожиданіи пѣхоты. Чеченцы между тѣмъ усилили свою кавалерію и покушались обойти нашъ лѣвый флангъ; часть горскихъ храбрецовъ даже предприняла атаку въ шашки, — но хорошимъ дѣйствіемъ конной ракетной команды, устроенной Слѣпцовымъ, подъ командою поручика Едлинскаго, приведена была въ замѣшательство. Пользуясь этимъ, Слѣпцовъ, оставя въ резервѣ двѣ сотни Донскихъ казаковъ съ Сунженскими, одною Кавказскою и одною Моздокскою, пошелъ въ атаку. Непріятель былъ мгновенно опрокинутъ и потерпѣлъ совершенное пораженіе, оставилъ нѣсколько тѣлъ на мѣстѣ; казаки взяли три значка, одинъ галашевскаго намба Дударова и два дагестанскіе. По прибытіи баталіона гренадеръ и прежде

нежели два другіе баталіона пѣхоты, вышедшіе изъ Сунженской станицы, дошли до половины дороги, непріятель, сдѣлавъ три выстрѣла изъ орудія, поспѣшно ушелъ въ близъ лежащій лѣсъ; часть нашихъ казаковъ, переправясь черезъ рѣку, видѣла только арріергардъ и пикеты ихъ у опушки лѣса. По свѣдѣніямъ, собраннымъ тутъ же на мѣстѣ отъ лазутчиковъ, въ сборѣ находилось 8 наивовъ изъ Большой и Малой Чечни, кромѣ дагестанскихъ; убитыхъ у нихъ было болѣе 20 человѣкъ и много раненыхъ. Непріятель вышелъ изъ Гехи съ 5-ю или 6-ю орудіями, но изъ нихъ 4 не переходили черезъ Фортангу и ночью, прежде этого дѣла, соединился съ этимъ сборомъ наибъ Нуръ-Али, послѣ неудачнаго его предпріятія на Военно-Грузинскую дорогу, въ которомъ онъ былъ остановленъ галагаевскимъ племенемъ.

Въ этомъ блистательномъ кавалерійскомъ дѣлѣ, отъ скорости и рѣшительности нашей атаки, у насъ ранено только 3 казака и ядромъ въ ногу Грузинскаго гренадерскаго полка юнкеръ Кандиновъ.

Главнокомандовавшій на самомъ мѣстѣ сраженія поздравилъ съ знаками отличія военнаго ордена 3-хъ казаковъ, одного Моздокскаго полка и двухъ Сунженскаго, которые взяли непріятельскіе значки; а Государь Императоръ, 25-го мая, Всемилостивѣйше произвелъ Слѣпцова (*за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ*) въ полковники, съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ и по кавалеріи, и наградилъ золотою саблею съ надписью за храбрость.

Послѣ этого неутомимый Слѣпцовъ участвовалъ, 9-го мая—въ заложеніи Ассинской станицы,—25-го при истребленіи кабардинской партіи, близъ аула Самашки; 12-го іюня — въ набѣгѣ къ рѣкѣ Валерику, при чемъ ввѣренная ему кавалерія, истребивъ аулъ Шалахи, взяла у непріятеля 9 плѣнныхъ и отбила болѣе 400 штукъ рогатаго скота; а при возвращеніи на Сунжу удачно отражены всѣ атаки партіи Нуръ-Али и Магометъ-Мурзы Анзорова.

30-го іюня Слѣпцовъ имѣлъ новое блистательное дѣло.

Въ этотъ день, въ 3 часа пополудни, партія хищниковъ, числомъ около 600 человѣкъ, подъ начальствомъ того-же Магометъ Анзорова и двухъ другихъ наивовъ Малой Чечни: Собдуллы и Дубы, внезапно переправясь черезъ р. Ассу, близъ разореннаго аула Чия-Чихи, бросилась на скотъ и

табунъ жителей новой станицы на р. Ассѣ столь быстро и неожиданно, что успѣла отрѣзать и захватить ихъ. Большая часть войскъ и казаковъ находилась въ это время въ другой сторонѣ для прикрытія сѣнокосовъ. По тревогѣ Слѣпцовъ собралъ на покосныхъ мѣстахъ казаковъ до 60 разныхъ командъ, присоединилъ къ нимъ ракетную команду, лично бросился на перерѣзъ партіи, гнавшей скоть по открытому полю въ лѣсъ ниже Чиль-Чихи и догналъ ее во время, когда еще стада и табунъ не вошли въ лѣсъ. Атаковать непріятеля, и отбить отъ него всю захваченную имъ добычу сполна, было дѣломъ минуты. Между тѣмъ сотня Горскаго казачьяго полка, находившаяся на фуражировкѣ, присоединилась къ Слѣпцову, подъ начальствомъ войсковаго старшины Шилинга, а вслѣдъ за этимъ, прибылъ адъютантъ Главнокомандовавшаго, подполковникъ графъ *Галатери* съ 30-ю казаками разныхъ командъ, которыхъ онъ собралъ въ станицѣ на Ассѣ. Въ продолженіи всего этого времени Чеченцы, пользуясь превосходствомъ въ числѣ, не переставали упорно нападать и только съ постепеннымъ усиленіемъ нашихъ командъ начали подаваться къ лѣсу. Наконецъ, когда показалась пыль къ сторонѣ станицы Михайловской, возвѣщавшая приближеніе казаковъ станицъ, водворенныхъ на рѣкѣ Сунжѣ, непріятель бросился въ лѣсъ, на присоединеніе къ ожидавшей его тамъ пѣхотѣ. Слѣпцовъ настигъ партію на самой переправѣ черезъ Ассу. Доброконные съ значками успѣли переправиться, но хвостъ партіи былъ отбитъ отъ настоящей переправы; — казаки принудили Чеченцевъ бросаться съ обрыва въ рѣку, рубили и топили ихъ. 17 непріятельскихъ тѣлъ привезены въ станицу; кромѣ отбитаго въ большомъ числѣ оружія, сто лошадей съ сѣдлами остались въ нашихъ рукахъ и, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ лазутчиками, потеря непріятеля, одними убитыми, простиралась до 50 человекъ. Съ нашей стороны было убито казаковъ 9, и ранено 7. Въ строю находились только 390 казаковъ разныхъ полковъ.

Вслѣдъ за этимъ Слѣпцовъ участвовалъ: 24-го іюля — въ набѣгѣ къ р. Шалажи; 18-го августа — въ преслѣдованіи партіи, напавшей на команду косцевъ при Нестеровскомъ укрѣпленіи; и 11-го сентября — при нападеніи непріятеля на Ассинскую станицу имѣлъ блистательное дѣло,

кончившееся разбитіемъ Чеченцевъ, которыхъ онъ съ Сунженскими казаками преслѣдовалъ до Черныхъ Горъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ неутомимый Слѣпцовъ и его храбрые казаки произвели сами нападеніе на Чеченцевъ, увѣнчавшееся совершеннымъ успѣхомъ. Рѣшившись истребить наиболѣе враждебные аулы Карабулаковъ, которыхъ разбой и хищничества постоянно тревожили Сунженскую линію, онъ, 14-го числа этого мѣсяца, собралъ въ станицѣ Сунженской десять ротъ Тангинскаго и Навагинскаго пѣхотныхъ полковъ, 1½ сотни Донскаго № 19-го полка, одну сотню Кавказскаго, одну сотню Горскаго и пять сотенъ Сунженскаго линейныхъ казачьихъ полковъ, два орудія Донской конно-казачей № 3-й батареи и два орудія 11-й гарнизонной бригады, и выступивъ въ 8 часовъ вечера, по направленію къ аулу Аршты, расположился ночевать при входѣ въ Карабулакскій лѣсъ у переправы черезъ оврагъ Чумулго. Трудность дальнѣйшей дороги черезъ лѣсъ заставила оставить на этой позиціи артиллерію подъ прикрытіемъ шести ротъ пѣхоты и 180 казаковъ; съ остальными же войсками Слѣпцовъ тронулся впередъ и, не смотря на мѣстные препятствія, достигъ оврага Фотона, на противоположномъ берегу котораго были раскинуты карабулакскіе аулы. Казаки были открыты непріятелемъ прежде, нежели всѣ войска успѣли стянуться къ выходу изъ лѣса, что и заставило Слѣпцова замѣнить силу быстротою дѣйствія. Раздѣливъ передовыя три съ половиною сотни на двѣ части, онъ смѣло спустился въ оврагъ; Генеральнаго Штаба подполковникъ Гросманъ и Сунженскаго полка сотникъ Томашевскій понеслись въ обѣ стороны и мгновенно обхватили аулы; все, что попало въ руку казакамъ было истреблено; чтобъ не затруднить отступление, обременивъ колонну добычею, взято только 100 штукъ рогатаго скота для порцій.

Между тѣмъ подошла пѣхота и остальная кавалерія, что дало возможность Слѣпцову отдѣлить сотника Старицкаго съ одною сотнею для нападенія на аулъ Аршты, гдѣ жилъ извѣстный главный разбойникъ Мустафа: жилище его было истреблено и самъ онъ изрубленъ казаками.

Исполнивъ цѣль своего набѣга, Слѣпцовъ началъ отступление. Добычу, подъ прикрытіемъ одной роты и трехъ съ половиною сотенъ, онъ отправилъ впередъ, а самъ съ

остальными войсками остался въ аррьергардѣ. Дорога, проходящая густымъ лѣсомъ, была пересѣчена завалами, въ которыхъ засѣли собравшіеся Карабулаки, подкрѣпленные Чеченцами. Войска должны были штыками прокладывать себѣ путь, при неумолкаемой мѣткой пальбѣ изъ лѣса, что принудило Слѣпцова усилить боковыя цѣпи спѣшенными казачками. Не смотря на дерзость непріятеля и мѣстность, доставлявшую ему всѣ выгоды, войска бодро прошли 5 верстъ. Осталось всего полторы версты тѣсной дороги, но патроны уже были почти всѣ разстрѣлены и подкрѣпленіе было необходимо. Исправлявшій должность адъютанта Сунженскаго полка, сотникъ Предимировъ далъ знать о томъ подполковнику Гросману, возвратившемуся уже на позицію при Чумулго. Двѣ роты поспѣшно прибыли на встрѣчу къ главной колоннѣ и, съ появленіемъ ихъ, прекратилось преслѣдованіе непріятеля.

Потеря наша въ этомъ довольно горячемъ дѣлѣ состояла изъ 17 убитыхъ нижнихъ чиновъ и ранеными трехъ обер-офицеровъ и 63 нижнихъ чиновъ. По вѣрнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ лазутчиковъ, потеря непріятеля была весьма значительна; истреблены всѣ надежные люди Карабулакскаго племени; въ нашихъ рукахъ остался одинъ значекъ и много разной добычи.

Слѣпцовъ отзывался съ особенною похвалою о 2-й грендерской ротѣ Тенгинскаго пѣхотнаго полка, 2-й грендерской и 4-й мушкетерской Навагинскаго полка, а равно о 1-й, 2-й и 4-й сотняхъ Сунженскаго и сотни Донскаго № 19-го полковъ. Маіоръ Артемьевъ, равно какъ и всѣ офицеры, находясь постоянно въ рядахъ своихъ подчиненныхъ, примѣромъ своимъ много способствовали успѣху дѣла.

За отличіе, оказанное въ этихъ дѣлахъ, Слѣпцовъ Всемилостивѣйше награжденъ, въ 31-й день марта 1848 года, 1500 руб. сер. единовременно.

Наконецъ, когда въ ноябрѣ генералъ-лейтенантъ Фрейтагъ вступилъ съ сильнымъ отрядомъ въ Чечню и приступилъ къ дѣланію просѣкъ, рубкѣ лѣсовъ и истребленію нѣкоторыхъ ауловъ, неутомимый Слѣпцовъ, получа достовѣрныя свѣдѣнія, что всѣ наибы Малой Чечни съ своими партиями находятся на рѣкѣ Урусъ-Мартанѣ, для наблюденія за

дѣйствіями нашихъ войскъ, скрытно собралъ въ укрѣпленіи Ачкоевскомъ отрядъ и выступилъ къ сильному по народонаселенію аулу у Маханъ-Юрта, расположенному на правомъ берегу рѣки Валерика. По прибытіи туда на разсвѣтѣ 12-го декабря, онъ внезапно и съ полнымъ успѣхомъ атаковалъ аулъ. Значительная часть сопротивлявшихся Чеченцевъ погибла, аулъ преданъ огню, 22 плѣнныхъ, до 300 штукъ рогатаго скота, множество оружія и вещей остались въ нашихъ рукахъ.

26-го января 1848 года Слѣпцовъ, въ отрядѣ полковника Вревскаго, совершилъ движеніе изъ укрѣпленія Ачкоевскаго для поиска въ Малую Чечню, и съ казаками 1-го Сунженскаго полка произвелъ быстрое нападеніе на хутора Новый и Старый Гехинъ-Кожъ, Течень-Юртъ и Берды-Юртъ, истребилъ эти аулы и участвовалъ въ упорномъ бою и отраженіи непріятеля при обратномъ слѣдованіи отряда.

10-го марта, подъ личнымъ начальствомъ Слѣпцова, произведенъ блистательный набѣгъ къ Гехинской полянѣ, при чемъ отбито большое количество непріятельскаго скота и удачно отражены Чеченцы, которые пытались его возвратить; а 9-го апрѣля совершенъ новый успѣшный набѣгъ отъ Ачкоевскаго укрѣпленія къ рѣкѣ Валерику и выселенъ въ наши предѣлы покорившійся аулъ Алтемиръ-Юртъ.

Съ 7-го по 18-е августа 1848 года, князь Воронцовъ снова осматривалъ часть Верхне-Сунженской линіи, центра и праваго фланга, и остался совершенно доволенъ вполне удовлетворительнымъ состояніемъ находившихся тамъ войскъ, какъ въ отношеніи фронтоваго образованія, такъ и бодрого и веселаго вида нижнихъ чиновъ. Особенное вниманіе Главнокомандовавшаго обратили 1-й Сунженскій и 1-й и 2-й Лабинскіе полки, которые, не смотря на недавнее свое сформированіе, ни въ чемъ не уступали старымъ полкамъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска и служили уже на Сунженской и Лабинской линіяхъ твердымъ оплотомъ нашихъ предѣловъ противъ враждебныхъ племенъ. Новыя тогда станицы: Ассинская (на рѣкѣ Ассѣ), Магометъ Юртовская (въ Малой Кабардѣ) и Константиновская (на Чамлыкѣ), водворенныя только въ прошедшемъ году, отличались удобнымъ помѣщеніемъ и хорошимъ хозяйствомъ вновь поселенныхъ казаковъ, которые успѣли уже сдѣ-

латься грозю немирныхъ племенъ *). Вслѣдствіе всего этого, Слѣпцовъ, 5-го сентября 1849 года, «за отличіе, оказанное въ дѣлахъ 1847 и 1848 года», Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3 степени. Въ 1849 году отрядъ, ввѣренный Слѣпцову, 11 августа поразилъ у станицы Ассинской партію хищниковъ, прокрадывавшуюся къ Сунженской станицы; 25-го того-же мѣсяца — нанесъ сильное пораженіе Чеченцамъ, напавшимъ на аулъ Казагъ-Кичу, а 30-го участвовалъ въ отраженіи непріятельской партіи, напавшей на команду Навагинскаго пѣхотнаго полка близъ укрѣпленія Нестеровскаго.

Успѣшныя дѣйствія наши къ усмиренію Малой Чечни упрочили безопасность Владикавказскаго округа и Военно-Грузинской дороги; но, къ юго-востоку отъ этой дороги, неприступное Галашевское ущелье оставалось еще притономъ хищниковъ. Прорывы ихъ, хотя малыми партіями, въ предѣлы наши требовали наказанія и для укрощенія дерзости было необходимо проложить въ это ущелье путь, во всякое время нашимъ войскамъ доступный. Слѣпцовъ былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ генералъ-маіора Ильинскаго, которому Главнокомандующій поручилъ достиженіе этой двойной цѣли.

Съ 5 на 6 ноября онъ, съ отрядомъ пѣхоты и казаковъ, произвелъ смѣлую рекогносцировку путей, ведущихъ въ Галашевское ущелье; а 23-го совершилъ быстрое и смѣлое движеніе отъ станицы Сунженской на соединеніе съ главнымъ отрядомъ къ рѣкѣ Пфутону, при чемъ прошелъ 60 верстъ въ 25 часовъ, и участвовалъ въ истребленіи Арштинскихъ хуторовъ и въ пораженіи на рѣкѣ Пфутонѣ непріятеля, атакованнаго съ двухъ сторонъ. Генералъ-маіоръ Ильинскій въ донесеніи объ этомъ дѣлѣ отзывался съ особенною похвалою о Слѣпцовѣ.

Вслѣдъ за тѣмъ Шамиль, узнавъ, что часть Галашевскихъ ауловъ выдала намъ аманатовъ и, желая предупредить покорность остальныхъ, направилъ къ нимъ сильное сборище, подъ предводительствомъ Акинскаго и Шатаевского наибовъ.

Для уничтоженія этихъ замысловъ, генералъ-маіоръ Иль-

инскій двинулъ вверхъ по Ассѣ къ аулу Цоки-Юрту колонну изъ 3-хъ баталіоновъ пѣхоты, 7-ми сотенъ кавалеріи, при 2-хъ горныхъ орудіяхъ и пѣшей ракетной командѣ, подъ начальствомъ Слѣпцова, и онъ ознаменовалъ удачно начатую экспедицію въ землю Галашевцевъ новымъ славнымъ подвигомъ.

12-го декабря, на разсвѣтѣ, Слѣпцовъ, оставивъ пѣхоту нѣсколько назадъ, съ одною кавалеріею проскакавъ это разстояніе, обошелъ горцевъ съ фронта, безвредно отъ ихъ выстрѣловъ, пользуясь крутымъ уступомъ берега Ассы, и стремительно атаковалъ лѣвый ихъ флангъ. Не давъ имъ опомниться, Сунженскіе казаки, а съ ними и остальная кавалерія и милиція (и даже вновь покорившіеся Галашевцы) опрокинули передовой отрядъ и главный резервъ непріятеля. Но, на пути отступленія, онъ занялъ другую позицію у аула Коргой-Юрта. Здѣсь дружная и молодецкая атака казаковъ рѣшила дѣло; сборище (числомъ до 3,000 человекъ) было сбито и обращено въ совершенное бѣгство. Живо преслѣдуемые нашею кавалеріею и объятые паническимъ страхомъ, горцы искали спасенія въ лѣсахъ и балкахъ, бросая лошадей и оружіе. Преслѣдованіе продолжалось почти до аула Датыха, въ самыхъ верховьяхъ Бумутскаго ущелья, и прекращено было только по совершенному изнуренію коней.

Въ этомъ кавалерійскомъ дѣлѣ, по официальнымъ отзывамъ *), *одномъ изъ самыхъ блистательныхъ въ исторіи нашихъ кавказскихъ экспедицій, полковникъ Слѣпцовъ показалъ образецъ смѣлаго, но искуснаго и хорошо разсчитаннаго употребленія кавалеріи*, а казаки, въ особенности 1-го Сунженскаго полка, покрыли себя новою славою. Въ рукахъ нашихъ остались два значка, тридцать плѣнныхъ, болѣе трехъ сотъ изрубленныхъ тѣлъ, до трехъ сотъ лошадей съ сѣдлами, болѣе четырехъ сотъ винтовокъ и множество другаго оружія.

Съ нашей стороны было только трое раненыхъ казаковъ; эта незначительная потеря объясняется быстротою и неожиданностію натиска.

*) *Кавказъ* 1847 г., № 138, оффпц.

*) *Русскій Инвалидъ* 1850 г., № 4.

Пѣхота, подъ командою полковника Веревкина, прибыла на поле сраженія уже послѣ пораженія непріятеля; но она прикрыла обратное движеніе колонны, которое было совершено въ примѣрномъ порядкѣ.

Послѣдствіемъ этого дѣла было то, что остальные Галашевцы спѣшили изъявить покорность, и самый упорный въ непокорности ауль Адель-Гирея выдалъ аманатовъ безъ всякаго сопротивленія. Конечно, къ тому содѣйствовала и вырубка просѣки, открывшей намъ доступъ въ ихъ ущелье со стороны Сунженской линіи.

Государь Императоръ въ ознаменованіе особеннаго *Монаршаго благоволенія* къ 1-му Сунженскому линейному казачьему полку, за *отличное мужество и храбрость во многихъ дѣлахъ противъ непокорныхъ горцевъ*, Высочайшимъ приказомъ по Военному вѣдомству, 6-го января 1850 года, Всемилостивѣйше пожаловалъ этому полку знамя, съ надписью: «За отличные подвиги при покореніи Малой Чечни въ 1849 году.» Храбрый—же полковой командиръ, чрезъ двѣ недѣли, Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Георгія 4 степени, «въ награду,» какъ сказано въ Высочайшемъ Именномъ указѣ, данномъ Капитулу Орденовъ, 19-го января 1850 года, «благоразумныхъ распоряженій, отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ въ дѣлахъ съ горцами при движеніи съ вѣренною ему колонною по Бумутскому ущелью, и при пораженіи и преслѣдованіи непріятельскихъ партій, подступившихъ, въ числѣ болѣе трехъ тысячъ человекъ, къ покорившемуся намъ аулу Цоки-Юртъ.» Кромѣ того, выданные Слѣпцову заимообразно, изъ казенныхъ суммъ, 5000 рублей серебромъ, сложены съ него, по Высочайшему повелѣнію, 5 января 1850 года, «въ награду за усердную и полезную его службу и за отличные подвиги, оказанные имъ въ неоднократныхъ дѣлахъ противъ горцевъ и въ особенности при покореніи Малой Чечни.»

Въ первую половину 1850 года Слѣпцовъ ознаменовалъ себя также нѣсколькими замѣчательными дѣлами. 5-го января онъ собралъ отрядъ, подъ личнымъ своимъ начальствомъ, для защиты Галашевцевъ и Карабулакъ отъ покушеній чеченскихъ набовъ, съ которыми 6-го занялъ позицію на рѣкѣ Алгузь—Али. Отсюда, 9-го, онъ произвелъ

смѣлый и удачный набѣгъ къ Датыху, для наказанія жителей; занялъ этотъ ауль, разорилъ аулы на рѣкѣ Фортангѣ, взялъ аманатовъ отъ непокорныхъ селеній и, 11-го, возвратился на Аргузь—Алинскую позицію.

4-го февраля, двинувшись снова въ землю Галашевцевъ, но уже для наказанія избѣжавшихъ намъ ауловъ, Слѣпцовъ, въ тотъ же день занялъ ауль Изекъ; 7-го поразилъ партію хищниковъ, переправившихся чрезъ рѣку Натхой; 17-го произвелъ удачный набѣгъ на ауль Ясанъ-Юртъ, истребилъ его и прилежащіе хутора, отбилъ значительное количество скота и имѣлъ жаркое дѣло съ горцами, за отличіе въ которомъ удостоился получить Именное Монаршее благоволеніе, объявленное въ Высочайшемъ приказѣ 11-го декабря 1850 года.

8-го мая, Слѣпцовъ имѣлъ перестрѣлку съ партіею хищниковъ у Самашинской переправы и удачно ихъ преслѣдовалъ до рѣки Шалахи; а въ концѣ іюля производилъ рубку лѣса въ Галашевскомъ ущельѣ, при перестрѣлкахъ со стороны горцевъ.

Но всѣ эти дѣла, принадлежащія первымъ семи мѣсяцамъ 1850 года, далеко уступаютъ подвигу, совершенному Слѣпцовымъ въ августъ мѣсяцъ.

Просѣка, вырубленная нашими войсками зимою 1849—50 года отъ крѣпости Воздвиженской къ Шалинской полянѣ, сильно встревожила Шамиля, потому что поле это считается главною житницею Большой Чечни и части нагорнаго Дагестана; къ тому-же, съ открытіемъ новаго сообщенія, онъ могъ ожидать внезапнаго набѣга отряда на тогдашнее его убѣжище, ауль Веденъ.

Чтобы успокоить Чеченцевъ и преградить входъ къ мѣстопробыванію своему, Шамиль весною 1850 года устроилъ, при выходѣ изъ просѣки, цѣлую укрѣпленную линію, простиравшуюся на $4\frac{1}{2}$ версты, пересѣкая эту новую дорогу и лѣсъ по обѣимъ ея сторонамъ.

Ровъ предъ фронтомъ укрѣпленія имѣлъ до $3\frac{1}{2}$ сажень глубины, около $2\frac{1}{2}$ сажень ширины и наполнялся водою изъ рѣчки Шали; брустверъ, высотой въ 14 футовъ, состоялъ изъ щебня, перемѣшаннаго утрамбованною землею. На кровѣ его поставлены туры, наполненные также землею съ щебнемъ и образовавшіе сплошную массу, которую

почти нельзя было разрушить дѣйствіемъ артиллеріи; частыя амбразуры были продѣланы между турами для ружейнаго огня. По краямъ простѣки находились двѣ полукруглыя башни для дѣйствія артиллеріи. Лѣвый флангъ противъ обходовъ обезпечивался валомъ, въ видѣ тенальнаго фронта, вдавшимся въ лѣсъ болѣе нежели на полверсты, и на его оконечности былъ возведенъ редутъ наиба Талчики, съ помѣщеніемъ для значительнаго гарнизона и лошадей кавалеріи и артиллеріи.

За этимъ грознымъ окопомъ Шамиль и Чеченцы думали быть въ безопасности отъ нашихъ нападений. Расчеты ихъ оказались ошибочными. При самомъ началѣ работъ, генераль-маіоръ Козловскій сдѣлалъ удачное движеніе отъ крѣпости Воздвиженской и разрушилъ ихъ укрѣпленіе. Но впослѣдствіи Шамиль его возобновилъ и еще усилить съ огромными трудами и работами, которыя возбудили общій ропотъ какъ между Дагестанцами, такъ и между самими Чеченцами. Однако и эти новые верки не могли остановить отваги Сунженскихъ казаковъ и храбраго ихъ начальника.

Укрѣпленіе охранялось всегда большими караулами и толпами, прибывшими изъ нагорнаго Дагестана. Другое сборище, въ августѣ мѣсяцѣ 1850 года, направилось противъ отряда генераль-маіора Козловскаго, который вырубалъ простѣку отъ укрѣпленія Куринскаго къ Мичику, для обезпеченія еще одного входа въ Большую Чечню. Чтобы ослабить сопротивленіе непріятеля, генераль-маіоръ Козловскій, по данному ему отъ князя Воронцова разрѣшенію, просилъ генерала Ильинскаго произвести диверсію со стороны Верхне-Сунженской линіи. Генераль Ильинскій поручилъ это дѣло Слѣпцову, «извѣстному по своей предприимчивости и постояннымъ успѣхамъ,»—прибавляетъ Главнокомандовавшій въ своемъ приказѣ *), и послѣдній рѣшился овладѣть Шалинскимъ укрѣпленіемъ, хотя «разсчитывалъ, что атака этихъ линій, стоявшихъ непріятелю столько трудовъ и издержекъ, непременно привлечетъ на этотъ пунктъ силы его, собранныя на рѣкѣ Мичикѣ **).»

*) Приказъ по Отдѣльному Кавказскому Корпусу отъ 4-го сентября 1850 г.

***) Тамъ же.

Такое *отважное* *) предпріятіе требовало большей осторожности, потому что для подобнаго движенія нужно было снять по крайней мѣрѣ на пять дней всѣ кавалерійскіе резервы съ Сунжи, въ то время, какъ значительныя партіи постоянно были въ сборѣ, съ цѣлью тревожить эту часть нашего кордона и волновать покорившихся намъ Галашевцевъ и Карабулаковъ. Необходимо было поставить непріятеля въ недоумѣніе, на какой пунктъ будетъ произведено нападеніе. Съ этимъ намѣреніемъ Слѣпцовъ сосредоточилъ сначала особый летучій отрядъ на р. Ассѣ, будто для набѣга въ горную часть Малой Чечни, или въ ущелье Фортанги, а въ ночь съ 20 на 21 августа притянулъ его скрытно къ ст. Михайловской, изъ которой выступилъ окольными путями по направленію къ кр. Грозной, съ семью ротами пѣхоты, 700 казаковъ, 230 милиціонерами, 2 конными орудіями и ракетною командою.

Съ разсвѣтомъ 21 ч., конница съ орудіями подошла къ кургану Трехъ Братьевъ, развернула значки и вслѣдъ за тѣмъ скрылась быстро въ тущобахъ около Алханъ-Юрта, а пѣхота, утомленная отъ быстрого движенія за казаками, возвращена была, въ виду чеченскихъ пикетовъ, назадъ въ ст. Михайловскую. Обманутый этимъ маневромъ непріятель увѣрился, что нападеніе будетъ сдѣлано на одно изъ ущелій между Гойтою и Фортангою, а потому всѣ его партіи, собранныя въ Малой Чечнѣ, разошлись по домамъ и, не видя болѣе отряда, въ страхѣ ожидали, въ продолженіи двухъ дней, появленія нашихъ войскъ въ одномъ изъ своихъ ауловъ.

Вечеромъ, того же числа, Слѣпцовъ съ кавалеріею и орудіями переправился чрезъ Сунжу и Мартанъ и, слѣдуя по затруднительнымъ лѣснымъ дорогамъ на бывшіе Алдинскіе хутора, къ 11 часамъ ночи прибылъ, никѣмъ не замѣченный, въ скрытное мѣсто близъ Ханъ-Кальскаго ущелья, гдѣ и далъ войскамъ краткій отдыхъ. Сюда прибылъ къ нему на подкрѣпленіе изъ Грозной подполковникъ Берсенева съ тремя ротами пѣхоты и сотнею Дунайскихъ казаковъ.

*) Эштеть, приданный ему въ томъ же приказѣ; въ формуляръ Слѣпцова онъ внесенъ съ прилагательнымъ *смѣлымъ*.

На разсвѣтъ, 22-го августа, въ священный день коронованія незабвеннаго Государя, весь этотъ отрядъ переправился чрезъ быструю рѣку Аргунъ и пять ея рукавовъ, при большомъ ея полноводьи, и здѣсь только былъ открытъ непріятельскими пикетами, которые тотчасъ распространили тревогу по Чечнѣ и завязали перестрѣлку во время затруднительной переправы, но не могли задержать движенія нашихъ войскъ, шедшихъ къ Шали.

Въ 6 часовъ утра они были уже въ двухъ верстахъ отъ укрѣпленнаго вала, занятаго 500 горцами при одномъ орудіи, подъ предводительствомъ наибовъ Талгика и Лабазана. Непріятель могъ собраться еще въ большихъ силахъ, подвергнуть отрядъ значительной потерѣ, а потому Слѣпцовъ рѣшился, не медля, кончить дѣло однимъ ударомъ. Устроивъ кавалерію передъ укрѣпленіемъ, онъ отправилъ есаула Предимирова съ двумя сотнями и частью ракетной команды къ лѣвому флангу окоповъ, дабы завязать перестрѣлку и отвлечь вниманіе Чеченцевъ; самъ лично повелъ въ атаку пѣхоту въ лѣсъ противъ оконечности праваго фланга сихъ окоповъ. Она встрѣчена была пѣснями мюридовъ и залпомъ изъ ружей, но, не смотря на убійственный огонь, обѣ линейныя роты и рота егерскаго имени князя Воронцова полка, одушевляемая примѣромъ своихъ начальниковъ, съ крикомъ « ура! »—быстро кинулись на штурмъ и овладѣли этою частью укрѣпленія. Оставивъ здѣсь роту пѣхоты, Слѣпцовъ послалъ Генеральнаго Штаба капитана барона Сталя, съ остальными двумя ротами вдоль по банкету, къ лѣвому флангу, гдѣ они были вновь встрѣчены сильнымъ ружейнымъ огнемъ и пушечными выстрѣлами изъ сомкнутаго укрѣпленія Шалгика. Однакожь усилія Чеченцевъ были тщетны, потому что, почти въ одно время съ пѣхотою, есаулъ Предимировъ, поддержанный Дунайскою сотнею, съ свойственною ему рѣшительностію, бросился на приступъ съ спѣшенными казаками, и непріятель, атакованный съ двухъ сторонъ, поспѣшно бѣжалъ въ лѣсъ, увезя заблаговременно орудіе. Въ тоже время двинулась остальная кавалерія прямо къ фронту бруствера; казаки и милиціонеры спѣшились, перелѣзли чрезъ ровъ и начали заваливать оный раскидными турами, землю и свѣгомъ, такъ что чрезъ часъ времени

устроенъ былъ удобный въѣздъ въ укрѣпленіе, а вслѣдъ за тѣмъ и два другіе.

Въ 10 часовъ утра отрядъ подкрѣпленъ былъ командою полковника Ушакова, высланнаго изъ кр. Воздвиженской, которая занялась скорѣйшимъ разрушеніемъ главныхъ верковъ и устройствомъ широкихъ всходовъ, ибо о разрушеніи всего нельзя было и думать, по огромности работъ, да въ томъ и не было надобности, коль скоро Чеченцы убѣдились, что онъ не можетъ служить для нихъ защитою.

Между тѣмъ пушечные выстрѣлы на Шалинской полянѣ распространили тревогу въ Большой Чечнѣ: партіи начали собираться даже съ Мичика; онѣ засѣли за валами въ лѣсу и въ высокомъ бурьянѣ и завязали жаркую перестрѣлку съ пѣхотою, занимавшею оба фланга укрѣпленія, а главная масса (2500 человекъ конныхъ и пѣшихъ при одномъ орудіи) расположилась въ 800 саж. отъ нашей позиціи, отдѣленная отъ оной болотомъ и весьма пересѣченною мѣстностію, и открыла артиллерійскій огонь. Чтобы наказать дерзость горцевъ, Слѣпцовъ немедленно построилъ всю кавалерію въ двѣ колонны противъ обоихъ фланговъ вала, и двинулъ ихъ дружно и быстро въ атаку, поддерживая каждую изъ нихъ двумя ротами пѣхоты, которыя подъ командою подполковниковъ Ушакова и Берсенева, слѣдовали вдоль опушки лѣса, для прикрытія возвращенія казаковъ. Не смотря на мѣткій огонь непріятеля, бой былъ непродолжительный: едва блеснули шашки храбрыхъ Сунженскихъ казаковъ, а вслѣдъ за ними штыки слѣдовавшихъ по пятамъ ихъ неутомимыхъ егерей, какъ толпы Чеченцевъ, не выдержавъ удара, разбѣжались по всѣмъ направленіямъ, и кавалерія гнала ихъ на разстояніи 10 верстъ по перелѣскамъ и полянамъ; наконецъ утомленіе лошадей, не имѣвшихъ почти отдыха въ продолженіе двухъ дней, заставило прекратить преслѣдованіе, и когда кавалерія вступила съ пѣснями въ укрѣпленіе, Чеченцевъ уже не было видно и перестрѣлка со стороны ихъ совершенно прекратилась.

Къ 3 часамъ по полудни дѣло было кончено; въ это время прибыла изъ кр. Воздвиженской другая колонна, подъ командою генераль-маіора барона Меллера-Закомельскаго, которая совместно съ прочими войсками разрушила изъ укрѣпленнаго вала все, что можно было уничтожить до

ночи. Къ вечеру всё воротились въ кр. Воздвиженскую, а на другой день отрядъ Слѣпцова пошелъ къ Сунжѣ, по такъ называемой Русской дорогѣ чрезъ Малую Чечню.

Въ этомъ столь блистательномъ набѣгѣ, одномъ изъ от-
важнѣйшихъ кавалерійскихъ дѣлъ на Кавказѣ, говорилъ князь Воронцовъ, въ своемъ приказѣ по Корпусу *), всѣ распоряженія были такъ хорошо разсчитаны полковникомъ Слѣпцовымъ и ударъ казаковъ былъ такъ рѣшителенъ и быстръ, что непріятель не успѣлъ опомниться и оттого потеря съ нашей стороны весьма незначительна. Она состоитъ изъ 8 убитыхъ нижнихъ чиновъ, и раненыхъ: 1 обер-офицера и 37 нижнихъ чиновъ. Уронъ Чеченцевъ былъ весьма великъ, и между прочимъ тяжело раненъ начальникъ укрѣпленія Талгикъ, одинъ изъ наиболѣе предприимчивыхъ набобовъ Шамиля.

Дѣло это останется на долго въ памяти Чеченцевъ **) и послѣдствія его важны тѣмъ, что оно доказало Шамилю, что устроенные имъ съ такими трудами окопы, пожертвованіемъ и обремененіемъ народа, не могутъ противостать не только дѣйствию сильныхъ отрядовъ, но даже и кавалерійскому набѣгу, и что онъ долженъ отказаться отъ обладанія Шалинской поляною, столь необходимою, даже для Дагестанцевъ. Онъ увидѣлъ, что, очистивъ совершенно Малую Чечню отъ непріятеля, резервы наши на Сунжѣ сдѣлаются грозю Большой Чечни.

Князь Воронцовъ, вмѣняя себѣ въ особенное удовольствіе объявить по войскамъ вѣреннаго ему Корпуса объ этомъ *смѣломъ и вполне молодецкомъ подвигѣ* ***) , изъявилъ свою душевную признательность *храброму и распорядительному* ****) начальнику отряда, полковнику Слѣпцову, отважности, знанію мѣстности и благоразумію коего въ особенности онъ приписывалъ успѣхъ этой экспедиціи, и благодарилъ наиболѣе отличившихся Гг. штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

Въ заключеніе приказа Главнокомандовавшій пріятнымъ

*) Тамъ же.

**) Слова того же приказа.

***), Эпитетъ, приданный тѣмъ же приказомъ.

****) Слова того же приказа.

долгомъ считалъ изъявить свою признательность начальнику Владикавказскаго Округа, генераль-маіору *Ильинскому*, за столь охотное и немедленное исполненіе просьбы генераль-маіора Козловскаго *и за выборъ для совершенія этого предпріянія полковника Слѣпцова, который, по выраженію князя Воронцова *)*, *въ теченіи пяти лѣтъ существованія вѣренной ему линіи никогда не упустилъ ни одного случая особенно отличиться и оказалъ уже столько важныхъ заслугъ*. Такую же признательность онъ изъявлялъ и генераль-маіору барону *Меллеру-Закомельскому*, который по первому извѣщенію Слѣпцова отправилъ къ нему на подкрѣпленіе колонну подполковника Ушакова, а вслѣдъ за тѣмъ самъ пришелъ къ нему съ остальными войсками изъ кр. Воздвиженской и участвовалъ въ *этомъ блистательномъ и полезномъ дѣлѣ* **).

Государь Императоръ наградилъ Слѣпцова за этотъ отличный подвигъ чиномъ генераль-маіора, въ который онъ произведенъ Высочайшимъ приказомъ по Военному вѣдомству 10-го сентября 1850 года, «за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ», съ оставленіемъ начальникомъ Верхне-Сунженской линіи и по кавалеріи.

Наконецъ, въ этомъ году Сунжа удостоилась посѣщенія нынѣ благополучно-царствующаго Владыки Россіи. При этомъ произошелъ случай, о которомъ не можемъ удержаться, чтобы не сказать и здѣсь: чувство, внушаемое имъ, понятно для каждаго Русскаго, и особенно дорого для Кавказскаго Корпуса.

Государь Императоръ, тогда Наслѣдникъ Цесаревичъ, 26-го октября изволилъ слѣдовать изъ крѣпости Воздвиженской чрезъ Урусъ-Мартанъ въ укрѣпленіе Ачхой, по такъ называемой *Русской дорогѣ*. Отрядъ, сопровождавшій Его Величество въ боевомъ порядкѣ чрезъ эту сторону, недавно еще населенную непокорными племенами, а тогда уже отторгнутую оружіемъ нашихъ войскъ изъ рукъ упорнаго врага, и преимущественно трудами Слѣпцова, съ жад-

*) Тамъ же.

**) Эпитетъ, приданный въ томъ же приказѣ.

ностию ждалъ только случая повторить, въ глазахъ Государя, подвиги, ознаменовавшіе войска наши въ Малой Чечнѣ. Свѣжи въ памяти каждаго были воспоминанія упорныхъ боевъ на рѣкахъ Гойтѣ, Рашни, Гехахъ и Валерикѣ, но непріятель нигдѣ не показывался, и Августѣйшій Посѣтитель ѣхалъ по Малой Чечнѣ, какъ по вѣрной Ему Русской странѣ.

Наконецъ, совершенно неожиданный случай въ то время, когда отрядъ находился между рѣками Рошнею и Валерикомъ и на этой послѣдней уже видны были войска Владикавказскаго округа, пришедшія на встрѣчу Государя, — прибавилъ новый счастливый военный эпизодъ къ благополучному и благословенному Провидѣніемъ путешествію Его Императорскаго Величества. Малая непріятельская партія показала на нѣкоторомъ разстояніи отъ лѣвой цѣпи нашей, впереди казаковъ, составлявшихъ авангардъ. Казаки и милиція изъ покорившихся намъ Чеченцевъ быстро бросились на нихъ. Государь, внимая только порыву Августѣйшей груди Своей, со свитою и казаками, составлявшими авангардъ, *быстро и смѣло* *) поскакалъ къ лѣсу, и былъ свидѣтелемъ малой стычки непріятеля съ казаками и милиціею. Настигнутые Чеченцы, сбѣжавъ залпъ изъ ружей и заведя перестрѣлку, бросились къ лѣсу. Предводитель этой партіи изрубленъ въ глазахъ Государя, и оружіе его поднесено къ Высочайшимъ стопамъ. Все это было дѣломъ минуты, и невольное безпокойство, стѣснившее грудь каждаго при мысли объ опасности, которой могъ подвергнуться Высочайшій Посѣтитель, уступило мѣсто радости и восторгу, при видѣ обожаемаго Наслѣдника Престола, участвовавшаго съ вѣрными Кавказскими войсками въ этомъ маломъ эпизодѣ боевой ихъ жизни. Но этотъ восторгъ Кавказцевъ вышелъ изъ вѣхъ предѣловъ, и навсегда запечатлѣлся въ ихъ сердцахъ, когда они узнали, что въ Божѣ почивающій Государь Императоръ, удовлетворяя ходатайству ихъ Главнокомандовавшаго, Всемилостивѣйше пожаловалъ Государю Наслѣднику за это дѣло орденъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й сте-

*) Выраженіе Высочайшаго указа, даннаго 10 ноября 1850 г. Капитулу Ордеповъ.

пени. Кавказцы съ благоговѣніемъ чувствуютъ, что это отличіе храбрыхъ навсегда сроднило Владыку Россіи съ ихъ рядами.

Въ тотъ же день Его Величество прибылъ на ночлегъ въ укрѣпленіе Ачхай, и 27-го числа, осмотрѣвъ на пути поселенія храбраго Сунженскаго полка, ставшаго столь твердою ногою на недавно предъ тѣмъ враждебной намъ землѣ, прибылъ благополучно во Владикавказъ, а на другой день, 28-го, изволилъ отправиться въ Ставрополь и далѣе, сопровождаемый благословеніями всего края, который навсегда сохранить воспоминаніе о счастливомъ посѣщеніи Кавказа Государемъ.

Собственно для Слѣпцова эти дни составляли прекраснѣйшее вознагражденіе за его труды и подвиги. Государь Наслѣдникъ изволилъ остаться вполне довольнымъ всѣмъ видѣннымъ и, по Его засвидѣтельствованію «объ отличномъ порядкѣ и примѣрномъ устройствѣ, въ которомъ найденъ Его Высочествомъ полкъ», Слѣпцовъ удостоился получить Именное Монаршее благоволеніе, объявленное 19-го декабря 1850 года.

Съ наступленіемъ зимы 1850—51 года, снова было преступлено, и съ большимъ успѣхомъ, къ вырубкѣ просѣкъ по важнѣйшимъ военнымъ сообщеніямъ въ Большой и Малой Чечнѣ.

Со стороны Владикавказскаго округа летучій отрядъ, собранный въ половинѣ декабря на Верхней Сунженской линіи подъ командою Слѣпцова, и состоявшій изъ 2½ баталіоновъ пѣхоты, команды саперъ, шести сотенъ казаковъ съ ракетною командою и трехъ сотенъ милиціи, при двухъ орудіяхъ, приступилъ къ рубкѣ лѣса на дорогахъ отъ станицы Ассинской и укрѣпленія Ачхоевскаго къ разрушенному аулу Самашки и къ укрѣпленію Зakanъ-Юрту на Верхней Сунжѣ. Работы производились безъ выстрѣла со стороны непріятеля, который въ то время отказался уже отъ владѣнія плоскостью Малой Чечни.

Но жители нагорной части, въ особенности аулы, поселенные въ верховьяхъ Фортанги, напротивъ, часто собирали хищническія партіи для покушенія противъ нашихъ предѣловъ и давали явно пристанище бѣглымъ и абрекамъ съ разныхъ мѣстъ.

Чтобы наказать горцевъ за ихъ дерзость, Слѣпцовъ собралъ, въ ночи съ 5-го на 6-е января 1851 года, свой отрядъ на двухъ пунктахъ: въ станицѣ Ассинской и на рѣкѣ Алгусь-Али, и двинулъ главную массу кавалеріи, подъ командою подполковника Мезенцова, къ аулу Датыху, издавна славшему, какъ гнѣздо самыхъ отважныхъ разбойниковъ, а самъ, съ пѣхотою и частию казаковъ, направился къ аулу Гандаль-басу, въ томъ же ущельѣ. Ударъ, нанесенный подполковникомъ Мезенцовымъ аулу Верхне-Датыхскому, заставилъ и всѣ другіе аулы въ ущельѣ Фортанги, не исключая Гандаль-баса, склониться къ покорности, что и предупредило строгое наказаніе, ожидавшее ихъ отъ отряда Слѣпцова. Кончивъ столь удачно это дѣло и безъ всякой потери, летучій отрядъ, послѣ кратковременнаго отдыха на линіи, продолжалъ вырубку лѣсовъ.

Объявляя по войскамъ Корпуса объ этомъ, Главнокомандовавшій *) счелъ приятнымъ долгомъ, какъ онъ выразился, изъяснить свою совершенную признательность Слѣпцову.

Между тѣмъ, окопъ, отчасти уничтоженный въ прошломъ году Слѣпцовымъ, былъ возобновленъ въ третій разъ соединенными усиліями Чеченцевъ и жителей Дагестана, нарочно для того созданныхъ.

Для окончательнаго его уничтоженія и чтобы расчисткою окрестныхъ лѣсовъ проложить свободный во всякое время года путь во внутрь Большой Чечни, въ началѣ 1851 года назначенъ былъ отрядъ генераль-маіора Козловскаго. Слѣпцовъ значительно способствовалъ успѣху дѣйствій этого генерала тѣмъ, что предупредилъ движеніе Хаджи-Мурата, предпринявшаго, съ отборною конницею, сдѣлать диверсію въ Большую Чечню. Двинувшись на встрѣчу непріятелю, онъ заставилъ наиба отказаться отъ такихъ замысловъ и строго наказалъ жителей Малой Чечни, принявшихъ сторону Шамиля.

Вслѣдъ за этимъ, Слѣпцову назначено было возвести двѣ новыя станицы, чтобы тѣмъ довершить линію отъ Назрана до крѣпости Грозной.

Въ враждебныхъ попыткахъ къ воспрепятствованію ходу работъ наиболѣе принимали участіе опять жители нагорной

*) Приказъ отъ 16 января 1851 г.

Чечни, въ надеждѣ на недоступность обитаемой ими мѣстности.

Чтобы положить этому конецъ, Слѣпцовъ произвелъ, 15-го іюня, наступательное движеніе двумя колоннами, состоявшими въ совокупности изъ 11-ти ротъ пѣхоты, 12-ти сотенъ казаковъ и 2-хъ сотенъ милиціи, при пяти орудіяхъ, съ ракетною командою.

Главная колонна, подъ личнымъ его начальствомъ, устремилась вверхъ по лѣсистому ущелью рѣки Гехи, гдѣ казаки и милиція, проскакавъ 7 верстъ, внезапно охватили передовые хутора тѣсно гнѣздившагося тамъ населенія, отогнали весь скотъ жителей и истребили ихъ имущество, обративъ въ бѣгство или захвативъ въ плѣнъ защищавшихъ его Чеченцевъ. Столь же удачно исполнила свое дѣло и другая колонна, которая, подъ командою войсковаго старшины Предимирова, быстро вторгнулась въ ущелье рѣки Шалажи, и также истребила или захватила все имущество жителей, разсѣянныхъ по хуторамъ.

Затѣмъ объ колонны, обремененныя добычею, предприняли отступленіе. Ожесточенные Чеченцы въ весьма значительныхъ силахъ атаковали, отчаянно и со всѣхъ сторонъ, наши цѣпи и арріергардъ. Но стойкость пѣхоты и казаковъ, удачное дѣйствіе артиллеріи и ракетъ, отличный порядокъ, соблюдавшійся всеми частями при обратномъ слѣдованіи эшелонами, и благоразумныя мѣры Слѣпцова, расположившаго сильныя резервы пѣхоты при выходѣ изъ лѣса, сокрушили всѣ замыслы непріятеля.

На Шалинской полянѣ прекратилось дѣло, которое дорого стоило Чеченцамъ, потерявшимъ до 200 человекъ убитыми и ранеными, въ томъ числѣ извѣстнаго наиба Магометъ-Мирза Анзорова — раненаго и умершаго чрезъ нѣсколько дней.

Самъ Слѣпцовъ въ этотъ день былъ также раненъ — въ первый разъ — въ правое бедро, но къ счастью неопасно; кромѣ того съ нашей стороны убито 6 нижнихъ чиновъ и ранены: 4 оберъ-офицера и 47 нижнихъ чиновъ.

Заслуженное это наказаніе такъ сильно подѣйствовало на мятежныхъ жителей нагорной Чечни, что многіе изъ нихъ тотчасъ начали искать русскаго покровительства.

По засвидѣтельствованію Главнокомандовавшаго *объ от-*

личною распорядительности и примѣрною мужествомъ, оказанныхъ при этомъ Слѣпцовымъ, Государь Императоръ, 17-го іюля того же года, Всемилостивѣйше пожаловалъ его кавалеромъ ордена Св. Станислава 1-й степени.

Наконецъ, 10-го декабря 1851 года, отрядъ Слѣпцова имѣлъ новое жаркое и блистательное дѣло съ непріятелемъ, на правомъ берегу рѣки Гехи, — бывшее послѣднимъ для героя.

Еще 7-го декабря, часа въ три пополудни, непріятель вывезъ одно орудіе на опушку лѣса, на правомъ берегу Гехи, и сдѣлалъ изъ него нѣсколько выстрѣловъ по лагерю отряда, расположеннаго въ Гехинскомъ ущельѣ. Канонада изъ нашихъ орудій заставила Чеченцевъ сейчасъ увести назадъ свою пушку. Слѣпцова не было въ то время въ лагерѣ; онъ ѣздилъ въ укр. Урусъ-Мартанъ. Возвратясь оттуда на другой день, онъ узналъ чрезъ лазутчиковъ, что непріятель намѣренъ снова сдѣлать попытку стрѣлять по лагерю, и что въ томъ мѣстѣ, куда Чеченцы вывозятъ свое орудіе, устроены ими огромные завалы. Вслѣдствіе того сдѣланы были Слѣпцовымъ слѣдующія распоряженія, чтобы выбить непріятеля изъ заваловъ и, если можно, захватить орудіе: одна колонна изъ спѣшенныхъ казачьихъ охотниковъ и 2-го Тенгинскаго баталіона должна была войти въ лѣсъ, идущій по правому берегу рѣки и, по первому выстрѣлу изъ непріятельскаго орудія, броситься на путь отступленія Чеченцевъ и штурмовать тамъ завалы. Центральная колонна, подъ личнымъ предводительствомъ генерала, изъ баталіона пѣхоты, двухъ сотенъ казаковъ и двухъ конныхъ орудій, по первому же выстрѣлу должна была кинуться по правому берегу рѣки, кавалерія впереди, прямо летѣть на завалы и орудіе. Наконецъ, 3-й колоннѣ, бѣльшей прочихъ по составу, назначено было стоять на лѣвомъ берегу Гехи, на Нурикоевской полянѣ, рубить лѣсъ и быть въ готовности, въ случаѣ появленія непріятеля съ орудіемъ, перейти на правый берегъ и содѣйствовать колоннѣ генерала. 9-е число прошло въ ожиданіяхъ, которыя на этотъ разъ не сбылись; непріятель не привезъ орудія.

10-го, лазутчики пришли съ донесеніемъ, что въ этотъ день многочисленное скопище непріятельское непременно явится, и Чеченцы будутъ стрѣлять изъ своего орудія по

пѣхотѣ, рубящей лѣсъ. Часовъ въ 10 войска были на назначенныхъ мѣстахъ. Въ первомъ часу генералъ приказалъ колоннѣ охотниковъ тихо войти въ лѣсъ и залечь тамъ. Онъ былъ въ большомъ нетерпѣніи. Наконецъ, въ началѣ третьяго часа, раздавался выстрѣлъ изъ непріятельскаго орудія. Генералъ вскочилъ на лошадь, бросился къ кавалеріи, закричалъ ей: *на-конь! на-конь!* и поѣхалъ по правому берегу рѣки сперва рысью, потомъ пустился скакать. Двѣ сотни неслись за нимъ на полномъ карьерѣ. Проскакавъ версты полторы, наша небольшая кучка всадниковъ была уже на одной высотѣ съ непріятельской колонной, находившейся на лѣвомъ берегу. Кавалерія ея стала переходить въ это время рѣку. Генералъ, скакавшій впереди, сказалъ: *«господа, кричите ура! кричите ура!»* Окружавшіе его вынули шапки, продолжали нестись во весь духъ и влетѣли на поляну, усѣянную рѣдкими деревьями. Тутъ былъ непріятель и привѣтствовалъ нашихъ градомъ пуль. Но приведенный въ замѣшательство появленіемъ казаковъ, которыхъ онъ не ожидалъ съ этой стороны, ошеломленный ихъ ударомъ, услышавъ слѣва «ура!» охотниковъ, заходившихъ ему въ тылъ, онъ бросился бѣжать. Казаки догоняли и рубили пѣшихъ Чеченцевъ: много ихъ здѣсь погибло. Кавалерія вся въ разсыпномъ строѣ скакала впередъ, перепрыгивая чрезъ срубленные и поваленныя деревья. Въ лѣсу раздавался грохотъ отъ перестрѣлки и гремѣло всюду русское «ура!» Пронесшись далѣе, кавалерія остановилась наконецъ предъ огромными завалами, чрезъ которые трудно и пѣшему перейти. Бѣгущій непріятель прикрылся ими и открылъ сильный огонь. Подоспѣла пѣхота.

Когда кавалерія остановилась передъ завалами (по свидѣтельству всѣхъ, которымъ знакома здѣшняя война, рѣдкими по величинѣ и длинѣ своей), генералъ послалъ приказаніе пѣхотѣ идти какъ можно скорѣе. Чрезъ десять минутъ приведенъ былъ баталіонъ Навагинцевъ (первая появившаяся пѣхота). Густая цѣпь ихъ открыла сильный огонь, и, подойдя къ завалу, который тянулся длинною линіею, залегла за нимъ. Непріятель быстро отступалъ; лѣсъ былъ покрытъ бѣгущими Чеченцами. Генералъ стоялъ правѣе Навагинской цѣпи, окруженный лишь своимъ казачьимъ конвоемъ; при немъ не находилось въ эту минуту ни одного офицера (всѣ

были разосланы съ приказаніями). Онъ былъ на своемъ знаменитомъ конѣ; издали легко можно было различить его по шапкѣ съ краснымъ верхомъ. Онъ кричалъ Навагинцамъ: «впередъ, ребята, черезъ завалы!» Вдругъ пуля ударила его въ грудь подъ ложечку; онъ круто повернулъ коня направо, сказалъ своимъ конвойнымъ казакамъ: «*возьмите меня*», ухватился за гриву, и сталъ валиться съ лошади. Онъ былъ очень блѣденъ и молчалъ. Никто не зналъ, куда онъ раненъ; крови не было видно. Его положили на бурку и понесли изъ огня. Минуты черезъ двѣ онъ сказалъ: «*Команду послѣ меня принимаетъ полковникъ Каревъ. Гдѣ баронъ Сталь?*» (отрядный квартирмейстеръ). Пріѣхалъ баронъ Сталь. Онъ повторилъ ему это приказаніе. Его понесли далѣе. Явился докторъ. Генерала положили на землю и стали раздѣвать; докторъ отстегнулъ его кинжалъ, снялъ поясъ съ пистолетомъ, разстегнулъ черкеску, бешметъ; тогда на бѣлой рубашкѣ показалось небольшое кровавое пятно. Докторъ опустилъ зондъ въ рану; не ощущалъ пули и вынулъ тотчасъ назадъ зондъ и потомъ сказалъ: «Рана смертельна. Безполезно даже искать пули.» Слѣпцова понесли далѣе и онъ испустилъ духъ въ то время, какъ его переносили черезъ рѣку, слѣдовательно, еще на полѣ сраженія, чрезъ полчаса послѣ роковаго удара. Докторъ Лужинскій находился при немъ до послѣдняго его издыханія и помнитъ всѣ слова, имъ произнесенныя. Онъ спросилъ:— «*взята ли пушка?*» Ему отвѣчали: «Нѣтъ, но за то много побито Чеченцевъ.» Онъ сказалъ: «*Ну, и то хорошо, слава Богу!*» Мысль о войскахъ, о вѣренномъ ему отрядѣ, не оставляла его до послѣдней минуты; онъ влущивался въ гулъ перестрѣлки, гремѣвшей въ лѣсу, спрашивалъ: «*соединились ли съ колонной охотниковъ; не велика ли потеря у насъ?*» Сталь молился: «*Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!*»

Глубоко религіозный, Слѣпцовъ умиралъ съ твердою вѣрою въ жизнь вѣчную. Онъ не страдалъ: агонія его не была мучительна; ни одного крика и стога не вырвалось изъ его устъ; онъ заснулъ тихо, никто не примѣтилъ, какъ улетѣлъ могучій духъ вождя. Этимъ исполнилось всегдашнее желаніе Слѣпцова. Предчувствуя, что ему суждено пасть на полѣ сраженія, онъ нѣсколько разъ въ бесѣдѣ съ своими при-

ближенными выражалъ желаніе: смертельную рану получить въ грудь, потому что такая рана не сопряжена съ большимъ страданіемъ и оставляетъ въ полной памяти умирающаго.

Такъ палъ смертью героя, на своемъ посту, исполняя долгъ свой въ самомъ пылу боя, доблестный генералъ Слѣпцовъ, благороднѣйшій изъ благородныхъ, храбрѣйшій изъ храбрыхъ, гордость, честь и надежда Кавказской арміи.

Такъ онъ запечатлѣлъ слова своего приказа отъ 30-го августа 1845 года, что *считаетъ обязанностію по званію и долгу пріятнымъ жертвовать собою для пользы войска*; «вы это узнаете послѣ», прибавлялъ тогда генералъ, и съ небольшимъ чрезъ шесть лѣтъ, подтвердилъ ихъ прекрасною смертью, давъ послѣднее доказательство въ томъ, какъ умѣетъ русскій человѣкъ держать свое слово *).

Отъ солдатъ и казаковъ тогда скрыли смерть любимаго ими начальника; но, послѣ сраженія, скорбь о немъ была общая и не лицемерная.

Дѣло 10-го декабря было удачно. Но все остановила смерть генерала. Особенно отличились пѣшіе казачьи охотники подъ предводительствомъ храбраго Предимирова, и Тенгинскіе охотники съ маіоромъ Меркуловымъ: они взяли завалы и аулъ. 1-й Эриванскій и 2-й Навагинскій батальоны пошли въ лѣсъ за кавалеріей, 1-й Навагинскій батальонъ остался на мѣстѣ, составляя правый флангъ. Эриванцы, съ маіоромъ Шатиловымъ, пошли впередъ, вошли въ связь съ охотниками, и поддержали ихъ. Потомъ началось общее отступленіе. Непрiятель не преслѣдовалъ; онъ бѣжалъ, какъ бы пораженный паническимъ страхомъ. Ночью лишь узнали въ горахъ о смерти ихъ грознаго врага.

Встрѣча праха Слѣпцова на Сунжѣ исполнена была мрачной торжественности. 11-го декабря повезли его изъ лагеря; въ послѣдній разъ шли за вождемъ своимъ Сунженскіе казаки. Изъ первой на пути станицы, Ассинской, весь народъ вышелъ за 5 версты; старики, дѣти, женщины съ грудными младенцами, больные и хворые—все устремилось,

*) Письмо г. Циммермана въ *Кавказъ* 1852 г. № 2, переп. въ *Русск. Инв.* 1852 г. № № 27 и 28 и въ *Журналъ для чтенія воспитанниковъ Военно-Учебныхъ Заведеній* 1854 г. № 235. Также статья г. А. Ц. въ *Русскомъ Инвалидѣ* 1852 г. № 36.

всѣ пошли на встрѣчу тому, кто поселилъ ихъ, водворилъ, заботился обо всѣхъ ихъ нуждахъ, защищалъ, берегъ и погибъ за нихъ. Еще бѣльшее стеченіе ожидало его предъ станціей Сунженской. Вѣсть роковая разнеслась уже накануне по Сунжѣ и отсюду, изъ всѣхъ станицъ, старые и малые пошли въ станицу Сунженскую взглянуть въ послѣдній разъ на столь дорогое и знакомое имъ лице. Даже слѣпыхъ взяли съ собою. Цѣлый народъ, населяющій край, ожидалъ въ безмолвіи, прерываемомъ лишь стонами и рыданіями, приближенія праха своего вождя. Съ появленіемъ печальной колесницы вопли и плачь усилились. Все кинулось къ гробу, все бросилось смотрѣть на бездушное лице; матери, говоря маленькимъ дѣтямъ своимъ: «смотрите, вотъ кто былъ отцомъ и защитникомъ нашимъ», клали грудныхъ младенцевъ на гробъ. Повсюду слышны были восклицанія: «лучше бы у меня отецъ былъ убитъ, или сынъ, или братъ»; тотъ говорилъ: «онъ меня изъ плѣна выкупилъ»; другой: «онъ семью нашу поддержалъ послѣ смерти отца, погибшаго въ боѣ». Каждого изъ нихъ лично зналъ Слѣпцовъ, вѣдалъ всѣ ихъ нужды, дѣлилъ съ ними горе и радость. Онъ сдѣлался для казаковъ столь необходимымъ, что они, знакомые съ бранною тревогой и привышіе въ бояхъ смотрѣть въ лице смерти, не могли свыкнуться съ мыслию о его потерѣ, думали: не оживетъ-ли онъ отъ своего тяжелаго сна и встанетъ, и раздастся его призывный кликъ: «на коня! за мной!» и вся Сунжа пойдетъ снова за нимъ бить Татаръ и жечь ихъ аулы.

Предъ домомъ генерала стояли домашніе его, и впереди ихъ управлявшій всѣмъ хозяйствомъ у него, Яковъ Михайловичъ, осмидесятилѣтній старикъ, служившій еще дѣду Слѣпцова, бывшій у него дядькою, одинъ изъ тѣхъ старинныхъ слугъ, порода которыхъ нынѣ почти перевелась на Руси. Съ нѣмою горестью смотрѣлъ онъ на бездушное тѣло того, кого носилъ на рукахъ и лелѣялъ.

Въ одинъ день съ Слѣпцовымъ былъ убитъ любимецъ его, урядникъ Мишневъ, кавалеръ трехъ Георгіевъ. Узнавъ о смерти Мишнева, семья его въ одинъ голосъ сказала: «Слава Богу, что въ одинъ день съ генераломъ онъ убитъ. Мы объ своемъ не жалѣемъ; онъ не былъ жилецъ на этомъ свѣтѣ: не сегодня, такъ завтра его бы убили; но намъ ге-

нерала жаль». Вѣрнаго казака похоронили у ногъ его начальника.

Три дня стояло тѣло Слѣпцова въ Сунженской; день и ночь народъ тѣснился въ церкви у его гроба, рыдалъ надъ нимъ, цѣловалъ его охладѣвшія руки. Казаки говорили: «если бы могъ онъ воскреснуть, хоть на мгновеніе, онъ увидалъ бы тогда, какъ его любили». Такая скорбь, такая любовь суть высшая и лучшая ему награда.

Три дня оплакивалъ его народъ. Одинъ старый казакъ сказалъ: «Никогда Сунжа такъ не разливалась, какъ теперь! Столько слезъ пролито на берегахъ ея». 14-го декабря были похороны. Слѣпцовъ лежалъ въ гробу въ мундирѣ Сунженскаго полка; казаки и слышать не хотѣли, чтобы на него надѣтъ парадный генеральскій мундиръ: «пусть положить его въ сырую землю въ нашей одеждѣ», говорили они. За колесницей несли полковое знамя и вели бѣлаго коня генерала, на которомъ онъ былъ убитъ. Казаки подходили къ коню и говорили ему въ своей простодушной горести: «Ты не добрый и не хорошій конь, на тебѣ убитъ отецъ нашъ, на тебѣ-же онъ былъ раненъ; ты не берегъ его въ бою; еслибъ онъ былъ на гнѣдомъ конѣ, то вѣрно-бы остался живъ; тотъ честный и добрый конь, и часто былъ раненъ подъ нимъ, а тебя ни разу не ранили».

Въ день смерти Слѣпцова въ Сунженской станціи случилось землетрясеніе: домъ генерала поколебался, караульный выскочилъ изъ него отъ ужаса. Въ этомъ случайномъ обстоятельстве народъ видѣлъ явное знаменіе воли Божіей.

Послѣ смерти Слѣпцова въ бумагахъ его нашли духовное завѣщаніе, написанное имъ два года тому назадъ, передъ Галашевской экспедиціей. Въ немъ генералъ прощался съ своими родными и близкими ему людьми; въ трогательныхъ выраженіяхъ, съ христіанскимъ смиреніемъ просилъ великодушнаго прощенія у тѣхъ, передъ которыми согрѣшилъ онъ словомъ или дѣломъ, отказывалъ свою шашку племяннику, сыну старшаго брата, назначалъ 25 рублей серебромъ тѣмъ казакамъ, которые вынесутъ тѣло его изъ боя, просилъ не забывать себя. Присутствовавшіе при чтеніи завѣщанія, сподвижники Слѣпцова, суровые, въ бояхъ закаленные люди, были тронуты, и слезы, давно имъ незнакомыя, омочили ихъ рѣсницы. Но чувство скорби, возбужденное въ

нихъ этой утратой; смѣнилось чувствомъ гордости при воспоминаніи о томъ, съ какимъ достоинствомъ неустрашимый вождь ихъ встрѣтилъ смерть, давно уже его ожидавшую.

Слѣпцовъ былъ средняго роста, худъ и сухъ. Блѣдное лице его, покрытое загаромъ отъ солнца боевыхъ полей Чечни, было очень красиво. Строгій, благородный очеркъ, орлиный носъ, густые, короткіе усы, бакенбарды, обходившіе кругомъ лица и черные глаза, которыхъ обыкновенное выраженіе было мягкое и ласковое, но которые, въ минуту одушевленія и гнѣва, сверкали какъ угли, составляли въ цѣломъ одну изъ тѣхъ фізіономій, которыя нельзя забыть, видѣвъ ихъ хотя одинъ разъ. Волосы его были густые, курчавые и черные, какъ смоль; но въ нихъ начинало уже пробиваться серебро сѣдинъ. Движенія и жесты Слѣпцова были рѣзки; ходилъ онъ быстро, говорилъ скоро; когда находился въ волненіи, то немного заикался. Голосъ его былъ пріятенъ и имѣлъ особенный тонъ; въ минуты же гнѣва и раздраженія дѣлался необыкновенно звонкимъ и крикливымъ. Выражался онъ просто, не стараясь отыскивать и придумывать фразъ, говорить красно и высокопарно. Въ разговорѣ любилъ употреблять уменьшительныя слова. Слѣпцовъ былъ пылокъ, имѣлъ самую огненную натуру, но былъ добръ и щедръ. Чрезвычайно раздражительный, онъ вспыхивалъ какъ порохъ, но скоро остывалъ. Когда что-нибудь исполнялось противъ его приказаній и этимъ нарушались его распоряженія, онъ приходилъ въ совершенную ярость, кричалъ пронзительно. Но этотъ взрывъ страсти скоро проходилъ, и онъ иногда (если былъ не правъ), слѣпшилъ извиниться предъ тѣмъ, на кого излился его гнѣвъ. Были примѣры, что онъ передъ всѣми просилъ прощенія у простыхъ казаковъ. Никто изъ тѣхъ, которые подвергались его справедливому гнѣву, не чувствовалъ себя оскорбленнымъ.

Преобладающее военное качество въ Слѣпцовѣ была отвага безоглядная. Онъ былъ храбръ, какъ рыцари въ романахъ, какъ паладины среднихъ вѣковъ. Не было преграды, которая бы его остановила; опасности, которой бы онъ устрасился; предпріятія военнаго, которое бы считалъ неисполнимымъ. Хотя онъ не отличался особенною физическою крѣпостью, но энергія души его все превозмогла; онъ

былъ неутомимъ, способенъ переносить все труды и лишения, чтобы достигнуть своей цѣли.

Въ пылу боя Слѣпцовъ себя не щадилъ нисколько и никогда не видѣлъ опасности, не замѣчалъ пуль, летавшихъ кругомъ его. Имѣя всегда горячее желаніе пасть на полѣ ратномъ, онъ пугался самой мысли о смерти на постелѣ, отъ болѣзни. Бывъ готовъ умереть каждую минуту, Слѣпцовъ выбралъ могилу себѣ въ Сунженской станицѣ, подлѣ убитаго своего племянника.

Ведя съ непокорными Чеченцами открытую, рыцарскую войну, онъ, въ тоже время, любилъ этотъ народъ и много заботился объ устройствѣ благосостоянія тѣхъ, которые переселились къ намъ, и съ плѣнными обходился кротко.

Слѣпцовъ былъ также рѣдкій семьянинъ. Къ своему престарѣлому отцу онъ питалъ особенную горячую привязанность, полную покорность и глубочайшее почтеніе. Въ іюнь 1848 года почтенный старецъ скончался и былъ похороненъ въ отдаленной деревнѣ. Осенью того же года въ этой деревнѣ вдругъ неожиданно явился штабъ-офицеръ, и попросилъ къ себѣ священника. Это былъ Слѣпцовъ: прямо съ Сунжи, лишь только позволили ему служебныя дѣла, онъ пріѣхалъ поклониться милому праху на свѣжей могилѣ. Въ уединеніи отъ всѣхъ, онъ долго и усердно молился, говѣлъ тамъ и причастился Святыхъ Тайнъ; потомъ уже отправился на свиданіе съ родными. Родственность его, согрѣтая истиннымъ дружествомъ, была самая преданная; не было просьбы, въ которой онъ отказалъ бы роднымъ; этого мало, онъ самъ напрашивался на все, что только отъ него зависѣло. Всѣхъ бѣдныхъ, всякаго званія земляковъ, служившихъ на Кавказѣ, или искавшихъ случая поступить чрезъ ходатайство его въ службу, онъ ласкалъ какъ людей, близкихъ себѣ, и имѣлъ о нихъ особенное попеченіе; многихъ содержалъ на свой счетъ.

Искусственнаго въ Слѣпцовѣ ничего не было. Скромность, при всей уже его извѣстности, доходила до того, что онъ слова, въ письмахъ и разговорахъ съ нимъ, невольно иногда вырывавшіяся отъ удивленія къ нему, принималъ не иначе, какъ за лесть. За три года до смерти, родные убѣдительно стали просить о позволеніи снять съ него портретъ; онъ не позволилъ даже продолжать просьбы, на отрѣзъ

отказалъ, и нѣтъ нигдѣ такого портрета. Изъ всѣхъ портретовъ, нарисованныхъ съ него тайно, только сдѣланъ одинъ схожій, и находится нынѣ въ семьѣ его брата. Онъ былъ чрезвычайно ласковъ и привѣтливъ. Задумчивость, въ присутствіи Слѣпцова, всегда заставляла его сомнѣваться въ этомъ, довольны-ли имъ, и онъ немедленно старался развлечь окружающихъ и разсѣять свое сомнѣніе; самъ же задумывался часто. Онъ любилъ во всемъ порядокъ, строгость, чистоту, цѣнилъ выше всего откровенность, прямоту, добросердечіе; челоука каверзнаго гнушался. Ложь и при творство были ему незнакомы и недоступны. Мстительно сти никогда не допускалъ. Незадолго передъ его кончиной, по его назначенію, были розданы, отъ неизвѣстнаго, довольно значительныя денежныя пособія тѣмъ, которые, по одному случаю, были причиною его большого горя, перенесеннаго имъ съ твердостью, какъ испытаніе свыше.

Въ тоже время, Николай Павловичъ имѣлъ всѣ типическія свойства русскаго челоука: былъ гостепріименъ, радушенъ, хлѣбосоль. Домъ его и карманъ были открыты для всѣхъ. Для пользы общей и служебныхъ обязанностей онъ не щадилъ ничего, и не по словамъ, а на дѣлѣ, все состояніе съ жизнію своею повергнулъ на алтарь Отечества.

Однимъ словомъ, если надо сравненія, это былъ Баярдъ Кавказской арміи, рыцарь безъ страха и упрека.

Въ Слѣпцовѣ было что-то магическое, волшебное: такъ онъ умѣлъ очаровывать, привязывать къ себѣ, возбуждать фанатическую преданность. Одинъ казачій офицеръ, челоукъ образованный, одинъ изъ преданнѣйшихъ ему людей, сказалъ черезъ нѣсколько дней по его смерти: «Я былъ вѣренъ и преданъ ему, какъ лягавая собака господину; я поклонялся ему, какъ дикій поклоняется солнцу».

Но у Слѣпцова были и свои странности. Напримѣръ, онъ, воинъ столь отважный и смѣлый, прославившійся своимъ безстрашіемъ на Кавказѣ, гдѣ такъ много неустрашимыхъ людей, боялся, и какъ еще боялся!—различныхъ насѣкомыхъ и пресмыкающихся, боялся ихъ, какъ левъ боится пѣтушьяго крика. Когда онъ увидитъ, бывало, гадину, то сейчасъ измѣнится въ лицѣ.

Въ станицѣ Самашки много ядовитыхъ пауковъ; онъ не любилъ тамъ бывать и говаривалъ: «тамъ паучки есть!»

Когда онъ пріѣзжалъ туда и сидѣлъ у станичнаго начальника, то всегда осматривался: ему казалось, что по немъ ползаютъ пауки. Къ сверчкамъ въ особенности имѣлъ онъ страшное отвращеніе.

Сунженскій полкъ и Сунженская линія созданы имъ въ осуществленіе предначертаній князя Воронцова. Слѣпцовъ былъ вѣрный и точный исполнитель воли недавно скончавшагося намѣстника.

Всѣ станицы на Сунжѣ построены имъ. Въ первые годы устройства линіи, какъ видѣли, тревоги въ ней были безпрестанныя. Чеченцы часто дѣлали набѣги, и Слѣпцовъ, съ своими казаками, не зналъ покоя. Бывало раздастся пушечный выстрѣлъ, возвѣщающій появленіе непріятельской партіи: на линіи тревога, казаки поспѣшно вооружаются, садятся на коней, и скачутъ изъ станицъ на сборный пунктъ. Слѣпцовъ ведетъ ихъ отбивать скотъ, отогнанный непріятелемъ, преслѣдовать Чеченцевъ, или отрѣзать имъ путь отступленія и истребить. Послѣ удачнаго дѣла летучій отрядъ возвращается на линію. Пѣсни гремятъ въ рядахъ казаковъ; они ѣдутъ, неся отбитое оружіе, значки, ведутъ немногихъ плѣнныхъ, а за ними кони, бранные товарищи, везутъ перекинутыя чрезъ сѣдла тѣла побитыхъ казаковъ. Вѣсть о дѣлѣ прилетаетъ въ станицу, разсказываютъ, кто убитъ, кто раненъ. Толпа собирается для встрѣчи у воротъ. При восклицаніяхъ ея побѣдитель вѣзжаетъ въ станицу. Но радость торжества нарушается печальною сценою. Съ воплемъ бросаются на встрѣчу вождю жены и дѣти убитыхъ. Онъ кидаетъ имъ деньги, даетъ семьѣ убитаго казака 100 р., 150 р. сер., обезпечиваетъ ихъ будущность. Столь благороднымъ образомъ прожилъ онъ все свое состояніе.

Вотъ отчего любили его такъ казаки, отчего скорбятъ они и нынѣ, и горячія слезы текутъ по изрубленнымъ лицамъ.

Вечеромъ, когда всѣ въ отрядѣ отдыхаютъ и сидятъ у костровъ, о немъ идетъ неумолкаемая бесѣда. Когда заходитъ разговоръ о падшемъ (а объ немъ говорятъ безпрестанно), у всѣхъ на лицахъ появляется грустная улыбка. Казаки и Татары (милиціонеры) поютъ пѣсни и славятъ добродѣтели покойнаго, его отвагу, его безстрашіе, его щедрость, его великодушіе.

Періодическое изданіе «Кавказцы», выходящее съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, имѣеть предметомъ передать потомству, перомъ и каранданомъ, замѣчательнѣйшіе подвиги, совершенные на Кавказѣ, съ свѣдѣніями о жизни лицъ, ими прославившихся отъ генерала до рядоваго. О каждомъ лицѣ говорится отдѣльно, и, если можно, прилагается его портретъ, планъ мѣстности, гдѣ происходило дѣло, или рисунокъ, изображающій подвигъ. Описанія слѣдуютъ одно за другимъ, не стѣсняясь какимъ-либо опредѣленнымъ порядкомъ; а по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, по мѣрѣ ихъ изготовленія. Но наружный видъ изданія принять такой, что въ послѣдствіи можно будетъ расположить описанія въ порядкѣ алфавитномъ или хронологическомъ.

Изданіе выходитъ по два раза въ мѣсяць, выпусками въ 2 листа каждый, въ большую четвертку: текстъ печатается на хорошей бѣлой бумагѣ новымъ шрифтомъ, чисто, опрятно; приложенія, числомъ до трехъ въ мѣсяць, изготовляются лучшими нашими художниками и печатаются на китайской бумагѣ.

Цѣна за полугодое изданіе, съ 1-го іюля 1857 по 1-е января 1858 года, т. е. за 12 номеровъ, состоящихъ изъ 24-хъ листовъ текста съ 18-ю приложеніями, безъ доставки на домъ и пересылки, *шесть рублей серебромъ*, безъ приложеній *три рубля*; за доставку на домъ въ С. Петербургѣ прилагается *50 коп.*, а за пересылку въ другіе города *75 коп.*

Подписка принимается въ редакціи, находящейся въ С. Петербургской крѣпости, въ квартирѣ плацъ-маіора; полковника Новоселова; въ конторѣ изданія, учрежденной при книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова (въ С. Петербургѣ, въ Гостинномъ Дворѣ, по Суковной линіи, подъ № 24), и въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта.

Редакція принимаетъ на себя ручательство за исправную и своевременную доставку выпусковъ только въ томъ случаѣ, когда подписка принята въ этихъ мѣстахъ.

Выпуски рассылаются въ конвертахъ, заклеенныхъ наглухо.

Редакція не дѣлаетъ блистательныхъ обѣщаній, а даетъ только слово употребить всѣ успія, чтобъ сдѣлать изданіе вполне достойнымъ его назначенія. Она не будетъ щадить ни трудовъ, ни издержекъ и величайшею себѣ наградою будетъ считать, что сдѣлаетъ достояніемъ общимъ подробности о подвигахъ и жизни храбрыхъ соотечественниковъ. — Вся чистая прибыль отъ изданія, за покрытіемъ издержекъ, предоставляется въ пользу раненыхъ Кавказцевъ и семействъ убитыхъ. По этому въ концѣ каждаго года будетъ приложенъ списокъ всѣхъ гг. подписавшихся, какъ сочувствующихъ благой цѣли изданія.

Высоко-Монаршее одобреніе, котораго имѣла счастье удостоиться самая мысль объ изданіи, лестное вниманіе къ нему высшаго военнаго начальства и общее сочувствіе, которымъ встрѣчено извѣстіе о предпріятіи, налагаютъ на редактора-издателя долгъ сдѣлать все возможное, чтобъ оправдать эти ожиданія.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законное число экземпляровъ. С. Петербургъ, августа 1-го дня 1857 года.

Ценсоръ *Д. Мацкевичъ*.

КАВКАЗЦЫ

ИЛИ

ПОДВИГИ И ЖИЗНЬ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛИЦЪ,

ДѢЙСТВОВАВШИХЪ НА КАВКАЗѢ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СОИЗВОЛЕНІЯ,

ВЫХОДЯЩЕЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Гвардіи Полковника Семена Новоселова.

ВЫПУСКИ 3-й и 4-й.

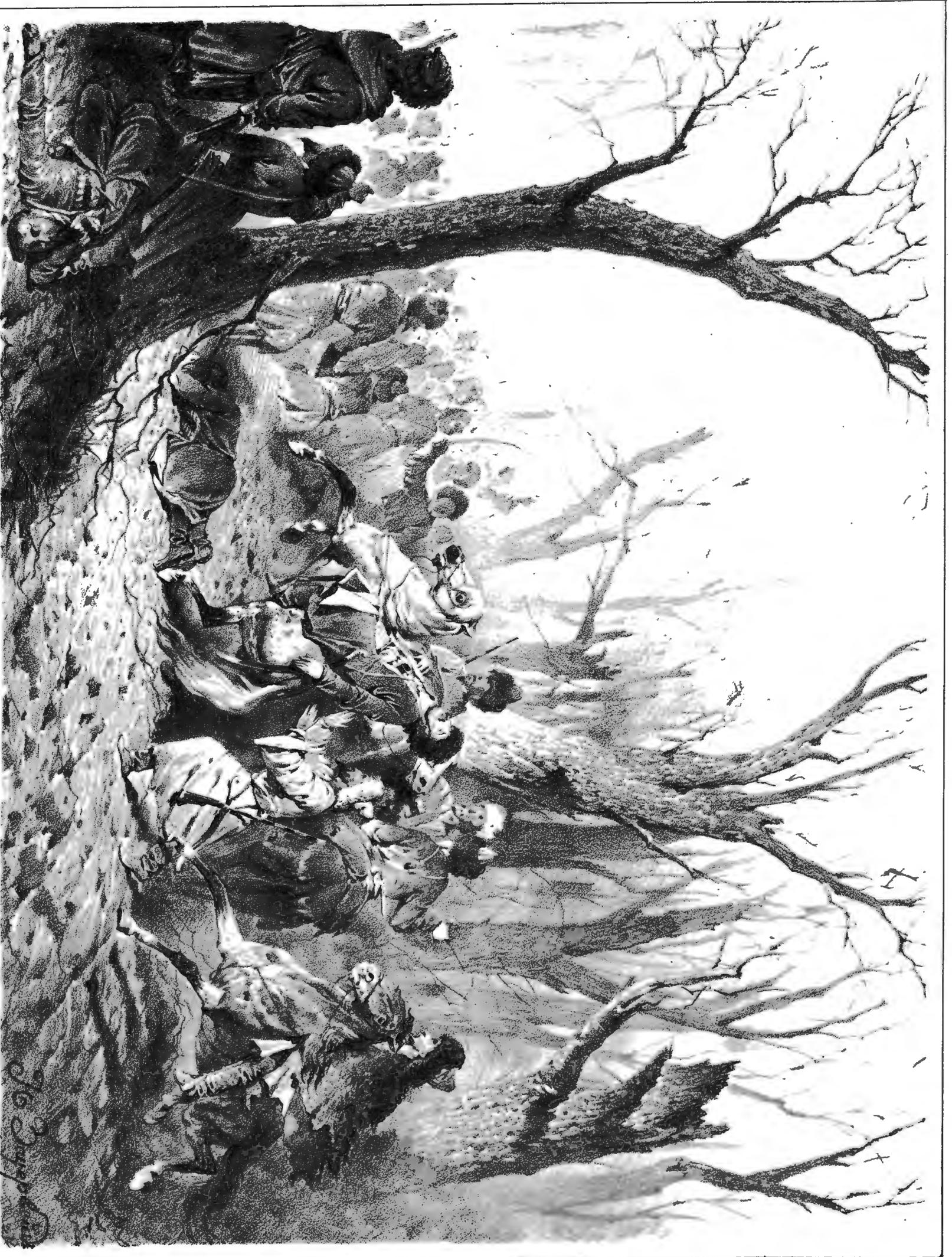
Жизнеописаніе генераль-маіора Слѣщова (окончаніе). — Молодецкое дѣло при Ахметъ-Горскомъ укрѣпленіи. — Жизнеописаніе генераль-маіора Пассека.

Приложенія: 1) Дѣло при Гихи; 2) Молодецкое дѣло при Ахметъ-Горскомъ укрѣпленіи; 3) Карта Сѣвернаго и Нагорнаго Дагестана. (Портретъ генераль-маіора Пассека будетъ приложенъ къ 5-му выпуску).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1857.

Денсортъ В. Денсортъ.

ДѢЛО ПРИ ГЕХАХЪ, 10 ДЕКАБРЯ 1851 ГОДА, ВЪ КОТОРОМЪ УБИТЪ
ГЕНЕРАЛЪ МАІОРЪ СЫВЦОВЪ.

Печ. И. Корсаковъ.

Память о Слѣпцовѣ всегда сохранится на Сунжѣ, среди населенія имъ водвореннаго, въ землѣ, которую онъ покорилъ русскому скипетру, отнимая ее у враговъ, шагъ за шагомъ, наводя на нихъ ужасъ своимъ смѣлымъ набѣгомъ и повторяя ударъ за ударомъ. Имя его, воспѣтое въ казачьихъ пѣсняхъ, не будетъ забыто потомствомъ; онъ сдѣлается любимымъ героемъ сказаній и легендъ этого края. Дѣти нынѣшнихъ казаковъ будутъ пѣть боевую пѣснь Сунженскаго полка:

Стая на небѣ орловъ
Тучу разсѣкаетъ,
На Чеченцевъ нашъ Слѣпцовъ
Съ Сунжей *) налетаетъ.

Любовь къ Слѣпцову питали не одни казаки, но и всѣ войска, по чему-либо его знавшіе; память о немъ навсегда сохраняется и въ полкахъ, находившихся временно подъ его командою.

Весною 1851 года, т. е. въ послѣдній годъ жизни Слѣпцова, 1-й баталіонъ Эриванскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича (нынѣ Лейбъ-Карабинерный Эриванскій Его Величества) полка, по волѣ Князя Воронцова отправленъ былъ изъ Грузіи въ Чечню, для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Путь предстоялъ дальній, край былъ мало кому извѣстенъ, но карабинеры шли радостно, какъ бы на веселый пиръ. Незадолго до того, въ Бозѣ почивающій Государь украсилъ полкъ Августѣйшимъ именемъ нынѣ благополучно царствующаго Императора, и всѣ горѣли желаніемъ въ кровавомъ бою отпраздновать милость Царскую. Гдѣ же найти было болѣе раздолья для праздника, какъ не на чеченскихъ поляхъ, тамъ, гдѣ Слѣпцовъ съ своими Сунженцами вихремъ—опустошителемъ носился по вражескимъ ауламъ, замѣтая за собою и слѣды вертеповъ, въ которыхъ гнѣздились хищники.

Храбрымъ немного времени нужно, чтобъ свести дружбу до гробовой доски. Сунженцы приняли въ дома свои Эриванцевъ, какъ родныхъ братьевъ; Слѣпцову стоило только разъ взглянуть на нихъ, чтобъ полюбить ихъ отъ всей ду-

ши, чтобъ отгадать въ каждомъ молодца изъ молодцовъ. Много трудностей выпало на долю Эриванцамъ: вмѣсто отдыха послѣ дальней дороги, пришлось имъ подъ лучами палящаго солнца, отъ ранняго утра до поздняго вечера, рыть землю для устройства новыхъ станицъ; но работали они весело, безропотно, зная, что Слѣпцовъ, при случаѣ, дастъ имъ поработать и штыками, вмѣсто лопатъ. Этотъ случай скоро представился. 15-го іюня, на Нурикойской полянѣ, Сунженцы, какъ снѣгъ на голову, налетѣли на чеченскія стада и погнали ихъ покойно за собою, словно давнюю собственность, между тѣмъ какъ имъ на перерѣзъ Чеченцы сыпались въ лѣсъ густою толпою. «*Постойте вы, шайтаны, — толковали казаки между собою, — на чистомъ мѣстѣ пропали ваши коровушки, а въ темномъ лѣсу пропадутъ и головушки.*» Въ лѣсу непріятеля ждала пѣхота, завязался жаркій бой, и Эриванцы доказали на самомъ дѣлѣ, что все то правда, что съ разу отгадалъ въ нихъ орлиный взглядъ Слѣпцова, чего безсознательно ждали отъ нихъ простые казаки. Казачья шашка сроднилась съ карабинернымъ штыкомъ, и вскорѣ въ рядахъ Эриванцевъ сложили пѣсню:

Ужъ спасибо Воронцову,
Что въ Чечню онъ насъ послалъ,
И начальникомъ Слѣпцову
Быть надъ нами приказалъ.

Прошло съ тѣхъ поръ полгода, и не стало доблестнаго вождя; но въ этомъ немногомъ времени онъ видѣлъ много подвиговъ воинскаго самоотверженія Эриванцевъ и, въ то же время, карабинеры, въ свою очередь, видѣли много доблестей казачьяго генерала, о которыхъ теперь идутъ у нихъ безконечные разсказы.

Когда на слѣдующій годъ Эриванцамъ кончилась боевая жизнь въ Чечнѣ, и баталіону было вѣрно воротиться съ Сунжи, они пришли проститься съ почившимъ героемъ.

Въ глубокой тишинѣ выстроился баталіонъ передъ свѣжей могилой. Всѣ были проникнуты торжественностью минуты. Послышалось церковное пѣніе, началась зауспокойная панихида. Серебристой росой капали слезы на-земь; въ высь, къ голубому небу, неслась теплая молитва объ упокоеніи

*) Сунжа — Сунженскій полкъ, сунженскіе казаки.

души раба Божія война Николая *въ мѣсть злачномъ, въ мѣсть покойномъ, отнюду же отбѣже всякая бользнь, печаль и воздыханіе*. На троекратное возглагошеніе *вѣчной памяти* отозвался троекратный ружейный залпъ. Командиръ баталіона, подполковникъ Шатиловъ, командовалъ *на кара-уль!* послѣ чего баталіонъ прошелъ церемониальнымъ маршемъ мимо могилы. Равняясь съ нею, офицеры салютовали, солдаты обращали къ ней глаза.

Присутствовавшимъ казалось, что вотъ герой вымолвитъ имъ слово, отъ котораго бывало живымъ огнемъ вспыхивали сердца подчиненныхъ, что поблагодаритъ карабинеровъ за ихъ службу молодецкую.

Гдѣ бы въ послѣдствіи времени не привелось быть Эриванцамъ, вѣрно не забудутъ они этого прощальнаго смотра. Не забудутъ его и Сунженскіе казаки *).

Когда въ Петербургѣ еще не знали о смерти Слѣпцова, онъ былъ назначенъ 23-го декабря 1851 года начальникомъ Владикавказскаго Военнаго Округа.

*) *Кавказъ* 1852 г., № 29, переп. въ *Русск. Инв.* 1852 г., № 134.

Въ Бозѣ почивающій незабвенный Государь Императоръ, всегда такъ прекрасно увѣковѣчивавшій доблестные подвиги, Высочайшимъ приказомъ 29-го декабря 1851 года, Всемилоостивѣйше повелѣтъ соизволилъ: «въ память генераль-маіора Слѣпцова, образовавшаго Сунженскій казачій полкъ, и постоянно водившаго его къ побѣдѣ, — станицу Сунженскую, въ коей расположена штабъ-квартира сего полка, именовать впредь *Слѣпцовскою*.» Вслѣдъ за этимъ, 28-го мая 1852 года, приказомъ Его Императорскаго Величества, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, — по званію главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, — имя Слѣпцова внесено на черную мраморную доску, находящуюся въ церкви Школы Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Юнкеровъ.

Этимъ Монаршимъ вниманіемъ оканчиваемъ наше жизнеописаніе, — потому что, сколько бы мы не хвалили Слѣпцова, все это будетъ мало и дастъ лишь слабое понятіе о томъ, сколь онъ былъ благороденъ и неустрашимъ. Память героя будетъ священна для всѣхъ, кто имѣлъ счастье знать его.

Ил. И. Корсаковъ.

МОЛОДЕЦКОЕ ДЪЛГО.

МОЛОДЕЦКОЕ ДѢЛО ПРИ АХМЕТЬ-ГОРСКОМЪ УКРѢПЛЕНІИ.

Среди замѣчательнѣйшихъ подвиговъ, совершенныхъ на Кавказѣ въ послѣднее десятилѣтіе, въ которыхъ хладнокровіе, мужество и высокая воинская дисциплина — отличительныя качества нашихъ войскъ, одержали перевѣсъ надъ врагомъ многочисленнымъ, храбрымъ, но запальчивымъ, дѣйствующимъ безъ единства, въ которыхъ побѣдительный штыкъ и грозный дротикъ въ опытныхъ рукахъ являются всеокрушительными, и нѣтъ имъ преграды, — одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ молодецкое дѣло 11-го мая 1848 г.

Въ этотъ день на правомъ флангѣ была выслана изъ Ахметь-Горскаго укрѣпленія команда, въ числѣ 50 человекъ Кавказскаго линейнаго № 3-го баталіона, за дровами. Она немедленно принялась за работу, не подозрѣвая, что не вдалекѣ въ густомъ, непроходимомъ бору, окружающемъ укрѣпленіе, за исполинскими деревьями, въ нѣсколько обхватовъ толщины, перевитыми и сплетенными между собою разнообразными вьющимися растеніями, скрывалась партія горцевъ, около 400 человекъ, подъ предводительствомъ извѣстнаго Каномета Тлагатлукова, не задолго предъ тѣмъ возвратившагося изъ Константинополя.

Давъ время горсти нашихъ заняться рубкою, горцы неожиданно и дерзко бросились на нихъ; но шашки непріятельскія встрѣтили, кромѣ желѣзнаго штыка и топора, и желѣзную непоколебимость и твердость духа кавказскаго солдата. Нападеніе было мужественно отражено.

По первымъ выстрѣламъ воинскій начальникъ укрѣпленія, штабсъ-капитанъ Грушецкій выслалъ на помощь: 40 человекъ пѣхоты и 60 донскихъ казаковъ № 38-го полка, подъ командою есаула Семиколѣнова.

Старецъ лѣтами, но бодрый духомъ, горевавъ жаждою битвы, Семиколѣбный вихремъ понесся на выручку молодецвъ. Часть непріятельской партіи преградила ему дорогу.

Грозные сыны Дона смѣло бросились въ пики; пѣхота, не задумываясь, пошла на проломъ въ штыки.

Такимъ образомъ обѣ команды, окруженныя впятеро сильнѣйшимъ непріателемъ, съ необыкновенною храбростію старались проложить себѣ дорогу, чтобы соединиться. Закубанцы, усиливаясь людьми, стекавшимися изъ-за Лабы и раздраженные геройскимъ мужествомъ нашихъ, завязали самый жаркій рукопашный бой. Они безпрестанно кидались въ шашки, руками сорвали съ нѣсколькихъ ружей штыки и шашками порубили 15 ружейныхъ стволовъ. Но наши храбрецы, не взирая на несоразмѣрность силъ, мужественно отражали атаки, бросились сами въ штыки и пики и наконецъ, быстрымъ и молодецкимъ натискомъ, обѣ команды успѣли соединиться.

Въ этихъ схваткахъ былъ убитъ храбрый Семиколѣновъ. Послѣ него приняли начальство надъ пѣхотою — фельдфебель Бондаренко, надъ казаками — урядникъ Петровъ.

Между тѣмъ, другая партія горцевъ, болѣе 100 человекъ, дѣйствовала противъ самаго укрѣпленія, съ цѣлю не дозволить выслать помощи къ командамъ; но воинскій начальникъ успѣшно отражалъ ихъ пушечными выстрѣлами и смѣло выступивъ изъ укрѣпленія съ послѣднимъ резервомъ при орудіи, запряженнымъ ротными лошадьми, отгѣснилъ ближайшее къ укрѣпленію скопище.

Послѣ двухъ часовъ самаго упornaго боя, непріятель, разбитый, бѣжалъ лѣсами за Лабу. Лазутчики единогласно показывали, что у него убито и тяжело ранено болѣе 20 отборнѣйшихъ всадниковъ, кромѣ менѣе извѣстныхъ. Самъ предводитель партіи, Канометъ Тлаготлуковъ и старшій по немъ бѣглый ногоайскій князь Тлатустанъ Абуловъ находились въ числѣ послѣднихъ. Закубанцы, ничѣмъ не пожившіеся, оставили въ нашихъ рукахъ много убитыхъ лоша-

дей съ сѣдлами и тѣло извѣстнаго Казильбековскаго старшины Шеняка.

Съ нашей стороны, къ сожалѣнію, убитъ храбрый есаулъ Семиколѣновъ и убито, ранено и контужено 34 человѣка нижнихъ чиновъ; лошадей убито и ранено 7.

Извѣстно, какъ истинно по-царски награждалъ подобныя дѣла доблести въ Бозѣ почивающій Государь Императоръ Николай Павловичъ. При полученіи донесенія объ этомъ подвигѣ, Его Величество Высочайше соизволилъ произвести: фельдфебеля Бондаренко въ прапорщики, а урядника Петрова въ хорунжіе, пожаловавъ имъ особое денежное награжденіе на обмундировку. Вмѣстѣ съ тѣмъ Всемилостивѣйше повелѣно: назначить 6 знаковъ военнаго ордена для награды наиболѣе отличившихся и по три рубля серебромъ на каждого изъ нижнихъ чиновъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ. Наконецъ, тогда же о подвигѣ было объявлено по войскамъ, въ приказѣ Военнаго Министра.

Исчисливъ высоко-Монаршія награды отличившимся, воздадимъ честь падшимъ, воспоминаніемъ о жизни есаула Семиколѣнова.

Евстафій Аванасьевичъ, какъ звали Семиколѣнова, родился въ 1783 году на Дону и былъ сынъ хорунжаго. Взросши въ патриархальной простотѣ казачьяго быта, онъ вступилъ на военное поприще, въ рядахъ храбрыхъ своихъ соотечественниковъ, 19-ти лѣтъ отъ роду, 1-го января 1802 года, простымъ казакомъ. Первую половину жизни служба для Евстафія Аванасьевича шла очень туго: тридцать съ половиною лѣтъ онъ провелъ рядовымъ. Полкъ Чикилева, въ которомъ Семиколѣновъ началъ службу, почти восемь лѣтъ, съ октября 1804 по мартъ 1812 года, находился въ Крыму, содержа кордонную стражу. Предъ началомъ отечественной войны онъ выступилъ изъ Тавриды къ 3-й западной арміи, и участвуя въ пораженіи враговъ въ отечествѣ и въ заграничномъ походѣ чрезъ королевства Саксонское, Баварское, Виртембергское и Голландію, во Францію, находился въ разныхъ дѣлахъ противъ Французовъ. При этомъ, 25 сентября 1812 года, подъ Бѣлымъ, онъ былъ раненъ въ голову сабельнымъ ударомъ и въ лѣвую руку пику; а 6 февраля 1814 г., подъ Парижемъ, взятъ въ плѣнъ.

По окончаніи войны, возвратившись на Донъ, Семиколѣновъ мирно провелъ околи осьми лѣтъ, и только въ 1823 году вышелъ снова на вѣйшнюю службу, опять простымъ казакомъ: по 1827 годъ онъ находился въ Ригѣ; потомъ по 1832 въ Москвѣ, Минскѣ и Старо-Русскомъ уѣздѣ, при чемъ 27-го іюля 1831 года произведенъ въ урядники; наконецъ по 1839 годъ былъ въ Финляндіи.

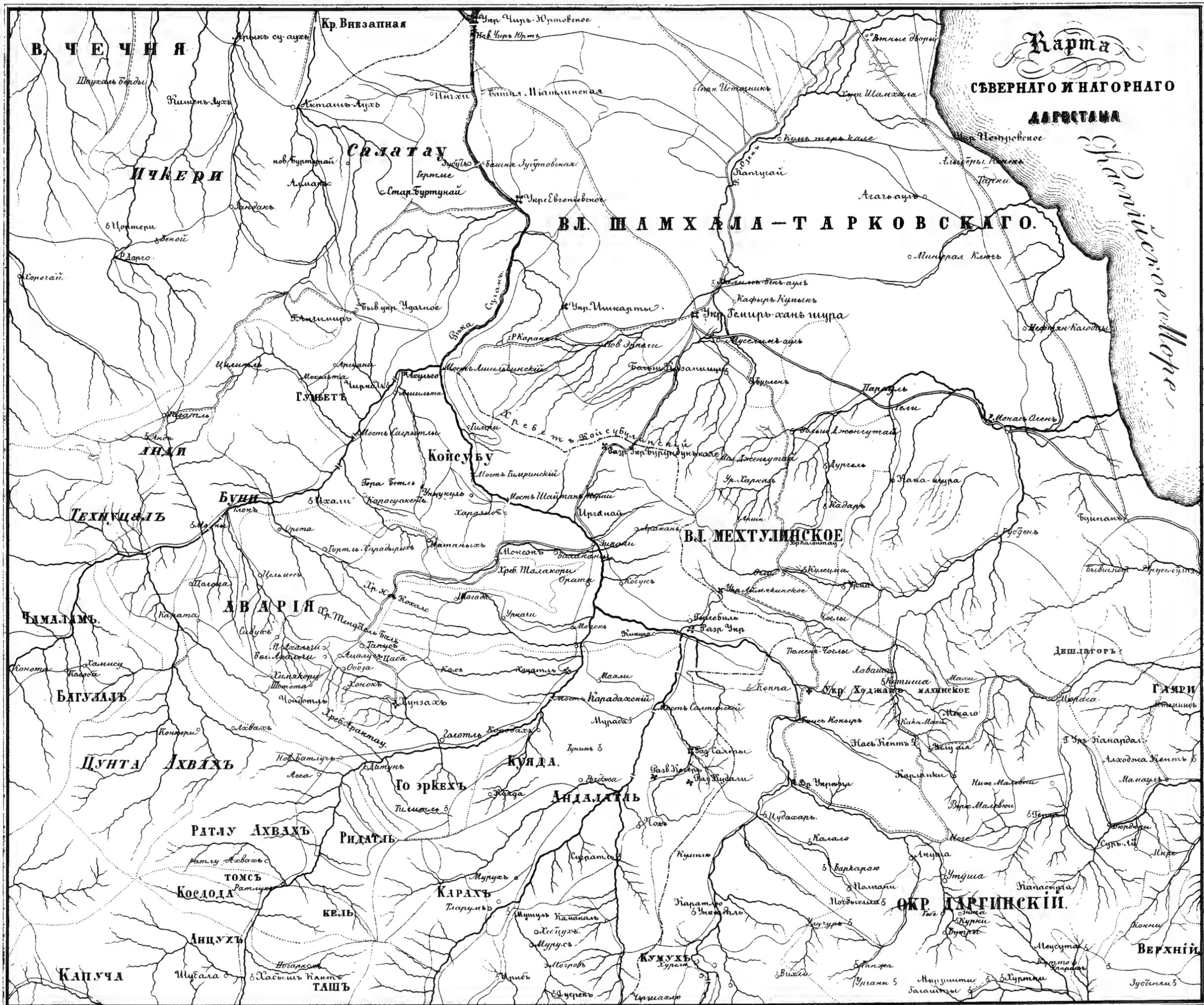
Во время послѣдняго похода, Семиколѣновъ, 13-го іюля 1835 года, бывъ уже 50-ти лѣтъ отъ роду, произведенъ, за *отлично-усердную службу*, въ хорунжіе; а въ декабрѣ 1837 года Всемилостивѣйше пожаловано ему одновременно денежное награжденіе.

Изъ Финляндіи онъ переходилъ съ полкомъ въ Витебскую, Могилевскую и Минскую губерніи; изъ послѣдней возвратился на Донъ 23 января 1839 года, награжденнымъ, 4-го числа того же мѣсяца, въ воздаяніе отлично-усердной службы, орденомъ Св. Станислава 3-й степени.

Произведенный 16-го апрѣля 1841 года на вакансіи въ сотники, онъ тогда же отправился снова въ Финляндію, во время нахождения въ которой, 13-го января 1844 года, произведенъ опять на вакансіи въ есаулы.

Возвратившись въ 1845 году на Донъ, Семиколѣновъ на слѣдующій годъ выступилъ въ походъ на Кавказъ, состоя въ Донскомъ полку № 38. На третій мѣсяцъ по своемъ прибытіи въ этотъ корпусъ, 3-го сентября, во время отправленія кордонной службы, онъ былъ въ дѣлѣ съ горцами, при отраженіи нападенія Закубанцевъ на Шалоховскій постъ, въ преслѣдованіи непріятеля и въ рукопашныхъ схваткахъ въ лѣсу между Ахметъ-Горскимъ и Шалоховскимъ укрѣпленіями, и при совершенномъ пораженіи партіи горцевъ, при обратномъ ея переправѣ чрезъ Лабу. За отличіе, оказанное въ этомъ дѣлѣ, онъ Высочайше награжденъ орденомъ Св. Анны 3-й степени съ бантомъ.

Весною 1848 года полку № 38 надлежало воротиться на Донъ; онъ былъ оставленъ до осени. Это доставило случай казакамъ заслужить при Гилли Георгіевское знамя. Семиколѣнову не суждено было участвовать въ этомъ славномъ дѣлѣ; но и онъ палъ прекрасною смертію, 11-го мая 1848 года.

**Карта
СВЕРНАГО И НАГОРНАГО
ДАГЕСТАНА**

В. ШАМХАЛА-ТАРКОВСКАГО.

В. МЕХТУЛИНСКАГО.

ОКР. ДАРГИНСКІИ.

Драв. Г. Гробовъ.

ИЗЪЯСНЕНІЕ
 * КРѢПОСТЬ
 * УРЪБЛЕНІЕ
 □ ШТ. КВ.
 ————— Окруженіе
 ————— Франціи
 ————— Потовая
 ————— Потовая / Военное сообщ.
 ————— Проложенная по бездорожью
 ————— Путь

Масштабъ.

ГЕНЕРАЛЪ - МАІОРЪ

ПАСЕКЪ.

ГЕНЕРАЛЬ-МАЮРЪ ДІОМИДЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ПАССЕКЪ.

Діомидъ Васильевичъ Пассекъ, занимающій одно изъ видныхъ мѣстъ между лицами, пользующимися громкою извѣстностію, по отличіямъ въ Кавказской войнѣ въ протекшее благотворно-блестательное царствованіе, родился въ 1808 году и воспитывался въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ. 2-го января 1830 года онъ поступилъ въ Институтъ Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія портупей-прапорщикомъ 1-го класса, чрезъ полгода, 22-го іюня, на 22-мъ году отъ роду, произведенъ въ прапорщики, 14-го іюля слѣдующаго года въ подпоручики, а 9-го іюня 1832 года въ поручики, съ назначеніемъ въ резервъ того же Корпуса и съ оставленіемъ при Институтѣ въ должности репетитора. За отлично-усердную службу по Институту 25-го іюня слѣдующаго года Пассеку объявлено Монаршее благоволеніе, а 18-го мая 1834 года онъ Всемилоостивѣйше награжденъ единовременною выдачею 600 руб. Съ 21-го мая этого года Пассекъ занимался въ комиссіи, учрежденной для изслѣдованія посредствомъ сондировки грунта и для отысканія камня или гравія для ремонта Московскаго шоссе, а 11-го октября 1834 года переведенъ изъ резерва въ I-й Округъ Путей Сообщенія. Съ 12-го іюля слѣдующаго года

онъ занимался составленіемъ дополненій по проэктору и постройкѣ полу-баталіонныхъ лазаретовъ въ №№ 1-мъ и 2-мъ военно-рабочихъ баталіоновъ Путей Сообщенія, согласно замѣчанію Коммисіи Проэктовъ и Смѣтъ. По исполненіи этого назначенъ въ первую дирекцію Московскаго шоссе, для составленія проэкта разнымъ исправленіямъ въ сооруженіяхъ, а 10-го октября 1835 года определенъ къ работамъ по устроенію скотопрогонной дороги въ той же дирекціи.

По страсти къ ученымъ занятіямъ, Пассекъ, съ 31-го октября 1836 по 16-е декабря 1837 года, слушалъ курсъ наукъ въ Императорской Военной Академіи.

Произведенный, 6-го декабря 1836 года, въ капитаны еще по Корпусу Инженеровъ Путей Сообщенія, онъ, 13-го декабря слѣдующаго года, т. е. по окончаніи курса въ Академіи, причисленъ къ Генеральному Штабу, съ прикомандированіемъ для узнанія фронтальной службы къ Образцовому кавалерійскому полку; 10-го и 11-го іюня 1838 года, въ числѣ прочихъ офицеровъ, ему объявлено Высочайшее благоволеніе, а 25-го декабря онъ удостоенъ переводомъ въ Генеральный Штабъ.

25-го января 1839 года Пасекъ назначенъ на службу въ 6-й пѣхотный корпусъ, при чемъ, 27-го числа, ему Всемилостивѣйше пожалованъ, въ награду отлично-усердной службы, не въ зачетъ, годовой окладъ жалованья. Въ августѣ мѣсяцѣ этого же года, онъ участвовалъ въ празднованіи Бородинской годовщины, при чемъ, въ числѣ прочихъ, удостоился получить за смотры, ученья и маневры, произведенныя войсками 6-го пѣхотнаго корпуса, Высочайшаго благоволенія, объявленныя въ приказахъ августа 17, 19, 24, 26, 29 и 31-го дня, а 5-го сентября Всемилостивѣйше награжденъ, за отлично-усердную службу, орденомъ Св. Станислава 3-й степени.

12-го мая 1840 года Пасекъ назначенъ на службу въ Отдѣльный Кавказскій Корпусъ, съ которымъ онъ уже не разставался до тѣхъ поръ, пока геройски не палъ въ его рядахъ.

20-го августа Пасекъ прибылъ на Кавказъ, и 26-го былъ назначенъ въ войска на Кавказской линіи и въ Черноморіи, а чрезъ день, 28-го, командированъ въ распоряженіе генераль-маіора Клюки-фонъ-Клюгенау, командовавшаго войсками въ Сѣверномъ и Нагорномъ Дагестанѣ. Явившись къ мѣсту назначенія 10-го сентября, онъ чрезъ три дня находился уже въ военныхъ дѣйствіяхъ, и тотчасъ же обратилъ на себя вниманіе храбростію: 14-го сентября онъ участвовалъ въ пораженіи сконищъ Шамиля въ Гимрынскомъ ущельѣ, во взятіи штурмомъ заваловъ, укрѣпленныхъ пещеръ и занятіи съ боя селенія Гимры.

21-го января 1841 года Пасекъ былъ назначенъ дивизионнымъ квартирмейстеромъ въ Кавказскую резервную гренадерскую бригаду. Въ это время открылись беспорядки въ Аваріи. Одинъ изъ знатнѣйшихъ тамошнихъ бековъ, Хаджи-Муратъ, арестованный по подозрѣнію въ сношеніяхъ съ Шамилемъ, бѣжалъ отъ сопровождавшаго его изъ Хунзаха въ Темиръ-Ханъ-Шуру конвоя, и собралъ въ аулѣ Цельмезъ шайку своихъ приверженцевъ. Генераль-маіоръ Клюки-фонъ-Клюгенау нашелъ нужнымъ, для истребленія этого новаго возмутителя, направить туда баталіонъ пѣхоты съ двумя горными орудіями. Экспедиція была поручена Пасеку. Слабый отрядъ его встрѣтилъ сильное сопротивленіе и потерпѣлъ значительный уронъ безъ всякой существенной поль-

зы. Справедливость требуетъ упомянуть, что, по мнѣнію корпуснаго командира, этотъ поискъ былъ *худо соображенъ*. Хаджи-Муратъ, послѣ штурма аула Цельмеза, 5-го февраля, перешелъ въ деревню Тлохъ, нѣсколько далѣе отъ границъ Аваріи, продолжая собирать партіи и возмущать окрестныя селенія.

Въ маѣ мѣсяцѣ назначенный состоять при Дагестанскомъ отрядѣ, собранномъ подъ личнымъ начальствомъ корпуснаго командира, генерала отъ инфантеріи Головина, онъ участвовалъ въ рукопашномъ боѣ, 15-го мая, при взятіи Хубарскихъ высотъ соединенными силами Дагестанскаго и Чеченскаго отрядовъ. По раздѣленіи этихъ отрядовъ, 20-го мая, Пасекъ оставался сначала при войскахъ, назначенныхъ для возведенія на правомъ берегу р. Сунжи укрѣпленія, названнаго, въ честь корпуснаго командира, *Евгеніевскимъ*; а, по сооруженіи его, былъ прикомандированъ къ войскамъ главнаго чеченскаго отряда, занятаго постройкою укрѣпленій Зakanъ-Юрта и Казанъ-Кичу на рѣкѣ Сунжѣ. Потомъ онъ участвовалъ: 30-го сентября, въ движеніи главнаго отряда генераль-адъютанта Граббе вверхъ по р. Ассѣ; 16-го октября — къ аулу Гехи, при чемъ находился въ сильной схваткѣ съ горцами въ Богаевскомъ лѣсу; 20-го октября — къ р. Гойтѣ; 23-го — при истребленіи лѣсныхъ хуторовъ и въ рукопашномъ боѣ и сильной перестрѣлкѣ съ толпами Чеченцевъ подъ предводительствомъ Ахверды-Магомы.

До сихъ поръ, какъ мы видѣли, кругъ служебной дѣятельности Пасека ограничивался исполненіемъ обязанностей офицера генеральнаго штаба и участіемъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ онъ, не занимая еще самостоятельной должности, обратилъ на себя уже вниманіе начальства храбростію и военными способностями. Чинъ подполковника, въ который Пасекъ произведенъ 19-го іюня 1841 года, со старшинствомъ съ 14-го сентября 1840, — Высочайшее благоволеніе, объявленное 1841 года, и орденъ Св. Анны 3 степени съ бантомъ, Всемилостивѣйше пожалованный 5-го ноября 1842 года, были достойнымъ поощреніемъ первоначальнаго его боеваго поприща.

Такимъ образомъ не прошло еще 3 лѣтъ со времени прибытія его на Кавказъ, какъ Пасекъ успѣлъ уже побывать на Кавказской и Лезгинской линіяхъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ,

главнѣйшихъ театрахъ нашихъ военныхъ предпріятій. Среди постоянныхъ военныхъ тревогъ и различныхъ порученій, возлагавшихся на него начальствомъ, онъ находилъ еще время ближе ознакомиться съ нравами и обычаями многочисленныхъ горскихъ племенъ и проникнуть подробно въ устройство и духъ ихъ общественныхъ учреждений. Занятія эти составляли для Пасека истинное наслажденіе, въ особенности то, что онъ называлъ «*политикою горъ*», т. е. стремленіе Шамиля къ преобладанію, и средства, употребляемая къ расширенію и упроченію своей власти въ горахъ. При этомъ Пасекъ изучалъ подробно характеры, личныя качества, подвиги и взаимныя отношенія главнѣйшихъ его сподручниковъ, говаривая часто, «*что важнѣе всего знать тѣхъ, съ кѣмъ имѣешь дѣло*». Не менѣе вниманія обращалъ онъ на изученіе мѣстности, играющей столь важную роль въ горной войнѣ; обладая счастливою памятію, онъ помнилъ во всей подробности малѣйшія отбѣнки однажды пройденнаго пространства, сколько нибудь замѣчательныя, и въ этомъ отношеніи едва ли имѣлъ себѣ равнаго. Замѣтки, дѣланныя имъ на скорую руку, въ краткія минуты досуга, еслибы сохранились, могли бы служить богатымъ матеріаломъ для топографіи Кавказа.

Въ 1843 году, послѣ краткаго нахожденія въ отрядѣ на Лезгинской линіи, Пасекъ былъ посланъ корпуснымъ командиромъ, генералъ-адъютантомъ Нейдгардтомъ, въ Дагестанъ съ порученіемъ изыскать средства къ снабженію дровами гарнизоновъ укрѣпленій Нагорнаго Дагестана. Кто былъ въ Аваріи и видѣлъ эту дикую страну, состоящую изъ обнаженныхъ скалъ и утесовъ, тотъ пойметъ всю важность возложеннаго на него порученія. Доставка дровъ въ укрѣпленія была обращена въ повинность всѣмъ жителямъ, съ уплатою за небольшой эшачій выюкъ по 1 руб. сер. и болѣе. Не взирая однако на столь высокую цѣну, повинность эта считалась весьма тягостною по чрезвычайной затруднительности доставать дрова на вершинахъ неприступныхъ горъ, не рѣдко въ странѣ намъ не покорной, и возбуждала ропотъ въ жителяхъ, а казнѣ обходилась чрезвычайно дорого: сажень дровъ, или лучше сказать хвороста, стоила до 70 руб. сер. Пасеку предстояло устроить эту часть военного хозяйства составленіемъ по-

ложительныхъ правилъ о снабженіи гарнизоновъ дровами и установленіемъ точнѣйшей отчетности о расходѣ этаго матеріала.

Въ апрѣлѣ онъ прибылъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру и немедленно отправился въ Хунзахъ — средоточіе Аваріи, и тамъ въ уединеніи занялся собраніемъ подробныхъ свѣдѣній, относящихся къ порученному ему дѣлу.

Между тѣмъ во всемъ Дагестанѣ носились уже слухи о важномъ предпріятіи замышляемомъ Шамилемъ; слухи эти, не подтвержденные еще ни какими явными со стороны его покушеніями, тревожили однако преданныхъ Россіи Аварцевъ и исполнили дерзкими надеждами другія полупокорныя намъ племена, всегда готовые на измѣну; тѣмъ болѣе, что въ этомъ году не предполагалось ни какихъ дѣйствій въ Дагестанѣ и войска послѣ экспедиціи предшествующаго года были значительно уменьшены.

Въ послѣдовавшихъ вскорѣ за тѣмъ событіяхъ, измѣнившихъ на долго видъ Дагестана, Пасекъ принималъ самое дѣятельное участіе: здѣсь вполнѣ высказалъ онъ блестящія военныя способности, быстроту соображеній, храбрость, энергію и твердость характера и, съ этого именно времени, занялась заря будущей его славы, съ которой онъ уже не разставался до самой смерти.

Подвиги его обратили на себя особенное вниманіе въ Бозѣ почивающаго незабвеннаго Государа Императора Николая Павловича: говоримъ о защитѣ Аваріи и геройской оборонѣ Заранинскаго укрѣпленія.

Этотъ прекрасный подвигъ большинству соотечественниковъ до сихъ поръ, къ сожалѣнію, извѣстенъ только по слухамъ; о немъ ничего не было напечатано. По этому считаемъ долгомъ здѣсь изложить, правдиво и во всей подробности, одну изъ блистательнѣйшихъ страницъ въ исторіи Кавказской войны.

Для удержанія спокойствія въ Нагорномъ Дагестанѣ войска наши занимали выстроенныя въ 1842 году на скорую руку полевыя укрѣпленія Гимри, Унцукуль, Балаканы, Цатанихъ, Моксохскую башню на горѣ Арахтау, Гоцатль и Гергебиль. Сверхъ того были заняты нами небольшими командами селенія Ахольчи и Сіухъ. Въ Хунзахѣ — главномъ пунктѣ Аваріи — находился небольшой резервъ войскъ

для поддержанія этихъ укрѣпленій, въ случаѣ надобности.

Сообщеніе Аваріи съ Темиръ-Ханъ-Шурою производилось по единственной удобной для движенія войскъ съ артиллерією дорогѣ, пролегавшей по узкимъ горнымъ ущельямъ, въ которыхъ укрѣпленіе Зарани съ паромною переправою черезъ Койсу и башнею Бурундукъ-Кале въ Ирганайскомъ ущельѣ были пункты первостепенной важности. При выходѣ изъ этого ущелья строился постоянный мостъ на каменныхъ устояхъ.

Шамиль съ многочисленными скопищами бросился сначала на Гимри, Унцукуль и Цатанихъ, а послѣ обратился на Гергебиль и Гоцатль. Укрѣпленія эти, въ которыхъ гарнизоны не превышали двухъ ротъ, а въ нѣкоторыхъ и менѣе, будучи предоставлены самымъ себѣ, не могли долго сопротивляться и послѣ кровопролитной обороны были взяты.

Выбравшись на плоскость, возмутитель успѣлъ взволновать Мехтулинское ханство и владѣнія шамхала Тарковского и, вспомоствуемый измѣною, явился предъ Темиръ-Ханъ-Шурою, при чемъ окончательно отложилось Койсубуленское общество съ селеніями Иргинаемъ и Араканами, а посредствомъ измѣнившихъ намъ жителей непріятель завладѣлъ и башнею Бурундукъ-Кале.

Такимъ образомъ сообщеніе Аваріи съ Темиръ-Ханъ-Шурою было окончательно прервано и войска наши, оставшіяся только въ Зараняхъ, Балаканахъ и Хунзахѣ, были поставлены въ самое затруднительное положеніе, усугубившееся еще всеобщимъ возстаніемъ жителей.

Въ началѣ ноября около Хунзаха все волновалось. Однако положеніе дѣлъ было такое, что Пасекъ, принявши начальство надъ войсками еще 11-го числа, считалъ выгоднѣе защищаться до послѣдняго человѣка въ Хунзахѣ, нежели отступить въ Темиръ-Ханъ-Шуру; но въ продолженіи слѣдующихъ дней обстоятельства совершенно перемѣнились. Именно:

а) 13-го числа онъ положительно узналъ, что Хаджи-Муратъ двинулся изъ Сіуха съ значительною партією на соединеніе съ Шамилемъ, — слѣдовательно, безъ упорнаго боя отрядъ могъ выйти изъ Аварской долины.

б) До 14-го числа лазутчики утверждали, что самъ Ша-

миль чрезъ Араканы прошелъ къ Заранямъ и Иргинаю, а укрѣпленіе Балаканское намѣренъ атаковать особою партією, со стороны Моксоха, и это подтвердилось свѣдѣніемъ, полученнымъ отъ генерала Кюки-фонъ Кругенау и отъ начальствовавшихъ въ Зараняхъ — штабсъ-капитана (нынѣ полковникъ) Эггера и въ Балаканахъ — майора Масловскаго. 16-го же Пасекъ положительно узналъ, что Шамиль въ Казанищахъ, Балаканское ущелье не занято непріателемъ и, слѣдовательно, предстояла полная возможность достигнуть отряда по крайней мѣрѣ до Зарань.

в) Взятіе Гергебиля, измѣна Акуши и Судахары, потомъ Мехтулы и Шамхальства, наконецъ заключеніе отряда въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ и потеря всей баранты, распространили въ Хунзахѣ страхъ и уныніе, а происки Хаджи-Мурата склонить Хунзахцевъ на свою сторону усиливались съ каждымъ днемъ. Въ продолженіи 13-го и 14-го чиселъ заарестовано 4 человѣка, будто бы бѣжавшихъ отъ мюридовъ и принесшихъ извѣстіе о потерѣ Хунзахской баранты, о занятіи Дженгутая, Казанищъ и Тарковъ.

Не смотря на ободренія со стороны Пасека и правителя Аваріи, майора князя Орбеліана, страхъ жителей увеличился до того, что утвердительно можно было сказать: при первомъ появленіи Шамиля подъ Хунзахомъ и первой непріятельской канонадѣ, селеніе не осталось бы намъ вѣрнымъ. Невѣрность же жителей, отъ чего бы она не произошла, поставила бы отрядъ въ опасное положеніе.

г) Пасекъ узналъ, что полковникъ Ясинскій получилъ предписаніе оставить Балаканы и опасался, что онъ, по малому запасу провіанта, не рѣшился долѣе удерживаться въ Балаканскомъ укрѣпленіи *).

Оставленіе же Балаканскаго укрѣпленія ставило Аварскій отрядъ въ весьма опасное положеніе: когда бы непріятель узналъ, что Балаканы оставлены, то немедленно занялъ бы ущелье, какъ сдѣлалъ послѣ, перегородилъ его завалами и занялъ бы хребты Орчло и Танусъ-балъ, а тогда 3½ баталіона, имѣя больныхъ и раненыхъ, цѣлый обозъ съ

*) По прибытіи въ Балаканы, полковникъ Ясинскій объявилъ, что онъ намѣренъ былъ ждать Пасека еще три дня, и потомъ отступить въ Зарани.

женами и дѣтьми Аварцевъ, должны бы были сперва сбить непріятеля съ хребтовъ, а потомъ, преслѣдуемые имъ, штурмовать завалы Хаджи-Мурата въ самомъ ущельѣ. Операція весьма опасная, если и возможная, и потому Пасеку было необходимо до оставленія Балаканъ поспѣшить выступленіемъ изъ Хунзаха.

д) Имѣя возможность достигнуть Зарань, Пасекъ облегчалъ спасеніе отряда тѣмъ, что усиливалъ его 1½ баталіонами, присоединивъ къ себѣ гарнизоны изъ Балаканъ и Зарань, ставилъ отрядъ въ независимость отъ вѣрности жителей, и при первомъ успѣхѣ нашихъ войскъ на плоскости онъ могъ имѣть свободный доступъ къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ; а когда бы остался въ Хунзахѣ и Балаканское ущелье было бы занято непріятелемъ, то главный отрядъ, опрокинувъ Шамиля съ плоскости, долженъ бы пробиваться чрезъ Балаканское ущелье, чтобы освободить Аварскій отрядъ; но для этого войска съ линіи, которая, какъ Пасекъ рассчитывалъ, могли поспѣть на помощь Темиръ-Ханъ-Шурѣ, не могли усилить Дагестанскаго отряда на столько, чтобы онъ могъ предпринять наступленіе къ Хунзаху, и гибель Аварскаго отряда была бы неизбежна.

Всѣ эти соображенія заставили Пасека поспѣшить выступленіемъ изъ Хунзаха; поэтому, когда 16-го ноября онъ получилъ предписаніе командовавшаго войсками въ Сѣверномъ и Нагорномъ Дагестанѣ, генераль-маіора Кюкифонъ-Клугенау, оставить Хунзахъ и выступить въ Темиръ-Ханъ-Шуру,—онъ въ продолженіе 10 часовъ кончилъ всѣ сборы. Необходимость уничтожить запасы, рубить лафеты, заклепывать орудія и кидать въ кучу, оставявъ укрѣпленіе и селеніе, добровольно принявшее насъ и оставшееся всегда вѣрнымъ, невольно возбудило самое прискорбное чувство, и скорбь эта увеличивалась плачемъ мужчинъ и женщинъ, которые прощались и съ своимъ правителемъ, княземъ Орбеліаномъ *), цѣлуя его руки и платье. Въ 5 часовъ пополудни, 16-го ноября, отрядъ оставилъ Хунзахъ безъ выстрѣла, прошелъ мостикъ близъ водопада, и тогда только Хунзахцы, для своего оправданія предъ Шамилемъ, на-

*) Нынѣ генераль-лейтенантъ.

чали преслѣдовать нашихъ, сперва слабо, а потомъ, когда у Тонускаго подъема усилили ихъ партіи изъ Сіуха, довольно рѣшительно.

Войска для отступленія двигались одною колонною въ слѣдующемъ порядкѣ: въ головѣ шли 2-й баталіонъ Куринскаго и 3-й баталіонъ Кабардинскаго полковъ съ 4 горными единорогами, имѣя впереди себя всѣхъ казаковъ, за ними всѣ тяжести, раненые, больные, семейства Хунзахцевъ и вьюки, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ Грузинскаго линейнаго № 14 баталіона; колонну эту прикрывалъ со стороны непріятеля 1-й баталіонъ князя Варшавскаго полка, подъ командою подполковника Хвостикова, съ 2 горными единорогами.

Достигнувъ Тонускаго подъема, 3 баталіонъ Кабардинскаго полка, съ 2 горными единорогами, расположился на позиціи, пропустилъ всю колонну, прикрывая движенія со стороны Сіуха, и потомъ составилъ арріергардъ отряда, а 1-й баталіонъ князя Варшавскаго полка долженъ былъ поддерживать арріергардъ.

Непріятель, производя убійственный огонь, нѣсколько разъ бросался въ шашки; но храбрые Кабардинцы опрокидывали его штыками. Между тѣмъ 1-й баталіонъ князя Варшавскаго полка, остановясь на хребтѣ Тонусъ-Балъ, принялъ на себя Кабардинцевъ и, пропустивъ ихъ, открылъ сильный огонь съ высотъ прилежащихъ дорогъ; непріятель тотчасъ ослабилъ преслѣдованіе и отступленіе продолжалось безъ боя.

Въ это время взорвало Хунзахскій паркъ и бѣлый столбъ свѣта освѣтилъ Хунзахъ; взрывъ слѣдовалъ за взрывомъ, непрерывно лопались гранаты, какъ будто началась сильная канонада, и, наконецъ, зарево пожара разлилось надъ ауломъ. По словамъ перебѣжчиковъ взрывъ парка разрушилъ казармы, комендантскій домъ, часть крѣпостной стѣны, и полуразрушенныя зданія охватилъ пожаръ; при этомъ погибло много мюридовъ, пріѣхавшихъ изъ Голотля; еще на другой день гранаты разносило по селенію, и жители два дня скрывались въ окрестныхъ селеніяхъ. Хунзахцы были предупреждены, что будетъ взрывъ и чтобъ они не ходили въ крѣпость.

Быстрога, съ какою Пасекъ собрался изъ Хунзаха, и скрытность его намѣренія до послѣдняго часа, даже отъ офи-

церовъ, способствовали отряду съ малою потерей пройти хребты Тонусъ—Балъ и Арчло; преданные мюридамъ Хунзахцы поскакали въ Сіухъ, Голотль и Буцру, во время самаго его выступленія изъ Хунзаха, и одинъ Кучубуръ съ партией изъ Сіуха поспѣлъ на помощь Хунзахцевъ, но онъ не успѣлъ предупредить нашихъ на хребтахъ. Снѣгъ и гололедица до крайности замедлила движеніе отряда, лошади и выюки падали въ кручу, горные единороги спускали на рукахъ, только въ 4 часа утра, 17-го числа, отрядъ спустился въ Балаканское ущелье, а въ 11 часовъ утра достигъ укрѣпленія. Въ это время показались на кручахъ Арахъ—Тау запоздавшія партіи сосѣднихъ деревень къ Арахъ—Тау: Цатаниха, Буцры и Могоха.

Потеря наша при отступленіи состояла убитыми изъ 1 оберъ—офицера и 2-хъ нижнихъ чиновъ; ранеными изъ 2-хъ оберъ—офицеровъ и 27-ми нижнихъ чиновъ.

По прибытіи отряда въ Балаканы полковникъ Ясинскій собрался въ продолженіе 4-хъ часовъ, раздавъ снаряды на руки; по неизбѣжно же лошадей для перевозки трехъ полевыхъ орудій и одного горнаго единорога, назначенъ былъ 2-й баталіонъ князя Варшавскаго полка; оставшіеся за тѣмъ снаряды и порохъ приготовлены были для взрыва.

Въ 3 часа пополудни Пасекъ выступилъ изъ Балаканъ; авангардъ его состоялъ изъ саперной команды и 1-го баталіона князя Варшавскаго полка съ тремя горными единорогами; за нимъ слѣдовалъ 2-й баталіонъ того же полка съ тремя полевыми орудіями, потомъ выюки, раненые, больные подъ прикрытіемъ двухъ линейныхъ ротъ; арріергардъ состоялъ изъ 3-го баталіона Кабардинскаго и 2-го баталіона Куринскаго полковъ съ четырьмя горными единорогами.

Авангардъ, не ожидая главной колонны, долженъ былъ спѣшить занять селеніе Зарани и сады, прилежащія къ дорогѣ, а въ случаѣ, еслибъ выходъ изъ ущелья былъ перепороженъ завалами и занять непріателемъ, то ожидать 2-й баталіонъ князя Варшавскаго полка съ полевыми орудіями и прибытія Пасека, который самъ оставался въ арріергардѣ.

Непріатель, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, кончилъ тѣмъ преслѣдованіе. Спустя полчаса по уходѣ нашихъ изъ укрѣпленія послѣдовалъ взрывъ парка.

Въ 4½ часа авангардъ занялъ с. Зарани и ближайшіе

сады, а въ 5 часовъ партія муллы Балаканскаго, занявъ противоположныя селенію сады, завязала перестрѣлку, и въ то же время Могохцы, Буцринцы и Оркачинцы начали спускать камни въ ущелье со скалъ Арахъ—Тау.

Но такъ какъ большая часть больныхъ и выюковъ уже прошла къ переправѣ при укрѣпленіи Зараняхъ, то непріатель весьма мало нанесъ нашимъ вреда: ранено 1 оберъ—офицеръ и 9 нижнихъ чиновъ.

Вечеромъ же, 17-го числа, были отправлены лазутчики узнать, существуетъ ли башня въ Бурундукъ—Кале и подъемъ выхода, сдѣланы всѣ распоряженія для немедленнаго выступленія на-легкѣ, еслибъ узнали, что башня занята Русскими, или по крайней мѣрѣ цѣль подъемъ, и выходъ не занятъ сильной непріательской партией. Посланные не узнали ничего положительнаго, а лазутчики, отправленные вечеромъ 18-го числа, ночью же дали знать, что башня разрушена, и что много непріательскихъ огней разложено надъ выходомъ и у подъема Бурундукъ—Калинскаго, или у Волчьихъ Воротъ.

Получивъ это свѣдѣніе, Пасекъ до разсвѣта еще переправилъ на лѣвый берегъ Койсу 2-й баталіонъ князя Варшавскаго полка подъ командою майора Масловскаго, съ горными единорогами, съ цѣлью внезапно захватить селеніе Зарани и тамъ утвердиться; вслѣдъ за этимъ баталіономъ переправилъ сводный линейный баталіонъ и саперную роту.

Позицію при селеніи Зараняхъ Пасекъ намѣревался удерживать до рѣшительнаго наступленія Шамиля; оно было важно для отряда потому, что совершенно командуетъ укрѣпленіемъ, и непріатель, владѣя ею, могъ нанести нашимъ значительный вредъ.

Съ разсвѣтомъ селеніе Зарани было занято безъ всякой потери, но непріатель завязалъ сильную перестрѣлку съ противоположныхъ ему садовъ; когда же переправились сводный линейный баталіонъ и саперы, Пасекъ повелъ ихъ по рѣкѣ въ обходъ садовъ. Саперы составляли резервъ линейнаго баталіона. Обходная колонна, пройдя ближайшіе сады, стремительно бросилась захватить единственную дорогу вдоль Койсу, по которой непріатель могъ отступить къ Балаканскимъ хуторамъ; въ это же время 2-й баталіонъ князя Варшавскаго полка бросился прямо въ сады; непріа-

тель, опасаясь быть отрѣзаннымъ, бѣжалъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ одно тѣло.

Во время перестрѣлки наши имѣли 4 раненыхъ, во время же атаки ни одного.

Занявъ тѣснину до Койсу и выходя изъ Балаканскаго ущелья, Пасекъ приказалъ перегородить ихъ прочными завалами.

Едва сдѣланы были необходимыя распоряженія для удержанія позиціи при селеніи Зираняхъ, какъ сильная непріятельская партія показала на высотахъ противъ укрѣпленія со стороны Ирганая и Араканъ. Пасекъ поспѣшилъ на правый берегъ Койсу, и когда прибылъ въ лагерь при укрѣпленіи, непріятель уже бросился на 8-ю роту Кабардинскаго полка; но поручикъ Дуровъ *) твердо выдержалъ первый ихъ натискъ. Между тѣмъ къ атакованной высотѣ была направлена 7-я рота Кабардинскаго и 2-й баталіонъ Куринскаго полковъ съ двумя горными единорогами, а 2-я и 3-я роты Кабардинскаго, подъ начальствомъ штабсъ-капитана (нынѣ полковника) Эггера, двинулись сбить непріятеля съ высотъ.

Рѣшительное наступленіе съ нашей стороны заставило непріятеля отступать съ обоихъ пунктовъ на гребень высотъ. Хаджи-Муратъ утвердилъ тамъ восемь значковъ на ружейный выстрѣлъ отъ насъ, и открылъ довольно сильный огонь. Пасекъ скрылъ войска за покатостью, не отвѣчая на непріятельскіе выстрѣлы; только горные единороги, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Гунина, обстрѣливали окружающія высоты картечью и балки гранатами.

Когда солдаты отдохнули, а Хаджи-Муратъ имѣлъ время увѣриться, что наши не рѣшатся его атаковать на крѣпкой позиціи, Пасекъ приказалъ сдѣлать общее и рѣшительное наступленіе. Чтобъ атаковать гребень высотъ, занятый Хаджи-Муратомъ, надобно было войскамъ проходить узкій перешеекъ между двумя обрывами подъ вѣрными перекрестными выстрѣлами непріятеля; но храбрые Кабардинцы и Куринцы перебѣжали перешеекъ и быстро приблизились къ подошвѣ занятыхъ непріятелями высотъ. Мюриды, неочи-

*) Прикомандированный отъ Оренбургскаго линейнаго № 5-го баталіона.

данно атакованные, были смущены, не смотря на то держались до крайности, стрѣляли въ упоръ. Но стремительный натискъ въ штыки обратилъ ихъ въ совершенное бѣгство, такъ что тѣснящіяся толпы мюридовъ, на склонѣ занятыхъ нами высотъ, были поражаемы безотвѣтно съ ихъ стороны нашимъ мѣткимъ батальнымъ огнемъ. Всадники безъ лошадей, въ томъ числѣ Хаджи-Муратъ, и всѣ знаменщики; разбѣжавшіяся лошади, собравшіеся раненые подъ кручу, оставленные бурки и шубы, торбы съ съѣстными припасами все доказывало, какъ нечаянно было захвачено скопище горцевъ и какъ неожиданно опрокинуто нами. Впереди всѣхъ при атакѣ былъ Кабардинскаго полка прапорщикъ Саваничъ, въ числѣ охотниковъ часть Аварцевъ съ княземъ Орбелианомъ и подпоручикомъ Анановымъ; значки были въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашихъ солдатъ, и только спаслись тѣмъ, что бросились прямо подъ кручу. Партія Хаджи-Мурата въ этомъ дѣлѣ была усилена Шамхальцами и Мехтулинцами.

Въ то же время, какъ происходила эта атака Хаджи-Мурата, штабсъ-капитанъ Эггеръ, съ полубаталіономъ командуемаго имъ Кабардинскаго баталіона, сбиль непріятеля съ слѣдующихъ высотъ, и занялъ возвышенія хребта.

Пораженіе Хаджи-Мурата 19-го ноября имѣло самыя благоприятныя послѣдствія. Непріятель уже не рѣшался занимать и даже показываться на высотахъ, съ которыхъ могъ поражать нашихъ при укрѣпленіи, не только пушечнымъ, но и ружейнымъ огнемъ; и если бъ непріятель утвердился на нихъ, то положеніе отряда было бы самое бѣдственное, не говоря объ огромной потерѣ, которую понесли бы наши войска, они не имѣли бы дровъ и фуража: цѣлыя двѣ недѣли, въ самое холодное время, солдаты запасались колючимъ мелкимъ кустарникомъ съ занятыхъ нами высотъ и фуражемъ для лошадей, которыя составляли пищу отряда.

Потеря наша состояла убитыми изъ 9 нижнихъ чиновъ, ранеными изъ 1 оберъ-офицера и 11 нижнихъ чиновъ; потеря непріятельская, по показанію перебѣжчиковъ, была значительная; объ этомъ можно было судить еще и по уносимымъ и оставленнымъ на мѣстѣ тѣламъ.

Вечеромъ же 19-го числа Хаджи-Муратъ обошелъ тропинками Зираня и спустился къ Койсу на Кудухскій бродъ; перешедъ здѣсь рѣку и взобравшись на Арахтау, явился,

20-го числа, противъ нашихъ заваловъ въ Балаканскомъ ущельѣ; часть горцевъ начала устраивать завалы на первомъ подъемѣ ущелья, а другая обходить нашъ заваль, обстрѣливать и спускать камни. Чтобы не дать мюридамъ утвердиться надъ нашимъ заваломъ и съ первого дня отнять охоту обходить насъ, Пасекъ приказалъ послать охотниковъ отъ 2-го баталіона князя Варшавскаго полка, сбить горцевъ съ кручь и скаль, а для содѣйствія охотникамъ послалъ 3-ю роту Грузинскаго линейнаго № 14-го баталіона въ обходъ горцевъ къ вершинѣ хребта.

Охотники, не смотря на огонь мюридовъ и спускаемые камни, безостановочно преслѣдовали ихъ по кручамъ и скалямъ, а когда линейная рота достигла вершины хребта и угрожала захватить болѣе упорныхъ, то горцы оставили трудно доступные карнизы и пещеры и скрылись на Арахтау.

Потеря наша состояла изъ 1 убитаго, 5 раненныхъ и 6 контуженныхъ камнями нижнихъ чиновъ.

20-го, день и ночь, работали ретраншаментъ около лагерь при укрѣпленіи Зиранскомъ; рубили сады и заготовляли дрова на случай, если необходимость заставитъ оставить позицію на лѣвой сторонѣ рѣки при селеніи.

21-го числа непріятель значительно усилился въ Балаканскомъ ущельѣ; большія толпы мюридовъ показались противъ нашихъ заваловъ. Масса горцевъ заняла хребетъ Арахтау и начала спускать камни на нашу позицію; другая масса открыла сильный огонь съ оконечности Балаканскаго хребта по войскамъ, занимавшимъ селеніе; сверхъ того они втащили туда одно легкое орудіе, и въ часъ по полудни началось дѣйствіе ядрами и картечью по укрѣпленію и лагерю. Наши батареи и стрѣлки не отвѣчали на непріятельскій огонь; сбить ихъ орудія—было невозможно, потому что видно было только одно дуло; перестрѣливаться же нашимъ стрѣлкамъ съ ними значило напрасно выставлять себя, подвергаясь вѣрнымъ выстрѣламъ. Всѣ войска были по возможности скрыты отъ артиллерійскаго и ружейнаго непріятельскаго огня; работы днемъ были прекращены.

Потеря наша въ этотъ день состояла изъ 11 нижнихъ чиновъ раненныхъ. Канонада изъ непріятельскаго орудія и усилія непріятели сбить насъ съ позиціи при сел. Зираніи продолжались въ слѣдующіе дни.

Между тѣмъ 23-го числа прибыла сильная партія въ Ирганай отъ Бурундукъ-Кале, такъ что противъ нашихъ собралось 18 значковъ, не считая скопища въ Араканахъ.

Ночью же 22-го числа солдаты устроили себѣ небольшія землянки для укрытія отъ непріятельскаго орудія, а 23-го ноября четыре редута; въ слѣдующіе дни усилили ихъ оборону, потомъ устроили еще два редута и продолжали работу ретраншаментъ.

Войска были распределены слѣдующимъ порядкомъ: 2 горныхъ единорога и 3-й баталіонъ Кабардинскаго полка расположены были въ срединѣ садовъ Зиранскихъ, и цѣлая рота занимала заваль противъ Балаканскаго ущелья, которое было перегорожено стѣнкой; селеніе Зираніи занято было 2-мя ротами 2-го баталіона князя Варшавскаго полка съ 1 горнымъ единорогомъ и 4 крѣпостными ружьями; цѣпь предъ селеніемъ и башню занимала рота Грузинскаго линейнаго № 14-го баталіона, другія двѣ линейныя роты занимали тѣснину по Койсу, держа сильный пикетъ надъ скалой, подъ которой были устроены наши завалы.

1-й баталіонъ князя Варшавскаго полка, двѣ роты 2-го баталіона Куринскаго полка и команда саперъ съ 2-мя горными единорогами составляли главный резервъ, который занималъ лагерь при укрѣпленіи; самое укрѣпленіе занимали взводъ Навагинской роты и Апшеронская команда въ 40 человекъ.

Всѣ зданія укрѣпленія были очищены подъ больныхъ и раненныхъ. Первые два редуты заняты были двумя ротами 2-го баталіона князя Варшавскаго полка, слѣдующіе два ротою Куринскаго баталіона; сверхъ того одинъ изъ послѣднихъ редутовъ былъ вооруженъ 2-мя горными единорогами; пятый редутъ особою командою въ 24 человекъ при офицерѣ отъ 1-го баталіона князя Варшавскаго полка; наконецъ послѣдній редутъ взводомъ Навагинской роты и вооруженъ 2-мя полевыми единорогами, а главный ретраншаментъ при укрѣпленіи 2-мя полевыми орудіями и 3-мя мортирками 10 и 6 фунтовыхъ калибровъ. Силы отряда простирались до 2400 штыковъ, при 7 горныхъ, 4 полевыхъ, 3 крѣпостныхъ орудіяхъ и 3 мортиркахъ.

Площадь, окружающая укрѣпленіе Зираніи, составляла плацъ-дармъ для отряда, а высоты прилежація — первый

валъ, котораго Пасекъ рѣшился удерживать до послѣдней крайности, предполагая, что если Шамиль обратится противъ его со всѣми скопичами, то онъ оставитъ позицію при сел. Зирани, сосредоточитъ войска при укрѣпленіи, чтобъ совокупностью силъ имѣть возможность отражать атаки всѣхъ скопичъ Шамиля.

30-го числа Хаджи-Муратъ, послѣ тщательныхъ усилій овладѣть позиціею при Зираняхъ, опять перешелъ на правый берегъ Койсу въ Аракану; потеря наша, въ продолженіе 9 послѣднихъ дней состояла ранеными: картечью 8, пулями 4, камнями 7, контуженными 12 нижнихъ чиновъ. Непрительское орудіе по прежнему продолжало дѣйствовать, но уже гораздо слабѣе: часть горцевъ осталась въ Балаканскомъ ущельѣ, селеніе Ирганай было занято мюридами.

Двѣ недѣли прошло, какъ отрядъ занялъ Зирани; 12 нарочныхъ были отправлены въ Темиръ-Ханъ-Шуру съ донесеніемъ, и ни одинъ изъ нихъ не возвращался, ни одинъ не принесъ извѣстія, что существуетъ еще Шура, а много разъ наши слышали отъ мюридовъ, что она взята и имъ предстоитъ гибель.

Хотя наши не давали этому извѣстію никакого вѣроятія, но нельзя было не усомниться, что Шура находится въ самомъ затруднительномъ положеніи. Отрядъ, предоставленный тягостной неизвѣстности, съ малымъ запасомъ сухарей, не смотря на уменьшеніе дачи до 1 фунта, безъ соли и мяса, окруженный со всѣхъ сторонъ въ горной котловинѣ, откуда сама природа тѣнинами и громадами скалъ заслонила выходъ на плоскость, готовъ былъ къ смертной, но отчаянной борьбѣ.

Трудно, или лучше, не возможно выразить того мучительнаго, жгучаго чувства, которымъ исполнены были души и сердца каждаго изъ чиновъ отряда. Ихъ уже не радовало уничтоженіе всѣхъ покушеній непріятели и страхъ, какой они внушили къ себѣ; но чѣмъ болѣе уходила надежда на спасеніе, тѣмъ рѣшительнѣе и предприимчивѣе дѣлались войска. Зная нравственную силу ихъ, Пасекъ рѣшился ждать извѣстій и вспомоствованій съ плоскости, пока не стѣдятъ послѣдняго сухаря, и тогда, призвавъ на помощь Господа Побѣдодавца, штыками проложить себѣ дорогу.

Конечно, обходя непроходимые доступы безъ тропи-

нокъ, поднимаясь и спускаясь по крутизнамъ и скаламъ на подоблачные хребты, онъ ни въ какомъ случаѣ не спасъ бы ни артиллеріи, ни больныхъ, ни раненыхъ, но, можетъ быть, спасъ бы остатки храбрыхъ. А еслибъ погибли и всѣ, то, — какъ онъ справедливо полагалъ, — лучше бы погибли съ оружіемъ въ рукахъ, нежели унижить себя постыдной сдачей.

Но вдругъ въ 11 часовъ вечера, 1-го декабря, къ неописанной радости всего отряда, получено было письмо генерала Кюки-фонъ-Клугенау отъ 25-го и 29-го ноября, въ которыхъ онъ извѣщалъ, что осажденные могутъ быть выручены соединенными силами Дагестанскаго отряда и отряда генерала Фрейтага черезъ 30 дней. Извѣстіе это ожидало снова къ жизни, и на утро во всѣхъ баталіонахъ служили благодарственный молебенъ.

Съ 30-го ноября непріятель уже не предпринималъ ничего.

6-го декабря, не смотря на труды и холодъ, наши не забыли вознести теплыя молитвы Господу, о здравіи Великаго Имянинника, и скалы Дагестана, при испрошеніи долголѣтія Государю Императору, огласились громомъ нашихъ батарей и далеко разнесли его по непокорнымъ племенамъ Кавказа; Русскіе еще торжествовали въ горахъ тезоименитство своего Государа, какъ бы въ предзнаменованіе скорой покорности горъ державной волѣ Его.

9-го числа, снова получены письма генерала Кюки-фонъ-Клугенау отъ 3, 5 и 7-го чиселъ; срокъ избавленія уменьшался, предполагалось совершить его къ 20-му декабря.

Между тѣмъ 7-го декабря наступили сильныя морозы, къ прежнимъ бѣдствіямъ присоединилось новое бѣдствіе; положеніе отряда сдѣлалось ужаснымъ: большая часть солдатъ была безъ полушубковъ, а многіе не имѣли рубахъ и сапогъ. 10 дней уже солдаты питались 1 фунтомъ сухарей безъ соли. По холоду, безъ пищи, Пасекъ опасался, что откроется повальная болѣзнь, а уже недоставало помѣщенія и для обыкновенныхъ больныхъ, хотя ихъ вмѣстѣ съ ранеными во все время не было больше 180 человѣкъ.

Положеніе отряда точно было бѣдственное, но духъ въ

войскахъ былъ выше всякихъ похвалъ, и онъ кажется поддерживалъ физическія силы солдатъ. По-прежнему, ночью, съ усердіемъ продолжали работу для усиленія окоповъ и самой крѣпости. Днемъ два раза ходили за дровами и фуражемъ; на дрова ломали кустарникъ по крутизнамъ горъ, на фуражъ рвали скудную траву, разгребая снѣгъ. Общій отдыхъ войскамъ давался только отъ 11 часовъ утра до 1 часа по полудни, когда солнце умѣряло холодъ, и сонъ не бывалъ такъ опасенъ. Для сохраненія здоровья, всѣ слабые помѣщались въ госпиталь, чтобъ въ теплѣ, на свѣжемъ хлѣбѣ и на $\frac{1}{2}$ фунтѣ мяса, отдохнули и оправились; для этого сбережена была какая нашлась мука, и заблаговременно отобранъ скотъ отъ всѣхъ частныхъ лицъ и командъ. Для поддержанія силъ солдатъ, было разрѣшено и ихъ уговаривали ѣсть мясо лошадей. Нижніе чины сначала на это не рѣшались, но потомъ примѣръ офицеровъ способствовалъ къ побѣжденію предрасудка. Замѣтимъ, что подполковникъ Хвостиковъ — храбрый офицеръ, о которомъ будемъ имѣть случай говорить — первый приступилъ къ этой пищѣ: онъ велѣлъ по возможности откормить жеребенка и, заколовъ его, пригласилъ всѣхъ офицеровъ отряда на завтракъ. Священникъ Грузинскаго линейнаго № 14-го баталіона, отецъ Даніилъ Попруженковъ, благословилъ трапезу. Последнее обстоятельство наиболѣе подѣйствовало на солдатъ: не смотря на отвращеніе, постепенно всѣ принялись за конину и послѣ дѣлили даже кости лошадей.

Воспоминанія 1812 года превращались въ дѣйствительность, особенно когда въ группѣ солдатъ являлись съ кускомъ брезента, или рогожи, вмѣсто плаща, и въ калошахъ изъ куска сырой кожи, или войлока, вмѣсто сапогъ.

13-го декабря вода въ Койсу значительно упала и пошелъ большой ледъ, такъ что паромная переправа прекратилась. Но къ 15-му числу былъ уже сдѣланъ мостъ на козлахъ, и тѣмъ значительно облегчилось бѣдственное сообщеніе отряда съ лѣвымъ берегомъ Койсу.

14-го же числа огромныя массы горцевъ перешли изъ Араканъ въ Ирганай, между тѣмъ всѣ окрестныя горы, со стороны Араканъ, заняты были большими толпами мюридовъ, а съ главнаго хребта Хаджи-Муратъ и Магомедъ Кадій Акушинскій обозрѣвали наши укрѣпленія. Въ то же

время непріятель прибывалъ и со стороны Балаканъ, и усиливалъ дѣйствіе изъ орудія.

15-го вывезенъ былъ ими горный единорогъ изъ Араканъ, и съ высоты открыто изъ него дѣйствіе по войскамъ при селеніи Зирани; главный хребетъ былъ занятъ большою партией, и часть ея спустилась къ пятому реду.

Пасекъ вывелъ изъ лагеря 1-й баталіонъ князя Варшавскаго полка и 2 роты Куринцевъ съ двумя горными единорогами, и двинулся на хребетъ съ тѣмъ, чтобъ занять главную высоту и овладѣть горнымъ единорогомъ; при приближеніи нашихъ горцы оставили хребетъ и заблаговременно увезли орудіе.

15-го числа, въ 10 часовъ утра, Хаджи-Муратъ прислалъ къ Пасеку письмо, въ которомъ, отъ имени Шамиля, клялся пропустить отрядъ съ честью въ Темиръ-Ханъ-Шуру, только бы онъ оставилъ Зирани, и просилъ, чтобъ выслали кого-нибудь для переговоровъ.

Пасекъ отвѣчалъ Хаджи-Мурату, что не иначе выступить изъ Зиранъ, какъ получивши на это предписаніе генерала Клюки-фонъ-Клугенау и когда дадутъ въ аманаты Хаджи-Мурата или Кибитъ-Магому, а съ нашей стороны предлагать себя въ аманаты бывшій правитель Аваріи, князь Орбелианъ, —нынѣ генераль-лейтенантъ и командующій войсками въ При-Каспійскомъ Краѣ. Съ отвѣтомъ къ Хаджи-Мурату и донесеніемъ къ генералу Клюки-фонъ-Клугенау вызвался ѣхать подпоручикъ Анановъ, лично извѣстный Шамилю. Пасекъ просилъ Хаджи-Мурата пропустить его съ донесеніемъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру.

Анановъ былъ встрѣченъ мюридами въ виду отряда весьма дружески, и, по словамъ выходцевъ, принятъ Хаджи-Муратомъ и отправленъ въ Казанищи; но на дорогѣ получено было извѣстіе о разбитіи Шамиля подъ Казанищами, а потому Ананова отправили въ Тлохъ.

16-го числа, весь день огромныя скопища непріятеля проходили къ Араканамъ изъ Ирганая и отъ Волчьихъ Воротъ, числомъ не менѣе 6 тыс.; а 17-го, на разсвѣтѣ, получено извѣстіе, что отрядъ генераль-лейтенанта Гурко прибылъ въ Бурундукъ-Кале.

Получивъ это извѣстіе, Пасекъ немедленно поспѣшилъ съ двумя баталіонами и двумя горными единорогами овла-

дѣтъ Ирганаемъ, чтобъ войти въ связь съ главнымъ Дагестанскимъ отрядомъ. Приблизившись къ Ирганаю, онъ послалъ сказать жителямъ, чтобъ покорились; но они не хотѣли и слышать о покорности, и обѣщали драться, если пойдёмъ на селеніе; когда же былъ открытъ огонь изъ орудій и 2-й баталіонъ Куринскаго полка обошелъ селеніе съ высотъ, тогда жители бѣжали. Занявъ селеніе Куринскимъ баталіономъ и расположивъ двѣ роты 1-го баталіона князя Варшавскаго полка на высотахъ къ Ирганайскому ущелью, Пасекъ отправился съ двумя ротами 1-го баталіона князя Варшавскаго полка и конными Аварцами въ Бурундукъ-Кале.

На половинѣ дороги онъ встрѣтилъ авангардъ главнаго отряда, а потомъ генераловъ Гурко и Клюки-фонъ-Клугенау.

Общія привѣтствія, радость и слезы, начиная отъ простыхъ солдатъ до командовавшаго войсками, были такой торжественной, неоцѣненной наградой, что далеко искупили перенесенные опасности, труды и нужды, и день и часъ этой встрѣчи, конечно, никогда не изгладится изъ памяти.

Вообще надо замѣтить, что кавказскія войска отличаются чрезвычайнымъ радушіемъ, и баталіоны разныхъ полковъ встрѣчаются какъ родные, давно знакомые между собою. Офицеры и нижніе чины, сами, безъ всякаго побужденія, отдають свои обѣды или ужины вновь пришедшимъ на позицію или въ аулъ, считая какъ бы священною обязанностію угостить товарищей.

Вечеромъ начали приводить въ исполненіе приказанія генерала Гурко: были брошены въ Койсу всѣ снаряды изъ парка, 3 чугунныя орудія, которыя невозможно было доставить въ Шуру по трудности зимней дороги и по необходимости быстрого отступленія, чтобъ избѣжать огромныхъ потерь, и по невозможности вести орудія на морскихъ станкахъ; станки и зарядные ящики были сожжены.

Въ 8 часовъ вечера выступила въ Бурундукъ-Кале колонна изъ трехъ баталіоновъ: 3-го Апшеронскаго, 2-го Куринскаго полковъ и сводный линейный съ ранеными, больными, семействами преданныхъ намъ Аварцевъ, араканскими аманатами и арестантами. Въ полночь сняты были секреты и аванпосты съ позиціи при селеніи Зираняхъ, и передовая часть войскъ прошла за резервъ, а потомъ резервъ, поддерживавъ огни бивакъ и соблюдая тишину, отступилъ въ

укрѣпленіе. По переходѣ резерва чрезъ мостъ, паромъ былъ прорубленъ и опущенъ въ воду, средніе козлы моста опрокинуты. Къ двумъ часамъ пополудни были сняты орудія и роты съ редутовъ, и войска построились къ отступленію, а въ 4 часа утра, 18-го декабря, наконецъ, послѣ тридцатидневнаго заключенія, Аварскій отрядъ, по милости Божіей, выступилъ въ Бурундукъ-Кале.

Потеря наша, въ продолженіе всего времени, начиная съ отступленія изъ Хунзаха до выхода изъ Зирань, состояла убитыми изъ 1 оберъ-офицера и 12 нижнихъ чиновъ; ранеными изъ 4 оберъ-офицеровъ и 78 нижнихъ чиновъ; контуженными изъ 28 нижнихъ чиновъ.

Подъ селеніемъ Ирганай, Аварскій отрядъ миновалъ арріергардъ главныхъ силъ и составилъ боевую колонну.

Когда начинало свѣтать и арріергардъ былъ уже на половинѣ дороги къ Бурундукъ-Кале, раздался пушечный выстрѣлъ со стороны Зирань и, спустя полчаса, показались первые конные мюриды.

Непріятель былъ введенъ въ заблужденіе письмомъ генерала Клюки-фонъ-Клугенау къ Араканцамъ, чтобъ они сдались, или будутъ наказаны силою оружія; по всему видно, что они ожидали наступательныхъ дѣйствій съ нашей стороны, а неисправность непріятельскихъ секретовъ довершила ошибку Хаджи-Мурата и Кибитъ-Магомы, и дала нашимъ возможность отступить чрезъ тѣснины Ирганайскаго ущелья безъ всякой потери.

Массы горцевъ, предводимыхъ Хаджи-Муратомъ и Кибитъ-Магомою, конныя и пѣшія, съ 20-ю значками, догнали отрядъ подъ самымъ Бурундукъ-Кале, и стремительно атаковали нашъ арріергардъ. Съ разрѣшенія командующаго войсками, Пасекъ отправился къ атакованной части войскъ, которую немедленно подкрѣпилъ 1-мъ баталіономъ князя Варшавскаго полка.

Зная, что отступленіе передъ четырехъ-тысячнымъ скопищемъ горцевъ поведетъ къ огромной потерѣ, Пасекъ рѣшился, не давъ непріятелю времени утвердиться на высотахъ при Бурундукъ-Кале, сдѣлать общее и быстрое наступленіе всѣмъ арріергардомъ. Стѣны ущелья при Бурундукъ-Кале образуются изъ отдѣльныхъ гребней значительной высоты, съ крутыми скатами и скалами; это позволяетъ

непріятелю занять крѣпкую позицію на ружейный выстрѣлъ отъ дороги по ущелью, и поражать колонны перекрестнымъ огнемъ, а рядъ гребней, возвышаясь одинъ надъ другимъ, — отступать съ позиціи на позицію.

Непріятель занялъ первые гребни и утвердился тамъ значки; новыя толпы мюридовъ спѣшили къ занятымъ позиціямъ.

Для атаки лѣвыхъ высотъ, Пасекъ направилъ 1-й баталіонъ Апшеронскаго и 4-й баталіонъ Кабардинскаго полковъ; а правыхъ — 2-й баталіонъ Тифлискаго полка; 1-й же баталіонъ князя Варшавскаго полка съ горными единорогами продолжалъ движеніе на ущелье.

Неожиданное рѣшительное наступленіе войскъ нашихъ, и обходы всегда одной частью, высотъ, занятыхъ непріателемъ, способствовали легкому завладѣнію тремя рядами гребней, на которыхъ горцы хотѣли утвердиться, что и было причиною совершеннаго отступленія ихъ на всѣхъ пунктахъ.

Непріятель, разобщенный по тремъ направленіямъ, не имѣлъ уже ни единства, ни рѣшительности: дѣло продолжалось всего часъ; потеря наша состояла убитыми изъ 9 нижнихъ чиновъ, ранеными изъ 1 оберъ-офицера и 15 нижнихъ чиновъ; 9 тѣлъ непріятельскихъ остались въ нашихъ рукахъ, а потеря горцевъ, по словамъ перебѣжчиковъ, была весьма значительна.

Въ 2 часа пополудни, Пасекъ двинулся обратно въ Бурддукъ-Кале; непріятель уже не осмѣлился его преслѣдовать, и онъ оставался на позиціи съ 1-мъ баталіономъ князя Варшавскаго и 3-мъ баталіономъ Кабардинскаго полковъ, съ двумя горными единорогами до 8-ми часовъ вечера, пока всѣ тяжести и главная колонна перевалились чрезъ Койсебулинскій хребетъ.

Не смотря на гололедицу, которая заставила въ нѣсколькихъ мѣстахъ тащить на рукахъ орудія и зарядные ящики, арріергардъ прибылъ въ Казанищи къ двумъ часамъ утра.

Въ полдень 19-го декабря, Аварскій отрядъ, въ боевомъ порядкѣ, съ распущеннымъ знаменемъ Аварскаго ханства, вступилъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, привѣтствуемый выстрѣлами со всѣхъ батарей; а 20-го числа служилъ благодарственный молебень съ колѣнопреклоненіемъ, за чудное свое избавленіе, Господу силъ; Ему одному слава.

Въ Бозѣ почивающій незабвенный Государь Императоръ, правдивый цѣнитель заслугъ, щедро наградилъ Пасека: произведенный 1-го января 1844 года, за отличіе по службѣ, въ полковники, съ назначеніемъ командиромъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка, онъ, за защиту Зирань, награжденъ 25-го февраля орденомъ Св. Георгія 4-й степени, а на другой день — и чиномъ генераль-маіора, бывъ, такимъ образомъ, полковникомъ только 56 дней.

Сообщаемъ солдатскую пѣсню, въ которой простымъ словомъ изложены труды и лишения, претерпѣнные отрядомъ Пасека въ теченіе осады:

Басурманинъ, врагъ лукавый,
Вздумалъ съ нами пошутить:
Окруживши всѣ заставы,
Ну насъ голодомъ морить!
Да кавказскіе солдаты
Ходятъ подъ-руку съ нуждой;
Горемъ мы всегда богаты,
Носимъ ранцы за спиной.
Мы рогатую скотину
Прежде съѣли, ай-люди!
А потомъ и лошадину
Заварили, запекли!
Вмѣсто соли, мы солили
Изъ патроновъ порошокъ;
Сѣно въ трубочкахъ курили,
Распростились съ табачкомъ.
Эхъ, припомните, ребята,
Какъ мы были въ Зираняхъ,
И Шамя супостата
Припугнули мы въ горахъ:
Было жутко имъ въ то время,
Плохо нехристямъ пришлось:
Все татарское ихъ племя
По ущельямъ разбрелось.
И вотъ снова налетаютъ
Тѣжъ враги на нашъ отрядъ,
Градомъ ядеръ угощаютъ
И картечью насъ громятъ.
Просимъ милости, знакомцы,
Намъ картечь вѣдь не-почемъ;
Дружно, Графцы, Апшеронцы,
Встрѣтимъ нехристей штыкомъ!

Весною 1844 года, когда въ Темиръ-Ханъ-Шуръ былъ собранъ отрядъ для наказанія возмущившейся Акуши и Аваріи, но не могъ еще выступить, потому что въ горахъ не появлялся подножній кормъ, Пасеку поручено прикрывать и удерживать въ повиновеніи жителей Мехтулинскаго ханства и владѣній Шамхала Тарковскаго, которыхъ приверженцы Шамия, пользуясь нашимъ бездѣйствіемъ, старались возмутить. Для этого ему было ввѣрено три баталіона Апшеронскаго, Донской казачій № 38-го полкъ, въ составъ четырехъ сотенъ и шесть горныхъ десяти-фунтовыхъ единороговъ *).

Пасекъ, выступивъ на границу Акуши, расположился лагеремъ на возвышенности, занимая центральную позицію между селеніями Большой Дженгутай, Дургели, Гилли, Параулъ и Кака-Шура.

Горцы заняли Кадаръ, небольшое, но крѣпкое селеніе на высокой горѣ, верстахъ въ пяти отъ нашего лагеря. О силахъ и намѣреніяхъ ихъ лазутчики давали намъ самыя нелѣпыя свѣдѣнія, а окрестные жители также нарочно старались ввести насъ въ заблужденіе.

2-го іюня, въ Кадарѣ замѣтно было необыкновенное движеніе; частые ружейные и пушечные выстрѣлы означали радостную встрѣчу новыхъ подкрѣпленій.—Вечеромъ того же числа, часть мюридовъ спустилась съ лѣсистаго хребта къ селенію Кака-Шура. Жители впустили ихъ безъ сопротивленія и даже не предувѣдомили о томъ генерала. Плоха была надежда и на другія мирныя селенія.

Пасекъ донесъ объ усиленіи непріятеля начальнику Дагестанскаго отряда, генералу отъ инфантеріи Лидерсу, а самъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: двѣ роты съ однимъ единорогомъ заняли селеніе Дургели, просившее нашей помощи; столько же назначено въ прикрытіе лагеря, фуражировъ и подъемныхъ лошадей. Весь третій баталіонъ съ 2-мя

*) Въ *Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ*, въ статьѣ Гилли (2 изд. стр. 322), несправедливо показано, что посланный подъ начальствомъ Пасека отрядъ состоялъ: изъ 4-хъ баталіоновъ и Донскаго казачьяго полка № 8-го. Въ отрядѣ находилось только три баталіона; четвертый (1-й Житомирскаго егерскаго полка) присланъ только въ день славнаго дѣла; Довцы же были полка № 38.

орудіями, подъ командою извѣстнаго подполковника Познанскаго, долженъ былъ подкрѣплять эти части и оборонять окрестныя селенія, въ особенности Большой Дженгутай, куда непріятель легко могъ броситься, отвлекши наше вниманіе въ другую сторону. Затѣмъ свободными отъ назначенія оставались: 1-й полубаталіонъ 1-го баталіона и 2-й полубаталіонъ 2-го баталіона Апшеронскаго полка, два горные десяти-фунтовые единорога резервной № 2-го батареи 19-й артиллерійской бригады и 4 сотни казаковъ.

3-го іюня, въ 6 часовъ утра, на высотѣ Дженгутая блеснули штывки. Это былъ 1-й баталіонъ Житомирскаго егерскаго полка, выступившій ночью изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ подкрѣпленіе авангарду.

Желая узнать силы и намѣренія непріятеля, Пасекъ отправился съ казаками къ селеніямъ Параулу и Гилли, лежащимъ верстахъ въ осьми отъ лагеря. Съ приближеніемъ его, многочисленная непріятельская конница, тянувшаяся туда же, начала отступать, потомъ сосредоточиваться, и наконецъ остановилась на возвышеніи, мимо коего идетъ дорога на живописное селеніе Карабудакентъ. Пасекъ построилъ своихъ казаковъ лавою на противоположномъ бугрѣ, котораго крутая покатость была обращена къ непріятелю, и въ этомъ угрожающемъ положеніи оставался въ ожиданіи пѣхоты. Довольно глубокая лощина отдѣляла его отъ мюридовъ и не позволяла ни той, ни другой сторонѣ рѣшиться на атаку.

Пасекъ горѣлъ желаніемъ наказать дерзость мюридовъ, но хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить себѣ отступленіе и потому прислалъ капитану (нынѣ генералъ-майоръ) Вранкену приказаніе немедленно выступить изъ лагеря со 2-мъ полубаталіономъ ввѣреннаго ему 2-го баталіона, 1-мъ полубаталіономъ 1-го баталіона и двумя горными десяти-фунтовыми единорогами*). Солдаты этихъ частей вывернули котлы

*) Въ той же статьѣ не вѣрно показано, будто бы войска, бывшія съ полковникомъ Вранкеномъ (читай капитанъ), состояли: изъ *двухъ баталіоновъ* Апшеронцевъ, *трехъ ротъ* Житомирцевъ и *двухъ горныхъ единороговъ*; тогда какъ Апшеронцевъ всего было только *одинъ* баталіонъ (два полубаталіона), а Житомирцы спѣшили на соединеніе съ кавалеріею изъ *Темиръ-Ханъ-Шуры*.

съ кашею, за которую только что успѣлись, взяли по 60-ти патроновъ, оставили ранцы и шинели, распахнули мундиры, и черезъ 10 минутъ двинулись, или, лучше сказать, понесли на выручку любимому начальнику. День былъ знойный, но, не смотря на это, они прошли семь верстъ въ одинъ часъ.

Въ то же время приказано было и 1-му баталіону Житомирскаго полка, шедшему изъ Темиръ-Ханъ-Шуры, оставить одну роту при тяжестяхъ, а тремъ остальнымъ спѣшить на соединеніе съ кавалеріею.

Какъ только пѣхота поравнялась съ правымъ флангомъ, Пасекъ немедленно спустился съ кавалеріею на плоскость Кака-Шуры.

Выстроивъ казаковъ въ двѣ линіи, по-сотенно лавою, имѣя заднія сотни въ промежуткахъ переднихъ и на лѣвомъ флангѣ, а впереди обѣихъ колоннъ Аварцевъ, Пасекъ двинулся на перерѣзъ непріятельской кавалеріи. Бѣглымъ шагомъ слѣдовалъ капитанъ Вранкенъ за казаками, чтобы вовремя поддержать или принять ихъ на себя.

Движеніе это заставило горскую конницу отступать къ селенію почти мимо нашей кавалеріи. Полковой командиръ № 38-го полка, подполковникъ Номикосовъ сдѣлалъ первую атаку, на которую весело было смотрѣть. Почти ровная мѣстность ей благопріятствовала; удалые Донцы, на лихихъ коняхъ *), въ мигъ настигли передовую толпу мюридовъ и опрокинули ее, при чемъ осталось въ нашихъ рукахъ нѣсколько тѣлъ.

Непріятель, пользуясь буграми, покрытыми мелкимъ и рѣдкимъ кустарникомъ, думалъ удержать наши войска, открывъ сильный огонь; но Пасекъ, не вдаваясь въ пустую перестрѣлку, остановилъ казаковъ, снова устроилъ ихъ, пока не приблизилась пѣхота, и тогда опять приказалъ атаковать непріятеля. Три сотни казаковъ съ Аварцами опро-

*) Донской № 38-го полкъ, пробывъ въ Грузіи 3 года, постоянно находился въ сборѣ и потому сберегъ коней. Весною 1844 года, предъ отправленіемъ на Донъ, ему приказано было присоединиться къ Дагестанскому отряду, и этимъ онъ получилъ случай заслужить Георгіевское знамя.

кинули и гнали главную массу горской конницы влѣво отъ селенія, а четвертая сотня съ конвоемъ Пасека тѣснила непріятеля прямо на селеніе, по долинь ручья, протекающаго чрезъ него.

Во время атаки Пасекъ отдалъ приказаніе кавалеріи не заноситься на лѣсъ и селеніе. Казаки, нагнавъ непріятельскую кавалерію на массы пѣхоты, остановили преслѣдованіе, и потому батальный огонь пѣшихъ мюридовъ не нанесъ намъ вреда. Но въ эту минуту всѣ скопища горцевъ, въ густыхъ колоннахъ, быстро сдѣлали наступленіе, сильно тѣсня казаковъ на обѣихъ флангахъ. Храбрые Донцы отступали медленно и въ порядкѣ, прикрываясь сильнымъ огнемъ своихъ фланкеровъ.

Между тѣмъ Вранкенъ приближался. Пасекъ немедленно приказалъ бывшія при немъ два орудія выдвинуть на высоту въ промежутокъ (интервалъ) казаковъ; правому же флангу казаковъ отступить рысью за пѣхоту, съ тѣмъ, чтобы навести непріятельскія толпы, по долинь ручья, на картечный огонь, и тогда казакамъ ударить на разстроенныя толпы въ пики.

Баталіонъ капитана Вранкена былъ построенъ во взводную колонну справа. На правомъ флангѣ, мимо котораго должны были проѣзжать казаки, выдвинулись два орудія храбраго артиллеріи штабсъ-капитана Лагоды; ихъ прикрывали стрѣлки, которыми вызвался командовать штабсъ-капитанъ Щодра. Шагахъ въ 15-ти впереди фронта стала густая цѣпь съ резервомъ, подъ командою прославившагося въ Дагестанѣ своею храбростію капитана Павлова. Къ лѣвому флангу должны были примкнуть, спѣшившія на помощь, три роты Житомирцевъ; наконецъ тылъ обезпечивали, сколько могли, казаки, которые старались вновь устроиться.

Мѣры эти, при мѣткомъ картечномъ огнѣ, остановили первое стремленіе горцевъ и не позволили сдѣлать тотчасъ единодушнаго натиска; частныя же попытки ударить въ шашки отражались штыками стрѣлковыхъ резервовъ. Быть можетъ также горцы надѣялись, что горсть солдатъ не будетъ долго сопротивляться, начнетъ отступать, и тогда имъ легко будетъ отрѣзывать цѣпи арріергарда, захватывать раненыхъ и наконецъ истребить ослабленную колонну. Конечно съ этою цѣлю вся непріятельская кавалерія потяну-

лась нашимъ въ обходъ и стала верстахъ въ трехъ на пути ихъ отступленія.

Между тѣмъ огромныя массы непріятельской пѣхоты и кавалеріи, постепенно густѣя, обхватили нашихъ съ трехъ сторонъ, и достигли вершины бугра, занятаго Апшеронцами. Густой рядъ разноцвѣтныхъ непріятельскихъ значковъ вытянулся предъ флангомъ нашихъ стрѣлковъ шагахъ въ 30-ти, и непріятель открылъ батальный огонь. Вся масса горцевъ обрушилась на 4 роты Апшеронцевъ; но храбрыя войска эти, воодушевленные примѣрнымъ мужествомъ капитана Вранкена, не оставившаго боя, не смотря на три сильныя контузіи въ грудь и руку, непоколебимо выдержали жестокой напоръ изступленныхъ мюридовъ. Къ чести и славы войскъ ни одинъ солдатъ не подался назадъ: товарищи не относили раненыхъ, не подбирали убитыхъ. Огонь съ обѣихъ сторонъ сдѣлался до невѣроятности убійственъ; тысячи выстрѣловъ слились въ одинъ общій неумолкаемый гулъ. Но и подъ этимъ огнемъ артиллерія, съ неподражаемымъ хладнокровіемъ, продолжала дѣйствовать картечью. Между тѣмъ новыя толпы непріятеля начали обходить насъ съ лѣваго и праваго фланговъ. Почти въ ту же самую минуту подошли три роты Житомирцевъ, утомленныхъ тридцативерстнымъ переходомъ; но спѣша на мѣсто сраженія, они прибыли бѣглымъ шагомъ, подъ начальствомъ командира своего, храбраго подполковника Кіандера, который тотчасъ же палъ, пораженный тремя пулями.

Пасекъ повелъ Житомирцевъ на лѣвый флангъ Апшеронцевъ, и поставя два горные единорога, вновь прибывшіе на позицію, открылъ огонь картечью; а чтобы сберечь людей и дать имъ хотя кратковременный отдыхъ, приказалъ всѣмъ, кромѣ стрѣлковыхъ цѣпей и ихъ резервовъ, прилечь.

Наступала грозная минута: отрядъ былъ окруженъ почти въ 30 разъ сильнѣйшимъ непріателемъ, который жестоко напиралъ на нашъ правый флангъ; всѣ окрестныя высоты были покрыты жителями, готовыми при первомъ нашемъ шагѣ назадъ присоединиться и помогать горцамъ.

Въ нашихъ рядахъ оказалась значительная потеря: капи-

танъ Вранкенъ тяжело раненъ, командиръ 1-й гренадерской роты штабсъ-капитанъ Павловъ, извѣстный своею распорядительностію и храбростію, тоже; гвардейской артиллеріи поручикъ Трамбицкій убитъ; четыре нумера въ орудіи штабсъ-капитана Лагоды ранены и убиты; заряды истощались.

Значки непріятельскіе подвигались съ каждой минутой все ближе и ближе къ нашему фронту; можно было ожидать каждое мгновеніе общаго нападена на насъ въ шашки и кинжалы, а это, при многочисленности непріятеля, при ожесточеніи и воодушевленіи горцевъ, вело къ неминуемому истребленію всего отряда. Уже нѣкоторые отважнѣйшіе мюриды показывались съ кинжалами и шашками въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашихъ войскъ; еще на время удерживали порывы изступленія и всю дерзость мюридовъ удивительная стойкость солдатъ и отличная храбрость ротныхъ командировъ, штабсъ-капитановъ Дубина и Щедры, въ особенности перваго, принявшаго командованіе надъ баталіономъ послѣ капитана Вранкена; но это не могло надолго спасти отрядъ.

Всѣ понимали, что надобно умереть и желали только умереть съ честію,—но Пасекъ не терялъ надежды побѣдить. Не слѣзая съ коня, весело объѣзжалъ онъ фронтъ и, приближаясь къ казакамъ, спросилъ: «могутъ ли они сдѣлать еще разъ атаку?» — «Почему нѣтъ, Ваше Превосходительство!» былъ короткий отвѣтъ молодцовъ. Генераль приказалъ подполковнику Быкодорову *) построить казаковъ въ лаву, сотню за сотней, выдвинуть ихъ на лѣвый флангъ пѣхоты и, по данному сигналу, ударить вмѣстѣ съ нею.

Чтобы приготовить эту атаку, Пасекъ велѣлъ перевести одно орудіе съ праваго фланга въ центръ къ стрѣлковой цѣпи Апшеронскаго полка такъ, чтобы оно могло обстрѣливать почти вдоль значки непріятельскіе; имѣя на своемъ флангѣ въ 20 шагахъ мюридовъ, Артиллеріи штабсъ-капи-

*) Командиръ полка, подполковникъ Номикосовъ, еще въ началѣ дѣла былъ раненъ въ руку и потому сдалъ командованіе.

танъ Лагода исполнилъ это приказаніе быстро, смѣло и хладнокровно: пользуясь густою и высокою пшеницею, онъ перекатилъ единорогъ подъ самыми дулами и шашками мюридовъ, поставилъ его не далѣе 10-ти шаговъ отъ нихъ и брызнулъ картечью вдоль значковъ. Это нѣсколько озадачило горцевъ, а генералъ не далъ имъ опомниться. «Ребята, — воскликнулъ онъ, — Татарва*) бѣжить! Кто Апшеронецъ, за мной! Ура!» Солдаты, увѣренные, что непріятель дѣйствительно обратился въ бѣгство, легко поднялись и бросились въ штыки, казаки ударили въ дротики, плечо о плечо съ Апшеронцами; храбрый Лагода, не отвозя орудія, успѣлъ еще разъ выстрѣлить картечью.

Ударъ въ выгодный моментъ, одновременный и дружный, дѣйствительно поколебалъ переднихъ мюридовъ; но на нихъ напирали заднія толпы, которымъ штыки и даже картечь не могли много вредить. Отъ этого произошла ужасная свалка: казаки, пѣхота и мюриды перемѣшались, составили одну волнующуюся массу; крики ура! сливались съ предсмертною пѣсней горцевъ; пики, шашки, штыки, кинжалы и даже значки, служили орудіемъ; Пасекъ, своею рукою, изрубилъ двухъ мюридовъ; солдаты не хотѣли выдать своего начальника. На 40 саженьяхъ продолжалось почти избіеніе шагомъ отступавшихъ враговъ. Такая рѣзня не могла быть продолжительною. Главная масса горцевъ начала отступать, сперва медленно, а потомъ обратилась въ бѣгство, увлекая за собою толпы, бывшія у нашихъ на флангахъ и въ тылу. Тогда преслѣдованіе превратилось въ травлю; ожесточенные казаки и солдаты гнали, кололи мюридовъ, давили ихъ конями и наконецъ втоптали въ Кака-Шуру. Пасекъ приказалъ ударить отбой; штурмовать большое селеніе, обороняемое артиллеріею и доведеннымъ до отчаянія сильнымъ непріятелемъ, было бы безразсудно.

Конь Пасека хромалъ отъ ранъ, шашка была покрыта кровью, но лицо его сіяло радостію, потому что онъ любилъ славу выше всего въ мірѣ; онъ считалъ ее достояніемъ родины, для которой каждый воинъ охотно жертвуетъ жизнію.

*) Презрительное солдатское прозвище, данное Дагестанцамъ.

По окончаніи боя юный герой подѣхалъ къ лежавшимъ почти безъ чувствъ Вранкену, котораго четвертая и послѣдняя пуля выбила изъ фронта, и капитану Павлову, которому пуля перешибла ноги, и сказалъ первому изъ нихъ, почитая его при послѣднемъ издыханіи: «Радуйся, другъ мой! Мы отомстили за смерть твою: знамя Даргинскаго народа, 20 значковъ и нѣсколько сотъ тѣлъ послужатъ тебѣ надгробнымъ памятникомъ!»

Жители ближнихъ селеній, наблюдавшіе ходъ боя съ высоты, успѣли поздравить насъ съ побѣдою и извиниться, что не успѣли подгрѣпить во-время. «Я не нуждался въ вашей помощи, — сухо отвѣтилъ имъ Пасекъ, — но могу поздравить васъ въ свою очередь съ тѣмъ, что вы не присоединились къ мюридамъ.»

Мюриды всю ночь убрали своихъ убитыхъ и раненыхъ; но по утру наши похоронили еще 245 тѣлъ, неотысканныхъ ими въ пшеницѣ. И долго спустя пастухи окрестныхъ ауловъ находили въ оврагахъ обезображенные трупы, все еще сжимавшіе окровавленное оружіе.

Первымъ послѣдствіемъ этой славной побѣды было успокоеніе Мехтулинскаго и Шамхальскаго владѣній; Акушинцы не только перестали тревожить наши границы, но оставили безъ защиты и свои собственныя. Они до того упали духомъ, что не дали обѣщанной помощи бывшему султану Элисуейскому, который черезъ 4 дня спустя былъ разбитъ на голову генераломъ Шварцомъ. Черезъ три недѣли, Акушинцы дрались уже противъ Шамиля.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ командовавшимъ войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ, оказалось, что въ дѣлѣ при Гилии участвовали: 9 главныхъ наибовъ Шамиля и съ ними 27,500 человекъ отъ обществъ, лежащихъ между Кара-Кайтахомъ и Андійскимъ Койсу. Противъ нихъ было: въ началѣ боя 1000, а подъ конецъ 1,400 Русскихъ; но ими командовалъ Пасекъ.

Потеря наша состояла: убитыми изъ 1 штабъ и 1 оберъ-офицера и 25 нижнихъ чиновъ (въ томъ числѣ 21 Апшеронца) и 9 казаковъ; ранено: 6 оберъ-офицеровъ, 104 нижнихъ чиновъ (Апшеронцовъ 91) и 39 казаковъ.

«Всѣ войска наши, находившіяся въ семь дѣлъ, — доносили корпусному командиру начальникъ Дагестанскаго отряда, генераль-отъ-инфантеріи Лидерсъ, — оказали храбрость, достойную Русскихъ, но въ особенности отличилъ себя геройскимъ мужествомъ и неустрашимостію Донской казачій № 38-й подполковника Номикосова полкъ, который стремительными и успѣшными атаками своими наиболѣе способствовалъ успѣху этого дѣла. Храбрые Донцы оправдали на дѣлѣ древнюю славу свою, и я считаю священнымъ долгомъ просить ходатайства вашего высокопревосходительства у Государа Императора о Всемилостивѣйшемъ пожалованіи сему полку Георгіевскаго знамени, въ поощреніе геройскаго подвига его, и для сохраненія въ Войскѣ Донскомъ имени полка, заслужившаго сію высокую награду».

Это ходатайство доблестнаго полководца было Высочайше уважено, и осенью того же года полкъ воротился на Донъ, распустивъ Георгіевское знамя съ надписью «за примѣрную храбрость, оказанную при побѣдѣ, одержанной надъ скопищемъ горцевъ, 3-го іюня 1844 г., при селеніи Гилли».

О самомъ Пасекѣ генераль Лидерсъ, въ томъ же рапортѣ, отзывался такъ: «Столь знаменитую побѣду, одержанную нами надъ непріателемъ, по всей справедливости должно приписать отличнымъ дарованіямъ, присутствію духа и распорядительности генераль-маіора Пасека, который личнымъ примѣромъ геройской храбрости одушевлялъ войска и велъ ихъ въ атаку. Не принимая на себя назначенія генераль-маіору Пасеку награды, всепокорнѣйше прошу ваше высокопревосходительство заслугу его повергнуть Всемилостивѣйшему благоизволенію Государа Императора».

Его Величество, 29-го сентября того же года, Всемилостивѣйше пожаловалъ Пасеку «въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости», оказанныхъ въ этомъ дѣлѣ, орденъ Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра третьей степени.

Черезъ три недѣли послѣ этой знаменитой побѣды, главный Дагестантскій отрядъ, подъ начальствомъ генерала отъ

инфантеріи Лидерса, выступилъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры къ селенію Мого; устроивъ здѣсь укрѣпленіе для вагенбурга, онъ двинулся 28-го іюня къ Акушѣ для покоренія Даргинскаго округа. Пасекъ участвовалъ въ этой экспедиціи со вѣреннѣмъ ему Апшеронскимъ полкомъ. 30-го числа къ главному отряду присоединился Самурскій, подъ начальствомъ генераль-адъютанта князя Аргутинскаго-Долгорукова и оба вмѣстѣ двинулись къ Цудахару и Салтамъ, вездѣ поражая отступавшаго непріятеля, который 8-го іюня былъ прогнанъ за Аварское Койсу. Послѣ этого главный отрядъ, водворивъ спокойствіе въ Даргинскомъ округѣ, возвратился на кантонирь-квартиры.

Вслѣдъ за тѣмъ корпусный командиръ генераль-адъютантъ Нейдгардъ, находившійся въ продолженіе всей экспедиціи въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, желая воспользоваться краткимъ остаткомъ осенняго времени, поручилъ Пасеку отрядъ изъ 12 баталіоновъ полковъ Апшеронскаго и Минскаго пѣхотныхъ, Житомирскаго, Люблинскаго и Подольскаго егерскихъ, для наказанія Салатавскаго общества за многія измѣны.

Пасекъ, съ свойственною ему быстротою и отвагою, вторгнулся въ Салатавію, когда непріятель вовсе не ожидалъ дѣйствій съ нашей стороны. Въ продолженіе сентября и октября отрядъ опустошалъ страну по всѣмъ направленіямъ: жители селеній Буртунай, Алмахъ, Зубартъ, Гуни и Гертмелишились значительныхъ запасовъ хлѣба и сѣна и должны были оставить свои жилища. Достигнувъ указанной цѣли, Пасекъ возвратился въ Темиръ-Ханъ-Шуру благополучно, почти безъ потери, имѣя лишь при отступленіи небольшое дѣло въ арріергардѣ, при переходѣ черезъ извѣстный Теренгульскій оврагъ.

Вслѣдъ за этимъ, 3-го ноября, онъ сдѣланъ командиромъ 2-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи.

Въ 1845 году назначенъ былъ главнокомандующимъ Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ и намѣстникомъ кавказскимъ графъ (впослѣдствіи князь) Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ. Обѣзжая вѣренный ему край, онъ прибылъ весною въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Съ восторгомъ поспѣшилъ

Пасекъ на встрѣчу новому намѣстнику и удостоился отъ него самаго лестнаго вниманія. «То что я слышалъ объ васъ лично изъ устъ Его Величества,» сказалъ графъ, «подастъ мнѣ несомнѣнную надежду на успешное содѣйствіе ваше въ предстоящемъ мнѣ трудномъ дѣлѣ.» Тутъ же главнокомандующій, въ знакъ особеннаго уваженія къ Пасеку, принялъ отъ него приглашеніе на приготовленный въ честь его обѣдъ, а на слѣдующій день отправился далѣе, обѣщавъ Пасеку въ готовившемся походѣ обширнѣйшій кругъ дѣйствій.

Ободренный привѣтливостію Воронцова, Пасекъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ начала военныхъ дѣйствій. Сдавъ ввѣренный ему полкъ преемнику своему, полковнику Ковалевскому, онъ отправился къ своей бригадѣ, простясь навсегда съ любимыми имъ Апшеронцами, съ которыми онъ приобрѣлъ столько славы. Всѣ жители Темиръ-Ханъ-Шуры съ сожалѣніемъ разстались съ нимъ, какъ бы предчувствуя, что этотъ походъ будетъ для него послѣднимъ. Дамы, любившія Пасека за его угодливость и любезность, поднесли ему бѣлый значекъ съ вышитымъ золотомъ изображеніемъ креста.

Вскорѣ смѣлою стопою храбрыя войска наши перенеслись черезъ хребты горъ непроходимыхъ, поражая горцевъ въ неприступнѣйшихъ убѣжищахъ на высотахъ Анчимеера и у вратъ Андійскихъ. Съ упорнаго боя овладѣли они Даргоглавнымъ убѣжищемъ Шамиля, и штыками проложили себѣ путь въ дремучихъ лѣсахъ Ичкеринскихъ, разсѣявъ многочисленныя скопища непріятели, усиливавшагося преградить дальнѣйшее наступательное движеніе отряда. Въ этой экспедиціи, въ которой преодолѣны огромныя препятствія, противопоставляемая дикою горною природою, суровымъ посреди лѣта климатомъ, дремучими лѣсами и отчаяннымъ непріятеlemъ, — Пасекъ находился постоянно въ первыхъ рядахъ и въ послѣдніе дни ея палъ славною смертію.

3-го іюня, въ Гертмѣ, соединились наши Чеченскій и Дагестанскій отряды и въ тотъ же день авангардъ нашъ занялъ селеніе Буртунай, но по изнуренію людей и лошадей, на 4-е число была дана войскамъ дневка.

Между тѣмъ, чтобы не терять времени, князь Воронцовъ

съ большею частію кавалеріи и, выдвинувъ нѣсколько впередъ пѣхоту авангарда, произвелъ рекогносцировку дороги, ведущей черезъ селеніе Буртунай по направленію къ Алмаку въ ущельѣ Мичикалъ, черезъ которое предположено было на слѣдующій день двинуться въ Гумбетъ и которое, по всѣмъ полученнымъ свѣдѣніямъ, было сильно укрѣплено. Во время обзоренія видны были одни передовые наблюдательные посты горцевъ.

Въ Гумбетъ ведутъ двѣ дороги: одна черезъ Мичикалъ, какъ сказано выше; другая черезъ Переваль-Кыркъ. Показанія лазутчиковъ и туземцевъ касательно состоянія этихъ дорогъ и укрѣпленія непріятеlemъ сильныхъ позицій были несогласны между собою и вообще крайне неопредѣлительны: большая часть однако соглашалась въ томъ, что непріатель, утвердись въ Мичикальскомъ ущельѣ, ожидалъ насъ съ той стороны и что Переваль-Кыркъ до такой степени испорченъ, что считается непроходимымъ, и потому горцы ограничиваются тамъ только наблюдательнымъ постомъ изъ нѣсколькихъ человекъ.

Желаніе привести въ ясность получавшіяся сбивчивыя свѣдѣнія, побудили главнокомандовавшаго лично удостовѣриться, въ какой степени возможенъ переходъ черезъ Переваль-Кыркъ.

Съ этою цѣлію князь Воронцовъ выступилъ 5-го іюня въ этомъ направленіи, взявъ съ собою на-легкѣ первые баталіоны полковъ: Апшеронскаго, Литовскаго, Житомирскаго, Люблинскаго, князя Чернышева и Куринскаго егерскихъ, одну дружину пѣшей Грузинской милиціи, 8 горныхъ орудій, три сотни казаковъ и шесть сотенъ конной Грузинской и Осетинской милиціи; командованіе этими войсками онъ ввѣрилъ Пасеку.

День былъ жаркій, и весь переходъ, верстъ 15, дорога шла въ гору; но войска двигались безостановочно и въ десять часовъ утра, ставъ на краю Перевала-Кыркъ, увидѣли Гумбетъ подъ своими ногами. Внизъ должно было спускаться по узкой дорогѣ, вьющейся надъ обрывомъ горы; въ одномъ мѣстѣ эта дорожка отвѣсно прерывается, составляя уступъ вышиною болѣе сажени; вообще же вся остальная

часть спуска очень крута, въ особенности для артиллеріи.

Движеніе отрядовъ было сдѣлано быстро и довольно скрытно, такъ что горцы, ожидавшіе насъ со стороны Мичикала, оставили противъ Кыркъ только извѣстительные посты; но когда войска наши появились на высотахъ и стали спускаться къ перевалу, то конныя и пѣшія партіи ихъ начали поспѣшно стягиваться изъ Мичикальской позиціи, по находящейся противъ Перевала-Кыркъ горѣ Анчимееръ, которая служитъ ключемъ сказанной позиціи и которую горцы намѣревались защищать, привезя туда на этотъ конецъ и одно орудіе.

Обозрѣвъ мѣстность, главнокомандовавшій приказалъ Пасеку тотчасъ-же спускаться съ войсками и занять потомъ высокую и весьма крутую гору Анчимееръ. Забывъ усталость, 1-й баталіонъ Куринскаго егерскаго полка, подъ командою флигель-адъютанта полковника графа Бенкендорфа, а велѣдъ за тѣмъ 1-й баталіонъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка, спрыгивая съ помянутаго уступа по одному человѣку, въ то же время заваливали провалъ камнемъ, такъ что чрезъ полтора часа работы (при чемъ люди другихъ баталіоновъ не преставали спускаться по-одиночкѣ) могли уже быть свезены на рукахъ горныя орудія. Между тѣмъ пѣшая Грузинская милиція, подъ начальствомъ капитана князя Меликова, пробралась внизъ правѣе отъ дороги, и, три часа спустя по прибытіи нашемъ къ перевалу, 5 баталіоновъ, пѣшая дружина и 8 орудій были уже у подошвы горы Анчимееръ: находившіеся здѣсь конныя и пѣшія горцы разсѣялись въ разныя стороны. Только что войска наши начали спускаться, явилась партія конныхъ и пѣшихъ горцевъ, около 300 человѣкъ, тянувшаяся по дорогѣ отъ Аргуани къ Мичикалу; но увидѣвъ, что можетъ быть отрѣзана нами, она поспѣшно отступила и скрылась.

Нисколько не медля, пѣшая Грузинская дружина, поддержанная Куринскимъ баталіономъ, а за ними 1-й баталіонъ Апшеронскаго полка, при которомъ находился Пасекъ, и 1-й баталіонъ Житомирскаго егерскаго, стали взбираться на крутую гору, занятую непріателемъ. Картина была величественная. Яркое солнце ослѣпительнымъ блескомъ отра-

жалось на штыкахъ стройно подымавшихся баталіоновъ, и между ними развѣвался бѣлый значекъ Пасека. Всѣ зрительныя трубки главнаго штаба обращены были на это мѣсто; внизу гремѣла музыка. Горцы, смутясь неожиданною атакою, защищались не съ большою рѣшительностію. Между тѣмъ, не взирая на ружейный огонь горцевъ, имѣвшихъ возможность, какъ издали казалось, стрѣлять сверху по выбору въ каждого изъ нашихъ, не взирая на неудачное впрочемъ дѣйствіе орудія, поставленнаго на гребнѣ горы, милиціонеры и Куринскій баталіонъ безостановочно подвигались впередъ. На первыхъ, вошедшихъ на гору Грузинъ, горцы бросились въ шашки, но увидѣвъ подоспѣвшихъ въ то же время справа Куринцевъ, стремглавъ бѣжали; тщетно старались они потомъ держаться на каждомъ уступѣ горъ: съ одной позиціи на другую вытѣсняли ихъ войска наши. Тогда какъ непріятель былъ преслѣдуемъ съ фронта, 1-й баталіонъ Литовскаго егерскаго полка съ горными орудіями подымался на гору лѣвѣе; прибывшій же въ это время 1-й баталіонъ Люблинскаго егерскаго полка поставленъ былъ внизу въ резервъ, на мѣстѣ бывшаго укрѣпленія Удачнаго.

Спустя два часа послѣ начатія наступленія, гора Анчимееръ находилась въ рукахъ нашихъ; непріятель, собравшійся было въ числѣ 2500 — 3000 человѣкъ, бѣжалъ и поспѣшно увезъ орудіе. Войска наши постепенно подвигались впередъ, и какъ занятіемъ этой мѣстности позиція горцевъ на Мичикалѣ взята въ тылъ, то они вынужденнымъ нашлись оставить ее, и авангардъ нашъ сталъ на дорогѣ изъ Мичикала въ Андю. Уронъ съ нашей стороны не превышалъ 17-ти человѣкъ раненыхъ, что, по мнѣнію князя Воронцова *), можно отнести къ быстрому и рѣшительному наступленію войскъ.

Сообщая объ этомъ г. военному министру, для всеподданнѣйшаго доклада Государю Императору, главнокоманду-

*) Копія съ отношенія къ военному министру главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ отъ 8-го іюня 1845 г., изъ лагеря близъ бывшаго укрѣпленія Удачнаго, у Перевала-Кыркъ, помѣщенная въ *Русск. Инв.* 1845 г., № 142.

ющій просилъ *) довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, что онъ не можетъ довольно похвалить нравственное расположеніе войскъ: всѣ гг. частные начальники, офицеры и нижніе чины оживлены были наилучшимъ духомъ; всякой желалъ быть впередъ и принять участіе въ дѣйствіяхъ.

За этотъ блистательный подвигъ, оказавшій несомнѣнную пользу предстоявшимъ дѣйствіямъ, главнокомандовавшій назначилъ по 5 знаковъ отличія военного ордена въ каждую роту 1-го баталіона Куринскаго егерскаго полка и въ каждую сотню Грузинской пѣшей дружины; полковникъ графъ Бенкендорфъ и капитанъ князь Меликовъ получили Георгіевскіе кресты и многіе офицеры, особенно отличившіеся — другія награды.

Въ заключеніе своего отношенія князь Воронцовъ писалъ къ г. военному министру: «Долгомъ считаю покорнѣе просить Ваше Сіятельство пеходатайствовать у Государа Императора Всемилостивѣйшее награжденіе орденомъ *Св. Станислава 4-й степени* генераль-маіора Пасека, который, въ дѣлѣ 5-го іюня, столь счастливо ознаменовавшемъ начало экспедиціи, показалъ въ полномъ блескѣ всю твердость свою и распорядительность.»

Занятіе Анчмеерской горы, 5-го іюня, принудивъ непріятеля оставить безъ боя сильную Мичикальскую позицію, открыло намъ доступъ изъ Салатавіи въ Гумбетъ. Дагестанскій отрядъ занялъ Мичикаль; Чеченскій — урочище Кыркъ. Пасекъ съ авангардомъ изъ пяти баталіоновъ двинулся впередъ противъ значительной партіи непріятельской, наблюдавшей за нашими дѣйствіями, разсѣялъ ее и остановился на дорогѣ, пролегающей изъ Мичикала чрезъ Гумбетъ въ Андю.

Между тѣмъ наступила необыкновенная стужа и въ горахъ выпалъ снѣгъ по колѣна; не смотря на то, войска обоихъ отрядовъ, двинувшіяся 11-го числа въ Андю, шли не толь-

*) Тамъ же.

ко съ твердостью, но даже и съ замѣчательною веселостію. 14-го числа наши достигли такъ называемыхъ Бурцукальскихъ Воротъ, на хребтѣ, отдѣляющемъ Гумбетъ отъ Андіи. Горцы всегда считали эту позицію непреодолимою преградой вторженію Русскихъ, и теперь Шамиль объявилъ, что самъ будетъ ихъ защищать. Но, къ общему удивленію, непріятель отступилъ, предавъ пламени всѣ андійскія деревни. Вѣроятно, что опытъ 5-го числа поколебалъ рѣшимость горцевъ. Шамиль же расположился, съ скопищемъ отъ 5 до 6-ти тысячъ человекъ, на горѣ, господствующей надъ главнымъ селеніемъ Андіи.

Отрядъ спустился въ деревню Гогатль и главнокомандовавшій приказалъ генераль-лейтенанту Клюки-фонъ Клугенау занять селеніе Андіи съ авангардомъ изъ трехъ баталіоновъ, Грузинскою милиціею и частью кавалеріи. Порывъ этотъ храбрецовъ былъ такъ стремителенъ, что дѣло кончилось скоро, и горцы искали спасенія въ поспѣшномъ отступленіи.

Такимъ образомъ, во второй разъ, въ эту кампанію стремительное наступленіе нашихъ войскъ обратило въ бѣгство толпы непріятельскія; въ этомъ послѣднемъ случаѣ самъ Шамиль бѣжалъ постыдно и, послѣ тщетнаго истребленія богатыхъ деревень андійскихъ, показалъ разореннымъ жителямъ, что онъ не въ состояніи держаться и противъ горсти Русскихъ *). Пасекъ участвовалъ въ этомъ блистательномъ подвигѣ, командуя частями ввѣренной ему бригады, которой безспорно принадлежитъ большая часть славы этого достопамятнаго дня.

6-го іюля войска выступили изъ Андіи въ Дарго. Поднявшись чрезъ высокій переваль Речель, по обрывистымъ и глубокимъ оврагамъ, они слѣдовали на пространствѣ болѣе 20 верстъ дремучимъ Ичкеринскимъ лѣсомъ, переѣкаемымъ едва проходимыми тропинками. Горцы почти на каждомъ шагѣ устроили здѣсь сильныя завалы, но войска наши, предводимыя лично главнокомандующимъ съ обыч-

*) Извѣстіе съ Кавказа, въ *Русск. Инв.* 1845 г. № 152.

нымъ мужествомъ выбивали ихъ изъ заваловъ штыками и, преодолевъ всѣ препятствія природы и отчаянное сопротивление непріятели, прибыли того же дня къ ночи въ Дарго, главное убѣжище Шамиля. Въ чемъ именно здѣсь состояли дѣйствія Пасека, мы не знаемъ, но вслѣдъ за этимъ произошло кровавое дѣло, въ которомъ нашъ герой палъ за видною смертію.

Во время пребыванія войскъ въ Дарго отдѣлена была колонна изъ 6-ти баталіоновъ, 4-хъ горныхъ орудій и части конницы, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Клюкифонъ-Клугенау, на встрѣчу транспорту, отправленному изъ Андіи съ продовольственными и другими припасами. Авангардомъ этой колонны командовалъ Пасекъ.

При слѣдованіи чрезъ лѣсъ она встрѣтила сильное сопротивление. Горцы ближайшихъ обществъ, привлекаемые надеждою добычи, стеклись въ лѣсъ во множествѣ, поправили отнятые нами и разрушенные 6-го числа завалы и устроили еще новые.

Не взирая на эти затрудненія, Пасекъ, съ свойственною ему отвагою, стремительно атаковалъ завалы горцевъ и, пролагая себѣ дорогу штыками, выбрался съ авангардомъ на гору, гдѣ расположенъ былъ транспортъ, слѣдовавшій изъ Андіи. Въ вечеру пришла туда же колонна генераль-лейтенанта Клюкифонъ-Клугенау.

Въ ночь на 11-е іюля выпалъ сильный дождь, испортившій дорогу до такой степени, что во многихъ мѣстахъ она сдѣлалась почти непроходимой. Между тѣмъ горцы, получивъ подкрѣпленія, всю ночь усердно работали въ лѣсу: устраивая новые завалы изъ лошадиныхъ и человѣческихъ труповъ, и чтобы еще болѣе затруднить обратное слѣдованіе колонны, срубали огромныя деревья и разбрасывали ихъ поперегъ дороги.

Утромъ 11-го числа, по принятіи транспорта съ провіантомъ и по сдачѣ больныхъ и раненыхъ, колонна, по сигналу пушечнымъ выстрѣломъ, начала спускаться съ горы въ обратный путь, выдерживая самый упорный и кровопролитный бой съ многочисленными толпами горцевъ, засѣвшихъ за за-

валами и даже на огромныхъ деревьяхъ, откуда они производили безнаказанно убійственный ружейный огонь, поражая преимущественно лошадей. Пасекъ находился въ этотъ день при начальникѣ колонны, генераль-лейтенантѣ Клюкифонъ-Клугенау.

Потеря наша убитыми и ранеными была весьма значительна. Наступалъ уже вечеръ, и колонна не могла еще достигнуть Дарго; между тѣмъ слышны были выстрѣлы посланнаго оттуда княземъ Воронцовымъ на встрѣчу колоннѣ небольшого отряда, и Пасекъ отправился къ авангарду. Прибывъ къ ротѣ Навагинскаго полка, занятой разбрасываніемъ огромнаго завала, препятствовавшаго слѣдовать артиллеріи, подъ жесточайшимъ ружейнымъ огнемъ, онъ обнажилъ шашку, крикнулъ: «Ура! за мною!» и первый перескочилъ черезъ заваль, но здѣсь палъ, пронзенный нѣсколькими пулями.

Тѣло Пасека было поднято и везено на лошади; но при наступившей темнотѣ лошадь съ вожатымъ, вѣроятно, были убиты и не возвратились въ Дарго.

Пасекъ окончилъ славную жизнь свою на 37-мъ году. Не будемъ говорить здѣсь о его личныхъ достоинствахъ какъ воина и генерала,—кратковременное боевое его поприще, украшенное честію и славою, лучше всего убѣдитъ каждого, что русская армія понесла въ немъ чувствительную потерю. Получивъ высокое образованіе и пріобрѣта опытность, онъ, по своимъ отличнымъ способностямъ и быстротѣ соображеній, подавалъ самыя блистательныя надежды въ будущемъ.

Пасекъ былъ болѣе чѣмъ средняго роста, прекрасно сложенъ, черты лица имѣлъ смуглыя, но правильныя и пріятныя. Характера былъ живаго и вспыльчиваго, но добраго. Не будучи честолюбивымъ, онъ цѣнилъ славу выше всего и для нея извинялъ многое товарищамъ и подчиненнымъ; въ отношеніи послѣднихъ доводилъ иногда до слабости; во всѣхъ поступкахъ своихъ былъ чрезвычайно скоръ и рѣшителенъ.

Въ домашнемъ быту Пасекъ отличался щедростію, раду-

шіемъ и истинно русскимъ гостепрѣимствомъ; любилъ жить открыто и весело въ кругу товарищей и друзей, которыхъ впрочемъ имѣлъ не много; былъ страстнымъ поклонникомъ прекраснаго пола и въ обществѣ дамъ очаровывалъ всѣхъ своею любезностію и острою ума.

Въ заключеніе скажемъ, что Пасекъ любилъ отече-

ственную литературу и самъ ею занимался; изъ сочиненій его замѣчательно: *Сравненіе Карла XII съ Петромъ Великимъ, какъ полководцевъ*. Первая часть этого сочиненія напечатана въ «Очеркахъ Россіи,» издававшихся его братомъ Вадимомъ Васильевичемъ Пасекомъ, въ 1840 году (часть IV).

Лестное вниманіе къ изданію высшаго начальства и общее сочувствіе, которымъ встрѣчено предпріятіе, налагаетъ на меня обязанность способствовать сколько возможно къ распространенію «Кавказцевъ» между соотечественниками, какъ изданія *исключительно* назначеннаго къ сохраненію подвиговъ, совершенныхъ на Кавказѣ, и прибыль отъ котораго предоставлена къ успокоенію раненыхъ и на помощь семействамъ падшихъ во славу русскаго оружія. По этому открывая подписку на выпуски, имѣющіе выйти въ теченіе будущаго 1858 года, нахожу возможнымъ предложить слѣдующія облегченія къ подпискѣ:

За первые 12 выпусковъ, состоящіе изъ 24 листовъ текста съ 18 приложеніями, и имѣющіе выйти до 1 января 1858 года, цѣна остается прежняя, то есть *шесть рублей*.

За слѣдующіе 24 выпуска (№№ 13—36), состоящіе изъ 48 листовъ текста, съ 36 приложеніями, имѣющіе выйти въ теченіи 1858 года, цѣна *двѣнадцать рублей*.

Но подписавшіеся на первые 12 выпусковъ до 1-го января 1858 года, вносятъ за 24 выпуска слѣдующаго года только *десять рублей*.

Желающіе подписаться на одинъ текстъ безъ рисунковъ платятъ *половину*.

За доставку на домъ въ С. Петербургъ прилагается: за первые 12 выпусковъ — *50 коп.*; за слѣдующіе 24 выпуска *1 руб.*, а за пересылку въ другіе города: за 12 выпусковъ *75 коп.*, а за 24—*1 руб. 50 к.*

Казенныя и общественныя бібліотеки и господа служащіе всѣхъ вѣдомствъ могутъ вносить подписныя деньги помѣсячно, по третямъ года, или въ другіе сроки, какіе они признаютъ для себя удобнѣйшими; но съ *непреклоннымъ* правиломъ, чтобы требованія на высылку изданія на подобномъ условіи были дѣлаемы чрезъ ближайшихъ начальниковъ и не иначе, какъ на имя редакціи. При этомъ редакція покорнѣе проситъ гг. подписавшихся высылать адреса самыя вѣрныя, дабы безвинно не заслужить нареканія отъ гг. желающихъ знать чудные подвиги своихъ соотечественниковъ.

Періодическое изданіе «Кавказцы» имѣетъ предметомъ передать потомству, перомъ и карандашомъ, замѣчательнѣйшіе подвиги, совершенные на Кавказѣ, съ свѣдѣніями о жизни лицъ, ими прославившихся отъ генерала до рядоваго. О каждомъ лицѣ говорится отдѣльно, и, если можно, прилагается его портретъ, планъ мѣстности, гдѣ происходило дѣло, или рисунокъ, изображающій подвигъ. Описанія слѣдуютъ одно за другимъ, не стѣсняясь какимъ-либо опредѣленнымъ порядкомъ; а по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, по мѣрѣ ихъ изготовленія. Но наружный видъ изданія принять такой, что въ послѣдствіи можно будетъ расположить описанія въ порядкѣ алфавитномъ или хронологическомъ.

Изданіе выходитъ по два раза въ мѣсяцъ, выпусками въ 2 листа каждый, въ большую четвертку: текстъ печатается на хорошей бѣлой бумагѣ новымъ шрифтомъ, чисто, опрятно; приложенія, числомъ до трехъ въ мѣсяцъ, изготовляются лучшими нашими художниками и печатаются на китайской бумагѣ.

Подписка принимается: въ С. Петербургѣ: въ редакціи, находящейся въ С. Петербургской крѣпости, въ квартирѣ плацъ-маіора, полковника *Новоселова*; въ конторѣ изданія, учрежденной при книжномъ магазинѣ *Я. А. Исакова* (въ С. Петербургѣ, въ Гостинномъ Дворѣ, по Суконной линіи, подъ № 24), и въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта;— въ Москвѣ: у книгопродавца *Ө. И. Салаева*;— въ Тифлисѣ: у книгопродавца *Г. В. Бернштама*.

Редакція принимаетъ на себя ручательство за исправную и своевременную доставку выпусковъ только въ томъ случаѣ, когда подписка принята въ этихъ мѣстахъ.

Выпуски рассылаются въ конвертахъ, заклеенныхъ наглухо.

Редакція не дѣлаетъ блистательныхъ обѣщаній, а даетъ только слово употребить всѣ усилія, чтобы слѣлать изданіе вполне достойнымъ его назначенія. Она не будетъ щадить ни трудовъ, ни издержекъ и величайшею себѣ наградою будетъ считать, что сдѣлаетъ достояніемъ общимъ подробности о подвигахъ и жизни храбрыхъ соотечественниковъ. — Вся чистая прибыль отъ изданія, за покрытіемъ издержекъ, предоставляется въ пользу раненыхъ Кавказцевъ и семействъ убитыхъ. По этому въ концѣ каждаго года будетъ приложенъ списокъ всѣхъ гг. подписавшихся, какъ сочувствующихъ благой цѣли изданія.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, августа 27-го дня 1857 года.

Ценсоръ *Д. Мацкевичъ*.

КАВКАЗЦЫ

ИЛИ

ПОДВИГИ И ЖИЗНЬ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛИЦЪ,

ДѢЙСТВОВАВШИХЪ НА КАВКАЗѢ.

ПЕРЮДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СОИЗВОЛЕНІЯ,

ВЫХОДЯЩЕЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Гвардіи Полковника Семена Новоселова.

выпуски 5-й и 6-й.

Жизнеописание генералъ-лейтенанта Фрейтага. — Подвигъ казака Василья Доктора. — Подвигъ рядовыхъ Ефима и Тильченко. — Жизнеописание капитана Гулевича. — Жизнеописание пол-

Приложенія: Портреты генералъ-маіора Пассека и генералъ-лейтенанта Фрейтага. — Пльнь казака съ женою.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1857.

ГЕНЕРАЛЪ — ЛЕЙТЕНАНТЪ

ФРЕЙТАГЪ.

ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТЪ РОБЕРТЪ КАРЛОВИЧЪ ФРЕЙТАГЪ *).

Робертъ Карловичъ Фрейтагъ родился въ 1802 году, въ мѣстечкѣ Зербенѣ, въ Лифляндіи. Отецъ его, суперъ-интендентъ Вольмарскаго округа, родомъ изъ Саксоніи **), извѣстенъ былъ многими трудами по части Богословія. Почтенному пастору, къ сожалѣнію, не суждено было самому вырастить славнаго сына: онъ скончался въ 1804 году.

Вдова переселилась въ Старую Русу, гдѣ жили ея родственники, и здѣсь, подъ ея надзоромъ, росъ маленькій Робертъ до семи лѣтъ, когда, въ 1809 году, онъ былъ опредѣленъ въ 1-й кадетскій корпусъ.

Рѣзвый отъ природы Фрейтагъ въ корпусѣ былъ душою всѣхъ кадетскихъ затѣй и шалостей, но въ то же время и

однимъ изъ самыхъ исправныхъ и отличныхъ учениковъ: необыкновенная способность быстро схватывать и обнимать предметы давала ему къ тому полную возможность.

Слишкомъ 11 лѣтъ Робертъ Карловичъ пробылъ въ корпусѣ, въ которомъ въ то же время воспитывался братъ его Морицъ, и совершенно обрусѣлъ. 30-го января 1821 года оба брата оставили кадетскую скамью, поступивъ на службу прапорщиками въ 3-ю гренадерскую артиллерійскую бригаду. Черезъ два мѣсяца, 30-го марта, Роберта Карловича прикомандировали къ свитѣ Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части, что нынѣ генеральный штабъ, съ назначеніемъ въ бывшую 1-ю армію; а 9-го февраля слѣдующаго года онъ переведенъ въ Свиту.

Въ это время волненія въ Южной Европѣ заставляли ожидать, что Русскіе двинутся поддерживать права законныхъ государей.

Наше воинство, справедливо гордившееся тогда еще недавнимъ спасеніемъ Европы и безпримѣрными подвигами отъ Москвы до Парижа, съ жадностію ожидало повелѣнія обожаемаго Монарха идти по знакомому пути. Фрейтагъ, счастливый успѣшнымъ окончаніемъ требуемаго при пере-

*) Долгомъ считаемъ сказать, что подробности о частной жизни Роберта Карловича заимствованы изъ его некролога, помѣщеннаго въ *Русскомъ Инвалидѣ* 1833 г. №№ 73—76, который очень богатъ этого рода свѣдѣніями, но, къ сожалѣнію, имѣетъ много неувѣрностей въ показаніяхъ о служебной дѣятельности славнаго генерала при исчисленіи перемѣщеній, производствъ, наградъ и т. п.

**) Въ формулярномъ спискѣ Р. К. Фрейтагъ показанъ изъ ливонскихъ дворянъ.

водѣ въ свиту (нынѣ генеральный штабъ) экзамена, также горячо мечталъ о походѣ въ Италию.

«Я такъ гордъ и столько въ себя увѣренъ,» — писалъ двадцати-лѣтній прапорщикъ къ своей матери, — *«что по окончаніи похода надѣюсь быть Княземъ Италійскимъ. Смѣйтесь, смѣйтесь сколько вамъ угодно; а я буду продолжать свое, или Князь Италійскій, или пуля въ лобъ; одно изъ двухъ — не хочу середины! Бабушка перестанетъ говорить: «Робертъ шалуны!» скажетъ: «Робертъ великій человекъ.» Война рождаетъ героевъ, почему же мнѣ не быть новорожденнымъ!...»*

Не долго мечты о кампаніи лелѣяли пылкаго Фрейтага. Съ грустью рассказывалъ онъ своей старушкѣ-матери, что всѣ надежды его на княжескій титулъ рушились, что буря, собиравшаяся на политическомъ горизонтѣ, разсѣялась, и онъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, вошелъ въ обычную колею служебныхъ занятій.

Первые три года оба брата были почти неразлучны; начальство ихъ постоянно занимало съемками. Такъ въ 1822 году Роберту Карловичу была поручена маршрутная съемка отъ города Брянска до Орла, а въ слѣдующемъ году — Литовско-Виленской губерніи. *«Не привыкнувъ къ подобнымъ занятіямъ»,* — писалъ Фрейтагъ, послѣ первой изъ этихъ командировокъ, — *«я, по вѣтренности своей, не исполнилъ порученія, какъ слѣдуетъ: выговоръ былъ моимъ удѣломъ, выговоръ, полученный отъ генерала Гартмана, былъ чувствителенъ для Роберта. Робертъ далъ себѣ слово быть исправнымъ и, конечно, сдержитъ свое слово на цѣлую жизнь!»*

6-го апрѣля 1824 года Робертъ Карловичъ произведенъ въ подпоручики въ ту же свиту, и, вслѣдъ за тѣмъ, долженъ былъ разстаться съ своимъ братомъ, переведеннымъ въ пѣхоту. Разлука эта сильно подѣйствовала на обоихъ братьевъ, которые съ дѣтства взаимно питали самую нѣжную привязанность.

Кромѣ двухъ братьевъ у Карла Фрейтага былъ еще третій сынъ, младшій изъ всей семьи, съ самаго дѣтства воспитывавшійся въ Дерптѣ, у одного изъ друзей почтеннаго пастора. Желаніе видѣть этого нѣмецкаго брата, какъ

его звали старшіе, и жажда познаній, заставила Роберта Карловича въ 1825 году просить начальство о назначеніи себя въ Дерптъ для слушанія астрономическихъ лекцій *). Это не состоялось. Между тѣмъ онъ былъ, 17-го ноября 1826 года, перемѣщенъ въ 3-й пѣхотный корпусъ.

3-го апрѣля слѣдующаго года Робертъ Карловичъ произведенъ въ поручики, въ ту же свиту, и чрезъ недѣлю, 10-го апрѣля, назначенъ состоять при 1-мъ пѣхотномъ корпусѣ; 25-го января 1829 года, «за особенное усердіе къ службѣ и дѣятельность», удостоился Высочайшаго благоволенія, а 6-го апрѣля 1830 года произведенъ въ штабсъ-капитаны въ генеральный штабъ.

На слѣдующую зиму исполнилось пламенное желаніе Фрейтага: онъ принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, выступивъ 9-го декабря въ походъ противъ польскихъ мятежниковъ. Слѣдуя съ 1-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, онъ, 25-го января 1831 года, перешелъ границу Царства Польскаго при мѣстечкѣ Тыкочинѣ. Назначенный къ передовымъ войскамъ, Фрейтагъ не зналъ отдыха ни день, ни ночь. Едва авангардъ приходилъ на бивуакъ, какъ онъ, на свѣжемъ конѣ, съ двумя или тремя казаками, осматривалъ пути къ непріятелю, разставлялъ и повѣрялъ передовую цѣпь и караулы. Его неутомимая дѣятельность, вѣрный взглядъ на мѣстность, умѣнье ею пользоваться и угадывать намѣренія противника, обратили на него особенное вниманіе командира 1-го пѣхотнаго корпуса, графа Палена.

Всѣ встрѣчи Фрейтага съ непріателемъ были для него случаями къ отличіямъ и вскорѣ пріобрѣли Роберту Карловичу общее довѣріе. Отчетливо и съ полнымъ хладнокровіемъ исполнялъ онъ возлагаемыя на него порученія. *«Храбрый капитанъ!»* говорили солдаты, указывая на Фрейтага.

5-го и 6-го февраля онъ участвовалъ въ преслѣдованіи непріятеля отъ Калущина до корчмы Януевкѣ; 7-го находился въ дѣлѣ при корчмѣ Вавръ, гдѣ подъ нимъ убиты двѣ лошади; 13-го — въ генеральномъ сраженіи подъ Гро-

*) При Дерптскомъ университетѣ, для обученія офицеровъ генеральнаго штаба, была открыта кафедра профессоромъ Струве.

ховымъ, и «въ воздаяніе ревностной службы и мужества», оказанныхъ въ эти четыре дня, 16-го іюня того же года, онъ Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ Св. Анны 3-й степени съ бантомъ.

14-го апрѣля Фрейтагъ находился въ сраженіи подъ Минскомъ, гдѣ снова подъ нимъ были убиты двѣ лошади, а 1-го мая въ дѣлѣ при селеніи Ендржеевѣ, и «за отличное мужество и храбрость», оказанныя въ этихъ дѣлахъ, Всемилостивѣйше награжденъ, 17-го сентября, орденомъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ.

14-го мая, подъ Остроленкою, подъ нимъ опять убиты двѣ лошади, и за отличіе, оказанное въ этомъ сраженіи, онъ произведенъ въ капитаны. Наконецъ Фрейтагъ участвовалъ въ штурмѣ Варшавы, и «за отличное мужество и храбрость», оказанныя въ немъ, удостоился получить, 19-го мая 1832 года, орденъ Св. Анны 2-й степени и, наравнѣ со всѣми, серебряную медаль. Кромѣ того, онъ Всемилостивѣйше награжденъ, въ 1831 году, «за отлично-усердную и ревностную службу», золотою табакеркою, и въ 1832 году, за всю кампанію, получилъ Польскій знакъ военнаго достоинства 4-й степени.

По окончаніи кампаніи, армія знала Фрейтага за одного изъ отличнѣйшихъ офицеровъ.

«Варшава наша, и все кончено!» — писалъ онъ къ матери. — *«Богъ дастъ, я скоро къ вамъ приѣду. Робертъ вашъ здоровъ, былъ счастливъ, въ продолженіе всей кампаніи ни разу не раненъ. Вся потеря моя состоитъ въ шести убитыхъ и двухъ раненыхъ лошадей. Товарищи зовутъ меня храбрымъ, начальники внимательны, Царь наградилъ и совесть довольна исполненіемъ долга! Я служилъ съ честью, награжденъ хорошо! Довольны ли вы мною?»*

Послѣ взятія Варшавы, командующимъ 1-мъ пѣхотнымъ корпусомъ былъ назначенъ, вмѣсто графа Палена, генералъ-лейтенантъ Головинъ. Во время общаго представленія офицеровъ, Фрейтага, по болѣзни, не было. «Гдѣ Фрейтагъ?» спросилъ генералъ Головинъ, и, узнавъ о его болѣзни, отозвался: «я такъ много хорошаго слышалъ о немъ и жалью, что знакомство мое съ нимъ должно отложиться.» При первой встрѣчѣ съ Фрейтагомъ, гене-

ралъ Головинъ сказалъ ему: *«Весьма радъ, что имѣю удовольствіе съ вами познакомиться; въ продолженіе нынѣшней кампаніи вы сдѣлали себѣ прекрасную репутацію: я былъ далеко отъ васъ, но ваше имя доходило до меня.»*

23-го апрѣля 1832 года, по Высочайшему повелѣнію, капитанъ Фрейтагъ былъ назначенъ на топографическую съемку Царства Польскаго, производившуюся подъ начальствомъ генерала Рихтера.

По прибытіи въ Варшаву, онъ былъ представленъ генералъ-фельдмаршалу. *«Очень радъ васъ видѣть»* — сказалъ князь Варшавскій, — *«вы славно служили послѣднюю кампанію: я слышалъ, что подъ вами убили шесть лошадей.»* — *«Это былъ только случай, Ваша Святлость.»* — *«Случай, который бываетъ только съ тѣми, кто его ищетъ»* — сказалъ главнокомандовавший. — *«Я желаю, чтобы вы всегда служили съ такимъ же счастьемъ: пусть бьютъ вашихъ лошадей, лишь бы не трогали васъ!...»*

Въ слѣдующемъ году, 2-го іюня, Фрейтагъ былъ назначенъ дивизионнымъ квартирмейстеромъ 6-й пѣхотной дивизіи, оставаясь по прежнему на той же съемкѣ.

Въ 1833 году Робертъ Карловичъ хотѣлъ оставить службу; но новое назначеніе, вскорѣ имъ полученное, устранило къ тому поводъ. Произведенный 6-го декабря этого года въ подполковники, онъ по предписанію генералъ-квартирмейстера дѣйствующей арміи, 17-го января слѣдующаго года, со съемки Царства Польскаго командированъ для исправленія должности старшаго адъютанта главнаго штаба дѣйствующей арміи, по части генеральнаго штаба, въ которой и утвержденъ Высочайшимъ приказомъ 4-го февраля 1834 года.

«Я не могу оставить службы», — писалъ Фрейтагъ, — *«я влюбленъ въ службу, привязанъ къ ней и воспитаніемъ, и привычками; чувствую, что рожденъ солдатомъ.»*

Слѣдующіе четыре года, съ 1834 по 1838 годъ, Фрейтагъ провелъ въ Варшавѣ и былъ Всемилостивѣйше награжденъ, 9-го августа 1834 года, «за отлично-усердную службу», орденомъ Св. Станислава 3-й степени (что вышѣ 2-й),

а 23-го января 1836 года, «за отлично-усердную и ревностную службу» — 3,000 руб. асс.

30-го ноября 1837 года, генералъ отъ инфантеріи Головинъ былъ назначенъ командиромъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса. Онъ успѣшилъ пригласить къ себѣ на службу подполковника Фрейтага. Робертъ Карловичъ вполне оцѣнилъ лестное вниманіе бывшаго своего корпуснаго командира и, 14-го января, опредѣленъ на Кавказъ, при чемъ ему Всемилостивѣйше пожаловано на подъемъ 2,400 р. асс.

Въ этомъ назначеніи, каждый изъ знавшихъ Фрейтага видѣлъ вѣрный залогъ дальнѣйшихъ его успѣховъ по службѣ; за всеѣмъ тѣмъ вѣсть о близкой разлукѣ опечалила небольшой кружокъ Русскихъ въ Варшавѣ, котораго онъ былъ душою.

Предчувствіе сбылось: военныя способности Фрейтага развились и созрѣли на Кавказѣ, гдѣ, въ продолженіе десятилѣтней, постоянной боевой службы, Робертъ Карловичъ успѣлъ ознаменовать себя какъ воинъ и какъ начальникъ.

Съ прибытіемъ на Кавказъ, 17-го іюня, подполковникъ Фрейтагъ, назначенный, 8-го іюня, старшимъ адъютантомъ въ Штабъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса по части генеральнаго штаба, по распоряженію генерала Головина, былъ, 24-го іюля, командированъ для устройства Лезгинской кордонной линіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, назначенъ временнымъ ея начальникомъ, гдѣ и находился по 25-е декабря того же года.

Со стороны Кахетіи, на пространствѣ 240 верствъ, въ это время были расположены три баталіона пѣхоты, одинъ пѣхотный полкъ Грузинской милиціи, состоявшій изъ 500 милиціонеровъ, съ 12-ю полевыми и 2-мя крѣпостными орудіями. Фрейтагъ дѣятельно занялся исполненіемъ возложеннаго на него порученія. По его представленію было опредѣлено милиціонерамъ постоянное жалованье, котораго до того они не имѣли, и служба ихъ получила болѣе опредѣленный порядокъ. Корпусный командиръ былъ доволенъ своимъ выборомъ, и 12-го февраля 1839 года, Фрейтагъ, «за отлично-усердную службу», награжденъ орденомъ Св. Анны 2-й степени, украшеннымъ Императорскою короною.

Но лучшею похвалою мѣрь, принятыхъ Робертомъ Карловичемъ при устройствѣ Лезгинской линіи, служить то, что Кахетинцы, узнавъ о данномъ Фрейтагу приказаніи воз-

вратиться въ Тифлисъ, отправили отъ себя къ генералу Головину депутацію съ просьбою оставить его на линіи.

Служба на Кавказѣ совершенно согласовалась съ наклонностями Фрейтага; постоянная дѣятельность и близость опасности радовали его; но за всеѣмъ тѣмъ въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ сказалъ: «*Милъ 36 лѣтъ, и потому я не останусь здѣсь домо*», и часто въ шутку про себя говаривалъ, что тотъ, кто въ 35 лѣтъ подполковникъ, можетъ надѣяться въ 80 быть комендантомъ какой нибудь второклассной крѣпости.

Въ 1839 году генералъ Головинъ предпринялъ лично экспедицію въ Южный Дагестанъ и призвалъ Фрейтага принять участіе въ походѣ. На первомъ переходѣ отъ сборнаго пункта въ сел. Хазры, 29-го мая, Робертъ Карловичъ находился въ дѣлѣ при селеніи Цукуль и при взятіи приступомъ главныхъ пунктовъ Аджіахурской позиціи.

Черезъ день, 31-го числа, когда войска наши или окончательно овладѣть этою позиціею, Фрейтагу съ двумя баталіонами пѣхоты было поручено прорвать непріятельскій центръ.

Съ пѣснями и плясунами впереди, отрядъ его бросился въ штыки. Фрейтага, непривычнаго лазить по горамъ, егеря несли почти на рукахъ. Штурмомъ взяты были завалы, устроенные на крутыхъ горахъ, и ни градъ пуль, ни камни, бросаемые сверху, ничто не остановило геройской храбрости солдатъ. Преслѣдуя стремительно непріятеля, войска наши овладѣли, 5-го іюня, сел. Ахты, и приступили къ устройству укрѣпленія на правомъ берегу Самура. Наградю Роберту Карловичу за этотъ походъ было произведено, 25-го іюня 1839 года, въ полковники.

11-го марта 1840 года онъ переведенъ изъ генеральнаго штаба въ Куринскій егерскій полкъ, съ утвержденіемъ командиромъ этого полка, вполнѣдствіи носившаго имя генералъ-адъютанта князя Воронцова, а нынѣ называющагося Куринскимъ пѣхотнымъ, и обязаннаго своею громкою славою Фрейтагу, умѣвшему поселить во всеѣхъ чинахъ полка необыкновенный духъ, братство, презрѣніе къ опасностямъ и готовность на всякое славное и опасное дѣло.

Фрейтагъ принялъ полкъ очень скоро и за это получилъ благодарность корпуснаго командира, объявленную въ приказѣ по корпусу отъ 3-го декабря 1840 года.

Въ теченіе лѣта 1840 года ему было поручено остаться въ Грозной и охранять линію во время отсутствія войскъ Чеченскаго отряда, двинувшагося, 17-го іюня, изъ Герзель-аула къ кр. Внезапной для приведенія въ покорность Сала-тавскаго общества.

Славно исполнялъ эту обязанность полкъ съ новымъ своимъ командиромъ. Фрейтагъ быстро переносился изъ одного пункта въ другой, внезапно разстроивалъ предпріятія непріязненныхъ и неугомонныхъ своихъ сосѣдей. Плоха была пожива Чеченцамъ у такого сосѣда: не уронишь табуна, не подвергаясь опасности поплатиться за то жизнью. Издали чужья Фрейтагъ Чеченца, ухо его всегда сторожило врага, штыкъ и пуля встрѣчали непріятели повсюду.

Поступивъ съ частію своего полка въ составъ отряда генералъ-лейтенанта Галафѣева, Фрейтагъ участвовалъ, 30-го іюня, въ движеніи этого отряда, вверхъ по лѣвому берегу рѣки Сунжи, въ перестрѣлкѣ на водопадѣ при Алханъ-Юртѣ, и въ уничтоженіи этой деревни, равно Большихъ и Малыхъ Куларъ и Заканъ-Юрта; 1-го іюля при истребленіи деревни Галой-Юрта, взятіи съ боя и уничтоженіи деревень Большая и Малая Самашки и въ окончательномъ разореніи деревни Казакъ-Кичу; а 2-го въ обратномъ движеніи въ крѣпость Грозную и въ перестрѣлкѣ при Алханъ-Юртѣ. На другой день, онъ снова выступилъ изъ Грозной для отраженія партіи, находившейся въ Амиръ-Ханъ-Кичу, а съ 6-го по 15-е іюля участвовалъ въ движеніи въ Малую Чечню и уничтоженіи деревни Большой-Чечень; 7-го — Дуду-Юрта и посѣвовъ до Аргунскаго ущелья, при занятіи заваловъ, устроенныхъ въ Гойтинскомъ лѣсу, уничтоженіи деревень Ахшпатай-Гойта, Чунъ-Горой и Урусъ-Мартана; 10-го — при истребленіи деревень Чурыкъ-Рошни, Хоши-Рошни и Гехи съ ихъ садами и значительными посѣвами, и 11-го — въ пораженіи огромныхъ чеченскихъ скопищъ въ Гехинскомъ лѣсу и во взятіи, послѣ упорнаго кровопролитнаго боя, укрѣпленной завалами непріятельской позиціи на рѣкѣ Валерикѣ.

«Послѣ дѣла 11-го іюля», — писалъ Фрейтагъ къ своей матери, — «много храбрыхъ мы не досчитались. Меня Богъ хранилъ! Доволенъ я Куринцами, — кажется и Куринцы довольны мною!

За отличіе, оказанное въ этотъ день, Фрейтагъ, 24-го февраля 1841 года, Всемилостивѣйше пожалованъ *участкомъ земли по чину* (1,500 дес.).

Потомъ Фрейтагъ находился при отраженіи партій горцевъ, сдѣлавшихъ нападенія: 10-го сентября — на деревню Хачи-Хинскую и 22-го — захватившей скотъ у Сарачанъ-Юрта и Сунженскихъ деревень.

Съ 27-го сентября по 18-е октября онъ участвовалъ въ движеніи въ Большую Чечню, при чемъ находился: 29-го сентября при занятіи съ боя деревни Герменчикъ и устроеніи тутъ укрѣпленнаго вагенбурга; 3-го октября при окончательномъ взятіи этой деревни, въ которой защищалось скопище Ахверды-Магома и совершенномъ ея истребленіи; 4-го — при взятіи и совершенномъ истребленіи деревни Шали; 5-го — на фуражировкѣ, произведенной цѣлымъ отрядомъ къ сторонѣ Автуру; 7-го — при истребленіи Шалинскихъ хуторовъ; 10-го — при движеніи черезъ лѣсъ, занятый непріятелемъ къ Сала-Юрту, уничтоженіи этой деревни, равно Арсакай-хутора, деревни Автуръ и Асабай-хутора и въ обратномъ движеніи въ укрѣпленный вагенбургъ, устроенный у Герменчика, при сильномъ натискѣ со стороны непріятели, и 10-го октября на фуражировкѣ, произведенной цѣлымъ отрядомъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Граббе; 27-го октября въ движеніи вверхъ по правому берегу Гойты и въ переходѣ черезъ Гойтинскіе лѣса къ Урусъ-Мартану; 29-го — къ дер. Гехи; 30-го — въ занятіи и истребленіи Ачхоя, Умаханъ-Юрта и Пханъ-Кичу; 2-го ноября въ движеніи къ Казакъ-Кичу и при истребленіи аула Цонтери и Малыхъ Самашекъ; 3-го — въ движеніи къ Заканъ-Юрту; 11-го — въ сильной перестрѣлкѣ при слѣдованіи къ Мискаръ-Юрту; 13-го — при истребленіи дер. Гельдигена; 14-го — въ сильной перестрѣлкѣ при движеніи къ Маіортупу; 15-го — при истребленіи ввѣренною ему колонною деревни Начи-Юрта и Инда-Юрта и въ движеніи всего отряда къ Аку-Юрту; 17-го — въ уничтоженіи деревни Бата-Юрта и въ дальнѣйшемъ движеніи черезъ Качкалыковскій хребетъ къ сел. Ойсунгуру.

Куринцы вскорѣ полюбили такого дѣятельнаго командира, который при томъ весело дѣлилъ съ ними всѣ нужды, всѣ лишения. Вслѣдъ за Фрейтагомъ, Куринцы смѣло бросались

на шашки отважныхъ горцевъ; съ нимъ не боялся солдатъ смерти!....

Славно стали стрѣлять Куринцы; лучшіе стрѣлки были любимцы полковаго командира, способствовавшаго всѣми мѣрами развитію въ нихъ этого необходимаго искусства. Во время отдыха отъ похода и экспедицій, Куринцы, вмѣсто забавы, съ дальняго разстоянія стрѣляли въ цѣль, укрѣпленную на шестѣ. Фрейтагъ постоянно присутствовалъ при этой военной потѣхѣ, и за пулю, попавшую въ цѣль, давалъ стрѣлку рубль серебромъ изъ своего кошелька. Однажды одинъ изъ лучшихъ стрѣлокъ не хотѣлъ пускать своей пули, и на вопросъ Фрейтага: *«Почему не стрѣляешь?»* Куринецъ отвѣчалъ: *«Не хочу даромъ брать денегъ у вашего высокоблагородія. Я промаховъ не даю!»*

Въ 1844 году, Фрейтагъ, съ своими храбрыми Куринцами, участвовалъ въ экспедиціяхъ, произведенныхъ подъ начальствомъ командовавшаго войсками на Кавказской линіи, генераль-адъютанта Граббе, сначала въ Салатау, въ теченіе мая мѣсяца, совокупно съ Дагестанскимъ отрядомъ, и по разбитіи скопищъ Шамиля у Хубарскихъ высотъ въ землѣ Ауховцовъ; 22-го, 24-го и 25-го іюня, въ движеніи отряда вверхъ по Аргунскому ущелью для обозрѣнія мѣстности близъ аула Чахкери, гдѣ впоследствии заложено укрѣпленіе Воздвиженское.

27-го іюня, при обратномъ движеніи отряда въ Грозную, Куринцы, какъ обыкновенно, составляли арріергардъ и боковыя цѣпи отряда. Близъ селенія Алды, Чеченцы начали сильно напирать, егеря отступали славно. Движеніе отряда производилось по мѣстности пересѣченной, изрытой оврагами, завалами и закрытой лѣсомъ. Правая боковая цѣпь, тѣсняемая преимущественно Чеченцами у Ханкалинскаго ущелья, отклонясь отъ должнаго направленія, смѣшалась. Фрейтагъ подскакалъ къ цѣпи; но въ это время пуля Чеченца, пущенная почти навѣсно, ударила его въ шею. Робертъ Карловичъ, не обращая вниманія на полученную рану, оставался въ цѣпи, и только, приведя ее въ должный порядокъ, отѣхалъ за вторую линію. Перевязавъ здѣсь наскоро рану, онъ снова явился къ своимъ Куринцамъ и, никому не давая замѣтить страданій, которыя тер-

пѣлъ отъ раны, продолжалъ въ теченіе 4-хъ часовъ распоряжаться отступленіемъ, и только выведя Куринцевъ на чистое мѣсто, сдалъ командованіе, съ тѣмъ, чтобы позволить вырѣзать пулю.

Рана эта была непонятно счастлива: пуля вынута изъ позвоночной кости, на 12-й день послѣ полученія раны.

Высочайшимъ приказомъ, въ 22-й день іюля, за отличіе, оказанное въ этихъ дѣлахъ, Фрейтагу объявлено Высочайшее благоволеніе.

16-го октября, едва оправившись отъ раны, Робертъ Карловичъ, съ порученнымъ ему отрядомъ, уже снова выступилъ изъ Грозной на соединеніе съ генераль-адъютантомъ Граббе къ Урусъ-Мартану. При переходѣ, 17-го числа, чрезъ Гойтинскій лѣсъ онъ имѣлъ весьма жаркое дѣло съ Чеченцами, но 18-го присоединился къ главному отряду и составилъ его арріергардъ, при движеніи къ разоренной деревнѣ Алдѣ.

При проходѣ арріергарда черезъ лѣсъ, 18-го октября, ось у одной изъ повозокъ обоза сломилась. Нѣсколько человекъ Куринцевъ суетились около опрокинутой телѣги. Фрейтагъ, съ небольшимъ своимъ штабомъ, оставался сзади арріергарда, который продолжалъ слѣдовать впередъ и былъ уже на значительномъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ сломалась телѣга. Вдругъ съ обѣихъ сторонъ узкаго дефиле показались Чеченцы, въ числѣ до сотни человекъ, и, обнаживъ шашки, понеслись на Фрейтага, остановившагося съ горстью людей. Фрейтагъ спокойно удержалъ коня; 12 Куринцевъ окружили своего командира, который имъ командовалъ: *«ружье къ но-гу!»* и въ этомъ спокойномъ положеніи ожидалъ нападенія. Чеченцы остановились, полагая, что горсть солдатъ начнетъ стрѣлять и тѣмъ произведетъ у себя безпорядокъ, или же повернетъ тылъ, и тогда въ нѣсколько минутъ будетъ вся изсѣчена. Солдаты, ободренные хладнокровіемъ Фрейтага, стояли неподвижно. Съ нетерпѣніемъ ожидали они прибытія изъ арріергарда орудія, за которымъ Фрейтагъ послалъ офицера, но не смѣлъ оглянуться назадъ, боясь спустить глаза съ своихъ и Чеченцевъ. Наконецъ послышался стукъ подѣзжавшей сзади пушки, вслѣдъ за тѣмъ команда: *«раздайся направо и налево!»* Послѣ двухъ картежныхъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ изъ ору-

дія, Чеченцевъ уже не было: на мѣстѣ лежало семнадцать труповъ.

Этотъ случай представленъ на рисункѣ, приложенномъ къ нашему жизнеописанію, какъ вполне хорошо изображающій характеръ генерала, его знаніе духа русскаго солдата и свойствъ народа, съ которымъ онъ такъ славно боролся.

Достигнувъ рѣки Гойты, гдѣ главный отрядъ генераль-адъютанта Граббе расположился лагеремъ, Фрейтагъ участвовалъ въ частыхъ фуражировкахъ и истребленіи жизненныхъ запасовъ непріятеля; 23-го октября въ разореніи Гойтинскихъ и Алдинскихъ хуторовъ, при чемъ находился въ рукопашномъ бою и сильнѣйшей перестрѣлкѣ съ толпами Ахверды-Магомы, командуя двумя баталіонами своего полка, составлявшими особую колонну. 2-й баталіонъ, бывшій въ томъ же дѣлѣ, дѣйствовалъ на флангѣ. Дѣло было жаркое, Чеченцы понесли значительный уронъ. Куриницы 2-го баталіона находились впереди и имѣли около 30 раненыхъ. Послѣ дѣла, возвращаясь въ лагерь, Фрейтагъ встрѣтилъ носилки, на которыхъ лежалъ раненый карабинеръ, прикрытый шинелью. «*Куда ты раненъ?*» — спросилъ его Фрейтагъ, — *хорошо ли дрались Куриницы?*» — «*Я раненъ въ обѣ ноги*», — отвѣчалъ карабинеръ, — «*а хорошо ли мы дрались, вамъ расскажутъ товарищи!*» и прибавилъ: «*Жаль, что вашего высокоблагородія съ нами не было, — мы бы меньше потеряли и больше дѣла сдѣлали!*»

Съ 26-го по 29-е октября, во время движенія главнаго отряда къ рѣкѣ Аргуну на деревни Шали, Гелдигенъ, Автуръ, Маіортупъ и Аку-Юртъ и при истребленіи жилищъ горцевъ и ихъ запасовъ, скрытыхъ въ лѣсахъ, Фрейтагъ находился въ постоянныхъ перестрѣлкахъ и частныхъ схваткахъ съ непріятелемъ. 30-го октября въ движеніи къ деревнѣ Бата-Юрту, командуя одною изъ трехъ колоннъ отряда, туда шедшаго, онъ выдержалъ самый упорный бой съ непріятелемъ, нападавшимъ на него до самаго Ойсунгура, пока не соединились всѣ три колонны отряда.

«За отличное мужество и храбрость», оказанныя въ экспедиціи этого года, въ Большой и Малой Чечнѣ, 23-го октября 1842 года, онъ Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра 3-й степени.

Въ 1842 году Фрейтагу снова было поручено защищать Линію и Кумыхскую плоскость на протяженіи 400 верстъ.

Дѣйствія ввѣреннаго ему отряда заключались въ непрерывныхъ набѣгахъ, ночныхъ нечаянныхъ нападеніяхъ и рекогносцировкахъ. Нѣсколько сожженныхъ хуторовъ, сотни штукъ рогатаго скота, отбитаго у непріятеля, были послѣдствіемъ этихъ экспедицій. Изъ дѣлъ, происходившихъ при этомъ, замѣтимъ: ночной набѣгъ, 18-го января, изъ Амиръ-Аджиурта къ сел. Гартли и разореніе его, а 19-го — отступление съ боемъ въ Умаханъ-Юртъ; бой во время набѣга изъ Грозной къ Алханъ-Юрту — 5-го марта; отраженіе горцевъ при ихъ нападеніи на табунъ близъ мѣстечка Аджи-Юрта — 13-го мая; дѣло на рѣкѣ Карасу — 17-го іюня; перестрѣлка съ непріятелемъ близъ Заканъ-Юрта во время рекогносцировки окрестностей Ойсунгура — 18-го и 19-го іюня; отраженіе горцевъ при нападеніи ихъ на скотъ близъ крѣпости Грозной — 26-го іюня, и дѣло съ непріятелемъ во время новой рекогносцировки окрестности Ойсунгура — 29-го іюня.

Но самыя замѣчательнѣйшія дѣйствія отряда были въ августѣ мѣсяцѣ, при закладкѣ и возведеніи Куринскаго укрѣпленія, при рѣкѣ Ойсунгурѣ. Горцы, въ намѣреніи воспрепятствовать постройкѣ этого укрѣпленія, тревожили безпрестанными нападеніями наши войска, но всегда были отражаемы съ большимъ урономъ; въ особенности жаркія дѣла происходили: 12-го — бой близъ Энгель-Юрта и 23-го — перестрѣлка при занятіи высотъ, окружающихъ Ойсунгуръ.

Съ сентября по декабрь Фрейтагъ имѣлъ также нѣсколько дѣлъ съ горцами, по обыкновенію, постоянно успѣшно.

3-го декабря 1842 г., за безпорочную выслугу въ офицерскихъ чинахъ 25-ти лѣтъ, онъ Высочайше награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-й степени, а 22-го декабря, «за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ», произведенъ въ генераль-маіоры, съ назначеніемъ командиромъ 2-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи и начальникомъ Лѣваго фланга Кавказской линіи, въ командованіе котораго вступилъ 15-го января слѣдующаго года.

Въ 1843 году отрядъ генерала Фрейтага, въ продолженіе девяти мѣсяцевъ, съ апрѣля по декабрь, занимался исключительно постройкою Куринскаго укрѣпленія, предпри-

нимая только небольшія экспедиціи, или для разсѣянія непріятельскихъ шаекъ, намѣревавшихся сдѣлать вторженіе на линію, или для нечаянныхъ нападеній, чтобы держать Чеченцевъ въ постоянномъ страхѣ.

Важнѣйшими подвигами Фрейтага въ этомъ году были движеніе его къ Міатламъ, освобожденіе Низоваго укрѣпленія, а въ декабрѣ участіе въ дѣлахъ при очищеніи Сѣвернаго Дагестана отъ скопищъ Шамиля.

Еще въ августѣ мѣсяцѣ положеніе дѣлъ нашихъ въ Дагестанѣ начало принимать неблагопріятный оборотъ. Измѣна Койсубулинскаго общества передала во власть Шамиля важнѣйшіе укрѣпленные пункты Гимри, Унцукуль и Гергебиль и доставила возмутителю возможность явиться съ значительнымъ скопищемъ въ Шамхальскія владѣнія и Мехтулинское ханство, гдѣ онъ нашелъ себѣ много сообщниковъ. Въ то же время, желая развлечь силы наши, онъ поручилъ набамъ Нагорной Чечни, Салатовскому и Акушинскому кадю тревожить набѣгами Сулакскую линію, Кумыкскую плоскость и пространство вдоль береговъ Каспійскаго Моря.

Между тѣмъ какъ войска наши въ Аваріи, предводимыя Пассекомъ, лишенныя всякаго сообщенія съ Темиръ-Ханъ-Шурою, находились въ затруднительномъ положеніи; отважнѣйшій изъ набовъ Чечни, Шуайбъ-Мулда дѣлалъ безпрестанныя набѣги на Кумыкскую плоскость, а 2-го и 3-го августа производилъ сильную канонаду по Куринскому укрѣпленію, не оставляя въ покоѣ собранныхъ тамъ войскъ въ продолженіе сентября. Наконецъ 26-го этого мѣсяца онъ прорвался чрезъ Сулакскую линію и обложилъ съ 5000 скопищемъ селеніе Султанъ-Янгіюртъ, но былъ отраженъ съ урономъ.

Не взирая на прибытіе, въ октябрѣ, командующаго войсками на Кавказской линіи, генералъ-лейтенанта Гурко въ Темиръ-Ханъ-Шуру съ небольшимъ отрядомъ войскъ, положеніе дѣлъ въ Дагестанѣ было крайне опасно по причинѣ всеобщаго возстанія жителей Мехтулинскаго и Шамхалинскаго владѣній. Вслѣдствіе этого войска въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ съ 17-го ноября по 1-е декабря находились въ блокадѣ. Въ то же время Акушинскій кадй съ осьми-тысячнымъ скопищемъ обложилъ Низовое укрѣпленіе, а Салатовскій набѣ Ших-Мандиръ-Аджи готовился овладѣть Міатлинскимъ,

въ которомъ существовала единственная паромная переправа чрезъ Сулакъ, для ближайшаго сообщенія съ войсками Кавказской линіи.

Получивъ объ этомъ свѣдѣніе, Фрейтагъ собралъ отрядъ изъ 4-хъ баталіоновъ пѣхоты, 16-ти орудій и 1400 казаковъ, двинулся 14-го ноября изъ Куринскаго укрѣпленія чрезъ кр. Внезапную къ сел. Султанъ-Янгіюрту, куда прибылъ 16-го числа. Здѣсь составилъ небольшой резервъ изъ части войскъ своего отряда и охранявшихъ Сулацкую линію, 18-го двинулся къ селенію Кумтеркале, гдѣ отбилъ значительное количество скота у возмутившихся жителей, а 19-го явился предъ Низовымъ укрѣпленіемъ *) и немедленно атаковалъ многочисленное скопище Акушинцевъ, осаждавшее его и усиливавшееся съ отчаянною яростію одолѣть упорство гарнизона.

Всѣ жители Низоваго укрѣпленія, мужчины и женщины, спасенные неожиданною помощію, единогласнымъ, радостнымъ «ура!» встрѣтили своего избавителя, бросались на встрѣчу генералу, цѣловали его ноги, его лошадь, плакали, благословляли и молились за него. Слеза умиленія повисла на густой рѣсеницѣ героя.

Освободивъ Низовое укрѣпленіе, Фрейтагъ не могъ преслѣдовать Акушинскаго кадя, ибо долженъ былъ спѣшить къ Міатлинскому укрѣпленію. 20-го ноября онъ выступилъ обратно къ Султанъ-Янгіюрту, куда прибылъ 22-го числа, и на слѣдующій день атаковалъ Ших-Мандира-Аджи въ крѣпкой позиціи на высотахъ предъ укрѣпленіемъ, и принудилъ его удалиться. Возстановивъ такимъ образомъ сообщеніе Дагестана съ Кавказскою линіею, онъ, 27-го ноября, возвратился въ Куринское укрѣпленіе. Столь важные результаты были достигнуты единственно быстротою и рѣшительностію, отличавшими героя во всѣхъ его дѣйствіяхъ.

Не взирая на эти успѣхи, генералъ Гурко былъ озадаченъ крайне затруднительнымъ положеніемъ Аварскаго отряда, осажденнаго въ укр. Зиранияхъ; освободить его не было

*) Укрѣпленіе это нынѣ не существуетъ: по нездоровости климата оно перенесено за три версты, на то мѣсто, гдѣ нѣкогда былъ станъ Петра Великаго во время похода его въ Персію; оно нынѣ называется Петровскимъ.

возможности потому, что Шамиль съ многочисленнымъ скопищемъ стоялъ почти въ виду Темиръ-Ханъ-Шуры. Сообщивъ объ этомъ Фрейтагу, генераль Гурко предлагалъ ему собрать войска сколько можетъ и поспѣшить опять на помощь Дагестанскому отряду.

Фрейтагъ немедленно началъ дѣйствовать. Собрать 7-го декабря отрядъ въ Амиръ-Аджи-Юртѣ, онъ, съ обычною своею быстротою, двинулся чрезъ Ташъ-Кичу на Костеки; здѣсь, устроивъ переправу чрезъ р. Сулакъ, онъ занялъ сел. Чиръ-Юртъ, откуда форсированнымъ маршемъ достигъ, 14-го числа, Темиръ-Ханъ-Шуры и соединился съ Дагестанскимъ отрядомъ. Непрiятель, конечно, зналъ объ этомъ движенiи, но не ожидалъ Фрейтага такъ скоро и потому не стаянулъ всѣхъ своихъ силъ.

15-го декабря началось наступленiе нашихъ войскъ противъ скопищъ Шамиля къ Муселимъ-Аулу. Горцы потерпѣли совершенное пораженiе, Шамиль бѣжалъ и селенiе Большая Казанищи въ тотъ же день было занято. Въ этихъ дѣлахъ линейными и Донскими казаками были произведены, подъ личнымъ начальствомъ Фрейтага, блистательныя атаки, въ особенности при Муселимъ-Аулѣ, гдѣ отбиты у непрiятеля два орудiя.

На другой день, 16-го, отрядъ, перейдя Койсубулакскiй хребетъ, разсѣялъ скопище, занимавшее Бурундукъ-Кальскiй проходъ и двинулся по ущелью къ сел. Ирганаю; въ слѣдствiе сего непрiятель снялъ осаду укр. Зирянь, и Аварскiй отрядъ подполковника Пассека былъ спасенъ. 18-го числа всѣ войска возвратились въ Темиръ-Ханъ-Шуру, откуда Фрейтагъ выступилъ съ своимъ отрядомъ 22-го и прибылъ въ Куринское укрѣпленiе 27-го декабря.

За отличную храбрость и благоразумную распорядительность, оказанную въ 1843 году, и въ особенности при Низовомъ укрѣпленiи и послѣдующихъ за тѣмъ дѣйствiяхъ, Фрейтагъ Всемилостивѣйше пожалованъ, 26 февраля 1844 года, орденомъ св. Станислава 1-й степени.

Въ 1844 году, дѣйствiя отряда Фрейтага заключались: 17-го февраля—въ отраженiи партii Шуаишъ-Мулы, намѣревавшейся переправиться чрезъ Терекъ, близъ Николаевской слободки, въ ее преслѣдованiи и въ перестрѣлкѣ при

Старомъ Юртѣ и въ дальнѣйшемъ преслѣдованiи Чеченцевъ; 30-го марта—при отраженiи хищниковъ, покушавшихся отбить скотъ мирныхъ Чеченцевъ, живущихъ близъ Грозной. 25-го апрѣля—войска, бывшiя подъ его начальствомъ, двинулись отъ Ташъ-Кичу и Баташъ-Юрта къ крѣпости Внезапной, противъ скопища Чеченцевъ, собравшихся на Мичикъ, разбила его близъ Карачайскаго лѣса, преслѣдовали ихъ и возвратились въ Грозную. 12-го мая — часть отряда снова выступила изъ Грозной въ Малую Чечню. 13-го и 14-го — аррьергардъ его имѣлъ перестрѣлку при Урусъ-Мартанѣ, а 15-го—войска Фрейтага соединились съ Назрановскимъ отрядомъ полковника Нестерова и, въ тотъ же день, имѣли дѣло съ огромнымъ скопищемъ Чеченцевъ въ Гехинскомъ лѣсу, отразили горцевъ, окружившихъ аррьергардъ Назрановскаго отряда, и участвовали въ рукопашномъ бою и отраженiи отчаянныхъ нападений непрiятеля на аррьергардъ, бывшiй подъ командою подполковника Меллера-Закомельскаго. Вечеромъ соединенныя отряды расположились лагеремъ на лѣвомъ берегу рѣки Гехи. Ночью съ 16-го на 17-е происходила канонада по лагерю и перестрѣлка съ Чеченцами; 17-го были взяты и истреблены аулы Гехинъ-Кожъ и Дерби-Юртъ; 18-го взяты и сожжены аулы Пешкой-Розни, а 19-го войска выступили въ обратный походъ, переправились чрезъ рѣку Гойту подъ непрiятельскими выстрѣлами, находившихся въ дѣлѣ съ огромнымъ скопищемъ Чеченцевъ въ Гойтинскомъ лѣсу, взяли непрiятельскiе завалы и рукопашнымъ боемъ отразили нападения на аррьергардъ и атаки конницы.

Въ июнѣ войска, ввѣренныя Фрейтагу, вошли въ составъ главнаго Чеченскаго отряда, сосредоточеннаго въ Ташъ-Кичу подъ личнымъ начальствомъ бывшаго командира Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, генераль-адъютанта Нейдгардта. 7-го июня началось движенiе войскъ въ Салатовское общество; 11, 13 и 14-го происходили перестрѣлки съ непрiателемъ при Зурмакентѣ, Инчхе и Хубарахъ; 15-го отрядъ дошелъ къ деревнѣ Гертме, близъ которой расположились огромныя скопища Шамиля въ неприступной позици, за оврагомъ Теренгуль, и производили канонаду по нашимъ войскамъ; 16-го, часть Дагестанскаго отряда, подъ начальствомъ генераль-майора Клюки-фонъ-Клугенау, присоеди-

нилась къ главному и была направлена въ обходъ этой позиціи; непріятель бѣжалъ, и наши преслѣдовали горцевъ чрезъ Теренгуль до разореннаго аула Бартунай; наконецъ, послѣ разрушенія сел. Зубута и бывшаго тамъ моста чрезъ Сулакъ и возведенія тетъ-де-пона противъ Евгеніевскаго укрѣпленія, большая часть войскъ Чеченскаго отряда возвратилась, къ 1-му августа, въ Амиръ-Аджи-Юртъ и была предназначена для заложения передовой Чеченской линіи и возведенія на р. Аргунъ укр. Воздвиженскаго.

Въ 1844 году генераль Фрейтагъ, по своимъ домашнимъ обстоятельствамъ, хотѣлъ оставить службу, но, по убѣжденію корпуснаго командира, остался, и 3-го ноября былъ назначенъ командующимъ 20-ю пѣхотною дивизіею, съ оставленіемъ и начальникомъ лѣваго фланга Кавказской линіи, съ увольненіемъ въ 4-хъ-мѣсячный отпускъ въ столицу.

Такимъ образомъ, послѣ семилѣтней дѣятельной своей службы на Кавказѣ, Робертъ Карловичъ оставилъ ее на короткое время. Въ С. Петербургѣ онъ женился.

Возвратившись на Кавказъ и вступивъ, 15-го мая 1845 года, въ командованіе дивизіею, Фрейтагъ, согласно съ волею графа Воронцова, съ отрядомъ изъ 6½ баталіоновъ, 6½ сотенъ казаковъ, при 9-ти орудіяхъ, направился изъ Грозной къ деревнѣ Шали, для отвлеченія непріятельскихъ силъ, собранныхъ при Дарго, куда слѣдовалъ главный отрядъ, подъ личнымъ начальствомъ новаго главнокомандовавшаго.

Послѣ затруднительной переправы чрезъ Аргунъ, 2-го іюля, отрядъ двинулся къ сел. Большой Чечень, и здѣсь соединясь съ колонною полковника Богаевского, пришедшею изъ Воздвиженскаго, достигъ Шали. Неожиданное появленіе Фрейтага въ Большой Чечень принудило жителей послать въ Дарго нарочныхъ съ просьбою къ Шамилю о возвратѣ Чеченцевъ для защиты ихъ жилищъ.

Фрейтагъ, уничтоживъ у непріятеля, въ окрестностяхъ Шали запасы хлѣба, и получивъ свѣдѣнія, что Шуаинъ-Мулла со всеми Чеченцами возвращается изъ Дарго, 4-го іюля снова перешелъ Аргунъ, имѣвъ жаркое дѣло съ непріятелемъ въ арріергардѣ.

Между тѣмъ главнокомандующій съ главными силами, занявъ Гумбетъ и Андю, предпринялъ, 6-го іюля, наступле-

ніе, съ частью войскъ, къ сел. Дарго — главному убѣжищу Шамиля, и, послѣ отчаяннаго сопротивленія, овладѣлъ имъ и преслѣдовалъ горцевъ до сел. Шуани. Сильные дожди, испортившіе дороги въ горахъ, чрезвычайно затрудняли доставку продовольствія войскамъ; посему графъ Воронцовъ рѣшился пройти съ отрядомъ ввизъ по р. Аксаю къ Герзель-аулу, но какъ главные выходы по лѣсистымъ ущельямъ горъ были заняты многочисленными скопищами Шамиля, то, для облегченія предпринятаго движенія, главнокомандовавшій приказалъ Фрейтагу идти къ нему на встрѣчу по направленію къ Маюртупу.

Въ слѣдствіе этого, Фрейтагъ, неимоვნно быстро сосредоточивъ въ Герзель-аулѣ отрядъ изъ 7½ баталіоновъ пѣхоты, трехъ сотенъ казаковъ и 13-ти орудій, 18-го іюля направился въ урочище Мискитъ, имѣя постоянную перестрѣлку съ непріятелемъ.

Быстрое движеніе Фрейтага на встрѣчу главному отряду, который съ большимъ транспортомъ раненыхъ долженъ былъ проходить по лѣсистымъ дефилеямъ, занятымъ горцами, вывело отрядъ этотъ изъ затруднительнаго положенія. Недостатокъ зарядовъ, провіанта и большое число раненыхъ дѣлали положеніе это весьма опаснымъ.

Войска главнаго отряда, 16-го іюля, въ ожиданіи прибытія Фрейтага, расположились латеремъ близъ разореннаго аула Шаухаль-Берды, занимая на берегу рѣки площадку, величиною въ квадратную версту.

17-го и 18-го іюля войска остались на этой позиціи. Непріятель, пользуясь господствующею высотой праваго берега Аксаю, сосредоточилъ на полянѣ Беттиманъ три орудія и въ продолженіе двухъ дней стрѣлялъ изъ нихъ по нашему лагерю. Въ то же время съ трехъ прочихъ сторонъ не переставалъ ружейный огонь.

Въ 7 часовъ вечера, 18-го іюля, авангардъ Фрейтага показался на высотахъ въ семи верстахъ отъ главнаго отряда.

Около 9-ти часовъ утра, 19-го іюля, отрядъ Фрейтага прибылъ на поляну, отдѣляемую большимъ лѣсистымъ оврагомъ отъ позиціи, занимаемой главнымъ отрядомъ, и не смотря на то, что нѣкоторые баталіоны въ двое сутокъ сдѣлали до 150 верстъ, немедленно вступилъ въ бой. Сильная батарея открыла огонь по занятому горцами правому бере-

гу рѣки Аксая и по ихъ орудію, продолжавшему дѣйствовать въ колонны отряда Воронцова, которыя съ приближеніемъ Фрейтага выступали изъ Шаухаль-Берды.

Вскорѣ оба отряда соединились, и 20-го прибыли въ Герзель-аулъ, откуда были распушены.

Графъ Воронцовъ привѣтствовалъ Фрейтага, какъ избавителя. Войска главнаго отряда встрѣтили его радостнымъ « ура! »

Вотъ приказъ по Отдѣльному Кавказскому Корпусу, отданный главнокомандовавшимъ, іюля 21-го дня 1845 года, въ Герзель-аулѣ.

« Воины отряда генераль-маіора Фрейтага! Спасибо вамъ, ребята, тысячу разъ спасибо вамъ и достойному вашему начальнику за помощь, вами намъ оказанную. Съ невѣроятною скоростію, по первому отъ насъ вызову, вы собрались, сдѣлали усиленные переходы и чудесно явились въ сильномъ составѣ въ Герзель-Аулъ, безъ отдыха немедленно пошли къ намъ на встрѣчу и сильно помогли окончить, съ честію и славою, трудный подвигъ противъ всѣхъ силъ непріятели, разбивая ихъ вездѣ, гдѣ они думали намъ противустоять, и дали возможность провести безопасно и спокойно всѣхъ нашихъ раненыхъ, храбрыхъ товарищей вашихъ. Оба отряда всегда будутъ помнить съ удовольствіемъ и походомъ сей, и счастливое наше съ вами соединеніе. Спасибо вамъ еще разъ — вамъ и храброму Фрейтагу — ура! »

Государь Императоръ, 31-го іюля того же года, Всемилостивѣйше произвелъ Фрейтага « за особенное отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ » въ генераль-лейтенанты, съ утвержденіемъ начальникомъ 20-й пѣхотной дивизіи и съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ.

Въ декабрѣ этого года, Фрейтагъ, съ отрядомъ изъ 10-ти баталіоновъ пѣхоты и 10-ти орудій, былъ посланъ проложить просѣки въ Гойтинскомъ лѣсу и славно исполнилъ это дѣло. 4-го числа отрядъ выступилъ изъ крѣпости Грозной, и въ то же время было поручено, для отвлеченія непріятели, сдѣлать поиски: генераль-маіору Козловскому на рѣкѣ Мичикѣ, а генераль-маіору Нестерову, съ западной стороны.

5-го числа лѣсъ былъ занятъ, а съ 6-го по 24-е декабря, въ заповѣдныхъ дебряхъ Гойты не умолкалъ стукъ

русскихъ топоровъ. Костры срубленнаго лѣса пылали день и ночь, и вѣковой лѣсъ, единственный оплотъ Чечни, исчезалъ съ каждымъ днемъ. Исполинскіе чинары, два аршина въ діаметрѣ, для истребленія своего требовали невѣроятныхъ трудовъ: надъ каждымъ работало, съ утра до вечера, по 30-ти человекъ, и, не смотря на все усердіе солдатъ, не прежде двухъ дней его можно было свалить съ корня. Топоръ, пила, огонь и порохъ, все было въ дѣйстви.

Вся эта трудная работа производилась при непрерывной перестрѣлкѣ и стычкахъ. Часть войскъ рубила лѣсъ, другая отдыхала, а третья постоянно дралась съ Чеченцами, которые, защищая свое послѣднее убѣжище, являлись со всѣхъ сторонъ.

Но въ то же время Чеченцы, зная съ кѣмъ имѣютъ дѣло, не рѣшались ни на какія особенно дерзкія предпріятія противу отряда Фрейтага, ограничивались одною перестрѣлкою, такъ что это, наконецъ, даже наскучило, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія партіи изъ Большой Чечни. Прибыла наконецъ и партія.

13-го декабря, пользуясь туманною погодою, Чеченцы въ значительныхъ силахъ подкрались къ цѣпи Прагскаго пѣхотнаго полка и, безъ выстрѣла, бросились въ шашки, но не въ счастливую пору. Встрѣченные резервомъ Прагскаго полка и замѣтивъ, что Куринская цѣпь забѣгаетъ имъ въ тылъ, они быстро повернули назадъ; въ столпившуюся массу Чеченцевъ наши пустили съ двухъ сторонъ не менѣе пяти тысячъ патроновъ. Много легло хищниковъ на мѣстѣ; у насъ убито 2, да ранено 5 человекъ.

Черезъ нѣсколько дней Чеченцы опять хотѣли попытать счастья. Завязали въ лѣсу сильную перестрѣлку и двинули противъ лагеря полевое орудіе, привезенное ими изъ Мичика; но отрядъ нашъ былъ готовъ ихъ встрѣтить, всѣ распоряженія сдѣланы заблаговременно, и при первомъ выстрѣлѣ изъ непріяельскаго орудія, артиллерія наша засыпала лѣсъ ядрами, гранатами и ракетами. Сдѣлавъ два выстрѣла, Чеченцы не могли долѣе оставаться и ушли. Говорили, что для защиты Гойтинскаго лѣса Шамилемъ было прислано болѣе 10,000 человекъ. Всѣ окрестные аулы были наполнены толпами этихъ пришельцевъ, такъ что каждый хозяинъ имѣлъ у себя до 20-ти всадниковъ, которые, не спасши

Гойтинскаго лѣса, только истребили всѣ продовольственные припасы Чеченцевъ и разошлись по домамъ еще до роспуска отряда генерала Фрейтага.

Обратный походъ этотъ послѣдовалъ 24-го декабря, по окончаніи вырубкѣ лѣса. Говорятъ, что когда наши удалились, то Чеченцы толпами сбѣгались на мѣсто бывшаго лагеря и не узнавали его. Заповѣдный лѣсъ не существовалъ, и прежде пролегавшая по немъ дорога, огражденная завалами, на которой Чеченцы всегда сильно сопротивлялись при слѣдованіи нашихъ войскъ, была расчищена на пушечный выстрѣлъ. Давно уже Чеченцы звали путь этотъ *Русскою дорогою*; теперь же просѣка, по всей справедливости, могла назваться *большою Русскою дорогою*. По расчету въ 20 дней пребыванія отряда въ Чечнѣ уничтожено непріятельскаго лѣса до 350 десятинъ.

Давъ войскамъ отдыхъ, во время праздниковъ и нѣсколькими днями послѣ, Фрейтагъ, 15-го января 1846 года, выступилъ изъ крѣпости Воздвиженской съ отрядомъ изъ 10-ти баталіоновъ пѣхоты, 10-ти орудій, двухъ полупудовыхъ и двухъ десяти-фунтовыхъ мортиръ съ ракетною командою № 1-го батареи, снабженнымъ двадцатидневнымъ продовольствіемъ для вырубкѣ Гехинскаго лѣса.

Пройдя чрезъ бывшій Гойтинскій лѣсъ, — при чемъ происходила перестрѣлка съ Чеченцами при переправѣ чрезъ Гойту и на дорогѣ къ Урусъ-Мартану, онъ занялъ съ боя непріятельскіе завалы и 17-го числа подошелъ къ Гехинскому лѣсу. Въ то же самое время генераль-маіоръ Нестеровъ, стоявшій уже нѣсколько дней на рѣкѣ Валерикѣ, подошелъ къ Гехамъ съ другой стороны, и, послѣ усиленной канонады по опушкѣ, оба отряда вошли съ противоположныхъ сторонъ въ лѣсъ, худо защищаемый Чеченцами, соединились, стали въ немъ на бивакахъ и немедленно приступили къ вырубкѣ и истребленію лѣса, что производили съ 18-го по 24-е число, при ежедневной обоюдной канонадѣ и при непрерывныхъ перестрѣлкахъ и стычкахъ съ Чеченцами. При этомъ, ночью на 24-е, устроены были три плотины на рѣкѣ Валерикѣ для водопоя, при которомъ 26-го произошло жаркое дѣло, кончившееся сбитіемъ орудій непріятельскихъ и отраженіемъ нападенія его конницы.

27-го января, по окончаніи работъ, предъ выступленіемъ

войскъ изъ лагеря для возвращенія на зимнія ихъ квартиры, посланы были двѣ колонны, каждая изъ 4-хъ баталіоновъ, при 4-хъ орудіяхъ, за подъемными лошадьми, которыя при самомъ началѣ работъ были отправлены на линію и въ Воздвиженское укрѣпленіе, для удобнѣйшаго продовольствія. При обратномъ слѣдованіи первой колонны въ лагерь, горцы, собравшіеся въ числѣ до 3000 человекъ, бросались съ ожесточеніемъ на арріергардъ вездѣ, гдѣ пересѣченная мѣстность благоприятствовала дерзкимъ ихъ покушеніямъ; но войска, сохраняя примѣрное устройство, присоединились къ отряду безъ всякаго почти урона. Другая колонна встрѣчена была, 28-го января, на обратномъ пути въ Гехинскій лѣсъ, огромнымъ скопищемъ, простиравшимся до 10,000 человекъ. Но и здѣсь горцы не имѣли никакого успѣха, и храбрые егеря генераль-адъютанта князя Воронцова полка, отражая штыками всѣ нападенія непріятеля, прибыли въ лагерь въ стройномъ порядкѣ, достойномъ старыхъ Куринцевъ.

На другой день соединенные отряды генераль-лейтенанта Фрейтага и генераль-маіора Нестерова двинулись въ крѣпость Грозную по одной дорогѣ. Этимъ распоряженіемъ были обмануты ожиданія горцевъ, которые, полагая, что войска будутъ возвращаться раздѣльно по прежнимъ путямъ, сосредоточили главныя силы свои на сообщеніи генераль-маіора Нестерова. Между тѣмъ войска, слѣдовавшая по другому направленію, достигли крѣпости Грозной съ самою незначительною потерей и оттуда разошлись по квартирамъ.

Столь важное предпріятіе, обратившее на себя усилія всѣхъ сосѣдственныхъ въ горахъ обществъ, выславшихъ помощь Чеченцамъ по принужденію Шамиля, не могло быть исполнено безъ нѣкоторыхъ пожертвованій съ нашей стороны; но они съ избыткомъ вознаграждены пользою, которую принесло истребленіе Гехинскаго лѣса. Уронъ нашъ во все продолженіе этой экспедиціи, т. е. съ 15-го по 30-е января, состоялъ изъ одного офицера и 23-хъ нижнихъ чиновъ убитыми, 10-ти оберъ-офицеровъ и 200 нижнихъ чиновъ ранеными, не считая контуженныхъ.

По извѣстіямъ, подтверждавшимся со всѣхъ сторонъ, потеря, въ теченіе этого времени, горцевъ была весьма зна-

чительна: между прочими убитъ у нихъ извѣстный храбростью наибъ Маашъ и нѣсколько почетныхъ старшинъ.

Отрядъ нашъ въ 12 дней истребилъ и сжегъ 210 десятинъ лѣса, состоявшаго изъ вѣковыхъ дубовъ, изъ коихъ нѣкоторые были въ діаметръ болѣе двухъ аршинъ; при всей трудности этой работы, войска, дѣйствуя днемъ и ночью, въ короткое время успѣли расчистить просѣку шириною около двухъ верстъ. Пролегавшая прежде по Гехинскому лѣсу дорога была извилиста и невыгодна для движенія войскъ; теперь посрединѣ просѣки была разработана новая, удобная дорога.

Эти широкія дороги, проложенныя Фрейтагомъ чрезъ густые лѣса, подъ защитою которыхъ горцы единственно только могутъ намъ сопротивляться, имѣютъ и политическую и военную важность, открывъ не только легкія и вѣрныя сообщенія, но, такъ сказать, укрѣпивъ нашей власти значительную часть края, доставляя полную возможность желающимъ освободиться отъ вліянія Шамиля, исполнять свое намѣреніе, и быть съ нами въ мирѣ, безъ всякаго новаго развлеченія нашихъ силъ.

Разсматривая дѣйствія Чеченцевъ, нельзя не замѣтить, что они были крайне нерѣшительны и совершались какъ бы противъ воли: лѣсъ въ Гехахъ, какъ и прежде въ Гойтѣ, предназначенный для рубки, занятъ почти безъ выстрѣла; только съ 26-го января, по прибытіи присланныхъ Шамилемъ семи наибовъ съ многочисленнымъ скопищемъ горцевъ, Чеченцы принуждены были дѣйствовать заодно съ этими пришельцами, не оказывая однако привычнаго своего удалства и отваги. Вообще это истребленіе лѣсовъ въ Чечнѣ навело на туземцевъ видимую грусть.

« За успѣшную и полезную вырубку Гойтинскаго и Гехинскаго лѣсовъ » генераль-адъютантомъ княземъ Воронцовымъ, въ приказѣ по Корпусу отъ 29-го февраля 1846 года, за № 54-мъ, Фрейтагу объявлена *искренняя признательность*.

Вслѣдъ за этимъ онъ отличился еще блистательнѣе.

Водворившееся на Кавказѣ спокойствіе послѣ экспедиціи 1845 года прерывалось лишь частными, неудачными поисками горскихъ наибовъ. Самъ Шамиль оставался въ средоточіи волнуемаго имъ края. Между тѣмъ неудачи наибовъ,

истребленіе чеченскихъ лѣсовъ зимою и, наконецъ, обнаруженная Абадзехами склонность къ изъявленію покорности, составили рядъ неблагоприятныхъ для него событій.

Чтобы возстановить свое вліяніе въ горахъ, Шамиль отважился на предпріятіе дерзкое—напасть на центръ Кавказской линіи, мечтая распространить возмущеніе не только въ Кабардѣ, но даже за Кубань.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1846 года были получены свѣдѣнія, что горцы сосредоточили весьма сильное сборище въ Шали; что часть пѣшихъ Чеченцевъ собралась около Мичика и что вслѣдъ за тѣмъ Шамиль, съ большимъ скопищемъ, переправясь чрезъ Аргунъ, потянулся Гойтинскимъ лѣсомъ въ Малую Чечню.

Не извѣстны были въ точности намѣренія Шамиля; изъ неположительныхъ свѣдѣній, полученныхъ чрезъ лазутчиковъ, можно было предполагать, что онъ имѣлъ цѣлю, соединенными силами Чечни поднять Большую и Малую Кабарды, отложить Кабардинцевъ отъ подданства Русскихъ и овладѣть Военно-Грузинскою дорогою.

На всѣхъ пунктахъ съ нашей стороны были приняты соотвѣтствовавшія обстоятельствамъ мѣры.

Фрейтагъ, сдѣлавъ немедленно распоряженіе о сосредоточеніи войскъ Лѣваго фланга на рѣкѣ Сунжѣ, выступилъ 14-го апрѣля изъ крѣпости Грозной съ отрядомъ: изъ 6-ти баталіоновъ, 1000 казаковъ и 8-ми орудій, и пришелъ вечеромъ 15-го къ Казакъ-Кичу. Давъ войскамъ необходимый отдыхъ послѣ форсированнаго марша, онъ узналъ на другой день рано, что Шамиль, въ эту ночь, со скопищемъ отъ 15-ти до 20-ти тысячъ человѣкъ, при нѣсколькихъ орудіяхъ, перешелъ Сунжу. Фрейтагъ пустился за нимъ: 16-го прошелъ станицу Сунженскую и р. Ачалукъ, 17-го ночевалъ на рѣкѣ Курпѣ, а 18-го двинулся къ Тереку. Въ то время отрядъ полковника Левковича, собранный въ Александровской станицѣ, вступилъ уже въ жаркій бой на переправѣ съ передовымъ пяти-тысячнымъ скопищемъ Шамиля, но долженъ былъ отступить къ Уруху для охраненія сообщенія съ Военно-Грузинскою дорогою. Фрейтагъ, идя быстро по слѣдамъ непріятеля, скоро настигъ у Эльхотова-аула двухъ наибовъ, отбилъ 500 арбъ съ награбленнымъ имуществомъ жителей и 2500 штукъ рогатаго

скота, и расположился лагеремъ противъ позиціи Шамиля у входа въ Минаретское ущелье; 19-го перешелъ къ станицѣ Николаевской, куда въ тотъ же день прибылъ отрядъ полковника Нестерова, отрядивъ часть войскъ подъ начальствомъ полковника барона Меллера-Закомельскаго къ Уруху на соединеніе съ отрядомъ полковника Левковича, а 20-го преслѣдовалъ главное скопище до укр. Черекскаго, гдѣ расположился лагеремъ, отряжая кавалерійскія партіи для наблюденія за непріателемъ. 25-го онъ сдѣлалъ усиленную рекогноспировку главной непріятельской позиціи, но Шамиль на другой день рано поспѣшно бѣжалъ. Фрейтагъ двинулся къ Уруху, откуда пошелъ къ Тереку, дабы предупредить Шамиля гдѣ нибудь на переправахъ чрезъ рѣки, но онъ бѣжалъ такъ скоро, что даже Назрановскій отрядъ, стоявшій для наблюденія у Минаретскаго ущелья и бросившійся 26-го на перерѣзъ къ р. Апалуху, едва могъ настигнуть остатки скопища на Сунжѣ близъ аула Самашки. 28-го апрѣля Фрейтагъ возвратился въ Грозную.

Такимъ образомъ, въ десять дней, съ 16-го по 26-е апрѣля, онъ, съ своимъ малымъ отрядомъ, неумоимо преслѣдуя Шамиля, разрушилъ замыслы его возбудить мятежь среди племенъ, давно уже покоренныхъ нашимъ оружіемъ, и благоразумными распоряженіями и неумоимою его дѣятельностію возстаніе въ Кабардѣ, могшее имѣть весьма вредное вліяніе на всѣ подвластныя намъ племена, было подавлено. вмѣсто блестящихъ результатовъ, которыхъ ожидалъ Шамиль отъ своей экспедиціи, онъ едва не подвергъ совершенному истребленію свои многочисленныя скопища, и долженъ былъ поспѣшно бѣжать въ Чечню, чтобы укрыться отъ преслѣдованія нашихъ войскъ. Распустивъ часть своей пѣхоты, приказавъ ей малыми партіями пробраться, какъ могутъ, въ свои дома, Шамиль ночью скрылся съ позиціи своей въ Черекскомъ ущельѣ, при входѣ въ которое стоялъ Фрейтагъ, и безъ отдыха, всю ночь, шелъ на переправу чрезъ Терекъ. Фрейтагу невозможно было туда за нимъ поспѣть, и, оставивъ свою пѣхоту подъ командою подполковника Кульмана, онъ пошелъ вслѣдъ за Шамилемъ со всею своею кавалеріею; но Шамиль рано, 27-го числа былъ уже на Сунжѣ и распустилъ все свое сборище.

«*Я ходилъ по Кабардѣ по слѣдамъ Шамиля*», —

говоритъ Фрейтагъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, — «*обширны были его замыслы и немного недоставало, чтобы замыслы его исполнились; но, благодаря Бога, все кончилось хорошо; оно могло бы кончиться гораздо лучше для насъ, Шамиль долженъ былъ потерять свои пушки. Преслѣдуя Шамиля, когда онъ бѣжалъ изъ Кабарды, я въ 32 часа сдѣлалъ около 150 верстъ, изъ этого числа верстъ 90 по безводному пространству. Шамиль бѣжалъ шибче меня; я его не догналъ!*»

Отрядъ Фрейтага, за присоединеніемъ всѣхъ частей оставшихся сзади, состоялъ всего изъ 5½ баталіоновъ, 10-ти орудій и 7-ми сотенъ казаковъ. Съ переходомъ за Терекъ, Фрейтагъ долженъ былъ дѣйствовать въ краѣ мало ему знакомомъ. Народонаселеніе, взволнованное прокламаціями Шамиля, оказывало намъ явную вражду.

Шамиль, съ своей стороны, употреблялъ всѣ средства, чтобы ввести въ заблужденіе противника: распускалъ ложные слухи, дѣлалъ скрытыя движенія, посылалъ партіи совершенно въ противоположную сторону, съ цѣлію отвлечь туда нашъ отрядъ; но куда не обращался онъ, передъ нимъ блестѣли русскіе штыки и какъ грозное привидѣніе стоялъ его всегдашній, неизбѣжный врагъ, не въ первый уже разъ разрушавшій самыя дерзкія его предпріятія, самыя блестящія надежды!

«*Надобно признаться*», — писалъ князь Воронцовъ къ Фрейтагу, — «*вы настоящій бичъ Шамиля. Какъ скоро онъ затѣваетъ что-нибудь сильнаго, вы тутъ какъ тѣнь передъ его глазами. Онъ долженъ васъ ужасно ненавидѣть*».

Въ приказѣ, отданномъ по Отдѣльному Кавказскому и 5-му пѣхотному корпусамъ, отъ 29-го апрѣля 1846 года, главнокомандовавшій, поименовывая всѣхъ частныхъ начальниковъ, способствовавшихъ къ отраженію вторженія, говорилъ, что «*считаетъ пріятнѣйшимъ долгомъ отдать полную справедливость и истинную свою признательность во-первыхъ—генералъ-лейтенанту Фрейтагу, котораго скорое и рѣшительное движеніе вслѣдъ за Шамилемъ съ самага начала рѣшило неудачу его предпріятія.*»

Въ то же время эти «благоразумныя, рѣшительныя мѣры» имъ принятыя, «равно какъ усиленные труды, понесенныя при преслѣдованіи возмутителя, коего всѣ замыслы были его распорядительностію уничтожены» *), обратили на Фрейтага *особенное Монаршее вниманіе* Государя Императора, въ ознаменованіе котораго, 12-го сентября 1846 года, онъ Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 1-й степени.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда построеніе новаго укрѣпленія на Ачкоѣ происходило самымъ успѣшнымъ образомъ, Шамиль, вѣроятно, видя, что не можетъ этому препятствовать, спустился на Кумыкскую плоскость, и сначала обратился къ укрѣпленіямъ на Ярыкъ-Су; но, будучи отраженъ, направился къ крѣпости Везапной, отъ которой, послѣ пустой перестрѣлки, отступилъ. Въ это время Фрейтагъ быстро собралъ войска и 5-го іюля двинулся изъ Ташъ-Кичу въ Хасавъ-Юртъ. Шамиль, услышавъ объ его приближеніи, 6-го числа поспѣшно отступилъ, распустилъ сборище и возвратился домой, такъ что и наши войска были тотчасъ же распущены.

Зимою 1846 года Фрейтагъ получилъ приказаніе главнокомандовавшаго истребить Алдинскіе хутора въ Малой Чечнѣ.

Хутора эти, лежавшіе верстахъ въ 12-ти на югъ отъ крѣпости Грозной по рѣкѣ Гойтѣ, были разсѣяны по густому лѣсу на пространствѣ шести верстѣ, заключаая болѣе 3000 дворовъ самаго непокорнаго населенія Чечни, всегда оставались непреклонными во враждѣ противъ насъ, подѣ начальствомъ преданнаго Шамилю наиба Сайбдуллы, и служили притономъ мятежническихъ шаекъ.

Отъ неожиданности набѣга зависѣлъ весь успѣхъ дѣла. Фрейтагъ старался скрыть предположеніе свое, и за нѣсколько дней до исполненія предпріятія онъ устроилъ охоту къ сторонѣ Алды, во время которой, съ небольшою возвышенности, съ помощію зрительной трубы, обозрѣлъ мѣстность для своихъ дѣйствій. Распустивъ слухъ, что идетъ въ Большую Чечню, къ аулу Шали, онъ выступилъ изъ

Грозной 14-го декабря. Никто не зналъ, куда дѣйствительно идти; всѣ предполагали, что идутъ въ Воздвиженское укрѣпленіе, на соединеніе съ другими войсками, какъ вдругъ Фрейтагъ далъ отряду, состоящему изъ 7-ми баталіоновъ, 12-ти орудій и 6-ти сотенъ казаковъ, направленіе въ Алды.

Въ тотъ же день Фрейтагъ приказалъ полковнику барону Меллеру-Закомельскому двинуться къ Алдѣ изъ укрѣпленія Воздвиженскаго, съ двумя баталіонами, 140 казаками, при двухъ орудіяхъ.

Алдинцы, считая себя безопасными въ своихъ лѣсахъ, не допускали и мысли, чтобы русскія войска могли проникнуть къ нимъ, а потому никогда не заботились о мѣрахъ для обезопасенія своихъ семействъ и имуществъ.

Отрядъ, почти безъ выстрѣла, проникъ въ лѣса къ хуторамъ, и, соединившись съ колонною, прибывшею изъ Воздвиженскаго, расположился лагеремъ на рѣкѣ Мартанѣ.

Шамиль, при первомъ извѣстіи о сборѣ отрядовъ, началъ принимать мѣры къ отраженію нашихъ войскъ и направилъ свои скопища къ рѣкѣ Аргуну. Узнавъ потомъ, что генераль-лейтенантъ Фрейтагъ двинулся къ Алдамъ, Чеченцы бросились догонять наши войска, но едва успѣли завязать перестрѣлку съ арріергардомъ. Жители могли только увезти семейства свои, оставивъ все имущество и запасы хлѣба въ нашихъ рукахъ; многіе изъ нихъ и сами попались въ плѣнъ, а другіе были убиты при занятіи.

15-го числа Фрейтагъ отрядилъ колонну, изъ 4-хъ баталіоновъ пѣхоты съ кавалеріею, подѣ начальствомъ полковника барона Вревскаго, для истребленія близлежащихъ ауловъ. Съ выступленія войскъ съ рѣки Мартани большая партія Чеченцевъ собралась для защиты хуторовъ и открыла сильный огонь. Грузинскій гренадерскій баталіонъ, находившійся въ головѣ колонны, былъ посланъ вытѣснить непріятеля изъ сакель; штабсъ-капитанъ Шаликовъ съ гренадерами ударилъ въ штыки, и Чеченцы разбѣжались, оставивъ на мѣстѣ тѣла убитыхъ. По истребленіи запасовъ хлѣба и сѣна и по сожженіи жилищъ полковникъ баронъ Вревскій воротился въ лагерь.

Фрейтагъ, не желая дать время Алдинскимъ жителямъ вывезти имущество и запасы изъ прежнихъ хуторовъ, отрядилъ тотчасъ же другую колонну, такой же силы, подѣ

*) Слова Высочайшей грамоты на орденъ Св. Анны 1-й степени.

начальствомъ барона Меллера-Закомельскаго, вверхъ по рѣкѣ Мартану. Непрiятель, показавшійся противъ этихъ войскъ, огнемъ артиллерiи былъ немедленно разсѣянъ, и разоренiе хуторовъ производилось при незначительной перестрѣлкѣ.

16-го, 17-го и 18-го чиселъ продолжалось истребленiе окрестныхъ жилищъ и запасовъ хлѣба и сѣна, безъ всякой съ нашей стороны потери. Скопища горцевъ, ожидавшiя наши войска за Аргуномъ, убѣдившись въ невозможности защищать Алдинскiе хутора и имѣя недостатокъ въ продовольствiи, разошлись по домамъ.

19-го числа Фрейтагъ разорилъ пять значительныхъ хуторовъ и захватилъ до ста штукъ рогатаго скота. 20-го — съ лагернаго расположенiя была послана сильная колонна, для разсѣянiя партiи Чеченцевъ, подъ начальствомъ наиба Нурали и для истребленiя значительнаго аула Рошня. Не смотря на желанiе Чеченцевъ защитить жилища, войска наши быстро ворвались въ аулъ, сожгли всѣ запасы хлѣба и сѣна, истребили сакли и захватили 150 штукъ рогатаго скота и 500 барановъ. 21-го и 22-го продолжалось разоренiе хуторовъ безъ всякой почти потери съ нашей стороны.

Наконецъ, 23-го числа, Фрейтагъ, окончивъ возложенное на него порученiе, истребивъ всѣ аулы и хутора въ Алдинскомъ лѣсу, двинулся съ войсками внизъ по рѣкѣ Мартану къ Сунжѣ, прорубивъ просѣку для свободнаго движенiя во всякое время года, переправился около Злобнаго окопа, чрезъ эту рѣку и возвратился въ крѣпость Грозную, откуда войска были распущены на зимнiя квартиры.

Уничтоженiе Алдинскихъ и другихъ хуторовъ имѣло весьма благоприятныя послѣдствiя. Чеченцами овладѣлъ какой-то паническiй страхъ, и, можно сказать, что на разстоянiи десяти верстъ отъ лагернаго мѣста отряда не осталось ни одной осѣдлой души.

Нѣкоторые изъ жителей разоренныхъ ауловъ перешли къ намъ; но большая часть, не смотря на желанiе покориться, переселилась, по принужденiю наибовъ, къ подножiю Черныхъ горъ. Вообще этими дѣйствiями были очищены окрестности крѣпости Грозной отъ безпокойныхъ сосѣдей.

Государь Императоръ, « по засвидѣтельствованiю главно-

командовавшаго объ отлично-усердной и полезной службѣ Фрейтага и неутомимыхъ трудахъ, понесенныхъ при разоренiи Алдинскихъ хуторовъ и при истребленiи Галашевскихъ ауловъ », Всемилостивѣйше пожаловалъ его, 3-го iюня 1847 года, кавалеромъ ордена Св. Анны первой степени, Императорскою короною украшеннаго.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1847 года Фрейтагъ двинулся съ отрядомъ изъ Грозной къ Заканъ-Юрту и далѣе къ Казакъ-Кичу, но 6-го мая воротился въ крѣпость. За то зимою, онъ снова началъ свои успѣшныя дѣйствiя противъ Чеченцевъ.

17-го ноября, по распоряженiю главнокомандовавшаго, онъ съ отрядомъ: изъ 9-ти баталiоновъ пѣхоты, 450-ти казаковъ и 16-ти орудiй выступилъ изъ крѣпости Грозной въ укрѣпленiе Воздвиженское, имѣя главною цѣлю истребленiе нѣкоторыхъ ауловъ Малой-Чечни, а также расчистку старыхъ, вырубленныхъ въ прежнiя экспедици, просѣкъ.

Гойтинскiй лѣсъ, вырубленный въ 1845 году, по необыкновенной растительности въ краѣ, значительно заросъ, въ особенности часть просѣки, ближайшая къ Черной Полянѣ между рукавами Гойты. Пространство это, для ускоренiя растительности, было ежегодно наводняемо Чеченцами искусственнымъ образомъ. Чтобы отнять возможность наводнять низменную мѣстность вырубленной части лѣса и имѣть переправу на рѣкѣ Гойтѣ въ рукахъ, Робертъ Карловичъ предложилъ выстроить башню.

Фрейтагъ, назначивъ часть войскъ для расчистки просѣки, вмѣстѣ съ тѣмъ отрядилъ колонны для уничтоженiя Джарганъ-Юртовскихъ хуторовъ, которые на нѣсколько верстъ тянутся отъ лѣса Черной Поляны, внизъ по Мартану и между рѣкою Гойтою и Мартаномъ, соединяясь съ бывшими Алдинскими хуторами.

Истребленiе хуторовъ (при чемъ, между прочимъ, полковникъ князь Барятинскiй, нынѣшнiй главнокомандующiй, имѣлъ перестрѣлки съ горцами), рубка лѣса, расширенiе и расчистка просѣкъ продолжались съ 18-го по 29-е ноября, при непрерывныхъ перестрѣлкахъ съ Чеченцами.

Въ декабрѣ 1847 года, для возобновленiя военныхъ дѣйствiй въ Чечнѣ, генералъ Фрейтагъ съ тѣмъ же отрядомъ, 3-го числа, двинулся изъ крѣпости Грозной на р. Гойту, съ

цѣлю истребить хутора, лежащія по этой рѣкѣ. Непрiятель оказалъ сначала сильное сопротивленiе. При сожженiи хуторовъ Чеченцы, пользуясь мѣстностью, смѣло подползали къ нашей цѣпи на пистолеетный выстрѣлъ; но когда пламя охватило сакли, Чеченцы отступили.

Съ 6-го по 13-е декабря, войска жгли хутора, занимались расчисткою лѣса и истребленiемъ саклей, уцѣлѣвшихъ въ сожженныхъ хуторахъ. Такимъ образомъ: 4-го — истребленъ аулъ Геленъ-Гойта, при чемъ троекратныя атаки Чеченцевъ отражены съ потерею; 6-го — истребленъ хуторъ наибо Сайбдулы; 8-го — Мартановскiе хутора; 14-го — аулъ Бочарой, а 15-го — хутора вверхъ по правой сторонѣ рѣки Гойты.

Остановимся на истребленiи предпоследняго аула.

Почти все Чеченцы, жившiе между рѣками Мартаномъ и Гойтою, такъ же какъ и въ прошломъ году, отправляли свои семейства за Аргунь; только въ аулъ Бочарой оставались жители, потому что Чеченцы считали это мѣсто недоступнымъ для нашихъ войскъ. Дѣйствительно, аулъ этотъ, по положенiю своему, былъ одинъ изъ самыхъ крѣпкихъ въ Малой Чечнѣ. Фрейтагъ хотя и зналъ, что истребленiе Бочароя можетъ быть сопряжено съ большою потерею, но, желая совершенно вытѣснить Чеченцевъ изъ пространства между Мартаномъ и Гойтою, рѣшился назначить для этой цѣли отрядъ изъ всехъ бывшихъ у него казаковъ, 5-ти баталiоновъ пѣхоты и 8-ми орудiй. На другой день отрядъ, съ небольшою потерею, исполнивъ разоренiе Бочароя, возвратился въ лагерь.

Съ 15-го по 22-е декабря ежедневно посылались изъ лагеря колонны по рѣкѣ Гойтѣ, для истребленiя лѣса по дорогѣ къ разоренному аулу Урусъ-Мартану. Чеченцы не препятствовали работамъ нашихъ войскъ, но сильныя морозы замедлили успѣхъ вырубкы лѣса.

23-го декабря войска возвратились на свои квартиры.

Въ январѣ и февралѣ 1848 года отрядъ изъ 8-ми баталiоновъ, 10-ти орудiй и 170-ти казаковъ, подъ начальствомъ Фрейтага, занимался расчисткою большою Русскою дорогою отъ укрѣпленiя Воздвиженскаго до рѣки Гехи, и оттуда къ укрѣпленiю Ачхою. Къ 18-му февраля, привелъ дорогу эту въ такое состоянiе, что войска наши могли во всякое время

свободно двигаться по ней, отрядъ возвратился въ Грозную. За отличныя подвиги и благоразумную распорядительность, оказанныя во время этихъ зимнихъ экспедицiй въ Чечню, Фрейтагъ Всемилостивѣйше пожалованъ, 29-го апрѣля 1848 года, кавалеромъ ордена Св. Владимiра 2-й степени.

Но эти экспедицiи въ то же время были заключенiемъ дѣятельной и славной десяти-лѣтней службы генераль-лейтенанта Фрейтага на Кавказѣ: 12-го апрѣля 1848 года онъ назначенъ генераль-квартирмейстеромъ дѣйствующей армiи, при чемъ Всемилостивѣйше ему пожаловано 5,000 рублей серебромъ.

Фрейтагъ прибылъ въ Варшаву 14-го iюля, въ то время, когда корпуса дѣйствующей армiи, приведенныя въ военный составъ, стягивались къ западной границѣ.

Въ апрѣлѣ 1849 года войска наши вступили въ предѣлы Австрiи для поданiя помощи императору Францу Iосифу противъ венгерскихъ мятежниковъ. Эта война, столь блистательно оконченная въ шесть недѣль безусловною сдачею 40-тысячной непрiятельской армiи, была ведена по главнымъ предначертанiямъ и подъ личнымъ начальствомъ князя Варшавскаго. Фрейтагъ, какъ генераль-квартирмейстеръ армiи, состоя при особѣ главнокомандовавшаго, былъ исполнителемъ его приказанiй.

Необыкновенная ясность въ изложенiи предположенiй фельдмаршала, спокойствiе при приведенiи ихъ въ исполненiе, отличали Фрейтага. Въ сраженiяхъ подъ Вайценомъ 5-го iюля и Дебречиномъ 21-го iюля нельзя было не узнать генерала, взрослога среди опасностей Кавказа: Фрейтагъ избиралъ для своихъ наблюденiй курганъ или возвышенiе, командуемое непрiятельскою позицiею и, слѣдовательно, служившее цѣлю его выстрѣловъ. Не замѣчая опасностей и какъ бы забывая все окружающее, онъ слѣдилъ за движенiемъ непрiятеля; съ необыкновенною быстротою и ясностию угадывалъ намѣренiя противника, быстро и отчетливо исполнялъ приказанiя князя Варшавскаго.

Государь Императоръ наградилъ Фрейтага, за Венгерскую войну, Всемилостивѣйшимъ пожалованiемъ ордена Св. Георгiя 3-й степени.

Въ iюлѣ 1850 года Фрейтагъ, пользовавшiйся до тѣхъ

поръ цвѣтущимъ здоровьемъ, внезапно заболѣлъ и, не смотря на старанія врачей и пребываніе на водахъ въ Карлсбадѣ, слѣдующимъ лѣтомъ, къ общему сожалѣнію, скончался 27-го сентября 1851 года.

При вѣсти о смерти Роберта Карловича, на рѣсницѣ князя Варшавскаго повисла слеза искренняго сожалѣнія.

Незабвенный Государь Императоръ Николай Павловичъ, Высочайше повелѣть соизволилъ, вдовѣ Фрейтага, нераздѣльно съ трехъ-лѣтнею дочерью, производить ежегодно по 3,000 рублей серебромъ пенсіи.

Жизнь Роберта Карловича, замѣчательная въ военномъ отношеніи, можетъ также служить образцомъ жизни частнаго человѣка. Примѣрный сынъ — онъ лелѣялъ старость матери и былъ опорой братьевъ и сестеръ; сдѣлавшись семьяниномъ — онъ посвятилъ себя счастью небольшой своей семьи.

Женитьба съ молодыхъ лѣтъ было любимую мечтою Фрейтага; съ первыхъ дней офицерства онъ часто говорилъ о семейной жизни, какъ объ единственномъ счастіи, которое допускаетъ. *«Такъ какъ изъ двухъ любимыхъ мечтаній моихъ, — быть фельдмаршаломъ или жениться,»* — говоритъ Фрейтагъ въ одномъ изъ писемъ къ своей матери, — *мнѣ кажется гораздо легче достигнуть положенія счастливаго мужа, нежели счастливаго завоевателя; то ради Бога, милая матушка, жените меня поскорѣе — и вамъ и мнѣ будетъ отъ этого лучше: я буду писать къ вамъ чаще!»*

Эта мечта, такъ долго лелѣянная, исполнилась только на 44-мъ году его жизни, и совершенно нечаянно. — 7-го апрѣля 1845 года, когда Робертъ Карловичъ собирался выѣхать изъ Петербурга, по окончаніи даннаго ему отпуска, и пришелъ проститься къ тайному совѣтнику Беклемишеву, онъ просидѣлъ вечеръ у почтеннаго старца, и впервые ознакомился съ дочерью его, Марією Петровною, которую до тѣхъ поръ видѣлъ только мелькомъ. Это рѣшило судьбу Фрейтага. Нельзя не замѣтить странной случайности, что и дѣвица Марія Петровна Беклемишева была приглашена въ этотъ вечеръ къ одной изъ своихъ знакомыхъ, но по какому-то безотчетному желанію осталась дома. Свадьба его съ дочерью Беклемишева рѣшена была на другой день, а чрезъ

нѣсколько дней Фрейтагъ съ женою скакалъ на Кавказъ.

При этомъ скажемъ, что дѣвица Марія Петровна Беклемишева, наканунѣ дня своей свадьбы, была пожалована во фрейлины Двора Ея Императорскаго Величества. «Государю Императору благоугодно было сею высокою милостию почитать прежнюю вашу усердную и отличную службу, а также поощрить Ваше Превосходительство къ достохвальному прохожденію оной», — писалъ военный министръ къ генералу Фрейтагу, препровождая шифръ фрейлины для его невѣсты. Кромѣ того ему, по случаю женитьбы, Всемилостивѣйше пожаловано одновременно 2,000 рублей серебромъ.

Такимъ образомъ, завѣтная мечта Роберта Карловича о семейномъ счастіи вполне осуществилась!...

«Съ тѣхъ поръ какъ я женатъ» — говоритъ Фрейтагъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Беклемишеву, — *«крѣпость Грозная сдѣлалась для меня земнымъ раемъ и на всѣ возгласы философовъ, что на землѣ нѣтъ счастія, я могу отвѣчать утвердительно: они врутъ! Съ каждымъ днемъ мы больше и больше привязываемся другъ къ другу, съ каждымъ днемъ теплѣе и теплѣе молюсь наши къ Всевышнему; мы просимъ Его объ одномъ: не отнимать у насъ того, что мы имѣемъ. Не знаю, чѣмъ я заслужилъ свое счастіе; дочь ваша — моя святыня и я берегу ее какъ свою совѣсть!...»*

Вскорѣ Фрейтагъ сдѣлался отцемъ; но Господь, по неисповѣдимымъ судьбамъ, испыталъ сердце его горемъ: въ августѣ мѣсяцѣ 1847 года онъ потерялъ 14-ти мѣсяцевъ дочь. Сохраняемъ замѣчательное письмо его по этому случаю къ Беклемишеву; — *«Вы понесли много потерь, испытали, что значитъ терять дѣтей,»* — говоритъ Робертъ Карловичъ, — *«но, можетъ быть, вы не испытали, какъ тяжело жить съ внутреннимъ убѣжденіемъ, что ребенокъ умретъ. Съ 5-го іюля, ни на одну секунду я не могъ утѣшить себя мыслию: «Всевышній милостивъ, онъ оставитъ тебѣ ребенка!» Я молился объ этомъ; но внутренній голосъ говорилъ мнѣ: «Богъ не услышитъ твоей молитвы — Наташа умретъ!»*

Вскорѣ Господь утѣшилъ горестъ отца: у него родилась вторая дочь,—единственный ребенокъ, оставшійся отъ счастливаго супружества. — Робертъ Карловичъ любилъ это дитя безъ памяти.

Однако, никогда любовь къ семьѣ не затемняла для Фрейтага служебныхъ обязанностей.

Во время пребыванія своего въ Гойтинскомъ лѣсу, онъ почти каждый день писалъ къ женѣ, оставшейся въ Грозной. Въ перепискѣ этой, проникнутой какой-то особенной простотой и теплымъ чувствомъ, отражается вполне кроткая, любящая и благородная душа Фрейтага; но въ то же время онъ говоритъ: *«Не рассчитывай и не обманывай себя, чтобы мы могли скоро увидѣться:—сколько бы я не любилъ тебя, но ни на одну минуту не рѣшусь оставить отряда, участь котораго зависитъ отъ меня!»*

Одинъ разъ колонна, посланная изъ лагеря въ Грозную, долго не возвращалась. Фрейтагъ ожидалъ получить съ нею письмо отъ жены: *«Окончивъ обѣдъ,—пишетъ онъ, — я началъ ожидать колонны и письма. Ты знаешь, что я нетерпливъ: до 5 часовъ я еще крѣпился, но долѣе выдержать не могъ; — уже смеркалось—колонны нѣтъ. Я началъ сильно беспокоиться, посылалъ послушать въ цѣпь, не слышно ли приближенія войскъ; но вездѣ тихо.—Я велѣлъ приготовить баталіонъ, чтобы съ первымъ выстрѣломъ бѣжать на помощь и если бы въ это время спросили, чего я жду съ большимъ нетерпѣніемъ—письма или колонны? — я бы сказалъ, если бы сказалъ письма!...»*

Мы говорили о мнѣніи, которое имѣли о немъ доблестный фельдмаршалъ князь Варшавскій и славный корпусный командиръ Головинъ; награды же, полученныя отъ Всемилостивѣйшихъ щедротъ, служатъ доказательствомъ милостиваго вниманія къ нему и незабвеннаго Государя Императора.

Въ то же время рѣдкій умъ, глубокое понятіе о чувствѣ долга, необыкновенная скромность, прямодушіе, высокая честность, всегда спокойный и одинаково ровный характеръ, — составлявшіе отличительныя его качества,—привязывали къ

Роберту Карловичу всякаго, кто только къ нему приближался.

По окончаніи Польской войны, Варшава, въ отношеніи общественной жизни, представляла для Русскихъ совершенно чужой городъ и потому все русское, какъ и нынѣ, связано было между собою тѣсною дружбою. вмѣстѣ дѣлили горе и радость. Фрейтагъ былъ душою тогдашняго русскаго кружка въ столицѣ Польши. Всѣ любили его: при частномъ горѣ или невзгодѣ каждый спѣшилъ къ *Нѣмцу* (такъ звали его товарищи) за добрымъ словомъ. Ежедневно въ 3 часа въ квартиру Фрейтага собирались къ обѣду добрыя его пріятели: то была дружеская, товарищеская артель.—*«Я счастливъ, я очень счастливъ,—писалъ Фрейтагъ объ этомъ времени,—любовь моихъ товарищей балуетъ меня!»*

Присутствіе духа въ опасности, рѣшительность и быстрота въ принятіи мѣръ, для достиженія цѣли и вообще качества предводителя, соединялись въ немъ съ неустрашимостію солдата, съ умѣньемъ легко переносить труды и лишенія, равнодушно встрѣчать опасность.

Во время дѣла Фрейтагъ сохранялъ совершенное спокойствіе; умѣлъ быстро и удачно пользоваться обстоятельствами; вѣрно судилъ о противникахъ и ихъ намѣреніяхъ; въ отрядѣ соблюдалъ строгую дисциплину и отечески заботился о подчиненныхъ, умѣвшихъ цѣнить его высокія достоинства.

Во время дѣла онъ находился всегда въ огнѣ; если же на какомъ либо мѣстѣ сраженія обнаруживалось разстройство, онъ тотчасъ скакалъ туда и, не обращая вниманія ни на какую опасность, личнымъ присутствіемъ и распоряженіями старался привести въ порядокъ разстроенную часть войскъ.

Въ то же время Фрейтагъ разумѣлъ свойство русскаго солдата: умѣлъ одушевить его, возбудить въ немъ благородное соревнованіе, умѣлъ сдѣлать его героемъ.

Поэтому экспедиціи, совершаемыя подъ начальствомъ Фрейтага, были дѣйствительно праздникомъ для войскъ, расположенныхъ на Лѣвомъ флангѣ.

Любили солдаты Фрейтага, и въ честь любимаго отца-командира послѣ Кабардинской экспедиціи сложили пѣсню,

которая и до сихъ поръ поется въ Куринскомъ полку и на Лѣвомъ флангѣ. Вотъ она:

Съ нами Богъ и Фрейтагъ съ нами,
Кто жъ насъ можетъ утратить?
Къ громкой славѣ путь штыками,
Мы умѣемъ проложить.

Наша грудь всегда готова,
Встрѣтить вражескую рать,
Полкъ отважный Воронцова,
Не учился отступать!

Лишь увидимъ супостата,
Кровь взиграется волной,
И мы вслѣдъ штыка-булата,
Полетимъ въ кровавый бой!

Ужъ Шамилевой флангѣ
Мы потачки не дадимъ;
И у насъ, на Лѣвомъ флангѣ,
Мало будетъ пользы имъ!

Сколько разъ Шамиль пытался
Къ намъ врываться; но вездѣ
Съ длиннымъ носомъ оставался,
Какъ остался въ Кабардѣ!

Въ Кабарду онъ шелъ открыто,
Тамъ онъ Фрейтага не ждалъ;
«Безъ него жъ плоха защита!»
Возмутитель разсуждалъ.

«Фрейтагу вѣдь нужды мало,
«Что иду я въ Кабарду;
«А другаго генерала
«Вѣрно тамъ я не найду!

«Кабарда пойдетъ за мною,
«И платить мнѣ станетъ дань;
«А какъ это я устрою,
«Путь направлю за Кубань,

«Если же мое вліянье
«Переброшу и туда;
«То всеобщее возстанье
«Я устрою безъ труда.»

Направляясь въ центръ Кавказа,
Такъ Шамиль воображалъ;
Но нашъ Фрейтагъ въ оба глаза
За врагами наблюдалъ.

Въ мигъ одинъ войска собрались,
Фрейтагъ двинулъ насъ впередъ;
Въ цѣлой Грозной лишь остались
Слабый, да хромою народъ.

Но у насъ, вѣдь, и калѣки
Могутъ крѣпость защищать;
Ни мюриды, ни абреки
Ихъ не въ силахъ утратить!

Безъ вожатыхъ, безъ дороги,
Фрейтагъ велъ насъ въ Кабарду,
Путь указывали боги,
Кабардинцамъ на бѣду.

Намъ трофеями достался
Кабардинцевъ весь обозъ;
А Шамиль домой убрался,
Въ дуракахъ, повѣся носъ!

Нѣтъ, голубчикъ, ты напрасно
Затѣваешь всякій вздоръ!
Съ нами вѣдаться опасно
Тамъ, гдѣ нѣтъ лѣсовъ и горъ!

Выводи на чистое поле
Всю Чечню и всѣхъ Лезгинъ;
Нашъ солдатъ по доброй воли,
Противъ трехъ пойдетъ одинъ.

Гдѣ же Фрейтагъ будетъ съ нами,
Мы готовы съ нимъ идти,
Безъ патроновъ, со штыками,
Каждый противъ десяти!

Въ войнѣ съ горцами, при движеніи войскъ въ горахъ и лѣсахъ, самое трудное дѣло — арріергарда и боковыхъ цѣпей. Съ радостью брали на себя эту обязанность Куринцы! Тамъ, гдѣ сильнѣе напиралъ Чеченецъ, тамъ являлся Фрейтагъ и смѣло шли Куринцы впередъ!

Они сложили въ честь любимаго командира и другую солдатскую пѣсню, съ которою весело брали неприступные завалы, напѣвая хоромъ:

«Вотъ Куринцы впереди,
Храбрый Фрейтагъ подожди,
Нуженъ ты Царю!...
Нуженъ ты Царю!...»

Вообще въ отрядѣ Фрейтага тотъ, кто не принималъ дѣятельнаго участія въ бою, со всею искренностію завидовалъ находившимся впереди, въ непосредственной схваткѣ съ непріятелемъ. Такъ, напримѣръ, при пораженіи горцевъ подъ стѣнами Низоваго укрѣпленія, когда кавалерія ходила въ атаку, пѣхота бѣжала за нею, чтобы принять участіе въ бою. *«Все лучше быть поближе къ непріятелю»*, — говорили Куринцы, — *«неравно казаки пропадутъ безъ насъ!...»*

Не можемъ не привести при этомъ анекдотъ, характеризующій любовь русскаго солдата къ начальнику, котораго онъ умѣетъ цѣнить.

Ежедневно Фрейтагъ имѣлъ обыкновеніе—съ небольшимъ конвоемъ выѣзжать изъ Грозной, удаляясь отъ стѣнъ ея версты на три и, достигнувъ рѣчки Нефтянки, онъ возвращался обыкновенно въ крѣпость. Въ одинъ день, подъѣзжая къ крутому, обросшему лѣсомъ берегу Нефтянки, казаки открыли въ кустахъ нѣчто въ родѣ засады. Подъѣхавъ ближе, Фрейтагъ узналъ своихъ Куринцевъ. На вопросъ: *«зачѣмъ они здѣсь?»* Куринцы отвѣчали, что *«по отъѣздѣ его изъ крѣпости разнесся слухъ, что Чеченцы готовятъ на рѣчкѣ засаду, чтобы подстеречь и убить Фрейтага, и что они, въ числѣ сотни человекъ, не ожидая особыхъ приказаній, схвативъ ружья, прибѣжали, чтобы предупредить врага.»*

Привѣтливый и обходительный нравъ Фрейтага много способствовалъ къ усиленію привязанности къ нему всѣхъ окружающихъ.

Въ экспедиціяхъ при однообразной и исполненной всякихъ лишеній, бивуачной жизни, среди дремучаго лѣса, гдѣ единственнымъ развлеченіемъ были перестрѣлки съ Чеченцами, каждый вечеръ у костра генерала собиралось большое общество—разговаривали, шутили, пѣли и время проходило незамѣтно; привѣтливость Фрейтага одушевляла всѣхъ неподдѣльнымъ весельемъ. *«Въ походъ радость прилипчива,»* — говорилъ Фрейтагъ, — *«она передается весьма легко. Если солдаты увидятъ, что начальникъ всегда пасмуренъ, то и у нихъ сдѣлается пасмурно на душѣ.»*

«Безпечность, — писалъ еще въ молодости Робертъ

Карловичъ своей матери, — *конечно, порокъ, но во мнѣ замѣняетъ добродѣтель, и составляетъ основаніе моего веселаго расположенія духа.»*—Это была сущая правда.

Но, спокойный и безпечный по наружности, Фрейтагъ не упускалъ изъ виду ни малѣйшихъ обстоятельствъ, могущихъ имѣть вліяніе на безопасность отряда: *«У меня много заботы,»* — писалъ онъ однажды, — *«и есть о чемъ подумать; подушка часто вертится у меня подъ головою, когда все спитъ вокругъ, — это не мнительность, потому что до сего времени Богъ былъ милостивъ и не съ чего быть мнительнымъ; но тяжело будетъ на совѣсти, если по моей ошибкѣ или неосмотрительности произойдетъ неудача.»*

Кавказцы, часто даже не знавшіе лично Фрейтага, далеко разнесли свою привязанность къ славному генералу. Приведемъ еще анекдотъ, прекрасно доказывающій справедливость сказаннаго.

Въ 1844 году въ окрестностяхъ Новгорода квартировалъ Лейбъ-Гвардіи Драгунскій полкъ. Всѣ офицеры полка общемо артелью собирались къ обѣду въ гостинницу пріѣзжающихъ. Однажды, когда сядили за столъ, подъѣхала дорожная коляска, изъ которой вышелъ господинъ, небольшого роста, въ военномъ сюртукѣ, безъ эполетъ. Драгуны просили пріѣзжающаго раздѣлить съ ними обѣдъ. Сначала каждый считалъ нескромнымъ сдѣлать пріѣзжему вопросъ: кто онъ? куда ѣдетъ? и проч.; — разговоръ былъ объ общихъ предметахъ. Обѣдъ приходилъ къ концу—запѣнились бокалы шампанскаго.

Существовалъ у драгунъ порядокъ, что бокалы не иначе опоражнивались, какъ подъ общій припѣвъ застольной пѣсни, которой научилъ всѣхъ одинъ изъ офицеровъ, недавно предъ тѣмъ прибывшій съ Кавказа изъ Нижегородскаго драгунскаго полка.

Офицеръ затянулъ пѣсню:

*«Вотъ Куринцы впереди,
Храбрый Фрейтагъ подожди,
Нужевъ ты Царю!...
Нужевъ ты Царю!...»*

Собесѣдники дружно повторили веселый припѣвъ, и только опорожнивъ бокалы, замѣтили, что пѣсня ихъ произвела сильное впечатлѣніе на прїѣзжающаго.—« Я Фрейтагъ! сказалъ онъ и бокалы запѣнились снова. Въ честь героя Кавказа повторились задравные тосты и пѣсня, сложенная въ горахъ Чечни, весело раздавалась въ стѣнахъ Великаго Новгорода.

Фрейтагъ умѣлъ цѣнить такія чувства. «*Разставаясь съ Куриницами*,—писалъ онъ о своемъ отъѣздѣ съ Кавказа,—*я едва не зарыдалъ, какъ ребенокъ: грустно расста-*

ваться съ людьми, съ которыми провелъ лучшіе годы жизни, черезъ которыхъ прїобрѣлъ добрую славу!»

Быстрые успѣхи Фрейтага по службѣ ни въ комъ не возбуждали зависти; все радовались имъ, сознавая въ немъ несомнѣнный военный талантъ. Все любили въ немъ человека; о немъ не было различныхъ мнѣній—все мнѣнія выражались единогласно похвалою, любовью и уваженіемъ.

Россія потеряла въ Робертѣ Карловичѣ, смѣло скажемъ,— одного изъ лучшихъ своихъ генераловъ, одну изъ надеждъ своей воинской славы.

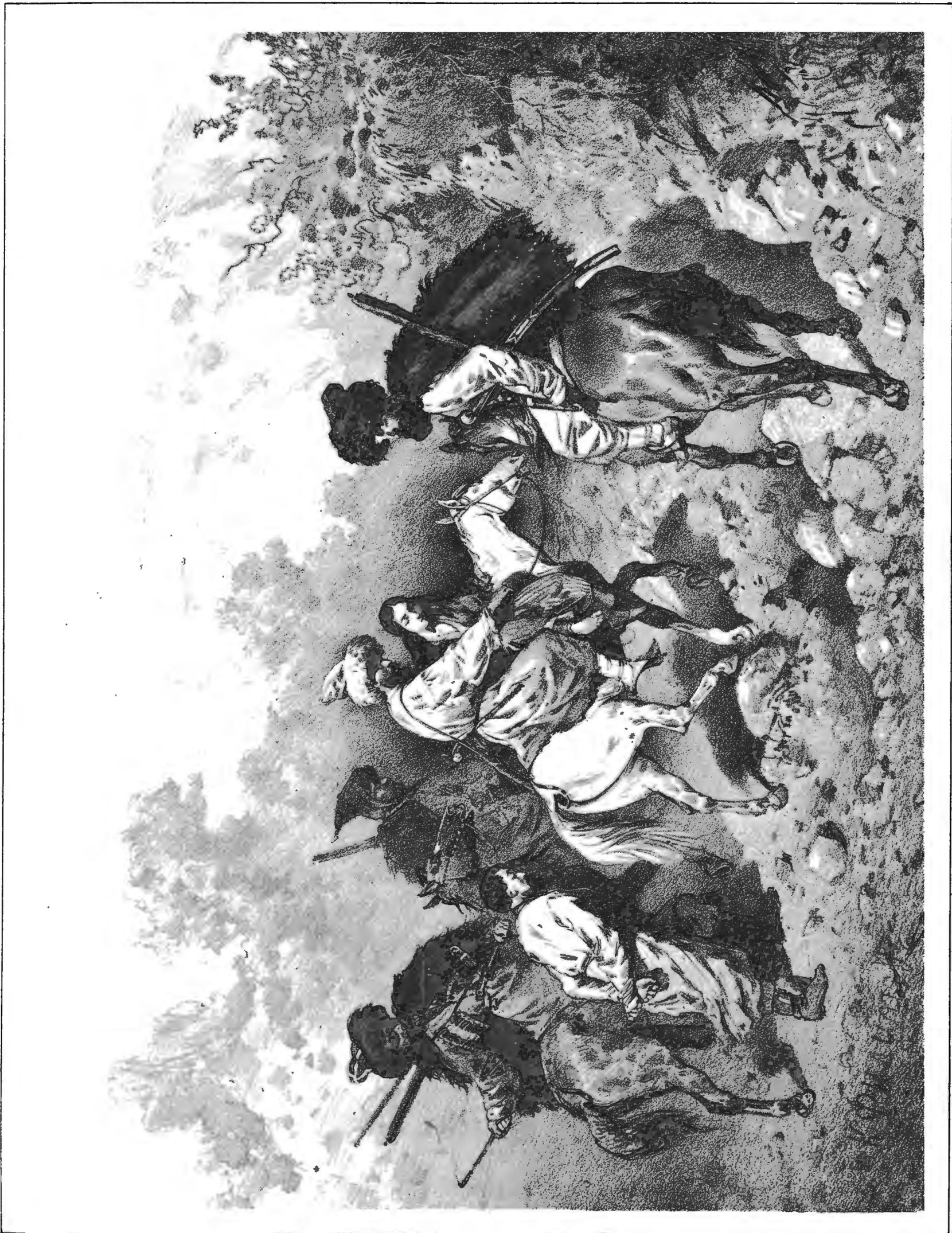
ПОДВИГЪ КАЗАКА ВАСИЛЬЯ ДОКТОРОВА.

Между примѣрами смѣлости и самоотверженія, хладнокровія и необыкновенной смѣтливости,— качествами, которыми солдаты кавказскіе обладаютъ въ высокой степени,— видное мѣсто занимаетъ подвигъ казака Гребенскаго полка Новоградковской станицы *Василья Доктора*.

15-го мая 1846 года, одинъ изъ казаковъ той же станицы былъ съ своею женою въ саду, верстахъ въ двухъ отъ станицы. Они весело работали, не подозрѣвая, что имъ угрожаетъ близкая опасность. Партія хищниковъ, въ числѣ восьми человекъ, укрывшись отъ чутья и зоркаго глаза сторожевыхъ казаковъ, засѣла вблизи и терпѣливо выжидала добычи. Дождавшись поры, хищники съ остервенѣніемъ бросились на работавшихъ; грянулъ выстрѣлъ, и въ одно мгновеніе казакъ и жена его были уже связаны. Посадивъ предъ собою казачку и связавъ мужа, хищники пустились съ ними въ лѣсъ, пробираясь къ берегу Терека. Частые удары ногойкою побуждали къ поспѣшному бѣгу коней и плѣнника.

Въ это же самое время, въ полуверстѣ отъ мѣста происшествія, работалъ Василій Докторовъ. Услыша выстрѣлъ, онъ поспѣшилъ къ товарищу; но уже его не нашель. Тотчасъ догадавшись о бѣдственномъ случаѣ, Докторовъ, не размышляя долго, бросился по слѣдамъ хищниковъ. Пробираясь по лѣсу, онъ кричалъ разными голосами, чтобы показать, что былъ не одинъ. Пробѣжавъ болѣе версты, Докторовъ наконецъ увидѣлъ хищниковъ, уже переплывшихъ на другой берегъ Терека. Сдѣлавъ выстрѣлъ и забывъ о собственной опасности, думая только о спасеніи товарища, онъ и самъ кинулся въ волны быстрой рѣки. Хищники, испуганные прежними криками и предполагая себя окруженными большою командою, бросили плѣнныхъ и разсыпались въ разныя стороны, спасаясь бѣгствомъ.

Въ награду *такой смѣлости и самоотверженія*, главнокомандовавшій князь Воронцовъ назначилъ казаку Василью Докторову знакъ отличія военнаго ордена.

Пис. И. Коржикова.

ПЛѢНЪ КАЗАКА СЪ ЖЕНОЮ.

ПОДВИГЪ РЯДОВЫХЪ ЕФИНА И ТИЛЬЧЕНКО.

Осенью, въ 1843 году, во время общаго возстанія въ Нагорномъ Дагестанѣ, о чемъ было уже говорено въ жизнеописаніи генераль-маіора Пассека, полковникъ Ясинскій, находясь въ укр. Балаканахъ съ небольшимъ отрядомъ, — по баталіону изъ полковъ: пѣхотнаго князя Варшавскаго (нынѣ Ширванскій), Тифлисскаго егерскаго и команды саперъ Кавказскаго баталіона, — въ ноябрѣ мѣсяцѣ былъ окруженъ многочисленнымъ скопищемъ Шамиля, и, въ этомъ крайне затруднительномъ положеніи, признавъ необходимымъ доставить, какимъ бы то ни было способомъ, извѣстіе подполковнику Пассеку, находившемуся въ Хунзахѣ.

Для исполненія такого опаснаго предпріятія необходимо было выбрать людей, которымъ хорошо была извѣстна мѣстность и дорога въ Хунзахъ. Желающихъ было много, но жребій палъ на сапера Ефима Ефина и рядоваго Тильченко. Оба они были молодцы на славу и, по первому спросу, изъявили свою готовность пройти сквозь ряды непріятели, чтобы исполнить порученіе начальства.

Когда только разнесся слухъ по отряду, что полковнику Ясинскому необходимо что-то сообщить подполковнику Пассеку, Ефинъ объявилъ о своемъ желаніи идти въ Хунзахъ командиру саперной команды, поручику Берстелю, а Тильченко подполковнику Масловскому. Они тотчасъ были представлены полковнику Ясинскому.

Полковникъ одобрилъ ихъ вызовъ и спросилъ, дѣйствительно ли они желаютъ исполнить то, что отъ нихъ требуется. Они отвѣчали: «Ради стараться, ваше высокоблагородіе!»

«Спасибо вамъ, ребята,» — сказалъ Ясинскій, — «я никогда не сомнѣвался, что русскій солдатъ готовъ идти въ огонь и въ воду. Помните, вамъ предстоитъ или жить со славою, или умереть съ честью. Я былъ увѣренъ, что любаго изъ среды моего отряда могу назначить для исполненія этого порученія, потому что всѣ вы молодцы; но я именно

желалъ, чтобы на это была особенная своя добрая воля и охота, и такъ, еще разъ, спасибо вамъ. Теперь ступайте, приготовьтесь и помолитесь Богу: чрезъ часъ послѣ пробитія вечерней зари явитесь ко мнѣ.» — «Слушаемъ, ваше высокоблагородіе! Ради стараться!» былъ ихъ отвѣтъ.

Прійдя въ свои команды, они обмылись и надѣли чистое бѣлье. Это всегда дѣлаютъ кавказскіе солдаты, готовясь въ жаркій бой, потому что тѣла убитыхъ никогда не обмываютъ и, по большей части, хоронятъ въ томъ бѣльѣ, въ которомъ постигла смерть, по понятію, распространенному въ войскахъ, что убитый обмылъ уже себя кровью *).

Наконецъ, заря пробита, и наши абреки, переодѣвшись въ какое попало подѣ руку платье, надѣвъ бурки и татарскія шапки и взявъ ружья, явились къ полковнику.

«Прощайте, братцы», — сказали они своимъ товарищамъ, — «оставляемъ вамъ свое имущество, и когда насъ не будетъ, не поминайте лихомъ, помолитесь за насъ грѣшныхъ!»

«Прощайте, наши храбрые, будемъ о васъ молиться и не забудемъ рассказать про васъ товарищамъ!»

«Спасибо вамъ, братцы, прощайте еще разъ! — За тобой никакъ гривенничекъ, Степановъ», — говорилъ Тильченко одному изъ провожавшихъ, — «придешь въ штабъ-квартиру полка, пожалуйста поставь свѣчку Св. Николаю Чудотворцу.»

Когда явились они къ полковнику Ясинскому, то онъ взялъ со стола довольно большой пакетъ и, подавая саперу, сказалъ: «спрячь и доставь лично подполковнику Пассеку.»

*) Не зная этого обычая между кавказскими солдатами, послѣ одного довольно жаркаго дѣла, въ которомъ было убито не малое число мопхъ лихихъ гренадеровъ, я приказалъ солдатамъ обмыть ихъ и съ должною честью предать землѣ. «Помилуйте, ваше благородіе! развѣ можно убитыхъ обмывать; они обмыли уже себя кровью», былъ отвѣтъ фельдфебеля.

«Слушаю, ваше высокоблагородіе! да нельзя ли письмацато сдѣлать поменьше; не ровенъ часъ, какъ попадешся нехристамъ, то они узнаютъ, что тамъ вы изволили написать; а если сдѣлаете поменьше, то какъ-нибудь можно и проглотить; а тамъ ищи въ солдатскомъ животѣ, запутаешься.»

«Я вижу, ты молодецъ», замѣтилъ полковникъ, и тотчасъ переписавъ бумагу на маленькомъ лоскуткѣ, отдалъ Ефину, со словами:

«Съ Богомъ! Помните, что услуга ваша велика для всѣхъ насъ, о чемъ будетъ и въ газетахъ написано.»

«Ради стараться, ваше высокоблагородіе! Двухъ смертей не будетъ, одной не миновать,» былъ ихъ отвѣтъ.

У самыхъ воротъ укрѣпленія поручикъ Берстель спросилъ — не нужно ли имъ денегъ на дорогу. «Благодаримъ покорно, ваше благородіе! Теперь къ чему намъ; деньги могутъ достаться вмѣстѣ съ нами этимъ оборванцамъ; а если милость ваша будетъ, когда вернемся, то выпьемъ за ваше здоровье.» Простившись съ добрымъ поручикомъ, наши храбрецы вышли изъ крѣпости.

Перекрестившись и призывая на помощь Св. Михаила Архангела, они пустились на отчаянный подвигъ. Ночь была темная, холодная; вѣтеръ жалобно вылъ по ущелью и доносилъ пронзительные крики шакаловъ; по горамъ мелькали огоньки.

Балаканское ущелье начинается въ полуверстѣ отъ сел. Зиранъ, и тянется отъ р. Койсу на западъ, на протяженіи около 16-ти верстъ. Правый бокъ этого ущелья образуетъ хребетъ Балаканскихъ горъ, а лѣвый — высочайшая гора Нагорнаго Дагестана — Арактау. Оба бока ущелья состоятъ изъ отвѣсныхъ скалъ и утесовъ, и на всемъ протяженіи, особенно лѣвый, почти совсѣмъ неприступны. По весьма узкой долинкѣ ущелья течетъ горный ручей; дорога пролегаетъ, большею частію, по его руслу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она извивается по крутизнамъ ущелья, переходя съ одной стороны на другую. На половинѣ ущелья, съ правой стороны, построено нами въ 1842 году укрѣпленіе на двѣ роты возлѣ самаго аула Балаканъ. Отсюда дорога въ Хунзахъ идетъ вверхъ по ручью 9 верстъ до самаго подъема на гору Арактау, мимо селенія Мокеоха. Вершина горы Арактау есть возвышенное обширное плато, и здѣсь дорога

пролегаетъ, по совершенно ровной и открытой мѣстности, верстъ на 7, нечувствительно склоняясь къ подошвѣ невысокаго хребта Кахало, потомъ она пересѣкаетъ пространную долину, образуемую этимъ хребтомъ и цѣпью Тапусъ-Баль, покрытую густымъ колючимъ кустарникомъ; здѣсь берутъ начало нѣсколько горныхъ рѣчекъ, впадающихъ въ Андійское и Аварское Койсу. Мѣсто это, довольно тонкое, было извѣстно у насъ подъ названіемъ *Мокрой балки*. Поднявшись на хребетъ Тапусъ-Баль, дорога спускается въ Хунзахскую долину, пролегая уже по незначительнымъ дефилеямъ и болѣе открытой мѣстностию, чрезъ селенія Тапусъ, Чада и Гѣничудъ. Весь путь отъ Балаканскаго укрѣпленія до Хунзаха составляетъ около 40 верстъ.

Пройдя первыя двѣ версты, гдѣ цѣпляясь по крутизнамъ, гдѣ ползкомъ, наши охотники слышали голоса, а вѣдѣ за тѣмъ и шумъ. Это были главныя скопища Шамиля, раскинутыя безпорядочно по ущелью и окружающимъ высотамъ.

«Надо было ускользнуть отъ чутья дикаго звѣря,» — рассказывалъ послѣ Тильченко, — «вотъ мы и сговорились двигаться какъ можно осторожнѣе, одинъ отъ другаго на близкое разстояніе, прислушиваясь къ говору этой ватаги, наконецъ кое-какъ добрались до ихъ караульныхъ и примѣтили, что цѣпь разставлена рѣдко, часовой отъ часоваго на дальнее разстояніе; часовой же ихъ не то, что нашъ братъ. Стоишь бывало въ цѣпи, туманъ кажется вотъ такой, что зги не видно, но нѣтъ — нашъ братъ бывалой какъ разъ подмѣтитъ бритую голову; а онъ ходитъ себѣ да мурлычить подъ носъ и не видитъ, что насъ двое у него на носу. Часовой мурлычить да мурлычить, а мы все ближе да ближе; когда же онъ отошелъ довольно далеко отъ насъ, то мы подъ его мурлыканье прыгнули, да перекрестились; думаемъ себѣ, ну, теперь одинъ завалъ нашъ, что дальше будетъ? Проползя еще шаговъ двадцать, мы встали и пошли себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, стараясь миновать ихъ толпы, чтобъ встрѣтившіе считали насъ своими. Насмотрѣлись мы въ ту ночь на эту барангу, а какой безпорядокъ: кто сидитъ у огня и шашлыкъ жарить, кто чурекъ гложетъ, кто растянувшись, а кто у огня сидитъ, да кой-что уничтожаетъ у себя, ужъ такой неопрятный этотъ народъ; а сколько разъ намазъ дѣлаетъ и съ кувшинчикомъ за водою ходить, а все

грязень. Намъ показалось Татаръ видимо невидимо, ну просто десятки тысячъ; но мы себѣ шли, какъ ни въ чемъ не бывало, избѣгая всякой встрѣчи.»

Такимъ образомъ они дошли до Мокрой Балки, гдѣ опять стояла неприятельская цѣпь, вѣроятно прикрывавшая тылъ главнаго скопища со стороны Хунзаха, до котораго оставалось еще версть двадцать. Тутъ колючка сильно надоѣла нашимъ молодцамъ; они должны были чрезъ цѣпь неприятельскую ползти съ осторожностію кошки, будучи удерживаемы на каждомъ шагу жестоко терзавшею ихъ колючкою. Наконецъ перебрались чрезъ цѣпь, не обращая вниманія, что ихъ ноги, руки и все тѣло были окровавлены.

«Ну, слава Богу, два завала наши,» — проговорилъ Ефинъ, — «посмотримъ сколько еще впереди.»

И такъ, пройдя чрезъ станъ неприятеля, наши путники бодро подвигались впередъ; ни кусты, ни овраги не удерживали ихъ; дальнѣйшій путь становился часъ отъ часу безопаснѣе; но вдругъ впереди шумъ и топотъ; они прилегли и начали прислушиваться, и убѣдились, что тутъ пасется баранта *). Но при барантѣ всегда собаки, и собаки самыя злыя и съ необыкновеннымъ чутьемъ. Опять новая неудача для странниковъ. Что имъ дѣлать? Должно было обойти дальше стадо, чтобъ спастись отъ собакъ, которыя могли предать ихъ въ руки бусурманскія. Они такъ и сдѣлали, и, благополучно обойдя овецъ, подошли къ Танусамъ. Начало свѣтать. Не видя на улицахъ ни души, храбрецы рѣшились пройти чрезъ аулъ и — прошли, не встрѣтивъ никого. До крѣпости уже оставалось недалеко; счастливо миновали и это пространство. Вдругъ раздались звуки роднаго голоса: окликъ русскаго часоваго. Сердце ихъ хотѣло выскочить: кто испыталъ подобныя минуты, тотъ пойметъ ихъ.

«Не подходи,—кричалъ часовой,— а не то убью», и на слова: «мы Русскіе», онъ отвѣчалъ: «знаемъ васъ бродягъ; послать унтеръ-офицера.» — Пришелъ унтеръ-офицеръ, а велѣдъ за нимъ и офицеръ.—«Положить оружіе!»—вскрикнулъ офицеръ. Они исполнили приказаніе; офицеръ подзвалъ ихъ къ себѣ, и распросивъ кто они и зачѣмъ пришли,

*) Стадо овецъ.

повелъ ихъ къ подполковнику Пассеку. При проходѣ чрезъ крѣпость солдаты смотрѣли на нихъ съ презрѣніемъ, какъ на бродягъ и бѣглыхъ, и отпускали на ихъ счетъ разныя остроты.

Офицеръ представилъ ихъ къ Пассеку; который, поздоровавшись, спросилъ, что они принесли ему новаго. Саперъ подалъ конвертъ. Пассекъ распечаталъ и, въ присутствіи посланныхъ, прочелъ. Во время чтенія, лице его приняло серьезный и озабоченный видъ. Кончивъ читать, Пассекъ поцѣловалъ обоихъ въ лобъ. Потомъ благодарилъ ихъ, объявля, что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадетъ, и прибавилъ: «если я буду живъ, то узнаетъ объ васъ Батюшка-Царь.» — «Ради стараться!» отвѣчали молодцы.—«Какого вы полка?» и на отвѣтъ ихъ, снова повторилъ: «вижу что вы молодцы; но не удивляюсь, зная кавказскаго солдата. Спасибо вамъ; идите, отдохните и будьте готовы исполнить мое приказаніе; но ни гугу, что вы присланы изъ Балаканъ, а говорите, что вы вернулись изъ плѣна. Теперь отдохните и готовьтесь въ обратный путь.» Позвавъ адъютанта, онъ въ то же время отдалъ приказаніе, чтобъ наши путешественники были накормлены и успокоены. Адъютантъ отвелъ ихъ во 2-ю роту линейнаго баталіона, въ которой былъ ротный праздникъ. Мы уже сказали, что они вышли изъ Балаканъ подъ Михайловъ день. По приходѣ ихъ въ роту, вскорѣ начался молебень; наши абреки молились съ усердіемъ за счастливое спасеніе. Передъ ними были посылаемы охотники, но пропали безъ вѣсти.

По окончаніи молебна солдаты начали ихъ разсматривать недовѣрчиво и поговаривать каждый о своихъ предположеніяхъ, которыя все сходились къ тому, что «надо бы ихъ повѣсить, а не хлѣбомъ кормить; плохой тотъ солдатъ, который попадаетъ въ плѣнъ, и къ кому же, къ этимъ поганымъ; да лучше умереть, чѣмъ отдаться живымъ въ руки; просто бѣжали, а теперь и рассказываютъ, что въ плѣну были; посмотрите, и рожи-то у нихъ мошенническія.» Но, въ это время пришелъ дежурный офицеръ и объявилъ, что подполковникъ Пассекъ убѣдился, по бумагамъ, въ ихъ невинности, и что, сверхъ того, они оказали всею какою-то услугою. «Ребята, примите ихъ радушно», — говорилъ офицеръ, — «и раздѣлитесь чѣмъ Богъ послалъ.»

Солдаты тотчасъ бросились къ новымъ своимъ товарищамъ и начали угощать, кто чѣмъ могъ. Тутъ для праздника подкутили наши молодцы, но языку воли не давали. «Подполковникъ не приказалъ говорить,» — твердили про себя мнимые плѣнники, — «онъ лучше насъ знаетъ, и мы должны молчать.» — «Да хоть жги меня раскаленнымъ желѣзомъ, а я не вымолвлю ни полслова, за чѣмъ пришли сюда,» — шепталъ въ полголоса Тильченко своему товарищу. Наконецъ попойка кончилась. Вслѣдъ за ней водворилась тишина и храпѣніе.

Къ утру только болѣла голова. Наши плѣнники отдохнули и забыли о своемъ путешествіи. На третій день ихъ прихода явились еще двое изъ укр. Балаканъ, рядовые Егоровъ и Чуйкинъ. Тогда, ночью, подполковникъ Пассекъ потребовалъ къ себѣ старыхъ знакомцевъ.

«Вотъ вамъ, ребята, конвертъ; вы должны его доставить прямо въ руки полковнику Ясинскому.» — «Слушаемъ, ваше высокоблагородіе!» — было отвѣтомъ. — «Помните, ребята, что отъ этого конверта зависитъ ваша и наша жизнь; будьте осторожны и не ударьте лицомъ въ грязь. Вамъ эта дорога знакома, перехитрите Татарина и подсмѣйтесь надъ нимъ. Прощайте, Богъ вамъ поможетъ.»

Заря давно уже была пробита, какъ вышли наши молодцы изъ укрѣпленія Хунзахъ. Обратный путь для нихъ былъ счастливей. Миновавъ послѣднія партіи горцевъ, они увидѣли недалеко отъ Балаканъ дымъ и огонь. Имъ показалось, что укрѣпленіе предано пламени; но не потерялись наши молодцы. Пройдя съ полверсты, они убѣдились, что горитъ аулъ, ближайшій къ укрѣпленію, и на сердцѣ ихъ отлегло. Начало свѣтать, и надлежало укрыться въ бурьянъ, чтобъ не быть замѣченными. Пробывъ въ этомъ положеніи до полудня и высмотрѣвъ, гдѣ стоятъ вражьи пикеты, они пустились въ путь. Но лишь только оставили свою засаду, какъ наткнулись на горца и двухъ женщинъ; послѣднія несли

за спиною тяжесть, а горецъ шелъ съ ружьемъ. Саперъ зналъ нѣсколько словъ по-чеченски, и привѣтствіямъ обмѣнялись. Пройдя шаговъ двѣсти, храбрецы увидѣли укрѣпленіе, и прямо побѣжали на гору. Вбѣжали на верхъ, и имъ представился свой пикетъ на курганѣ. Оставалось не болѣе полуторы версты до крѣпости. Но ихъ замѣтили горцы, и изъ прилежащихъ садовъ начали преслѣдовать. Храбрецы не унывали и пустились бѣжать. Саперъ споткнулся и упалъ подъ гору, но не потерялъ присутствія духа, хотя и ушибъ грудь о камень. Онъ вскочилъ съ помощью товарища, оба бросились бѣжать впередъ, и не замѣтили, какъ наткнулись на свой пикетъ. Можно себѣ представить ихъ восторгъ.

Передавъ конвертъ полковнику Ясинскому, они получили отъ него нѣсколько разъ «спасибо, братцы!» и 10 рублей денегъ, съ словами: «вотъ вамъ отъ меня, а послѣ получите и другую награду. Теперь идите и отдохните; вы сдѣлали большое дѣло и оказали большую услугу намъ всѣмъ.»

Когда молодцы пришли къ товарищамъ, то одни кричали: «Ты ли это, Ефинъ! Ты ли это, Тильченко! Намъ чудится, что вы съ того свѣта возвратились.» Другіе говорили: «Мы ужъ тутъ, братцы, объ васъ давно пропѣли вѣчная память и молили: дай Богъ имъ царствіе небесное и душамъ ихъ вѣчный покой. Ну, что же сказалъ вамъ полковникъ Ясинскій?» — «Сказалъ, что мы сдѣлали важную услугу для всѣхъ; вотъ и все тутъ; а въ чемъ эта услуга состоитъ, не знаемъ, братцы.» И пошли рассказы о походѣ.

«Должно быть дѣло мы сдѣлали,» — говорилъ въ послѣдствіи Ефинъ, — «потому что недѣли черезъ полторы, когда перешли въ Зирани, мы съ этой стороны, а полковникъ Пассекъ съ той, то такъ начали жарить Шамиля съ его ордою, что едва только онъ самъ убрался. А сколько легло татарщины на томъ мѣстѣ, что едва ли кто перечтетъ. Шамиль будетъ помнить во вѣки вѣковъ о томъ времечкѣ. Многимъ извѣстно, какое было тогда славное дѣло.»

КАПИТАНЪ ПЛЯ АЛЕКСѢВИЧЪ ГУЛЕВИЧЪ.

13-й артиллерійской бригады капитанъ Пля Алексѣвичъ Гулевичъ былъ на Кавказѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ, но и это короткое время онъ успѣлъ ознаменовать геройскимъ подвигомъ, занимающимъ одно изъ видныхъ мѣстъ между многими прекрасными дѣлами послѣдней войны, и дѣлающимъ имя его дорогимъ для Кавказскаго Корпуса.

Гулевичъ происходилъ изъ дворянъ Смоленской губерніи и воспитывался во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ. 30-го декабря 1834 года, имѣя отъ роду 21 годъ, онъ выпущенъ прапорщикомъ въ 16-ю (нынѣ 13-ю) артиллерійскую бригаду, въ которой провелъ всѣ двадцать лѣтъ своей службы, до самой кончины, и послѣдовательно получалъ чины: 30-го ноября 1837 года—подпоручика, 16-го іюня 1841 года—поручика, 2-го іюля 1849 года—штабсъ-капитана и 14-го декабря 1852 года — капитана.

Гулевичъ родился военнымъ и былъ настоящій солдатъ по прямому характеру, простотѣ жизни, любви къ славѣ; истый служака — онъ былъ равно строгъ въ исполненіи своихъ обязанностей, и въ требованіи такого же исполненія ихъ со стороны подчиненныхъ. Но весь преданный мечтамъ о битвахъ, онъ служилъ въ то время, когда войска наши, послѣ трехъ славныхъ войнъ, отдыхали отъ военныхъ трудовъ въ грозномъ спокойствіи. Потому, съ восторгомъ, полный надежды на осуществленіе своей жажды къ славѣ, Гулевичъ встрѣтилъ Высочайшее повелѣніе о войнѣ противъ Венгровъ; но надежда его обманула. Съ 8-го іюля по 12-е сентября 1849 года онъ находился въ Дунайскихъ княжествахъ, не участвуя въ подвигахъ дѣйствовавшихъ корпусовъ. Наконецъ, пламенное желаніе Гулевича осуществилось: вмѣстѣ съ 13-ю дивизіею онъ отправился въ 1853 году на Кавказъ. Въ теченіе зимы 1853—54 года ему удалось быть два раза въ дѣлѣ: 2-го января при рекогносцировкѣ Николаевскаго укрѣпленія, занятаго въ то время Турками, и 21-го — при атакѣ непріателемъ нашей позиціи у Чихотскаго моста. Но это было не болѣе, какъ схватка; и его стойкому и рѣшительному характеру не пришлось еще

развернуться такъ, какъ давно уже хотѣлось его русской душѣ.

Наконецъ представился этотъ случай, и, къ несчастію, для Гулевича онъ былъ послѣдній! Битва у Нигоитскихъ высотъ, истинно молодецкая, — столь же славная, сколько неравная, — требовала необыкновеннаго присутствія духа и мужества. Гулевичъ доказалъ, что у него въ этихъ двухъ драгоцѣнныхъ качествахъ война не было недостатка и запечатлѣлъ это жаркое дѣло тяжкою раною, низведшею его въ преждевременную могилу *).

Съ 22-го мая отрядъ подполковника князя Эристова, изъ 1-го баталіона егерскаго князя Воронцова (нынѣ Куринскій) и 4-го баталіона Брестскаго пѣхотнаго полковъ, Гурійской милиціи при двухъ горныхъ орудіяхъ, составлявшій передовую колонну нашего отряда, дѣйствовавшего на Гурійской границѣ, былъ расположенъ у подошвы Нигоитскихъ высотъ на правомъ берегу рѣки Супсы. Эта гористая мѣстность была занята отчасти милиціею; но какъ главнѣйшая наша цѣль состояла въ пресѣченіи пути непріателю, то князь Эристовъ занялъ небольшую площадку впереди широкаго, покрытаго лѣсомъ, ущелья, котораго Туркамъ нельзя было миновать. Позиція составляла мѣстность очень тѣсную, немного возвышенную, окруженную лѣсомъ и чрезвычайно пересѣченную.

Въ ночь съ 26-го на 27-е мая князь Эристовъ получилъ отъ жителей свѣдѣнія, что турецкій отрядъ, переправившійся около селенія Баялеты съ лѣваго берега рѣки Супсы на правый, намѣренъ произвести нападеніе. Приготовляясь къ отраженію, онъ придвинулъ къ себѣ, на Ни-

*) Подробности о подвигѣ Гулевича нами изложены на основаніи рапорта подполковника князя Эристова, представленнаго командовавшему Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ командовавшимъ Гурійскимъ и Ахалцхскимъ отрядами, отъ 30-го мая 1854 г. и, главнѣйше, на основаніи статьи г. Бобылева: «Воспоминаніе о Гулевичѣ», помѣщенной въ *Кавказъ*, 1855, № 55—57, и написанной со словъ г. маіора Шафирова, совоспитанника и друга покойнаго, очевидца подвига, и съ показаній врача, его пользовавшаго.

гоитскія высоты, изъ урочища Квіанъ, 4-й баталіонъ Бѣлостокскаго полка, съ двумя орудіями легкой № 1-го батареи 13-й артиллерійской бригады, съ которыми, часамъ къ шести утра, пришелъ Гулевичъ. Переходъ эти войска сдѣлали ночью, тотчасъ же послѣ полученія приказанія.

На разсвѣтѣ лазутчики дали знать, что непріятель со всѣми силами, простиравшимися до 12,000 человекъ, идетъ по направленію къ Нигоитскимъ высотамъ, имѣя намѣреніе обходнымъ движеніемъ частию своихъ силъ отрѣзать князя Эривова отъ Четь-Цханисъ-Цкали. Издали слышались пѣсни и барабанный бой Турокъ, увѣренныхъ своими благопріятелями, что застанутъ насъ въ распахъ; но едва проходима мѣстность затрудняла движеніе, и они подвигались впередъ весьма медленно.

Князь Эривовъ рѣшился предупредить непріятеля. Для обезпеченія позиціи и для прикрытія выюковъ и тяжестей были оставлены двѣ роты Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка. Сотни четыре милиціи засѣли въ завалахъ для прикрытія горной дороги отъ Супсы и, частию, для обезпеченія тыла.

Остальная войска, ровно въ 11 часовъ до полудня, двинулись на встрѣчу непріятелю. Впереди шли Куринцы, за ними слѣдовали два горныя орудія, потомъ Гулевичъ съ двумя полевыми, Брестцы и, наконецъ, двѣ остальные роты Бѣлостокцевъ; пѣшая милиція двигалась цѣпью на флангахъ, конная шла позади.

Лѣсъ и сады скрывали это движеніе; войска сохраняли чрезвычайный порядокъ и возможную тишину; но пересѣченная мѣстность затрудняла переходъ, и только черезъ часъ наши пришли къ Ланчхуту, верстахъ въ трехъ отъ Нигоитской позиціи, гдѣ встрѣтили непріятеля. Мѣстность здѣсь представляла небольшую поляну посреди лѣса; слѣва, версты за полторы, выставлялись изъ-за деревьевъ Нигоитскія высоты, справа находились холмистыя возвышенія, покрытыя лѣсомъ и виноградниками, нѣсколько деревянныхъ строеній и каменные ограды; по мѣстамъ раскидывались сакли жителей, окруженныя садами. Мѣстность была картинная, но невыгодная для боя. Непріятель занималъ позицію нѣсколько возвышенную, покрытую густымъ лѣсомъ и кустарникомъ, которые мѣстами были обнесены плетнемъ; а передъ всѣмъ фронтомъ его находилась глубокая канава

съ отвѣсными берегами. Въ центрѣ, по дорогѣ, помѣщался турецкій низамъ съ двумя орудіями; фланги же были совершенно скрыты густымъ лѣсомъ.

Наши едва успѣли построиться въ боевой порядокъ, какъ были уже осыпаны градомъ картечи и пуль, и отвѣчали тѣмъ же. Хладнокровный Гулевичъ блистательно обстрѣливалъ фронтъ Турокъ. Осыпаемый градомъ непріятельской картечи, храбрый маіоръ Момбелли, съ командуемымъ имъ 1-мъ баталіономъ князя Воронцова полка, ударилъ въ штыки. Турки попятились въ центрѣ; капитанъ Вельяминовъ взялъ у нихъ два орудія. Въ то же самое время 4-й баталіонъ Брестскаго пѣхотнаго полка, подъ командою маіора Шафирова, атаквала Турокъ справа, гдѣ находились большія массы непріятеля; они употребляли всевозможныя усилія, чтобы удержаться, но напрасно.

Этими дѣйствіями центръ Турокъ былъ опрокинутъ; но непріятельскіе фланги были еще цѣлы и могли насъ обойти; потому для обезпеченія нашего маленькаго резерва, состоявшаго всего изъ двухъ ротъ Бѣлостокцевъ и находившагося въ трехъ верстахъ отъ мѣста боя, отправлены къ нему сперва Гулевичъ съ своими двумя орудіями, а потомъ и остальные два.

Едва успѣла наша артиллерія примкнуть къ резерву, какъ Турки, со всѣхъ сторонъ, ввалились къ нимъ массами, осыпали пулями изъ лѣсу и бросились въ шашки,—однимъ словомъ Гулевичъ былъ окруженъ. Бой завязался самый упорный. Непріятель дѣлалъ неимоверныя бѣшенныя попытки овладѣть нашими орудіями, вмѣстѣ съ отбитыми у нихъ тутъ-же своими. Но русскіе артиллеристы, съ изумительнымъ хладнокровіемъ, дѣйствіемъ картечи, останавливали дерзкія нападенія. Гулевичъ вертѣлся съ отчаянною храбростію, поворачивая во всѣ стороны свои пушки, а Бѣлостокцы бросались въ штыки. Черезъ часъ уже половина прислуги была перебита; Гулевичъ былъ раненъ въ ногу въ самомъ началѣ боя, но не оставилъ команды и даже не перевязался; онъ самъ наводилъ орудія, самъ всѣмъ распоряжался, ободрялъ своихъ старыхъ артиллеристовъ и защищался геройски. Лошадь подъ нимъ была еще прежде убита.

Вскорѣ Гулевичъ получилъ новую рану въ животъ,—рану тяжкую и смертельную. Чувствуя себя дурно, онъ ото-

шелъ за сарай, находившійся въ тылу его батареи, и велѣлъ двумъ солдатамъ себя перевязать. Едва кончили перевязку, какъ приближалъ къ нему фейерверкеръ. «Что ты?» — «Плохо, ваше высокоблагородіе. У насъ пушки отымутъ.» «Какъ! Развѣ это возможно? Ведите меня!» Двое солдатъ взяли его подъ руки и привели снова на батарею. — Опасенія фейерверкера оказались основательными: картечные заряды уже были израсходованы; Турки валили густою массою, напирали со всѣхъ сторонъ; Гулевичъ и тутъ не потерялся, не упалъ духомъ. Онъ велѣлъ у шрапнелевыхъ гранатъ рѣзать трубки какъ можно ближе, чтобы ихъ рвало на самомъ кратчайшемъ отъ выстрѣла разстояніи, оставался самъ при орудіяхъ, самъ распоряжался и направлялъ ихъ, указывая какъ дѣйствовать, и передалъ команду штабсъ-капитану *Рудакову* тогда, когда совсѣмъ изнемогъ. Совершенно безъ чувствъ принесли его на перевязочный пунктъ, находившійся недалеко за саклю. Тамъ ему сдѣлали перевязку, и когда онъ опомнился, то тотчасъ спросилъ: «Для чего-же я здѣсь? Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ надо быть на своемъ мѣстѣ!» — Еще разъ его понесли на рукахъ къ его вѣрнымъ орудіямъ, и онъ могъ снова сдѣлать нѣсколько смѣлыхъ распоряженій; но наконецъ изнемогъ и упалъ безъ памяти. Его отнесли въ саклю.

Между тѣмъ смѣлая канонада и перестрѣлка Гулевича раздавалась въ главномъ отрядѣ какимъ-то злобѣщимъ гуломъ; но въ немъ продолжали также рѣзаться, и только когда центръ непріятельскій былъ окончательно опрокинутъ, князь Эристовъ поспѣшилъ на выручку къ резерву. Скоро Турки бѣжали, скрываясь въ густомъ лѣсу. — Мѣсто кровавой битвы было усеяно трупами: много легло тутъ нашихъ; Турокъ убитыхъ насчитали больше трехъ сотъ. Дорого обошлась непріятелю попытка взять русскія орудія; не дался имъ храбрый Гулевичъ, не смотря на огромныя силы, противъ которыхъ дрался онъ болѣе двухъ часовъ.

Пуля прорвала у него кишки и остановилась въ животѣ. Лежать онъ не могъ, крови шло много и онъ часто впадалъ въ забытѣе и безпамятство. Но когда съ перевязочнаго пункта его несли на носилкахъ, то, опомнившись и увидавъ, что возвращаются, онъ тотчасъ спросилъ: «что это значитъ?» — «Непріятель бѣжалъ; побѣда за нами!» — «Когда

такъ, такъ пустите меня: я пойду.» Поддерживаемый двумя солдатами, онъ дошелъ до позиціи; — здѣсь ему тотчасъ же сдѣлали операцію: вынули пулю. На другой день отправили его на носилкахъ въ Усть-Цхенись-Цхали, а оттуда, чрезъ нѣсколько дней, перевезли въ Кутаисъ. — Рана была смертельна; но цвѣтуція лѣта, прекрасное сложеніе, организмъ свѣжій, неизнуренный до того никакими болѣзнями, потомъ жажда боевой жизни, сознаніе славнаго совершеннаго имъ подвига, желаніе снова схватиться съ врагами, наконецъ привычка къ службѣ, которая для Гулевича чуть-ли не составляла исключительную цѣль жизни, — все это способствовало къ развитію въ Гулевичѣ искры надежды на исцѣленіе, и онъ хотѣлъ жить, чтобы жизнь свою посвятить обожаемому имъ Государю и дорогому, безгранично любимому имъ отечеству. Во имя этихъ священныхъ чувствъ сердца Гулевичъ всегда настоятельно просилъ врачей, чтобы всякаго рода операціи, нужныя при его леченіи, дѣлались смѣло, безотлагательно и рѣшительно. Никому не удавалось ни разу услышать ни его жалобы на боль, ни стонувъ, хотя нерѣдко скальпель рѣзалъ у него тѣло, для того, чтобы корнцангомъ захватить секвестръ гнившей кости. Зондированія нарыва съ большими затеками производились почти ежедневно; къ нимъ нельзя привыкнуть, они болѣзненны, но Гулевичъ терпѣлъ. По отдѣленіи секвестра кости онъ обыкновенно говаривалъ: «Ну, выздоровленіе мое подвигается впередъ. Я хочу и буду жить для того, чтобы достойно отблагодарить Турокъ за то, что они не сдумѣли меня положить на мѣстѣ.

Почти въ одно время съ Гулевичемъ поступили въ ту госпитальную палату, въ которой онъ находился, маіоры Эмбаумъ и Вельяминовъ, оба тяжело раненые, — особенно первый. Отъ наблюдательности Гулевича, знавшаго важность раны Эмбаума, не ускользнули сомнительныя медицинско-латинскія пренія о ходѣ и возможномъ исходѣ леченія трудно-больнаго маіора. Внимательный ко всѣмъ вообще, Гулевичъ, самъ едва жившій надеждою и энергіею, сосредоточилъ тогда все вниманіе свое на Эмбаумѣ: просилъ перевязывать тяжело-раненаго, заботился о перемѣнѣ бѣлья, перестилкъ постели, о пищѣ, питьѣ его, о лекарствахъ, бинтахъ и ваннѣ. Ничто не ускользало отъ его вниманія. Съ лестною похвалою отзываясь объ Эмбаумѣ, Гулевичъ жалѣлъ его,

и въ эти минуты забывалъ себя: боль и страданія отъ собственной раны какъ будто бы исчезали при состраданіи его къ собрату, котораго онъ считалъ тогда очень опаснымъ, а за себя надѣялся. Но Богъ судилъ иначе! Эмбаумъ выздоровѣлъ, а Гулевичъ нѣтъ!

Въ августѣ мѣсяцѣ состояніе здоровья Гулевича сдѣлалось хуже; но все-таки онъ похаживалъ. Въ это-то время пріѣхавшій изъ С. Петербурга въ Кутаисъ флигель-адъютантъ Чертковъ, при осмотрѣ госпиталя, оживилъ Гулевича, привезя ему поклонъ незабвеннаго Государя Императора, въ лестныхъ выраженіяхъ отозвался объ его храбрости и вручилъ ему денежную штабъ-офицерскую награду, 300 руб. сер. Но не деньгамъ обрадовался Гулевичъ, обрадовали его слова Чертова, что о храбрости его и о важности раны знаютъ хорошо въ Петербургѣ. Надобно было видѣть Гулевича въ эти минуты: рассказать объ его восторгѣ и блаженствѣ, при видѣ милости и вниманія къ нему Государя, невозможно. Вотъ слово въ слово отвѣтъ Гулевича флигель-адъютанту Черткову. «Милостивый и Всемогушій Богъ! дай мнѣ жизнь, которая мнѣ нужна для того, чтобы ею жертвовать пользамъ Отца-Царя!....»

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ предписано было начальствомъ выдавать раненымъ лечебныя свидѣтельства, съ причисленіемъ ихъ къ разрядамъ. Какъ горько обидѣлся бѣдный Гулевичъ, когда на вопросъ его, къ которому же разряду раненыхъ онъ относится, медикъ отвѣчалъ ему, что одинъ изъ параграфовъ 1-го разряда прямо указываетъ на его рану. «Не нужно мнѣ вашего 1-го разряда, я служу Государю и буду служить изъ усердія, изъ чести, по совѣсти, не рассчитывая на вознагражденіе, какое даетъ раненымъ 1-й разрядъ. Притомъ же здоровье мое, безъ сомнѣнія, еще позволить мнѣ продолжать мою службу, и я доволенъ однимъ моимъ жалованьемъ.» Такъ говорилъ и такъ думалъ Гулевичъ; онъ не могъ помириться съ мыслию выдти въ *чистую* съ очень достаточнымъ пенсіономъ. Жить, жить хотѣлъ онъ, жить, чтобы служить, чтобы посвятить свои силы отечеству. Благородное и высокое самоотверженіе!

Надѣясь продолжать службу, онъ, недѣли за три до своей смерти, очень заботился о покупкахъ: готовилъ себѣ при-

надлежности военного обмундированія; ждалъ полученія ордена Св. Георгія, когда узналъ, что удостоенъ Думою, и этимъ гордился. «Никто, — говорилъ онъ, — надѣюсь, не скажетъ, что Гулевичъ не заслужилъ такой славной награды.» Дня за два до смерти онъ купилъ себѣ сукно и кой-какія бездѣлицы.

Между тѣмъ запасъ жизненныхъ силъ его истощался, не смотря на энергію, и 10-го октября Гулевичъ скончался, сохранивъ и разсудокъ и память до послѣдней минуты.

Онъ умеръ отъ истощенія силъ, въ слѣдствіе недостатка питанія. Отправленія кишечной системы окончательно были нарушены; пища, не перевариваясь и не усваиваясь организмомъ, извергалась чрезъ неестественные проходы. Вообще обстоятельство, что онъ съ такою важною и тяжелою ранюю могъ жить четыре съ половиною мѣсяца, представляетъ рѣдкій въ медицинско-практикѣ случай, и можетъ быть объяснено лишь жизнію покойнаго.

Гулевичъ былъ крѣпкаго пропорціонально-правильнаго тѣлосложенія; ростъ имѣлъ небольшой; но энергически сплоченный станъ его былъ прекрасно развитъ.

Жизнь онъ велъ скромную и воздержную и соблюдалъ всѣ правила къ сбереженію здоровья.

Образованіе имѣлъ Гулевичъ достаточное, и могъ поддерживать разговоръ о различныхъ предметахъ; но артиллерія была его сфера: тутъ онъ находился дома; все, что касалось до артиллеріи, до войны, до артиллерійской службы, увлекало Гулевича: онъ какъ-то невольно воспламенялся и былъ краснорѣчивъ. О немъ можно сказать, — по мѣткому выраженію врача, его пользовавшаго въ Кутаисѣ, — что онъ былъ вылитъ изъ артиллерійскаго металла. Въ госпиталѣ умирающій, рассказывая неоднократно о дѣлѣ при Нигоитскихъ высотахъ, Гулевичъ всегда приходилъ въ необыкновенный восторгъ, который нерѣдко врачамъ доводилось охлаждать — тяжкимъ напоминаніемъ объ его болѣзни, требовавшей непремѣннаго спокойствія, и душевнаго и тѣлеснаго.

Благодарность была отличительною чертою Гулевича и за каждое одолженіе ему оказанное, онъ до конца жизни былъ юношески, горячо признателенъ.

ПОЛКОВНИКЪ ЕГОРЪ ЕГОРОВИЧЪ ВИЛЬДЕ.

Полковникъ Егоръ Егоровичъ Вильде родился въ 1790 году и происходилъ изъ лифляндскихъ дворянъ. Получивъ хорошее домашнее воспитаніе, онъ 7-го сентября 1807 года, 17-ти лѣтъ отъ роду, поступилъ на службу кондукторомъ 2-го класса въ Инженерный Корпусъ; 24-го ноября 1809 года былъ произведенъ въ кондукторы 1-го класса, а 17-го февраля 1813 года, имѣя отъ роду 21 годъ, получилъ первый офицерскій чинъ — прапорщика, съ назначеніемъ въ 1-й піонерный полкъ. При переобразованіи инженерныхъ войскъ, послѣдовавшемъ въ началѣ 1816 года, Вильде переведенъ въ 5-й піонерный баталіонъ, названный въ 1817 году 6-мъ. Въ этомъ баталіонѣ онъ получилъ чины: 1-го февраля 1817 года — подпоручика и 23-го ноября того же года — поручика. Образованный, любившій занятія, служака, Вильде, какъ говорится, находился на дорогѣ; но, слѣдуя увлеченію молодости, онъ былъ, 14-го апрѣля 1820 года, отставленъ отъ службы за неприличные званію офицера поступки.

Въ Бозѣ почивающій Государь Императоръ Николай Павловичъ, знаменуя неисчислимыми милостями священныи день своего муропомазанія, явилъ знаки Монаршаго вниманія и къ участи тѣхъ, которые, бывъ на службѣ, предосудительными поступками подвергли себя справедливой строгости установленныхъ правилъ, въ надеждѣ и въ поощреніе ихъ исправленія. Высочайшимъ Указомъ, даннымъ 22-го августа 1826 года, офицерамъ, исключеннымъ изъ

военной службы за дурное поведеніе, если они отъ предводителей дворянства тѣхъ губерній, гдѣ проживали, представятъ аттестаты о порядочномъ поведеніи, во время выключки, дозволено было вступить обратно на службу первымъ офицерскимъ чиномъ, съ правомъ производства въ слѣдующій чинъ не по старшинству, но по особому засвидѣтельствуванію начальства.

Вильде, въ числѣ многихъ, успѣшилъ воспользоваться Монаршимъ милосердіемъ, и 23-го апрѣля 1827 года принять вновь на службу прапорщикомъ въ 8-й піонерный (нынѣ 1-й Кавказскій саперный) баталіонъ и, своею послѣдующею жизнію и ранами, вполне загладилъ заблужденіе молодости.

Въ это время Россія вела войну съ Персією. Вильде, тотчасъ по прибытіи на Кавказъ, поступилъ въ дѣйствовавшій корпусъ и вскорѣ обратилъ на себя вниманіе отличною храбростію. Первое военное движеніе, въ которомъ онъ участвовалъ, происходило подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Паскевича. Главнокомандовавшій, узнавъ о прибытіи Аббасъ-Мирзы съ значительными силами въ Эриванскую область, 29-го августа выступилъ изъ Нахичевани, 5-го сентября — прибылъ въ Эчмиадзинъ, 9-го — двинулся къ Араксу, а 18-го — уже стоялъ подъ стѣнами Сардаръ-Абада. Съ 14-го числа по 19-е, въ которое крѣпость сдавалась, Вильде постоянно участвовалъ въ осадныхъ работахъ, не рѣдко подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, и за от-

личіе, оказанное при этомъ, 6-го декабря того же года, награжденъ орденомъ Св. Анны 3-й степени съ бантомъ. 22-го сентября Паскевичъ двинулся къ Эривани; въ ночь на 26-е число начаты осадныя работы, а 1-го октября сдалась эта крѣпость, считавшаяся оплотомъ Персіи. Вильде, опять за отличіе, оказанное при осадѣ, 1-го января 1828 года, произведенъ въ подпоручики. По окончаніи же войны, въ вознагражденіе усердной службы и трудовъ, понесенныхъ въ сраженіяхъ, ему, наравнѣ со всѣми чинами, Всемилостивѣйше пожаловано, не въ зачетъ, годовое жалованье и медаль, за Персидскую войну установленная.

Вслѣдъ за тѣмъ русскіе орлы направили полетъ свой въ Азіатскую Турцію. Дѣйствующій корпусъ, въ которомъ находился и Вильде, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Паскевича-Эриванскаго, перешелъ, 14-го іюля 1828 года, изъ Гумръ (нынѣ Александрополь) за границу и быстро устремился къ Карсу. Вильде участвовалъ: 17 и 18 числъ—въ перестрѣлкѣ авангарда съ непріятельскими партіями; 20-го—въ усиленной рекогносцировкѣ Карса и въ разбитіи турецкой кавалеріи; на слѣдующій день—во взятіи непріятельскихъ шанцевъ; потомъ въ осадѣ и 23-го въ трехъ-часовомъ отчаянномъ штурмѣ, которымъ взята знаменитѣйшая крѣпость въ Азіатской Турціи. За отличіе, оказанное въ это время, онъ произведенъ въ поручики 16-го ноября того же года. Черезъ мѣсяцъ, 16-го іюля, Паскевичъ двинулся изъ Карса прямою дорогою къ крѣпости Ахалкалаки. Дорога эта, простирающаяся на 100 верстъ, пересѣкаетъ хребетъ огромныхъ Чильдырскихъ горъ. Чрезвычайныя затрудненія для движенія транспортовъ и осадной артиллеріи, ея представляемая, были преодолены неутомимыми работами войска, и Вильде имѣлъ случай прекрасно выказать всю свою дѣятельность и неустрашимость. Потомъ онъ участвовалъ 23-го іюля—во взятіи штурмомъ Ахалкалакъ, и за отличіе, оказанное при этомъ, удостоился получить Высочайшее благоволеніе, объявленное 3 декабря того же года.

Отсюда наши войска двинулись къ Ахалцыху, по тропинкамъ, чрезъ высочайшія горы, покрытыя дремучимъ лѣсомъ. Саперамъ, а съ ними и Вильде, приходилось на каждомъ шагѣ преодолевать величайшія трудности. По совершеніи этого истинно Суворовскаго марша, началась знаменитая осада

Ахалцыха, съ 5 по 15-го августа, въ которой Вильде опять обратилъ на себя вниманіе начальства. Между прочимъ, онъ участвовалъ: 5-го—въ рекогносцировкѣ крѣпости и въ разбитіи непріятельской кавалеріи, 9-го—въ кровопролитномъ пораженіи турецкаго 30,000 корпуса подъ начальствомъ Кіоса-Магомета-паши и въ овладѣніи четырьмя непріятельскими лагерями и контръ-апрошными укрѣпленіями, и 15-го—при взятіи крѣпости блистательнымъ штурмомъ, продолжавшимся 13 часовъ сряду. При этомъ Вильде жестоко раненъ ружейною пулею въ шею на вылетъ, за что, 19-го апрѣля 1829 года, удостоился получить новое Высочайшее благоволеніе и для излеченія раны былъ уволенъ главнокомандовавшимъ въ С. Петербургъ на 4 мѣсяца и потомъ, по Высочайшему повелѣнію, еще на два мѣсяца.

По возвращеніи на Кавказъ Вильде, 17-го мая 1829 года, снова выступилъ въ походъ вмѣстѣ съ войсками, слѣдовавшими подъ личнымъ начальствомъ главнокомандовавшаго. При переходѣ чрезъ неприступный до-тѣхъ-поръ Саганлугскій хребетъ, пришлось саперамъ опять преодолевать величайшія трудности. Потомъ Вильде участвовалъ: 13-го іюня—въ отраженіи Гагки-паши; 14-го—въ дѣлѣ съ непріятельской кавалеріею, стремительно атаковавшей передовыя наши войска; 15 и 16-го—при занятіи высотъ, окружающихъ укрѣпленный лагерь Гагки-паши и при его рекогносцировкѣ; 17-го—въ совершенномъ разбитіи непріятельской конницы, подъ предводительствомъ Османа-паши, близъ рѣчки Гункерсу и выбитіи изъ заваловъ непріятельской пѣхоты около селенія Бордусъ. Вслѣдъ за этимъ, 18-го іюня—войска наши, вдвое слабѣйшія противъ непріятельскихъ, прошли въ 25 часовъ 55 верстъ, по недоступнымъ стремнинамъ, снѣжнымъ горамъ, лѣсамъ и оврагамъ; 19-го и 20-го—разбили сераскира при Каинлы и Гагки-Пашу при Милли-Дюзе, овладѣли двумя лагерями, отняли у непріятеля всю артиллерію и совершенно разсѣяли турецкія силы, собранныя для защиты Малой Азіи и простиравшіяся до 50,000 человекъ. Въ этихъ блистательныхъ дѣлахъ Вильде принималъ дѣятельное участіе, работая какъ саперъ, сражаясь какъ пѣхотинецъ, и за отличіе, оказанное въ нихъ, равно какъ и въ предшествовавшихъ, удостоился 15-го декабря 1829 года получить еще разъ Высочайшее благоволеніе.

Потомъ онъ находился въ отрядѣ князя Бековича—Черкаскаго, овладѣвшемъ 21-го іюля селеніемъ Хоросаномъ, въ которомъ хранились значительные турецкіе артиллерійскіе и продовольственные запасы и участвовалъ въ истребленіи непріятельской кавалерійской партіи близъ селенія Ардосъ отрядомъ подъ командою Донскаго войска подполковника Басова; 22-го и 23-го—въ походѣ къ Гасанъ—Кале и овладѣніи этою важною крѣпостію;—ключемъ Арзерума; 24-го и 25-го—въ походѣ къ Арзеруму и въ перестрѣлкѣ при занятіи лагернаго мѣста въ 5-ти верстахъ отъ города; 27-го—при взятіи приступомъ укрѣпленной высоты Топъ—Дагъ, лежащей предъ Арзерумомъ, и вслѣдъ за тѣмъ,—при занятіи города и крѣпости.

По заключеніи мира, Вильде, наравнѣ съ прочими чинами, въ вознагражденіе усердной службы и трудовъ, понесенныхъ въ походѣ и сраженіяхъ противъ Турокъ, Всемилостивѣйше пожалованъ, не въ зачетъ, годовымъ жалованьемъ и серебряною медалью, за Турецкую войну установленною.

Въ 1831 году онъ участвовалъ сперва въ экспедиціи, предпринятой изъ Дербента, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Панкратьева, для усмиренія Табасаранскихъ и Каракайтакскихъ мятежниковъ, во время которой были заняты: 3-го октября — селеніе Моджалисъ и 4-го — селенія Хучлы. Потомъ, 7-го октября, онъ выступилъ въ походъ въ Шамхальскія владѣнія, и участвовалъ: 24-го — въ разбитіи при Эрпели непріятельскихъ скопищъ, простиравшихся до 10,000 человекъ, подъ предводительствомъ Умалать-бея, главнаго сообщника Кази—Муллы, во взятіи приступомъ этого укрѣпленнаго селенія и въ дѣлахъ, бывшихъ 25-го и 26-го подъ Черкеемъ съ главными дагестанскими приверженцами Кази—Муллы и въ самомъ покореніи Черкея; наконецъ, 1-го декабря, былъ на приступѣ, которымъ взяты укрѣпленія, воздвигнутыя Кази—Муллою при урочищѣ Чумкескентъ. Въ награду ревностной службы, отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ въ этихъ дѣлахъ, Вильде Всемилостивѣйше пожалованъ, 4-го декабря 1833 года, орденомъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, и, еще прежде, 25-го марта, по линіи, произведенъ въ штабсъ-капитаны.

Въ 1834 году, въ теченіе трехъ недѣль, съ 1-го по 21-е августа, онъ находился въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Вельяминова, и участвовалъ въ движеніи къ Абину и въ бывшихъ при этомъ перестрѣлкахъ съ Шапсугами; потомъ, съ 10-го по 23-е октября, въ движеніи отряда отъ Абина къ Геленджику и въ происходившихъ при этомъ дѣлахъ и перестрѣлкахъ съ Шапсугами, упорно защищавшими переходъ чрезъ хребетъ Маркотхъ; наконецъ, съ 27-го по 2-е ноября, въ переходѣ отъ Геленджика чрезъ хребетъ Нако къ Абину, и, за отличіе въ этихъ дѣлахъ, 25-го іюня 1835 года, произведенъ въ капитаны и, наравнѣ съ прочими, получилъ Высочайшее благоволеніе, объявленное въ приказѣ по Корпусу 29-го декабря 1834 года.

Въ 1835 году Вильде провелъ болѣе трехъ мѣсяцевъ, съ 14-го іюля по 8-е ноября, въ новой экспедиціи за Кубань, предпринятой также подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Вельяминова, для продолженія укрѣпленной линіи отъ Ольгинскаго тетъ—де—пона до Геленджика, и участвовалъ въ перестрѣлкахъ, происходившихъ при истребленіи многихъ ауловъ, и за отличіе въ этихъ дѣлахъ, 30-го апрѣля 1836 года, награжденъ орденомъ Св. Станислава 2-й степени, а вообще за участіе въ закубанскихъ экспедиціяхъ 1834—1835 годовъ Всемилостивѣйше пожаловано ему, не въ зачетъ, годовое жалованье.

Почти весь слѣдующій годъ Вильде провелъ опять за Кубанью, находясь въ экспедиціяхъ, сперва подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Малиновскаго, для исправленія плотинъ на Тлакофижскихъ и Аушетскихъ болотахъ и въ препровожденіи транспортовъ съ запасами къ Абинскому и Николаевскому укрѣпленіямъ; потомъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Вельяминова, для сооруженія Александровскаго укрѣпленія на рѣкѣ Дообѣ, и наконецъ въ движеніи къ Анапѣ и обратно, подъ начальствомъ генераловъ Фези и Вельяминова.

Съ 21-го апрѣля по 29-е октября 1837 года, подъ начальствомъ втораго изъ этихъ генераловъ, онъ участвовалъ въ экспедиціи для продолженія береговой укрѣпленной линіи по восточному берегу Чернаго Моря отъ Геленджика до устья рѣки Вулана, и при возведеніи Михайловскаго и Но-

вотроицкаго укрѣпленій. Этотъ годъ навсегда памятенъ для Кавказскихъ войскъ тѣмъ, что они удостоились счастья видѣть въ Бозѣ почивающаго Государа Императора. Въ числѣ другихъ Кавказцевъ, отличенныхъ Всемиловѣйшимъ вниманіемъ, былъ и Вильде.

Его Величество, по прибытіи, 21-го сентября 1837 года, къ расположенному въ Геленджикѣ дѣйствовавшему за Кубанью отряду, осматривая 2-ю піонерную роту Кавказскаго сапернаго баталіона, изволилъ замѣтить «послѣ весьма трудной экспедиціи» во всѣхъ нижнихъ чинахъ здоровый и бодрый видъ, за что объявилъ Вильде Монаршее благоволеніе. Вслѣдъ за тѣмъ онъ Всемиловѣйше пожалованъ, за отличіе, оказанное въ дѣлахъ противъ горцевъ въ эту экспедицію, единовременно 1000 р. асс.

Въ 1838 году, подѣ командою генераль-лейтенанта Раевского, Вильде былъ въ экспедиціи съ 7-го мая по 19-е ноября для занятія трехъ пунктовъ на восточномъ берегу Чернаго Моря и при возведеніи на нихъ укрѣпленій. При этомъ онъ находился въ дѣлахъ: 12-го мая — во время десанта на Туапсѣ и 31-го — при отраженіи непріятельскаго натиска на экипажи военныхъ судовъ, претерпѣвшихъ тамъ крушеніе; 10-го іюля — въ дѣлѣ при занятіи устья рѣки Шапсуги и 12-го сентября — въ десантѣ при занятіи пункта у устья рѣки Цемиса. Съ 2-го по 19-е ноября въ движеніи чрезъ земли Натухайцевъ отъ Новороссійска къ Анапѣ и обратно и во вторичномъ движеніи чрезъ Анапу въ укр. Джемитей при непрерывныхъ дѣлахъ и перестрѣлкахъ. За мужество, храбрость и отличіе, оказанныя въ этихъ дѣлахъ, онъ Всемиловѣйше награжденъ, 30 августа 1838 года, орденомъ Св. Анны 2-й степени.

16-го октября 1838 года происходило открытіе триумфальныхъ воротъ въ С. Петербургѣ побѣдоноснымъ россійскимъ войскамъ, въ память подвиговъ въ Персіи, Турціи и Польшѣ въ 1826, 1827, 1828, 1829, 1830 и 1831 годахъ. При этомъ, въ числѣ прочихъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, объявлено было и Вильде Высочайшее благоволеніе «за вѣрную службу и усердіе», а 29-го октября, по докладу Комитета, Высочайше утвержденнаго въ 18-й день августа 1814 года, Всемиловѣйше повелѣно,

въ уваженіе полученной въ сраженіи раны и недостаточнаго состоянія, производить ему изъ инвалиднаго капитала пенсіонъ, по чину піонернаго подпоручика, въ которомъ онъ былъ раненъ, именно по 530 руб. ассигн. въ годъ.

Въ 1839 году Вильде участвовалъ въ экспедиціи генераль-адъютанта Граббе въ Сѣверный Дагестанъ. Военныя дѣйствія этого отряда происходили въ такихъ мѣстахъ края, куда до того времени еще никогда русское оружіе не проникало; онѣ были сопряжены съ такими затрудненіями естественными и съ такимъ упорнымъ сопротивленіемъ со стороны непріятеля, какіе прежде едва ли встрѣчались. Наши войска, въ продолженіе болѣе четырехъ мѣсяцевъ, съ истиннымъ мужествомъ и непоколебимою твердостью переносили всѣ тягости и лишенія похода въ скалистыхъ и бесплодныхъ горахъ, преодолевали затрудненія, на каждомъ шагу имъ встрѣчавшіяся, и вездѣ геройски дрались, гдѣ только непріятель осмѣливался оказать сопротивленіе *).

Вильде, наравнѣ съ другими, славно участвовалъ въ этомъ рядѣ невѣроятныхъ подвиговъ. Кромѣ того, ему, какъ саперу, принадлежитъ часть славы, которою покрылъ себя этотъ родъ войскъ: инженерныя работы, совершенныя во время экспедиціи, представляютъ въ отношеніи техническомъ нѣчто совершенно особенное въ военномъ искусствѣ. Каждый, кто слѣдилъ за всѣми ихъ дѣйствіями, — говоритъ правдивый историкъ этой экспедиціи **), — не могъ не отдать имъ полной справедливости: они совершили, можно сказать, чудеса искусства и храбрости. При чрезвычайной ограниченности матеріальныхъ средствъ, при всѣхъ затрудненіяхъ отъ мѣстности каменистой, постоянно подѣ выстрѣлами непріятеля, саперы настойчиво, неутомимо продолжали свои работы, придумывая на каждомъ шагу что нибудь новое, дабы преодолѣть встрѣчаемыя препятствія.

*) Подробности этого похода мы будемъ описывать въ жизнеописаніи генераль-адъютанта Граббе.

**) *Описание военныхъ дѣйствій 1839 года въ Сѣверномъ Дагестанѣ*, составленное полковникомъ Милютинымъ, стр. 109.

Высоко-Монаршее благоволеніе, которое имѣла счастье заслужить самая мысль объ изданіи, лестное вниманіе къ нему высшаго начальства и общее сочувствіе, которымъ встрѣчено предпріятіе, налагаетъ на меня обязанность способствовать сколько возможно къ распространенію «Кавказцевъ» между соотечественниками, какъ изданія *исключительно* назначеннаго къ сохраненію подвиговъ, совершенныхъ на Кавказѣ, и прибыль отъ котораго предоставлена къ успокоенію раненыхъ и на помощь семействамъ падшихъ во славу русскаго оружія. По этому открывая подписку на выпуски, имѣющіе выйти въ теченіе будущаго 1858 года, нахожу возможнымъ предложить слѣдующія облегченія къ подпискѣ:

За первые 12 выпусковъ, состоящіе изъ 24 листовъ текста съ 18 приложеніями, и имѣющіе выйти до 1 января 1858 года, цѣна остается прежняя, то есть *шесть рублей*.

За слѣдующіе 24 выпуска (№№ 13—36), состоящіе изъ 48 листовъ текста, съ 36 приложеніями, имѣющіе выйти въ теченіи 1858 года, цѣна *двѣнадцать рублей*.

Но подписавшіеся на первые 12 выпусковъ до 1-го января 1858 года, вносятъ за 24 выпуска слѣдующаго года только *десять рублей*.

Желающіе подписаться на одинъ текстъ безъ рисунковъ платятъ *половину*.

За доставку на домъ въ С. Петербургъ прилагается: за первые 12 выпусковъ — *50 коп.*; за слѣдующіе 24 выпуска *1 руб.*, а за пересылку въ другіе города: за 12 выпусковъ *75 коп.*, а за 24 — *1 руб. 50 к.*

Казенныя и общественныя библиотеки и господа служащіе всѣхъ вѣдомствъ могутъ вносить подписныя деньги помѣсячно, по третямъ года, или въ другіе сроки, какіе они признаютъ для себя удобнѣйшими; но съ *непреклоннымъ* правиломъ, чтобы требованія на высылку изданія на подобномъ условіи были дѣлаемы чрезъ ближайшихъ начальниковъ и не иначе, какъ на имя редакціи. При этомъ редакція покорнѣйше проситъ гг. подписавшихся высылать адреса самыя вѣрныя, дабы безвинно не заслужить нареканія отъ гг. желающихъ знать чудные подвиги своихъ соотечественниковъ.

Періодическое изданіе «Кавказцы» имѣетъ предметомъ передать потомству, перомъ и карандашомъ, замѣчательнѣйшіе подвиги, совершенные на Кавказѣ, съ свѣдѣніями о жизни лицъ, ими прославившихся отъ генерала до рядоваго. О каждомъ лицѣ говорится отдѣльно, и, если можно, прилагается его портретъ, планъ мѣстности, гдѣ происходило дѣло, или рисунокъ, изображающій подвигъ. Описанія слѣдуютъ одно за другимъ, не стѣсняясь какимъ-либо опредѣленнымъ порядкомъ; а по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, по мѣрѣ ихъ изготовленія. Но наружный видъ изданія принять такой, что въ послѣдствіи можно будетъ расположить описанія въ порядкѣ алфавитномъ или хронологическомъ.

Изданіе выходитъ по два раза въ мѣсяцъ, выпусками въ 2 листа каждый, въ большую четвертку: текстъ печатается на хорошей бѣлой бумагѣ новымъ шрифтомъ, чисто, опрятно; приложенія, числомъ до трехъ въ мѣсяцъ, изготовляются лучшими нашими художниками и печатаются на китайской бумагѣ.

Подписка принимается: въ С. Петербургѣ: въ редакціи, находящейся въ С. Петербургской крѣпости, въ квартирѣ плацъ-маіора, полковника *Новоселова*; въ конторѣ изданія, учрежденной при книжномъ магазинѣ *Я. А. Исакова* (въ С. Петербургѣ, въ Гостивномъ Дворѣ, по Суконной линіи, подъ № 24), и въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта; — въ Москвѣ: у книгопродавца *Ө. И. Салаева*; — въ Тифлисѣ: у книгопродавца *Г. В. Берштама*.

Редакція принимаетъ на себя ручательство за исправную и своевременную доставку выпусковъ только въ томъ случаѣ, когда подписка принята въ этихъ мѣстахъ.

Выпуски разсылаются въ конвертахъ, заклеенныхъ наглухо.

Редакція не дѣлаетъ блистательныхъ обѣщаній, а даетъ только слово употребить всѣ усилія, чтобы сдѣлать изданіе вполне достойнымъ его назначенія. Она не будетъ щадить ни трудовъ, ни издержекъ и величайшею себѣ наградою будетъ считать, что сдѣлаетъ достояніемъ общимъ подробности о подвигахъ и жизни храбрыхъ соотечественниковъ. — Вся чистая прибыль отъ изданія, за покрытіемъ издержекъ, предоставляется въ пользу раненыхъ Кавказцевъ и семействъ убитыхъ. По этому въ концѣ cadaго года будетъ приложенъ списокъ всѣхъ гг. подписавшихся, какъ сочувствующихъ благой цѣли изданія.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законное число экземпляровъ. С. Петербургъ, сентября 25-го дня 1857 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

КАВКАЗЦЫ

ИЛИ

ПОДВИГИ И ЖИЗНЬ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛИЦЪ,

ДѢЙСТВОВАВШИХЪ НА КАВКАЗѢ.

ПЕРЮДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СОИЗВОЛЕНІЯ,

ВЫХОДЯЩЕЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Гвардіи Полковника Семена Новоселова.

ВЫПУСКИ 3-й и 8-й.

Жизнеописаніе полковника Вильде. (Окончаніе). — Жизнеописаніе генераль-лейтенанта Глазенапа.

Приложенія: Ауль Черкей. — Подвигъ полковника Вильде. — Портретъ генераль-лейтенанта Глазенапа.

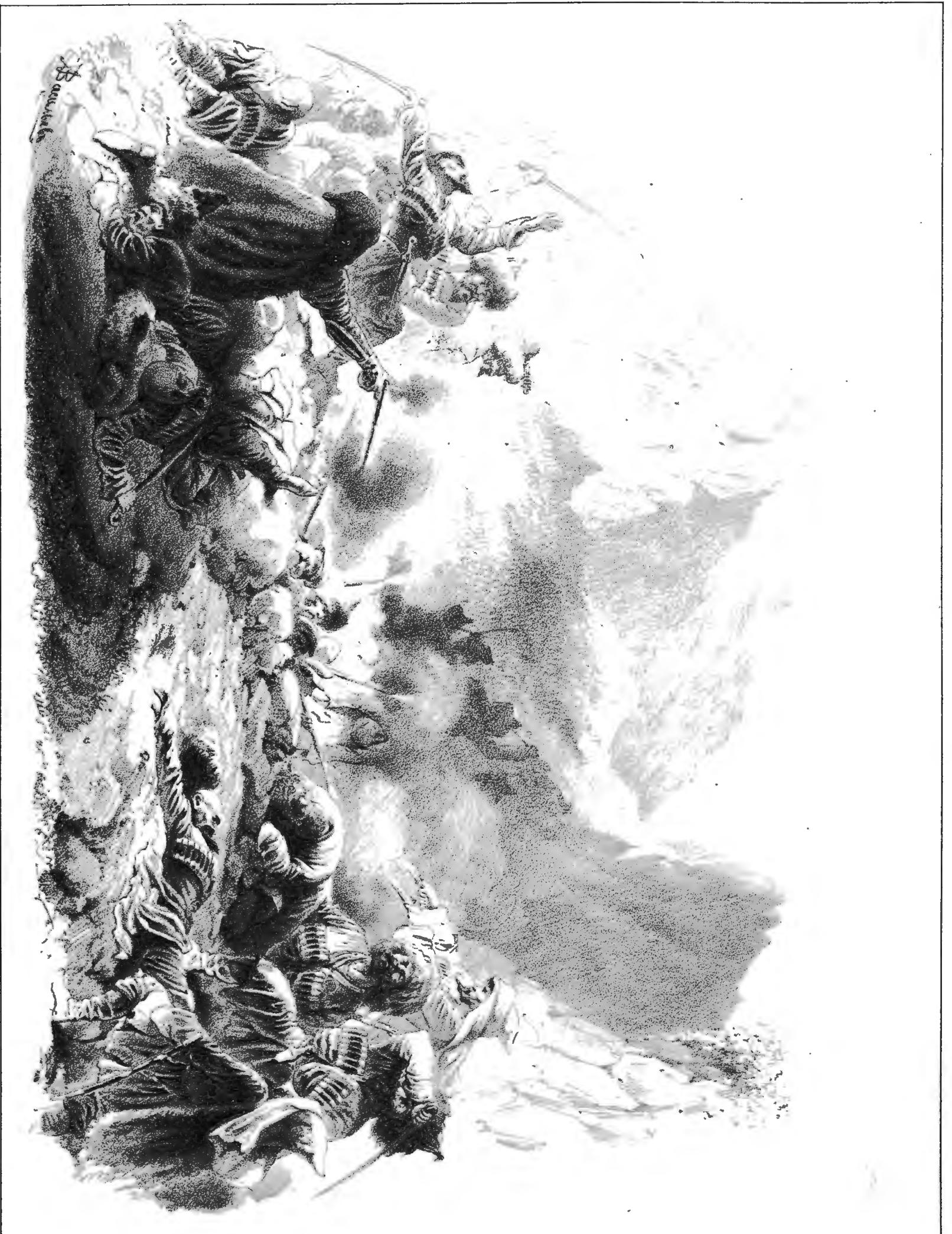
Благодарительное назначеніе прибыли отъ изданія «Кавказцы» — на успокоеніе проливавшихъ кровь за Вѣру, Царя и святую родину, заставляетъ Редакцію покорнѣе просить другія періодическія изданія — не перепечатывать ея статей и рисунковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1857.

Лев И. Корзинка.

ПОДВИГЪ ПОЛКОВНИКА ВИРЬДЕ.

Кавказскіе саперы давно уже стяжали себѣ безсмертную славу дивными своими подвигами и трудами въ горной войнѣ. Въ то время при Кавказскомъ Корпусѣ состоялъ только одинъ саперный баталіонъ, но не было ни одного дѣйствующаго отряда, при которомъ не находилась бы отъ него хотя небольшая команда. Слѣдуя въ головѣ колоннъ, обремененные шанцовымъ инструментомъ, среди тягчайшихъ трудовъ, саперы, съ одинаковымъ искусствомъ владѣя штыкомъ и топоромъ, первые выдерживали отчаянныя нападенія горцевъ и, подъ убійственнымъ огнемъ, прокладывали пути для войскъ нашихъ въ самыя неприступныя убѣжища непріятели. Обширныя сѣти дорогъ въ Чечнѣ, Дагестанѣ, за Кубанью, въ Черноморіи, Военно-Ахтинская чрезъ главный Кавказскій хребетъ — проложены ихъ искусствомъ, многолѣтними трудами и мужествомъ. Постоянное участіе въ экспедиціяхъ, не рѣдко на отдаленнѣйшихъ театрахъ дѣйствій нашихъ отрядовъ, образовало въ баталіонѣ много офицеровъ и солдатъ опытныхъ, знакомыхъ съ особенностями мѣстности, чрезвычайно трудной и разнообразной, и вездѣ дѣйствія ихъ, не взирая на естественныя препятствія, постоянно вѣнчались блистательными успѣхами.

Предѣлы нашего жизнеописанія не позволяютъ намъ объ этомъ здѣсь много распространяться; но мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи, хотя кратко перечислить главнѣйшіе труды, въ которыхъ участвовалъ Вильде *).

Въ самомъ началѣ похода, при движеніи отъ кр. Внезапной — сборнаго пункта отряда, въ землю Ичкеринцевъ, предстояла на каждомъ шагѣ тяжелая работа саперамъ, слѣдовавшимъ въ головѣ нашихъ войскъ, и Вильде, за труды, понесенные при этомъ, удостоился Всемилостивѣйшаго благоволенія. Въ то же время онъ участвовалъ 10-го мая въ

*) Объ инженерныхъ работахъ подъ Ахульго мы будемъ имѣть случай еще много говорить въ жизнеописаніяхъ двухъ саперныхъ офицеровъ, съ чрезвычайною пользою въ нихъ участвовавшихъ: гвардейскаго баталіона — графа Нирода и Кавказскаго — Гаряева, которые оба, за свои труды и неустрашимость, получили Георгіевскіе кресты.

дѣлъ при урочищѣ Ахметъ-Талъ и при занятіи и истребленіи бывшаго тамъ укрѣпленія Ташавъ-Гаджи; 12-го — при занятіи укрѣпленнаго замка Саясана, и при рѣшительномъ пораженіи этого возмутителя, и наконецъ, 14-го мая, въ дѣлѣ около Баланъ-Су, когда наши войска выдержали послѣдній отчаянный натискъ горцевъ.

Вслѣдъ за возвращеніемъ изъ похода въ землю Ичкеринцевъ, генераль-адъютантъ Граббе пошелъ на Ахульго чрезъ Салатау и Гумбетъ, по землѣ племенъ враждебныхъ, мѣстностію самую трудною для наступательнаго движенія, самую благоприятною для упорной обороны. Войскамъ нашимъ представилось множество случаевъ явить свое безстрашіе и самоотверженіе, а саперамъ, сверхъ того, и знаніе дѣла. Въ теченіе трехъ недѣль, со времени выступленія изъ крѣпости Внезапной до прихода подъ Ахульго, отрядъ прошелъ до 80-ти верстъ по самой трудной мѣстности, разрабатывая вновь дорогу на протяженіи болѣе 30-ти верстъ, нанесъ два рѣшительныя пораженія скопищу Шамиля и истребилъ 5 мятежныхъ селеній.

Вильде, между прочимъ, съ честію участвовалъ: 23-го мая въ трудномъ подъемѣ на лѣсистыя Хубарскія высоты; 24-го — въ переходѣ подъ мѣткимъ огнемъ непріятели, чрезъ глубокой Теренгульскій оврагъ, и въ сраженіи при Буртунаѣ съ многочисленнымъ скопищемъ Шамиля, за которое удостоился получить Высочайшее благоволеніе; 25-го и 26-го — въ подъемѣ по отлогому и открытому склону возвышенной плоскости Дюзъ-Тау и въ двухъ-суточной разработкѣ спуска съ вершины Суукъ-Булака, называемаго *Кирки*. Въ этомъ послѣднемъ дорогѣ высѣкали въ скалахъ, утесы рвали порохомъ. 29-го — онъ разрабатывалъ дорогу къ Дануху, идя впереди войскъ, когда непріятели, занявшій вершины хребта, приготавливалъ камни, надѣясь забросать ими отрядъ; а въ слѣдующую ночь былъ отряженъ для разработки спуска съ горы Шугу-Мееръ и далѣе дороги къ Аргуани; потомъ онъ участвовалъ въ блистательномъ штурмѣ этого селенія, въ кровопролитномъ бою, продолжавшемся непрерывно съ 4-хъ часовъ пополудни 30-го мая до разсвѣта 1-го іюня, кончившемся вторичнымъ пораженіемъ огромнаго скопища Шамиля.

По взятіи Аргуани, войска, и преимущественно саперы, въ теченіе четырехъ сутокъ были заняты разрушеніемъ аула, состоявшаго изъ 500 толстостѣнныхъ каменныхъ домовъ, и проложеніемъ чрезъ него дороги, что требовало много труда; за тѣмъ болѣе двухъ сутокъ употреблены были на разработку спуска къ Чиркату, занятому 5-го іюня. Далѣе Вильде находился въ огрядѣ флигель-адъютанта, полковника, — нынѣ генераль-адъютантъ и командиръ Отдѣльнаго Оренбургскаго Корпуса, — Катенина, возстановившаго переправу чрезъ разрушенный Сагрытлохскій мостъ и разработалъ дорогу къ Ашилтъ, которую наши войска заняли 9-го числа. Мостъ построенъ былъ сходно съ тѣми, которые сами горцы обыкновенно строятъ въ Дагестанѣ чрезъ свои быстрыя и довольно широкія рѣки: ширина Андійскаго Койсу въ Чиркатѣ болѣе 12-ти сажень; по необыкновенной быстротѣ теченія было необходимо, чтобы мостъ исключительно упирался на оба берега, безъ всякаго промежуточнаго устья. За совершеннымъ недостаткомъ матеріаловъ употреблены были только брусья изъ разобранныхъ сакель и камни; изъ послѣднихъ устроены съ обоихъ береговъ рѣки выступы, на которыхъ положены наклонно брусья въ нѣсколько рядовъ, такъ что каждый верхній рядъ выдавался нѣсколько далѣе нижняго. Концы послѣднихъ рядовъ брусьевъ съ обѣихъ сторонъ рѣки, связаны также брусками, на которые наложена настилка, такъ что образовалось нѣчто въ родѣ арки. По недостатку желѣза и даже канатовъ, употреблены, для связи брусьевъ, виноградныя лозы.

12-го іюня отрядъ перешелъ чрезъ этотъ мостъ, и началась блокада и осада Ахульго — послѣдняго убѣжища Шамиля, гнѣзда всѣхъ волненій и смятеній въ Дагестанѣ, отличавшагося своею неприступностію. Наши батареи, за недостаткомъ земли, были построены изъ туровъ, наполненныхъ камнями, привозимыми издалека. Но болѣе осадныхъ работъ представляло трудностей улучшение путей сообщенія: въ иныхъ мѣстахъ для провоза орудій было необходимо высѣкать дороги въ камнѣ и скалахъ. Работы производились только по ночамъ, часто на разстояніи пистолетнаго выстрѣла отъ непріятельскихъ укрѣпленій. Горцы не оставались простыми зрителями; они по ночамъ дѣлали вылазки, под-

крадывались къ нашимъ рабочимъ и покушались уничтожить ихъ труды. Къ этому прибавимъ, что число саперъ было весьма недостаточно для предпріятія систематической осады. Вильде предстояло очень много труда. Кромѣ того, онъ пользовался всякимъ случаемъ встрѣтить непріятели съ оружіемъ въ рукахъ.

Такимъ образомъ, онъ участвовалъ: 19-го іюня—въ пораженіи многочисленнаго скопища Ахверды-Магома, намѣревавшагося внезапно напасть на отрядъ; 22-го — въ движеніи къ Сагрытлохскому мосту и въ бывшемъ при немъ дѣлѣ, для окончательнаго разбѣянія непріятельскаго скопища; 23-го — при отраженіи вылазки изъ новаго замка и 29-го іюня и 4-го іюля — въ кровопролитныхъ штурмахъ Сурхаевой башни. За отличіе въ этихъ дѣлахъ, 25-го іюня, Вильде Всемилостивѣйше произведенъ въ подполковники.

Наконецъ, 16-го іюля, онъ участвовалъ при штурмѣ замка Ахульго и былъ жестоко раненъ въ лѣвую щеку ружейною пулею, которая, разбивъ челюсть, выбивъ пять зубовъ, прорвала языкъ, прошла чрезъ правую челюсть, выбивъ два зуба, и остановилась около сонной артеріи, гдѣ чрезъ три недѣли была вырѣзана.

Но, въ концѣ іюля, Вильде былъ уже снова въ бою. Осада Ахульго еще продолжалась.

Въ это время генераль-адъютантъ Граббе рѣшился прервать сообщенія Шамиля съ лѣвымъ берегомъ Койсу. Вильде принималъ дѣятельное участіе въ рекогносцировкахъ, которыми тщательно осматрѣна рѣка, и въ постройкѣ моста при Чиркатѣ, въ мѣстности, дававшей всѣ выгоды непріятелю. Работа была чрезвычайно опасна, но шла довольно успѣшно.

Прежде всего, 26-го іюля, начали пролагать дорогу къ тому мѣсту, гдѣ прежде находился мостъ, тогда разрушенный, и заложили батареи на высотахъ праваго берега. Въ ночь съ 30-го на 31-е число были спущены съ большимъ трудомъ орудія, а утромъ открытъ огонь. Одинъ баталіонъ Кабардинскаго полка спустился къ рѣкѣ; нѣсколько егерей переправились вплавъ; натянуть былъ канатъ черезъ Койсу;

на другой дель (1-го августа) начали ставить туры. Всѣ эти приготовления вполнѣ удостовѣрили непріятеля въ намѣреніи нашемъ устроить здѣсь переправу. Горцы, съ своей стороны, собрались въ прилежащихъ балкахъ и также начали строить завалы, рассчитывая напасть на первыя русскія войска, которыя рѣшатся переправиться.

Между тѣмъ въ лагерьъ приготовлялось все нужное для постройки моста, и скрытно, по ночамъ, производилась работа по дорогѣ къ прежнему Чиркатскому мосту. Въ ночь съ 1-го на 2-е августа построена противъ этого мѣста батарея и перевезены туда орудія. Два баталіона Кабардинскаго полка спустились къ берегу со всеми матеріалами и готовымъ срубомъ, который оставалось только установить на мѣстѣ. Къ работѣ приступлено съ разсвѣтомъ 2-го числа. Однакожь, горцы успѣли уже занять сады и балки противъ мѣста переправы. Для уменьшенія вреда отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, подступъ къ самому берегу прикрытъ турами.

Установку моста облегчали, уцѣлѣвшіе съ обоихъ береговъ, устои прежняго моста. Съ праваго берега часть приготовленнаго сруба была установлена безъ всякихъ препятствій въ тотъ же день: главное затрудненіе предстояло въ перенесеніи матеріаловъ на противоположный берегъ. Для этого устроена была первоначально длинная лѣстница; съ помощью нѣсколькихъ хорошихъ и смѣлыхъ пловцовъ, она перекинута съ края установленной уже части сруба на устой лѣваго берега; по этой лѣстницѣ не только начали переходить люди, но и перетаскивали матеріалы. Все исполнилось подъ выстрѣлами непріятеля. Огонь нашихъ батарей и стрѣлковъ, расположенныхъ за турами по правому берегу рѣки, удерживалъ горцевъ въ почтительномъ разстояніи. Къ вечеру 3-го числа уже три роты Кабардинскаго полка заняли лѣвый берегъ, и въ ночь утвердились тамъ, устроивъ ретраншанментъ. Къ полудню 4-го числа мостъ совсѣмъ былъ сложенъ. Конструкція его была не очень прочна, однакожь достаточна для переправы, не только пѣхоты, но даже горныхъ орудій и лошадей *).

*) *Описаніе военныхъ дѣйствій 1839 года въ Сьеріонѣ Дагестанѣ*, составленное полковникомъ Милютиннымъ, стр. 105—107.

Мы привели эти подробности для того, чтобы дать болѣе ясное понятіе о всехъ трудностяхъ, которыя предстояло преодолѣвать саперамъ въ эту экспедицію.

4-го числа, оба баталіона Кабардинскаго полка, съ милиціею Аварскою и Мехтулинскою, переправились на лѣвый берегъ Койсу, выгнали непріятеля изъ Чирката. Вильде и въ этомъ принималъ участіе.

Потомъ онъ продолжалъ дѣйствовать въ осадныхъ работахъ и, кромѣ того, участвовалъ: 17-го — при штурмѣ ретраншанментовъ впереди новаго замка Ахульго; 22-го и 23-го — въ штурмѣ обоихъ замковъ. Последній бой продолжался около полутора сутокъ, пока русскія войска не заняли убѣжище Шамиля; но дѣло тѣмъ не кончилось: тутъ начался упорный одиночный бой, продолжавшійся цѣлую недѣлю, по 29-е августа. Каждую саклю, каждую пещеру войска должны были брать оружіемъ. Горцы, не смотря на неминуемую гибель, не хотѣли сдаваться и защищались съ изступленіемъ. Трудно изобразить все сцены этого ужаснаго, фанатическаго боя. Вильде, подобно прочимъ, сражался отчаянно, и былъ свидѣтелемъ многихъ изъ раздирающихъ сценъ.

Отъ Ахульго наши войска двинулись, чрезъ Гимри и Темиръ-Ханъ-Шуру, къ Черкею; 14-го сентября послѣдовало покореніе этого аула, въ которомъ Вильде принималъ также участіе.

15-го декабря 1839 года онъ, «въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ въ дѣйствіяхъ противъ горцевъ», Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 2-й степени, украшеннаго Императорскою короною, а 9-го февраля слѣдующаго года, также «за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ», произведенъ въ полковники.

Кромѣ исчисленныхъ наградъ за экспедицію 1839 года, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ пожаловать Вильде въ пособіе, единовременно, 1030 р.; въ прибавку къ получаемому имъ пенсіону — 57 р. 30 коп. въ годъ и единовременно, на леченіе раны — 300 р. сер. Сверхъ того, наравнѣ съ прочими чинами, въ ней участвовав-

шими, онъ получилъ серебряную медаль на георгиевской лентѣ.

Высочайшимъ приказомъ, 27-го іюля 1841 года, Вильде назначенъ начальникомъ Лабинской линіи.

Осенью этого года онъ участвовалъ, 13-го октября — подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Засса, при отраженіи и преслѣдованіи партіи горцевъ, напавшихъ на табунъ, принадлежавшій Михайловскому укрѣпленію; а 23-го и 24-го числа—въ перестрѣлкѣ, происходившей при движеніи части отряда къ верховьямъ рѣки Псефире.

Въ 1842 году Вильде находился въ девяти-дневной, съ 3-го по 12-е февраля, экспедиціи генераль-лейтенанта Засса, за рѣку Бѣлую, въ которой горцы потерпѣли поражение и вытѣснены изъ лѣса. Въ августѣ мѣсяцѣ онъ снова былъ въ отрядѣ Засса, ходившемъ отъ Зассовскаго укрѣпленія въ земли Бееленеевцевъ по слѣдамъ непріятельскаго скопища, и участвовалъ, 4-го, 7-го и 12-го чиселъ, въ движеніи отряда вверхъ по р. Большому Теченю и Урупу и при пораженіи хищниковъ.

22-го декабря 1842 года онъ назначенъ начальникомъ Кубанской линіи *).

Между тѣмъ, до вступленія въ отправленія новыхъ обязанностей, Вильде участвовалъ: 1-го марта 1843 года—въ отраженіи значительной партіи горцевъ, атакующей Житомирскій постъ, а потомъ Зассовское укрѣпленіе; 9-го — въ схваткѣ казаковъ съ горцами, нападавшими на эти укрѣпленія, и 24-го — въ отраженіи горцевъ, нападавшихъ на станцію Михайловскую и въ ихъ преслѣдованіи.

По сдачѣ должности начальника Лабинской линіи, Вильде отправился на Кубань, съ конвоемъ изъ урядника и 25-ти казаковъ отъ Донскаго казачьяго № 40 полка. Съ нимъ же отправились: переводчикъ его, изъ Черкесовъ, урядникъ Поповъ и артиллерійскій солдатъ. На пути онъ выдержалъ

*) Слѣдовательно не вѣрно показаніе въ № 8-мъ *Кавказа* 1848 г., будто бы это назначеніе послѣдовало въ 1843 году.

упорную перестрѣлку съ партією хищниковъ. Излагаемъ въ подробности эту отчаянную защиту, послужившую предметомъ картинки, приложенной къ нашему жизнеописанію.

Слѣдуя изъ Чамлыкской станицы къ посту Урупскому, 9-го апрѣля, Вильде послалъ четырехъ казаковъ впередъ осмотрѣть балки, въ которыхъ могъ скрываться непріятель. Станица Чамлыкская отъ поста Урупскаго отстоитъ на 35 верстѣ; на половинѣ дороги авангардные казаки прискакали къ нему и объявили, что открыли въ балкѣ до 25-ти хищниковъ. Вильде, имѣя съ собою три повозки, остановилъ ихъ; казакамъ приказалъ слѣзться, устроилъ оборону и въ ту же минуту былъ окруженъ болѣе чѣмъ сотнею отборныхъ черкесскихъ всадниковъ, которые тоже слѣзились. Вильде, видя невозможность, въ открытомъ полѣ, защитить себя и команду, вспомнилъ, что впереди, за нѣсколько саженъ, на курганѣ, есть неглубокая яма, въ которой удобно можно укрыться отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Съ рѣшимостью онъ бросился сквозь толпы горцевъ, пробился и успѣшно достигъ до кургана, потерявъ на этомъ небольшомъ разстояніи убитыми: переводчика, урядника Попова и девять Донскихъ казаковъ; въ его самого попали двѣ пули: одна ранила его въ лѣвую ногу, а другая пробила фуражку, содрвавъ съ головы часть кожи. Поровнявшись съ курганомъ, Вильде бросилъ повозки и имущество, съ намѣреніемъ занять грабежемъ хищниковъ, на время, пока успѣетъ вскочить въ яму и приготовиться въ ней къ оборонѣ. Расчетъ былъ вѣренъ: горцы предались грабежу, а Вильде съ восемью остальными казаками, изъ которыхъ четверо были ранены, занялъ яму, на аршинъ наполненную водою, но вполне закрывавшую людей отъ выстрѣловъ. Онъ приказалъ казакамъ не терять ни одного патрона даромъ, а при атакѣ Черкесовъ не стрѣлять иначе, какъ въ упоръ.

Горцы, по разграбленіи повозокъ, окружили курганъ и продолжали пальбу съ часъ, но выстрѣлы ихъ не дѣлали никакого вреда, пули попадали въ землю или дѣлали рикошеты. Предводитель хищнической партіи, князь Джандіеровъ, видя бесполезность пальбы и не слыша ни одного выстрѣла защищающихся, приказалъ своимъ кинуться въ пашки.

Едва они гикнули и подскочили на такое разстояніе, что ни одна пуля не могла пронасть даромъ, грянулъ залпъ, и восемь горцевъ пали на мѣстѣ, прочіе отхлынули, подхвативъ убитыхъ.

Черезъ полчаса, изъ-за бугра, кто-то, заговоривъ по-русски, сдѣлалъ предложеніе защищавшимся выдать Вильде, обѣщая за то не трогать казаковъ, и возвратить имъ всѣхъ лошадей и даже тѣла убитыхъ. Наши отвѣчали, что никто живой не сдастся, и ежели еще хотятъ попробовать штурмовать курганъ, то навѣрно половина ихъ будетъ убита.

Предъ закатомъ солнца горцы вторично кинулись въ шашки, но мѣткими выстрѣлами, оная почти въ упоръ, отбиты съ большимъ урономъ. Послѣ же заката солнца хищники, по раздѣлѣ добычи, вѣроятно боясь, что атакованные получить помощь, отступили и переправились чрезъ Лабу.

Когда совершенно смерклось, Вильде вышелъ съ командою изъ ямы, просидѣвъ въ водѣ семь часовъ, перевязалъ раны свои и казаковъ, осмотрѣлъ поле битвы, нашелъ двухъ казаковъ живыми, но нѣсколькими пулями раненыхъ, взялъ ихъ съ собою и отправился по дорогѣ къ Урупскому посту; но какъ до поста оставалось еще 17 верстъ, а онъ самъ и казаки находились въ совершенномъ изнеможеніи, то долженъ былъ нѣсколько разъ отдыхать на дорогѣ, и эти 17 верстъ шелъ всю ночь, и прибылъ на Урупъ только въ 8 часовъ утра.

26-го февраля 1844 года Вильде переведенъ изъ полевыхъ инженеровъ по арміи съ состояніемъ при Отдѣльномъ Кавказскомъ Корпусѣ, а 10-го сентября назначенъ состоять по сапернымъ баталіонамъ, съ оставленіемъ при томъ же Корпусѣ.

Въ 1845 году, съ 23-го мая по 19-е августа, онъ находился въ экспедиціи съ генералъ-лейтенантомъ Шварцемъ и участвовалъ: 24-го мая въ движеніи на гору Якималь; ночью на 26-е мая — въ занятіи передовыми войсками горы Мааль-Раса; 29-го — въ бою части отряда на урочищѣ

Рогно-Орь; 31-го — въ дѣлѣ на горахъ Гекъ и Мааль-Расѣ съ Анкратльскими скопищами, въ числѣ 5,000 человекъ, подъ начальствомъ Даніель-Бека и муллы Шабана, при чемъ происходилъ рукопашный бой, кончившійся совершеннымъ пораженіемъ непріятели; 9-го іюня — въ движеніи отряда на урочище Тамалду и занятіи, 16-го числа, сел. Бехельты для прикрытія нижнихъ деревень Джурмута; 22-го — въ движеніи въ Тебельдинское общество для усмиренія Тебельдинцовъ; 26-го — при наступленіи отряда въ Анросское общество на Черельскую переправу; 27-го — при движеніи въ непокорное общество Ташъ, при истребленіи 4-хъ ауловъ; 28-го — при разореніи другихъ 14-ти ауловъ и истребленіи хлѣбовъ; 29-го — въ обратномъ движеніи на Черельскую переправу; 30-го — въ переходѣ къ границамъ Анцухскаго и Капучинскаго обществъ; 31-го — при штурмѣ заваловъ Гекъ-Нардивани (небесной лѣстницы) и въ сильномъ пораженіи Лезгинъ; 1-го августа — въ движеніи отряда на укр. Химрикъ; 11-го — въ наступленіи въ общество Дидо къ сел. Бежита; 12-го — въ занятіи съ боя хребта Мичитль; 13-го — при истребленіи Дидойскаго селенія Инухъ, занятіи штурмомъ селенія Кидиро, разореніи его и сел. Зехидо и Готахъ; 14-го — при занятіи главнаго селенія Дидойцевъ — Хупро, и въ бою при деревнѣ Хинохъ; 15-го — по соединеніи съ Кахетинскимъ отрядомъ, въ движеніи къ горѣ Чхинъ-Цвери, возвратился на Линію. За отличіе, оказанное въ этихъ дѣлахъ, Вильде Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени.

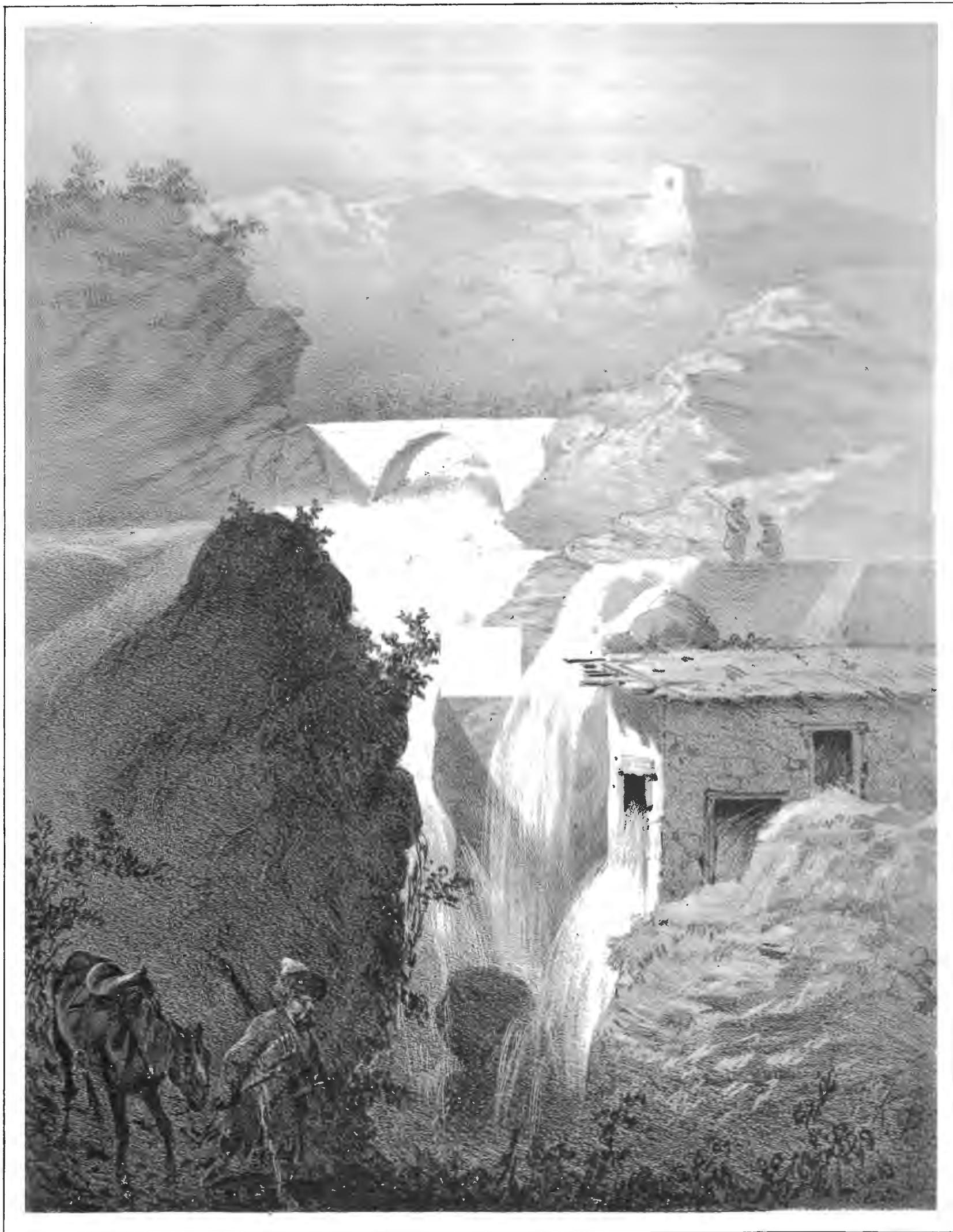
Въ 1846 году Вильде находился въ Лезгинскомъ отрядѣ при разработкѣ дороги отъ укрѣпленія Натлисъ-Мцемели къ горѣ Кадору и при устройствѣ на ней укрѣпленія у входа въ Дидойское общество, при чемъ, 29-го іюня, участвовалъ въ отраженіи и преслѣдованіи значительной партіи горцевъ, напавшей на лагерь отряда. Въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ при этомъ, Вильде, 16-го декабря того же года, Всемилостивѣйше пожалованъ золотою полусаблею съ надписью: «за храбрость.» Наконецъ, 1-го января 1847 года, онъ получилъ Св. Георгія 4-й степени, за безпорочную выслугу въ офицерскихъ чинахъ 25-ти лѣтъ.

Это была послѣдняя награда храбраго воина. Въ іюлѣ того же года онъ скончался отъ холеры, въ Тифлисѣ.

Вильде, какъ вообще боевые офицеры, отличался прѣзрѣніемъ опасностей и необыкновенною находчивостію въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Война была его стихією: подъ градомъ ядеръ, подъ свистомъ пуль — онъ

оживалъ. Какъ въ походѣ, такъ и на квартирахъ, Вильде чрезвычайно заботился о подчиненныхъ; за то и солдаты любили его, какъ отца. Самъ же велъ жизнь простую, претерпѣвая охотно всякія лишенія. Для офицеровъ онъ былъ хорошій товарищъ, веселый собесѣдникъ. Вообще Вильде принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые остаются въ памяти.

Снято съ нѣт Кавк. Сѣп. бат. Ш. К. Фоктома.

Илч. И. Корелинъ.

АУЛЬ ЧЕРКЕЙ (ВЪ ДАГЕСТАНЪ)

Библиотека "Руниверс"

Изд. гв. Подковника Новоселова.

Печ. И. Корелинъ.

ГЕНЕРАЛЪ — ЛЕЙТЕНАНТЪ
ГРИГОРІЙ ИВАНОВИЧЪ

ГЛАЗЕНАПЪ.

ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТЬ ГРИГОРІЙ ИВАНОВИЧЪ ГЛАЗЕНАПЪ.

Григорій Ивановичъ Глазенапъ происходилъ изъ лифляндскаго дворянства, въ которое предки его перешли изъ Помераніи, гдѣ издревле существуетъ родъ Глазенаповъ, въ одной линіи имѣющій титулъ графовъ. Онъ родился въ 1751 году и получилъ воспитаніе въ Россіи, блестящее по времени: кромѣ основныхъ наукъ, Григорій Ивановичъ зналъ языки русскій, французскій, нѣмецкій и польскій.

Въ службу онъ вступилъ 14-го іюня 1764 года, на 14-мъ году возраста, рядовымъ въ 3-й гренадерскій полкъ; черезъ три мѣсяца, 18-го сентября, былъ произведенъ въ подпорщики; черезъ годъ, 18-го сентября 1765 года, въ сержанты и, наконецъ, послѣ 5½ лѣтъ службы въ нижнихъ чинахъ, 1-го января 1770 года, пожалованъ прапорщикомъ съ переводомъ въ Симбирскій мушкатерскій полкъ.

Въ это время Россія вела войну съ Турціею. Симбирскій мушкатерскій полкъ принадлежалъ къ арміи знаменитаго графа Румянцова, имѣвшей назначеніе довершить покореніе областей, лежащихъ на лѣвомъ берегу Дуная, и утвердиться на этой рѣкѣ. Молодой прапорщикъ имѣлъ честь участвовать въ славнѣйшихъ дѣлахъ кампаніи: 17-го іюня — въ

обращеніи въ бѣгство 20,000 Турокъ, близъ Рябой Могилы; 7-го іюля — въ знаменитой побѣдѣ при Ларсѣ, за которую Румянцевъ получилъ Св. Георгія 1-й степени, и 21-го того же мѣсяца — въ еще болѣе безпримѣрномъ сраженіи подъ Кагуломъ, доставившемъ главнокомандовавшему фельдмаршалскій жезлъ, въ которомъ 17,000 Русскихъ разбили на голову 150,000 Турокъ, отразили 100,000 Татаръ, угрожавшихъ съ тылу, взяли 60 знаменъ, 140 орудій, 2000 плѣнныхъ и положили на полѣ битвы и во время преслѣдованія до 40,000 непріятели. Въ слѣдующемъ году Румянцевъ перенесъ наше побѣдоносное оружіе за Дунай и очистилъ оба берега рѣки отъ крѣпости Журжи до Чернаго Моря. Глазенапъ, произведенный, 1-го января, въ подпорщики съ переводомъ обратно въ 3-й гренадерскій полкъ, а 24-го того же мѣсяца пожалованный поручикомъ въ Старооскольскій мушкатерскій полкъ, находился, 7-го августа, на приступѣ къ Журжѣ, который, не смотря на геройское одушевленіе нашихъ войскъ, былъ неудаченъ; потомъ онъ участвовалъ, 22-го сентября, въ побѣдѣ подъ Бухарестомъ, а черезъ день, 24-го — въ занятіи Журжи, бывшемъ слѣдствіемъ этого сраженія.

Въ 1773 году, Глазенапъ, переведенный въ Лейбъ-Кирасирскій полкъ, участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Силистріею и Карасу, а въ слѣдующемъ году — въ походѣ къ Силистріи. Вскорѣ заключенъ былъ славный Кучукъ-Кайнарджскій миръ, и наши войска воротились въ отечество.

Въ теченіе послѣдовавшаго за тѣмъ мирнаго времени Григорій Ивановичъ получилъ чины: 24-го сентября 1776 года — ротмистра и 29-го августа 1784 года — секундъ-маіора.

Миръ былъ непродолжителенъ. Началась вторая Турецкая война. Глазенапъ сдѣлалъ кампанію 1789 года, въ которой перѣдко командовалъ особымъ отрядомъ легкихъ войскъ, всегда съ отвагою и благоразуміемъ. Съ 10-го мая онъ былъ отдѣленъ съ частію регулярныхъ войскъ, казаковъ и арнаутъ для содержанія аванпостовъ по рѣкѣ Пруту, что исполнялъ неусыпно, упреждая всѣ непріятельскіе замыслы Турокъ и, между прочимъ, освободилъ отъ нихъ 1127 семействъ крестьянъ, которыхъ перевелъ и переселилъ на рѣкѣ Гланѣ. Потомъ онъ участвовалъ въ сраженіяхъ: 3-го сентября — при Цыганкѣ, 7-го — при Сангѣ и Салгучѣ и подъ Измаиломъ, съ бригадиромъ Орловымъ, отъ котораго получилъ аттестатъ, свидѣтельствующій о ревностныхъ его подвигахъ; 14-го того же мѣсяца — Григорій Ивановичъ, бывъ командированъ съ тремястами арнаутъ къ мѣстечку Карнатохе-Красне, нашелъ въ немъ непріятеля въ числѣ 500 человекъ; онъ сперва заставилъ Турокъ отступить на суда, а потомъ, когда они, получивъ въ подкрѣпленіе 5 кораблей и 12 малыхъ судовъ, покушались сдѣлать высадку, не допустилъ ихъ до этого въ теченіе цѣлаго дня, а въ ночи сжегъ мѣстечко и отступилъ къ корпусу.

Съ 16-го сентября по 25-е ноября онъ находился въ корпусѣ своего дяди, генераль-поручика Михельсона, съ тѣми же легкими войсками, и былъ неоднократно употребляемъ въ партіяхъ, тревожившихъ Измаилъ, — что исполнялъ съ желаемымъ успѣхомъ, какъ свидѣлствуетъ аттестатъ, выданный ему отъ Михельсона.

Государыня, за эти дѣла, изволила пожаловать Глазенапа, 29-го сентября, въ премьеръ-маіоры; 9-го октября 1792 года, Государственною Военною Коллегіею онъ произведенъ въ подполковники, съ переводомъ въ Орденскій кирасирскій,

изъ котораго, 15-го марта 1795 года, переведенъ въ Нѣжинскій карабинерный полкъ; 30-го ноября того же года, Григорій Ивановичъ удостоенъ первымъ орденомъ — Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-го класса, за 25-ти-лѣтнюю въ офицерскихъ чинахъ службу.

Въ кратковременное царствованіе Императора Павла Петровича Глазенапъ получилъ нѣсколько перемѣщеній. 21-го марта 1797 года онъ былъ, по собственному желанію, опредѣленъ въ Ямбургскій кирасирскій полкъ, именованійся тогда полкомъ генераль-маіора Чевкина; 15-го іюля слѣдующаго года — произведенъ въ полковники, а 18-го октября — въ генераль-маіоры съ прежнимъ старшинствомъ и съ назначеніемъ, 9-го февраля 1799 года шефомъ къ Драгунскій имени своего полкъ, который въ 6 мѣсяцевъ сформировалъ въ Харьковѣ въ полномъ составѣ. Вскорѣ этотъ полкъ, вмѣстѣ съ многими другими, расформированъ — люди и лошади поступили на усиленія другихъ кавалерійскихъ полковъ, а шефъ ихъ, 4-го марта 1800 г., уволенъ отъ службы съ пожалованіемъ въ генераль-лейтенанты. Но такой дѣятельный человекъ не могъ оставаться долго въ бездѣйствіи.

17-го марта 1801 года Григорій Ивановичъ принятъ по прежнему въ службу съ состояніемъ по арміи, а 30-го марта назначенъ шефомъ Нижегородскаго драгунскаго полка, о сформированіи котораго, отдѣленіемъ 5-ти эскадроновъ отъ Нарвскаго драгунскаго полка, только въ этотъ день послѣдовало Высочайшее повелѣніе. Новому полку положено было находиться на Кавказской Линіи.

14-го октября 1803 года Григорій Ивановичъ, въ знакъ особеннаго Монаршаго благоволенія, Всемилостивѣйше пожалованъ алмазнымъ перстнемъ съ вензелемъ Его Величества; а 13-го ноября этого же года онъ Высочайше назначенъ инспекторомъ кавалеріи Кавказской инспекціи и командующимъ Линіею и войсками, тамъ расположенными, съ оставленіемъ шефомъ Нижегородскихъ драгунъ.

Занятія его по этимъ должностямъ были обширны, тѣмъ болѣе что въ то время чиновъ въ управленіи было очень немного; именно при немъ находился личный адъютантъ и адъютантъ по званію шефа Нижегородскаго драгунскаго полка, и эти два лица съ нѣсколькими писцами замѣняли

нынѣшній штабъ, состоящій изъ начальника, дежурнаго штабъ-офицера, нѣсколькихъ адъютантовъ, оберъ-квартирмейстера, офицеровъ генеральнаго штаба и проч.

Счастливыи случай доставилъ намъ въ руки замѣчательныя записки объ этой эпохѣ, веденныя лицомъ, весьма близкимъ Глазенапу; считаемъ долгомъ подѣлиться ими съ читателями, которые, надѣемся, не будутъ сѣтовать на то, что представляемъ нѣсколько подробностей о тогдашней кавказской жизни, которыя не могутъ быть не любопытными.

Начнемъ изображеніемъ Нижегородскаго полка (нынѣ Нижегородскій драгунскій Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго), которымъ непосредственно командовалъ полковникъ Сталь, — лице тоже весьма замѣчательное.

На счетъ состава офицеровъ и образованія нижнихъ чиновъ можно было справедливо гордиться полкомъ. Офицеры были люди образованные, нижніе чины одѣвались ловко и опрятно. Въ пѣшемъ строю драгуны не уступали пѣхотѣ, а маневрировали еще лучше; конное же ученіе, начиная съ манежной ѣзды, на кордѣ безъ сѣдла, на сѣдлѣ безъ стремянъ, одиночная выправка и шереночное ученіе съ разомкнутыми рядами, перепрыгиваніе чрезъ барьеръ и рвы — цѣлыми шеренгами производилась непрерывно. Эскадронныя ученія, по всѣмъ правиламъ и съ чистымъ равненіемъ, при сильной быстротѣ, дѣлались на славу, такъ что смотрѣвшіе полкъ кавалеристы Кологривовъ, Уваровъ и другіе были удивлены и отдавали преимущество предъ гвардіею. Фланкеры и разсыпныя атаки, приспособляясь къ образу тамошней войны, дѣлались съ знаніемъ и ловкостію. Черкесы чрезвычайно боялись драгуновъ, даже въ одиночку. Нарвскій драгунскій полкъ, изъ части котораго былъ сформированъ Нижегородскій, содержа долгое время кордонъ, по недостатку еще въ то время и необразованію казаковъ, славился чудесами храбрости и наѣздничества. Кабардинцы и Чеченцы отъ него дрожали.

Справедливо говорить старинная русская пословица о вліяніи начальниковъ на подчиненныхъ. О душевныхъ свойствахъ Глазенапа подробно скажемъ далѣе; здѣсь же не можемъ не привести сохранившихся подробностей о Сталѣ, которыя даютъ болѣе близкое понятіе о службѣ и жизни на

Линіи, во время начальствованія надъ нею Григорія Ивановича, у котораго Сталь находился, такъ сказать, непосредственнымъ помощникомъ.

Карлъ Ѳедоровичъ, какъ звали Сталя, былъ чистый ливонскій дворянинъ: видный собою, очень хорошо образованный и достаточнаго состоянія. Строгій по службѣ, пылкій, знающій свое дѣло и въ строю горячій, безъ всякой, однако, жестокости, благородный, великодушный, онъ, кромѣ службы, ничѣмъ не занимался. Свое хозяйство и дѣла онъ предоставилъ одинъ разъ навсегда слугѣ Ивану (изъ Чухонцевъ). Деньщикъ Артемій завѣдывалъ буфетомъ, лошадьми и охотничьими собаками, и Карлъ Ѳедоровичъ никогда не зналъ, что у него есть и чего нѣтъ. Всѣ офицеры — послѣ утренняго ученія и потомъ развода — бывали у полковаго командира и завтракали безъ всякихъ церемоній. Онъ никогда не угощалъ, былъ самъ гостемъ, и ничего, по видимому, не зналъ, что подадутъ; держалъ себя дома въ равенствѣ и безъ всякаго принужденія. Терпѣть не могъ, если въ это время что нибудь заговорятъ о службѣ; тотчасъ вспыхивалъ и прерывалъ отрывисто: «оставимъ, господа, этотъ разговоръ!» На службѣ же Сталь былъ совсѣмъ другой человекъ, и никому не было пощады; но онъ только требовалъ дѣла и не былъ какой нибудь притязатель и пустой суета, что выражалъ часто поговоркою: «суета есть зародышъ всякихъ безпорядковъ.» Во время тревогъ предъ неприятелемъ, Карлъ Ѳедоровичъ выходилъ изъ себя за бѣготню и шумъ, и кричалъ командирскимъ голосомъ: «Что за безтолковица въ такомъ-то эскадронѣ. Смирно! Молчать!» Это, въ ночи, когда его не было видно, магически восстанавливало тишину.

На одномъ изъ пѣшихъ ученій, поручикъ З. дѣлалъ ошибку за ошибкою, какъ нарочно, командуя не впадать, т. е. если надобно взводъ завести правымъ плечомъ, онъ заводилъ лѣвымъ. Сталь сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній; наконецъ сказалъ, что его только султанъ отличаетъ. Надо знать, что на этомъ ученіи приказано было нижнимъ чинамъ быть въ каскахъ, а офицерамъ въ шляпахъ. З. сильно обидѣлся, и послѣ ученія явился къ полковнику съ объясненіемъ, требуя удовлетворенія. «Какого удовлетворенія вы, милостивый государь, хотите? Я готовъ, хоть на

бочку пороха....» съ жаромъ и рѣшительно сказалъ полковникъ. З., вѣроятно, не понравилось предложеніе совершить воздушное путешествіе на бочкѣ, и онъ смиренно ретировался.

Другой случай былъ серьезнѣе. На конномъ ученѣ, за болѣзнію эскадроннаго командира, маіора Паскевича, командовалъ капитанъ К...., всегда бывшій въ разладѣ съ фронтомъ, и долго думавшій. Разумѣется, ему были сдѣланы нѣсколько выговоровъ и, по окончаніи ученя, эскадронъ оставленъ для продолженія ученя. Пылкій Сталь загналъ до усталости всѣхъ лошадей, и крупное слово, сказанное къ нижнимъ чинамъ, К.... принялъ на свой счетъ, требуя за публичную обиду удовлетворенія. Полковникъ, при собраніи офицеровъ, просилъ прощенія у обиженного, сказавъ, что онъ, правда, горячаго темперамента, но никогда не позволитъ себѣ оскорбить благороднаго человѣка грубою бранью, не знаетъ почему К... обращенное къ солдатамъ принялъ на свой счетъ, раскланялся и вышелъ. Между офицерами находились интриганы, промышлявшіе тѣмъ, какъ бы только устроить исторію; они подбили К..., а тотъ предложилъ полковнику Сталю стрѣляться на смерть; но, какъ предстоялъ на дняхъ инспекторскій смотръ, то дуэль отложили до роспуска полка по квартирамъ. Роспускъ последовалъ, и соперники съ секундантами выѣхали на назначенное мѣсто. К... требовалъ стрѣляться на шинели; Сталь, считая это хвастливою глупостью, предлагалъ стрѣляться въ 12-ти шагахъ. Секунданты обѣихъ сторонъ долго уговаривали непреклоннаго К... и, наконецъ, довели его до того, что онъ нашелъ себя удовольствованнымъ тѣмъ, что его вызовъ былъ принятъ, и выстрѣлилъ вверхъ, прощая обиду, которую Сталь признавалъ, однако, небывалою. На другой день К... подалъ въ переводъ изъ полка, и хотя Сталь давалъ ему рыцарское слово предать забвенію неприятное ихъ столкновеніе, но уговорить не могъ.

Однако при всемъ этомъ, ни Сталь, ни Григорій Ивановичъ, не допускали ни малѣйшей фамиліарности съ подчиненными. Какъ бы не были довольны офицеромъ, даже самымъ близкимъ къ нимъ, напримѣръ, адъютантомъ, они не расточали похвалъ въ глаза. Офицеръ никогда не смѣлъ при нихъ сѣсть, и холодное служебное обращеніе, по мнѣнію

этихъ старыхъ служагъ, вело къ дисциплинѣ. Эскадронные командиры тогда были штабъ-офицеры, и держали себя въ должной дистанціи отъ оберъ-офицеровъ. Тогда были такіа убѣжденія, что трудно управляться и сохранять тонъ начальника, когда почти равенъ чиномъ, заслугами и опытностію. Сознавая, что для жизни въ такой провинціи, какъ тогда была Кавказская Линія, гдѣ не существовало благороднаго общества, сближеніе и пріязнь конечно пріятны, въ то же время считали, что служба, особенно въ важныхъ случаяхъ, отъ фамиліарности съ подчиненными можетъ потерпѣть, гдѣ требуется безмолвное исполненіе приказаній.

До обѣда офицеры ѣздили со Сталемъ на охоту или стрѣляли изъ пистолетовъ въ цѣль у него въ залѣ, такъ что офицеры *все время до ночи проводили вмѣстѣ*.

Охота была подлинно царская. Борзые горскихъ и псовыхъ лучшихъ породъ, какъ у самого Сталя, такъ и у многихъ офицеровъ, были превосходныя; стрѣляли офицеры также отлично. Кабановъ, оленей, козъ, русаковъ много держалось въ окрестностяхъ Екатеринодара, по кустамъ и дикимъ виноградникамъ. Фазановъ было бездна, дупельшнеповъ и бекасовъ—безъ числа. Князь М. С. Воронцовъ, бывшій еще въ чинѣ штабсъ-капитана, Кушелевъ и князь Козловскій,—жители Петербурга, видѣвшіе лучшія охоты въ Россіи, проведя проѣздомъ изъ Грузіи болѣе недѣли въ Екатеринодарѣ и участвуя въ этихъ охотахъ, удивлялись изобилію превосходной дичи и искусству охотниковъ.

Черкесы, видя стрѣльбу нашихъ по вальдшнепамъ, изумлялись мѣткости и приближаться не смѣли. Офицеры, прибывавшіе изъ внутренней Россіи, въ короткое время такъ научались стрѣлять изъ ружья и пистолета, что попадать пулею въ пулю считалось обыкновеннымъ. *Такъ-то тогдашніе Кавказцы постоянно готовились къ войнѣ*.

Глазенапъ считалъ *), что тогдашняя служба на Линіи требовала «недреманности, искусныхъ стрѣлковъ, наѣздинокъ и самую легкую артиллерию, по узкимъ горнымъ тропинкамъ удобно провозимую.» *Вспомъ симъ обзаводимся*, писалъ онъ въ августѣ 1804 года **). По этому-то охота,

*) Письмо Глазенапа отъ 16-го августа 1804 года, напечатанное въ *Славянинѣ*, 1828 г., № XI, стр. 104.

***) Тамъ же.

которая пріучаетъ ко вниманію, находчивости, меткой стрѣльбѣ и набѣдничеству, находила сильное покровительство какъ у самого Глазенапа, такъ и у Сталя.

Екатериноградъ, — мѣстопробываніе тогдашнихъ властей на Линіи, — заключалъ въ себѣ: вдоль по рѣкѣ Малкѣ крѣпостицу, въ которой находился исключительно одинъ комиссаріатъ, станицу Волжскаго казачьяго полка и солдатскую слободку; въ послѣдней помѣщались два эскадрона Нижегородцевъ и госпиталь. Строенія, какъ и вездѣ по Линіи, были довольно дурно выстроены и растянуты до того, что съ промежутками отъ слободки до станицы было 2 версты.

Въ крѣпостицѣ собственно, при основаніи Кавказской Линіи, имѣлъ пребываніе главный ея начальникъ — графъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ. Домъ, или лучше дворецъ, служившій ему помѣщеніемъ, отличался большею роскошью. Лѣсъ на постройку доставляли изъ Астрахани, а другія принадлежности изъ столицъ. Потемкинъ окружалъ себя многочисленною свитою, давалъ затѣйливые праздники, и горскіе князья и дворяне (уздени) лучшихъ фамилій всегда толпились около него. Дикарей этихъ ласкали, дарили и покупали ихъ золотомъ. По этому Потемкинъ зналъ о всякомъ дурномъ предпріятіи горцевъ и, принимая мѣры, разрушалъ намѣреніе въ самомъ началѣ. Но главною системою его было поддерживать междоусобную вражду у Черкесовъ и, не допуская до единомыслія, заставлялъ слабыхъ прибѣгать подъ защиту Русскихъ, которая однакоже оказывалась съ благоразуміемъ.

Все это способствовало тому, что, хотя Линія находилась постоянно въ тревожномъ положеніи, набѣги малыми партіями происходили часто; но замѣчательныхъ происшествій, нарушавшихъ спокойствіе цѣлаго края, не было, и о важныхъ экспедиціяхъ почти не слыхали.

Линію охраняли регулярныя войска и казаки Донскіе и лѣпейные. На части кордона, подчиненной командиру Нижегородскаго драгунскаго полка, были расположены: Донскіе полки Кутейникова и Попова и Екатериноградская станица Волжскихъ казаковъ. Они содержали частые пикеты, разбѣды, маяки, а ночью секреты на берегахъ Малки и Терека; а въ солдатской слободкѣ и станицѣ находились резервы отъ казаковъ и драгуновъ, у которыхъ лошади бывали осѣд-

ланы, а люди, въ аммуниціи и въ готовности, ожидали сигнала къ тревогѣ. Выстрѣлы на пикетахъ или секретахъ и зажженіе маяковъ были этими сигналами. Люди, вскочивъ на лошадей, неслись во весь опоръ. Линейные казаки отличались необыкновеннымъ проворствомъ, и хотя стояли далѣе драгуновъ, но успѣвали прежде, завязывали дѣло и всегда удачно оканчивали прогнаніемъ воровъ, а если они успѣвали прорваться внутрь, то, давая знать въ обѣ стороны, преслѣдовали до невозможности, не смотря на чрезвычайно темныя ночи.

Война неопасная для полковъ и отрядовъ, но гибельная для солдатъ и казаковъ, которые отваживались отдѣлаться поодиначкѣ за какою-нибудь надобностію, — по всеподданнѣйшему свидѣтельству Глазенапа *), — представляло состояніе линіи въ 1804 году. У горскихъ народовъ *миръ* означалъ робость и слабосиліе. Если былъ случай украсть, увлечь въ плѣнъ, застрѣлить для забавы, то ихъ не останавливала ни честь, ни совѣсть, ни жалость. Они не вѣдали ни той, ни другой, ни третьей **). «Не какіе нибудь оскорбительные съ нашей стороны поступки вызывали горцевъ на столь гнусныя дѣла, — писалъ генераль черезъ нѣсколько дней***), — а ненасытная алчность къ золоту, которое, по ихъ образу жизни, имъ совсѣмъ не нужно и котораго они употребляютъ не умѣютъ.» — «Правда, — прибавляетъ онъ ****), — что пріобрѣтаютъ они изъ Багдада и Дамаска дорогое оружіе; но оно, обыкновенно, достается въ добычу нашимъ, поселеннымъ по Линіи казакамъ, кои все почти имѣютъ ихъ шашки, пистолеты, бурки и сѣдла, съ боя отнятыя.»

Вотъ нѣсколько происшествій этого времени, которыя приводимъ, какъ показывающія то состояніе тревоги, въ которой безпрестанно, денно и ночью, находилась Линія, равно какъ и факты удалства нашихъ войскъ.

*) Письмо Глазенапа отъ 2-го іюня 1804 года, помѣщенное въ *Славянинъ*, 1827, № XXVI, стр. 447.

**) Тамъ же.

***) Отъ 6-го іюня. Тамъ же, стр. 448.

****) Тамъ же.

27-го апрѣля 1804 года кабардинскіе хищники набѣхали днемъ къ посту Есентуцкому, находившемуся на половинѣ дороги отъ Константиногорска къ Кисловодскому укрѣпленію. Сначала, въ маломъ числѣ, они вступили въ перестрѣлку съ сторожевыми казаками Донскаго полковника Кошкина полка, которыхъ тогда было 8 человекъ, при офицерѣ; потомъ непріятелей собралось изъ разныхъ мѣстъ до ста человекъ. Казаки, видя превосходное ихъ число, сдѣшась, изъ-за лошадей отражали ихъ. Кабардинцы же, когда увидѣли приближавшихся на помощь казаковъ съ другихъ притоновъ, тотчасъ обратились въ бѣгство; ихъ преслѣдовали, но бесполезно, — догнать никакъ не могли. При этой перестрѣлкѣ убито казаковъ 2, ранено 4; со стороны непріятеля убито 2, ранено нѣсколько.

Черезъ три дня, 1-го мая, партія Чеченцевъ, состоявшая изъ 200 человекъ, утромъ очень рано, отогнала рогатый скотъ и табуны лошадиные на противной сторонѣ рѣки Терека, отъ деревни князя Бековича. Извѣстясь объ этомъ, Моздокскій комендантъ, полковникъ Протопоповъ, послалъ въ погоню за хищниками 70 человекъ Кубанскаго казачьяго полка при офицерѣ. Они въ довольно большомъ разстояніи догнали хищниковъ и отбили весь рогатый скотъ, ведя съ ними перестрѣлку. При этомъ были ранены 3; съ противной же стороны убито 4, ранено нѣсколько.

Въ ночи съ 10-го на 11-е число того же мѣсяца трое кабардинскихъ хищниковъ, подкравшись къ пикету, стоявшему за рѣкою Малкою, сдѣлали выстрѣлъ по часовому. Донскаго Кутейникова полка урядникъ Щепакинъ, находившійся на томъ посту, съ 10-ю вооруженными казаками пустился преслѣдовать непріятеля и, гнавшись около 20-ти верстъ, неожиданно на рѣкѣ наткнулся на партію Кабардинцевъ, составлявшую около ста человекъ, которые тотчасъ отрѣзали казаковъ и открыли стрѣльбу. Урядникъ, сколько ни защищался, но видя превосходное число хищниковъ, нашелся принужденнымъ отъѣхать и, сдѣшась, засѣлъ въ лѣсу, и тѣмъ спасся отъ большой потери. При этомъ убито казаковъ 2, а у непріятелей 1.

Осенью, 1805 года, табунъ лошадей станичныхъ казаковъ пасся близъ границы при рѣкѣ Малкѣ, и ночью, хотя

находился только въ верстѣ отъ селенія, не былъ безопасенъ. Не далѣе какъ дни за два до происшествія, Чеченцы захватили солдата, ѣхавшаго безопасно съ мельницы и вывѣдали у него о мѣстѣ пастбы табуна. Партія Чеченцевъ, человекъ изъ 80-ти, ночью подѣхала такъ скрытно, что съ пикетовъ ея не замѣтили. Половина переплыла рѣку Малку, другая ожидала на той сторонѣ. Переплывшіе, чтобы удобнѣе вогнать табунъ въ рѣку, кинжалами прорубали въ чащѣ кустарника дорогу, и ринулись на табунъ съ пальбою и крикомъ. Табунный караулъ состоялъ изъ 12-ти человекъ малолѣтковъ, казачьихъ дѣтей, отъ 14-ти до 18-ти лѣтъ. Надобно замѣтить, что всегдашнее упражненіе дѣтей казаковъ на лошадяхъ и въ стрѣльбѣ, при всякихъ праздникахъ, встрѣчахъ и проводахъ станичниковъ на службу, въ отряды, съ младенчества изощряли ихъ въ набѣдничествѣ до того, что они превосходили даже старыхъ казаковъ. И такъ эта молодежь, завидѣвъ злодѣевъ, выступила имъ на встрѣчу, а одинъ взвился и полетѣлъ въ станицу. Съ перваго раза они свалили четырехъ Чеченцевъ и нѣсколько ихъ ранили. Отъ станицы и отъ драгуновъ, по первымъ выстрѣламъ, уже летѣли на мѣсто резервы, а по извѣстію табунщика и всѣ наличные казаки, служащіе и отставные, на лодкахъ пустились по быстрой рѣкѣ внизъ. Станичный начальникъ, есаулъ Лучкинъ, стоитъ, чтобы о немъ упомянуть. Это былъ храбрый изъ храбрѣйшихъ казаковъ, находившійся во многихъ передѣлкахъ. Онъ распоряжался и начальствовалъ на сушѣ и водѣ. Чеченцы не успѣли еще перегнать черезъ рѣку табунъ, какъ были атакованы Лучкинымъ и лодочниками, и тѣ изъ горцевъ, которые плыли, всѣ заплатили жизнью за свое удалство. Партія же, поджидавшая на другомъ берегу, была сильно атакована, и съ урономъ скрылась, пользуясь темнотою ночи. Драгуны успѣли во время сильной схватки казаковъ, и появленіемъ своимъ принудили горцевъ къ бѣгству, пустивъ имъ въ догонку нѣсколько пуль. Казаки въ этомъ случаѣ явили доказательство своего необыкновеннаго проворства и смѣтливости. Отбитыя чеченскія лошади и оружіе были розданы по принадлежности. Лучкину достался вороной конь, скакавшій съ быстротою птицы, безъ одышки и топота. Онъ всякій день пріѣзжалъ на немъ съ рапортомъ — дѣлая въ карьеръ двухъ-верстное разстояніе отъ своего

дома до подъѣзда начальника кордона, и драгуны не могли налюбоваться ѣздокомъ и конемъ.

Бдительность охранной стражи поддерживалась дѣятельностію кордонныхъ начальниковъ. Сталь этимъ славился на Линіи. Онъ часто самъ внезапно повѣрялъ пикеты и разѣзды, и посылалъ для этого, день и ночь, офицеровъ. Старались всѣми мѣрами незамѣтно подъѣзжать къ пикетамъ, и горе было тѣмъ казакамъ, которые не успѣвали сѣсть на коня и встрѣтить, или попадались въ какой оплошности. Ихъ смѣняли и наказывали строго, безъ жалости. Это было тогда необходимо; не слѣдовало щадить неисправныхъ для собственной ихъ пользы. Донскіе казаки, прійдя изъ домовъ и не осмотрѣвшись въ этой сторонкѣ, бывали очень оплошны, вялы и скучали по родинѣ, да и были дурно снаряжены лошадьми и оружіемъ, чрезъ что бывали жертвами своей неопытности, и не рѣдко случалось, что горцы, напавъ на сонныхъ Донцевъ, вырѣзывали караулъ. Съ другими войсками это тоже случалось, но гораздо рѣже.

Напримѣръ, на Терекѣ, близъ Червленской станицы, однажды пикетъ Моздокскихъ казаковъ, разведя огонь, сначала грѣлся, а потомъ въ повалку улегся и предался сну. Чеченецъ изъ-за рѣчки все это высмотрѣлъ и, переплывъ, подобрался къ спящимъ, обнажилъ свой страшный кинжалъ и хотѣлъ начать рѣзню, но рука не дѣйствовала, окрѣпнувъ отъ осенней воды. Онъ разогрѣвалъ ее предъ огнемъ, размахивая кинжаломъ, но не замѣтилъ, что вѣрный своему долгу часовой, въ удобномъ мѣстѣ на деревѣ, сидѣлъ невидимкою и въ него мѣтилъ изъ винтовки. Раздался выстрѣлъ, положившій на повалъ врага; сонные встрепенулись и были ужасно удивлены незванному гостю, распротертому между ними съ кинжаломъ въ рукѣ.

У горцевъ въ то время не было обыкновенія сдаваться въ плѣнъ, ни при какой крайности, ни при какой невозможности къ спасенію. Фанатическая увѣренность, что кто палъ отъ руки гяура, тотъ непременно наслѣдуетъ царствіе небесное—господствовала во всей первообразной своей силѣ. Примѣры отчаянной обороны, которые ихъ иногда и спасали, въ то время были неисчислимы. Приведемъ двѣ изъ такихъ удивительныхъ защитъ.

Однажды, при всей бдительности пикетовъ, партія изъ 11 человекъ Чеченцевъ прокралась, между Моздокомъ и Екатериноградомъ, внутрь Линіи къ Можарамъ. Слѣды ихъ были открыты по сакмѣ, и преслѣдованіе съ разныхъ пунктовъ устремлено за ними. Они долго летѣли стрѣлою на своихъ лихихъ коняхъ, но и неизмѣнные кони, будучи двое сутокъ въ ѣздѣ и безъ корма, измѣнили. Тогда горцы нашли довольно глубокую яму и, отрубивъ лошадямъ головы, засѣли обороняться ружейными выстрѣлами. Число казаковъ постепенно прибывало. Осажденные не теряли духа, продолжали перестрѣлку, и положили нѣсколько казаковъ и лошадей. Наконецъ патроны были израсходованы. Тогда Чеченцы изломали свои ружья и пистолеты, переломили пашки, и остались съ одними кинжалами. Казаки, ободрясь, ударили на нихъ со всѣхъ сторонъ, перекололи всѣхъ пиками, не слышавъ ни одного слова о пощадѣ.

Другой случай. На Кубани, близъ Баталь-Пашинской переправы, два горца, залегши въ лѣсу за колоду, полдня перестрѣливались съ сотнею Донскихъ казаковъ Аханова полка; нѣсколько людей и лошадей были убиты и ранены, и эта исторія долго бы тянулась, если бы не подоспѣли линейцы, которые, выманивъ у непріятеля выстрѣлъ, прямо на нихъ бросились.

Бывало, что въ схваткѣ казаки ударяли тупымъ концемъ пика въ голову и, ошеломивъ горца, вязали и брали въ плѣнъ; но образумившійся плѣнный убивалъ или самъ себя, либо другихъ.

За то, когда Черкесь попадался въ злодѣяніи и былъ приговоренъ къ прогнанію сквозь строй, которое горцы называли кизикъ-чекмень (красный кафтанъ), то ожесточенные солдаты били ихъ не на животъ, а на смерть, и рѣдко которые выдерживали наказаніе, хотя бы и не много разъ слѣдовало пройти.

Мы уже замѣтили о крайне ограниченномъ составѣ чиновъ тогдашняго управленія.

Адъютантамъ Глазенапа была бездна работы: они бывали въ своихъ квартирахъ только ночью, потому что почти цѣлый день проводили у начальника, гдѣ было положено всегда обѣдать и за столомъ разливать супъ! Такъ уже водилось... Ученье, бумаги, посѣщеніе лазарета, музыкантской, унтеръ-

штаба и посылки съ приказаніями по городу занимали все время. Въ канцеляріи работали непрерывно.

Всѣ эти занятія по службѣ постоянно отправлялись въ мундирѣ, въ бѣлыхъ лосинахъ и ботфортахъ, съ шляпою въ рукѣ и саблею при бедрѣ. Такая форма соблюдалась и у Глазенапа, гдѣ непрерывно случался генералитетъ и высшіе чины; иначе быть почиталось неприличнымъ; и тогда все это почиталось ни мало не затруднительнымъ.

Вечеромъ отрапортовавъ о состояніи частей, адъютанты должны были стоять, когда начальникъ лежалъ въ вольтеровскихъ креслахъ и, принявъ приказанія, должны были выслушивать исторію о графѣ Петрѣ Александровичѣ Румянцевоѣ, о сраженіи подъ Кагуломоѣ и проч., что они слушали каждый день въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. По пробитіи 10-ти часовъ, адъютанты были отпускаемы и, забѣжавъ въ канцелярію, лѣгали къ знакомымъ отвести духъ.

Въ тогдашнемъ обществѣ въ Георгіевскѣ былъ обычай, что ни одна дама не могла обходиться безъ чичизбея и кандидата на случай отлучки. Потому молодымъ офицерамъ было весело. Танцовали иногда до шести и семи часовъ утра, и играли — только не въ карты, а съ дамами, бывшими всегда любезными и безъ церемоніи.

Въ это время на всей Линіи былъ одинъ только офицеръ генеральнаго штаба, поручикъ Розье, который находился при всѣхъ экспедиціяхъ.

Остановимся на этомъ оригиналѣ, давнымъ давно забытаго типа тогдашнихъ квартирмейстерскихъ офицеровъ, всѣми при томъ уважаемому и любимому.

Розье носилъ мундиръ съ признаками едва замѣтными, какой онъ части, кожаный картузь, бурку и ногайку. Лошадь ему служила поочереды отъ казаковъ; такъ онъ выступалъ и въ походѣ, какой бы продолжительный не былъ; дома же ему оставлять было нечего. При безопасной и цинической жизни, это былъ офицеръ способный и распорядительный и отчаянной храбрости. Онъ въ походѣ всегда съ казаками впереди и первый въ огнѣ; вездѣ успѣвалъ—и въ боковыхъ цѣпяхъ, и въ арріергардѣ; на мѣстѣ же разставлялъ пикеты, учреждалъ разъѣзды и вразумлялъ казаковъ кратко и ясно. Ночью нѣсколько разъ вставалъ и осматривалъ цѣпь, а потомъ спалъ урывками и никогда не имѣлъ своей палатки,

но приходилъ къ кому либо изъ офицеровъ невидимкою и, завернувшись въ бурку, ложился на сырую землю и спалъ. Розье многихъ удивлялъ такими нечаянными ночными посещениями, но преимущественно выбиралъ хозяина, у котораго могъ найти пуншъ, весьма имъ любимый. Казаки называли его: «Розьевъ птица», а прочіе же, имѣя нужду подозвать его къ себѣ, не называли его никогда Розье,—да и бесполезно было бы, потому что, находясь всегда въ какой-то пассивѣ, онъ никакъ бы не услышалъ,—а кричали *пуншъ*. Тогда онъ оглядывался, поднималъ голову и галопировалъ пополамъ съ иноходью на своей лошади. Розье дѣйствительно служилъ отлично, на виду всѣхъ, нескончаемые годы, въ одномъ и томъ же чинѣ, и на особенныя награды не рассчитывалъ.

Оканчиваемъ эти рассказы, думая, что успѣли дать понятіе о состояніи Линіи во время командованія Глазенапа *).

Несчастное происшествіе на Бѣломечетскомъ посту, гдѣ Кабардинцами были вырѣзаны казаки, и другія приключенія на Линіи вынудили князя Циціанова послать въ Большую Кабарду отрядъ войскъ, подѣ начальствомъ Глазенапа, для наказанія Кабардинцевъ и возстановленія между ими, по прежнему, родовыхъ судовъ.

Григорій Ивановичъ самъ считалъ это необходимымъ. По его мнѣнію **), всѣ случившіяся на Линіи происшествія отъ нападенія хищниковъ показывали *необходимость жестоко наказатъ ихъ и вселитъ въ нихъ страхъ*, потому что *на Азіятцевъ челолюбіе и амнистія не производятъ ничего добраго: они принимаютъ это за знакъ слабости и трусости*.

3-го мая 1804 года изъ Прохладной войска переступили границу, переправясь чрезъ рѣку Малку.

Отрядъ составляли 16 эскадроновъ драгуновъ, по 4 эскадрона отъ полковъ Нижегородскаго, Борисоглѣбскаго,

*) Вездѣ, гдѣ только удобно, мы будемъ сообщать подобныя свѣдѣнія, по убѣжденію, что, кромѣ удовлетворенія любопытства, въ этомъ случаѣ простительнаго, они проливаютъ свѣтъ не только на жизнь и дѣянія дѣйствователей, но и могутъ служить для объясненія самаго хода событій въ краѣ.

**) Письмо Глазенапа къ генералу В. изъ лагеря въ Кабардѣ, на рѣкѣ Чегемѣ, отъ 18-го мая 1804 года, напечатанное въ *Славянинѣ* 1827, № XXV, стр. 412.

Таганрогскаго и Владимірскаго, 8 баталіоновъ пѣхоты и до 1000 линейныхъ казаковъ, съ 24-мя орудіями пѣшей артиллеріи. Отрядъ сильный и изъ прекрасныхъ свѣжихъ войскъ.

Время было самое пріятное. Кабардинцы, при самомъ вступленіи въ ихъ предѣлы, приняли наши войска не какъ мирные, но какъ непріатели. Отъ Малки до рѣки Баксана не было ауловъ, и жители не появлялись. На Баксанѣ наши расположились лагеремъ, и 9-го мая, въ депъ св. угодника Божія Николая, помолились въ полковой церкви. Послѣ обѣдни офицеровъ зазвалъ на завтракъ войсковой старшина Моздокскаго казачьяго полка Золотаревъ; ѣли бурсаки, балыки и запивали чпхиремъ. Золотаревъ, маститый старецъ, съ длинною бѣлою бородою, извѣстный своею храбростію, показывалъ посѣтителямъ свое оружіе, съ бою отъ Азіатцевъ добытое: ружьи и пистолеты съ золотою насѣчкою, красивымъ рисункомъ расположенною, пику персидскую изъ натурального камыша съ копьемъ и оправою подъ золотомъ. Солдаты обѣдали, а лошади смиренно паслись на прекрасной травѣ между казачьихъ передовыхъ пикетовъ и лагеремъ. Равнина, ничѣмъ не пересѣкаемая, кромѣ нѣсколькихъ кургайтовъ, виднѣвшихся издалека, разстилась впереди отряда. Деревня, оставленная убѣжавшими жителями, состоявшая изъ каменныхъ и плетевыхъ домовъ, была версты полторы отъ лагеря. До горъ все было открыто и ровно на двадцать пять верстъ. Вдругъ изъ табуновъ и казачьихъ пикетовъ принесли во весь опоръ вѣстники, что отъ горъ показалась туча пыли, но нельзя распознать, непріатели то или что другое. Поднялась тревога, лошадей гнали въ лагерь. Пѣхота, суетясь, становилась въ ружье; приказанія начальниковъ громко раздавались, артиллерию уже запрягали. Казаки, имѣя лошадей подъ сѣдлами, стреноженныхъ, были на коняхъ, готовы. Драгуны же ловили лошадей съ большею неудачею: онѣ прорывались чрезъ арканы и бѣгали по полю къ сторонѣ непріателя, который, постепенно приближаясь, обозначался въ толпѣ конныхъ всадниковъ въ числѣ 1500 человекъ *).

*) Письмо Глазенапа, отъ 25-го мая 1804 г., въ *Славянинѣ*, 1827 г., № XXV, стр. 413. — Въ рукописи, о которой мы говорили, число Кабардинцевъ показано отъ 5 до 6 тысячъ человекъ.

Глазенапъ выслалъ тотчасъ 350 казаковъ, подъ командою Лучкина и Савельева, которымъ приказалъ спросить Кабардинцевъ, чего они хотятъ? Между тѣмъ драгуны поймали и осѣдлали лошадей. Казаки же около упомянутаго аула раскинулись въ свой боевой порядокъ, и за ними, подъ прикрытіемъ части пѣхоты, спѣшили 4 орудія артиллеріи. Не доѣзжая до аула, горцы остановились въ двухъ толпахъ и, вмѣсто всякихъ переговоровъ, выслали наѣздниковъ, завязавшихъ перестрѣлку съ казаками, хвастливо джигитую на коняхъ. Представилась подлинно великолѣпная картина, достойная искусной кисти. Казаки, съ свойственною имъ храбростію, состязались съ удалцами. Не желая упустить случая проручить ихъ, Глазенапъ немедленно подкрѣпилъ своихъ. Драгунская колонна, въ 16 эскадроновъ, подъ командою генераль-маіора Лецино, пошла на рысяхъ. Колонна пѣхоты, кромѣ резерва, впредь до приказанія, оставленнаго для прикрытія лагеря, подвигалась за драгунами. Казаки, ободренные приближеніемъ регулярныхъ войскъ, начали выказывать свое удалство. Равнина, по которой драгуны проходили, была уже устлана убитыми, лежавшими безъ одежды, какъ мать родила. Между прочимъ на встрѣчу имъ медленно подвигался на бѣломъ, какъ снѣгъ, конѣ своемъ—Золотаревъ, смертельно блѣдный, поддерживаемый двумя казаками, не болѣе часа назадъ такъ радушно угощавшій отрядъ. Онъ былъ прострѣленъ въ грудь и, едва доѣхавъ до лагеря, скончался.

Казаки, ратовавшіе впереди, смотря на драгуновъ, какъ на надежную опору, напирали сильнѣе и сильнѣе, и Кабардинцы не рѣшались ударить на нихъ всею массою. Офицеры и солдаты Нижегородцевъ кричали начальникамъ «въ атаку надобно, въ атаку!» но Лецино, бывший первый разъ въ жизни въ огнѣ, растерялся, и не придумалъ ничего лучшаго, какъ прежде построить каре, помѣстивъ артиллерию по угламъ, и потомъ спѣшиться! Покуда это построение производилось, на помощь явился генераль-маіоръ Лихачевъ. Онъ велъ съ Линія на присоединеніе къ отряду свой славный 16-й егерскій полкъ, съ частію казаковъ и артиллерию и, не доходя до лагеря, видя съ высоты перестрѣлку, перемѣнилъ направленіе и двинулся въ лѣвый флангъ и тылъ горцамъ. Разсыпавъ цѣлый баталіонъ въ аулѣ, егеря произвели

убійственный огонь; горцы поспѣшно оставили поле битвы, уклонясь въ горы; ихъ даже не преслѣдовали.

На нашей сторонѣ были всѣ преимущества. Прекрасные эскадроны на свѣжихъ и добрыхъ коняхъ, горѣвшіе желаніемъ врубиться, и мѣстоположеніе, какъ нарочно созданное для атакъ какого угодно фронта. Опрокинувъ непріятеля, наши могли его рубить на пространствѣ 25-ти верстъ. Къ удивленію и всеобщему негодованію этимъ не воспользовались. При шермицелѣ этомъ, — какъ тогда выражались, — убито: казачьихъ войскъ 1 есауль; 1 пятидесятникъ, 3 казака и ранено 16 казаковъ. Съ противной стороны убито до 40 человекъ.

На другой день, т. е. 10-го мая, войска наши поднялись изъ лагеря и двинулись по слѣдамъ Кабардинцевъ, къ горамъ. Показавшіеся въ разныхъ мѣстахъ аулы, вдругъ запылали. Сами жители, желая выразить намъ свою непріязненность, зажгли ихъ. Непріятель нигдѣ не показывался, и движеніе отряда, при пріятной погодѣ, можно было почестъ прогулкою. Драгунскіе лихіе пѣсенники заливались; маіоръ Суржиковъ *) басилъ среди ихъ. Ночлегъ отрядъ имѣлъ на высотѣ, при рѣчкѣ Чегемѣ, у надмогильныхъ каменныхъ памятниковъ. Чегемъ истекаетъ изъ Черныхъ горъ, составляющихъ подножіе гигантовъ Кавказа. Между отрядомъ и горами простиралась равнина, разрисованная изгибами рѣчекъ Чегема и Шалухи, украшенныхъ цвѣтущими кустарниками. На этой равнинѣ было сборище бунтующихъ Кабардинцевъ, расположившихся группами и переходившихъ отъ одной къ другой. Кони ихъ, потреноженные, паслись среди ихъ. Это все было отъ отряда не болѣе двухъ верстъ. Кабардинцы выслали къ Глазенапу своихъ старшинъ, чрезъ которыхъ увѣрили, что они на все согласны и готовы удовлетворить всѣ русскія претензіи, только бы имъ дали для того два дня времени. Съ нашего лагеря часто туда перѣзжали, посланные генераломъ, бывшіе при отрядѣ преданные князья, или переводчики изъ Армянъ. При появленіи

*) У него въ эскадронѣ было два хора — русскій и малороссійскій. Онъ всѣмъ мѣрами вызнавалъ хорошіе голоса въ разныхъ полкахъ и перенрашивалъ къ себѣ. Много любителей съѣзжалось нарочно слушать его пѣсенниковъ.

такихъ посланныхъ, отдѣльные группы Кабардинцевъ сливались въ одну огромную, и о разномысліи ихъ можно было догадаться издалика, по происходившему волненію.

Наконецъ, Глазенапъ, *зная неизрѣченное милосердіе Государя, уважилъ ихъ просьбу, какъ бывшихъ покорныхъ, возвращавшихся къ своему долгу.*

Переговоры длились до 14-го числа, и лагерь нашъ ни днемъ, ни ночью не былъ тревожимъ. Но, въ этотъ день хищники, вмѣсто того, чтобы заниматься выборомъ судей, вывезли всѣ свои семейства съ имуществомъ въ ущелье горъ, а сами укрѣпясь, — не были уже ни на что согласны. Видя такое ихъ явное неповиновеніе, Глазенапъ принужденъ былъ дѣйствовать. Онъ построилъ изъ обозовъ вагенбургъ, и давъ ему прикрытіе изъ пѣхоты и артиллеріи, съ частію художонныхъ казаковъ, со всѣмъ отрядомъ, въ боевомъ порядкѣ, переправился въ бродъ за быстрый Чегемъ. Вступивъ на равнину, войска пріостановились: пѣхота стояла въ двухъ кареяхъ, между ними помѣщалась кавалерія въ двѣ линіи, развернутымъ фронтомъ, а за серединою резервъ изъ 3-хъ баталіоновъ. Артиллерія была поставлена въ разныхъ мѣстахъ впереди боеваго порядка, и всѣ казаки, тоже съ резервомъ, разсыпаны саженьяхъ въ 200 передъ артиллерією. Григорій Ивановичъ объѣзжалъ фронтъ и ободрялъ войска рѣчью. Солдаты крестились. Ударили барабаны и все двинулось. Кабардинцы, видя приближеніе русскихъ войскъ, встрѣтили ихъ съ гикомъ. Глазенапъ, — по его выраженію *), *тотчасъ оказалъ имъ военную руку побѣдоноснаго Его Императорскаго Величества войска.* Кабардинцы отступили и потянулись въ лѣво къ горѣ, и стали на нее подниматься, ведя перестрѣлку съ казаками. Наконецъ, они взобрались на гребень довольно высокой горы и растянулись въ виду нашего отряда, который, въ томъ же порядкѣ, слѣдовалъ за ними. Казаки раздвинулись на обѣ стороны, егеря 16-го полка съ генераломъ Лихачевымъ двинуты впередъ. Этотъ полкъ былъ доведенъ до совершенства и стрѣлялъ превосходно, особенно изъ штуцеровъ. Обмундированъ онъ былъ хорошо и

*) Тамъ же, стр. 414.

не слишкомъ строго придерживаясь формы: шапки свѣтло-зеленаго сукна, какъ черкескія, куртки и шаровары того же цвѣта, легкій ранецъ, черезъ одно плечо, длинно, почти у бедра висѣвшій, такъ что если хоть на минуту останавливались, — человекъ снималъ эту ношу и клалъ у своихъ ногъ; патронташъ кругомъ всей талии, ружье и болѣе ничего. Егеря 16-го полка могли бѣжать сколько угодно, не отставая отъ кавалеріи и умѣли садиться на лошадей позади драгуновъ. Зеленое это войско разсыпалось мастерски: по сигналу легло въ траву и поползло. Ихъ вовсе не было видно; только Лихачевъ, безпрестанно ѣздившій на бѣлой своей лошаdkѣ, и барабанщикъ при немъ представлялись отряду. Когда егеря подались уже впередъ на прицѣльный выстрѣлъ, данъ былъ сигналъ стрѣлять. Стрѣльба такихъ молодецвъ оказалась чрезвычайно убійственною. Люди и лошади Кабардинцевъ безпрестанно падали и катились подъ ноги отряду, такъ что непріятель былъ съ горы сбитъ и спускался внизъ. Егеря и казаки ихъ преслѣдовали. Когда отрядъ взобрался на гору, ему открылось ущеліе и долина съ рѣчкою Шилухою, а по ней большой аулъ съ каменными и плетневыми мазаными саклями; въ разныхъ мѣстахъ были еще и другіе аулы. Егеря и казаки ворвались въ ближайшій большой аулъ и завязалась жаркая схватка. Драгуны стояли на высотѣ, съ которой артиллерія громила по непріятельскимъ толпамъ довольно удачно. Но казаки были выбиты изъ деревни, которая уже пылала въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Вызвали охотниковъ отъ Нижегородскаго драгунскаго полка на подкрѣпленіе. Явилось гораздо болѣе, нежели нужно. Охотники понеслись вихремъ. Вскорѣ наши снова были въ аулѣ и тамъ закипѣлъ сильный бой и раздались побѣдные крики. Въ то же время вблизи позиціи изъ-за высоты черезъ оврагъ появились густыя толпы горцевъ, которые, залегши за камни, наносили отряду большой вредъ. Артиллерія, егеря и спѣшенные драгуны перестрѣливались. Наконецъ аулъ былъ очищенъ и весь горѣлъ; горцы, бывшіе въ немъ, побѣжали по ущелію въ горы, а наши пустились ихъ преслѣдовать; толпа, засѣвшая противъ отряда, видя это, также удалилась. Ночь остановила успѣхи, выстрѣлы рѣдѣли, барабанный бой стягивалъ отрядъ.

Приказъ генерала Глазенапа читали передъ фронтомъ.

Онъ отдавалъ всю справедливость начальникамъ за добрую распорядительность, похваляя отличную храбрость нижнихъ чиновъ, изъясляя надежду, что при будущихъ случаяхъ они также явятъ себя достойными тѣхъ милостей и попеченій о нихъ Государя Императора, какія Его Величество оказывать изволилъ, и что его дѣло будетъ — рекомендовать отличившихся.

Сраженіе продолжалось съ 11 часовъ утра до 6 вечера; при чемъ убито съ нашей стороны: есауль 1, пятидесятникъ 1, егеря 1, драгуновъ и казаковъ 14; ранено 21 чел. Со стороны непріятеля убито множество.

Изъ частныхъ дѣлъ отдѣльныхъ лицъ замѣтимъ, что драгунъ Кривошеинъ, изъ старыхъ Астраханцевъ, въ единоборствѣ убилъ славнаго наѣздника—узденя и овладѣлъ его оружіемъ, но лошадь изъ-подъ убитаго, бѣгая по полю, попала въ руки таганрогскихъ охотниковъ, и ихъ офицеръ завладѣлъ ею. Кривошеинъ требовалъ ее себѣ, по праву побѣдителя, но чтобы не заводить съ чужимъ полкомъ вздора, Григорій Ивановичъ пожаловалъ ему изъ экстраординарной суммы 15 червонцевъ и произвелъ въ унтеръ-офицеры.

На другой день послѣ этого дѣла, когда Кабардинцы увидѣли, что Русскіе снова готовы идти на нихъ, то прислали письмо, въ которомъ просили пощады, увѣряя присягою и всѣмъ, что считали по своей вѣрѣ святымъ, что раскаиваются въ своихъ злодѣяніяхъ, обѣщали быть вѣрноподданными Государю Императору и избрать и учредить все, что надобно. *Къ этому принуждены они были — прибавляетъ Глазенапъ *) — не увѣщаніями, которыя на нихъ никакого вліянія не дѣлаютъ, а военною рукою.*

18-го числа Глазенапъ обязалъ выбранныхъ судьей присягою, а прочихъ клятвеннымъ обѣщаніемъ въ томъ, что будутъ неизмѣнно вѣрноподданными Россіи и всѣ повелѣнія исполнять. Усмиря ихъ такимъ образомъ, Глазенапъ, 22-го числа, воротился благополучно въ наши границы.

При этомъ двукратномъ пораженіи Кабардинцевъ, Государь Императоръ, *находя распоряженія Глазенапа дѣ-*

*) Тамъ же, стр. 415.

ательными и благоразумными, — какъ выражено въ формулярномъ о службѣ его спискѣ, — въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 21-го іюля 1804 года изволилъ изъяснить Григорію Ивановичу *совершенно Свое удовольствіе*; а вслѣдъ за тѣмъ, 23-го августа, за усмиреніе Кабардинцевъ, которыхъ, — опять по выраженію послужнаго списка, — *искуснымъ распоряженіемъ* привелъ онъ въ надлежащее повиновеніе и возстановилъ у нихъ вновь выборъ родовыхъ судей и, въ частности, за подвиги въ сраженіи 14-го мая, онъ Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ Св. Равноапостольнаго Князя Владимира 2 ст. большаго креста.

Въ началѣ этого похода при главномъ начальникѣ, въ его свитѣ, и въ обществѣ между преданными Россіи горскими князьями, видѣнъ былъ Кабардинскій князь, считавшійся въ лейбъ-гвардіи Казачьемъ полку, полковникъ Росламбекъ Мисостовъ, изъ значительнѣйшей кабардинской фамиліи. Вдругъ, къ общему изумленію, онъ скрылся изъ лагеря. Не долго терялись въ догадкахъ о причинѣ къ такому поступку. У Росламбека былъ племянникъ, молодой человекъ, не окончившій еще курса воспитанія на рукахъ ментора своего (атайка), — какъ водится у Черкесовъ, знаменитаго наѣздника и, если хотите, разбойника, — наставляющаго прежде въ теоріи, а потомъ въ практикѣ разбойническому ремеслу. Въ одной изъ практическихъ лекцій на охотѣ за чужбиною, онъ былъ застрѣленъ казаками. Росламбекъ, — надобно замѣтить, всегда намъ преданный, — узнавъ объ этомъ, воскипѣлъ, какъ Азіатецъ, кровомщеніемъ, доходящимъ у нихъ до изступленія и помѣшательства. Удалившись изъ лагеря, онъ собралъ своихъ подвластныхъ со всѣми семействами, и, напавъ на мирныхъ Абазинцевъ, жившихъ около Кубани, принудилъ и ихъ, волею и неволею, вмѣстѣ съ собою бѣжать въ горы.

По полученіи донесенія объ этомъ происшествіи, немедленно былъ отправленъ генералъ Лихачевъ съ отрядомъ къ Кубани, для преслѣдованія и возвращенія бѣглецовъ; отрядъ же Глазенапа, въ іюнѣ мѣсяцѣ (1804), направленъ опять на рѣку Баксанъ до вершины Кисъ-Бурускаго ущелья, для прегражденія пути другимъ Кабардинцамъ къ бѣгству, вслѣдъ за первыми бунтовщиками.

Лихачевъ форсированнымъ маршемъ поспѣшилъ къ Ку-

бани, но достигнувъ до каменнаго моста, узналъ, что Росламбекъ былъ уже за рѣкою и что при немъ находится сильная партія изъ Кабардинцевъ, Абазеховъ и Закубанцевъ. Это не остановило предприимчиваго генерала. Взявъ съ собою шестидневный провіантъ, онъ пустился за Кубань; но едва успѣлъ отойти отъ рѣки на одинъ переходъ, какъ былъ атакованъ превосходными силами. Трое сутокъ сряду Лихачевъ сражался съ свойственною ему храбростію, но убѣдившись, что ничего рѣшительно сдѣлать не могъ, началъ отступленіе. Однако мирные Абазинцы, пользуясь этимъ временемъ, съ своими семействами перебѣжали къ нашимъ войскамъ и были направлены къ границамъ. Неприятель жарко преслѣдовалъ отрядъ, и бои шли непрерывно. При обратной переправѣ черезъ каменный мостъ, — природою въ вершинахъ Кубани созданный, — натискъ горцевъ особенно былъ силенъ и при этомъ, въ торопяхъ, одно изъ нашихъ орудій съ моста свалилось въ рѣку. Отрядъ, отойдя не болѣе двухъ верстъ, остановился и присоединилъ къ себѣ вагенбургъ. Преслѣдованіе прекратилось.

На другой день Росламбекъ началъ присылать своихъ гонцевъ, и, говоря о раскаяніи и покорности, просилъ личнаго свиданія съ Лихачевымъ, одинъ на одинъ. Согласіе дано и, вдали отъ лагеря, они съѣхались. Росламбекъ просилъ Лихачева, какъ давнишняго знакомаго, исходатайствовать ему прощенія, оправдываясь въ своихъ поступкахъ тѣмъ, что онъ, какъ мусульманинъ, не потерявъ чести и не лишившись благословенія пророка, не могъ оставить безъ мщенія смерть племянника, и обязанъ былъ воздать кровь за кровь. Но когда это совершено, то готовъ самъ, вмѣстѣ съ Кабардинцами и Абазинцами, оставшимися при немъ, возвратиться на прежнее мѣсто жительства. При этомъ, между прочимъ, онъ объявилъ, что утопленное орудіе приказалъ въ сохранности доставить, ибо ему хорошо извѣстна ответственность за подобныя потери. Лихачевъ далъ обѣщанія и ручательства, какія только могъ и считалъ въ правѣ сдѣлать, и разстался весьма довольный Росламбекомъ.

На другой день послана была 16-го егерскаго полка рота капитана Волкова, 35 казаковъ и нѣсколько артиллери-

стовъ, подъ кованою маіора Пирогова, для извлеченія изъ Кубани орудія.

При Пироговѣ находился и самъ Рослаббекъ, съ двумя узденями и переводчикомъ. Егеря и казаки, оставивъ оружіе и раздѣвшись, пустились въ рѣку искать пушку, не подозрѣвая близкой опасности. Но какъ только они занялись этимъ, Рослаббекъ, давъ условный знакъ поднятіемъ двухъ плетей, пустился бѣжать. Засада, лежавшая въ лощинѣ у самаго берега, съ крикомъ бросилась на нашихъ, и они, не успѣвъ добѣжать до оружія, были побиты. Этой участи избежали только капитанъ Волковъ съ 8 егерями и барабанщикомъ; успѣвъ засѣсть въ кустахъ, они удачно отстрѣливались, получили по нѣсколько ранъ, но не сдались и были выручены подоспѣвшею изъ лагеря помощію. Маіоръ Пироговъ, бывший на лихомъ переидскомъ жеребцѣ, пустился къ лагерю. Но Черкесы успѣли ему пересѣчь дорогу и захватили въ плѣнъ. Этотъ достойный офицеръ, подававшій большія надежды, въ тотъ же вечеръ былъ убитъ выстрѣломъ въ спину изъ пистолета, сдѣланнымъ совершенно неожиданно горскимъ мальчикомъ, мстившимъ за смерть своего отца, гдѣ-то нашими убитаго. Такъ кончилась эта ужасная трагедія. Рослаббекъ бѣжалъ за Кубань и многіе годы продолжалъ набѣги и испилъ много крови, не насытивъ свою бѣшеную азіатскую месть.

Лихачевъ воротился на Линію, — а вслѣдъ за тѣмъ и остальные войска вышли изъ Кабарды и расположились въ вершинахъ рѣки Малки, у Бѣломечетскаго поста, для наблюденія за непріятелемъ; но какъ дальнѣйшихъ покушеній съ его стороны не было, то осенью отрядъ распущенъ.

Съ 3-го декабря по 9-е января 1805 г. Глазенапъ снова начальствовалъ надъ войсками, ходившими за Кубань, для наказанія тамошнихъ народовъ, и «за отличную дѣятельность, усердіе и благоразумныя распоряженія, при произведеніи экспедиціи и къ сохраненію спокойствія на Кавказской Линіи», — какъ сказано въ послужномъ о службѣ его спискѣ, — Всемилостивѣйше пожалованъ, 1-го марта 1805 г., кавалеромъ ордена Св. Анны 1-й степени, съ алмазнымъ украшеніемъ.

Кабардинцы, какъ у нихъ всегда водилось, скоро забыли свои обѣщанія: они опять принялись за хищничество и угна-

ли съ Линіи скотъ, и тѣмъ вынудили съ нашей стороны новую экспедицію.

Въ началѣ марта 1805 года, въ самое удобное время для овладѣнія ихъ стадами, которыя зимою, по холоду и глубинѣ снѣговъ, не могутъ находиться въ горахъ, а пасутся на равнинѣ за Малкою, уже знакомой нашимъ войскамъ, внезапно былъ собранъ отрядъ въ станицѣ Прохладной, будто для поисковъ въ Чечню, о чемъ съ намѣреніемъ распростушили слухъ. Въ немъ находилось до 300 человекъ спѣшенныхъ Нижегородскихъ драгуновъ, по невозможности имѣть фуражъ, а казаковъ состояло болѣе нежели прежде. Выступленіе послѣдовало ночью на 9-е число, безъ всякаго шума; переходъ былъ назначенъ въ 60 верстъ, съ намѣреніемъ днемъ быть въ срединѣ равнины, чтобы успѣть захватить ихъ табуны. Такъ и исполнилось. Горцевъ застали совершенно въ расплохъ; они и не предвидѣли опасности. Значительное число головъ скота паслось въ разныхъ мѣстахъ. Казаки немедленно захватили почти всѣ стада. На ночлегъ отрядъ пришелъ къ Кисъ-Бурунскому ущелью, при рѣкѣ Баксанѣ, не ранѣе часовъ 10-ти вечера. Послѣ сдѣланнаго огромнаго перехода, по мокрому грунту, отъ усталости, люди ради были придти на мѣсто. Обозы растянулись, даже принуждены были кормить утомившихся лошадей и прибыли только на другой день. Въ ущельи, гдѣ отрядъ расположился, съ правой стороны находится огромный отвѣсный утесъ, а съ лѣвой—рѣка Баксанъ, по которой вездѣ броды, а за нею тотчасъ начинаются отлогія и удобопродимыя горы. По рѣчкѣ находился большой аулъ, безпорядочно разбросанный. Слѣдовательно, правая сторона, по своей неприступности, была безопасна отъ нападенія, по лѣвую надлежало сильно охранять. Расположить на ночь пикеты за Баксаномъ, по горѣ, было опасно. По этому ограничили сильно лагерною цѣпью вдоль рѣки, съ секретами и резервомъ. Ночь была очень темная. Едва отрядъ принялся за ужинъ, какъ былъ встревоженъ сильною ружейною пальбою. Горцы, спустясь по отлогой горѣ, подошли къ лагерю, и съ крикомъ открыли пальбу; секреты не дремали и живо отвѣчали. Суматоха въ отрядѣ сдѣлалась общая: думали, что горцы уже ворвались въ лагерь. Наконецъ, съ большимъ трудомъ, всѣ войска заняли свои мѣ-

ста. Беспорядокъ, въ подобномъ случаѣ почти неизбежный, чрезвычайно затрудняетъ дѣйствія. Артиллерія открыла огонь картечью на удачу, бросивъ нѣсколько брандсугелей. Однако крупный горошекъ и живая стрѣльба, разсыпанныхъ по берегу егерей и Гребенцевъ, скоро разогнали горцевъ; хотя они послѣ и еще нѣсколько разъ повторяли тревогу, постоянно кричали и посылали ругательства. Это продержало отрядъ почти всю ночь подъ ружьемъ. Утромъ не было и слѣда непріятели; но рекогносцировка, произведенная въ три стороны, открыла, что далѣе въ ущельи, верстахъ въ восьми отъ лагеря, находится большой аулъ, занятый значительнымъ скопищемъ. Между тѣмъ, люди и лошади требовали отдохновенія и необходимо было время для распоряженій добытымъ скотомъ, который отправили на Линію, подъ прикрытіемъ; потому и отрядъ долженъ былъ остаться на Баксанѣ.

Въ слѣдующія ночи повторялись такія же тревоги, какъ и въ первую, и хотя наши подвинулись ближе къ скаламъ, но пули долетали и ранили; однакожь солдаты принимали эти тревоги уже за разсѣяніе и не обращали на нихъ вниманія. Секреты лежали съ взведенными курками и на прикладѣ; лишь только появлялась вспышка, наши, какъ по командѣ, гремѣли залпами. При непроницаемой темнотѣ такая перестрѣлка представляла чудесный эффектъ, и невозможно было ею довольно налюбоваться.

19-го марта часть отряда была командирована вверхъ по Баксану для прикрытія фуражировъ, въ то же самое ущелье, при началѣ котораго стоялъ лагерь. Это ущелье постепенно суживалось; дорога шла подъ утесомъ справа; съ лѣвой же стороны находилась рѣчка, съ возвышеннымъ берегомъ, и горы, у подошвы которыхъ и былъ раскинутъ аулъ, составленный изъ каменныхъ саклей. Засѣвшіе въ немъ горцы, пропуская отрядъ, открыли пальбу по фуражирамъ, отъ узкости мѣста очень растянувшимся. Ауль отъ дороги лежалъ на разстояніи менѣе ружейнаго выстрѣла; отъ чего фуражиры очень терпѣли, а отрядъ, зайдя въ тѣснину, не могъ имъ помочь. Наконецъ фуражиры стянулись, и, съ четырьмя батарейными орудіями, заняли обрывистый берегъ, на которомъ стоялъ ауль, и открыли огонь—безуспѣшный, потому что производился снизу вверхъ. Горцы стойко дер-

жались; а доступъ къ нимъ былъ весьма труденъ. По полученіи объ этомъ извѣстія, Глазенапъ двинулъ въ бой почти весь отрядъ. Пѣхота перебралась за рѣчку и начала по горѣ обходить деревню; прикрытіе фуражировъ дѣлало тоже съ противоположной стороны, а 6 орудій Донской конной артиллеріи, роты полковника Карпова, удачно дѣйствовали гранатами. Горцы стали перебѣгать изъ дома въ домъ, и принужденны были оставить ауль и удирать въ горы. Непріятели преслѣдовали, съ значительнымъ для него уровнемъ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Отрядъ сдѣлалъ движеніе къ рѣкамъ Чегему и Большой Шалухѣ, не встрѣтивъ горцевъ; а какъ для лошадей не было подножнаго корма; фуражъ же, какой могъ находиться по ауламъ, былъ сожженъ вмѣстѣ съ домами, то ничего не оставалось, какъ возвратиться на Линію, — что и послѣдовало, къ общему удовольствію.

Такимъ образомъ, эта экспедиція была окончена Глазенапомъ, — по отзыву послужнаго его списка — *съ желаннымъ успѣхомъ, дѣйствіемъ военнаго оружія*, и ему — по тому же выраженію — «за благоразумныя распоряженія и отличную дѣятельность», оказанную при этомъ, Высочайшимъ рескриптомъ, отъ 12-го августа, объявлено особенное Монаршее благоволеніе.

Вообще эта экспедиція доставила надолго спокойствіе краю, а линейные обыватели получили за потери, понесенныя ими при набѣгахъ горцевъ, удовлетвореніе отбитыми, во множествѣ, табунами лошадей и разнаго скота.

Вслѣдъ за возвращеніемъ изъ экспедиціи, Григорій Ивановичъ былъ опечаленъ извѣстіемъ о появленіи чумы въ Грузіи.

На Линіи еще не успѣли учредить карантинъ, какъ Астраханская почта привезла страшную болѣзнь въ Георгіевскъ. При разборѣ почты, почтмейстерскій помощникъ вдругъ упалъ, почувствовавъ припадокъ, а вслѣдъ за тѣмъ заболѣло и умерло нѣсколько почталіоновъ. Явились муртусы, названные простолудинами мазаными (отъ дегтя, которымъ они были вымазаны), и крючьями начали таскать людей, чемоданы, бумаги и прочее. Всю губернскую почтовую контору вывели во временный карантинъ. Люди и многочисленное семейство почтмейстера, почтеннѣйшаго старичка, померли; его же самого судьба сохранила. Какъ ни бди-

тельна была принятая предосторожность, но болѣзнь вскорѣ начала появляться: прежде на форштадтѣ и въ Казанскомъ полку, а потомъ и въ городѣ. Всякое утро прибавлялось по нѣскольку домовъ безъ оконъ и дверей, охраняемыхъ карауломъ. Это значило, что въ нихъ кто нибудь померъ, или находились зараженные, вывезенные въ карантинъ.

Въ цыганскомъ таборѣ, бывшемъ подъ городомъ, чума взяла нѣсколько жертвъ. Полковой квартирмейстеръ Нижегородскаго полка, большой добрякъ, имѣлъ кучера цыгана, который часто посѣщалъ своихъ чернолицыхъ красавицъ, и внезапно заболѣлъ. Квартирмейстеръ испугался, но имѣлъ неосторожность отдать больнаго, вмѣсто карантина, цыганамъ, гдѣ онъ и умеръ. Черезъ нѣсколько дней деньщикъ, ему служившій, также заболѣлъ и отправленъ въ карантинъ. Отъ этого квартирмейстеръ уже такъ потерялся, что бѣжалъ изъ дому ночью, вошелъ въ спальню къ адъютанту, когда тотъ находился въ постелѣ, легъ на полу посрединѣ комнаты, имѣя штофъ кизлярской водки въ рукахъ и, постоянно изъ него попивая, курилъ трубку. Положеніе адъютанта становилось незавидно. Однако квартирмейстеръ ушелъ еще ночью и, по милосердію только Божію, адъютантъ остался незараженнымъ. Прачка адъютанта—жена музыканта—имѣла нѣсколькихъ маленькихъ дѣтей, и жила съ ними не далеко отъ казармъ лейбъ-эскадрона. Дѣвочка, дочь ея, носила чистое бѣлье въ казармы и, придя оттуда, заболѣла. Тотчасъ отецъ, мать и дѣвочка были взяты въ карантинъ, а трое малолѣтокъ оставлены въ землянкѣ, потому что имъ въ карантинѣ, состоящемъ изъ балагановъ, слегка прикрытыхъ соломою, по осеннему тогда холоду и ненастью, была бы безъ смерти смерть. У землянки стоялъ часовой. Несчастливая мать, въ припадкѣ чумной горячки, въ темнѣйшую ночь, пробралась сквозь казачью цѣпь; по инстинкту, пришла въ свою землянку къ дѣтямъ и, перевалившись черезъ порогъ, умерла. Часовой, не умѣвшій придумать, что ему дѣлать, далъ знать о происшествіи дежурному офицеру. Тотъ, при видѣ малолѣтокъ, выбѣжавшихъ отъ испуга на дворъ и замерзающихъ на холодѣ, приказалъ часовому, не касаясь ни къ чему, длиннымъ шестомъ достать изъ землянки шубу или одѣяло, — что и было исполнено; но часовой,

смѣнясь съ караула, въ казармахъ заболѣлъ, а за нимъ и еще нѣсколько человекъ.

Глазенапъ пришелъ въ отчаяніе, узнавъ, что лейбъ-эскадронъ, предметъ его особенныхъ попеченій, подвергся заразѣ.

Упомянемъ здѣсь, что въ бытность Григорія Ивановича начальникомъ Линіи, все, что на ней было лучшаго, рослаго и красиваго изъ людей, поступало въ его шефскій, т. е. Нижегородскій полкъ, и изъ лучшаго лучшее въ лейбъ-эскадронъ. Богъ внушилъ мысль, вывести эскадронъ въ лагерь, не смотря на осеннюю погоду, и тамъ совершенно пресѣчь сообщеніе между людьми, сдѣлавъ каждому отдѣльный шалашъ. Двѣ недѣли провели, такимъ образомъ, въ лагерь, и все было благополучно; а какъ, при наблюденіи подобныхъ предосторожностей, было весьма трудно выполнять неизбежныя служебныя обязанности и продовольствовать людей, то, по очищеніи всего платья и по внимательномъ осмотрѣ чиновъ, эскадронъ ввели въ казармы, предварительно очищенные, гдѣ подвергли его снова карантину, въ строгости соблюдаемому. Этимъ славный эскадронъ былъ спасенъ, къ чести благоразумнаго начальства.

Казанскій мушкетерскій полкъ, въ которомъ незадолго предъ тѣмъ шефомъ находился генералъ отъ инфантеріи Кноррингъ, главнокомандовавшій всѣми войсками кавказскими, — человекъ отличныхъ заслугъ и свойствъ души, — по тѣмъ же причинамъ и средствамъ, былъ хорошъ, какъ гвардія; но, къ несчастію, много потерялъ людей отъ чумы.

Въ городѣ зараза также продолжалась, но менѣе чѣмъ въ началѣ. Каждый вечеръ послѣ умершихъ сожигали балаганчики и, по этой адской иллюминаціи, всѣ знали о числѣ погибшихъ.

Въ началѣ появленія заразы, какъ можно предвидѣть, господствовало общее неустройство и безпорядокъ: ничего не было необходимаго; никто не зналъ, что ему дѣлать и какія брать предосторожности. Лекаря боялись подступиться къ больному; лекарства издали бросали зараженнымъ. Но, впоследствии, учредилась чумная коммиссія, обнародовали правила о предосторожностяхъ, и строго подтверждали, чтобы вещи отъ зараженныхъ не прятать, а сдавать начальству,

которому было вмінено въ обязанность, по сдѣланіи оцѣнки вещамъ, предавать ихъ пламени; деньги же выдавать выздорѣвшимъ или наслѣдникамъ умершихъ. Наконецъ, объявлено, чему подвергаются нарушители предписанныхъ правилъ.

Изъ медиковъ отличили себя два молодые Нѣмца: Нижегородскаго полка Гѣрь (изъ Пруссаконъ) и Казанскаго — Гинафельдъ, друзья между собою. Верхами, съ трубками во рту, они быстро носились по городу въ зачумленные дома и по карантинамъ; своими руками рѣзали карбункулы, растревляли ихъ и дѣлали перевязки. Заболѣвавшіе появленіемъ знаковъ подѣ мышками или въ пахахъ (карбункулами) были навѣрно спасаемы, если успѣвали имъ произвести нагноеніе, прежде приступа горячки. Къ несчастію, часто бывали такія скоротечныя явленія, что человекъ падалъ вдругъ и, мучась злою горячкою, умиралъ въ нѣсколько часовъ, и только послѣ смерти уже являлись на животѣ синебагровые знаки, какъ макъ. Этотъ видъ болѣзни былъ самый ужасный.

Достойные Гѣрь и Гинафельдъ много спасли людей отъ гибели, и приносили вездѣ утѣшенія. Видя ихъ скачущими по городу, всѣ говорили: «вотъ ѣдутъ ангелы—хранители.» Они курили непрерывно табакъ, и нюхали укусуеъ четырехъ разбойниковъ, которымъ обмывали руки послѣ всякаго сообщенія съ больными, имѣли на себѣ бѣлье, обмокнутое въ деревянное масло, а дома у нихъ, какъ и у всѣхъ, постоянно курилась пресыщенная соленая кислота. У Гѣера два деньщика, одинъ послѣ другаго, страдали чумою, и всѣ его вещи были два раза сожжены. Къ общей радости и къ счастью, Богъ сохранилъ этихъ друзей человечества, прямо заслужившихъ искреннѣйшую признательность.

Дѣйствіе чумной заразы разлилось по Линіи и крестьянскимъ селеніямъ. Большая Кабарда страдала еще сильнѣе, а потому на Линіи было покойнѣе; какъ не сказать, что «нѣтъ худа безъ добра». Чумная коммиссія распорядилась благоразумно, и жители, наконецъ, невольно сознали, что слѣдуетъ только не прикасаться къ сомнительному, чтобы быть невредимымъ. Этимъ Линія была избавлена отъ значительнаго опустошенія!... Но, нѣкоторыя изъ селеній, по прекращеніи чумы и по очищенію, вторично подвергались болѣзни. Дозвано, что они, не смотря на предостереженія,

зарывали вещи, боясь сожженія ихъ, и, по минованіи бѣды, опять выкапывая, вносили заразу.

Въ сосѣднихъ съ Грузіею владѣніяхъ Дагестанѣ и Лезгистанѣ, въ это время, не смотря на мѣры, принимаемыя тогдашнимъ главнокомандовавшимъ, знаменитымъ княземъ Циціановымъ, кипѣло неурстройство, угнетеніе несчастныхъ Грузинъ; нападенія горцевъ на наши транспорты почти уничтожили торговлю съ Астраханью и Кизлярюмъ.

Князь Павелъ Дмитріевичъ призналъ за полезное занять Баку и смирить враждебнаго Гуссейнъ—Кули—Хапа. Наши войска готовились занять эту крѣпость, какъ главнокомандовавшій былъ измѣннически убитъ.

Нѣсколько времени не было никакихъ извѣстій объ этомъ происшествіи; наконецъ, чрезъ горцевъ, разнеслась молва въ Кизлярѣ о бѣдственномъ событіи и объ отступленіи войскъ нашихъ отъ Баку.

Кизлярскій комендантъ первый донесъ о томъ генералу Глазенапу, въ Георгіевскѣ. Въ Тифлисѣ ничего не знали, а съ нашей флотиліи хотя и было отправлено донесеніе, но оно носилось по морю и скоро достигнуть не могло.

Григорій Ивановичъ, не основываясь на однихъ слухахъ, послалъ нарочныхъ въ Кизляръ, узнать, подтверждаются ли они, и велѣлъ отправить гонца изъ Армянъ къ преданному намъ Шамхалу Тарковскому. Когда же собранныя свѣдѣнія подтвердили слухъ, тогда было донесено Государю, съ прибавленіемъ, что о нашихъ войскахъ, бывшихъ въ походѣ, извѣстій нѣтъ никакихъ. Изъ Петербурга прислали Высочайшее повелѣніе Глазенапу вступить въ начальствованіе краемъ, впредь до назначенія главнокомандующаго. Фельдегеря летали безпрестанно съ вопросами о войскахъ, безъ вѣсти пропавшихъ, пока, наконецъ, получено было подробное донесеніе о случившихся бѣдственныхъ послѣдствіяхъ, и что отрядъ отправился въ Кизляръ.

Кончина незабвеннаго князя Циціанова имѣла печальныя вліянія на цѣлый край. Князь Циціановъ обладалъ необыкновенными военными и административными способностями, энергіею и непреклонною волею, и умѣлъ вселить страхъ въ непріятелей Россіи. Грузія впала въ уныніе при видѣ враговъ, возникавшихъ со всѣхъ сторонъ. Персіяне, собравъ значительныя массы войскъ, мечтали вытѣснить насъ

изъ за-Кавказа; мусульманскія провинці колебались; горцы готовы были дѣйствовать за-одно съ нашими врагами и становились дерзостіе въ своихъ набѣгахъ. Отрядъ, находившійся подъ Баку, состоялъ изъ 12-ти орудій и 1804 человекъ, изъ которыхъ выбыло отъ болѣзней и въ схваткахъ съ неприятелемъ 301 человекъ.

Сверхъ того распутица, недостатокъ продовольствія, болѣзни, употребленіе обоза на дрова лишили отрядъ всякой возможности идти въ Грузію, вынудили съѣсть на суда каспійской флотиліи, стоявшей на Бакинскомъ рейдѣ, и отплыть на островъ Сару.

Въ такомъ невыгодномъ положеніи находились дѣла, когда Григорій Ивановичъ принялъ главное начальство надъ войсками и краемъ. Не смотря на всѣ затрудненія, онъ умѣлъ ихъ вести успѣшно почти около года, до самаго пріѣзда новаго главнокомандовавшаго, графа Гудовича.

Глазенапъ началъ тѣмъ, что тотчасъ предписалъ: для отраженія нашествія Персіянъ на Грузію и на восточный Дагестанъ составить отряды войскъ, подъ начальствомъ генераловъ: Несвѣтаева, Портнягина, Небольсина и Корягина, достойныхъ учениковъ князя Циціанова. Всѣ эти отряды не могли быть значительны, по недостатку войскъ въ Грузіи.

Въ то же время, самъ онъ неутомимо трудился по званію временнаго главнокомандующаго, и помышлялъ объ отмщеніи Бакъ, для чего вошелъ въ сношеніе съ Шамхаломъ Тарковскимъ, имѣвшимъ тогда чинъ генераль-лейтенанта и орденъ Св. Александра Невского, Домъ и владѣніе котораго, подавшіеся Россіи при Петрѣ Великомъ, были неизмѣнно намъ преданы.

Но для вѣрнѣйшаго успѣха въ своихъ дѣйствіяхъ, Григорій Ивановичъ прежде всего рѣшился овладѣть Дербентомъ, считавшимся ключемъ Персіи, вратами Каспія.

Извѣстно, что этотъ городъ въ 1722 году былъ взятъ Петромъ Великимъ, Который Самъ избралъ ему хана. По смерти этого хана назначенъ былъ отъ Надиръ-Шаха султанъ, а потомъ отъ народа былъ избранъ ханъ, который управлялъ до 1766 года. Въ это время Дербентъ былъ покоренъ Фетъ-Али, ханомъ Кубанскимъ, а при сыновьяхъ этого послѣдняго былъ подчиненъ вліянію Россіи. Такимъ образомъ, въ 1793 году, ханъ Дербентскій, по собственной его

просьбѣ, принять подъ наше покровительство. Но вскорѣ послѣ этого, вслѣдствіе побѣдъ Аги-Мухамедъ-хана, повелителя Персіи, Дербентъ взволновался, а потому въ 1796 году былъ покоренъ графомъ Зубовымъ, при чемъ былъ взятъ въ плѣнъ и тогдашній ханъ Шихъ-Али.

✓ Но великодушіе главнокомандовавшаго и ханское достоинство избавило этого сатрапа отъ участи, слѣдовавшей мятежникамъ. Шихъ-Али, съ своей стороны, ничего не опустилъ также, чтобы заслужить благоволеніе Русскихъ: онъ жестоко порицалъ непостоянство и вѣроломство свое, выхвалялъ, съ тонкостію политика, мудрость нашего Правительства, говорилъ, что должно считать за счастье быть въ подданствѣ Великихъ Самодержцевъ Россіи и служить имъ рабски до послѣдняго издыханія. Такою вкрадчивою лестію, открытымъ лицомъ и нѣсколькими благородными поступками, онъ заслужилъ полную довѣренность у нашихъ начальниковъ; арестъ его былъ ослабленъ; онъ становился часъ отъ часу живѣе, любезнѣе и, наконецъ, бѣжалъ и овладѣлъ опять Дербентомъ. По милосердію Императора Павла, Шихъ-Али, въ 1799 году, былъ снова принятъ въ подданство Россіи, утвержденъ Дербентскимъ и Кубанскимъ ханомъ, и даже пожалованъ въ 3-й классъ. Потомъ власть его распространена и надъ Бакинскимъ ханомъ.

Такое великодушіе не исправило Шихъ-Али, и онъ не пересталъ дѣйствовать коварнымъ и двусмысленнымъ образомъ противъ Россіи. Во время экспедиціи генераль-маіора Завалишина къ Баку, предшествовавшей походу князя Циціанова, Шихъ-Али, съ значительнымъ войскомъ, явился на помощь къ осажденнымъ. Занявъ Баку, онъ объявилъ Завалишину, что хотя этотъ городъ порученъ ему по Именному повелѣнію, но если начальникъ десантныхъ войскъ дѣйствуетъ противъ него съ оружіемъ, то онъ, съ своей стороны, готовъ содѣйствовать, какъ вѣрный подданный Его Императорскаго Величества и просилъ увѣдомить о причинахъ экспедиціи. Завалишинъ, въ отвѣтъ своемъ, изъяснивъ повелѣніе главнокомандовавшаго, требовалъ, чтобы Шихъ-Али, если имѣетъ власть, принудилъ бы Бакинскаго хана сдать городъ, присовокупляя къ тому, что желаетъ рѣшительнаго отзыва. Шихъ-Али, не находя уже возможности продолжать свои переговоры, отвѣчала, съ обыкновенною

его хитростію, что сдать крѣпость и впустить въ нее русскій гарнизонъ не можетъ, по той причинѣ, что Баку поручена ему по Высочайшему повелѣнію и готовъ самъ отвѣчать предъ Государемъ. Завалишинъ, не находя никакой возможности силою заставить крѣпость сдаться, объявилъ письменно Шихъ-Али, что, не имѣя повелѣнія почитать его за непріятеля, предоставляетъ ему оправдываться въ этомъ дѣйстви, за которое потребуется съ него строгій отчетъ; и, вельдъ за тѣмъ, удалился изъ-подъ Баку.

Эта неудача, вмѣстѣ съ коварными поступками Ширванскаго хана, побудили князя Циціанова предпринять лично походъ въ Каспійскія владѣнія, кончившійся несчастною его кончиною. Злодѣйство, какъ у насъ было извѣстно, совершилось также по совѣту Шихъ-Али.

Персидскій шахъ, считая Дербентскаго хана однимъ изъ надежнѣйшихъ опоръ своего государства, старался поддерживать въ немъ такой духъ сопротивленія, и постоянно посылалъ ему подарки и деньги, для найма Лезгинъ, на случай нападенія Русскихъ на Дербентъ. Но ханъ ни мало не заботился даже о собственной безопасности. Увлеченный, какъ бы неизбѣжнымъ рокомъ, эти подарки и деньги онъ расточалъ на сладострастныя и роскошныя пиршества и осыпалъ ими своихъ любимцевъ. Погружаясь во все пороки и злодѣянія, онъ похищалъ дѣвицъ, лучшихъ красавицъ въ Дербентѣ, отнималъ женъ у отчаянныхъ мужей и послѣ со смѣхомъ отсылалъ ихъ обратно; ни слезы красавицъ, ни бѣшенство мужей, ни просьбы отцевъ и матерей не смягчили сладострастнаго деспота. Съ злобнымъ смѣхомъ смотрѣлъ онъ на отчаяніе своихъ жертвъ, хладнокровно внималъ крику мятущихся гражданъ и, въ часы ярости, лишалъ жизни знаменитыхъ бековъ, богатѣйшихъ купцовъ и почетнѣйшихъ духовныхъ, осмѣливавшихся говорить ему правду. Негодованіе противъ него часъ отъ часу усиливалось и переходило въ мятежъ; но ханъ, ослѣпленный своимъ могуществомъ и надѣясь на помощь Персіянъ, презиралъ неудовольствіемъ народа и продолжалъ заниматься пьянствомъ и развратомъ. Между тѣмъ, туча висѣла надъ его головою и готовилась разразиться.

Шамхалъ Тарковскій, исполняя желанія Глазенапа, чрезъ своихъ агентовъ, подстрекалъ начинавшееся волненіе, вну-

шая жителямъ, что если они хотятъ удержать свои головы, то впустили бы въ городъ русское войско и предались Великому Самодержцу, который одинъ въ силахъ доставить имъ жизнь покойную. Отвѣтъ Дербентцевъ былъ удовлетворителенъ, и они убѣждали поспѣшить присылкою войскъ.

Глазенапъ, сдѣлавъ объ этомъ донесеніе Государю, въ ожиданіи Высочайшей воли, сосредоточилъ при Кизлярѣ отрядъ изъ 3000 человекъ и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы Каспійская флотилія, состоявшая почти изъ 200 военныхъ и транспортныхъ судовъ, взяла изъ Астрахани осадную артиллерию, снаряды, провіантъ, а при Складко-Еричной пристани посадила десантныя войска изъ остатковъ отряда, бывшаго съ Циціановымъ, добавленнаго и освѣженнаго въ Кизлярѣ. Флотилія долженствовала явиться къ назначенному сроку на рейдъ Дербентскомъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцъ 1806 г. отрядъ перешелъ на заграничную сторону, расположился въ выгодномъ мѣстѣ, при рукавѣ Старога Терека и простоялъ здѣсь болѣе мѣсяца, ожидая разрѣшенія изъ С. Петербурга и доставляя время флотилии и десанту изготвиться.

Свобода отъ трудовъ, хорошее время года и невиданное изобиліе стерлядей, осетровъ, шамаи и всякой другой прекрасной и вкусной рыбы совершенно раскормило солдатъ, и больныхъ почти вовсе не было, вопреки изъясняемаго медиками предостереженія. Люди безпрестанно купались въ рѣкѣ, рубашками ловили рыбу и запаслись сушеною и вяленою для похода.

Предположеніе взять Дербентъ и слѣдовать на Баку было тайною Глазенапа, скрываемою столь тщательно, что, кромѣ Григорія Ивановича, о немъ знали только переводчикъ Мещеряковъ и, можетъ быть, Александръ Ивановичъ Кривцовъ, бывший его адъютантъ и правитель дѣлъ; но имъ было запрещено объ этомъ говорить.

Въ исходѣ мая отрядъ тронулся. Молва, предшествуя быстрому его движенію, распространила извѣстіе, что Русскіе идутъ къ Кумыкамъ или на Чеченцевъ! Но, вскорѣ, прошли Казыкумыкское владѣніе, преданное Россіи, перешли рѣку Сулакъ и подошли подъ дружелюбныя Тарки — къ городу, расположенному по скату Кавказскихъ горъ амфитеатромъ и, разумѣется, въ пріятномъ безпорядкѣ.

Высоко-Монаршее благоволеніе, которое имѣла счастье заслужить самая мысль объ изданіи, лестное вниманіе къ нему высшаго начальства и общее сочувствіе, которымъ встрѣчено предпріятіе, налагаетъ на меня обязанность способствовать сколько возможно къ распространенію «Кавказцевъ» между соотечественниками, какъ изданія *исключительно* назначеннаго къ сохраненію подвиговъ, совершенныхъ на Кавказѣ, и прибыль отъ котораго предоставлена къ успокоенію раненыхъ и на помощь семействамъ павшихъ во славу русскаго оружія. По этому открывая подписку на выпуски, имѣющіе выйти въ теченіе будущаго 1858 года, нахожу возможнымъ предложить слѣдующія облегченія къ подпискѣ:

За первые 12 выпусковъ, состоящіе изъ 24 листовъ текста съ 18 приложеніями, и имѣющіе выйти до 1 января 1858 года, цѣна остается прежняя, то есть *шесть рублей*.

За слѣдующіе 24 выпуска (№№ 13—36), состоящіе изъ 48 листовъ текста, съ 36 приложеніями, имѣющіе выйти въ теченіи 1858 года, цѣна *двѣнадцать рублей*.

Но подписавшіеся на первые 12 выпусковъ до 1-го января 1858 года, вносятъ за 24 выпуска слѣдующаго года только *десять рублей*.

Желающіе подписаться на одинъ текстъ безъ рисунковъ платятъ *половину*.

За доставку на домъ въ С. Петербургѣ прилагается: за первые 12 выпусковъ — *50 коп.*; за слѣдующіе 24 выпуска *1 руб.*, а за пересылку въ другіе города: за 12 выпусковъ *75 коп.*, а за 24—*1 руб. 50 к.*

Казенныя и общественныя библиотеки и господа служащіе всѣхъ вѣдомствъ могутъ вносить подписныя деньги помѣсячно, по третямъ года, или въ другіе сроки, какіе они признаютъ для себя удобнѣйшими; но съ *непреклоннымъ* правиломъ, чтобы требованія на высылку изданія на подобномъ условіи были дѣлаемы черезъ ближайшихъ начальниковъ и не иначе, какъ на имя редакціи. При этомъ редакція покорнѣйше проситъ гг. подписавшихся высылать адреса самыя вѣрныя, дабы безвинно не заслужить нареканія отъ гг. желающихъ знать чудные подвиги своихъ соотечественниковъ.

Періодическое изданіе «Кавказцы» имѣетъ предметомъ передать потомству, перомъ и карандашомъ, замѣчательнѣйшіе подвиги, совершенные на Кавказѣ, съ свѣдѣніями о жизни лицъ, ими прославившихся отъ генерала до рядоваго. О каждомъ лицѣ говорится отдѣльно, и, если можно, прилагается его портретъ, планъ мѣстности, гдѣ происходило дѣло, или рисунокъ, изображающій подвигъ. Описанія слѣдуютъ одно за другимъ, не стѣсняясь какимъ-либо опредѣленнымъ порядкомъ; а по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, по мѣрѣ ихъ изготовленія. Но наружный видъ изданія принять такой, что въ послѣдствіи можно будетъ расположить описанія въ порядкѣ алфавитномъ или хронологическомъ.

Изданіе выходитъ по два раза въ мѣсяцъ, выпусками въ 2 листа каждый, въ большую четвертку: текстъ печатается на хорошей бѣлой бумагѣ новымъ шрифтомъ, чисто, опрятно; приложенія, числомъ до трехъ въ мѣсяцъ, изготовляются лучшими нашими художниками и печатаются на китайской бумагѣ.

Подписка принимается: въ С. Петербургѣ: въ редакціи, находящейся въ С. Петербургской крѣпости, въ квартирѣ плацъ-маіора, полковника *Новоселова*; въ конторѣ изданія, учрежденной при книжномъ магазинѣ *Я. А. Исакова* (въ С. Петербургѣ, въ Гостиномъ Дворѣ, по Суконной линіи, подъ № 24), и въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта;— въ Москвѣ: у книгопродавца *Ө. И. Салаева*;— въ Тифлисѣ: у книгопродавца *Г. В. Бернштама*.

Редакція принимаетъ на себя ручательство за исправную и своевременную доставку выпусковъ только въ томъ случаѣ, когда подписка принята въ этихъ мѣстахъ.

Выпуски разсылаются въ конвертахъ, заклеенныхъ наглухо.

Редакція не дѣлаетъ блистательныхъ обѣщаній, а даетъ только слово употребить всѣ усилія, чтобъ слѣлатъ изданіе вполне достойнымъ его назначенія. Она не будетъ щадить ни трудовъ, ни издержекъ и величайшею себѣ наградою будетъ считать, что слѣлатъ достояніемъ общимъ подробности о подвигахъ и жизни храбрыхъ соотечественниковъ. — Вся чистая прибыль отъ изданія, за покрытіемъ издержекъ, предоставляется въ пользу раненыхъ Кавказцевъ и семействъ убитыхъ. По этому въ концѣ cadaго года будетъ приложенъ списокъ всѣхъ гг. подписавшихся, какъ сочувствующихъ благой цѣли изданія.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, октября 17-го дня 1857 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

КАВКАЗЦЫ

ИЛИ

ПОДВИГИ И ЖИЗНЬ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛИЦЪ,

ДѢЙСТВОВАВШИХЪ НА КАВКАЗѢ.

ПЕРЮДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СОИЗВОЛЕНІЯ,

ВЫХОДЯЩЕЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Гвардіи Полковника Семена Новоселова.

ВЫПУСКИ 9-й и 10-й.

Жизнеописание генералъ-лейтенанта Глазенапа. (Окончаніе) —
Подвигъ рядоваго Аблкаримова. — Жизнеописание генералъ-маіора
кнзя Орбеляна.

Приложенія: Портретъ генералъ-маіора князя Орбеляна. —
Подвигъ рядоваго Аблкаримова. — Бѣгство Шамиля изъ Кабарды.

*Благодѣтельное назначеніе прибыли отъ изданія «Кавказцы» — на успокоеніе проливавшихъ кровь за Вѣру, Царя и
святую родину, заставляеть Редакцію покорнѣе просить другія періодическія изданія — не перепечатывать ея статей
и рисунковъ.*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1837.

Шамхаль сдѣлалъ отряду парадную встрѣчу съ своимъ войскомъ, простирившимся до 1000 человекъ, опрятно одѣтыхъ, богато вооруженныхъ и на добрыхъ персидскихъ жеребцахъ.

На другой день онъ посѣтилъ нашъ лагерь. Войска стояли на линейкѣ и караулы отдавали ему честь, какъ русской службы генералу и владѣтельной особѣ. Свита при немъ была многочисленная и отборная. Съ своей стороны, онъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ весь генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеровъ.

Шамхалу отправили почетный караулъ, и всѣ, кто желалъ и не былъ въ должности, пустился въ городъ и во дворецъ. Народъ помѣщался на крышахъ и говорилъ дружелюбно свой «салеи-малей-кумъ-баяръ-якши.» Женщины, вообще пригожія, особыми группами лѣпились на крышахъ и очень всматривались въ нашихъ и, когда ревнивцы ихъ находились подалеже, то Русскихъ хвалили, говоря: «Урусъ-якши.»

Строенія дворца каменные и обширныя были окнами обращены въ просторные дворы, посреди которыхъ находились бассейны съ свѣтлою водою, искусно обдѣланные камнемъ. Палаты эти, отличавшіяся большою простотою, состояли не изъ залъ, а изъ длинныхъ казармъ, одна подлѣ другой. Мебели и украшеній не находилось ни какихъ, кромѣ низенькихъ дивановъ, покрытыхъ коврами. Столы, соотвѣтственно диванамъ, были также низенькіе и ихъ, обремененные пилавомъ и бараниною, вносили и ставили предъ гостями. Кромѣ того, подавали разныя жаркія изъ птицъ, рыбу, водку и вареное виноградное вино, не совсѣмъ вкусное, а отличные фрукты и ягоды услаждали вкусъ. Потомъ слѣдовали возліянія ароматическихъ жидкостей и маслъ. Наши офицеры наѣлись, напились и навеселѣ пустились бродить по строеніямъ и дворамъ. Многіе помогались проникнуть на тотъ дворъ, гдѣ находился гаремъ, но это, какъ заповѣдное мѣсто, видѣть запрещалось. Отвѣсная и даже нѣсколько выдававшаяся скала торчала надъ дворцемъ и, казалось, хотѣла его раздавить. Офицерамъ рассказали, что нѣсколько одалисокъ слетѣли оттуда, въ мѣшкѣ, за обнаруженную невѣрность. Въ это время у Шамхала находилось 12 женъ и до 100 наложницъ: Грузинокъ, Черкешенокъ,

Армянокъ, Жидовокъ и Персіянокъ. Строепіе гарема было двухъ-этажное, довольно красивое, съ цвѣтисто-раскрашенными галереями и занимало три стороны двора, посреди котораго находился бассейнъ, щегольски и изящно обдѣланный тесанымъ камнемъ, съ прекрасными сходами къ нему и скамейками. Тутъ красавицы плескались въ водѣ, чистойшей хрустала, а Шамхаль украдкою смотрѣлъ изъ окна, лаская свою пресыщенность.

Шамхаль, слыша частыя напоминанія, что онъ нашъ генералъ, почувствовалъ, можетъ быть, уже нѣкоторую обрусѣлость, и желая выразить свою любезность, рѣшился стряхнуть, на этотъ разъ, узы азійскихъ обычаевъ, и предложилъ Григорію Ивановичу, съ немногими изъ офицеровъ, осмотрѣть свой гаремъ. Представляя своихъ женъ, онъ общалъ посѣтителямъ подробности объ ихъ достоинствахъ. Когда его спросили о числѣ дѣтей, Шамхаль сталъ въ тупикъ, зная объ этомъ менѣе всего. Жены, видѣнныя нашими офицерами, были не слишкомъ привлекательны, а нѣкоторыя даже въ лѣтахъ. Одалиски, — это другое дѣло!... Онѣ были одѣты довольно нарядно и стояли длиннымъ строемъ по галереѣ съ опущенными головами. Шамхаль повелительно приказалъ имъ снять покрывала, что и исполнено, будто неохотно. Наши увидѣли рядъ красавицъ съ огненными глазами, стройныхъ и нѣкоторыхъ еще очень молодыхъ. Азіяты, считая этихъ дѣвъ товаромъ, не слишкомъ съ ними церемонятся. Шамхаль пропускалъ сладкія шуточки на ихъ счетъ и спрашивалъ настойчиво Глазенапа, которая изъ всѣхъ наиболѣе ему нравится, и Григорій Ивановичъ долженъ былъ указать на Черкешенку, очень хорошенькую.

Вообще угощеніе, оказанное Шамхаломъ, особенно послѣднее, осталось въ памяти у присутствовавшихъ и служило долго матеріаломъ для разговоровъ и мечтаній въ супружеской ихъ жизни.

Походъ былъ еще загадкою для всѣхъ, да и кто же могъ вообразить, что горсть войска шла брать Дербентъ, — эту необоримую твердыню, врата Персіи, которую Петръ Великій и графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ покоряли съ цѣлыми арміями. Однако, отрядъ двинулся по прямому туда пути; Шамхаль Тарковский присоединилъ къ нему свое войско.

Въ Дербентѣ имѣли постоянныя извѣстія о всемъ этомъ и, по мѣрѣ приближенія Русскихъ, оживали угнетенные граждане. Наконецъ, когда отрядъ нашъ былъ недалеко, пламя бунта вспыхнуло, и ханъ одному только поспѣшному бѣгству обязанъ былъ спасеніемъ отъ мести озлобленнаго народа. Постыдно оставилъ онъ Дербентъ, не думая объ его защитѣ; но, въ минуту отъѣзда, еще грозилъ городу ужаснымъ мщеніемъ, обѣщая въ скорости возвратиться съ новонабраннымъ войскомъ. Граждане, въ ту же минуту, отправили къ Русскому войску аманатовъ, предавая себя въ совершенное подданство Россіи и прося скорѣйшей помощи, на случай неожиданнаго возвращенія злобнаго хана.

Не зная достовѣрно о происшедшемъ въ Дербентѣ, и имѣя еще въ свѣжей памяти примѣръ вѣроломства съ княземъ Цицановымъ, Глазенапъ не вдругъ рѣшился на просьбу аманатовъ, и отложилъ бы, можетъ быть, это дѣло до утра, еслибы не вмѣшался генераль-маіоръ Лихачевъ, шефъ 16-го егерскаго полка. Онъ, зная духъ Азіатцевъ, убѣдилъ Григорія Ивановича послать небольшой отрядъ казаковъ къ ожидавшимъ Дербентцамъ, представляя, что тутъ всякая медленность не у мѣста, что колебаніе и нерѣшительность могутъ произвести и въ самыхъ аманатахъ недоувѣрчивость къ русскому войску, а тѣмъ самымъ затруднить взятіе города.

Глазенапъ согласился на эти доводы, и самъ Лихачевъ—отважный герой, славившійся своею дѣятельностію, храбростію и дальновидностію, — отправленъ былъ въ Дербентъ, съ шестью стами казаковъ и 1 трехфунтовымъ орудіемъ. «Честь — мой богъ; я умру, если должно, чтобы я умеръ, стараясь о пользахъ своего отечества», сказалъ храбрый генераль, прощаясь съ окружающими, вскочилъ на коня и скрылся въ ночной томноть.

Перейдя около 60 верстъ въ одну ночь, на разсвѣтѣ Лихачевъ появился подъ стѣнами Дербента, къ крайнему удивленію жителей, вовсе неожиданныхъ такой поспѣшности и едва вѣрившихъ глазамъ своимъ. Не вѣзжая въ городъ, онъ остановился и послалъ нѣкоторыхъ изъ бывшихъ съ нимъ аманатовъ объявить бекамъ и старшинамъ, что присылая ими помощь готова, и чтобы они вышли къ нему.

Жители устремились на встрѣчу своимъ избавителямъ.

Стеченіе ихъ непрерывно увеличивалось, и вскорѣ все пространство между отрядомъ и городомъ покрылось народными толпами, образовавшими какъ бы живую улицу. Главнѣйшіе изъ бековъ и старѣйшинъ также поспѣшили выѣхать и, поздравивъ генерала съ прибытіемъ, просили покровительства Россіи.

Это происходило 21-го іюня. На слѣдующій день прибылъ самъ Глазенапъ, со всею отрядомъ, и былъ также привѣтствованъ радостными кликами народа. Ключи ему поднесъ столѣтній старецъ, бекъ, участвовавшій въ поднесеніи ихъ Петру Великому. 23-го совершено было молебствіе и, при пушечномъ и ружейномъ громѣ, пѣто Тебе Бога хвалимъ и многолѣтіе Государю Императору. Наконецъ, 24-го, старшины города и знатнѣйшіе изъ бековъ приведены къ присягѣ на вѣрноподданство Его Императорскому Величеству.

Никто даже изъ побѣдителей, — какъ свидѣтельствуешь одинъ изъ дѣйствователей, — не могъ себѣ вѣрить, чтобы все это случилось на самомъ дѣлѣ. Знали важность Дербента и слабость своихъ силъ, и потому тѣмъ болѣе усердно поздравляли одинъ другаго; а какъ пріятно было смотрѣть, — продолжаетъ тотъ же очевидецъ, — на почтеннаго начальника, незабвеннаго Григорія Ивановича, принимавшаго поздравленіе и общее удивленіе. Не многимъ удавалось занять такой оплотъ на вѣчныя времена, съ цѣлою областію, безъ потери и одного человѣка и у народа, на увѣренія котораго полагаться было не возможно. Это обнаружило ловкость пользоваться обстоятельствами, рѣшительность и зрѣлое соображеніе, особенно заслуживавшее вниманіе, имѣя передъ собою, тогда животрепещущій, примѣръ вѣроломной Баки. Нелицемерная преданность Дербентцевъ Россійскому Престолу оправдана пятидесятилѣтіемъ. Ни Казимулла, ни Шамиль, возставившіе противъ насъ Дагестанъ и горцевъ, обитающихъ противъ лѣваго крыла Линіи, не могли поколебать вѣрности новыхъ подданныхъ. Это наиболѣе прочнѣйшій памятникъ заслугамъ Григорія Ивановича.

Шихъ-Али-ханъ поспѣшно бѣжалъ въ городъ Кубу, къ его владѣнію принадлежавшій, и за нимъ послѣдовали не многія изъ преданныхъ ему лицъ. Дербентъ былъ чистъ отъ подозрительныхъ людей. Алпано-Беку, какъ достой-

нѣйшему изъ гражданъ, поручено управленіе городомъ, по ихъ обычаямъ, подъ личнымъ наблюденіемъ Глазенапа. Войско наше обходилось съ жителями дружелюбно и, къ отрадѣ несчастныхъ, истерзанныхъ обывателей, воцарились незыблемая тишина и порядокъ.

Не вдаваясь въ описаніе Дербента, скажемъ только о томъ, что свидѣтельствуетъ о важности заслуги Глазенапа, и что относится къ пребыванію нашего отряда въ городѣ.

Дербентъ, какъ извѣстно, лежитъ подъ $42^{\circ} 3' 40''$ с. ш. и $65^{\circ} 56'$ в. д., въ разстояніи около 500 верстъ отъ Кизляра и занимаетъ собою узкій проходъ между Табасаранскимъ хребтомъ, — одной изъ отраслей Кавказа, и Каспійскимъ моремъ. Обойти его горами чрезвычайно затруднительно, а съ обозами и тяжелою артиллерією, въ то время, было даже невозможно. Табасаранское ущелье почиталось проходимымъ только для пѣхоты, основываясь на его проходѣ отрядомъ Булгакова, посланнаго графомъ Зубовымъ; — но о трудностяхъ, испытанныхъ при этомъ, тогда еще живо помнили.

Городъ стелется по берегу моря узкою полосою съ запада на востокъ, амфитеатромъ по скату горы. Съ трехъ сторонъ онъ обнесенъ высокими и прочными стѣнами, изъ которыхъ сѣверная и южная имѣютъ между собою разстоянія — въ восточномъ концѣ 180, въ западномъ 120 сажень, а въ длину — до трехъ верстъ. Онѣ продолжаются къ востоку на нѣсколько сажень въ море, по отмели; въ юго-западномъ же направленіи поднимаются на крутой утесъ, возвышающійся на 160 сажень, и соединяются съ цитаделью, или замкомъ, называемымъ «Нарынѣжъ-Кале», который, какъ будто бы, виситъ надъ городомъ и служилъ мѣсто-пребываніемъ хановъ. Югозападная сторона этой цитадели возвышается надъ стремниною, у подошвы которой течетъ быстрая рѣчка, и считалась формально недоступною; съ прочихъ сторонъ она обнесена стѣнами съ башнями.

Вообще стѣны окружающія Дербентъ такъ высоки (до 6 сажень) и сложены изъ камней столь огромныхъ, что невольно заставляють подумать: какою силою послѣдніе добыты, какими средствами передвинуты на мѣсто и подняты на высоту? Масса ихъ такъ крѣпка, что ядро изъ осаднаго орудія удара — отскакивало, оставляя по себѣ простое

пятно, и можно было отколоть кусокъ камня только попавъ нѣсколькими ядрами въ одно мѣсто. Графъ Зубовъ много громилъ стѣны, но бреши не могъ сдѣлать.

Надъ отмелью, по которой стѣны вдаются въ море, въ то время, у начала ихъ находилось очень большая глубина. Сверхъ того, чтобы затруднить съ этой стороны доступъ въ городъ и отдалиться отъ выстрѣловъ, не доходя до моря сажень за 120, выстроена стѣна съ обороною, за которою съ запада и начинались жилища.

Первоначально войска расположились въ нижней части города, но тѣснота мѣста, сгущенный воздухъ, вслѣдствіе закрытаго отъ вѣтровъ стѣнами положенія города, жаръ доходившій до 40° , вмѣстѣ съ появленіемъ тарануловъ, скорпіоновъ и злой мошки, почти невидимой, но жестоко кусающей, въ нѣсколько дней довели отрядъ до отчаяннаго положенія. На людяхъ открылась чесотка и многіе были укушены тарантулами. По этому отрядъ перевели за городъ, къ берегу Каспія, въ ханскій садъ. Тѣнь, прекрасный воздухъ и купанья въ морѣ всѣхъ оживило. Досталось, однако же, садамъ Шихъ-Али-хана и бѣжавшимъ его сообщникамъ.

Ханскій дворецъ и многія другія строенія для гарема, придворныхъ и для войскъ, расположенныя въ Нарынѣжъ-Кальскомъ замкѣ, истинно недоступномъ, не имѣли никакого убранства. Все было увезено. Во дворцѣ помѣстился Григорій Ивановичъ. Изъ оконъ комнатъ, имъ занимаемыхъ, были превосходнѣйшіе виды: съ огромной высоты замка, господствующей надъ городомъ, море, сады, живописныя окрестности открыты на неизмѣримое пространство.

Наконецъ, приводимъ слова одного изъ приближенныхъ Григорія Ивановича о тогдашнемъ понятіи военной важности завоеванія. «Въ построившемъ Дербентъ, кто бы онъ ни былъ, — говоритъ этотъ участникъ славнаго подвига, — обнаруживается знакомство съ стратегією тѣмъ, что выбранъ такой пунктъ, который замыкаетъ путь въ Персію; потому что, не взявъ крѣпости, не возможно пройти нигдѣ, кромѣ по Военно-Грузинской дорогѣ, сдѣланной нами уже въ царствованіе Императора Александра I-го; но по этой дорогѣ ужасныя горы, а тутъ равнина по берегу моря. Если стѣны исправны и всоружены, а гарнизонъ снабженъ бое-

выми и съѣстными припасами достаточно, *то нтъ никакой возможности овласть городомъ блокадою. Осаду же, хотя какую, Дербентъ выдержитъ*, потому что, строеніе все каменное, горѣтъ нечему; а каменистый грунтъ дѣлаетъ невозможными производить траншейныя работы. Конечно, — прибавляетъ онъ, — берутся и не такія крѣпости, можно взять Гибралтаръ и Свеаборгъ; но это другое дѣло, и подѣ правило не подводится.»

Дѣйствительно, строеніе было въ то время все изъ камня и состояло изъ зданій высокихъ, съ плоскими крышами, залитыми какимъ-то составомъ, устойчиво противившимся мокротѣ и огню. Что жители не боялись пожара, свидѣтельствоvalo обыкновение сожигать соръ на улицахъ, вообще узкихъ и кривыхъ. Всѣ дома были на азіатскій образецъ: окнами обращены на дворы, и во внѣшнихъ стѣнахъ рѣдко имѣли отверстія, кромѣ дверей. Высота нѣкоторыхъ домовъ превышала крѣпостныя стѣны. Между строеніями не находилось красивыхъ и особенно заслуживавшихъ вниманія. Торговлю Дербентъ производилъ незначительную, но сборъ таможенный, отъ проходившихъ каравановъ, доставлялъ хану довольно хорошій доходъ. Жители были по виду суровы и менѣе гибки и просвѣщенны, чѣмъ Кизиль-Баши, но одинаково съ ними ревнивы. Женъ своихъ они крѣпко запирали и зорко смотрѣли. Наши могли встрѣчать женщинъ только у фонтана, при проходѣ ихъ въ сады, кругомъ города раскинутые, и на кладбищѣ, куда цѣлыя семейства ходили для поминовенія. Если при нихъ не случалось мужчинъ, то онѣ откидывали чадры, затрогивали нашихъ своими привѣтствіями и похвалами. Хотя нѣкоторые Ловеласы въ отрядѣ и говорили о своихъ побѣдахъ, но это подвержено сомнѣнію, и вѣрнѣе можно сказать, что женщина въ Дербентѣ была предметомъ недоступнымъ.

Мужчины были повидимому набожныя и охотники до духовныхъ бесѣдъ съ своими ахунтами и муллами: часто, въ лѣтнюю пору, въ такихъ бесѣдахъ на улицахъ, они проводили время до поздняго вечера, сидя большими группами по прилавкамъ въ непроницаемой темнотѣ; ибо южныя ночи, темныя сами по себѣ, въ Дербентѣ еще темнѣе отъ узкихъ улицъ, сверху закрытыхъ, въ предохраненіе отъ солнечнаго зноя. Не смотря на это благочестіе, многіе изъ жителей

позволяли себѣ дикое и отвратительное удовлетвореніе страстей. Лица, промышлявшія развратомъ, почти явно торговали собою на улицахъ. Нѣсколько разъ, даже Русскіе подвергались опасности сдѣлаться жертвою общаго развращенія. Однажды офицеры собрались, большою компаніею, изъ лагеря кунаться въ садовомъ бассейнѣ, и отправили, впереди, молодаго деньщика съ разными принадлежностями. По дорогѣ его остановили челоуѣкъ шесть Персіанъ и уговаривали на преступленіе, показывая подарки, и когда не удалось его соблазнить, то хотѣли достигнуть своего намѣренія угрозами и стращали кинжалами. Къ счастью, въ самую критическую минуту, когда бѣдный деньщикъ съ трудомъ уже защищался тазомъ — единственнымъ оружіемъ, случившимся при немъ; показались офицеры. Негодяи опрометью пустились бѣжать въ густоту смежныхъ садовъ, и хотя были преслѣдованы, но успѣли скрыться. Другой разъ, еще въ бѣльшей степени, угрожала такая же опасность одному юнкеру, и онъ только чудомъ спасся.

Почетные жители и ученые старались заводить знакомство съ нашими офицерами, изъ которыхъ нѣкоторые занимались даже преніями съ стариками-философами; послѣднимъ, обыкновенно, предшествовали слуги, важно несшіе на головахъ огромные фолианты исторіи и стихотворства. Судили много и долго, но результатъ всего этого покрытъ неизвѣстностію.

Среди такого препровожденія времени, наши съ нетерпѣніемъ ожидали появленія Каспійской флотиліи съ десантомъ, тѣмъ болѣе, что подвижной провіантскій магазинъ и фуры опустѣли. Нижнимъ чинамъ уменьшили порціи сухарей, отъ 1³/₄ фунта до одного фунта, а на усиленіе приварка не было средствъ. Глазенапъ постигалъ, что опасно изнурять людей, долженствовавшихъ еще побѣждать многіе труды, и потому прибѣгалъ къ крайнимъ мѣрамъ. По его распоряженію конфисковали поля ханскія и бѣжавшихъ его сообщниковъ, на которыхъ, къ счастью, хлѣбъ уже созрѣлъ. Солдаты сами жали, молотили и мололи пшеницу и ячмень. Изъ смѣси обоихъ сортовъ муки хлѣбъ выпекался очень хорошо, но не было возможности довести порцій до полнаго количества. Изнуреніе, а потомъ разныя болѣзни подкрадывались незамѣтно.

Наконецъ, съ высокихъ стѣнъ цитадели, караулъ далъ знать, что далеко въ морѣ видны нѣсколько парусныхъ судовъ. Всѣ бросились смотрѣть, и долго находились между страхомъ и надеждою. Однако, дѣйствительно, одно за другимъ, начали появляться суда, и вскорѣ насчитали ихъ 18. Вслѣдъ за тѣмъ появились клубы дыма, вылетавшіе, въ чемъ нельзя было сомнѣваться, изъ жерла орудій, хотя звука не было слышно за отдаленностію. Это былъ салютъ русскому флагу, гордо развѣвающимуся на главной башнѣ замка, съ бомбардирскаго корабля «Громъ», находившагося подъ командою капитана 1-го ранга Веселаго, начальствовавшего всею флотиліею. Со стѣнъ Нарынѣджъ—Кале привѣтствовали дорогихъ гостей изъ 36-фунтовой пушки, оставшейся въ Дербентѣ, кажется, еще отъ временъ Петра Великаго. Вскорѣ флотилія бросила якорь; но, по мелководію рейда, не ближе 10-ти верстъ отъ берега. Сообщение тотчасъ открыто: прежде всего перевезли провіантъ, потомъ войска десанта, и, въ заключеніе, крѣпостную артиллерію для вооруженія цитадели. До 1000 человекъ тащили нашихъ матушекъ въ гору и ставили на приготовленные мѣста.

Закипѣла дѣятельность приготовленій къ походу. Всѣ знали, что покореніе Дербента было особенно важно и тѣмъ, что, передавая въ руки наши остатки исполинской стѣны, загромаждавшей проходъ между горами и моремъ, что, дѣлая насъ обладателями ключей отъ желѣзныхъ воротъ Персіи, открывало возможность проникнуть въ Баку, и тѣмъ оказать помощь войскамъ, расположеннымъ въ Грузіи, развлекая вниманіе Аббасъ—Мирзы.

Тотчасъ по взятіи Дербента отправленъ былъ въ Петербургъ адъютантъ Григорія Ивановича—Александръ Ивановичъ Кривцовъ (послѣ въ отставкѣ генералъ—лейтенантъ) къ Государю Императору съ донесеніемъ о покореніи города и для поднесенія Его Величеству ключей. Монархъ удостоилъ высокаго своего благоволенія нѣкоторыхъ, — напримѣръ изъ Нижегородскаго полка полковника Сталя и адъютанта Глазенапа, прапорщика Броневскаго. Сверхъ того, въ Высочайшемъ приказѣ по арміи отъ 21-го августа 1806 года тоже повторено. Орденовъ никому не было пожаловано, а самъ покоритель Дербентской твердыни, Григорій Ивановичъ, получилъ брилліантовую табакерку и три тысячи рублей ассигнаціями въ годъ пенсіи, покуда будетъ оставаться въ службѣ на Кавказѣ. «Готовъ побиться, — прибавляетъ одинъ правдивый участникъ похода, — что всѣ были довольны и никто не тужилъ.»

Между тѣмъ храбрые отрядные генералы вытѣснили Персіянъ изъ Грузіи съ большимъ уропомъ, а Несвѣтаевъ и Карягинъ, поразивъ находившуюся противъ нихъ часть персидскихъ силъ, прижали непріятели къ горамъ Дагестана близъ города Кубы, гдѣ Персіяне, ограбивъ жителей и изнуривъ кавалерію, побоялись встрѣтиться съ Глазенапомъ, несравненно ихъ слабѣйшимъ, и бѣжали въ Персію. Города Куба и Баку, уstraшенные успѣхами нашего оружія, прислали своихъ депутатовъ съ предложеніемъ о сдачѣ и моля о помилованіи.

Среди этихъ блестящихъ успѣховъ, назначенъ главнокомандующимъ на Кавказѣ генералъ—фельдмаршалъ графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, а командующимъ войсками на Кавказской Линіи—генералъ отъ инфантеріи Сергій Алексѣевичъ Булгаковъ. Новый главнокомандовавшій поспѣшилъ отдать повелѣніе, чтобы отрядъ изъ—подъ Дербента не трогался до прибытія Булгакова, который долженъ былъ принять отъ Григорія Ивановича команду. Въ войскѣ выразилось общее непритворное сожалѣніе, что оно теряло достойнаго, любимаго и покрывавшаго себя важными заслугами старца, остававшагося только при 200 человекъ своихъ Нижегородскихъ драгуновъ. Надобно знать, что графъ Гудовичъ не любилъ Глазенапа, по какимъ—то частнымъ отношеніямъ, еще со временъ Задунайскаго и Потемкина. Почтенный Григорій Ивановичъ былъ непоколебимъ въ исполненіи своего долга и утѣшался тѣмъ, что планъ его завоеваній утверждать, хотя и не самому ему суждено привести его въ исполненіе. Наконецъ и Булгаковъ пріѣхалъ, привезя съ собою сына фельдмаршала, генералъ—маіора Кирилла Ивановича. Отрядъ выступилъ по дорогѣ къ Кубѣ, оставя въ Дербентѣ надежный гарнизонъ. Неприсятели нигдѣ не показывался, хотя наши проходили лѣса, занимавшіе пространство верстъ въ 60. Это истинный садъ, рукою Божіею насажденный. Огромныя шелковицы и грѣцкой орѣшникъ, груши, сливы и другія плодовые деревья, увитыя виноградникомъ и обремененныя вкус-

ными плодами, представляли обильное угощеніе нашему войску, утомленному зноемъ. Знаменитую рѣку Самуръ, имѣющую крутые берега, чрезвычайно быстрое теченіе и чрезъ которую, весною и лѣтомъ, когда вода на прибыли, съ трудомъ можно переправиться, — однимъ словомъ стоющею воротъ Персіи, — отрядъ перешелъ въ бродъ по убылой осенней водѣ, т. е. въ удобное время; но и тутъ солдатъ отрывало отъ перетянутого каната и валило съ ногъ лошадей.

Приблизясь къ Кубѣ, сентября 25-го въ сумерки, войска остановились, не переходя рѣчку, протекающую у города, въ жидовской деревнѣ, которую дограблывалъ Шихъ-Али-Ханъ, а за нимъ казаки. Жиды вездѣ одинаковы. Они производили гвалтъ точно на тотъ же ладъ, какъ въ какомъ нибудь польскомъ мѣстечкѣ. Но какъ эта вечерняя серенада не понравилась начальникамъ отряда, то были посланы войска выбить грабителей, что скоро исполнено, и отрядъ провелъ спокойную ночь. По утру перейдя рѣчку, стали у Кубы, — города тогда небольшого, обнесеннаго глиняною стѣною. Жители разбѣжались. Незадолго до нашего прихода Шахъ-Заде, съ войскомъ изъ 35,000 человекъ, пировалъ въ Кубѣ съ Шихъ-Али-Ханомъ; но устрася преувеличенныхъ слуховъ о нашей сухопутной и морской силѣ, онъ не рѣшился на бой и отступилъ, оставивъ хапа, укрывшагося въ горахъ. Въ городѣ не только не найдено никакихъ продовольственныхъ припасовъ, но не было и травы, а конница Шахъ-Заде съѣли даже все плетни; наши лошади околѣвали съ голоду на привязи.

Жители были въ полномъ сочувствіи съ Дербентцами относительно своего хапа. Шихъ-Али, будучи въ непрерывной горячкѣ отъ кизлярской водки, которую придворные льстецы подносили ему въ изобиліи, постоянно велъ себя отвратительно неистово, раздражая постепенно лучшихъ гражданъ. Благонамѣренныя и неистово хапу преданные люди, которые могли ему служить вѣрно и давать благіе совѣты, происками негодяевъ были отдалены или умерщвлены, и Шихъ-Али погрязъ невозвратно въ пучину золь. При такомъ расположеніи духа Кубанцы, видя у себя хапа, поддерживаемаго только нѣсколькими крово-

жадными клеветниками, получивъ приказаніе оставить городъ и со всемъ имуществомъ убраться въ лѣсъ и близъ лежащія горы, повинувались этому до прибытія нашихъ войскъ. Но когда сообразили, какъ наши дружелюбно обходились съ Дербентцами, какъ хорошо устроено ихъ положеніе и притомъ получивъ свѣдѣніе, что ханъ, подъ предлогомъ умышляемой ими измѣны, собирается сдѣлать на нихъ нападеніе и ограбить, то прислали просить генерала Булгакова поспѣшить доставить имъ защиту и возможность возвратиться въ свои дома. Отрядъ тотчасъ встрепенулся и, велѣдъ за проводниками, бѣглымъ шагомъ пустился въ горы.

Семейства кубанскія выючили на эшаковъ и арбы дѣтсѣй и свои пожитки, распятныя въ разныхъ труппахъ, и встрѣтили нашихъ съ хлѣбомъ и плодами, уничиженно кланаясь, будучи не совсѣмъ чужды страха. Ихъ успокоили и выпроводили въ городъ. Нападенія отъ непріятеля не было, и войска двинулись обратно. Городъ наполнился жителями; ему дали гарнизонъ и выступили къ Бакъ.

Море отдалено отъ Кубы на значительное пространство. Въ Баку вело двѣ дороги: одна по горамъ, трудная для обозовъ, другая степью. Булгаковъ избралъ послѣднюю. По ней иловатый грунтъ въ мокрую пору непроходимъ. Ни лѣса, ни кустарника не находится, и бурьянъ служилъ отряду дровами. Кое-гдѣ виднѣлись запустѣлыя деревни. Сарачинское пшено было уже убрано, а обыкновеніе напускать воду на пашни, по иловатому грунту, дѣлало ихъ недоступными, потому что можно было формально утонуть. Дорога, оставленная между полями, была узка и чрезъ канавки не вездѣ находились мосты. Постоянно было много хлопотъ съ артиллерією и обозами, тѣмъ болѣе, что лошадей сильно изнурила безкормица. Изрѣдко находили кучи обмолоченнаго проса и набирали его для людей и лошадей. Солдаты толкли зерно, сдѣлавъ въ землѣ яму, просѣвали въ рукахъ и варили кашу. Находили также въ ямахъ разные фрукты и овощи, и мигомъ все съѣдали. Хозяевъ даже и не благодарили, и они украдкою, изъ за горъ, съ кислыми минами, поглядывали на такое распоряженіе ихъ запасами.

Послѣ нѣсколькихъ трудныхъ переходовъ, отрядъ снова приблизился къ Каспію, влажнымъ своимъ дыханіемъ прохладившему уставшихъ людей. Купанье ихъ оживило. Къ морю прилегаютъ высокія горы Бишъ—Бармакъ или *пять пальцевъ*; одинъ изъ нихъ уродливо торчитъ на сушѣ, а четыре высунулись изъ хляби морской, какъ страшилища для мореходцевъ. На горномъ пальцѣ, старшимъ братомъ называемомъ, наши осматривали крѣпость, сооруженную Петромъ Великимъ, и дорогу къ ней, сдѣланную также по повелѣнію безсмертнаго Монарха. Всѣ дивились, какъ дѣды чудо—богатыри могли туда забраться. Эта крѣпость оказалась оставленною, и Булгаковъ также не счелъ нужнымъ ее занимать.

Продовольствіе отряда продолжало быть скуднымъ; особенно страдали отъ недостатка его лошади: онѣ ложились и отказывались идти, такъ что, при малѣйшемъ возвышеніи или грязи, люди тащили на себѣ обозы. Однако же, наконецъ, находились уже въ одномъ переходѣ отъ цѣли. Тогда отправленъ былъ легкій отрядъ для рекогносцировки. Крѣпость, по его донесеніямъ, казалась въ грозномъ видѣ; въ ней все, что было на ногахъ, вооружилось. Но самъ Гусейнъ—Кули—Ханъ, предчувствуя неотразимую бѣду, рѣшился бѣжать съ своимъ дворомъ и главными сановниками, особенно когда завидѣлъ русскую флотилію, приближавшуюся къ городу. Къ несчастію, суда наши, отъ бури, едва всѣ не потерпѣли крушеніе и были разъединены. Первый подошелъ къ Бакинскому заливу бомбардирскій корабль «Громъ», растерявшій свои гребныя суда. Ночью, подъ самымъ его бортомъ, проплылъ ханъ на каржимахъ, спасаясь изъ города, и не было возможности этому воспрепятствовать. Вслѣдъ за тѣмъ, жители рѣшили сдаться на милосердіе побѣдителей, клянясь, что убійцею князя Циціанова былъ одинъ ханъ съ его клеветами, которыхъ уже нѣтъ въ городѣ.

Ночью 2-го октября отрядъ приблизился къ стѣнамъ Баку. Крѣпостная артиллерія гремѣла въ честь Русскихъ, и кругомъ, вмѣсто иллюминацій, горѣли ярко подсвѣты, — зажженные лоскутья, обмокнутые въ нефть. На другой день поутру весь народъ, предварительно обезоруженный войсками, занявшими караулы въ городѣ, явился предъ нашимъ

строемъ, предшествуемый армянскимъ духовенствомъ, въ полномъ облаченіи, съ крестами, св. иконами и хоругвями. Персіяне находились въ такомъ страхѣ, какъ бы къ смерти приговоренные. Старѣйшины поднесли Булгакову ключи, и народъ, по своей вѣрѣ, присягалъ предъ батареею на вѣрнопоподданничество Государю Императору.

Производили по городу розыски о злоумышленникахъ, но, кажется, всѣ остались правы. Въ ханскомъ дворцѣ, который очистили для Булгакова, обратили вниманіе нашихъ офицеровъ историческія картины персидскихъ войнъ, писанныя весьма искусно на стѣнахъ масляными красками и раззолоченныя. Ихъ для побѣдителя откололи отъ стѣнъ длинными долотами, и нѣкоторыя даже, къ удивленію, не попортились. Вообще этотъ домъ выказывалъ богатство: двери и рамы краснаго и чинароваго дерева, много дорогихъ ковровъ, шелковыхъ матерій и даже, противъ азійскаго обыкновенія, находились зеркала. Видно было, что ханъ очень не торопился выѣздомъ. Всему этому добру досталось порядкомъ, и наши такъ подчистили, что ничего не осталось.

Караванъ—сарай были наполнены разными товарами: персидскими, индійскими и даже русскими шелковыми матеріями; бурметы, терма—лама, ковры высокой работы и цѣнности, бирюза, жемчугъ и разные цвѣтные камни, золотыя и серебряныя издѣлія находились въ нихъ въ изобиліи. Персіяне бросились на наше серебро, съ обманомъ обвиняя его на свои абазы, весьма легковѣсныя и низкой пробы, и принялись изъ нашихъ рублей перечекаивать свою мелкую монету; но это скоро воспретили.

Торговля Бакинцевъ съ внутренними областями Персіи, Индіею и Россіею, въ Астрахани и Кизлярѣ, была значительна. Въ заливѣ постоянно видны были каржимы, перевозившіе товары.

Купечество персидское и армянское— послѣднее въ особенности — показалось нашимъ очень ловкимъ, гибкимъ, придерживавшимся правиламъ мошенничества, и въ плутовствѣ далеко образованнѣе Дербентцевъ. Купцы и граждане всѣмъ генераламъ подвели персидскихъ жеребцовъ. Одинъ только Григорій Ивановичъ не принялъ, по вкорененной привычкѣ не брать ничего чужаго. Это правило переходило

у него даже за педанство: много или мало, ему было все равно. Съ привычкою такою, казалось, родился этотъ безпримѣрный человѣкъ и съ нею онъ и умеръ, бѣденъ, какъ солдатъ, но съ чистою совѣстью.

Положеніе Баку оказалось и невыгоднымъ, и некрасивымъ: мѣсто плоское, воды хорошей не было вовсе. Въ городскомъ водохранилищѣ собиралась вода или дождевая, или проведенная издали трубами; но солонцеватый грунтъ и подпруживаніе съ моря дѣлали ее непріятнаго вкуса. Садовъ кругомъ находилось множество; въ нихъ виноградъ различныхъ родовъ и превосходнаго вкуса, груши, винныя ягоды, шелковицы, персики и многіе другіе плоды — въ изобиліи, а каштановъ было болѣе, нежели нынѣ у насъ картофеля. Овощи и зелень въ огородахъ произрастали роскошно. Не смотря на неблагодарность почвы, хлѣбъ, при помощи поливки полей, родился хорошо; но травъ и лѣса въ окрестности, можетъ быть, верстъ на 50, не было вовсе. Въмѣсто сѣна употребляли мякину и солому, да какую-то сѣяную крупную траву, продававшуюся вениками. Дрова привозились не въ большомъ количествѣ, и они продавались высокою цѣною. Для отряда за три коротенькихъ полѣна платили по гривеннику. Промыселъ Божій, отнимая одно, по благодати своей, вознаграждаетъ человѣка другимъ. Въ окрестностяхъ города большое изобиліе нефти: она служитъ отопленіемъ и освѣщеніемъ. Отрядъ хотя въ ней и прокоптился, но употреблялъ ее съ удобствомъ на кухняхъ и въ пекарняхъ. Однако, и это топливо вскорѣ было прекращено. Начальство разсудило, что выгоднѣе отдать нефтяныя колодцы на откупъ Армянамъ за 60,000 рублей въ годъ!!! Солдаты же, стоя въ лагерѣ на морскомъ берегу, октябрь и ноябрь, подверженные холоду и сырости, принуждены были ходить верстъ за 10 собирать бурьянъ и отапливаться имъ; но онъ, будучи мокръ отъ сырой погоды, не горѣлъ, и, случалось, что одни хлѣбы сажали по три раза въ печь и все не допекали. Къ этому дурная вода произвела болѣзни и, въ особенности, кровавый поносъ, отъ котораго люди умирали на ходу. Наконецъ, на нашихъ напала вошь, которую огребали горстями изъ лазаретныхъ каретъ. Солдаты жарились въ искусственныхъ баняхъ, которыя устраивали весьма просто: вырывъ яму, на-

кладывали въ нее каменье, разгорячали ихъ несчастнымъ бурьяномъ, закрывали (по неимѣнію палатокъ) размоченными провіантскими кулями *), и поддавая водою на камни, презрительно холили. За нефть, на которую бросались какъ голодные волки на стадо, происходили безпорядки и наказанія. Несытые солдаты, толковавшіе о родимой говядинкѣ, съ которою давно не видались, употребляли преостроумные способы достать скотину отъ жителей, или изъ своего подвижнаго магазина, такъ чтобы и слѣдъ, что называется, простылъ. Зима застала отрядъ въ лѣтнемъ платьѣ. Изнуреніе и болѣзнь, слѣдствіе всего этого, унесли въ преждевременную могилу много людей.

Григорій Ивановичъ, зная духъ Азіятцевъ, у которыхъ «куй желѣзо, пока горячо», еще изъ Дербента засылалъ въ Эривань провѣдать о тамошнихъ обстоятельствахъ. Когда же такъ счастливо овладѣли крѣпостями Дербентомъ, Кубою и Баку, слѣдственно и вообще Дагестаномъ, то онъ предлагалъ итти изъ Баку на Эривань, ручаясь въ успѣхъ, который, по всемъ вѣроятіямъ, дѣйствительно былъ несомнѣненъ; но фельдмаршалъ предоставилъ эту честь лично себѣ, а отряду предписалъ возвратиться на Линію, въ свои квартиры. Какими печальными послѣдствіями сопровождался походъ графа Гудовича и его приступы къ Эривани, совершенно неудавшіеся, довольно извѣстно, и мы объ этомъ будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

Обратное движеніе отряда Булгакова происходило по прежней дорогѣ, гдѣ по снѣгу, гдѣ по грязи. Погода стояла холодная; люди одѣли все, что имѣли при себѣ, т. е. рубахи, сколько у кого было, одну на другую, мундиръ, шинель, и при всемъ томъ, безъ прибавленія скажемъ, видны

*) Извѣстно, что русской человѣкъ не можетъ обойтись безъ бани, и потому на Кавказѣ, въ экспедиціи, если одинъ или два дни есть свободные отъ похода, то солдатики устраиваютъ бани слѣдующимъ образомъ: вырываютъ яму и складываютъ комелекъ изъ камня. За неимѣніемъ дровъ, нагрѣваютъ его бурьяномъ, кизикомъ и т. п. Когда онъ достаточно нагрѣется, ставятъ сверху двойную солдатскую палатку, и снизу укладываютъ дерномъ, а чтобы паръ не выходилъ, палатку снаружи обливаютъ водою. На камелекъ поддаютъ паръ, и паръ этотъ чистый, легкій. Совѣтую въ подобной банѣ попариться.

были голые локти. На ночлегахъ первымъ дѣломъ считали рыть яму, въ родѣ могилы. Въ ней разводили огонь, варили кашу; поужинавъ, гасили угли, выметали и ложились въ теплое логовище спать, и—по словамъ участника похода—какъ спалось пріятно и тепло! Нужда всему научить! Мы сейчасъ говорили объ искусственныхъ баняхъ, теперь скажемъ, какъ на стоянкахъ пекли хлѣбъ. Опытные копачи, разсмотрѣвъ грунтъ, въ какомъ случалось подъ рукою яру, вкапывались горизонтально на сажень, и это образовало печь, съ природнымъ сводомъ и подомъ. При ней рыли яму полушаромъ, уколачивали колушками и покрывали рогожками, умазанными клейстеромъ изъ муки. Это составляло квашню. Изъ сухарей дѣлали дрожжи, мѣсили хлѣбъ, и онъ выходилъ не дурень. Въ этихъ же квашняхъ, по напеченіи хлѣбовъ, въ то время, когда сушили сухари, заводили даже добрый квасъ. Чудо русскій солдатъ! На все ума—разума хватить. Его мочить и корчить, а онъ себя пѣсенки поѣваетъ, острить и балагурить.

Къ счастью, по пути отряда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находились магазины, а въ Дербентѣ, на ханскихъ лугахъ, накошенное во время сѣно. Это поддерживало людей и лошадей, но при всемъ томъ больныхъ было много, и, къ сожалѣнію, открылись побѣги. Изъ Дербента еще попробовали бѣжать трое солдатъ. Начальство, предчувствовавъ, что если имъ это удастся, то такому примѣру послѣдуютъ многіе. За большія деньги, чрезъ лазутчиковъ, достали бѣглецовъ, и немилосердно прогнали сквозь строй, объявляя гласно, что и другимъ, которые рѣшатся измѣнить присягу, тоже будетъ. Послѣ этого, какъ рукою сняло: побѣги совершенно прекратились. Кромѣ того, пользуясь походомъ, до 150 человекъ выбѣжало къ отряду и выкуплено плѣнныхъ, а можетъ быть и бѣглыхъ въ давнія времена. Но, на обратномъ пути, эти мнимые плѣнники, узнавъ, что имъ, по приходѣ въ наши границы, назначенъ разборъ, вѣроятно, опасаясь его, не только всѣ бѣжали, но подговорили и нѣкоторыхъ изъ отряда; остался только одинъ старикъ съ женою.

Вообще объ обратномъ движеніи на Ливію особеннаго ничего сказать не можемъ: шли такъ безопасно, какъ по Россіи. О непріятелѣ нигдѣ не было и слуха. Персидскія

войска, предводительствуемая Шах-Задю и сераскиромъ тавризскимъ, покушались было проникнуть въ Дагестанъ и поддержать тамошнихъ хановъ; но храбрые генералы Несвѣтаевъ и Карягинъ, съ войсками изъ Грузіи, перерѣзали имъ путь и задали такого трезвону, что они едва унесли ноги. Зима того края, конечно, не можетъ итти въ сравненіи съ нашею; но случались, однако, стужи, хотя на короткое время,—что, въ лѣтнемъ платьѣ и еще безъ дровъ, дѣлало положеніе отряда не весьма ловкимъ.

За 60 верстѣ до Кизляра завернулъ морозъ съ вѣтромъ, доходившій до 10° Реомюра. Солдаты, въ одинъ голосъ, просили провести ихъ безъ ночлега. Удовольствіе ли видѣть свою родимую сторону, или нестерпимая стужа, проявили такую силу въ людяхъ, что они, пройдя безъ привала первыя 30 верстѣ и, пообѣдавъ наскоро, остальные не шли, а бѣжали. Приблизясь къ Тереку, и увидавши, что паромъ, по причинѣ плывущаго льда, не могъ ходить, всѣ бросились въ бродъ по поясъ, и послѣ въ разсыпную ринулись въ городъ и сами разсѣялись по домамъ, кто куда попалъ. Обозы тянулись бродомъ, и гдѣ лошади не могли вывести фуры, тамъ фурьеры ихъ выпрягли и покинули, уѣхавъ сами въ городъ. Фуры, какъ были, такъ и вмерзли въ ледъ, покрывшій въ ту же ночь рѣку; потомъ уже ихъ вырубали топорами.

Кизлярскіе жители очень радушно приняли постояльцевъ. На другой день все было забыто; всякой принялся за свое дѣло, какъ будто въ походѣ и не бывалъ. Глазенапъ отправился въ Георгіевскъ къ полку и своей кавалерійской инспекціи.

Въ это время, отъ Кизляра до Моздока, Линія тянулась по Тереку, и переселенія на Сунжу еще не было, хотя уже объ этомъ поговаривали. Чеченцы частенько, по дорогѣ, подбирали, что имъ легче доставалось, и безъ конвоя никого не пускали. Почтовые станціи содержали Ногайцы, на двухъ-колесныхъ арбахъ. При всякой станціи находился табунъ лошадей. Не справлялись, которую лошадь запрягать, а на какую попадетъ арканъ. Дикій Ногаецъ на дикой лошади верхомъ бывало гикнетъ, ударить плетью по всѣмъ, и кони бьютъ и несутъ прямо, безъ дороги, степью, не думая о томъ, что дѣлаетъ пассажиръ съ арбою по кочкамъ.

Если случится на пути озеро, то, чтобы лишняго не ѣздить, возничій отправлялся прямо черезъ воду, хотя иногда и не мелко. Если Ногайцу кричать, чтобы ѣхать тише, то это повело бы еще къ худшему. Не понимая, что ему говорятъ, онъ, вмѣсто отвѣта, погонялъ лошадей пуще прежняго. Подлинно въ то время была прекурьюзная почта.

Григорій Ивановичъ, по возвращеніи изъ персидскаго похода, взялъ отпускъ, будучи крайне недоволенъ отношеніями къ нему графа Гудовича, который если бы зналъ его хорошо, то, конечно, не разстался бы съ почтеннымъ старцемъ и нашелъ бы въ немъ самага лучшаго сотрудника, по его знанію края, удачнымъ соображеніямъ въ важныхъ обстоятельствахъ и безпримѣрной честности. Но фельдмаршалъ, прежде нежели Глазенапъ пріѣхалъ на Линію, отправился въ Грузію, и они вовсе не видались.

Изъ отпуска Глазенапъ воротился больной подагрой. Но не смотря на это, зимою, въ его залѣ, единственной въ цѣломъ городѣ, устроили музыкальныя собранія. Главнымъ учредителемъ былъ генералъ П. М. Капцевичъ — со скрипкою, артиллерійскіе генералы, бароны Н. К. и Б. К. Клоты и губернской казначей — всѣ виртуозы. Полковые музыканты Нижегородскіе, Казанскіе и артиллерійскіе составляли огромный концертъ, подъ управленіемъ Клотовъ, и еще болѣе скрипача и кларнетиста Сазонова, ученика Сарти. Разъигрывали неслыханныя до того на Кавказѣ увертюры: Ладоиску, Калифа Багдадскаго, Двухъ слѣпыхъ и, на услажденіе, польскіе Козловскаго и Огинскаго, особенно «Громъ побѣды раздавался». Бывали и славные квартеты, потому что Клоты, по страсти своей, готовы были играть до втораго обморока.

Городскія дамы посѣщали эти концерты, и, какъ серіозная музыка не даетъ большой пищи, то затѣялись танцы, мало по малу превратившіеся въ великолѣпныя балы, то у Григорія Ивановича, то у генерала Мейера, шефа Казанскаго мушкатерскаго полка, всегда приглашавшаго не отъ себя, а отъ общества своихъ офицеровъ.

Такъ текла мирно въ это время жизнь Глазенапа. Войска стояли неподвижно; кромѣ черкесскихъ разбоевъ, мелкими партіями, спокойствіе приливнейныхъ жителей ничѣмъ не

нарушалось. Это была послѣдняя зима во время службы незабвеннаго генерала на Кавказѣ.

27-го января Григорію Ивановичу повелѣно состоять по арміи, а 4-го февраля онъ назначенъ инспекторомъ Сибирской инспекціи и начальникомъ Сибирской Линіи. Хотя не по его воинскому духу было такое мирное назначеніе, но должно было рѣшиться ѣхать съ Кавказа. Возраставшій разладъ съ графомъ Гудовичемъ дѣлалъ неприятною его тамошнюю службу.

Шефомъ Нижегородскаго драгунскаго полка назначенъ былъ Сталь. Благородный этотъ воинъ, тотчасъ какъ узналъ о своемъ назначеніи, приготовилъ почетный рапортъ Глазенапу о состояніи полка и квитанцію о наисправнѣйшемъ приѣмѣ Нижегородцевъ, и поспѣшилъ прибыть изъ Екатеринограда въ Георгіевскъ. Являсь немедленно къ Григорію Ивановичу, Сталь отрапортовалъ ему о состояніи полка, сказавъ: «это рапортъ о полкѣ, а это квитанція въ исправномъ приѣмѣ его отъ васъ». Глазенапъ, пріятно удивленный, отвѣчалъ: «Вы, Карлъ Фёдоровичъ, еще не осмотрѣлись, и, можетъ быть, найдете нѣкоторые недостатки.» Сталь возразилъ, что онъ, будучи прежде полковымъ командиромъ, знаетъ исправность полка и, въ этой увѣренности, проситъ считать дѣло конченнымъ и ни о чемъ не беспокоиться. Тутъ эти достойные люди бросились въ объятія другъ другу.

Глазенапъ скоро выѣхалъ въ Воронежъ и въ немъ ожидалъ позволенія заѣхать въ С. Петербургъ, но военный министръ графъ Аракчеевъ не нашелъ удобнымъ разрѣшить ему проѣздъ въ столицу, и Григорій Ивановичъ, черезъ Казань, отправился въ Омскъ, въ которомъ кипѣла его дѣятельность въ продолженіе одиннадцати лѣтъ.

Прежде изложенія благотворныхъ распоряженій Глазенапа по новымъ обязанностямъ, сдѣлаемъ краткій очеркъ города и представимъ характеристику тогдашнихъ сибирскихъ нравовъ и понятій, и главнѣйшихъ дѣйствователей, съ которыми ему надлежало быть въ соприкосновеніи. Не думаемъ, чтобы за это на насъ посѣтовали читатели, тѣмъ болѣе, что съ такими подробностями связана исторія одного изъ храбрѣйшихъ полковъ Кавказскаго Корпуса.

Омскъ, какъ извѣстно, лежитъ подь 54° 59' с. ш. и 91° 3' в. д., въ разстояніи слишкомъ 3,300 верстъ отъ С. Петербурга, на небольшомъ возвышеніи береговъ рѣкъ Оми и Иртыша. Въ то время это была крѣпость и городъ. Первая, построенная въ 1708 году, состояла изъ землянаго вала со ровомъ, покрытымъ путемъ, траверсами и глазисомъ, расположенными по правиламъ Вобана; предъ глазисомъ были утверждены рогатки съ надолбами. Стоило только на бермѣ, или на подошвѣ рва, поставить палисадъ, чтобы доставить храброму гарнизону полную возможность держаться, хотя противъ какого непріятеля. На лѣвомъ берегу Иртыша находился ретраншаментъ или цитадель. Цѣль его построения была — укрывать проѣзжающихъ отъ нападенія хищниковъ, въ то время, когда не предстояло возможности переправиться чрезъ рѣку, въ бурную погоду или за ходомъ льда.

Всѣ строенія въ крѣпости состояли въ инженерномъ вѣдомствѣ: церкви соборная Воскресенская и лютеранская Св. Екатерины, дома: главной гауптвахты — двухъ-этажный, главнаго начальника и коменданта — одно-этажные, и нѣсколько казармъ и кордегардій; пороховой погребъ и денежная кладовая — всѣ каменные. Объ архитектурѣ и изяществѣ отдѣлки, разумѣется, тогда и спрашивать не слѣдовало.

Собственно городъ состоялъ изъ осьми форштатовъ, раскинутыхъ, каждый почти отдѣльно отъ прочихъ, вокругъ крѣпости, за эспланадою, и бѣдныхъ строеніемъ. Дома, кромѣ небольшого числа посредственно хорошихъ, состояли изъ избушекъ, крытыхъ дерномъ или берестою, съ бревенчатыми и даже плетневыми заборами. Вотъ какую физіономію имѣлъ Омскъ въ 1808 году, когда Григорій Ивановичъ въ немъ поселился.

Экипажей тогда еще ни у кого не водилось; генеральскія семейства имѣли, правда, кареты и коляски; но они, по рѣдкости, были на диво цѣлому городу.

Домъ командира Линіи и инспектора войскъ стоялъ въ крѣпости, на площади; низменный, въ одинъ этажъ, онъ представлялъ квартиру, достаточную для помѣщенія. Мебель, до послѣдняго стула, была сдѣлана только предъ самымъ пріѣздомъ Григорія Ивановича, въ солдатскихъ мастерскихъ,

и состояла изъ самыхъ обыкновенныхъ предметовъ, простой отдѣлки, выкрашенныхъ и обтянутыхъ затрапезомъ. Это составляло уже роскошь, потому что у всѣхъ жителей мебель была еще проще, даже не вездѣ крашеная, и безъ подушекъ. Диваны, въ родѣ лавки, прикрывались коврами тюменскаго рукодѣля или киргизскими.

Общество было порядочное; но здѣсь жили не такъ, какъ въ Георгіевскѣ и Екатериноградѣ. Въ Омскѣ господствовала тихая семейная жизнь, въ чистотѣ первобытной, подчиненная строгимъ приличіямъ. Молодой человекъ не смѣлъ и подумать — извините за выраженіе — завратъся. При подобномъ покушеніи, чепцы на головахъ у старушекъ мигомъ, бывало, задвигаются, и горе неосторожному. Тогда старики любили журить молодыхъ, и дѣлали это не всегда мягко; но никогда ихъ отъ себя не отталкивали, и были рады, когда получившій справедливое замѣчаніе, не припиная его очень серьезно, приходилъ снова въ домъ. Хлѣбосольство и привѣтливость были общія всѣмъ сословіямъ. Если, бывало, поддастся, то, въ буквальномъ смыслѣ, запойтъ и закормятъ. Съ ссыльными жители обходилисьнисходительно и раздѣляли съ ними послѣднюю копѣйку и кусокъ. Никто не доискивался: кѣмъ прежде былъ ссыльный и за что онъ наказанъ; но всѣ знали его подъ общимъ именемъ: *несчастный*. Ни происхожденіе, ни религія, ни нація не дѣлали различія въ обхожденіи съ ними, хотя и часто случались разительные примѣры неблагодарности нѣкоторыхъ преступниковъ.

Между холостыми служащими, офицерами и даже генералами было въ обыкновеніи заводить постоянныя связи съ простолюдинками, дочерьми солдатскими и мѣщанскими. Это происходило, повидимому, отъ строгости нравовъ въ семейныхъ кругахъ. Такія связи укрѣплялись привычкою и прижитіемъ дѣтей, а желаніе примириться съ совѣстію побуждало согрѣшавшихъ вступать въ законный бракъ съ обольщенными. Этимъ путемъ простолюдины не рѣдко входили въ родню старинныхъ дворянскихъ фамилій, — что, по уваженію мѣстныхъ обстоятельствъ, необходимо извинить.

Войсками, до прибытія Григорія Ивановича, командовалъ генераль-майоръ Антонъ Антоновичъ Скалонъ, шефъ Ир-

кутскаго драгунскаго полка. Комендантскую должность исправлялъ полковникъ Елфимовъ; окружной инженерный командиръ былъ генералъ-маіоръ Возновъ — первообразъ старинныхъ инженеровъ! Онъ никуда не выходилъ, занимаясь счетами и смѣтами, сидѣлъ, заперевъ накрѣпко ворота, окруженный, впрочемъ, прислугою изъ крѣпостныхъ арестантовъ. Ежемѣсячно, иногда и чаще, онъ пускалъ себѣ кровь, а чтобы въ это время не скучать, то и ближайшей прислугѣ, для компаніи, приказывалъ тоже дѣлать кровопусканіе.

Въ Омскѣ тогда квартировали: Омскій гарнизонный баталіонъ (командиръ полковникъ Волосатовъ), Омская инвалидная команда, инженерная команда, артиллерійская гарнизонная рота и крѣпостной штатъ, Ширванскій мушкетерскій полкъ, двѣ роты полевой артиллеріи — батарейная и легкая, составлявшія бригаду, линейныхъ казаковъ до 100 и военно-сиротское отдѣленіе кантонистовъ. Въ Ширванскій полкъ, послѣ выбытія шефа, генерала Лаврова, былъ назначенъ полковникъ Федоръ Васильевичъ Зварыкинъ; артиллеріею командовалъ полковникъ Парфенекъ. Между офицерами было много лицъ, вполне достойныхъ своего званія, изъ дворянства Казанскаго, Оренбургскаго и Симбирскаго.

Всѣ части войскъ, — по словамъ очевидца, — ожидая смотровъ новаго начальника, постоянно обучались. Ежедневно происходилъ разводъ съ церемоніею; музыка и барабаны гудѣли цѣлый день, напоминая, что Омскъ военное мѣсто. Ширванскій полкъ и артиллерія выступили въ лагерь для практическихъ занятій. Лагерь полка находился за Казачьимъ форштатомъ, а артиллеріи — за Бугырскимъ, совершенно въ противоположныхъ сторонахъ. Палатки, расположенныя въ одну линію, были поставлены только для красоты, а люди жили въ плетневыхъ баракахъ, довольно прочно устроенныхъ. Все ожидало Григорія Ивановича съ трепетомъ, не потому, чтобы могли опередить его какія нибудь неблагоприятныя слухи, а такъ! Въ Сибири рѣдко случались встрѣчи и приемы главныхъ начальниковъ, по этому многіе были одержимы подобострастіемъ, доходившимъ до смѣшнаго.

Наконецъ Глазенапъ пріѣхалъ. Разумѣется, отборный караулъ, ординарцы и всѣ офицеры поспѣшили представиться

новому начальнику, ласково ихъ привѣтствовавшему. Послѣ краткаго отдохновенія, Григорій Ивановичъ поѣхалъ по городу и въ лагерь Ширванскаго полка. Оказалось, что лагернаго караула не имѣлось, люди не жили въ палаткахъ, и Глазенапъ видѣлъ, какъ офицеры перебѣгали, въ халатахъ, по лагерю. Мимоходомъ скажемъ, что самого Григорія Ивановича и камердинеръ даже никогда не видалъ въ шлафрокѣ, и ихъ во всю службу у него не было. Знаменитый его дядя, генералъ Михельсонъ, давшій ему первоначальные уроки военной службы, вселилъ въ него серьезную ненависть къ шлафрокамъ, а потому можно догадаться, какъ расходилось командирское сердце. Командующему полкомъ, подполковнику Дьячкову, данъ былъ строгій выговоръ, и предписано, по полученіи, выступить изъ квартиръ (разумѣя подъ этимъ плетневые бараки) въ лагери, гдѣ, кромѣ палатокъ и форменнаго обоза, ничего не имѣтъ, и лагерное мѣсто ежедневно перемѣнять, сохраняя весь воинскій порядокъ по уставу. Халаты только что не преданы анаѣмъ и всесожженію. Такимъ образомъ, не весела была первая встрѣча Ширванцевъ съ начальникомъ. Они, имѣя прежде шефомъ инспектора, воображали, что нѣтъ уже полка лучше ихъ, и, оканчивая почти лагерный срокъ, теперь, вмѣсто того, чтобы итти на выгодныя квартиры по деревнямъ, начали снова лагерь съ перекочевками. Въ это же время къ нимъ пріѣхалъ новый шефъ, полковникъ Зварыкинъ.

Должно и стоитъ того, чтобы сказать, что такое былъ Ширванскій полкъ. Офицеры въ немъ, какъ уже замѣчено, принадлежали къ очень хорошимъ семействамъ и были люди достаточно образованные. Нижніе чины — всѣ исполины и стройныя красавцы; старика ни одного; ростъ съ 2 арш. 13 вершк. до 2 арш. 6 вершк., особенно между гренадерами. Музыка изрядная для фронта (тогда не наступило еще время щеголять многочисленною музыкою); обозъ превосходный; лошади всѣ одной масти, не хуже драгунскихъ, сбруя блестящая съ наборомъ; шанцовый и прочіе инструменты, полированные, укладывались въ футляры, обитые сукномъ. Григорій Ивановичъ называлъ это галантерейною лавкою. Квартировалъ полкъ въ лучшихъ деревняхъ, широко и прихотливо, отъѣдаясь на отвалъ; солдаты шагу не дѣлали

пѣшкомъ, все на подводахъ, съ обиліемъ съѣстной провизіи. Шестіе Ширванцевъ въ лагерь составляло эпоху. Другой, увидя нескончаемые обозы, подумалъ бы, что это идутъ двѣ арміи, или цѣлая губернія колонизуется въ мѣста обѣтованныя. Но артели не были такъ богаты, какъ въ другихъ полкахъ. Щегольство въ одеждѣ было замѣчательно: перевязи, портупей, ранцовые ремни и сапоги чистили подъ лакъ, пуговицы и пряжки полированы. Мундиры и панталоны сшиты отлично. Выправка и стойка были неправильны и некрасивы; маршировали на каблукахъ съ вздернутыми носками, шагъ былъ коротокъ, и потому качки и стуку было много; ружейные приемы дѣлали сильно, но безъ ловкости и развязки въ рукахъ; стрѣляли залпами хорошо, но рядами слабо. Наконецъ, шумѣли во фронтѣ, суетились, толкались. Такія замѣчанія сдѣланы новымъ инспекторомъ на первомъ ученіи новому шефу.

Отличный служака Зварыкинъ, въ полномъ смыслѣ командиръ, круто занялся одиночнымъ ученіемъ, и чрезъ двѣ недѣли далъ такой разводъ, что всѣхъ удивилъ быстрою во всемъ перемѣною. Натискъ этотъ на Ширванскій полкъ оказался очень кетати. Вскорѣ получено Высочайшее повелѣніе о выступленіи въ Россію изъ Сибирской инспекціи полковъ Иркутскаго и Сибирскаго — драгунскихъ, Ширванскаго и Томскаго — пѣхотныхъ и 19-го егерскаго. Россія заблаговременно притягивала къ сердцу государства силы свои на отраженіе страшнаго непріятели. Сибиряки, удѣливъ для гвардіи цвѣтъ свой, — особенно Ширванцы, изъ которыхъ поступило болѣе 600 человекъ, — въ Отечественную войну покрыли себя славою. Каждый знаетъ, какъ храбрые Ширванцы хладнокровно выдержали въ Бородинской битвѣ удары несмѣтной французской кавалеріи, разъ за разомъ разбивавшіеся о стальную грудь Сибиряковъ.

Инспектору Сибирской инспекціи подчинялись войска, растянутыя по всему пространству отъ Тобольска до Камчатки. За выступленіемъ упомянутыхъ полковъ, принялись за образованіе остальныхъ армейскихъ и переформировку гарнизоновъ, значительно усиленныхъ, напримѣръ: Омскій гарнизонный баталіонъ сдѣланъ 3-мъ баталіоннымъ полкомъ; на другихъ пунктахъ линіи составлены новые баталіоны.

Все это вмѣстѣ открывало обширное поле дѣятельности Глазенапа.

Провожаніе полковъ до границы Сибирской и осмотры ихъ, какъ акуратная отчетность, требуемая графомъ Аракчеевымъ, доставили занятія хлопотливыя. Тогда штабовъ никакихъ не было. Адъютантъ да три писаря съ нѣсколькими переписчиками изъ солдатъ успѣвали исполнять все предметы, которыми теперь занимается корпусный штабъ. Говоримъ отнюдь не въ осужденіе, но обращаемъ вниманіе на прежнюю малосложность военныхъ канцелярій, а какъ дешево онѣ обходились правительству! Между тѣмъ войска находились въ порядкѣ, не менѣе нынѣшняго; казенное все было сбережено; а быстрота распоряженій изумляла. Начальникъ, бывало, призвавъ адъютанта, приказываетъ: пиши то и то, а нарочный съ повозкою былъ уже готовъ, стоялъ у крыльца, и чрезъ какихъ нибудь полчаса скакалъ по назначенію. Не утомляли себя длинными инструкціями, какъ игти и что дѣлать, т. е. бесполезнымъ повтореніемъ того, что каждый офицеръ съ перваго чина долженъ знать и затвердилъ. Такъ бывало, что если кому нибудь старшій скажетъ: «вы не знаете службы, вы не знаете своихъ обязанностей», — это составляло стыдъ, ударъ — хоть уберите въ отставку. Тогда любили служить, а не прислуживаться, — говоритъ старый воинъ и очевидецъ.

На мѣсто Ширванскаго полка, въ Омскъ вступилъ Селенгинскій мушкатерскій изъ крѣпости Усть-Каменогорской. При прохожденіи его церемониальнымъ маршемъ, вьючная лошадь съ кашеварными котлами, украшенная на головѣ букетами разноцвѣтныхъ перьевъ и погремущекъ *), вѣроятно, чрезъ мѣру отягощенная, легла и остановила такой торжественный актъ движенія передъ новымъ начальникомъ. Скотина не разсуждала, что она дѣлаетъ это вовсе не кетати, и что пока ее тащили на сторону и ставили на ноги, полковому командиру досталось порядкомъ.

Селенгинскій полкъ составомъ людей и исправностію далеко не равнялся съ Ширванскимъ; но по фронту былъ едва ли не лучше. Въ немъ незадолго находились два шефа

*) Въ то время кашеварные котлы возились на вьючныхъ лошадяхъ передъ полкомъ.

изъ гвардіи — Скобеляцынъ и Талызинъ, знавшіе службу во всей тонкости: отъ этого образовались свои фронтовики. Не прошло и полгода послѣ описаннаго смотра, какъ полкъ нельзя было узнать и въ остальныхъ отношеніяхъ. Выборъ людей изъ гарнизоновъ и рекрутъ сдѣлалъ его гвардіею. Мелочь пошла лучшая въ егеря, а похуже въ гарнизоны и инвалиды. Назначенъ былъ новый шефъ, на мѣсто умершаго генераль-маіора Зубова, полковникъ Мещеряковъ, — премилое, добрѣйшее созданіе. Свободное отъ служебныхъ занятій время, по старинному обычаю, онъ любилъ проводить въ камнаніи за стаканомъ пунша, но умѣлъ держать полкъ въ рукахъ.

Въ 1809 году и остальные армейскіе полки: Селенгинскій, Томскій, 18-й егерскій, и бригада артиллеріи выступили въ Россію. Военное Министерство предписало Глазенапу — каждому изъ нихъ произвести по два смотра: одинъ на походѣ; а другой при переходѣ чрезъ Сибирскую границу, не принимая въ соображеніе, что отправленіе другихъ занятій мѣстнаго линейнаго начальника и разстояніе тому противорѣчили. Полки шли съ разныхъ пунктовъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ границы Сибирской; почему надлежало избрать одно изъ двухъ: или, живя въ деревнѣ, ожидать по мѣсяцу и болѣе полковъ, шедшихъ побаталіонно чрезъ два перехода, или всякой разъ снова прѣзжать на границу изъ-за 700 верстъ. Последнее было избрано. Сохранимъ рассказъ очевидца о смотрѣ Томскаго полка, — какъ характеризующій тогдашніе нравы. Шефъ его, генераль-маіоръ Г..., служившій въ Гатчинскихъ полкахъ Императора Павла, въ бытность Его Величества Наслѣдникомъ престола, былъ ляхой командиръ по фронту, не чуждый образованія, но любилъ кутнуть. — Какъ отличный служака, по вступленіи на престолъ Государя, онъ получилъ въ команду одинъ изъ гвардейскихъ полковъ; но, однажды, на парадѣ, упалъ съ лошади, отъ излишняго количества выпитой веселой влаги, и за это былъ переведенъ шефомъ Томскаго полка, подѣ начальство, младшаго его въ чинѣ, генерала Лаврова. Последнему было предписано: доносить Государю ежемѣсячно объ его поведеніи. Являсь къ Лаврову въ веселомъ расположеніи духа, на первыя его привѣтствія, что они иногда видались въ Петербургѣ, Г... не запинаясь отвѣчалъ: «Какъ-же,

и тогда именно, когда я имѣлъ счастье командовать гвардейскимъ полкомъ, а вы были плацъ-маіоромъ, и разъѣзжали верхомъ *на пьшой лошади*». Лавровъ оставилъ безъ возраженія такую выходку и, раскланиваясь, спросилъ: какъ онъ о немъ долженъ доносить Государю? «А что онъ по-прежнему пьетъ *это самое*», *) отвѣчалъ Г..., вышелъ и уѣхалъ въ свой полкъ, въ Барнауль. Однако, надобно отдать справедливость, Г..., не смотря на слабость, былъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ шефовъ. Полкъ его, при посредственномъ составѣ людей, былъ вышколенъ до утонченности, превосходно обмундированъ и всемъ снабженъ изобильно. Внутреннее хозяйство находилось въ устройствѣ, достойномъ удивленія и отличалось богатыми артелями. Показывая Глазенапу 1-й, 2-й и 3-й баталіоны, и самъ всегда командуя, Г... истинно тѣшилъ старика; но при выступленіи послѣдняго баталіона, во время прохожденія церемоніальнымъ маршемъ, отсалютовавъ Григорію Ивановичу, онъ повторилъ исторію, бывшую съ нимъ въ Петербургѣ, и огромною фигурою своею остановилъ движеніе баталіона. На свиданіи, за этимъ послѣдовавшемъ, онъ далъ слово честнаго человека не пить до окончанія послѣдняго смотра на Сибирской границѣ, или по день выbytія изъ-подъ начальства Глазенапа, и строго его сдержалъ.

Въ ту же зиму разнесся слухъ, что, расположась на зимовку въ Лаишенскомъ или Тетюшскомъ уѣздѣ, Г... кутить съ помѣщиками. У него былъ стаканъ съ изображеніемъ Турка, вмѣщавшій цѣлую бутылку, изъ котораго онъ исключительно попивалъ пуншъ. Если Г... чувствовалъ не очень большую жажду, то приказывалъ налить *это самое* по колѣно, — что составляло одну треть величины; если жажда была нѣсколько болѣе, — по горло, а уже если очень сильна, то: «утопи Турка, — я, *это самое*, терпѣть не могу бусурмановъ», и по такому приказу стаканъ, или вѣрнѣе стеклянная кадучка, наливалась съ краями вровень... Стоя на свободѣ по деревнямъ, Г... вель превеселую жизнь. Кто-то ему сказалъ: что одинъ судья славится по губерніямъ — Казанской и Симбирской тѣмъ, что сколько бы онъ

*) Всегдашняя поговорка Г.

не выпилъ, пьянымъ не бываетъ. Г... обрадовался отъ всего сердца, что, наконецъ, находитъ достойнаго состязателя, и просилъ ихъ познакомиться. Случай скоро представился. Начался стаканнй поединокъ, не на животъ, а на смерть. Толстый судья, осушая влагу, непоколебимо просидѣлъ до полночи, но не могъ выдержать экзаменъ, т. е. сказать чисто два слова: луковка зазеленѣлась! Потомъ началъ на стулѣ покачиваться, и, наконецъ, рухнувшись всею массою на полъ, захрапѣлъ и умеръ. Г..., вмѣсто печали, какъ побѣдитель, какъ триумфаторъ, предался веселію, и на радости, — по общему обычаю, — все пилъ, и въ тотъ же день послѣ обѣда умеръ отъ удара. Благородный и со многими достоинствами, этотъ человѣкъ не могъ побѣдить силою ума и воли слабости и заблужденія. Впрочемъ, не должно его строго осуждать: всякій вѣкъ имѣетъ свои слабости; мы же приводимъ такіе анекдоты, какъ уже замѣтили, для характеристики тогдашней службы.

Въ это время почтенный Григорій Ивановичъ много терпѣлъ непріятностей. Передаемъ ихъ также, какъ случаи изъ прежняго управленія, съ благодарностію въ душѣ, что нынѣшнимъ учрежденіемъ правительственныхъ мѣстъ они отстранены.

Инспекціи были превращены въ дивизіи; Сибирская инспекція въ началѣ 1808 года получила такое же наименованіе. Инспекторамъ давалось особое жалованье, сверхъ окладнаго по чину, 2000 р. асс.; но объ этомъ производствѣ дивизионнымъ начальникомъ комиссаріатская комиссія замялась распоряженіемъ. Въ то же время прекращена была Григорію Ивановичу пенсія за Дербентъ, потому что въ указѣ, какъ видѣли, повелѣвалось производить ее только во время его службы на Кавказѣ, — хотя существовало другое общее повелѣніе, чтобы въ подобныхъ случаяхъ, т. е. при перемѣнѣ мѣстъ служенія, ожидать на прекращеніе пенсіи особаго указа. Въ разсматриваемую эпоху всѣ вѣдомства копили деньги и сильно прижимались расходами на счетъ лицъ, изъ которыхъ многія терпѣли крайнюю нужду. Это была господствовавшая система, называемая *аракчеевскою*. И такъ почтенный старецъ, отброшенный на край Россіи и обобранный войсками, остался съ 3 т. р. асс. оклада. Положеніе гибельное, а еще у него находилось два сына въ гвардіи, которымъ онъ помо-

галъ, продавая жалованные перстни. Въ такой крайности, Григорій Ивановичъ прибѣгнулъ къ дружбѣ Федора Петровича Уварова, описавъ подробно все происходившее. Уваровъ, бывшій въ постоянной милости у Императора Александра Павловича, доложилъ Государю въ тотъ же день, и Его Величество серьезно замѣтилъ это Аракчееву. Федоръ Петровичъ запретилъ адъютанту Глазенапа, бывшему по дѣламъ службы въ Петербургѣ и привезшему къ нему письмо, говорить объ его ходатайствѣ.

Аракчеевъ дѣйствительно потребовалъ къ себѣ адъютанта и спросилъ: какія инспекторскія деньги, и какая и за что пенсія получалась Глазенапомъ. Выслушавъ внимательно отъ адъютанта самое подробное объясненіе и то, что хотя Казанская комиссія и выдала деньги, но взяла реверсъ, что при требованіи они будутъ возвращены, графъ велѣлъ написать генералу, что онъ будетъ получать все ему слѣдующее безостановочно. Одинъ изъ адъютантовъ Аракчеева, вслѣдъ за тѣмъ спросилъ у адъютанта Глазенапа, не жена ли Григорія Ивановича, которая была въ Петербургѣ, хлопотала у Государя? — и получилъ въ отвѣтъ, что это можетъ быть, тогда какъ Григорій Ивановичъ съ женою былъ въ разрывѣ до такой степени, что если въ который день вспомнить о ней, то дѣлался нездоровъ. Но такая выдумка прикрыла участіе Уварова.

Дѣйствительно, въ Казань посланъ былъ запросъ по эстафетѣ. Комиссія отвѣчала, что деньги выдавались, а о затрудненіяхъ своихъ и о реверсѣ — умолчала. Не знаемъ, было ли это доложено Государю, но только старцу написали грубую бумагу, съ собственноручными прибавками графа Аракчеева, что онъ, получая сполна все ему принадлежащее, жаловался въ Петербургъ письмами, которыя Его Величество изволилъ читать, и поставляли на видъ такое предосудительное дѣйствіе. Между тѣмъ комиссія, сочувствуя неблагоприятію верховнаго своего начальства, вовсе прекратила выдачи. Григорій Ивановичъ вопіялъ; но всѣ его рапорты оставлены безъ отвѣта. Почтенный воинъ терпѣлъ и получилъ ему слѣдовавшее не прежде, какъ Барклай-де-Толли сдѣланъ былъ военнымъ министромъ: — тогда, по простой запискѣ объ этомъ, распоряженіе послѣдовало въ одинъ день. Но до того времени добродѣтельный Григорій

Ивановичъ терпѣлъ много непріятностей. Эта тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что происходило опять по совершенно ошибочнымъ понятіямъ, и еще при явныхъ знакахъ милосердія Государя Императора. Стоило только разъ взглянуть на старца, чтобы убѣдиться въ добротѣ и чистотѣ сердца его: онъ въ 60 лѣтъ былъ красавецъ. Но что дѣлать съ судьбою!

Сибирскимъ генераль-губернаторомъ былъ Иванъ Борисовичъ Пестель, умный и способный человекъ, но не пользовавшійся общею любовью и бывший къ нѣкоторымъ изъ подчиненныхъ строгимъ, даже до ожесточенія и несправедливости. Въ перепискѣ съ Григоріемъ Ивановичемъ онъ употреблялъ часто несоответственный тонъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, хотя имѣлъ чинъ тайнаго совѣтника, но, ссылаясь на IV пунктъ инструкціи генераль-губернатору, которымъ войска по части продовольствія и расквартированія подчинялись ему, по странному заблужденію, писалъ къ старому и заслуженному генераль-лейтенанту: «Милостивый Государь мой!» (въ одну строку, — что, по тогдашнему обычаю, имѣло видъ повелѣнія). Григорій Ивановичъ отвѣчалъ ему точно также, дѣлая строгое подражаніе всѣмъ его выраженіямъ. Пестель жаловался Аракчееву, съ которымъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ.

Чтобы характеризовать Пестеля, припомнимъ читателямъ нѣкоторыя происшествія, въ то время извѣстныя всей Россіи. Когда онъ принялъ въ свое вѣдѣніе провіантское управленіе, то началъ губительное преслѣдованіе всѣхъ служившихъ по этому вѣдомству, съ главнаго лица — генераль-маіора К...., котораго, безъ вины и прежде изслѣдованія доносовъ, отрѣшилъ отъ должности и содержалъ въ Тобольскѣ, какъ бы самаго важнѣйшаго и опаснѣйшаго государственнаго преступника. К.... сидѣлъ въ пустой избѣ, окруженный строжайшимъ карауломъ, отторгнутый отъ многочисленнаго семейства; къ нему никого не допускали и всякая переписка съ нимъ совершенно воспрещалась. Несчастное семейство не выдержало гоненія: самъ К... и дѣти его, отъ горести, одинъ за другимъ, или поумерли, или сошли съ ума. Кромѣ того, множество коммиссіонеровъ безвинно томились на гауптвахтахъ. Такъ продолжалось 12 лѣтъ, и, наконецъ, по самому строжайшему из-

слѣдованію, генераль К... и его подчиненные — совершенно оправданы.

Довольно было одной этой исторіи, не говоря о многихъ другихъ, чтобы добраго Григорія Ивановича оборотить къ Пестелю спиною, и началась бумажная война.

Пестель почувствовалъ, что дѣла его могутъ принять дурной оборотъ, если лично не будетъ ихъ наблюдать въ Петербургѣ, и потому отправился въ столицу и жилъ въ ней 10 лѣтъ — до самаго своего паденія, управляя Сибирью. Государь не одинъ разъ приказывалъ напомнить ему, что пора отправиться къ своему мѣсту, но Пестель являлся къ милосердому Монарху и объяснялъ, что его дѣла находились въ такомъ положеніи, что если онъ только выѣдетъ за заставу, то погибъ! И это, не смотря на могущество его протектора Аракчеева; слѣдовательно, можно судить каковы были эти дѣла! Однажды, при разговорѣ во дворцѣ, переданномъ стоустною молвою, о томъ: кто хорошо видитъ отдаленные предметы, присутствовавшіе называли многія извѣстныя лица, но Нарышкинъ замѣтилъ, что далѣе Сибирскаго генераль-губернатора Пестеля никто не видитъ. При вопросѣ Государя: какъ это? — онъ сказалъ: «Пестель отсюда видитъ до Камчатки; кажется, дальше видѣть невозможно!» Посмѣялись этой остротѣ, — но Пестель сидѣлъ въ Петербургѣ.

Пестель находился отъ Глазенапа далѣе, но не сдѣлался лучше; однако же рѣже получались его бумаги, и почтенный старецъ становился по-покойнѣе.

Всегда одушевленный любовью и усердіемъ къ службѣ, Григорій Ивановичъ нашелъ и въ мирной Сибири предметы, возбуждавшіе пылкую его дѣятельность.

За выводомъ изъ Сибири всѣхъ армейскихъ полковъ, какъ мы сказали, остались гарнизонные полевого положенія. Занялись ихъ переформировкою и усовершенствованіемъ, какъ въ составѣ, такъ и образованіи. Разводы и ученья производились ежедневно. Введено одиночное обученіе, до того совершенно опущенное. Стойка, ружейные приемы, маршированіе и затверживаніе солдатскихъ записокъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *пунктиковъ*: объ Императорской Фамиліи, начальникахъ, начиная отъ капральнаго унтеръ-офицера и фельдфебеля до военнаго министра, о количествѣ казеннаго

содержанія, солдату опредѣленнаго, о срокахъ вещамъ и, въ заключеніе, такъ сказать, военный катихизисъ, — объ обязанностяхъ солдата, о присягѣ и важности знаменъ и проч., и проч. Этими пунктиками занимались по стариннымъ руководствамъ. Они разосланы были во всѣ части войскъ, и солдаты, по вечерамъ, затверживали ихъ наизусть. Глазенапъ, кромѣ смотровъ войскъ, въ лѣтнее время, объѣзжалъ ихъ и зимою, для осмотра по-ротно и въ одиночку каждаго солдата. Вотъ какъ это дѣлалось: если не находилось удобной залы въ квартирѣ, то въ казармѣ ставился столъ и стулъ. Старецъ нашъ, чувствовавшій слабость въ ногахъ, садился и выкликалъ людей по списку. Солдатъ подходилъ и, остановясь въ шести шагахъ, дѣлалъ на карауль, спрашивая, что прикажете? Слѣдовали вопросы изъ пунктиковъ, напримѣръ: «Съ котораго года въ службѣ? Кому служишь? Кто у насъ Государь Императоръ?» и проч., и проч. Потомъ просматривались ружейные приемы и маршировка. Кто военный министръ, Глазенапъ не спрашивалъ никогда, не любя графа Аракчеева за его несправедливость къ себѣ. При такихъ разговорахъ съ солдатами часто происходили комическія сцены; Григорій Ивановичъ сохранялъ непоколебимо хладнокровіе, тогда какъ присутствовавшіе потихоньку, помирали со смѣху. Тѣ части, которыя самъ не могъ видѣть, онъ поручилъ осматривать адъютанту или другому лицу, на котораго могъ полагаться. Глазенапъ зналъ важность такого рода упражненій, и хотя казались они механическою школою безграмотныхъ людей, но переливали въ нижнихъ чиновъ нѣкоторыя понятія о нравственности: любви къ Богу, вѣрности къ Государю и своему долгу, и, въ то же время, сибирское нарѣчіе исчезало, и солдаты, особенно унтеръ-офицеры, начинали объясняться въ приличныхъ выраженіяхъ на чистомъ русскомъ языкѣ. Вообще эти полки вскорѣ устроены были ни чѣмъ не хуже армейскихъ, доведены по фронту до совершенства, наполнены видными людьми, комплектовались уже рекрутами, а не, какъ прежде, неспособными къ полевой службѣ, и получили палатки и обозы съ подъемными лошадьми.

Сибирское линейное казачье войско обратило, наконецъ, на себя болѣе вниманія. Григорій Ивановичъ полонъ былъ желанія создать изъ необразованной массы его родъ легкой

кавалеріи, приспособленной къ образу тамошней войны и мѣстной линейной службы. Онъ засталъ войско въ слѣдующемъ положеніи. По списку состояло служивыхъ казаковъ съ чиновниками до 5700 человѣкъ. Будучи растянута своими поселеніями на самой чертѣ границы, по крѣпостямъ, форштатамъ и редутамъ, оно отправляло кордонную службу на 2700 верстахъ. Престарѣлый старшина Телятниковъ за вѣдывалъ войскомъ, не нося никакого званія, т. е. ни атамана, ни командира, ни командующаго. Не было раздѣленія на бригады, полки и сотни. Просто называлось войско, хотя несло службу не такъ, какъ другія казачьи войска по очереди; но всѣ способные записывались въ службу непременно, какъ солдаты, съ тою только разницею, что срока службы имъ не полагалось, и они въ ней оставались, пока находились въ силахъ. Большое вліяніе на казаковъ имѣли дистанціонные или кордонные начальники, т. е. коменданты. Ни войсковой канцеляріи и никакихъ заведеній общественныхъ не имѣлось. По этой причинѣ и суммы войсковой не существовало.

Люди въ войскѣ и въ физическомъ и въ нравственномъ отношеніяхъ были превосходны; честность, доброта, вѣрность своему долгу, вмѣстѣ съ казачьею удалю и расторопностію, сохранились неприкосновенно отъ первобытныхъ временъ. Семейная жизнь со стороны нравственной стояла на высокой степени. Казаки линейные, съ нѣкоторымъ исключеніемъ, не были собственно земледѣльцы, а скотоводы и торговцы. Домостроительство, относительно ко времени, было довольно удовлетворительно, не смотря на то, что ихъ всякой, кто хотѣлъ, безъ разбора и отчета кому либо, гонялъ во всѣ стороны. Офицеры были большею частию престарѣлые, мало или вовсе безграмотные. Между урядниками и казаками находилось много стариковъ, служившихъ свыше 40 лѣтъ, между тѣмъ какъ въ отставныхъ и малолѣткахъ считались люди молодые и совершенно годные къ службѣ. Одежда ихъ подходила къ древней казачьей, но сдѣлана была дурно и некрасиво; предметы же вооруженія—до возможной степени ветхи и негодныя. Лошадей достаточныя изъ казаковъ и охотники имѣли хорошихъ, но наибольшая часть войска была худоконна. Регулярства никакого и въ заведеніи не имѣлось; обучались иногда предъ смотромъ зво-

люціямъ своего сочиненія: стрѣляли на скаку, на вѣтеръ и многіе не умѣли зарядить ружья или пистолета, ни на лошади, ни пѣшкомъ. Циками отдавали честь, командуя «на караулъ», — что съ перваго раза отмѣнено Григоріемъ Ивановичемъ.

Въ такомъ положеніи войско, при выбытіи изъ Сибири драгунъ и артиллеріи, не могло долѣе оставаться. Занялись тотчасъ проэктомъ штата собственно войсковой канцеляріи; войско дѣлили на 10 пятисотенныхъ полковъ съ двумя ротами конной артиллеріи, и съ резервомъ изъ излишнихъ людей, остающихся отъ формировація этихъ частей; требовали войсковаго атамана и знамена. Проэкты были отосланы въ Петербургъ къ графу Аракчееву. Начались сношенія съ Пестелемъ, и по этому многое было измѣнено или составлено вновь, — но, наконецъ, утверждено Государемъ Императоромъ въ 18-й день августа 1808 года. Атаманомъ назначенъ Телятниковъ; знамена богатыя и красивыя пожалованы съ Высочайшими грамотами. Всей этой работой въ Петербургѣ занимались не болѣе трехъ недѣль. Такая живость! Въ этомъ отношеніи *Аракчеевская методика* достойна всегдашней благодарности и подражанія.

Григорій Ивановичъ радостно принялъ положеніе и былъ доволенъ предстоящею дѣятельностію. Собрали до 600 казаковъ, кое-какъ поставили въ рядъ, и совершивъ съ подобающею честью освященіе знаменъ, вручили ихъ атаману. Небывалый никогда церемоніаль тронулъ многихъ казаковъ до слезъ, и они послѣ, попивая вино, славили Великаго Государя!

Григорій Ивановичъ, для формировація полковъ и обученія ихъ строевой кавалерійской и пѣшей службъ, отдалъ руками атаману Телятникову любимаго адъютанта своего Семена Богдановича Броневскаго, состоявшаго при немъ въ этой должности еще на Кавказѣ *), — оставляя его, впрочемъ, при себѣ для письменныхъ дѣлъ по частямъ военной и пограничной. «Вотъ тебѣ помощникъ, — говорилъ Глазенапъ Телятникову, — котораго я знаю, и ты чего не разумѣешь по формировацію и устройству полковъ, прика-

*) Въ послѣдствіи генералъ-лейтенантъ, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири и сенаторъ; вынѣ въ отставкѣ.

зывай ему». И такъ, съ 1809 года, С. Б. Броневскій началъ дѣйствовать по войску, сначала въ видѣ помощника, а по смерти атамана, — перваго и послѣдняго у Сибирскихъ казаковъ, — какъ командующій, которымъ и оставался до 1825 года, бывъ истиннымъ отцемъ-командиромъ и благодѣтелемъ войска, въ которомъ имя его на всегда благоговѣнно сохранится.

Со введеніемъ строевой службы у казаковъ, по волѣ Государя Императора, потребовались нѣкоторыя перемѣны и дополненія къ штату, и, по представленіямъ Григорія Ивановича, послѣдовало нѣсколько измѣненій въ составѣ офицеровъ, урядниковъ и казаковъ и ихъ обмундировація; но мы не имѣемъ возможности войти здѣсь въ очень любопытныя подробности трудовъ по этимъ предметамъ Глазенапа и Броневскаго, и должны ограничиться только слѣдующими строками. — 10 полковъ и двѣ роты конной артиллеріи были прекрасно сформированы, заведено училище для 300 чловѣкъ, гдѣ дѣти офицеровъ и казаковъ получали воспитаніе, дѣлавшее ихъ способными къ занятію мѣстъ офицеровъ и урядниковъ въ артиллеріи и полкахъ. вспомоgetельныя школы учреждены при каждомъ эскадронѣ. Выгоды, штатомъ предоставленныя казакамъ, дали средства единообразно обмундировать и вооружить войско, снабдить его хорошими лошадьми и приводить въ регулярное состояніе. Вообще войско сдѣлалось надежною защитою края отъ хищныхъ соудей.

Дѣти военно-сиротскихъ отдѣленій (что послѣ баталіоны и полубаталіоны кантонистовъ), поступившіе подъ начальство Григорія Ивановича, въ числѣ восьми тысячъ чловѣкъ, также представляли безпорядочную массу: не имѣлось добраго надзора, мало находилось хорошихъ учителей; зданія отдѣленій были ветхи и тѣсны до того, что едва третья часть могла собираться въ классы, — остальные расходились по обывателямъ, ко вреду нравственности. Глазенапъ тотчасъ обратилъ на кантонистовъ вниманіе: вскорѣ во всемъ порядкѣ былъ возстановленъ и возведены удобныя строенія, благодаря пожертвованіямъ сибирскихъ капиталистовъ и благоразумной экономіи въ употребленіи собственныхъ средствъ отдѣленій. Извѣстно, какую добрую славу заслужили эти заведенія; выпускомъ на службу способныхъ молодыхъ людей

въ корпусъ топографовъ, въ военно-топографическое депо, въ артиллерию и въ армию.

Въ Омскомъ отдѣленіи Григорій Ивановичъ бывалъ ежедневно. Законъ божій, русская словесность, алгебра, геометрія, черченіе и рисованіе доведены были въ немъ до высшей степени, и производили удивленіе въ С. Петербургѣ, гдѣ лучшіе топографы, писаря и художники были сибирскіе кантонисты. Въ *Сверной Почтѣ*—газетѣ, издававшейся при министрѣ Казадавлевѣ, была напечатана статья о методѣ ученія Беля и Ланкастера. Глазенапъ приказалъ ее испробовать надъ кантонистами, вновь поступающими отъ родителей и грамотѣ незнавшими. Столы, таблицы и регалии разныя поспѣли въ мигъ, дѣло началось — и 10 мальчиковъ, надъ которыми производилось испытаніе, черезъ двѣ недѣли умѣли уже свободно читать, писали на пескѣ и по дощечкамъ разведеннымъ мѣломъ. Эволюціи, для уничтоженія скучнаго дѣтямъ единообразія, продѣлывались безъ ошибки. Метода признана превосходною, сравнительно съ прежними способами, какъ скорѣе ведущая къ цѣли, менѣе изнурительная для обучающихся и обходящая дешевле, — что при скудныхъ тогдашнихъ средствахъ отдѣленийъ много значило. *Такимъ образомъ метода взаимнаго обученія введена во все заведенія сибирскихъ кантонистовъ, въ 1810 году, въ то время, когда нигдѣ въ Россіи объ этомъ не было и мысли.*

Сибирская Линія, охраняемая линейными казаками, не рѣдко была обезпокоиваема набѣгами Киргизовъ. Предмѣтники Глазенапа постоянно стремились къ ихъ усмирению, но никогда не могли успѣть въ этомъ окончательно: сообщенія въ степи все еще были далеко не безопасны и предприимчивость купцовъ сильно стѣснялась. Устройство Сибирскаго казачьяго войска оказало рѣшительное вліяніе на дерзкихъ Киргизовъ. Жестокое преслѣдованіе хищниковъ, которые нигдѣ не могли укрыться отъ удалства казаковъ, сдѣлало ихъ совершенно покорными: Русскіе, даже по одиночкѣ, начали безопасно бѣдить въ ихъ орды на промыселъ и для торговли; купеческіе караваны стали смѣло двигаться по степямъ, не страшась грабителей.

Въ тоже время Григорій Ивановичъ не переставалъ содѣйствовать распространенію азіатской торговли. Одобре-

ніе купечества имѣло ближайшимъ слѣдствіемъ отправленіе первыхъ каравановъ въ кокантскія владѣнія и въ китайскіе пограничные города Чугучакъ и Кунджу. Торговля сношенія съ Бухаріею и Кашемиромъ также участились. Сверхъ того, — политическія сношенія съ султанами Большой Орды, Коканіею и Бухаріею и разрѣшеніе различныхъ сомнѣній — оцутительно содѣйствовало развитію торговли на Сибирской Линіи и значительно возвысило таможенный доходъ.

Государь Императоръ Александръ Благословенный Всемилостивѣйше пожаловалъ Григорія Ивановича: 30-го апрѣля 1811 года, «за дѣятельность и усердіе въ открытіи новыми путями съ Азіею торговли», — табакеркою съ Высочайшимъ вензелевымъ Именемъ; 26-го марта 1812 года, «за долговременную и отличную службу, и за успѣшное образованіе Сибирскаго линейнаго казачьяго войска,» — орденномъ Св. Александра Невскаго; а 25-го декабря 1815 года Высочайше утвердилъ его командиромъ Отдѣльнаго Сибирскаго Корпуса.

Глазенапъ скончался 10-го марта 1819 года, на 69-мъ году отъ роду, въ Омскѣ, прослужа Государю и отечеству 55 лѣтъ и оставивъ по себѣ живое воспоминаніе.

Наружности онъ былъ привлекательной; ростъ имѣлъ выше средняго; взглядъ пріятный, внушавшій довѣріе. Это былъ человѣкъ, посвятившій себя на вѣкъ службѣ съ честью, безпримѣрнымъ безкорыстіемъ, даже до педантизма, тонкимъ знаніемъ своего дѣла, необычайною дѣятельностію и рѣдкою добротою сердца.

Одушевленный усердіемъ къ службѣ, онъ и въ преклонныхъ лѣтахъ, удрученный болѣзнями, всегда подавалъ примѣръ подчиненнымъ: безъ мундира никому не показывался; былъ гонителемъ праздности; одинъ день не объѣздитъ всего по службѣ считалось у него важнымъ упущеніемъ; правильное расположеніе занятій давало подчиненнымъ возможность успѣвать во всемъ, хотя ничего въ дальнее не откладывалось, и курьеры съ отвѣтомъ отправлялись тотчасъ же по полученіи запроса. Онъ былъ веселаго нрава, говорилъ чрезвычайно пріятно и до старости былъ любезный дамскій кавалеръ. Строгий по службѣ и вполнѣ добродѣтельный, Григорій Ивановичъ былъ безпредѣльно любимъ своими подчиненными. Все, кто имѣлъ счастье соприкасаться къ

нему, не могутъ, до сихъ поръ, безъ восторга о немъ вспомнить. Кавказская Линія и Сибирь не забудутъ его вѣкъ, да и какъ можно забыть такого друга человѣчества, отъ котораго никто не утиралъ слезъ и который часто принималъ грѣхи другихъ на себя. Если впавшій въ несчастіе признавался чистосердечно въ своей винѣ, то получалъ, конечно, горячій выговоръ и угрозы; но, выпроводивъ виновнаго, Григорій Ивановичъ тотчасъ спрашивалъ близкихъ къ себѣ: «Скажите мнѣ, какъ я могу спасти этого несчастнаго?» Тутъ придумывалъ онъ справедливыя средства спасенія, и, не окончивъ этого, не могъ лечь спать; когда же приходилось подписывать приговоръ, то часто плакалъ. Съ оберъ-аудиторомъ своимъ, законникомъ и человѣкомъ необыкновенно злобнымъ, по привычкѣ осуждать и выказывать все мелочи къ усиленію обвиненія, онъ былъ постоянно въ большомъ разладѣ, подвергая сильнымъ замѣчаніямъ его доклады.

Честность и безкорыстіе составляли всегда отличительную черту Григорія Ивановича. Безъ всякаго наслѣдственнаго состоянія, однимъ жалованьемъ, жилъ онъ не великолѣпно, но пристойно; не терпѣлъ долговъ и ихъ не имѣлъ. Любилъ онъ незваныхъ гостей къ столу и съ ними предавался веселости безъ принужденія, — отпечатокъ истинной доброты сердца и спокойствія совѣсти. Все наперерывъ искали его благосклонности, искали случая угождать добродушному начальнику; гонимыхъ никогда не было. Потому невозможно выразить глубокой печали объ его смерти: старики и молодые окружали гробъ почившаго и, какъ дѣти, неутѣшно рыдали. Григорій Ивановичъ умеръ какъ жилъ, въ тишинѣ, христіанской покорности, оставивъ въ наслѣдіе дѣтямъ только добрыя дѣла.

Первымъ дѣломъ подчиненныхъ, отдавъ ему послѣдній долгъ, было изъявить признательность сооруженіемъ на могилѣ его памятника. Въ самое короткое время собраны деньги, и воздвигнутъ монументъ въ Омскѣ, на Нѣмецкомъ кладбищѣ, состоящій изъ высокой бѣлой пирамиды, отличной изъ алебаstra, по рисунку Академіи Художествъ, съ

бронзовыми украшеніями и фамильнымъ гербомъ, обнесенной чугуною рѣшеткою.

Надписи на пирамидѣ, — сочиненныя Карлгофомъ, — помѣщены по чугуннымъ лакированнымъ доскамъ бронзовыми литерами, и заключаютъ слѣдующее:

На первой сторонѣ подъ гербомъ:

Здѣсь лежитъ тѣло усопшаго Командира Отдѣльнаго Сибирскаго Корпуса, генераль-лейтенанта Григорія Ивановича Глазенапа, родившагося въ 1751 году, преставившагося въ Омскѣ 1819 года Марта 10 числа.

На второй:

Признательные подчиненные,
на память
любимому начальнику,
сооружили
сей памятникъ
въ лѣто отъ Рождества
Хридова 1826-ое.

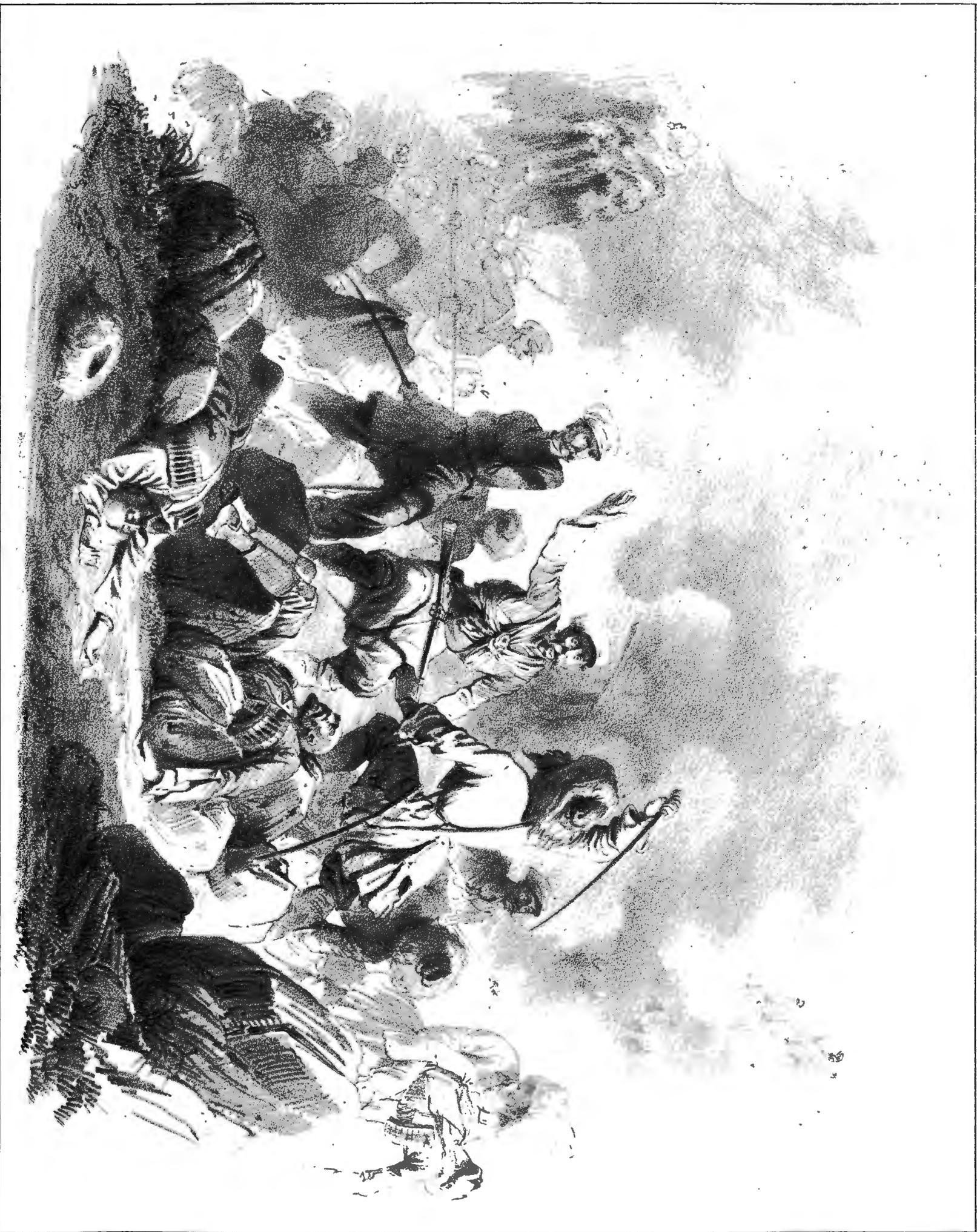
На третьей:

«Тѣмъ-же прежде времени ничтоже судите, дондеже придетъ Господь, иже во свѣтъ приведетъ тайная тѣмы и объявитъ совѣты сердечные — и тогда похвала будетъ коемуждо отъ Господа.»

На четвертой:

ЭПИТАФІЯ.

Онъ дѣйствовалъ, какъ мужъ, жилъ какъ дитя счастливый;
Неправду онъ всегда неправдою считалъ,
Но сердце доброе, разсудокъ справедливый
На пользу родины счастливо сочеталъ.
Не славы громкихъ дѣлъ исчалъ въ полезной жизни,
Старался кротостью привлечь къ себѣ сердца,
И вмя чистое взялъ въ гробъ безъ укоризны!
Здѣсь дѣти погребля прахъ добраго отца.

Илл. Л. Подвойкина. Новосибирск.

Печ. И. Корвандина.

ПОДВИГЪ РЯДОВАГО АБЛИКАМИРОВА

(СПАСЕНИЕ ОТЪ СМЕРТИ СВОЕГО РОТНАГО КАМАНДИРА)

ПОДВИГЪ РЯДОВАГО АБЛИКАРИМОВА.

17-го февраля 1807 года, въ одинъ изъ прекраснѣйшихъ весеннихъ дней, 750 человекъ Русскихъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лихачева, штурмовали Ханъ-Кальскія (Царскія) укрѣпленія, въ Чечнѣ, до того времени еще не видавшей нашихъ знаменъ. Ни высокія засѣки по дорогѣ, извиристо проходившей по густому дремучему лѣсу, въ которомъ вѣковые ясени и карагучи были переплетены виноградникомъ, ни глубокіе рвы, наполненные водою, и высокіе валы и деревянныя стѣны, набитыя камнемъ и хрящемъ, составлявшія укрѣпленія, ни отчаянная защита многочисленныхъ горцевъ — не могли удержать войскъ нашихъ, предводимыхъ отважнымъ генераломъ. Послѣ упорнаго боя, продолжавшагося девять часовъ, и доселѣ памятнаго въ военныхъ лѣтописяхъ Кавказа, рѣшительность и мужество Русскихъ восторжествовали: укрѣпленіе было

взято, и почти всѣ защитники его легли на мѣстѣ сраженія.

Это блистательное дѣло было ознаменовано нѣсколькими замѣчательными подвигами самоотверженія и высокаго чувства долга, — всегда такъ прекрасно отличающими наше храброе воинство. Одинъ изъ нихъ, — изображенный на прилагаемомъ рисункѣ, — принадлежалъ рядовому 16-го егерскаго полка *Баширу Абликаримову*.

Въ самомъ разгарѣ боя храбрый капитанъ этого же полка Семека, только что убившій двухъ Чеченцевъ, подвергся новому нападенію трехъ другихъ горцевъ, противъ которыхъ, по истощенію силъ, почти уже не могъ защищаться. Абликаримовъ, находившійся въ его ротѣ, видитъ шашки, занесенныя надъ своимъ командиромъ, и мигомъ

бросается къ нему на помощь. На бѣгу, выстрѣломъ изъ пистолета, онъ убиваетъ одного Чеченца; другаго закалываетъ штыкомъ; но третій горецъ не оставиваетъ своихъ нападѣній. Въ минуту величайшей опасности для Себеки, Абликаримовъ подставилъ подъ ударъ, предназначенный капитану, собственную руку — и лишился ее, но спасъ

командира, который, вслѣдъ за тѣмъ, убилъ горца и вынесъ изъ лѣсу обогрѣнную кровью своего спасителя.

Великодушный егеръ вскорѣ былъ уволенъ на инвалидное содержаніе, а капитанъ Себека, въ продолженіе всей службы, постоянно удѣлялъ на его пропитаніе часть своего жалованья.

ГЕНЕРАЛЪ МАІОРЪ
КНЯЗЬ ОРБЕЛІАНЪ.

ГЕНЕРАЛЬ-МАЮРЪ КНЯЗЬ ИЛЯ ДМИТРИЕВИЧЪ ОРБЕЛЪЯНЪ.

Князь Илья Дмитриевичъ (Джамбакуриановичъ) Орбельянъ происходилъ изъ древнѣйшаго грузинскаго рода, и былъ меньшій изъ трехъ братьевъ, стяжавшихъ себѣ извѣстность на военномъ поприщѣ въ царствованіе Государа Императора Николая Павловича.

Старшій — князь Григорій Дмитриевичъ — нынѣ генераль-лейтенантъ, начальникъ 21-й пѣхотной дивизіи и командующій войсками въ При-Каспійскомъ краѣ; второй — князь Захарій Дмитриевичъ — скончался отъ холеры въ 1847 году, заслуживъ въ одинъ день, въ памятномъ Ричинскомъ дѣлѣ, подполковничій чинъ и Георгіевскій крестъ. Наконецъ, третій — очеркъ подвиговъ котораго излагаемъ теперь — въ кратковременную жизнь свою испыталъ всѣ измѣненія счастья, сколько только можетъ пережить человекъ, успѣлъ пріобрѣсти на Кавказѣ славу воина неустрашимого, и своею смертію доказалъ, что извѣстность эта была заслуженная.

Князь Илья Дмитриевичъ родился въ 1816 году *), а въ

*) Въ *Кавказъ* 1853, № 93, сказано, что князь Илья Дмитриевичъ скончался на 36-мъ году, а въ формулярномъ о службѣ его спискѣ за 1853 годъ ему показано 37 лѣтъ.

службу вступилъ 18-го іюля 1832 года, шестнадцати лѣтъ отъ роду, въ Грузинской гренадерской, — нынѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича — полкѣ, славно предводя которымъ, въ званіи полковаго командира, 21 годъ спустя, получилъ смертельную рану, окончившую доблестную его жизнь. 5-го февраля 1834 года онъ произведенъ въ подпрапорщики и, въ этомъ званіи, въ слѣдующемъ году, съ 18-го апрѣля по 20-е ноября, находился въ экспедиціи, предпринятой для продолженія устройства сухопутнаго сообщения съ Абхазіею, подъ начальствомъ генераль-маіора Ахлестышева, — и участвовалъ въ десантахъ, произведенныхъ: 7-го іюня — къ мысу Сучали, для истребленія устроенныхъ тамъ горцами заваловъ и 10-го того же мѣсяца — къ мысу Адлеру, для сожженія контрабандныхъ судовъ.

Огличіе, оказанное при этомъ 19-ти-лѣтнимъ юношею, — между тѣмъ переведеннымъ, 16-го марта 1836 года, прежнимъ званіемъ подпрапорщика, въ Екатеринославскій пѣхотный полкъ, — доставило ему первый офицерскій чинъ, въ который онъ произведенъ 3-го ноября 1836 года, со старшинствомъ съ 15-го января того же года и съ перево-

домъ въ Кольванскій егерскій полкъ. 5-го іюля 1838 года онъ былъ снова переведенъ въ Грузинскій гренадерскій, а 24-го марта 1841 года — въ Тифлиссскій егерскій полкъ.

Съ этимъ храбрымъ полкомъ князь Орбельянъ находился, въ томъ же году, въ походѣ въ Салатавію, предпринятомъ подъ личнымъ начальствомъ бывшего командира Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, генерала отъ инфантеріи Головина и участвовалъ, между прочимъ: 8-го мая — въ усиленной рекогносцировкѣ у Ахатлинской переправы чрезъ Сулакъ и въ ружейной перестрѣлкѣ у Черкеевского моста; 15-го — во взятіи съ рукопашнаго боя Хубарскихъ высотъ, — позиціи сильной отъ природы, укрѣпленной завалами и защищаемой многочисленными скопищами Шамиля, совершенно при этомъ разсѣянными, побѣдѣ, имѣвшей самую рѣшительную и важную послѣдствія; 5-го іюня — въ очищеніи отъ непріятеля лѣса, облегающаго селеніе Ярикъ-су-Аухъ, а съ 7-го на 10-е — въ совершенномъ истребленіи этой деревни и уничтоженіи хлѣба, стоявшаго еще на корнѣ; при чемъ происходили частыя перестрѣлки съ толпами Шамиля. Отличіе, имъ оказанное при этихъ случаяхъ, Всемилоостивѣйше награждено, 1-го января 1842 года, орденомъ Св. Станислава 3-й степени.

11-го ноября 1841 года онъ былъ назначенъ въ должность адъютанта къ начальнику 19-й (нынѣ 21-й) пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанту Фези, а 16-го мая слѣдующаго года, произведенъ, на вакансію, въ подпоручики *).

Но прежде чѣмъ состоялся Высочайшій приказъ объ этой Монаршей милости, князь Орбельянъ попалъ въ руки горцевъ и, почти восемь мѣсяцевъ, жестоко выстрадалъ въ тяжкомъ плѣну. Въ кандалахъ, въ рубищѣ, безъ пищи и свѣта, въ удушливой ямѣ, онъ претерпѣвалъ невыразимыя муки, покушался бѣжать, и снова былъ пойманъ. Казалось, что Князь обреченъ былъ на испытаніе крайнихъ злополучій и, не разъ, онъ призывалъ смерть на помощь, для избавленія себя отъ невыносимыхъ мученій. Но богатырское сложеніе переселило истязанія. Смерть от-

*) Слѣдовательно въ вышеприведенномъ № *Кавказа* также несправедливо показано, будто бы Князь находился въ плѣну, бывши въ чинѣ поручка.

казалась тогда отъ него, какъ бы ожидая другаго времени, когда отъ крайняго бѣдствія Князь перешелъ къ крайнему благополучію, когда всѣ земныя радости расточали для него всѣ дары свои.

Представляемъ разсказъ самого князя Орбельяна о перенесенныхъ имъ страданіяхъ *), дополнивъ его свѣдѣнія, гдѣ нашли нужнымъ, подробностями, переданными лицами, имѣвшими несчастіе раздѣлять съ нимъ бѣдственную участь.

Въ февралѣ мѣсяцѣ этого года генералъ-лейтенантъ Фези, находясь въ Койсубулинскомъ обществѣ, получилъ донесеніе отъ начальника Самурскаго округа, подполковника Снаксарева, что Шамиль, занявъ деревни Андалольскаго общества — Чохъ и Согратль, угрожаетъ Казикумыхскому ханству. Фези приказалъ князю Орбельяну отправиться въ Акушу, собрать милицію и двинуться къ границамъ ханства. Самъ же генералъ намѣренъ былъ идти только въ случаѣ дѣйствительной опасности.

Князь Орбельянъ уже приближался съ милиціею къ ханству, когда встрѣтилъ новаго посланнаго отъ подполковника Снаксарева, который доносилъ, что Шамиль отступилъ, и что край, ему ввѣренный, теперь въ совершенной безопасности.

Въ слѣдствіе этого, Фези предписалъ князю Орбельяну направиться, со ввѣренною ему милиціею, къ границамъ Андалая и объявить жителямъ, что генералъ идетъ на Чохъ и Согратль, съ цѣлью наказать ихъ за то, что они безъ

*) Разсказъ князя Орбельяна помѣщенъ въ *Кавказъ* 1849 года, но одного изъ №№, въ которыхъ онъ напечатанъ, не имѣется ни въ Императорской Публичной Библиотекѣ, ни въ Библиотекѣ Императорской С. Петербургской Академіи Наукъ. Въ главнѣйшихъ же частныхъ библиотекахъ для чтенія столицы вовсе не получается *Кавказа*. Въ редакціи этой газеты намъ также объявили, что для продажи не имѣется ни одного экземпляра за 1849 годъ. Наконецъ, мы объявляли чрезъ газеты свое желаніе приобрести покупкою *Кавказъ* за этотъ годъ — и равномерно безуспѣшно. Приводимъ эту замѣтку въ доказательство, какъ иногда бываетъ затруднительно получить необходимое свѣдѣніе, и какъ полезны изданія, подобныя нашему, *даже еслибы они и исключительно представляли простые сборники напечатанныхъ свѣдѣній*.

выстрѣла пустили къ себѣ Шамиля. Устрашенные этимъ, Чохцы и Согратльцы явились тотчасъ къ князю Орбельяну и просили его исходатайствовать имъ помилованіе. На другой день прибыли и жители Когора, Обуха и прочихъ отдаленныхъ деревень, всего отъ 3,000 дворовъ. Всѣ они присягнули на коранѣ на вѣрнопопданство Его Императорскому Величеству и представили въ залогъ вѣрности 100 ружей. Взявъ съ собою нѣсколько депутатовъ изъ почетныхъ жителей, князь Орбельянъ возвратился къ отряду, находившемуся въ Зираняхъ.

На другой день, 20-го марта, генераль Фези выступилъ съ отрядомъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру. На привалѣ, около Бурундукъ-Кале, получено было отъ подполковника Снаксарева вторичное донесеніе, заключавшееся въ слѣдующихъ только словахъ: «Какая-то партія мюридовъ заняла казикумыхскую деревню Бухты.» — Чтобы узнать точнѣе объ этомъ обстоятельстве и о положеніи дѣлъ въ Кази-Кумыхъ, Фези приказалъ князю Орбельяну, тотчасъ же, отправиться снова туда и разузнать обо всемъ. Самъ же онъ хотѣлъ записаться въ Шурѣ снарядами и провіантомъ и, при первомъ извѣщеніи объ опасности, поспѣшать въ Кази-Кумыхское ханство съ отрядомъ.

Взявъ съ собою 17 человекъ изъ нукеровъ генераль-майора Ахметъ-Хана, князь Орбельянъ выѣхалъ изъ Бурундукъ-Кале и, къ 10-ти часамъ ночи, прибылъ въ Гергебиль, а оттуда отправился въ Кази-Кумыхъ. Около Цудахаринскаго каменнаго моста онъ встрѣтилъ тамошняго Асланъ-Кадія, ѣздившаго къ Акушинскому кадю на совѣщаніе, по случаю новаго вторженія Шамиля. Изъ первыхъ словъ Аслана, Князь замѣтилъ его неохоту содѣйствовать намъ къ отраженію Шамиля; но, не теряя надежды склонить кадія въ пользу нашу, Орбельянъ слѣзъ съ коня, пригласилъ его сѣсть на одну бурку и, представивъ ему положеніе дѣлъ, опасность Кази-Кумыха, а съ нимъ Кюринскаго ханства, Акуши и Цудахары, убѣждалъ его созвать свою милицію и, вмѣстѣ съ собою, держаться на границахъ ханства, до прибытія нашихъ войскъ. Долго Асланъ уклонялся отъ прямыхъ отвѣтовъ; наконецъ сказалъ:

«Любезный Князь, говорю рѣшительно, что мы боимся Шамиля, и не можемъ теперъ подать Кази-Кумыхамъ по-

мощи. Если увидимъ, что они будутъ драться, то и мы подоспѣемъ, а до тѣхъ поръ нельзя.»

«Это значить, что ты просто не хочешь и отказываешься содѣйствовать намъ»; справедливо замѣтилъ князь Орбельянъ, поспѣшно всталъ и поѣхалъ далѣе.

Проѣзжая черезъ Цудахаръ, онъ увидѣлъ двухъ мюридовъ, которые тотчасъ, закрывъ буркою чалмы свои, скрылись въ деревнѣ, и узналъ, что они присланы Шамилемъ съ объявленіемъ, что имамъ идетъ на Кази-Кумыхъ и что горе Цудахаринцамъ, если они осмѣлятся поднять противъ него оружіе.

21-го марта, въ 3 часа по полудни, Орбельянъ прибылъ въ Кази-Кумыхъ. На высотахъ, командующихъ этимъ городомъ, развѣвался красный значекъ милиціи Кази-Кумыхской (500 человекъ) и Кюринской (200 человекъ). Казалось, что они только ждали появленія непріятеля, чтобы встрѣтить его вооруженною рукою. Между тѣмъ горцы, пройдя Карахское и Мукратльское общества (Чохцы и Согратльцы, оставшіеся вѣрными своей присягѣ, не позволили Шамилю пройти въ ханство черезъ свои деревни), прибыли, черезъ селеніе Бухты, къ Кази-Кумыху.

Вѣхавъ въ городъ, Орбельянъ встрѣтилъ, около ханскаго дома, правителя Кюринскаго ханства Гарунъ-Бека. Какъ старые знакомые, они дружески обнялись.

«Кази-Кумыхъ въ опасности, — сказалъ Князь, — войска далеко; до прибытія ихъ намъ необходимо удержать городъ, станемъ же съ милиціею защищаться до послѣдней крайности.»

«И этой крайности не минуемъ мы, — отвѣчалъ Гарунъ-Бекъ, — напрасно ты надѣешься на Кази-Кумыхцевъ: они сами призвали Шамиля и не будутъ драться съ нимъ; у меня же только 200 человекъ Кюринцевъ; что значить эта гореть противъ скопища Шамиля? Божусь тебѣ Богомъ, что изъ-за этихъ гнусныхъ измѣнниковъ мы погибнемъ здѣсь съ нашими людьми и безъ пользы.»

Орбельянъ поспѣшилъ къ подполковнику Снаксареву и, объявивъ ему цѣль своего прибытія, просилъ объяснить положеніе дѣлъ въ Кази-Кумыхъ, для донесенія о томъ генералу Фези. Но Самурскій начальникъ пригласилъ его са-

мого поѣхать на высоты, къ мѣсту расположенія милиціи, и лично удостовѣриться во всемъ происходящемъ. Орбельянъ такъ и сдѣлалъ, и нашелъ въ рядахъ милиціи крикъ, шумъ, споръ; а на ружейный выстрѣлъ отъ нихъ стоялъ Кибитъ-Магома съ 5-ю тысячами. Занявшись приведеніемъ милиціи въ порядокъ, Князь послалъ сказать Снаксареву объ угрожающей опасности и просилъ его выѣхать на высоты. Посланный воротился и объявилъ, что подполковникъ не будетъ и никого не пускаетъ въ городъ. Въ это время къ непріятельскому правому флангу стали подходить значительныя толпы конницы и пѣхоты, со множествомъ значковъ, подъ предводительствомъ самого Шамиля, и, велѣдъ за тѣмъ, горцы двинулись къ городу. Орбельянъ поспѣшилъ къ окружному начальнику, чтобы посоветоваться, какъ спастись съ нимъ, если уже поздно думать объ отраженіи непріятеля. Но вдругъ раздалось въ одинъ голосъ: «Казикумыхцы бѣгутъ» и, съ тѣмъ вмѣстѣ, ворота ханскаго дома затворились. Оставивъ подполковника, Орбельянъ выбѣжалъ на крышу этого дома и засталъ тамъ Гарунъ-Бека съ 20-ю его, съ 17-ю своими и 25-ю ахтинскими нукерами. Толпы горцевъ, дико и протяжно провозглашая боевую пѣсню свою: «Лайлахъ-иль-аллахъ», быстро наступали: съ юга — подъ начальствомъ Кибитъ-Магомы, а съ запада — Андійскаго кадія и Карахскаго Абдурахманъ-Дибиря. Казикумыхскіе милиціонеры искали спасенія, гдѣ кто могъ. Напрасно Орбельянъ звалъ ихъ защищаться въ улицахъ. Скоро весь городъ былъ окруженъ. Непріятельская конница преслѣдовала бѣжавшихъ и расположилась потомъ въ деревняхъ, на правомъ берегу Койсу, а пѣхота вступила въ городъ. Наши открыли перестрѣлку съ крыши; но, видя невозможность, съ горстью людей, держаться на открытомъ мѣстѣ, вошли въ башню. Перестрѣлка закипѣла съ большимъ жаромъ, и вскорѣ 48 человѣкъ мюридовъ лежали ранеными и убитыми, послѣ чего горцы уже не смѣли показываться на улицахъ. Вечеромъ около 120-ти человѣкъ Кюринцевъ, которые до того защищались на улицахъ за ханскимъ домомъ, пришли къ воротамъ замка и просили впустить ихъ. Но подполковникъ Снаксаревъ, принимая ихъ за измѣнниковъ и опасаясь, что они на плечахъ своихъ внесутъ непріятеля, не приказалъ отпирать воротъ. Несчастные,

послѣ нѣкотораго сопротивленія, принуждены были сдаться огромной толпѣ горцевъ, гнавшей за ними. Этотъ случай отнял у запершихся въ ханскомъ домѣ послѣднюю опору и надежду на помощь.

У Азіятцевъ, какъ извѣстно, запасъ снарядовъ бываетъ незначительный; къ двумъ часамъ по полуночи у вѣрныхъ нукеровъ уже не стало пороха! Положеніе ихъ доходило до крайности. Къ недостатку боевыхъ средствъ присоединился недостатокъ въ хлѣбѣ и опасеніе, что измѣнники Казикумыхцы дадутъ другое направленіе роднику, проведенному въ замокъ, и лишатъ его воды. Оставалось еще средство къ спасенію — пробиться. Пользуясь темнотою ночи и разбродомъ горцевъ, которые, какъ голодные волки, бросались въ дома за добычею, можно было надѣяться, съ вѣрными и храбрыми нукерами, которыхъ еще оставалось до 60-ти человѣкъ, пробиться, съ шашками въ рукахъ, черезъ городъ. Если бы и 10 человѣкъ сдѣлались жертвою этого покушенія, за то остальные бы спаслись. Князь Орбельянъ сообщилъ мысль свою объ этомъ Гарунъ-Беку, и нашелъ въ немъ радостную готовность на отчаянное предпріятіе. Но, подполковникъ Снаксаревъ долго не рѣшался дать позволеніе на его исполненіе, обсуживая другія средства ко спасенію; а когда, наконецъ, успѣли его убѣдить, послѣ полутора часовъ переговоровъ, то золотое время уже ушло, — вторичная измѣна преградила послѣднюю надежду къ спасенію. Ханша, опасаясь за себя, за семейство и богатство свое, во время этихъ преній съ Снаксаревымъ, тайкомъ спустила чрезъ стѣну, по веревкѣ, одного изъ своихъ людей и послала его къ Шамилю просить о пощадѣ. По ея ли приказанію, или по собственному побужденію, посланный пере-сказалъ Шамилю крайнее положеніе запершихся и намѣреніе ихъ сдѣлать вылазку. Узнавъ объ этомъ, Шамиль тотчасъ послалъ къ замку Кибитъ-Магома съ значительнымъ карауломъ. Горцы расположились у самыхъ воротъ и развели передъ ними огонь. Но, кромѣ другихъ побужденій, мысль попасть въ руки жестокихъ горцевъ, поддерживала твердость духа защищавшихся. Осталось одно — не впускать непріятеля въ замокъ, пока голодъ не изморитъ всѣхъ, или не подоспѣтъ помощь. Приставивъ къ воротамъ пять линейныхъ казаковъ, Орбельянъ приказалъ имъ:

ни подь какимъ предлогомъ не отпирать воротъ, не пускать и не выпускать никого.

Начинало разсвѣтать. Посланный ханши, по имени Идрисъ, возвратился отъ Шамиля тою же дорогой, и передалъ приказаніе его, чтобы всѣ ханы, беки и почетные жители Кази-Кумыха вышли къ нему изъ ханскаго дома съ повинною головою, и что онъ проститъ ихъ. Народу же приказано объявить, что Шамиль пришелъ въ Кази-Кумыхъ не для добычи, а съ желаніемъ обратить на путь истины Кази-Кумыхцевъ, которые первые приняли магометанскую вѣру, и чтобы вывести ихъ изъ-подъ ига рыжихъ невѣрныхъ *) и распространить шаріатъ, какъ прямой путь къ райскимъ вратамъ. Измѣнникъ Идрисъ, передавая Кази-Кумыхцамъ эти приказанія, разсказывалъ о кротости, смиреніи и святости Шамиля, хотя послѣдній не очень-то привѣтливо съ нимъ поступилъ. Когда Идрисъ явился къ нему, то Шамиль, между прочимъ, спросилъ его: «Гдѣ же твой Богъ? Тотъ Богъ, которымъ жалуютъ васъ невѣрныя собаки?» Идрисъ догадался, что дѣло идетъ о медали, и вынулъ ее изъ кармана, куда спряталъ, зная, что Шамиль отниметъ ее, если увидитъ. Взявъ отъ него медаль, Шамиль спряталъ ее. — «Я не хочу, — продолжалъ онъ, обращаясь къ окружающимъ его мюридамъ и кази-кумыхскимъ горожанамъ, — чтобы мусульмане имѣли надъ собою другаго Бога. Нѣтъ Божества, кромѣ Бога! Только невѣрныя собаки имѣютъ много боговъ; они хотятъ васъ обратить въ свою вѣру; обременять васъ, если покоритесь, огромными налогами, будутъ брать дѣтей вашихъ въ солдаты и заставятъ васъ убивать своихъ же единовѣрцевъ. Я не допущу васъ до этого; мнѣ не нужно ваше богатство, золото и серебро, я рабъ Божій, доволенъ и малымъ, не такъ, какъ эти собаки, враги Божіи. Я пришелъ открыть вамъ глаза, спасти души ваши отъ вѣчнаго проклятія, тѣла отъ власти и рабства гяуровъ. Пока въ насъ есть капля крови, мы должны воевать съ ними, и Богъ вознаградитъ насъ. Тебя ли убьетъ невѣрный, или ты убьешь его, все равно, тебя ждетъ на томъ свѣтѣ рай и неизъяснимая радость....» и проч.

*) Сары-гяуръ — такъ называютъ мюриды Русскихъ.

Льстивыя обѣщанія Шамиля и разсказъ Идриса, увлекли легковѣрныхъ Татаръ. Все въ баннѣ засуетилось, и готовилось выйти къ Шамилю. Эполеты и погончики, знаки отличія и медали, все вдругъ исчезло. Но, бывшіе при князѣ Орбелянѣ ахмедъ-ханскіе нукеры явили здѣсь рѣдкій примѣръ твердости и неустранимости: никто изъ нихъ не согласился выйти; они знали, что, по непримиримой враждѣ между ханомъ и Шамилемъ, имъ трудно надѣяться на пощаду, и не думали искать помилованія. Одинъ изъ нихъ, по имени Курбанъ, подошелъ къ князю Орбеляну, взялъ его за руку и сказалъ: «Видишь ли, Князь, что сдѣлали съ нами эти гнусные Кази-Кумыхцы. Ты Русскій, я нукеръ Ахметъ-Хана, мы съ тобою будемъ изрублены! Умереть, такъ умереть храбро и честно! Вѣсть тогда о нашей славнои смерти разнесется по всему свѣту!» Передаемъ буквально слова этого простаго нукера, какъ одно изъ свидѣтельствъ, что слава и душевная доблесть доступны людямъ, и низшаго званія!

Между тѣмъ разсвѣло. Ворота замка открылись. Всѣ почетные жители, съ ними правители Махмудъ-Бекъ и Гарунъ-Бекъ, которыхъ Шамиль именно требовалъ къ себѣ, отправились со страхомъ и надеждою къ грозному непріятелю. Гарунъ ждалъ смерти и только желалъ спасти сына и попавшихся въ плѣнъ Кюринцевъ, которыхъ было до 200 человекъ.

Шамиль встрѣтилъ эту депутацію съ угрозами и выраженіемъ гнѣва. «Вы призвали меня, — сказалъ онъ имъ, показывая до 40 писемъ, полученныхъ имъ отъ Кази-Кумыхцевъ, съ приглашеніемъ вступить въ ихъ ханство, — и я поспѣшилъ къ вамъ, чтобы спасти васъ отъ невѣрныхъ; но вы не побоялись Бога, и подняли оружіе противъ меня — вашего имамуль-азама и на вашихъ единовѣрцевъ; 48 человекъ моихъ вѣрныхъ и отличныхъ мюридовъ пали вчера отъ рукъ вашихъ. Да будете вы прокляты, какъ враги Аллаха и великаго пророка. Я васъ истреблю всѣхъ, не смотря на чинъ и званіе, на хановъ и бековъ.» Обвиняемые Кази-Кумыхцы, а въ особенности кадій, стали божиться и клятвами увѣрять, что они никогда не думали драться противъ него, что они мусульмане, что рука ихъ не поднимется на имама. — «А ты, Гарунъ-Бекъ, — продолжалъ Ша-

миль, — хуже собаки и погибнешь! Ты заставляя мусульманъ бороться со мною. Знаешь ли, что тебя ожидаетъ? Отъ меня смерть, а отъ Бога адъ и вѣчная мука!»

«Такъ, Шамиль, — отвѣчалъ спокойно Гарунъ-Бекъ, — оставаясь вѣрнымъ присягѣ, данной мною Государю Императору, я сражался съ твоими мюридами и заставляя тоже дѣлать и нукеровъ моихъ. Я не скрываю этого. Я въ твоихъ рукахъ, ты сильнѣе меня; жизнь и смерть зависятъ отъ тебя; но пощади сына и безвинныхъ нукеровъ.» Шамиль махнулъ рукой; всѣ разошлись. Гарунъ-Бекъ возвратился въ башню, и, не зная, чѣмъ рѣшится участь сына его и нукеровъ, приходилъ въ уныніе. Но неожиданнымъ для него спасителемъ явился Джемаль-Эдинъ, учитель Шамиля, — о которомъ впоследствии будемъ имѣть случай говорить подробнѣе, — человѣкъ знаменитый и уважаемый всѣмъ Дагестаномъ, и котораго не ослушивался и самый Шамиль. Онъ представилъ имаму, что не стоитъ напрасно проливать кровь мусульманскую, что ея не оживитъ онъ убитыхъ мюридовъ, и убѣдилъ его даровать Гаруну и нукерамъ его жизнь и свободу. Шамиль согласился, разсчитывая, что этимъ прощеніемъ онъ поставитъ Кюринскаго правителя въ зависимость отъ себя, и, въ случаѣ нужды, можетъ надѣяться на помощь его. Сверхъ того, Шамиль начиналъ въ то время рѣже казнить плѣнныхъ, а, большею частію, если не могъ удержать за собою занятое имъ мѣсто, то переселялъ жителей и плѣнныхъ въ Чечню или въ глубину Дагестана. Для большей же вѣрности, онъ оставилъ у себя сына Гаруна аманатомъ.

Наконецъ дошла очередь и до прочихъ запершихся въ башнѣ. Нѣсколько мюридовъ изъ черкеевскихъ и гимринскихъ абрековъ *) нахлынули къ нимъ, обезоружили и, оставивъ караулъ при вещахъ, повели подполковника Снаксарева, князя Орбельяна и Апшеронскаго пѣхотнаго полка

*) Абреки, обреки, — такъ обыкновенно называютъ за Кавказомъ отчаянныхъ удалцевъ, преимущественно выходцевъ изъ общества, покорныхъ Россіи, которые, будучи увѣрены въ святости ученія Шамиля, бросаютъ все: семью, имущество, родину, и, такъ сказать, обрекаются на молитву и войну за вѣру. Они же называютъ себя именемъ «магоджиръ.»

прапорщика Ананова, находившагося также на службѣ въ Кази-Кумыхъ, къ Шамилю, подъ сильнымъ конвоемъ, при пѣніи: «Лайлахъ-иль-аллахъ», при крикахъ и угрозахъ враговъ, среди пылающихъ жилищъ приверженныхъ къ Россіи Кумыхцевъ. Передъ домомъ, занимаемымъ имъ, находился также народъ: при приближеніи нашихъ, толпа эта подняла неистовый крикъ: «ведутъ христіанскихъ свиней.» Эти слова сопровождались проклятіями и ругательствами. Такой пріемъ не обѣщалъ много хорошаго. Доложили о плѣнныхъ Шамилю и ввели въ домъ, изъ котораго они уже не думали выйти живыми. Орбельянъ оглянулся; ему хотѣлось въ послѣдній разъ взглянуть на Божіе солнце и на дальнія горы, окружавшія его колыбель. Прощаясь съ Княземъ, на привалѣ въ Бурундукъ-Кале, товарищи сказали ему: «не возвращайся безъ георгіевскаго креста.» Эти слова теперь пришли ему на память. «Да, — думалъ онъ, — одному крестъ на грудь, другому на могилу; а мнѣ ни того, ни другаго», и невольно вздохнулъ.

Первая комната, довольно большая, была наполнена тѣлохранителями Шамиля; въ другой былъ онъ самъ, въ кругу подвижниковъ своихъ и почетныхъ депутатовъ казикумьскихъ. Вправо и влѣво отъ него сидѣли наибы: *Кибитъ-Магома*, Андійскій кадій, *Абдурахманъ — Дибирь*, Карахскій и измѣнникъ *Хаджи-Яга*, братъ правителя Кази-Кумыха *). За Шамилемъ, а также у дверей и въ другой комнатѣ стояли до 150 человѣкъ тѣлохранителей его, всѣ съ отвратительными звѣрскими лицами, съ шашками и кинжалами наголо, съ пистолетами и ружьями, у которыхъ курки взведены были на второй взводъ. Лезгины не отличаются красивою наружностію; дикое, суровое выраженіе лица ничѣмъ не смягчается и потому не имѣетъ никакой пріятности; но тѣмъ выразительнѣе выставлялась и красовалась между ними особа ихъ предводителя — Шамиля. Прекрасное, свѣжее, бѣлое лице, слегка испещренное рябинами;

*) Онъ служилъ проводникомъ Шамиля въ Кази-Кумыхъ и за эту измѣнническую услугу сдѣланъ былъ правителемъ ханства, но не долго удержался на мѣстѣ: послѣ дѣла при Ричѣ былъ смѣненъ, какъ неспособный человѣкъ.

голубые или сѣрые глаза *), выказывавшіе пронизательный умъ и силу душевную; постоянная улыбка на устахъ, не скрывающая два ряда бѣлыхъ зубовъ, выражала хитрость и добродушіе; выкрашенная красною краскою борода — также шла ему къ лицу. Онъ выше средняго роста; плотно, но прекрасно сложенъ, имѣлъ бодрую и смѣлую осанку, и по виду ему казалось не болѣе 35 лѣтъ, хотя онъ старѣе **). Онъ былъ богато одѣтъ и вооруженъ, что еще болѣе возвышало мужественную его красоту. Голова была убрана черкесскою шапкою изъ краснаго сукна и бѣлою чалмой. На имамѣ былъ архалукъ; сверхъ него черкесска, краснаго сукна, обшитая галунами и съ серебряными патронниками; чрезъ плечо висѣла шашка; талью обхватывалъ поясъ, за который заткнуты были два пистолета и прицѣпленъ кинжалъ. Таковъ въ этотъ разъ былъ Шамиль.

«Вотъ имаминаль азами», — шепнули плѣннымъ мюриды, подводя ихъ къ Шамилю. Онъ взглянулъ на нашихъ съ неизмѣнною своею улыбкой, но не говорилъ ни слова. Наскучивъ, наконецъ, долгимъ молчаніемъ и любопытными взорами толпы, князь Орбельянъ ***) сказалъ: «Шамиль! исполняя свою обязанность, мы попали въ плѣнъ и достались тебѣ; теперь мы въ твоихъ рукахъ. Чего желаешь ты? Что намѣренъ сдѣлать съ нами? Рѣши поскорѣе участь нашу: объяви намъ, что ждетъ насъ: смерть, плѣнъ или свобода?» Тоже самое повторилъ и прапорщикъ Анановъ. «Вы узнаете рѣшеніе мое въ свое время, — отвѣчалъ Шамиль, — теперь я занятъ;» махнулъ рукой и приказалъ отвести ихъ и посадить въ одинъ изъ обывательскихъ домовъ. Дѣйствительно, его ждала тайная депутація изъ Акуши и Цудахара; сверхъ того надобно было избирать аманатовъ и сдѣлать необходимыя распоряженія для распространенія шаріата и мюридизма во вновь завоеванномъ ханствѣ.

*) По нѣкоторымъ показаніямъ они черные. а по болѣе общимъ, каріе.

***) По всѣмъ показаніямъ, нынѣ Шамилю не болѣе 50 лѣтъ, слѣдовательно въ эпоху плѣна князя Орбельяна ему было дѣйствительно около 35-ти лѣтъ.

***) Изъ плѣнныхъ офицеровъ, только князь Орбельянъ и прапорщикъ Анановъ знали говорить по-татарски.

Плѣнныхъ отвели въ домъ Идриса, котораго они застали въ горькихъ слезахъ, потому что правовѣрные мюриды, увѣрявшіе что пришли не для добычи и богатства, ограбили домъ его до послѣдней нитки. Идрисъ, до небесъ превозносившій, наканунѣ ночью, Шамиля и его сподвижниковъ, не находилъ теперь словъ для выраженія злобы своей. Нашимъ дали одну комвату; вогнали туда трехъ офицеровъ, шесть казаковъ и одного Грузина; послѣ привели еще рядоваго Загорскаго, состоявшаго при Снаскаревѣ, и двухъ собственныхъ людей подполковника *). Шамиль и мюриды поступили съ княземъ Орбельяномъ не лучше, какъ съ Идрисомъ: всѣ его вещи, платья, золотые часы, двухствольное ружье, два пистолета, шашка въ серебряной оправѣ, ковры, персидская шаль, 340 руб. сер. и 4 лошади — сдѣлались ихъ добычею. Той же участи подверглись и сотоварищи его плѣна **). Къ нимъ приставили караулъ изъ черкеевскихъ жителей ***). Горцамъ Шамиль не вполне довѣрялся. Орбельянъ сталъ спрашивать ихъ объ участи своихъ 17-ти нукеровъ. «Имамъ, — отвѣчали они, — этимъ злодѣямъ ничего болѣе не сдѣлаетъ, какъ велитъ ихъ перерубить пополамъ.» Услышавъ это, князь подозвалъ къ себѣ одного изъ приближенныхъ Шамиля, по имени Гаджи-Яга (изъ Черкея) и просилъ его исходатайствовать у Шамиля прощеніе своимъ нукерамъ, которые ни въ чемъ не виноваты, потому что онъ, отправляясь къ Кази-Кумыху, насильно

*) 25 ахтинскихъ и 20 ахметъ-ханскихъ нукеровъ помѣстили особо.

***) По взятіи сел. Черкея, до 20-ти черкеевскихъ семействъ послѣдовали за Шамилемъ и составляли, въ это время, приближенныхъ его; они, большею частію, были поселены въ Даргахъ.

***) Другой участникъ бѣдствія рассказываетъ, — «какъ о похвальной чертѣ справедливости горцевъ», — что, на пути слѣдованія плѣнныхъ солдатъ изъ замка въ домъ Идриса, какому-то мюриду понравилась лошадь подполковника Снаскарева, и онъ, вздумавъ воспользоваться правомъ побѣды, хотѣлъ отнять ее у деньщика; но начальствовавшій надъ конвоемъ, Юнусъ, одивъ изъ приверженцевъ Шамиля, увидѣлъ это самоуправство, наскочилъ на него съ обнаженною шашкою; тотъ схватилъ ружье, прицѣпился, однако не успѣлъ выстрѣлить, какъ былъ поверженъ на землю ударами мюридовъ и изрубленъ въ куски.

взялъ ихъ съ собою проводниками. Князь обѣщалъ за это Гаджи сюртукъ свой, болѣе у него ничего не осталось. Гаджи пошелъ къ Шамилю и долго не возвращался. Между тѣмъ слышались частые выстрѣлы, и скоро узнали, что несчастные нукеры кто разстрѣлены, кто изрублены.

Цѣлый день домъ Идриса былъ осаждаемъ враждебными толпами жителей и пришельцевъ, которые проклинали плѣнныхъ и издѣвались надъ ними, произнося ругательства и плевая. Наконецъ, это наскучило даже надзирателю, охранявшему нашихъ, Ягью-Гаджи. Онъ долго и напрасно увѣщевалъ толпы разойтись, но видя, что слова его не производятъ никакого дѣйствія, выстрѣлялъ въ народъ изъ ружья. Горцы, какъ бы ударомъ грома пораженные, разбѣжались, и наши, благодаря этой находчивости Ягья-Гаджи, остались въ покоѣ. Вечеромъ перевели плѣнныхъ въ домъ, который занималъ Шамиль. Тамъ вогнали ихъ въ отхожее мѣсто и приставили къ нимъ караулъ. Такъ прошелъ для плѣнныхъ этотъ горестный, вѣчно незабвенный день — 22-е марта.

На другой день, поутру, вывели плѣнныхъ на свѣжій воздухъ. Къ князю Орбельяну подошли два мюрида, которыхъ прочіе горцы встрѣтили съ особеннымъ уваженіемъ; видно было, что они почетныя особы; и, въ самомъ дѣлѣ, это были любимцы и друзья Шамиля, чохскіе мюриды: Мусса-Аджи и Магмудъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ толпѣ, указывая на Князя: «Вотъ этотъ большая невѣрная собака! Я попрошу Шамиля выдать его мнѣ, чтобъ я могъ собственными руками убить его и тѣмъ заслужить себѣ рай. Я долго былъ въ Меккѣ, и еще не имѣлъ случая пролить гяурскую кровь.»

Послѣ полуденнаго намаза, который съ благоговѣніемъ совершенъ былъ Шамилемъ, въ присутствіи многихъ почетныхъ лицъ, онъ потребовалъ къ себѣ офицеровъ и вышелъ къ нимъ, уже не въ богатой и опрятной одеждѣ, въ которой былъ наканунѣ, а въ грязной засаленной рубахѣ изъ толстаго бумажнаго холста: вѣроятно и онъ, какъ всѣ горцы, не перемѣняютъ своего бѣлья, пока цѣла хоть нитка, или пока оно, полусгнившее, само не спадетъ съ плечъ. Обруженный своими тѣлохранителями, съ готовымъ оружіемъ въ рукахъ, онъ сѣлъ и грозно сказалъ: «Если Рус-

скіе выдадутъ мнѣ сына, то я отпущу васъ въ Тифлисъ; въ противномъ случаѣ изрублю всѣхъ и пошлю въ адъ.»

«Шамиль! — отвѣтилъ ему князь Орбельянъ *), — еслибъ насъ было и втрое болѣе, то и тутъ виды Правительства не позволили бъ согласиться на твое предложеніе. Государь нашъ цѣнитъ нашу жизнь, хотя онъ сотнею другихъ можетъ замѣнить каждаго изъ насъ; но благо Государства важнѣе нашей жизни, и потому ты не думай о возможности вымѣнять насъ на своего сына!... Лучше требуй отъ насъ, Шамиль, то, что мы или наше начальство въ состояніи сдѣлать. Генераль Фези взялъ у тебя въ Унцукулѣ до 200 плѣнныхъ: за наше освобожденіе возвратятъ тебѣ нѣсколько человекъ изъ нихъ. Дѣлай съ нами, что хочешь — руби, или оставь нѣ живыхъ, но не питай надежды, что тебѣ выдадутъ сына.

Онъ улыбнулся и сказалъ: «Хорошо, я васъ не убью; ступайте въ Дарго; тамъ мы еще поговоримъ.»

Орбельянъ представилъ ему, что офицеры не привыкли ходить пѣшкомъ по этимъ горамъ, что мюриды отняли у нихъ лошадей, и просилъ возвратить ихъ, хотя до Дарго. Шамиль обѣщалъ исполнить ихъ просьбу.

По возвращеніи въ домъ Идриса наши были поражены отвратительнымъ зрѣлищемъ: на дворъ принесли окровавленную одежду ахмедъ-ханскихъ нукеровъ. Узнавъ, что эти несчастные сдѣлались жертвою мщенія Шамиля, плѣнные отчасти стали ожидать той же участи, какъ непремѣннаго послѣдствія разговора Шамиля съ Орбельяномъ. Крикъ толпившагося народа и вопли женщинъ вывели ихъ изъ раздумья и обратили вниманіе въ другую сторону: въ этотъ же домъ привели аманатовъ, собранныхъ по приказанію Шамиля изъ Кази-Кумыхскаго ханства, которымъ онъ назначилъ Андію мѣстожителемъ. Несчастныя матери и родственники этихъ заложниковъ, прощаясь съ ними, оглашали окрестности воплями.

Наконецъ, около полудня, наши оставили Кумыхъ, памятный для нихъ восьми-мѣсячнымъ несчастіемъ. Отсюда идетъ длинный рядъ мученій, которымъ подвергали плѣн-

*) По другимъ показаніямъ, это былъ отвѣтъ подполковника Сваксарева.

ныхъ варвары. Вспоминая объ этихъ страданіяхъ, нельзя не удивляться, сколько можетъ перенести слабая человѣчская природа.

У плѣнныхъ отняли все имущество, оставивъ имъ только самую необходимую одежду, и, не смотря на слова Шамиля, лошади не были возвращены.

Ахтинскіе нукеры были оставлены и, въ послѣдствіи, получили свободу, что Шамиль сдѣлалъ, вѣроятно, изъ какихъ нибудь видовъ; ибо, какъ было слышно, онъ намѣревался идти въ Самурскій округъ. Одинъ только изъ нихъ, прапорщикъ Молло, пытавшійся, еще въ началѣ плѣна, спастись бѣгствомъ, былъ убитъ.

Съ отчаяніемъ въ сердцахъ, ожидая неминуемой смерти или, еще ужаснѣйшей чѣмъ смерть, неволи, плѣнные оставили Кумыхъ и углубились въ горы. Бѣдственное положеніе нашихъ увеличивалось жестокимъ обращеніемъ сопровождавшаго конвоя. Начальникомъ его былъ нѣкто Магома, уроженецъ какой-то деревни изъ окрестностей Чохъ, котораго Магомедъ кадій согратльскій и Магмудъ-Бекъ рекомендовали подполковнику Снаксареву, какъ самаго надежнаго и преданнаго Россіи лазутчика. Магома сопровождалъ плѣнныхъ до Ругджаба и, жестокимъ обращеніемъ и неимовѣрными притѣсненіями, казалось, хотѣлъ излить на нихъ долго скрываемую свою ненависть къ Русскимъ. По этому конвой, не обращая вниманія на то, что наши были пѣшіе, понуждали ихъ, слишкомъ чувствительнымъ образомъ, идти наравнѣ съ рысью своихъ лошадей. Вскорѣ Снаксаревъ и князь Орбельянъ совершенно выбились изъ силъ и, падая отъ усталости, отказались слѣдовать. Конвоировавшіе Чеченцы посадили ихъ на заводскихъ лошадей, взявъ за это довольно порядочную плату.

Такимъ образомъ, подвигаясь усиленнымъ шагомъ, наши вечеромъ остановились, для ночлега, въ небольшой деревнѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Кумыха. Пройденная ими дорога, чрезъ горы и овраги, была удобна только для вьюковъ. На другой день, въ полдень, по довольно удобной дорогѣ, они достигли Бухты *), деревни, лежащей на границѣ Кази-Ку-

*) Числа, вообще, мы выставяла по показаніямъ другаго участника плѣна. У князя Орбельяна они рѣдко означены. Но, въ этомъ

мыскаго ханства съ Андалальскимъ обществомъ, у подножія возвышающейся съ сѣвера утесистой горы, на которой построена башня, а съ восточной стороны лежитъ небольшой прудъ, отдѣленный отъ деревни широкою дорогою. Особенное устройство каменныхъ двухъ-этажныхъ домовъ *), при выгодахъ мѣстоположенія, доставляетъ этой деревнѣ хорошую оборону.

Въ Бухтахъ князь Орбельянъ встрѣтилъ многихъ кунаковъ. Всѣ искренно сожалѣли объ его несчастіи, жаловались и проклинали мюридовъ. До вторженія горцевъ Кази-Кумыхцы были довольны своимъ положеніемъ: хлѣбопашество и скотоводство, хотя не изобильныя, совершенно удовлетворяли ихъ потребностямъ; а теперь вездѣ были видны слѣды ихъ опустошенія: мюриды ограбили жителей и истребили всѣ ихъ запасы **).

Изъ Бухты наши направились къ селенію Согратль, куда вела хорошая арбенная дорога; она поднималась сперва въ гору; потомъ шла по гребню, гдѣ есть родникъ, а оттуда спускалась отлого къ селенію. Плѣнные съ любопытствомъ разсматривали это мѣсто, считающееся неприступнымъ и извѣстное пораженіемъ, которое горцы нанесли тутъ Надиръ-Шаху, въ сороковыхъ годахъ прошедшаго столѣтія. Персіяне осаждали и атаквали Согратль снизу, изъ ущелья, что, дѣйствительно, сопряжено съ большими затрудненіями и можетъ навлечь за собою гибель войска; между тѣмъ какъ, приближаясь со стороны селенія Бухты, по дорогѣ совершенно проходимою, даже для тяжелыхъ орудій, и занявъ ближайшія высоты, можно овладѣть Согратлемъ даже одною

случаѣ придержались показанія героя нашего жизнеописанія, хотя по другимъ свѣдѣніямъ плѣнные въ Бухты пришли только въ полдень 24-го числа.

*) Съ маленькими окнами и ружейными бойницами.

**) Другой участникъ бѣдствія говоритъ тоже, что въ Бухтахъ жители встрѣтили нашихъ ровно, безъ особенныхъ признаковъ ненависти; но, про самый городъ пишетъ, напротивъ, что «народъ, прежде рабски покорный, при видѣ паденія Русскихъ, громкими восклицаніями изъявлялъ свое удовольствіе, и что въ деревняхъ Тамахмо и Буртумо, равно какъ и въ служившей ночлегомъ, жители радовались ихъ участи.

артиллерію, для которой, по отлогой покатости, склоняющейся къ самому селенію, дѣйствіе весьма удобно.

Пройдя Согратльскіе хутора, по страшнымъ крутизнамъ и совершенно неразработанной дорогѣ, плѣнные пустились къ деревнѣ Унтибъ *), которая самою природою сильно защищена. Она лежитъ въ глубокой пропасти и окружена высокими утесистыми скалами, такъ что, по словамъ жителей, лучи солнца, исключая лѣта, не достигаютъ деревни. Впрочемъ, это мѣсто не имѣетъ никакой важности въ военномъ отношеніи. Въ Унтибѣ наши ночевали.

Съ разсвѣтомъ, 25-го, плѣнныхъ погнали къ сѣверо-западу и, по непроходимымъ горамъ, они достигли рѣки Кара-Койсу, окрестности которой покрыты мелкимъ кустарникомъ. Спускаясь въ ущелье, по которому протекаетъ рѣка, видны слѣды проложенной дороги. Но, по крутизнамъ спусковъ и подъемовъ, она крайне затруднительна, даже для пѣшеходовъ; а ѣхать верхомъ не представляется почти никакой возможности; лошади безпрестанно падаютъ, ломаютъ ноги и разбиваются о скалы. Во время пути видно было много деревень, но вожатые, вѣроятно, съ умысломъ, избѣгали ихъ и ни въ одну не входили. Отъ переправы чрезъ Кара-Койсу до селенія Ругджаба (Рогужа) верстъ восемь идетъ подъемъ на гору, по самой трудной, даже для вьюковъ, дорогѣ.

Ругджабъ — аулъ домовъ слишкомъ въ 500, лежитъ на высокой равнинѣ, имѣющей съ сѣверной и западной сторонъ два ущелья, пересѣкающихся подъ угломъ; за ними ясно обрисовывается гора Гунибъ, совершенно отдѣленная отъ прочихъ горъ, Карахскою-Койсу и притокомъ Аварскою-Койсу и высокими обрывистыми скалами, которыя дѣлаютъ ее совершенно недоступною. Она имѣетъ при подошвѣ до 40 верстъ въ окружности, отъ 2-хъ до 4-хъ верстъ высоты. Вершина ея какъ будто срѣзана и, чрезъ это, образуетъ возвышенную плоскость, имѣющую до 25-ти верстъ въ окружности; тамъ у жителей пастбище, пашни, луга, лѣсъ, вода и мельницы, — однимъ словомъ, все лезгинское хозяйство. Къ сторонѣ, обращенной къ Карахскою-Койсу,

*) По другому показанію, аулъ назывался Могобъ и имѣлъ до 200 дворовъ.

на уступѣ, почти на половинѣ всей горы, лежитъ деревня Гунибъ, имѣющая до 150 дворовъ. Три, едва замѣтныя, тропинки ведутъ на эту гору, — одна отъ Ругджаба, другая — отъ Хандаха и Хуточоба, а южнѣе ея третья — отъ Карахскою-Койсу. Можетъ быть, есть и еще тропинки отъ Карады и Куяды, но объ нихъ неизвѣстно. Большею частію деньгами, отобранными у князя Орбеляна, подполковника Снаксарева, прапорщика Ананова, также вырученными изъ распродажи вещей плѣнныхъ, Шамиль, въ это время, укрѣплялъ деревню и гору Гунибъ, перепортилъ тропинки, и, послѣ, когда генераль Граббе подступалъ къ Даргамъ, намѣренъ былъ перевести туда свое семейство и имущество. Самъ же онъ, врядъ ли рѣшился бы заключиться въ эту деревню, или въ подобное мѣсто, потому что взятіе Тилитля и Ахульго сдѣлало его болѣе осторожнымъ и убѣдило, что отъ Русскихъ трудно найти недоступное убѣжище; онъ увѣренъ, что если запрется въ подобное мѣсто, то, рано или поздно, блокада или штурмъ, принудятъ его сдаться или погибнуть. Отъ того-то онъ и не защищался въ Черкеѣ. Шамиль самъ говорилъ мюридамъ своимъ, что никогда не будетъ держаться въ такомъ мѣстѣ, которое Русскіе будутъ осаждать или брать приступомъ.

Жители Ругджаба встрѣтили нашихъ слишкомъ враждебнымъ образомъ: мужчины — ругали, женщины — плевали, дѣти — бросали камнями.

Послѣ отдыха въ этомъ селеніи, который конвойные сочли нужнымъ не для плѣнныхъ, а для своихъ лошадей, наши продолжали путь. Дорога, ровная, удобная и для орудій, вела на отлогую гору, одну изъ самыхъ высокихъ. На вершинѣ ея температура воздуха весьма различна съ температурою долины. Наши страдальцы почувствовали вдругъ нестерпимый холодъ и шли по колѣно въ снѣгу. Съ этого мѣста до Тилитля они спускались подъ гору, прошли въ день около 50-ти верстъ и, поздно вечеромъ, прибыли въ эту деревню.

Тилитль замѣчательнъ въ топографіи по горѣ того же имени, называемой иначе Чемонадомъ. Это одинъ изъ самыхъ неприступныхъ песковъ, покрытый всегда снѣгомъ. Аулъ имѣлъ въ то время около 300 домовъ, изъ которыхъ многіе находились въ развалинахъ, напоминая посѣщеніе Русскихъ въ 1837 году. Онъ построенъ на неровной пока-

тости окружающих его съ сѣвера и востока горъ, а съ южной стороны имѣеть глубокое ущелье. Позднее время ночи и значительный холодъ были, вѣроятно, причиною, что наши вошли въ аулъ не встрѣченные жителями и спокойно провели ночь.

Съ разсвѣтомъ 26-го, по отлогой горѣ и ущелью, они спустились на равнину Голотля, лежащую въ 8-ми верстахъ отъ Тилитля. Дорога ровная, но узкая, разработанная Русскими въ 1837 году; съ правой стороны ея тянется цѣпь высокихъ горъ, съ лѣвой — овраги.

Въ Голотлѣ, противъ Хунзахскаго спуска, находился довольно сильный караулъ горцевъ; а на противоположной вершинѣ обрывистой горы стоялъ русскій Ахмедь-Ханскій караулъ, наблюдавшій, съ своей стороны, за Голотлемъ и за горцами. Вѣроятно, онъ видѣлъ слѣдованіе толпы, сопровождавшей несчастныхъ соотечественниковъ, не зная, что они въ ней находятся. Сильно забились сердца плѣнныхъ при видѣ этихъ сторожевыхъ: они ожидали помощи и имъ уже казалось, что будто караулъ готовится выручить ихъ; но это была лишь обманчивая мечта. Здѣсь конвой увеличился и страдальцамъ строго запретили смотрѣть на Хунзахскую гору, гдѣ стоялъ русскій караулъ. Почти бѣгомъ наши принуждены были удалиться.

Пройдя Голотль и текущую близъ него Аварское Койсу по деревянному, хорошо устроенному мосту, а также завалы изъ камня, наши слѣдовали вверхъ по лѣвому берегу рѣчки. Здѣсь къ узкой долини примыкаетъ цѣпь горъ, подъ названіемъ Толо-Кори, на которыя, верстахъ въ 10-ти отъ Голотля, они поднялись по узкой тропинкѣ, во многихъ мѣстахъ прорѣзавшейся узкими, но глубокими провалами, проходимыми по каменнымъ, положеннымъ поперегъ плитамъ. Безпрестанно приходилось то подниматься, то спускаться; лошади и ослы съ трудомъ двигались. Пройдя часть Гидатлинскаго общества, плѣнные переправились черезъ быструю рѣчку, повернули вправо, оставивъ Аварскую-Койсу позади себя; потомъ шли по ущелью и, наконецъ, вечеромъ, достигли селенія Батлуха, находящагося въ 35 или 40 верстахъ отъ Тилитля *) и въ 30-ти верстахъ отъ Хун-

*) По другому показанію, отъ Тилитля до Батлуха шли не менѣе 50 в.

заха. Селеніе это — дворовъ во 100 — лежитъ у подошвы одной изъ скалъ, круто опоясывающихъ почти всю Аварію, сперва вдоль Аварской-Койсу, потомъ мимо Аухвахскаго и Каратинскаго обществъ. На ночлегъ узниковъ, измученныхъ трудною дорогою, усталостью и голодомъ, заперли въ сарай, въ которомъ они всю ночь дрожали отъ холода.

На другой день, 27-го, варвары-горпы, мало заботясь о положеніи плѣнныхъ, не смотря на совершенную ихъ усталость, принудили несчастныхъ идти далѣе. Дорога тянулась по ущелью, образуемому хребтомъ Толо-Кори, вверхъ по лѣвому берегу незначительнаго ручья. Перейдя хребетъ Ауховскихъ горъ, покрытый снѣгомъ, и сдѣлавъ около 30-ти верстъ, черезъ нѣсколько деревень, лежавшихъ на пути, наши, съ закатомъ солнца, прибыли въ Аухвахъ, отъ котораго все общество носитъ наименованіе свое. Это аулъ, домовъ въ двѣсти, лежащій на правомъ берегу рѣчки, втекающей въ Андійское-Койсу, у подножія возвышающихся къ сѣверо-востоку горъ; глубокій оврагъ раздѣляетъ его на двѣ части. Трудно описать и съ чѣмъ нибудь сравнить бѣдность здѣшнихъ жителей. Вся одежда ихъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, состоитъ изъ длинной, толстой, шерстяной рубашки и накинутой на нее бараньей шубы. Аухвахцы говорятъ на языкѣ, который совершенно не похожъ ни на языкъ другихъ племенъ, ни на аварскій — господствующій во всемъ Дагестанѣ *). Они не похожи и по наружности на другихъ горцевъ, будучи бѣлокуры и рыжеволосы.

Узнавъ о прибытіи плѣнныхъ, жители сбѣжались со всѣхъ сторонъ, чтобъ посмотреть на нихъ. Одна изъ женщинъ подошла къ князю Орбельяну и спросила его по-грузински: «не Грузинъ ли онъ?» На утвердительный отвѣтъ, женщина со слезами разсказала, что и она Грузинка, уведена въ плѣнъ изъ кахетинской деревни Артана и отдана за-мужъ за русскаго бѣглаго солдата, уже 15 лѣтъ здѣсь проживающаго. Вечеромъ же пришелъ къ плѣннымъ старикъ, также бѣглый солдатъ изъ Дербента, еще при Зубовѣ оставившій ряды свои. Онъ подвелъ къ Орбельяну сына своего и хва-

*) Вообще, каждое племя горцевъ имѣеть свое особое нарѣчіе, но большею частію они говорятъ и по-арабски.

лилъ его, какъ ухорскаго молодца, который, за хорошія деньги, можетъ его скрыть и доставить въ Хунзахъ, если только князь успѣетъ бѣжать отъ караульныхъ и придетъ на такую-то мельницу, которую онъ тутъ же указалъ. Какъ не попытаться? Надежда освободиться прельстила Орбельяна, и несчастный приготовился бѣжать; но Лезгины узнали о такомъ намѣреніи и сковали ему ноги кандалами.

Этотъ солдатъ, — по словамъ другаго участника бѣдствія, — былъ не бѣглый, а плѣнный, взятый горцами во время покоренія графомъ Зубовымъ Дербента. Онъ принялъ магометанскую вѣру или, лучше сказать, позабылъ свою, женился и имѣлъ трехъ сыновей, которыхъ, какъ увѣрялъ, для того не женилъ, чтобы не затруднить себя въ переселеніи ихъ въ Россію, когда русскія войска займутъ Аухвахъ, чего онъ и его земляки ожидаютъ со дня на день. Наши страдальцы похвалили патріотизмъ почтеннаго старика и подтвердили, что предположеніе его непременно сбудется. Онъ, между прочимъ, также рассказывалъ, что партія бѣглыхъ русскихъ солдатъ, простиравшаяся человекъ до 100, съ барабаннымъ боемъ и пѣснями проходили нѣ то время изъ деревни въ деревню, прославляя щедрость и гостепріимство Шамяля, который приказалъ деревенскимъ старшинамъ удовлетворять всѣ ихъ требованія и угощать на счетъ жителей. Наши не могли узнать, кто начальствовалъ партіей и какихъ полковъ были бѣглецы.

Переночевавъ въ Аухвахѣ, 28-го, нашихъ пустили въ путь. Пройдя верстѣ 5, правымъ берегомъ ручья, по весьма удобной дорогѣ, и миновавъ нѣсколько деревень этого общества, они углубились въ узкое ущелье, которое, мало по малу, раздѣляется на двѣ вѣтви. Конвой повернулъ въ лѣвую отрасль ущелья. Здѣсь находилась одна только дорожка, которая проходила между двумя отвѣсными скалами, отстоящими одна отъ другой сажени на три, и соединенными между собою огромными завалами, въ видѣ крѣпкой стѣны, въ которыхъ пробиты ворота и устроена особенная башня или караульня. Въ ней, во всякое время, находились нѣсколько сторожевыхъ, которые въ этомъ проходѣ могутъ удержать даже большой отрядъ. Войдя въ ворота и поднявшись верстѣ на 5 въ гору, около полудня, наши достигли Караты. Это селеніе, извѣстное своею неприступностью,

имѣетъ до 500 или до 600 домовъ *), лежитъ на горѣ, наклоняющейся къ востоку, и совершенно отдѣлено отъ противоположныхъ Аварскихъ горъ большимъ оврагомъ съ крутыми обрывистыми боками. Селеніе имѣетъ значительный пороховой заводъ. Окрестности плодородны и хорошо обработаны. Противъ Караты, на Аварскихъ горахъ, лежитъ деревня Каратинскаго же общества, взятая и сожженная генераломъ Фези. Каратинцы разобрали плѣнныхъ по домамъ и покормили ихъ, кто какъ могъ. Изъ нихъ многіе бывали въ Тифлисѣ и знали тамъ фамилію Орбельяновъ. Въ Каратѣ Князь встрѣтилъ много несчастныхъ грузинскихъ мальчиковъ, украденныхъ Лезгинами изъ Кахетіи. Увидѣвъ своего соотечественника и вспомнивъ родину, бѣдняжки горько заплакали. Жители Каратинскаго общества говорятъ на боголальскомъ языкѣ, совершенно отличномъ отъ аухвахскаго и отъ аварскаго.

Далѣе, верстѣ 15, дорога была ровная и довольно хороша, но потомъ мѣстность становится гориста и овраги пересѣкаютъ путь. Пройдя ихъ и небольшую равнину, на которыхъ виднѣлось нѣсколько деревень, плѣнные углубились въ ущелье, въ которомъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки, были устроены сильные завалы, а при впаденіи рѣчки въ Андійскій-Койсу лежитъ деревня Инхвали, укрѣпленная такими же завалами; но ее можно было обойти, держась по направленію рѣчки. Отдохнувъ въ Инхвалѣ, наши, по тѣсной и неровной дорогѣ, дошли до Андійскаго-Койсу, текущаго не далѣе верстѣ 4-хъ отъ деревни, и переправились чрезъ него по хорошему деревянному мосту, за которымъ тотчасъ лежитъ деревня Квонхидатль, находящаяся верстахъ въ 10-ти отъ Караты. Она построена на косогорѣ, у подножія утѣистой скалы, возвышающейся съ западной стороны; съ южной и восточной — омывается Андійскимъ-Койсу и только съ сѣвера болѣе открыта. Въ ней выдѣлывается хорошая соль, добываемая жителями изъ соляныхъ родниковъ, текущихъ изъ горъ. Въ Инхвалѣ и Квонхидатлѣ до 300 дворовъ **). Обѣ деревни принадлежатъ Технучальскому

*) По другому участнику плѣна только болѣе 400 домовъ.

***) По другому показанію домовъ въ Инхвалѣ до 150, въ Квонхидатлѣ до 400.

Илл. И. Покровскаго. Новоросск.

БЫСТВО ШАМИЛЯ ИЗЪ КАВАРАДЫ.

Два И. Корзинка

обществу, которое имѣеть также свой собственный языкъ.

29-го, съ разсвѣтомъ, наши продолжали путь къ сѣверо-западу, по теченію Андійскаго-Койсу. Окрестныя, по обѣимъ сторонамъ ея, горы даютъ начало многимъ рѣчкамъ, которыя, по большей части, теряются въ землѣ, не достигая самого Койсу.

Въ разстояніи полуверсты отъ деревни устроены соловарни. Процессъ этого дѣла слѣдующій: землю, изобильную солью, насыпаютъ въ корыта, которыя наполняютъ водою; соль растворяется въ водѣ и, по прошествіи нѣкотораго времени, рассоль сливаютъ и вывариваютъ. Эта соль очень хороша. Судя по обширности завода, можно было полагать, что онъ въ состояніи доставить выдѣлываемаго продукта на всѣ общества, принадлежавшія Шамилю. Этому—то промыслу Квонхидатльцы были обязаны своимъ благосостояніемъ.

Миновавъ соловарни, плѣнные начали удаляться отъ Койсу къ сѣверо-западу и, слѣдуя по теченію незначительнаго ручья, около полудня, прибыли въ Моно. Ауль этотъ лежитъ на правомъ берегу ручья, на равнинѣ, имѣлъ до 150 домовъ *), множество фруктовыхъ садовъ и небольшое количество пахатной земли.

Здѣсь, во время отдыха, подошелъ къ нашимъ какой-то горецъ, желая, какъ онъ говорилъ, посмотрѣть на плѣннаго генерала (такъ обыкновенно называли Снаксарева), и, объявивъ, что онъ бѣглый солдатъ и изъ христіанина сдѣлался не только мусульманиномъ, но даже мюридомъ, не умолчалъ о своей преданности Шамилю, при которомъ служилъ тѣлохранителемъ, и совѣтовалъ послѣдовать его примѣру. Онъ былъ изъ той партіи, о которой рассказывалъ аувахскій старикъ.

Изъ Моно, направляясь къ сѣверу, часа три плѣнные поднимались на гору известковаго свойства, на вершинѣ которой находилась небольшая деревня, изъ 15-ти дворовъ, принадлежавшая къ Андійскому обществу. Оттуда, верстъ около 10-ти, до селенія Анди, они спускались по сѣверной

*) По другому показанію въ Моно находилось около 200 домовъ.

отлогости горы, образующей съ подобною же противоположною отлогостію, ущелье, по которому текутъ собственно Андійская *) и Гогатлинская рѣчки. Къ вечеру наши прибыли къ селенію Анди, гдѣ застали кази-кумыхскихъ аманатовъ, присланныхъ туда Шамилемъ. Между ними были: казикумыхскій правитель Махмудъ-Бекъ, братъ его Джабраиль Аббасъ-Бекъ, сынъ Гаруръ-Бека, мирза Зоко и другіе.

Ауль имѣлъ слишкомъ 800 домовъ, расположенныхъ на неровномъ косогорѣ. Съ южной стороны течетъ небольшая рѣчка, за нею утесистыя скалы; со всѣхъ же прочихъ сторонъ окрестности довольно открыты и позволяютъ видѣть нѣсколько деревень, составляющихъ Андійское общество. Онѣ всѣ находились въ лощинѣ, прорѣзанной глубокими оврагами и окруженной со всѣхъ сторонъ горами.

Жители этого общества, а въ особенности деревни Анди, славились, въ прежніе годы, богатствомъ, хотя никогда не обращали большаго вниманія на земледѣліе. Главнымъ источникомъ ихъ благосостоянія было скотоводство и дѣланіе бурокъ, извѣстныхъ по добротѣ своей въ цѣломъ Кавказѣ. Они сбывали бурки эти по 5, 10 и даже 20 р. за штуку во весь Дагестанъ, въ Тифлисъ и во всю Грузію. Тутъ закупаютъ они, по дешевымъ цѣнамъ, бумажныя матеріи и другіе предметы, необходимые для горцевъ; а потомъ перепродавали ихъ въ Дагестанъ и въ горахъ вдвое и втрое дороже, и этими оборотами снискивали себѣ безбѣдный хлѣбъ и достаточное содержаніе на весь годъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, они улучшали и распространяли овцеводство, какъ первый источникъ своихъ доходовъ. Но, по прекращеніи, въ 1839 году, мирныхъ связей съ Россією, торговля ихъ упала; имъ некуда было сбывать бурокъ; они обѣднѣли и, при запущенномъ земледѣліи, были крайне стѣснены въ средствахъ пропитанія. Сверхъ того, со времени введенія шаріата, Шамиль, не довѣряя имъ, жестоко обращался съ ними и каз-

*) Рѣчка, называемая у насъ Андійскою Койсу, не омываетъ ни одной андійской деревни, и течетъ отъ Андійскаго общества верстахъ въ 30 или 50, а потому названіе это ошибочно. Тушины говорятъ, что она имѣеть начало свое въ горахъ Тушетія, и называютъ ее потому Тушинскою Алазанью.

нилъ до 30-ти знатнѣйшихъ Андійцевъ. Эти событія, въ разсматриваемое время, еще не изгладились изъ памяти туземцевъ: они негодовали и оттого только терпѣли насильственную власть имама, что не имѣли средствъ избавиться отъ ней. Поэтому плѣнные здѣсь были приняты довольно дружески. Въ добродушіи Андійцевъ и желаніи ихъ быть подъ покровительствомъ Россіи наши имѣли случай еще лучше удостовѣриться въ послѣдствіи.

30-го марта плѣнныхъ погнали изъ Андій къ селенію Дарго. Весь переходъ туда удобенъ для провоза всякихъ тяжестей, и даже для слѣдованія артиллеріи. Сперва дорога поднимается версты на 4 вверхъ до гребня Земляныхъ горъ, съ высоты которыхъ взоръ обнимаетъ обширныя пространства чеченскихъ лѣсовъ. Горы покрыты густою травой и на нихъ, въ продолженіе круглаго года, паслись многочисленныя стада крупнаго и мелкаго скота, принадлежавшаго Андійцамъ, Чеченцамъ и Гумбетовцамъ. Пройдя версты 8 или 9 отъ Андій, встрѣчаются на гребнѣ два небольшіе родника; отъ нихъ верстахъ въ трехъ начинается довольно крутой спускъ и продолжается версты двѣ. У подошвы его также выбивается довольно большой ключъ. Отсюда идетъ, между огромными скалами, лѣсистое Даргинское ущелье, гдѣ беретъ начало рѣка Аксай, — по-татарски Агсу, — что значитъ «бѣлая рѣка» и «бѣлая вода.»

Во время отдыха, который плѣнные здѣсь имѣли при источникѣ превосходной воды, одинъ изъ провожавшихъ Андійцевъ, указывая на возвышающуюся, на восточной сторонѣ, не вдалекѣ отъ дороги, гору, покрытую густымъ лѣсомъ, рассказывалъ нашимъ, что внутренность у ней совершенно пуста, и пространство столь огромное, что, въ случаѣ надобности, можетъ вмѣстить въ себѣ овецъ всего Андійскаго общества (до 20,000 головъ), а также и о томъ, что изъ этой пещеры они себѣ добываютъ землю, изъ которой дѣлаютъ порохъ. Общій характеръ и слѣды вулканическихъ произведеній мѣстности, доказываютъ, что эти интересные показанія могутъ быть справедливы.

Слѣдуя по теченію ручья, наши прибыли къ Аксаю, имѣющаго источникъ недалеко отъ мѣста, въ которомъ они перешли рѣку, по устроенному мосту. Пройдя всего по ущелью версты три или четыре, открывается чистая равни-

на. На ней, верстахъ въ 4-хъ отъ переправы чрезъ Аксай, виднѣлась небольшая деревушка. Поэтъ пли отшельникъ, бѣгущій взора людей, не нашелъ бы пріятнѣе убѣжища. Наши почли было этотъ хуторъ жилищемъ какихъ нибудь пастушескихъ семействъ; но каково было ихъ удивленіе, когда они узнали, что это мѣстопробываніе Шамиля — Дарги.

Дарги лежитъ на правомъ берегу и въ разстояніи полверсты отъ рѣчки Аксай. 50 хижинъ, малыхъ, турлучныхъ, построенныхъ безъ всякаго порядка, составляли столицу наследника пророка, и домъ Шамиля не различествовалъ отъ прочихъ. Жители Дарговъ были почти все безъ изъятія абреки, смѣсь всехъ горскихъ народовъ, привлекаемыхъ туда святостію мѣста, а, можетъ быть, и какими-либо честолюбивыми видами. Равнина, на которой лежатъ Дарги, плодородна, засѣяна кукурузою, фасолью и тыквами. Верстахъ въ 4-хъ ниже, на правомъ берегу ущелья, лежатъ Большія Дарги, — ауль, домовъ во 100, далѣе же на сѣверо-востокъ — Боянъ, домовъ въ 200, на сѣверо-западѣ, на лѣвомъ берегу Аксаи и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ рѣчки Цувантери (Цонтверъ), слишкомъ въ 200 домовъ: тамъ жилъ Суайбъ-Мулла, одинъ изъ наибовъ Шамиля, управлявшій Малою Чечнею.

Такимъ образомъ, 31-го марта, часа въ четыре по полудни, плѣнники достигли, наконецъ, мѣста своего заточенія. Все селеніе, мужчины, женщины и дѣти вышли къ нимъ навстрѣчу, воспѣвая, съ обычнымъ припѣвомъ: «ля-илляхэ-иль-аллахъ», благодарственные гимны творцу вселенной, даровавшему Шамилю счастливое овладѣніе Кази-Кумыхомъ и взятіе въ плѣнъ многихъ невѣрныхъ. Не доходя до дома Шамиля, наши увидѣли, на плоской его крышѣ, нѣсколько женщинъ, покрытыхъ чадрами съ головы до ногъ, и также поющихъ свое божественное «ля-илляхэ-иль-аллахъ.» Это была хозяйка дома съ своими сосѣдками и вевольницами. По приближеніи нашихъ все утихло и все разошлось, не показавъ никакого любопытства, которое могло бы произвестъ появленіе важныхъ плѣнныхъ.

Нашимъ отвели маленькую комнату въ самомъ домѣ Шамиля, родъ гостиной, гдѣ помѣщаются посѣтители. Шамиль обѣщался, что ихъ примутъ хорошо и, дѣйствитель-

но, первая жена его, по имени Патимать, приказала тотчасъ же зарѣзать барана и выпечь пшеничнаго хлѣба.

Хотя, по дошедшимъ слухамъ, наши знали объ образѣ содержанія плѣнныхъ у Шамиля и что у него, въ Даргахъ, есть погребъ, въ которомъ уже три мѣсяца томился несчастный Армянинъ, не имѣвшій столько денегъ, сколько за его освобожденіе требовали; но, по этому приему, плѣнники ожидали, что съ ними намѣрены обходиться человѣколюбиво; однако горько ошиблись. На другой день мюриды повели ихъ за деревню, шаговъ на 80 отъ дома Шамиля. Здѣсь показали темную яму и сказали: «тутъ будете вы сидѣть, пока не пришлютъ сына Шамиля, или пока издохнете, какъ христіанскія свиньи.» Анановъ первый спустился въ яму, за нимъ князь Орбельянъ, а потомъ и всѣ прочіе. Дверь захлопнули. Настала мрачная ночь; наши провели ее безъ сна, съ тѣми же чувствами, какъ осужденные къ погребенію за-живо: имъ представилась ужасная смерть, которой мученія могли продолжаться нѣсколько лѣтъ. На днѣ встрѣтилъ ихъ звукъ цѣпей; тамъ нашли они скованнаго Армянина изъ Кизляра, пойманнаго Чеченцами на дорогѣ между Кизляромъ и Моздокомъ. Прощаясь со всѣмъ, что было драгоценнаго въ мірѣ, узники проклинали злодѣевъ, которыхъ измѣна не дозволила имъ вкусить завидную смерть воина въ битвѣ, съ оружіемъ въ рукахъ.

На другой день горцы отворили дверь подземелья: солнце проглянуло весело, и свѣжесть весенняго воздуха вывела страдальцевъ изъ оцѣпенѣнія. Тогда только они узнали, что всѣ живы и, при дневномъ свѣтѣ, могли вполнѣ оцѣнить свое ужасное жилище.

Яма, сдѣлавшаяся ихъ темницей, имѣла сажень глубины и около полуторы въ длину и ширину, такъ что, ложась спать, несчастные принуждены были класть ноги другъ на друга. Сверху яма была навалена бревнами и наложена землею; теченіе воздуха производилось чрезъ единственное отверстіе, въ которое они спустились; на ночь входъ прикрывался толстыми дверьми, отпиравшимися вертикально, какъ люкъ въ кораблѣ, и запиравшимися на замокъ. Вслѣдъ за нашими привели молодаго Чеченца, обвиненнаго въ смертоубійствѣ. Такимъ образомъ, въ ямѣ было всего 15 чело-вѣкъ, которыхъ нигуда не выпускали, даже для естествен-

ныхъ потребностей. Имъ приносили два раза въ сутки по одному, рѣдко по два, хинкала (куска) варенаго тѣста изъ кукурузы, въ родѣ галушекъ, величиною съ кулакъ, вѣсомъ съ полфунта. Вода же, въ которой они варились, служила заключеннымъ вмѣсто супу, но ея бывало не много. Пища не питательная, безвкусная и только достаточная, чтобъ не умереть съ голода. Сохранивъ у себя немного денегъ, плѣнники снискивали довольство, подкупая своихъ караульныхъ; но и это вскорѣ открылось.

Дня черезъ три *) пріѣхалъ къ нимъ кадій селенія Дарги, по имени Нуръ-Махма, изъ черкеевскихъ выходцевъ. Онъ приказалъ вывести плѣнныхъ изъ ямы, обобралъ все, до послѣдняго платя, и оставилъ въ одѣхъ только рубашкахъ. Увидѣвъ на князѣ Орбельянѣ серебряный образъ Св. Георгія съ мощами, — благословеніе матери, — онъ съ остервененіемъ его сорвалъ, обругалъ и оплевалъ; потомъ содралъ серебро и положилъ въ карманъ, а изображеніе святаго бросилъ въ огонь. Оковавъ Князю и Ананову ноги кандалами, снова всѣхъ заключилъ въ яму. Послѣ этого посѣщенія, плѣнныхъ стали еще хуже кормить, такъ что они терпѣли мучительный голодъ. Наконецъ, чрезъ нѣсколько дней **) возвратился въ Дарги и самъ Шамиль. Плѣнные ждали облегченія своего положенія, но тщетно. Подполковникъ Снаксаревъ нѣсколько разъ просилъ имама о позволеніи писать къ командовавшему въ Сѣверномъ и Нагорномъ Дагестанѣ, но просьбы оставляемы были безъ вниманія. Наконецъ, 18-го апрѣля, долго ожидаемое позволеніе было получено. Шамиль прислалъ къ плѣннымъ бумагу, чернила, и перо, и приказалъ написать правительству, что плѣнные не иначе могутъ получить свободу, какъ если ему возвратятъ за подполковника Снаксарева — сына; за князя Орбельяна — племянника его, взятаго въ Тилитлѣ, въ 1837 году, за прапорщика Ананова — сына Али-Бека, взятаго въ 1839 году въ Ахульго, и за прочихъ — по два плѣнныхъ, взятыхъ въ томъ же селеніи, и что если Русское Правительство на эти условія не согласится, то плѣнные будутъ лишены жизни; равнымъ образомъ, что и всякая

*) По другому показанію — 7-го апрѣля.

**) По тому же показанію — 8-го апрѣля.

попытка къ ихъ освобожденію будетъ стоять также имъ жизни; и, наконецъ, чтобы всѣ письма, присылаемыя къ плѣннымъ или къ нему, были на арабскомъ языкѣ. Узники долго отказывались и снова представляли о несбыточности такого требованія, но, наконецъ, принуждены были повиноваться. Письмо это было отправлено въ Темиръ-Ханъ-Шуру къ генераль-маіору фонъ-Клугенау.

Между тѣмъ Шамиль, желая болѣе укрѣпить темницу, велѣлъ выстроить надъ нею саклю, чрезъ что непосредственное сообщеніе заключенныхъ со свѣжимъ воздухомъ было совершенно отнято и ихъ дыханіе стало стѣсняться. Такимъ образомъ жили плѣнные въ этой ямѣ безъ свѣта, безъ утра и вечера. Легко представить себѣ, какъ они страдали, какъ они задыхались отъ сжатого, испорченнаго воздуха. Только голосъ муллы, призывавшаго жителей селенія къ утренней и вечерней молитвѣ, возвѣщалъ и имъ о новомъ днѣ, о наступленіи ночи. Несчастные слѣдили тщательно за ходомъ времени; приближалось Свѣтлое Христово Воскресеніе. Наступило 19-е апрѣля. Муссеймъ призывалъ правобѣрныхъ къ утреннему намазу. Разбудивъ одинъ другаго, наши встали, совершили теплую молитву, отпѣли: «Христосъ воскресъ», и грустно привѣтствовали другъ друга. Въ воспоминаніяхъ о прошедшемъ прошелъ для нихъ великій день, встрѣченный и проведенный подъ землею.

Но праздникъ этотъ остался для нихъ памятнымъ событіемъ, которое угрожало погребети ихъ навѣки подъ землею. На третій день, 21-го апрѣля, пошелъ снѣгъ, потомъ поднялась ужаснѣйшая буря; построенная небрежно сакля надъ ямою свалилась, закрыла отверстіе и задавила паденіемъ своимъ двухъ караульныхъ; третій, раненый, успѣлъ выскочить и побѣжалъ въ Дарги дать знать о происшествіи. Между тѣмъ плѣнные были въ отчаянномъ положеніи: воздухъ совершенно сперся и ложился камнемъ на грудь, дыханіе становилось съ каждою минутою болѣе и болѣе затруднительнымъ и, наконецъ, сдѣлалось почти невозможнымъ; нѣкоторые изъ нихъ упали въ обморокъ. Еще четверть часа, и они всѣ задохлись бы; но, къ счастью, подошлись жители. Сначала они сочли нужнымъ только поставить новую стражу, вовсе не заботясь объ участи заключенныхъ; однако, наконецъ, около полудня, вспомнили и о

нашихъ, и спасли страдальцевъ отъ самой мучительной смерти. Разгребли отверстіе, вывели ихъ на свѣжій воздухъ и заставили вычистить яму. Тщетно просили плѣнные Шамиля перевести ихъ въ какой-либо сарай или домъ, — ничто не помогло: вечеромъ ихъ погнали опять въ яму, надъ которою выстроили новую, болѣе крѣпкую караульную, окопавъ ее, сверхъ того, рвомъ. На ночь караулъ усиливался; въ ненастную погоду сторожевые входили въ домъ, — обстоятельство, которое помогло потомъ узникамъ при бѣгствѣ.

Чрезъ нѣсколько дней число горцевъ, посѣщавшихъ темницу, увеличилось, и всѣ стали хватать, что къ узникамъ приведутъ новыхъ товарищей. Вскорѣ наши узнали, что Шамиль что-то затѣваетъ противъ Ташкачу, куда онъ и отправился, 30-го апрѣля, съ отрядомъ изъ 1000 всадниковъ; но 4-го мая возвратился изъ неудавшейся экспедиціи. Велѣдъ за тѣмъ получено было увѣдомленіе, что небольшой отрядъ Русскихъ разбитъ при Рачѣ горцевъ, подъ начальствомъ Гаджи-Яги и Абдурахманъ-Дибиря (Карахскаго наиба). По этому Шамиль началъ дѣлать приготовленія къ новой экспедиціи противъ Кази-Кумыхскаго ханства, которое удержать за собою было твердымъ его намѣреніемъ. Сперва онъ приказалъ наибамъ Чечни и Ауха, т. е. ичкеринскому Шумбу, шубутовскому Джавать-Хану, ауховскому Улу-Бею и Большой Чечни — Ахверды-Магомету собрать отборной конницы 500 человекъ. Въ нѣсколько дней она изготовилась и должна была, подъ начальствомъ Ахверды-Магомета, отправиться въ Кази-Кумыхское ханство. По этому случаю помянутые наибы Чечни прибыли въ Дарги и, съ позволенія Шамиля, пришли, въ сопровожденіи тѣлохранителей своихъ, посмотреть на плѣнныхъ. Нашихъ вывели изъ ямы и представили имъ. Такимъ образомъ узники познакомились съ нѣкоторыми изъ сподвижниковъ Шамиля.

Ахверды-Магометъ, мужчина средняго роста, имѣлъ тогда около 40 лѣтъ. Въ чертахъ лица его изображались доброта и хладнокровіе; плотное тѣлосложесіе показывало силу и здоровье. Онъ одѣвался лучше прочихъ чеченскихъ начальниковъ. Въ горахъ и Чечнѣ славилась его мужественная храбрость, неутомимая дѣятельность и удачныя набѣги.

Шуембъ, небольшого роста, лицомъ смугль, съ небольшими рябинками, ловкій во всѣхъ приемахъ и въ особенноти верхомъ. Онъ былъ извѣстенъ какъ человекъ съ хитрымъ и бойкимъ умомъ, какъ отличный рубака, лихой наѣздникъ и искусный предводитель въ бою.

Улу-Бей, молодой человекъ, имѣлъ не болѣе 25-ти, или много, 30 лѣтъ, былъ хорошъ лицомъ и сложениемъ. Смѣлые набѣги и отличная храбрость поставили его въ ряду съ предыдущими; самъ же онъ ставитъ себя выше Шуемба, котораго вообще, какъ можно было замѣтить изъ нѣкоторыхъ выражений, произнесенныхъ въ присутствіи плѣнныхъ, не очень жаловалъ и уважалъ. Какъ Улу-Бей, такъ и Шуембъ имѣли на груди, выше патронниковъ, серебряныя пятиугольныя звѣзды.

Джеватъ-Хана не было съ ними. Онъ страдалъ отъ раны, которая и была, впоследствии, причиною его смерти.

Шуембъ и Улу-Бей ругали передъ узниками Русскихъ, говорили, что Шамиль, взявъ ихъ въ плѣнъ, доберется теперь до Клугенау и до Граббе, а потомъ, если Богъ поможетъ, возьметъ въ Тифлисъ и самого сардаря, истребитъ гяурское войско и приведетъ къ нимъ, на собесѣдничество, въ яму: богатыхъ Армянъ, Грузинъ и Русскихъ. Такая хвастливая выходка сопровождалась общимъ хохотомъ. Ахверды-Магометъ не принималъ участія въ этомъ разговорѣ, но потомъ подошелъ къ князю Орбеляну и Ананову, сѣлъ и пригласилъ ихъ тоже сдѣлать, сказавъ: «За васъ, друзья, Шамиль проситъ сына своего, котораго онъ нѣжно любитъ; онъ надѣется получить его, и потому держитъ васъ въ такомъ мѣстѣ, откуда вамъ трудно бѣжать; а чтобы вы убѣдительно просили и чтобы начальство ваше, зная ваше несчастное положеніе, легче склонилось на его требованіе, онъ скудно кормитъ васъ; но вы—военные и не должны терять твердости духа, терпѣнія и мужества. Богу угодно наказать васъ, и Онъ наказалъ; угодно будетъ Ему спасти васъ, Онъ спасетъ; а потому не унывайте и сохраняйте бодрость душевную. Посмотрите на меня и Шамиля: сколько уже бѣдствій претерпѣли мы, сколько ранъ покрываютъ тѣло наше, сколько разъ мы были въ когтяхъ смерти въ Гимрахъ, въ Тилитлѣ и въ Ахульго! Въ послѣднемъ, видя, что намъ нѣтъ спасенія отъ Русскихъ, мы собрали до 150

человекъ надежнѣйшихъ мюридовъ, взяли семейство Шамиля, состоявшее изъ двухъ женъ и двухъ сыновей, изъ которыхъ одинъ былъ раненый, третій, старшій *), переданъ былъ уже генералу Граббе, — спустили другъ друга на веревкахъ по ужаснымъ скалистымъ обрывамъ на берегъ Койсу и, съ пашками въ рукахъ, бросились на вашу цѣпь. Бой былъ отчаянный. Одна изъ женъ имама убита и брошена тутъ на мѣстѣ; другой сынъ раненъ картечью; мы взяли обоихъ на плечи и, наконецъ, пробились, оставивъ изъ 150 человекъ 95 убитыми. Мало ли мы испытали горя и не отъ однихъ только Русскихъ, но даже отъ своихъ мусульманъ, противившихся принять и исполнять шаріатъ? Но твердо и мужественно преодолевали мы всѣ бѣдствія, и теперь, какъ видите, находимся въ лучшемъ положеніи. Богъ великъ! Никто не знаетъ, что еще предстоитъ намъ. Да будетъ Его воля, безъ которой ничего не дѣлается! Такъ и вы теперь въ несчастіи, но, дастъ Богъ, оно пройдетъ, и вы будете наслаждаться новымъ счастьемъ.»

Такой образъ дикаго горца и эти простыя, утѣшительныя слова въ устахъ Ахверды-Магомета глубоко поразили и тронули узниковъ. Они поблагодарили наиба за участіе и стали просить его исходатайствовать у Шамиля облегченія своей участи. «Если Шамиль, — сказалъ ему князь Орбелянъ, — держалъ насъ прежде худо, съ тѣмъ, чтобы мы лучше описали свою мучительную неволю, и тѣмъ скорѣе убѣдили начальство выдать ему сына и прочихъ, то зачѣмъ онъ теперь, когда уже отправлено это прошеніе, не облегчитъ нашего положенія? Если онъ боится бѣгства нашего и не хочетъ вывести изъ ямы, то пусть, по крайней мѣрѣ, не моритъ съ голода. Мы не просимъ лучшей пищи, а только хоть немного побольше. Развѣ такъ Русскіе содержатъ вашихъ плѣнныхъ? Имъ отпускается, смотря по званію и достоинству ихъ, достаточное содержаніе, такъ, что они ни въ чемъ не терпятъ нужды.»

«Знаю, любезный, знаю хорошо!» — сказалъ Ахверды-Магометъ, и обѣщалъ просить Шамиля прибавить плѣннымъ ханкаловъ.

*) Джемаль-Элдинъ.

Но, вѣрно, Шамиль не согласился: просьба узниковъ не исполнилась и положеніе не измѣнилось.

Впрочемъ, Ахверды-Магометъ ни на однихъ только словахъ показалъ душевную доброту свою. При прощаніи съ нашими, онъ, съ позволенія Шамиля, далъ князю Орбельяну и Апанову по одному рублю серебромъ. Узниковъ мучилъ голодъ, и они приняли съ признательностію подарокъ наибо. Въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, эти два рубля были имъ дороже двухъ тысячъ въ другое время. Какъ радовались страдальцы деньгамъ, въ надеждѣ подкрѣпить себя и товарищей лучшею пищею! Но напрасная радость! Гнусные караульщики, взявъ рубли, спрятали ихъ и, въ замѣнъ, бросили въ яму десять небольшихъ лепешекъ изъ кукурузы, съ кускомъ свѣчнаго сала. Тщетно плѣнные умоляли ихъ купить сколько-нибудь мяса; горцы и слушать не хотѣли. Обманутое ожиданіе, голодъ и негодованіе страшно терзали тѣло и душу.

На другой день Ахверды-Магометъ выступилъ съ Чеченскою конницею, и заключенные уже не видались съ наибомъ до возвращенія его изъ Иггалинскаго дѣла, гдѣ онъ снова отличился.

Пріѣзжали въ темницу и прочіе наобы, какъ-то: Андійскій кадій, *Абакаръ-Дибиръ*, *Гаджи-Муратъ*, *Сурхай*, *Кибитъ-Магома* и проч.

Въ половинѣ мая, горцы двинулись къ Кази-Кумыху; за ними (14-го мая) выѣхалъ туда же и самъ Шамиль, оставивъ Чечню въ распоряженіи Шуемба и Улу-Бея*), на которыхъ онъ надѣялся, какъ на самого себя, съ приказаніемъ, въ случаѣ какой-либо опасности, плѣнныхъ офицеровъ увести въ Анди, а прочихъ — убить.

23-го мая, заключенные въ первый разъ слышали, что собирается русскій отрядъ для экспедиціи въ Чечню, а по дорогѣ въ Дарги жители строятъ завалы. 28-го послышались выстрѣлы изъ орудій; 30-го всѣ семейства изъ Дарговъ стали уходить въ лѣса и горы, а мужчины, способные носить оружіе, — куда призывала ихъ обязанность.

*) По другому показанію Нуръ-Магома Кадія, — черкесскаго абрека.

1-го іюня, генераль Грabbе вступилъ въ Ичкеринскіе лѣса. Съ каждымъ днемъ гулъ пальбы доходилъ явственнѣе до плѣнныхъ; казалось, что лучъ свободы озаряетъ уже темницу ихъ; но скоро потеряли узники надежду увидѣть Русскихъ въ с. Даргахъ. Молодой Чеченецъ, сидѣвшій съ ними за смертоубійство, получалъ отъ своей сестры, которая, три раза въ день, приходила къ нему съ кушаньемъ, подробныя извѣстія о ходѣ дѣлъ и о разныхъ случаяхъ. Отъ него узнавали наши обо всемъ. Онъ за себя и за нихъ душевно сожалѣлъ, что Русскіе пошли по непроходимымъ и безводнымъ лѣсамъ, и говорилъ, что если бы наши войска пошли къ сел. Баяни, по дорогѣ нѣсколько уже разработанной, то успѣли бы въ своемъ предпріятіи, что тогда онъ, вмѣстѣ съ ними, бѣжалъ бы, указалъ дорогу и всѣ спаслись бы; но что теперь на это онъ не можетъ рѣшиться, потому что, можно навѣрно сказать, Русскіе не достигнутъ Дарговъ; Шамиль возвратится изъ Кази-Кумыха, сдѣлается снова обладателемъ Чечни, и тогда семейство его — родители, братья и сестры падутъ жертвами за его бѣгство.

Шуембъ и Улу-Бей встрѣтили генерала Грabbе съ Ичкеринцами и Ауховцами; прочіе не успѣли, или не хотѣли участвовать; наши плѣнные сами видѣли до 100 человекъ Андійцевъ, спокойно остававшихся въ Даргахъ. Оба наоба непрерывно посылали къ семейству Шамиля съ просьбою переселиться въ Анди, или въ дальнѣйшія горы Дагестана; они приказывали сказать, что будутъ защищаться до послѣдняго издыханія, что Русскимъ нѣтъ почти возможности дойти до Дарговъ, но что, при всемъ томъ, нельзя совершенно ручаться за безопасность, потому что генераль Грabbе, если захочетъ, настоятъ на своемъ, не смотря ни на какую потерю. Это было общее мнѣніе горцевъ о генералѣ Грabbѣ, и убѣжденіе это такъ пугало Чеченцевъ, что они, хотя и полагали невозможнымъ для Русскихъ, когда бы ни было, дойти по этой дорогѣ до Дарговъ, однако спѣшили переселиться въ безопаснѣйшія мѣста. Семейство Шамиля, со всемъ имуществомъ его, переѣхало въ Анди.

Послѣ этого отъѣзда*), собрались мюриды въ домъ надъ

*) По другому показанію — 1-го іюня.

ямою и начали совѣтоваться, что дѣлать съ плѣнными теперь, когда Русскіе подходят и каждый долженъ думать о собственной безопасности. «Что дѣлать?—закричалъ двоюродный братъ Шамиля, Гимринскій абрекъ Ибрагимъ, — Русскіе же бьютъ теперь нашихъ мусульманъ; убьемъ же и мы единовѣрцевъ ихъ, плѣнныхъ свиней нашихъ; этимъ отомстимъ за братьевъ нашихъ, сдѣлаемъ богоугодное дѣло и спасемъ души наши.» Узники все это слышали, также какъ и то, что Даргинскій кадій приказалъ мюридамъ приготовить оружіе и выводить ихъ по одиначкѣ. Последнее исполнено; несчастные были ужъ наверху, со связанными руками. Казалось, настала послѣдняя минута ихъ жизни. Но еще разъ смерть ихъ миновала.

Къ счастью, въ это время, подошелъ къ мюридамъ, рѣшившимъ участь узниковъ, одинъ изъ кази-кумыхскихъ бѣглецовъ. Услышавъ о такомъ намѣреніи, онъ представилъ горцамъ, что не зачѣмъ убивать Русскихъ, а лучше дать голымъ богомольцамъ по штукѣ бумажнаго холста *), и они отвѣдуть плѣнныхъ въ Анди и дальше, что Шамиль, если захочетъ ихъ продать, получить, по крайней мѣрѣ, въ 10 разъ болѣе. Мюриды убѣдились его совѣтами, приказали вывести нашихъ изъ ямы и отправили съ богомольцами въ селеніе Анди. Выйдя на воздухъ, страдальцы своими глазами

*) Этотъ разноцвѣтный холстъ привозится въ горы изъ разныхъ сторонъ: изъ Джаро-Бѣлоканскаго уѣзда, черезъ Анкраальцевъ; изъ Тифлиса — вывозятъ его Казии-Кумыхцы и Чохцы; Акушинцы и Цудахаринцы доставляютъ его изъ Дербента; Ахтинцы, Рутульцы и проч. изъ Кубы, черезъ жидовъ; Аварія, Гумбетъ и Койсубу изъ Темиръ-Ханъ-Шуры. Въ Чечню привозятъ его, тайкомъ, мирные жители Кумыхскихъ владѣній; туда же доставляется этотъ предметъ изъ Внезапной, Аксая, Грозной и Владакавказа. Штука такого холста продается по одному рублю серебромъ; онъ въ большемъ употребленіи, потому что, по шаріату, не дозволяется носить шелкъ. Умный Шафи *), къ сектѣ котораго принадлежатъ весь Дагестанъ, чтобы отклонить горцевъ отъ всѣхъ предметовъ роскоши, постановилъ, что употребленіе шелка и золота на платье и оружіе есть величайшій грѣхъ, даже запретилъ послѣдователямъ своимъ имѣть вдругъ всю новую одежду.

*) Сунниты, какъ извѣстно, раздѣляются на четыре секты: Шафи, Анафи, Малаки, Алали. Дагестанцы принадлежатъ къ первой.

видѣли облако надъ Ичкеринскими лѣсами; пушечные выстрѣлы были ясно слышны, ружейная пальба сливалась въ одинъ гулъ.

По дорогѣ въ Анди, наши встрѣчали множество всадниковъ, шедшихъ на помощь сражавшимся въ Ичкеринскомъ лѣсу. Необходимость перемѣнять конвойныхъ заставило переходить черезъ нѣсколько деревень, и тутъ наши удостовѣрились въ хорошемъ расположеніи Андійцевъ къ Русскимъ, о которомъ мы говорили. Вездѣ плѣнныхъ встрѣчали съ особенными признаками сожалѣнія и подавали хлѣбъ, въ которомъ наши нуждались. Въ Анди офицеры помѣщены были въ хорошемъ домѣ, а прочіе — въ подобномъ даргинскому погребѣ. Жители этого селенія, за исключеніемъ челоуѣкъ тридцати, самыхъ отчаянныхъ мюридовъ, всѣ радостно ожидали прибытія Русскихъ, но также мало надѣялись, что генералу Граббе удастся проникнуть до Дарговъ и черезъ горы, по взятому имъ направленію. Противъ имама они были скованы страхомъ и не смѣли ничего предпринять, но ожидали прибытія Русскихъ, чтобъ свергнуть ненавистное иго и поправить собственное свое положеніе. Узнавъ объ отступленіи генерала Граббе, многіе пришли къ плѣннымъ и печально сказали: «мы ожидали вашихъ и встрѣтили бы, вмѣстѣ съ вами, Русскихъ съ хлѣбомъ и солью; обстоятельства благопріятствовали: Шамиля здѣсь нѣтъ, и никто не препятствовалъ бы намъ. На насъ генералъ не могъ достовѣрно полагаться: дѣйствительно, дойди Русскіе хоть до Дарговъ, мы вышли бы къ нимъ на встрѣчу, какъ пріятели; но кто могъ ручаться имъ за это? Вѣдь мы также могли въ страшномъ ущельѣ, идущемъ отъ Дарговъ къ хребту, встрѣтить ихъ съ оружіемъ въ рукахъ, и тогда они утонули бы въ собственной своей крови; положимъ даже, что, потерявъ своихъ тысячъ пять, вы успѣли бы занять ущелье; къ тому времени подоспѣлъ бы Шамиль и спустился бы на васъ съ гребня горъ, а сзади васъ собрались бы Чеченцы, и тогда вы легли бы на мѣстѣ до послѣдняго, и не осталось бы живой души увѣдомить о вашей гибели. Вамъ бы слѣдовало итти изъ Черкея черезъ Данухъ, Аргуани и Мехельту; вы не встрѣтили бы тамъ большихъ препятствій ни отъ жителей, ни отъ природы. Дарги и Чечня покорились бы вамъ безъ большаго сопротивленія.»

Слова эти глубоко вѣзались въ память князя Орбельяна, и потому, въ послѣдствіи, во время бѣгства своего и нахождения въ Гумбетѣ, и, наконецъ, при освобожденіи, онъ разсматривалъ, со всѣмъ вниманіемъ, дороги и мѣстность, и убѣдился, что Гумбетомъ и Андією легко овладѣть; что Чечня не можетъ держаться, когда наши изъ Андіи стремятся въ нее съ гребня горъ, что Тлохъ, часть Технучальскаго общества, Карата, Аухвахъ и Ботлухъ, все пространство до лѣваго берега Аварской Койсу, покорится; а укрѣпивъ тогда, безъ большихъ усилій, важнѣйшія мѣста, мы можемъ стать въ Дагестанскихъ горахъ твердою ногою.

Объ отступленіи генерала Граббе изъ Ичкеринскихъ лѣсовъ плѣнные услышали уже въ Андіи, а потомъ убѣдились въ немъ изъ множества отличныхъ лошадей и разной менѣе важной добычи, доставшейся Андійцамъ. Однакожъ, и со стороны горцевъ, потеря была очень чувствительна: по собственнымъ ихъ словамъ, они лишились до 600 человѣкъ.

6 го іюня, плѣнныхъ опять пригнали въ Дарги, снова засадили въ прежнюю яму; черезъ день, 8-го, прибылъ и самъ Шамиль, спѣша на помощь Чечнѣ и семейству своему, полагая ихъ все еще въ опасности. Не заставъ Русскихъ, онъ сначала показывалъ какъ-бы неудовольствіе за то, что отвлекли его отъ кази-кумыхскихъ дѣлъ, гдѣ, какъ онъ говорилъ, ставъ въ тылу Русскихъ, лишилъ бы ихъ всякой возможности получать подвозы и выморилъ бы голодомъ. Но скоро досада имама прошла, и онъ чрезвычайно ласково принялъ наибовъ Шумба и Улу-Бея, коимъ, за храбрость и мужественное отраженіе Русскихъ, въ кровавомъ Ичкеринскомъ дѣлѣ, подарилъ два нашихъ знамени, доставшіяся ему въ Кази-Кумыхъ отъ жены Асланъ-Хана, которому пожалованы они были графомъ Паскевичемъ—Эриванскимъ за удержаніе въ спокойствіи всего Дагестана во время Персидской войны.

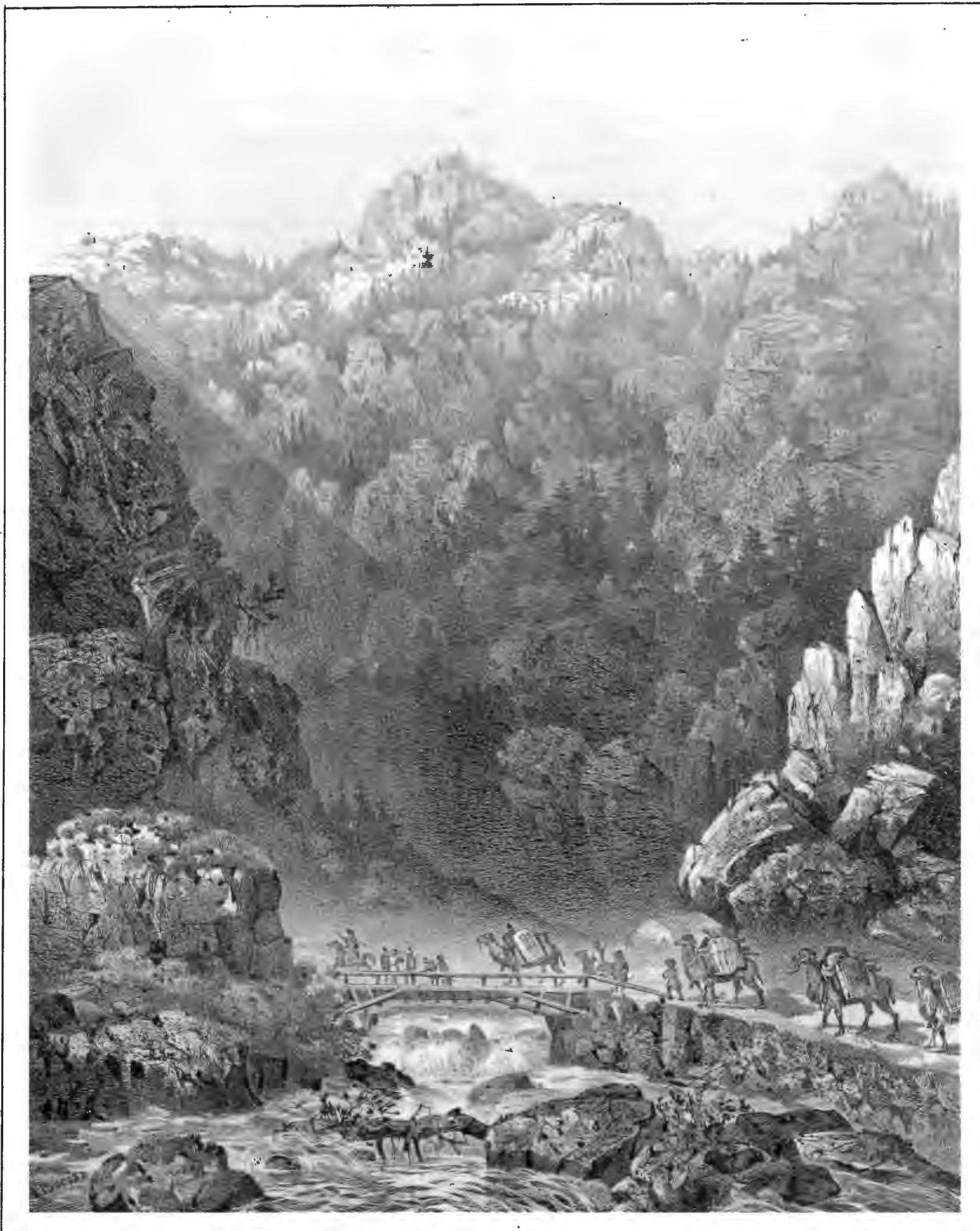
Между тѣмъ, положеніе узниковъ становилось со дня на день тягостнѣе; истощенные голодомъ и убійственнымъ воздухомъ, они чувствовали крайнее изнеможеніе силъ и неминуемую гибель. Получаемыя извѣстія, касательно размѣ-

на *), не заключали ничего надежнаго. Узнавъ при этомъ, что надзиратель, опасаясь за жизнь подполковника Снаксаева, бывшаго тогда очень слабымъ, намѣревался оставлять его наверху, прикованнаго на цѣпи, узники рѣшились, во что бы ни стало, привести въ исполненіе давнее намѣреніе свое — спастись бѣгствомъ, или умереть, и дѣятельно стали изыскивать къ тому способы. Къ счастью, молодого Чеченца, содержавшагося съ ними, уже не было при возвращеніи ихъ изъ Андіи: на его участіе или молчаніе нельзя было надѣяться.

Для того, чтобы выдти изъ ямы, представлялось одно только средство — прорыться въ боковой стѣнѣ. Благословясь, наши принялись за работу. На возвратномъ пути изъ Андіи, они нашли на дорогѣ сухую, крѣпкую и заостренную палку и, украдкой отъ караульныхъ, принесли ее съ собою въ яму, гдѣ спрятали, воткнувъ въ потолокъ. Съ помощію этой палки, они врылись въ стѣну; работа шла безъ помѣхи довольно успѣшно. Вырытую землю раскидывали подъ себя на днѣ ямы. Черезъ нѣсколько дней, въ стѣнѣ прорытъ былъ проходъ, въ полтора или два аршина въ длину и такой вышины, что можно было ползкомъ пробраться черезъ него. Между ними и свободой остался небольшой только простѣнокъ. Но чтобъ караульные, осматривавшіе иногда яму, не замѣтили внутренняго отверстія въ стѣнѣ, они сдѣлали переплетъ изъ сучьевъ и вѣтвей, на которыхъ спалъ Чеченецъ, вставили его въ отверстіе и покрыли смазкою, которую приготовили изъ вырытой земли и воды, отпускаящейся для питья.

Оставалось согласиться, какъ и куда бѣжать до русскихъ гарнизоновъ. Тутъ вышло между ними несогласіе: нѣкоторые рѣшились направиться къ Герзель-Аулу, другіе — къ Внезапной; а князь Орбельянъ — предпочиталъ для себя дальнюю и окружную дорогу, черезъ Андійскія и Гумбетовскія горы, въ Черкей, разсчитывая, что горцы, узнавъ о

*) Во все продолженіе плѣна, генералъ Кюге-фонъ-Клугенау не переставалъ заботиться о страдальцахъ; письма его услаждали горестъ ихъ положенія, и хотя присылаемыми пособіями наши не могли пользоваться, потому что все доставлялось въ руки Шамилю, но, тѣмъ не менѣе, старанію генерала они обязаны были свободой.

Илл. Г. Подковника Новоселова.

Печ. И. Корелина.

ВИДЪ ДАРЬЯЛЬСКАГО УЩЕЛЬЯ.

1842.

бѣгствѣ, скорѣе всего бросятся на первыя двѣ дороги, какъ на кратчайшіе пути къ русскимъ крѣпостямъ. Такимъ образомъ, узники раздѣлились на три пути. Къ князю Орбеляну пристали рядовой Загорскій и донской казакъ Головановъ. За направленіе къ Гергель-аулу стоялъ Анановъ. Къ нему присоединились: подполковникъ Снаксаревъ съ своими двумя служителями, два казака, Армянинъ и Грузинъ. Казакъ Щедринъ, съ двумя другими казаками, брали направленіе къ Внезапной. Согласившись въ этомъ, бросили жребій, кому первому выйти изъ ямы. Жребій палъ на князя Орбеляна и его партію. Все было готово, ждали только удобнаго случая.

Настала ночь, 22-го іюня, темная, бурная, дождливая. Узники слышали, какъ надъ ними капало съ крыши, какъ сторожевые, съ ругательствами, укрывались въ караульнѣ отъ дождя. Это время казалось благопріятнымъ. Общими силами принялись дорывать остальную землю и, къ полуночи, наружное отверстіе было пробито, свѣжій воздухъ дунулъ въ лице. Страдальцы простились, благословили другъ друга на столь опасное предпріятіе, перекрестились и начали выходить.

На одной ногѣ раздвинулъ князь Орбелянъ кольцо, снялъ кандалы съ нея и прикрѣпилъ къ другой ногѣ, которую невозможно было освободить отъ цѣпи безъ ключа, или другихъ инструментовъ. Вся одежда на немъ состояла изъ прорванной рубашки, исподняго платья и плохихъ сапоговъ. Выйдя изъ ямы и пройдя Дарги, эта партія пошла по Андійскому ущелью и, принявъ потомъ немного влѣво, вступила въ дремучій лѣсъ. У каждаго изъ бѣглецовъ было не болѣе, какъ по два хинкала; но, непрерывно спотыкаясь и падая, переходя ужаснѣйшіе овраги и пропасти, они скоро растеряли весь этотъ скудный запасъ пищи. Между тѣмъ, дождь лилъ ливнемъ, въ лѣсу обняла ихъ такая темнота, что не было возможности видѣть на шагъ передъ собой. Остановились.

Съ разсвѣтомъ снова поднялись и направились на востокъ. Шли безъ дороги, то взбираясь по крутымъ подъемамъ, то сползая по обрывистымъ спускамъ; иногда принуждены были цѣпляться за вѣтви деревьевъ, раскачиваться и соскакивать на дно оврага или пропасти, а оттуда, опять по деревьямъ, сучьямъ и вѣтвямъ, подниматься вверхъ. Это из-

мучило бѣглецовъ до крайности. Каждая четверть часа, они должны были останавливаться для отдыха. Послѣ полудня (23-го), пошелъ въ горахъ сильный градъ и поднялась страшная вьюга. Голодъ, стужа и усталость довели страдалцевъ до совершеннаго изнеможенія. Они бросились на землю; настала вечеръ и съ нимъ ужасная темнота, которая заставила ихъ провести и ночь на томъ же мѣстѣ.

На другой день, они продолжали бѣгство, направляясь постоянно на востокъ и придерживаясь Андійскаго хребта. Голодъ мучилъ ихъ; утолить его было нечѣмъ. Принялись ѣсть траву, а иногда попадалась горькая, полусгнившая черемша; съ жадностію ѣли ее, но горло стало сохнуть и пухнуть; скоро открылось воспаленіе, которое мѣшало даже глотать воду. Кое-какъ дотащились до Мехельтской дороги, идущей изъ Андій, спустились оттуда внизъ къ Ауховскимъ лѣсамъ и рѣкѣ Яманъ-Су. Подходя къ ней, они вдругъ увидѣли, въ близкомъ разстояніи, стадо, которое пасли четыре мальчика. Скрыться отъ нихъ было уже нельзя, а потому страдальцы подошли къ пастухамъ и, послѣ обычныхъ привѣтствій, сказали, что они плѣнные солдаты и находятся у Ташовъ-Аджія; что въ Андійскихъ горахъ пасли лошадей его, которыя разбѣжались и, какъ говорятъ, будто эти лошади находятся теперь въ деревнѣ Альмакъ, то и идутъ туда ихъ отыскивать. Мальчики дали имъ нѣсколько хинкаловъ. Съ большимъ трудомъ и болью, страдальцы не много утолили голодъ, мучившій ихъ, и пошли далѣе, какъ-будто по дорогѣ въ сказанное селеніе. Этотъ случай сдѣлалъ бѣглецовъ осторожнѣе. Они вооружились хорошею дубинкой, чтобы защищаться въ случаѣ нападенія. Лучше ужъ умереть, — думали они, — защищая себя, чѣмъ лишиться жизни отъ рукъ Шамилева палача; и, сверхъ того, при счастіи и смѣлости, съ дубинами въ рукахъ, они могли всегда справиться съ нѣсколькими горцами. Предосторожность оказалась неизлишнею.

Едва успѣли они выйти изъ виду мальчиковъ, какъ на князя Орбеляна (онъ шелъ впереди) напали два Чеченца, съ кинжалами въ рукахъ. Въ одинъ мигъ представилась Князю опасность его положенія, — всѣ ужасы, ожидавшіе его, если поймутъ и представятъ Шамилю, который предастъ новому мучительнѣйшему заточенію и навсегда разлучитъ

съ родными и отечествомъ; всѣ чувства въ немъ изволновались. Въ ожесточеніи размахнулся Князь дубиною, направляя ударъ въ голову одному изъ Чеченцевъ; но тотъ защитилъ голову рукою, и потомъ оба пустились бѣжать, не обдумавъ, что они вооружены и имѣютъ дѣло съ человѣкомъ, который едва держался на ногахъ. Удалившись отъ Князя, Чеченцы напали на его товарищей, которые стояли въ нѣкоторомъ отдаленіи и, противъ взаимнаго обязательства защищать въ опасности другъ друга, оставались во все время равнодушными зрителями. Чеченцы, безъ труда, переловили ихъ и погнали назадъ *). Замѣтивъ малодушіе товарищей своихъ и разсчитавъ, что нечего надѣяться на ихъ содѣйствіе, князь Орбелянъ пустился бѣжать къ рѣкѣ Яманъ-Су, переправился черезъ нее и, скрывшись изъ вида Чеченцевъ,

*) По другому показанію, дѣло это происходило иначе. Такъ какъ въ немъ изображена дальнѣйшая судьба рядоваго Загорскаго и казака Голованова, то приводимъ это показаніе:

Пастухи, замѣтивъ бѣглецовъ, окружили ихъ со всѣхъ сторонъ. Опасность возвратила нашимъ силы. Князь Орбелянъ соскочилъ въ крутизну и исчезъ въ туманѣ. Загорскій съ казакомъ принялся защищаться имѣвшимися у нихъ палками; но слабое оружіе не устранило враговъ. Головановъ получилъ рану кинжаломъ въ голову, а Загорскій, пользуясь случаемъ, бросился бѣжать. Путаясь въ огромной травѣ, покрывавшей гору, онъ надалъ на каждомъ шагу и, не видя другаго средства добраться до утесистаго берега рѣки Яманъ-су, текущей у подошвы горы, покатился со всѣхъ силъ, и непременно окончилъ бы въ ней страданіе, если бъ его преслѣдователи не примчались, съ неизвѣрною быстротою, и не подхватили его на краю пропасти. Тутъ первымъ ихъ усиліемъ было привести Загорскаго въ чувство отъ обморока: они принялись за палки, до тѣхъ поръ не переставали дѣйствовать, пока ихъ труды не произвели успѣха, можетъ быть, противнаго ихъ ожиданію. Увидѣвъ, что Загорскій живъ, пастухи вывели его на гору, раздѣли до нага, связали руки и ноги и оставили на дождѣ. Страдалецъ пролежалъ въ такомъ состояніи часа два; наконецъ, такія мученія тронули одного присутствовавшего Чеченца, и онъ уговаривалъ своихъ товарищей, Гумбетовцевъ, отдать Загорскому его изорванную одежду, за исключеніемъ шапки, упавшей въ рѣку. Вскорѣ послѣ этого, Загорскаго и казака подняли и велѣли идти, не скупясь ударами на каждомъ шагу, и, такимъ образомъ, ихъ пригнали, въ полномъ смыслѣ слова, предъ вечеромъ, въ Дарги, отстоявшія отъ мѣста поимки, по крайней мѣрѣ, верстъ на 40.

вошелъ въ какую-то пещеру и легъ отдыхать, Собраннымъ съ силами, снова пустился въ дорогу, достигъ, по труднымъ крутизнамъ, послѣдняго отрога Андійскихъ и Гумбетовскихъ горъ и благополучно перебрался черезъ него.

У подъема на Салатавскія горы (около Буртуная) пошелъ опять сильный градъ; хотя онъ не долго продолжался, но князь Орбелянъ продрогъ отъ холода, и какъ въ это время погода прояснилась, то легъ на пригорьѣ, чтобъ отогрѣться на солнцѣ. Дорого стоилъ ему этотъ кратковременный отдыхъ! За пригоркомъ паслось цѣлое стадо барановъ, подъ присмотромъ пятнадцати человѣкъ пастуховъ и нѣсколькихъ собакъ. Князь лежалъ еще, какъ подошли два мальчика и спросили по-лезгински: «кто онъ?» Съ просонка, бѣглецъ не могъ тотчасъ опомниться, не отвѣчалъ ни слова и побѣжалъ въ ближайшій лѣсъ. Мальчики начали кричать, явились остальные пастухи и, тотчасъ же, бросились съ своими собаками. Князь Орбелянъ напрягалъ послѣднія усилія, чтобъ уйти отъ нихъ, но силы отказывались служить. Онъ бѣжалъ по краю обрыва, имѣвшаго до двухъ сажень высоты. Не видя другаго средства къ спасенію, страдалецъ бросился въ оврагъ, съ тою мыслию, что если этотъ отчаянный скачекъ удастся, то онъ спасется, потому что пастухи, навѣрно, не рѣшились бы послѣдовать за нимъ. Но чаша его бѣдствій еще не исполнилась. Соскочивъ въ оврагъ, онъ больно ушибъ ногу, вывихнулъ себѣ правую руку и съль на мѣстѣ, лишившись чувствъ. Горцы обѣжали кругомъ, привели его въ себя и притащили на то мѣсто, гдѣ стояло стадо. Напрасно ихъ увѣрялъ Князь, что онъ бѣглый солдатъ, и старался ввести въ заблужденіе. Пастухи не вѣрили такимъ словамъ, потому что были извѣщены о бѣгствѣ Русскихъ. Шамиль разослалъ за ними всю Ичкерію и даже Большую Чечню *), по направленію къ Грозной. Видя, что первыя представленія не помогаютъ, князь Орбелянъ, наконецъ, предложилъ сто рублей, съ тѣмъ, чтобъ его доставили въ селеніе Черкей. Горцы, по видимому, согласились; ноги несчастнаго узника опухли, какъ отъ паденія, такъ и отъ ходьбы безъ сапоговъ, которыхъ давно уже онъ ли-

*) По первой тревогѣ вышло за бѣглецами въ погоню до 3000 человѣкъ жителей въ разныя стороны.

шился; но твердое убѣжденіе, что приближается къ концу страданій, его ободрило. Не смотря на ночную темноту и дождь, онъ, однако жъ, поднявшись на Мехельтскую гору, замѣтилъ, по мѣстоположенію и направленію горъ, что идутъ не по дорогѣ въ Буртунай. Мѣстность эта осталась въ его памяти еще съ 1841 года, когда они проходили по Салатавскимъ горамъ съ генераломъ Фези. На вопросъ: «куда его ведутъ?» горцы ничего не отвѣчали. Разсвѣло. вмѣсто Черкея, Князь увидѣлъ предъ собою Мехельту. Вдали раздавались пушечныя выстрѣлы. Это генералъ Граббе, возвратившись изъ Ичкеринскихъ лѣсовъ, подступалъ къ селенію Игали, отстоявшему отъ Мехельты всего на шесть или на семь верстъ. Въ другой уже разъ несчастный былъ такъ близокъ къ своимъ и къ спасенію, и въ другой разъ принужденъ былъ удалиться отъ близкаго избавленія. Судьба какъ-бы хотѣла измучить его непрерывными переходами отъ надежды къ новымъ страданіямъ!... Въ Мехельтѣ князя Орбельяна снова сковали и потомъ повели въ Дарги. Здѣсь онъ нашелъ изъ прежнихъ соучастниковъ неволи своей девять человѣкъ: спаслись только подполковникъ Снаксаревъ съ своими двумя служителями и однимъ казакъ.

Бѣгство это было причиною, что Шамиль не участвовалъ въ Игалинскомъ походѣ: онъ слишкомъ былъ озабоченъ мѣрами для поимки. Когда же дошли слухи, что подполковникъ Снаксаревъ вышелъ во Внезапную, и когда князя Орбельяна привели въ Дарги, то Шамиль поѣхалъ къ Игалиямъ; но узнавъ, въ Гагатляхъ, объ отступленіи генерала Граббе, возвратился домой.

Неудавшаяся попытка спастись сдѣлала положеніе нашихъ плѣнныхъ еще ужаснѣе прежняго. Въ первомъ порывѣ гнѣва, Шамиль приказалъ было отрубить всѣмъ имъ головы; но черкеевскіе мюриды представили ему, что бѣглецовъ не зачто убивать, что вѣдь и плѣнные горцы также бѣгають отъ Русскихъ; что, можетъ быть, за нихъ выдадутъ еще сына, или племянника его, или нѣсколько добрыхъ мусульманъ. Шамиль отмѣнилъ приказаніе свое, но предалъ узниковъ столь тягостной неволѣ, что легче было бы умереть отъ рукъ палача. Всѣхъ ихъ вмѣстѣ приковали къ столбу огромною медничною цѣпью, столь тяжелою, что

бѣдняки, не имѣя возможности сдѣлать малѣйшаго движенія, принуждены были неподвижно лежать навзничъ на землѣ. Когда подавали имъ пищу, то подставляли подъ цѣпь особыя деревянныя подпорки, потому что безъ нихъ нельзя было подняться. Если бы страдальцамъ дали полѣно, или камень подъ головы, то и это бы они сочли большимъ одолженіемъ. Но, въ отвѣтъ на такую просьбу, имъ сказали: «вы жаловались на жестокое съ вами обращеніе совершенно несправедливо, когда достало у васъ силы бѣжать; на будущее время, станутъ васъ содержать такъ, чтобы вы были ни живы, ни мертвы.» Варвары сдержали свое слово. Не разъ призывали заключенные смерть, какъ послѣднее благодѣяніе. Мученія, которыя они терпѣли и душой и тѣломъ, были почти невыносимы и произвели вредное вліяніе на здоровье нѣкоторыхъ изъ узниковъ: они начали болѣть разслабленіемъ желудка. Зная, что когда-то Загорскій учился медицинѣ, всѣ обратились къ нему, требуя совѣта. Заброшеннаго своего искусства онъ не могъ бы употребить лучше. Общими силами заключенные стали просить караульныхъ объ исходатайствованіи для Загорскаго позволенія Шамиля собрать нужныхъ травъ, которыхъ онъ надѣялся найти въ окрестностяхъ. Къ счастью, Шамиль согласился. Загорскій нашелъ желаемыя травы, поилъ ими товарищей и, благодаря Бога, они всѣ выздоровѣли.

Въ началѣ августа, Шамиль было отправился въ Кабарду, снисходя на просьбу ея жителей, но возвратился съ дороги, задержанный, какъ слышно было, полноводіемъ Сунжи.

Около этого же времени, пріѣзжалъ въ Дарги Магмедъ-Кадій Согратльскій, съ значительнымъ числомъ Андалаяльскихъ мюридовъ. Шамиль, узнавъ о прибытіи гостей, встрѣтилъ ихъ за домомъ съ такою радостью и признаками дружбы, какіе онъ оказывалъ одному только Шумбу.

Во время постройки русскими войсками укрѣпленія Онсургуль, Шамиль выступилъ изъ Дарговъ въ походъ съ значительными силами, и всѣми мѣрами старался препятствовать его сооруженію. Тамъ онъ, въ первый разъ, употребилъ въ дѣйствіе имѣвшееся у Шумбы-Муллы полевое орудіе, которое наводилъ бѣглый русскій канониръ.

Въ концѣ августа, возвратившись изъ этой экспедиціи, Шамиль началъ думать объ устройствѣ Дарговъ; онъ по-

строилъ себѣ домъ, гораздо обширнѣе и удобнѣе прежняго, и много другихъ зданій. Для работъ употреблялись, большею частію, русскіе мастера (бѣгле солдаты), которыхъ много находилось въ Чечнѣ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ, и нашимъ узникамъ велѣно было принять участіе въ работахъ. Эта перемѣна въ образѣ жизни не могла быть для нихъ не радостною: движеніе и трудъ, даже самый усиленный, гораздо сноснѣе неподвижныхъ страданій, на которыя, до того времени, они были обречены.

Между тѣмъ, продолжались переговоры о вымѣнѣ, начавшіеся въ концѣ іюля. Ожиданіе свободы еще болѣе оживило и поддержало полумертвое существованіе страдальцевъ.

Бѣгство подполковника Снаксарева лишило Шамиля надежды возвратити себѣ сына. Зная, что его не выдадутъ за оставшихся плѣнныхъ, имамъ долго и слышать не хотѣлъ объ ихъ освобожденіи; но потомъ просьбы двухъ хаджіевъ, содержавшихся въ Тифлисѣ въ плѣну: Салатовскаго — *Шамхандара* и Согратльскаго — *Абдурахмана*, и старанія родственниковъ князя Орбеляна склонили его на вымѣнѣ. Въ слѣдствіе этого, Шамиль потребовалъ за князя Орбеляна выдачи помянутыхъ двухъ мюридовъ и, сверхъ того, 11 человекъ, а за остальныхъ — еще 12 горцевъ. Такое требованіе не могло быть удовлетворено. Ему предложили за всѣхъ плѣнныхъ 12 мюридовъ изъ числа находившихся въ Тифлисѣ. Шамиль настаивалъ и, можетъ быть, не уступилъ бы, если бы *добрый* Джемаль-Эддинъ не явился посредникомъ. Узнавъ о затрудненіяхъ, дѣлаемыхъ Шамилемъ, онъ писалъ къ нему, и жестоко упрекалъ ученика своего въ томъ, что, проповѣдуя шаріатъ, самъ не выполняетъ его. Въ шаріатѣ же именно сказано, что за каждаго плѣннаго мулла можно выдать 100 человекъ невѣрныхъ, и потому за двухъ муллъ, содержащихся у Русскихъ, имамъ, безъ дальнѣйшихъ притязаній, можетъ и обязанъ выдать всѣхъ плѣнныхъ.

Между тѣмъ, страданіе и изнеможеніе узниковъ доходило до крайности. Они, съ каждымъ днемъ, болѣе и болѣе ослабѣвали и быстро приближались къ концу мучительнаго ихъ положенія. Родственники помянутыхъ хаджіевъ представили Шамилю, что жизнь заключенныхъ — въ опасности и что съ

ихъ смертію потеряется всякая надежда возвратити изъ плѣна ихъ родственниковъ. Джемаль сдѣлалъ еще болѣе: онъ самъ пріѣхалъ въ Дарги и внушалъ Шамилю наблюдать въ отношеніи узниковъ болѣе кротости, доказывая, что безчеловѣчное обращеніе, — послѣдствіемъ котораго можетъ быть смерть ихъ, — не только не принесетъ ему пользы, но, напротивъ, можетъ побудити Русскихъ къ возмездію; что онъ долженъ брать примѣръ отъ своихъ враговъ въ челоуѣколюбіи и хорошемъ содержаніи горцевъ, попавшихся въ ихъ руки; и что, наконецъ, требуя невозможнаго — возвращенія своего сына, — онъ прерветъ всѣ переговоры и лишитъ себя случая, сходными условіями, осчастливить нѣсколько семействъ, возвращеніемъ отцевъ и братьевъ, попавшихся къ Русскимъ. Столь благоразумные совѣты произвели желанное дѣйствіе, и Шамиль сталъ болѣе уступчивъ. Тогда Джемаль-Эддинъ прислалъ тайно сказать узникамъ, что онъ пріѣхалъ съ намѣреніемъ освободити ихъ и что до исполненія этого не оставитъ Дарговъ. Послѣ того Джемаль-Эддинъ даже не рѣдко самъ бывалъ у плѣнныхъ въ ямѣ, ободрялъ ихъ и ручался, что они будутъ освобождены.

23-го сентября, начался постъ Рамазанъ, а вмѣстѣ съ нимъ сборъ прибывшаго въ Дарги съ разныхъ обществъ народа, для творенія съ имамомъ молитвъ и слушанія его назидательныхъ рѣчей. Толпа рѣдко выходила изъ мечети безъ слезъ, а мюриды даже во снѣ повторяли «лай-лалиль-алла». Наконецъ, заключенные узнали, что столь необыкновенная набожная ревность происходитъ по причинѣ предстоящаго свѣтопреставленія. Не знаемъ, какъ иначе это назвать. Шамиль отыскалъ въ какой-то книгѣ, что, 8-го октября, ночью, будетъ слышанъ съ небесъ гласъ Божій, призывающій праведниковъ на вѣчный райскій пиръ, и что грѣшники не будутъ слышать этого призыва и останутся на землѣ. Видно, и самъ Шамиль приготовлялся совершить этотъ дальній путь; ибо показалъ видъ, что хочетъ помириться съ плѣнными и, какъ-бы въ вознагражденіе за перенесенныя мученія, подарилъ страдальцамъ козу и чашку курузной муки и даже согласился на вымѣнѣ.

Сдѣлавъ такое рѣшеніе, Шамиль выдалъ князя Орбеляна родственникамъ помянутыхъ хаджіевъ, которые обѣщали,

Илл. Г. Подковникъ и Новоселова.

Печ. И. Кордичъ.

ВЗЯТІЕ ШТУРМОМЪ АУЛА ГИМРЫ

ГДЪ КАЗИ. МУЛА БЫЛЪ УБИТЪ.

хорошимъ содержаніемъ у себя, спасти его отъ смерти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ Гумбета, гдѣ они жили, заключить о размѣнѣ окончательныя условія.

Прочіе плѣнные оставались въ Даргахъ. Наступила ожидаемая горцами, со страхомъ и надеждою, ночь, и все, что только жило во всемъ царствѣ шаріата, закричало разными голосами молитву, розданную предварительно всѣмъ правобѣрнымъ, съ приказаніемъ повторять ее нараспѣвъ, во все продолженіе ночи, не засыпая ни на минуту. Вопли женщинъ и дѣтей и изступленный ревъ мюридовъ раздавались по горамъ и лѣсамъ. Это было настоящее свѣтопреставленіе. Узники тоже не спали, потому что то, чего фанатики ожидали съ трепетомъ, у нихъ совершалось: коза и кукурузовое хинкали, послѣ полугодичнаго голода, составили для нихъ очень вкусную трапезу. На разсвѣтѣ все утихло; стали забирать справки и удостовѣрились, что никто не выбылъ изъ рядовъ кандидатовъ. Наши не знаютъ, что думалъ народъ объ этомъ шарлатанствѣ Шамиля, потому что никто не отваживался разсуждать. Но, можно полагать навѣрное, что неисполненіе этого пророчества приписано лишь тому только, что такъ угодно было Богу *).

Между тѣмъ, князь Орбельянъ, какъ сказали, еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ отправился въ Гумбетовское общество, въ деревню Кадари, гдѣ начались дѣятельныя переговоры. Положеніе его улучшилось, и въ этомъ онъ былъ много обязанъ участію генераль-маіора фонъ Клугенау, который отечески заботился объ облегченіи участи плѣнныхъ и ихъ освобожденіи. Узнавъ о прибытіи Князя въ Кадари, Клугенау тотчасъ же прислалъ ему денегъ, сахару, чаю и проч. Плѣнный могъ купить себѣ одежду; лучшая пища и ожида-

*) Подобныя выходки Шамиль дѣлаетъ довольно часто; напримѣръ, запершись въ своей комнатѣ, онъ цѣлую недѣлю не выходитъ, не принимаетъ пищи и не спитъ; послѣ этого является ожидающему его съ изступленіемъ народу и, какъ будто полусонный или въ магнетическомъ снѣ, объявляетъ, что онъ видѣлся съ Магометомъ и долженъ былъ стыдиться за поведеніе своихъ чалмоносцевъ, передаетъ наставленія, сообщенныя ему пророкомъ и назначаетъ молитвы или ведетъ на бой.

ніе близкой свободы нѣсколько возстановили истощенныя его силы. Но вдругъ переговоры приняли неожиданный оборотъ: генераль-маіоръ князь Аргутинскій — Долгорукій, чрезъ котораго также велись переговоры съ Шамилемъ, приказалъ объявить послѣднему, что за князя Орбельяна выдадутъ только одного изъ хаджіевъ, и что этимъ прекратятся переговоры. О прочихъ вовсе не упоминалось. Шамиль крайне обидѣлся этимъ предложеніемъ и сказалъ: «мнѣ не дорогъ одинъ человекъ; пусть же одинъ гибнетъ въ Тифлисѣ, а другой у меня!» И волѣдъ за тѣмъ приказалъ возвратить князя Орбельяна въ Дарги. Въ отчаяніи плѣнникъ обратился къ Клугенау. Узнавъ, что, вслѣдствіе первоначальнаго предположенія, прибыли изъ Тифлиса въ Шуру 13 мюридовъ, для размѣна, онъ просилъ генерала, не найдутъ ли возможности прибавить къ этому числу горцевъ еще девяти женщинъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Ахульго и содержавшихся въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, объявить Шамилю, что это— послѣднее предложеніе; если не согласится, то плѣнныхъ предають волѣ Божіей.

Однако, надобно было исполнить приказаніе Шамиля. Князя повели обратно въ Дарги. Шамиля и Джемаль-Эддина тамъ уже не было. Они поѣхали въ Чечню, откуда въ это время производился набѣгъ на Кизляръ; потомъ они отправились къ селенію Шелли, гдѣ Шамиль вступилъ въ третій бракъ, жениась на дочери Казикумыхца Абдуллы, который еще при генералѣ Ермоловѣ вышелъ изъ ханства и поселился въ Чечнѣ. Вступивъ въ родство съ имамомъ, Абдулла сдѣлался однимъ изъ почетнѣйшихъ лицъ.

Въ Даргахъ князя Орбельяна посадили снова въ яму и навалили опять огромныя цѣпи. Возобновились прежнія телесныя страданія, прежняя невыносимая душевная тоска.

Такъ прошло 15 дней; наконецъ, Шамиль возвратился съ Джемаль-Эдиномъ изъ Чечни и, въ то же время, получилъ отъ генерала фонъ-Клугенау письмо, съ предложеніемъ, о которомъ выше говорили, представляя при томъ Шамилю, что онъ обязанъ спасти упомянутыхъ женщинъ, мужа которыхъ за него лишились всего и нѣкоторые даже жизни. Это письмо и многія убѣжденія Джемала заставили Шамиля согласиться обмѣнять плѣнныхъ, на предложенныхъ генера-

ломъ Клугенау условіяхъ. Наконецъ, настала вѣчноблагословенная минута ихъ освобожденія. 16-го ноября вечеромъ, съ радостію на лицѣ, пришелъ къ страдальцамъ Джемаль-Эддинъ и объявилъ, что завтра они отправятся на родину.

На другой день, онъ пришелъ снова, чтобы проститься съ узниками и, съ достоинствомъ честнаго человѣка, сказалъ:

« Я обѣщаль хлопотать объ освобожденіи вашемъ и, съ помощію Бога, совершенно успѣлъ въ томъ. Не думайте, чтобы это я сдѣлалъ изъ какихъ-нибудь видовъ: мнѣ ничего не нужно, кромѣ спокойствія. Я былъ когда-то богатъ, но предпочелъ уединеніе роскоши, и не жалѣю объ этомъ. Меня не устрашаетъ ни могущество вашего правительства, ни власть Шамиля; я всемъ говорю правду и — никогда не оставлю святой истины, которую боготворю. Я мюридъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія; но, вы видите, при мнѣ нѣтъ никакого оружія, ни даже обыкновеннаго ножа. Я гнушаюсь разбоемъ, и въ моей жизни я не пролилъ крови воробья. Мнѣ будетъ пріятно, если вы, возвратившись въ отечество, сохраните память о человѣкѣ, избавившемъ васъ отъ мученій неволи, который, въ странѣ дикой, пожираемой войной, сохранилъ чистоту нравовъ и непорочность жизни, подобно вашимъ монахамъ. Однакожь, если кто изъ васъ будетъ видѣть корпуснаго командира, то скажите, что я хотѣлъ бы только одного, — позволенія посѣтить, когданибудь, Казі-Кумыхъ. Хотя мнѣ рады въ Цудахарѣ и вездѣ принимаютъ съ дружескими объятіями; но увидѣть, предъ смертію, страну, въ которой я родился, есть единственное мое желаніе. Я имѣю на это письменныя позволенія прежнихъ корпусныхъ командировъ; но хочу, чтобы это было вѣрнѣе, и чтобы мои поступки были совершенно законныя. Прощайте! »

Князя Орбеляна Джемаль-Эддинъ даже повелъ къ себѣ на квартиру, и тамъ напоилъ его чаемъ.

Потомъ Князь пошелъ къ Шамилю, который благословилъ его на дорогу и, дружески прощаясь, сказалъ: « Мы теперь съ тобою кунаки; пріѣзжай къ намъ, когда захочешь: ты всегда будешь въ совершенной безопасности и принять, какъ свой. »

Такимъ образомъ наши узники покинули Дарги, не чувствуя подъ собою земли; радость ихъ совершенно оживила. Много претерпѣли они, безъ теплой одежды и обуви *), отъ страшной мятели и стужи, которыя провожали страдальцевъ во всю дорогу въ Гумбетъ; но что значили эти неудобства противъ тѣхъ, какія они испытали въ теченіе протекшихъ девяти мѣсяцевъ. Въ четвертый разъ шелъ князь Орбелянъ по дорогѣ, ведущей изъ Андіи въ Гумбетъ, и каждый разъ съ различными чувствованіями: то волновала его радостная надежда освободиться изъ мученической неволи; то измѣняя, предавали новымъ и болѣе тяжкимъ страданіямъ. Теперь же онъ шелъ какъ свободный человѣкъ; позади—неволя, всѣ бѣдствія и мученія; впереди—радость, свиданіе съ своими, счастье и новая жизнь.

Волнуемые подобными чувствованіями, съ теплою благодарственною молитвою, узники достигли вершины горъ, разделяющихъ Гумбетовское общество отъ Салатавскаго, и взорамъ ихъ представились широкія Дагестанскія равнины и голубое море, лежавшее верстахъ въ 80-ти. Имъ казалось, что видятъ обѣтованную землю. Съ этого мѣста спустились они къ Черкею, верстъ на 15. Конвой состоялъ изъ 150-ти всадниковъ и нѣсколькихъ десятковъ пѣшихъ. Совершить размѣнъ Шамиль поручилъ Абакаръ-Дибирю. Вожатые эти, съ врожденною горцамъ осторожностію и недоверчивостію, только послѣ нѣсколькихъ остановокъ и совѣщаній, приблизились къ оврагу, на противоположной сторонѣ котораго видѣлась команда солдатъ, приведшая плѣнныхъ горцевъ.

По сдѣланной съ обѣихъ сторонъ повѣркѣ плѣнныхъ, оказалось, что у Русскихъ недоставало одного, онъ умеръ на дорогѣ. Это обстоятельство замедлило ходъ дѣла: горцы хотѣли оставить у себя одного изъ нижнихъ чиновъ. Русскіе сперва не соглашались, потомъ уступили ихъ настоянію. Всѣ ожидали страшнаго выбора; несчастному живо связали руки и отвели въ сторону, подъ карауль, а его това-

*) Плѣнные были одѣты въ лохмотья той же самой одежды, въ которой ихъ поймали послѣ побѣга.

рищей повели на обмѣнъ. Одинъ изъ горцевъ поѣхалъ впередъ сказать, чтобы и Русскіе вели своихъ плѣнныхъ.

Такимъ образомъ, 28-го ноября, князь Орбелянъ и прочіе плѣнные, кромѣ несчастнаго казака, получили вождѣльную свободу.

Изложивъ, такъ подробно, исторію плѣна князя Орбеляна съ товарищами его несчастія, слѣдуя принятому правилу, знакомить читателей, при всякомъ случаѣ, съ обстоятельствами края, представляемъ взглядъ на страну, подвластную Шамилю, по рассказамъ плѣнныхъ, на основаніи видѣннаго, слышаннаго и узнаннаго ими въ теченіе осьми тяжкихъ мѣсяцовъ. Эти рассказы получаютъ замѣчательную важность, если припомнить то, что чрезъ три года наши войска побѣдоносно явились въ Андіи и Дарго, и что князь Орбелянъ въ эту экспедицію былъ близокъ къ главнокомандовавшему.

Страна, пройденная плѣнными, за исключеніемъ части Андіи, Гумбета и Малой Чечни, въ топографическомъ и статистическомъ отношеніяхъ почти единообразна. Это—огромное пространство хребтовъ горъ, ущелій или безднъ, большею частію поразительныхъ по своей безжизненности и дикости. Бѣдная зелень и рѣдкія деревья совершенно незамѣтны въ громадахъ камня пепельнаго цвѣта. Аулы таятся на днѣ ущелій или скрываются за массою горъ.

Такое собственно *Дагестанъ*. Но предѣлы этой горной страны изумительно различны отъ внутренности края: они покрыты богатою зеленью и обширными лѣсами. Да и бѣдныя, нагія горы не такъ обнажены, какъ то кажется съ перваго взгляда. Когда спуститесь въ ущелья съ кручь и скаль, то увидите, что подошвы и покатости горъ покрыты зеленью, мѣстами лѣсомъ, и часто поражаютъ, столь же сильно какъ и дикость горъ, роскошною зеленью садовъ прирѣчныхъ ауловъ, богатыхъ виноградомъ, персиками, абрикосами, бергамотами и орѣхами.

Равнинъ здѣсь почти нѣтъ; но окрестности Голотля, Караты, Андіи и отчасти Гумбета довольно открыты.

Рѣками страна не богата и онѣ скорѣе могутъ быть названы горными потоками. Ширина и глубина ихъ вообще

весьма незначительны: первая не превышаетъ осьми аршинъ. Они текутъ въ ущельяхъ, не рѣдко имѣють обрывистые берега и, по быстротѣ своей и тѣснинамъ, въ которыхъ проходятъ, составляютъ значительное препятствіе для сообщеній, особенно лѣтомъ; въ прочія же времена года вездѣ есть броды.

Лѣса, или, лучше, кустарники, плѣнные видѣли только въ окрестностяхъ Рагоджабы и Конфидатля; не много болѣе встрѣчали ихъ въ Гумбетѣ, и почти исключительно можно назвать этимъ именемъ находившіеся въ Дарго.

Естественныхъ произведеній, особенно замѣчательныхъ, плѣнные не встрѣчали. Нахожденіе селитры и сѣры можно предполагать; но, кромѣ Андійской пещеры, наши не слышали о мѣстахъ, изъ которыхъ бы горцы получали эти вещества. Изъ металловъ извѣстно только желѣзо, и то въ незначительномъ количествѣ. Свинца вовсе нѣтъ и часто случалось видѣть мѣдныя пули.

Въ Чечнѣ (на плоскости) два лѣтніе мѣсяца бываютъ тяжелы по чрезвычайнымъ жарамъ; остальное время года очень сходно съ русскимъ климатомъ. Зимы иногда случаются суровыя и очень снѣжныя. Въ горной Чечнѣ жары умѣренны, вѣтры не такъ сильны. Въ горахъ невозможно опредѣлить климата для цѣлаго пространства: есть ущелья, гдѣ солнце печетъ, какъ въ раскаленной печи; есть мѣста, гдѣ погода постоянно свѣжая и туманная. Такое различіе встрѣчается иногда на разстояніи нѣсколькихъ верстѣ.

Обыкновенно въ октябрѣ на плоскости и въ горахъ наступаетъ сырое время года, только въ послѣднихъ оно бываетъ не такъ продолжительно. Снѣгъ появляется на высокихъ мѣстахъ съ августа, напримѣръ по Снѣговому хребту и, постепенно спускаясь ниже и ниже, къ концу ноября покрываетъ уже всѣ возвышенныя плоскости и уступы горъ. Въ ущельяхъ обыкновенно послѣ ненастной погоды наступаютъ ясныя, какъ бы весенніе, дни. Вѣтры въ горномъ пространствѣ вообще слабѣе, нежели на плоскости. Этому способствуютъ громадныя преграды: отъ моря—Дагестанскій, отъ сѣвера—Чеченскій хребты. Въ ущельяхъ, среди горъ, даже въ то время, когда вѣтеръ гудитъ по скаламъ и вершинамъ ихъ, почти всегда тихо.

Бѣлыя скалы известняка и маловѣтріе до того способствуютъ благообразію воздуха, что случаются зимы, какъ было въ 1842 году, въ которыхъ на плоскости выпадаетъ глубокой снѣгъ и наступаетъ сильная стужа, а въ горахъ вовсе нѣтъ морозовъ и на высокихъ долинахъ снѣгу.

На плоскости Чечни вездѣ и всегда есть сообщеніе; затруднительны только переправы въ половодья, особенно чрезъ Аргунь. Въ горную Чечню и въ Шубузамъ дороги идутъ по дремучимъ лѣсамъ и ущеліямъ, и вообще опасны для движенія, особенно въ ненастное и лѣтнее время. Въ горахъ большая часть дорогъ идетъ по ущеліямъ, какъ по коридорамъ: отъ вершины малаго ручья къ устью его до ущелья большой рѣки, потомъ ущельемъ другаго ручья до его вершины, далѣе чрезъ перевалъ или возвышенную плоскость и снова опять ущельемъ. Это способствуетъ сохраненію сообщеній лѣтомъ и зимою. Многіе ошибочно предполагаютъ, что сообщеніе внутри горъ зимою представляетъ большія неудобства: число переваловъ, значительно покрытыхъ снѣгомъ не велико, да и тѣ не составляютъ препятствій, даже для конныхъ, особенно если сначала зимы набьютъ дорогу и, хотя изрѣдка, ее подчищаютъ. Изъ Дарги въ Андю, черезъ Чеченской хребетъ, сообщеніе свободно круглый годъ, не смотря на то, что здѣсь горы уже въ октябрѣ покрываются снѣгомъ.

Разработка на-ново дорогъ, даже для полевой артиллеріи, вездѣ очень удобна, по свойству известковыхъ и глинистыхъ породъ, составляющихъ Дагестанскія горы.

Населеніе въ разсматриваемой части края очень густо: деревни часты и многолюдны, и вообще число жителей, которыхъ всего считается до 200,000 душъ, совершенно не соответствуетъ мѣстнымъ средствамъ къ продовольствію. Но, ихъ образъ жизни и привычки отстраняютъ, отчасти, этотъ недостатокъ.

Жизнь туземцевъ до невѣроятности однообразна, безчувственна, бессмысленна и совершенно безплодна для души и тѣла. Врожденная склонность къ праздности и хищничеству отражается во всѣхъ отбѣнкахъ ихъ нравовъ. Чеченцы еще нѣсколько трудолюбивѣе горцевъ. Послѣдніе же большую часть дня проводятъ въ совершенномъ бездѣйствіи, и почти

все занятіе ихъ состоитъ въ трубкѣ и пяти намазахъ. Вообще мужчина полагаетъ недостойнымъ себя всякое ремесло или домашнее хозяйство, — это обязанность женщины; его занятія: воровство, набѣгъ, война. Въ то время, когда жены носятъ вязанки дровъ, кувшины воды, работаютъ въ садахъ, на терассахъ и у саклей, мужчина не знаетъ на что употребить время, выходитъ на улицу и цѣлый день лежитъ подъ тѣнью своего дома, у дверей, которая всегда настезъ, и лѣтомъ и зимою, или около мечети, курить трубку, слушаетъ и рассказываетъ новости. Оставаясь, такимъ образомъ, цѣлые дни въ бездѣйствіи, горцы, съ необыкновенною жадностію, принимаютъ всякое извѣстіе, съ удовольствіемъ пускаются въ дальнія путешествія по самымъ ничтожнымъ поводамъ, на самыя бессмысленныя приключенія. Жизнь безъ занятій есть одна изъ побудительнѣйшихъ причинъ къ хищничеству.

Жители умѣютъ ограничиваться во всемъ только однимъ строго необходимымъ. Обыкновенная ихъ пища—кусочъ чурека, т. е. прѣснаго хлѣба изъ кукурузной или другой муки, съ кускомъ бараньяго сала или сыру, и десятокъ хинкали—галушекъ, вареныхъ въ простой водѣ. Мясо и молоко—принадлежности, рѣдко встрѣчаемыя на столѣ богача, а медъ такое лакомство, которымъ они думаютъ насладиться только въ раю. Къ водкѣ всѣ пристрастны, также какъ и къ деньгамъ; хотя ни той, ни другими не богаты. Винограднаго вина не пьютъ; но приготавливаютъ изъ него сладкій отваръ, подъ названіемъ *чаба*, который составляетъ ихъ роскошь. Гдѣ нѣтъ садовъ, тамъ дѣлаютъ питье изъ проса, подъ названіемъ *бузы*, — хмѣльное и отвратительное.

Довольствуясь немногимъ, истинно нуждаясь, съ дѣтства привыкнувъ жить какъ-нибудь, горець ни копить, ни запасается на будущее. Объ исправности оружія, о своей гибкой узенькой талии онъ заботится гораздо болѣе чѣмъ объ упокоеніи отъ холода и голода. Жирный мужчина считается презрѣннымъ существомъ; его называютъ однимъ именемъ съ ненавидимыми христіанами и животными. Проворство, сила и храбрость — суть три качества, цѣнимыя туземцами выше всѣхъ благъ земныхъ, и дѣйствительно, не смотря на чрезвычайную умѣренность во снѣ и въ пищѣ, туземцы ловки, неутомимы и сильны. Худо одѣтые подъ дождемъ,

босые по грязи, безъ теплой пищи и водки, они не знаютъ усталости и болѣзней.

Не смотря на бѣдность и неопрятность въ одеждѣ, горцы и Чеченцы содержатъ сакли свои въ большой чистотѣ. Вообще жилища ихъ удобны и красивы. Почти всѣ постройки Чеченцевъ деревянные, или турлучныя, тщательно обмазанныя гливою; всѣ же постройки Лезгинъ, напротивъ, изъ камня, плиты или голышей, хорошо сложенныхъ на глинѣ, въ одинъ и два яруса. У Чеченцевъ сакли рѣдко двухъ-этажныя, имѣютъ видъ обыкновеннаго дома и отдѣляются одна отъ другой садомъ, огородомъ или дворомъ. Сакли же Лезгинъ въ видѣ замковъ; надъ многими изъ нихъ устроены башни; иногда обнесены стѣною. Въ каждомъ такомъ зданіи, въ каждой стѣнѣ продѣланы бойницы, такъ что весь аулъ представляетъ особаго рода крѣпость.

Аулы Чеченцевъ расположены на ровныхъ мѣстахъ; аулы Лезгинъ или въ ущельяхъ; или на уступахъ горъ, иногда примкнуты къ скаламъ, иногда окружены кручью. Часто доступъ и самый вѣздъ въ селеніе чрезвычайно трудны; улицы такъ узки, что въ иной нельзя повернуться на конѣ; сверхъ того, нѣкоторыя сакли построены поперекъ улицы и для проѣзда въ нихъ оставляются только низкія ворота.

Земледѣліе въ Чечнѣ въ довольно хорошемъ состояніи, но въ горахъ въ жалкомъ положеніи. Не говоря уже о недѣятельности горцевъ, этому много и другихъ важныхъ причинъ: пропорція земли удобной весьма незначительна, да и та состоитъ, большею частію, изъ извести и песку, слѣдовательно требуетъ уваживанія, которое не всегда возможно, по ограниченности скотоводства.

Не смотря на такія затрудненія, въ горахъ все, что только можетъ, послѣ неимовѣрныхъ, долготѣныхъ усилій, принести какой-нибудь плодъ, заселено и обработано. Бѣдныя долины, покатоности горъ, ничтожныя уступы по скаламъ, ущелья, оживленныя ручьями, — однимъ словомъ, все, гдѣ человѣкъ могъ придать жизненность полумертвой почвѣ и надѣяться на самое скудное вознагражденіе, все это воздѣлано. Но такіе неимовѣрные труды обезпечиваютъ земледѣльца только отъ *голода*: самый богатый горецъ, всѣмъ своимъ запасомъ, не въ состояніи прокормить одного русскаго человѣка.

По этому только бѣдствія могли заставить людей поселиться въ горахъ Нагорнаго Дагестана.

Домашнія животныя привыкли къ такой же скудной пищѣ, какъ ихъ хозяева, и добываютъ себѣ кормъ по уступамъ и скаламъ. Лошадей и рогатаго скота въ горахъ не много и они очень мелки; бараны же составляютъ исключительное богатство большей части горцевъ. Чеченцы въ прежніе годы имѣли много скота, но въ рассматриваемое время, двухъ-лѣтнее, въ 1840 и 1841 годахъ, истребленіе сѣна нашими войсками значительно уменьшило скотоводство въ Чечнѣ; не смотря на то, у Чеченцевъ скота все-таки было болѣе, нежели у Лезгинъ, и между ними находилось весьма много конниковъ. Скотоводствомъ преимущественно занимались Андійцы, Гумбетовцы и собственно Чеченцы.

Сады имѣлись во многихъ горныхъ обществахъ и были въ превосходномъ состояніи. Въ Чечнѣ же ихъ вовсе не находилось.

Промышленность, или, точнѣе, ремесла, стояли на низкой степени. Изъ металловъ добывалось одно желѣзо — въ Зубутовскомъ обществѣ, но въ такомъ маломъ количествѣ, что не удовлетворяло нуждамъ туземцевъ. Огнестрѣльное оружіе приготовлялось только въ Чечнѣ; кинжалы, шашки и порохъ дѣлались почти во всѣхъ обществахъ. Кубачи былъ горною Тулою; въ немъ приготовлялись тысячами ружья и пистолеты. Лучшими мастерами шашекъ славился аулъ Большой Ятагъ. Выдѣлка тканей ограничивалась однимъ сукномъ; холста собственнаго вовсе не имѣлось, и покупали его отъ сосѣдей, состоявшихъ подъ властію Россіи. Все населеніе Андій, какъ мы уже говорили, прежде занималось выдѣлкою и сбытомъ бурока.

Торговля находилась въ такомъ же низкомъ положеніи. Нѣкогда Чеченцы продавали намъ рогатый скотъ, барановъ, кожи, оружіе, а у насъ покупали сукна, матеріи; по временамъ брали отъ насъ, а иногда къ намъ привозили хлѣбъ и соль; но въ рассматриваемое время всего этого почти уже не было.

Обыкновенно воображаютъ всѣхъ горцевъ какими-то рыцарями, но какъ это не сходно съ дѣйствительностію: Лезгинны и Чеченцы скорѣе дикіе звѣри, нежели рыцари. Грязныя душою и тѣломъ, они чужды благородства, незнакомы

съ великодушiемъ, корыстолюбивы, вѣроломны и въ высшей степени исполнены самолюбія и самоохраненія.

Самая храбрость ихъ есть кровожадность или свирѣпость дикаго звѣря. Одинъ только фанатизмъ возвышаетъ ихъ душу, и многіе гибнутъ за вѣру.

Прославленное гостепрiимство, — первобытная добродѣтель всѣхъ народовъ, — установила обычаи, которые придаютъ туземцамъ нѣкоторое благородство; но и оно гораздо ниже того, чѣмъ привыкли воображать: горецъ, безъ расчета, не испечетъ чурека, не зарѣжетъ барана. Въ Чечнѣ даже извѣстны примѣры, что гости обкрадывали хозяина, хозяинъ воровалъ у гостей. Вообще Чеченцы лживѣе, коварнѣе и хищнѣе Лезгинъ.

Умственное развитіе у горцевъ далеко опередило нравственное: они чрезвычайно тонки, осторожны и дальновидны въ своихъ дѣйствіяхъ, а потому очень искусны въ переговорахъ и отличаются соображеніями на войнѣ. Этому способствуетъ ихъ врожденная недовѣрчивость и, главное, непрерывныя насилія и бранныя тревоги въ краѣ. Но, отличаясь соображеніями въ этихъ двухъ обстоятельствахъ, горцы весьма ограничены въ самыхъ простыхъ понятіяхъ объ общественномъ, семейномъ и житейскомъ бытѣ, въ отношеніи души и сердца. Ихъ необузданность во многихъ случаяхъ — въ страстяхъ и мелочныхъ игрушкахъ — равняется дѣтской. Пуговица, гвоздь, обрѣзокъ сукна, ленты или шнура составляютъ желаніе одного и возбуждаютъ зависть въ другихъ: случалось, что жители цѣлой деревни брались за оружіе и перестрѣливались за самый ничтожный предлогъ, по ссорѣ двухъ лицъ за барана, абазъ или сабу хлѣба.

Теперь, прежде чѣмъ перейдемъ къ устройству края, передаемъ понятіе, составленное плѣнными о человѣкѣ, имя котораго уже 25 лѣтъ раздается по горамъ Кавказа и знакомо всему образованному міру, о человѣкѣ, который, съ горстію дикарей, осмѣливается ставить преграду успѣхамъ побѣдоноснаго оружія Россіи.

Изъ всего видѣннаго и слышаннаго нашими страдальцами, они убѣдились, — въ чемъ согласно и большинство людей, знающихъ край, — что Шамиль не одаренъ ни однимъ изъ

тѣхъ счастливыхъ качествъ, которыми создаются великія дѣла, — ни силою воли, не рѣдко замѣняющею умъ, ни военными соображеніями, ни предприимчивостію, ни быстротою исполненій, — словомъ, ни одною изъ тѣхъ способностей, которыя составляютъ принадлежность гениальныхъ людей. Это закоренѣлый фанатикъ, слѣпо вѣрующій въ заповѣди корана, готовый жертвовать всѣмъ за ненарушимость своихъ вѣрованій и данныхъ клятвъ, преслѣдующій иновѣрцевъ и всякую стороннюю власть.

Однимъ словомъ, повелитель враждебныхъ намъ горскихъ племенъ не принадлежитъ къ числу людей, которыхъ мощная рука, сводя разнородныя начала въ одно цѣлое, начертываетъ себѣ мѣсто въ исторіи. Умомъ онъ не превышаетъ своихъ предшественниковъ, а рѣшительностью воли и военными дарованіями стоитъ ниже Кази-Магомы (Кази-Муллы) и Гамзатъ-Бека. Вызванный въ преемники послѣднему общимъ голосомъ народа, онъ покоряется ему и продолжаетъ дѣло, начатое духомъ времени и созрѣвшее на пламенной почвѣ восточнаго воображенія.

Горцы единогласно увѣряли, что Кази-Магома, предчувствуя свою гибель, заблаговременно назначилъ преемниками своими Шамиля и Гамзатъ-Бека; но Шамиль тогда отказался отъ этого достоинства, предоставилъ его послѣднему, и только послѣ смерти Гамзатъ-Бека, уступая настойчивымъ требованіямъ мюридовъ, облекся возложенною на него властію. Неохотно сдѣлавшись главою секты и народа, онъ не обнаружилъ въ началѣ военныхъ своихъ дѣйствій ничего рѣшительнаго, а во всемъ ихъ продолженіи — никакого глубоко обдуманнаго плана. Во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, Шамиль встрѣчалъ неудачу, а ежели гдѣ сколько нибудь посчастливилось оружію мюридовъ, тамъ навѣрно распорядились другіе.

Въ началѣ своего управленія, имамъ слѣдовалъ вполнѣ совѣтамъ дяди своего Барды-Хана. Въ присоединеніи къ мюридизму Чечни, онъ игралъ совершенно второстепенную роль: Шуаибъ-Мулла, Казію и Абдулла сами совершили это дѣло. Во время нашихъ плѣнныхъ, важнѣйшія военныя затѣи начертывали и приводили въ исполненіе Шуаибъ, Ахверда-Магома, Уллубей, Казіову, Гаджи-Муратъ и Абакаръ-Дибиръ.

Въ управленіи краемъ Шамиль руководствовался совѣтами Джемаль-Эддина и Абдуллы. Впрочемъ, эта часть мѣне всего занимала имама, и только въ это время, послѣдую совѣтамъ Джемала, были приняты нѣкоторыя, довольно важныя мѣры. Вообще же вниманіе Шамиля было исключительно занято распространеніемъ знанія корана.

Не смотря на всѣ эти недостатки предводителя горцевъ, онъ тогда уже восемь лѣтъ боролся съ могучимъ гигантомъ міра и, какъ и нынѣ, по прошествіи новыхъ 15-ти лѣтъ, не показывалъ признаковъ усталости. Неоднократно разбитый, почти уничтоженный, Шамиль, въ короткое время, успѣвалъ возстановлять свои силы и съ новою энергіею выступалъ на неравную и опасную борьбу. Причины этого необыкновеннаго, по видимому, явленія легко объясняются слѣдующимъ: дикія племена Кавказа, еще лѣтъ за двадцать до разсматриваемаго времени, не были соединены между собою никакимъ постояннымъ союзомъ. Иногда только общая опасность совокупляла, на короткое время, ихъ силы противу мощнаго врага, по минованіи которой дружескія сношенія прекращались и они, съ такимъ же ожесточеніемъ, рѣзали и грабили другъ друга, какъ незадолго прежде проливали кровь общаго непріятели. Буйныя ихъ страсти не были обузданы никакими законами, кромѣ права сильнѣйшаго. Многіе изъ нихъ, какъ на примѣръ общество Шубуть и большая часть Чеченцевъ, не знали никакой вѣры, кромѣ своего удалства. Но, въ то же время, всѣ обстоятельства благоприятствовали, чтобы туземцы, при первой искрѣ, брошенной на ихъ пылкое воображеніе, вспыхнули пламенемъ религіознаго фанатизма. И вотъ явился Мулла-Магометъ, и своими проповѣдями вдохнулъ въ нихъ первую мысль, разбудилъ нравственную силу, указалъ имъ общую цѣль дѣйствій и положилъ начало религіозной сектѣ, число послѣдователей которой съ каждымъ годомъ увеличивалось. Ученіе новаго шаріата составило эпоху въ жизни племенъ, населяющихъ восточную отрасль Кавказа. Различныя происхожденіемъ, языкомъ и правами, они соединились около своихъ проповѣдниковъ неразрывными узами единовѣрія и, подстрекнутыя фанатизмомъ, ринулись съ подоблачныхъ жилищъ, проливать кровь за сохранность своихъ понятій и святости уставовъ пророка. При такомъ направленіи умовъ

всегда явятся предводители. Фанатикамъ даже нѣтъ дѣла до личныхъ достоинствъ начальника; довольно только, чтобы онъ имѣлъ общую довѣренность, а болѣе всего славился бы строгостью правилъ: они столпятся вокругъ него и велеть ему вести себя на бой съ невѣрными.

Съ тѣхъ поръ война Россіи на Кавказѣ приняла другой характеръ; это не есть, какъ прежде, оборона границъ богатой имперіи отъ набѣга хищниковъ, стремящихся за добычей; но война съ народомъ, одушевленнымъ всею силою ненависти къ имени христіанина. Нынѣ горець оставляетъ свое убѣжище и подвергается опасностямъ боя, не съ тѣмъ только, чтобы угнать у Русскихъ стадо овецъ или табунъ лошадей, но чтобы убить гяура (невѣрнаго) и тѣмъ заслужить награду въ будущей жизни. Это борьба исламизма съ христіанствомъ, природы вещественной съ нравственною, азіятскаго варварства съ благодѣтельнымъ европейскимъ гражданствомъ. Если бы Россія, съ своимъ богатырскимъ мечемъ, не стояла на стражѣ границъ Европы, то эти новые Аравитяне напомнили бы послѣдней времена Магомета и Омара.

Разсматривая съ такой точки кавказскія событія, ясно видимъ, что здѣшняя война не есть дѣло частное, относящееся къ выгодамъ государства; но дѣло общее, всего образованнаго челоуѣчества. Россіи предоставлено судьбою совершить великое назначеніе. По географическому своему положенію, она служитъ звѣномъ къ соединенію двухъ міровъ, восточнаго и западнаго, Азіи и Европы. Ей предвѣщено пролить свѣтъ образованности въ нѣдра мрачной колыбели челоуѣческаго рода. Для столь святой, высокой цѣли слабая преграда — кавказскія скалы. Этотъ оплотъ севѣрнаго невѣжества падеть предъ крестоноснымъ знаменемъ христіанскихъ ратниковъ и надъ исторгнутымъ отъ сна Востокомъ возсіяетъ заря просвѣщенія.

Не смотря на изувѣрство въ частности, въ разсматриваемое время, общій фанатизмъ, по свидѣтельству плѣнныхъ, уже утихалъ. Трудная борьба изнурила, ослабила народонаселеніе и остудила его жаръ; въ войнѣ много погибло способныхъ людей, ревностныхъ поборниковъ; много ауловъ опустѣло и стояло въ развалинахъ. Ослабленію фанатизма

способствовало еще одно важное обстоятельство. Первый имамъ Дагестана — Кази-Мулла дѣйствовалъ по убѣжденію въ истинѣ ученія, съ искреннимъ желаніемъ спасти себя и народъ; второй — Гамзатъ-Бекъ, какъ честолюбецъ, домогался сдѣлаться Аварскимъ ханомъ и владѣтелемъ Дагестана; третій — Шамиль дѣйствуетъ не съ меньшимъ своекорыстіемъ. Народъ тогда уже понималъ это, а потому Шамиль, во всѣхъ обществахъ, подвластныхъ ему, старался утвердиться на политическихъ началахъ, хотя нигдѣ не упускалъ случая воспользоваться религіознымъ чувствомъ, и все прикрывалъ усердіемъ къ Богу.

По этому скажемъ теперь о томъ, какъ имамъ поддерживалъ власть свою надъ 200,000 душъ, тогда ему подвластныхъ въ горахъ Дагестана и Чечнѣ.

Общества, состояція изъ нѣсколькихъ десятковъ ауловъ, сохраняли прежніе свои предѣлы и соединялись единствомъ вѣры и гражданскаго управленія, главою которыхъ, а равно истолкователемъ уставовъ корана, считался Шамиль. Обществами управляли наибы или намѣстники, назначенные Шамилемъ: ихъ власть была совершенно исполнительная. Наибъ набиралъ, въ случаѣ надобности, изъ своего общества способныхъ къ оружію жителей и предводительствовалъ ими, собиралъ подати, исполнялъ повелѣнія Шамиля, и во всемъ давалъ ему строгій отчетъ. За неточность въ исполненіи своихъ обязанностей, онъ, кромѣ строгой отвѣтственности на землѣ, долженъ былъ ожидать наказанія и въ будущей жизни.

Наобы дѣйствовали на народъ чрезъ кадѣевъ деревень и муртазагетовъ.

Первымъ принадлежала власть духовная и судейская. Это — ученые законовѣдцы, произносившіе приговоры, которые приводилъ въ исполненіе наибъ.

Вторые имѣли часть полицейскую; должны были смотрѣть за точнымъ исполненіемъ наибомъ его обязанностей и доносить о всѣхъ злоупотребленіяхъ Шамилю. Это былъ родъ стряпчаго, что-то похожее на очи и уши царей персидскихъ. Въ отсутствіе наиба, муртазагетъ заступалъ его мѣсто.

Муртазагеты были избраннѣйшіе изъ мюридовъ, самые ревностнѣйшіе фанатики, и составляли постоянныхъ служителей Шамиля, обрекшихъ жизнь свою на распространеніе шаріата. Эга тайная полиція, опричники, — если угодно, — строго наблюдала за точнѣйшимъ исполненіемъ приказаній своего повелителя, за вѣрностію ему жителей. Бдительность и строгость ихъ были неимовѣрны. При малѣйшемъ подозрѣніи они доносили, такъ что въ обществахъ, признавшихъ власть Шамиля, братъ боялся брата, нѣсколько человекъ страшились вмѣстѣ сходиться.

Чтобы не было лицепріятства, муртазагеты, происходившіе изъ одного общества, помѣщались въ аулы другаго, и при томъ они, по большей части, назначались изъ людей бѣдныхъ и незначительныхъ и вполнѣ содержались на счетъ обществъ.

Всѣ отрасли власти сосредоточивались въ верховномъ правителѣ — намѣстникѣ пророка, которымъ Шамиль называлъ себя. Онъ назначалъ наибовъ и муртазагетовъ, считался единственнымъ истолкователемъ корана, который не могъ ошибаться, и всѣ его постановленія приводились въ исполненіе безъ всякаго возраженія со стороны народа. Въ этомъ случаѣ надо отдать справедливость умѣнью Шамиля дѣйствовать: людей дикихъ, не подчиненныхъ до того никакимъ законамъ, кромѣ своихъ обычаевъ, поступавшихъ всегда по своему произволу, людей, которые легко возбуждаются къ кровавой мести за малѣйшее оскорбленіе и насиліе, онъ подчинилъ совершенно своей власти. Этому надобно тѣмъ болѣе удивляться, что туземцы не имѣли истиннаго уваженія къ Шамилю: большая часть знала, что онъ не проникнуть святостію шаріата, какъ Кази-Мулла, и не имѣетъ отважности перваго имама, но не исполнить приказанія Шамиля, имъ казалось неестественнымъ. Такъ онъ умѣлъ связать все — каждое приказаніе исполнялось безпрекословно, безотговорочно, немедленно. Подобной исполнительности нѣтъ и у подданныхъ самыхъ деспотическихъ хановъ; народъ безпрекословно покарался наибамъ, наибы безпрекословно удалялись отъ должности; всѣ и каждый, не разсуждая, собирались и шли, куда было назначено, и давали, по первому требованію, лошадей, эшаковъ, чурики.

Со Всемилостивѣйшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, на днѣхъ отпечатано сочиненіе
плаць-маіора Петропавловской крѣпости, Л.-Гв. Сапернаго баталіона полковника

С. К. Новоселова:

КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОРЪ

ВО ИМЯ

СВЯТЫХЪ ПЕРВОВЕРХОВНЫХЪ АПОСТОЛЪ ПЕТРА И ПАВЛА,

ПОСВЯЩЕННОЕ

АВГУСТЪЙШЕМУ ИМЕНИ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

Спб., въ тип. Я. Трѣя, въ 8-ю л. л., стр. 308, съ великолѣпными рисунками и планами.

Съ Высочайшаго соизволенія, всѣ прибыли отъ продажи этого сочиненія предоставляются въ пользу раненыхъ и семействъ убитыхъ, во время осады Шамилемъ укрѣпленія Ахты.

До сихъ поръ Петропавловскій Соборъ не имѣлъ описанія, за исключеніемъ нѣсколькихъ страницъ въ разныхъ сочиненіяхъ о С. Петербургѣ. Старѣйшее изъ нихъ, и лучшее, есть описаніе собора, помѣщенное въ описаніи С. Петербурга Богданова и Рубана, напечатанномъ въ 1779 году; но оно, не смотря на свои достоинства, не представляетъ уже современнаго изображенія храма. Авторы новѣйшихъ описаній сѣверной столицы, говоря о Петропавловскомъ Соборѣ, заимствовали свѣдѣнія у Богданова и Рубана, а измѣненія, ими сдѣланныя, большею частію невѣрны.

Между тѣмъ каждый Русскій считаетъ священнымъ долгомъ посѣщать усыпальницу нашего Царскаго Дома; иноземцы, прибывающіе въ С. Петербургъ, также сѣщаютъ поклониться гробницамъ Высокихъ Усопшихъ, и потому часто слышатся сожалѣнія, что не имѣется современнаго описанія храма.

По своимъ обязанностямъ, имѣя возможность близко ознакомиться съ достопамятностями собора, я составилъ ему описаніе; оно начинается историческимъ очеркомъ сооруженія и возобновенія собора, съ положенія перваго камня въ основаніе храму и городу Петромъ Великимъ до нынѣшней перестройки колокольни — заключая въ себѣ любопытныя подробности о первой деревянной церкви Св. Апостолъ Петра и Павла, о постройкѣ каменнаго собора и освященіи его, пожарахъ, неоднократно въ немъ бывшихъ, о подвигѣ Телушкина и проч. Потомъ слѣдуетъ описаніе храма въ томъ видѣ, какъ онъ находится въ настоящее время.

Описаніе внутренности его начинается обзорѣннемъ гробницъ Августѣйшихъ Особъ, въ немъ почитающихся. Это благоговѣйное ичисленіе сдѣлано не голословно, но при немъ высказано нѣсколько мыслей, которыя невольно рождаются объ Усопшихъ при вѣстахъ Ихъ вѣчнаго покоя. Послѣ гробницъ обращено вниманіе на описанія: стѣнныхъ украшеній, св. иконъ, иконостаса, святынь, алтарей, навикадилъ, — между которыми есть собственноручная работа Петра Великаго Ризница, замѣчательная дребротію нѣкоторыхъ вещей, драгоцѣнностію многихъ и еще большимъ числомъ предметовъ, дорогихъ для Русскаго по воспоминаніямъ, съ ними сопряженнымъ, описана также подробно.

Потомъ говорится о штатѣ и собственности собора, о празднествахъ, въ немъ совершаемыхъ, о посѣщеніи храма Августѣйшимъ Особами и частными лицами, и о панихидахъ, въ немъ совершаемыхъ. Далѣе описана комендантская домовая церковь и ичислены могилы комендантовъ, погребенныхъ въ оградѣ собора. Послѣ этого слѣдуетъ описаніе трофеевъ, помѣщенныхъ около стѣнъ собора. Наконецъ представлены подробности о празднованіи чеменской побѣды и, въ заключеніе, изложены грустно-торжественныя церемоніи погребенія Императора Петра Великаго, гдѣ изображено, какъ гробъ Государя оставался на среднѣй церкви, подъ балдахиномъ, *въ теченіи шести лѣтъ*, и погребеніе Государя Императора Николая Павловича.

Въ приложеніяхъ помѣщены: 1) описаніе лѣсовъ, сооруженныхъ для перестройки колокольни и 2) ичисленіе панихидъ.

Не имѣя ни малѣйшей претензіи на авторство, чуждый всякаго притязанія на званіе историка или археолога, я, въ свое оправданіе выступить на литературное поприще, какъ сказалъ въ концѣ предисловія, представляю одно только желаніе быть полезнымъ и повторю слова Кремнева: «штыками бывало мы писывали взряденько, а на перышкѣ не вышито — чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.»

Къ сочиненію приложены: 1) Великолѣпный заглавный листъ. 2) Видъ первоначальной церкви Св. Апостолъ Петра и Павла (1703). 3) Видъ нынѣшняго собора. 4) Продольный разрѣзъ храма. 5) Иконостасъ. 6) Надирестольная стѣнь. 7) Ковчегъ съ мощами Св. Іакова и частицею ризы Господней. 8) Царское мѣсто. 9) Планъ внутренности собора и 10) Генеральный планъ внутренности крѣпости.

Всѣ эти приложенія, смѣло скажу, отличаются необыкновенною вѣрностію и отличною отдѣлкою.

Цѣна экземпляру **3 руб. 50 коп. сер.** Господа, подписавшіеся на «Кавказцевъ», имѣютъ право на полученіе этого сочиненія за **2 р. 50 к. с.** Безъ рисунковъ **1 р. 25 к.**

Кромѣ того, мною изданъ отлично-литографированный эстампъ, изображающій панихиду по Государю Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, въ присутствіи Императорской Фамиліи.

Этотъ эстампъ продается для пріобрѣтающихъ описаніе собора по **50 к.**, а отдѣльно безъ описанія **1 р.**

Продается въ С. Петербургской крѣпости, въ кваргирѣ плаць-маіора.

Полковникъ С. Новоселовъ.

Высоко-Монаршее благоволеніе, которое имѣла счастье заслужить самая мысль объ изданіи, лестное вниманіе къ нему высшаго начальства и общее сочувствіе, которымъ встрѣчено предпріятіе, налагаетъ на меня обязанность способствовать сколько возможно къ распространенію «Кавказцевъ» между соотечественниками, какъ изданія *исключительно* назначеннаго къ сохраненію подвиговъ, совершенныхъ на Кавказѣ, и прибыли отъ котораго предоставлена къ успокоенію раненыхъ и на помощь семействамъ падшихъ во славу русскаго оружія. По этому открывая подписку на выпуски, имѣющіе выйти въ теченіе будущаго 1858 года, нахожу возможнымъ предложить слѣдующія облегченія къ подпискѣ:

За первые 12 выпусковъ, состоящіе изъ 24 листовъ текста съ 18 приложеніями, и имѣющіе выйти до 1 января 1858 года, цѣна остается прежняя, то есть *шесть рублей*.

За слѣдующіе 24 выпуска (№№ 13—36), состоящіе изъ 48 листовъ текста, съ 36 приложеніями, имѣющіе выйти въ теченіи 1858 года, цѣна *двѣнадцать рублей*.

Но подписавшіеся на первые 12 выпусковъ до 1-го января 1858 года, вносятъ за 24-выпуска слѣдующаго года только *десять рублей*.

Желающіе подписаться на одинъ текстъ безъ рисунковъ платятъ *половину*.

За доставку на домъ въ С. Петербургѣ прилагается: за первые 12 выпусковъ — *50 коп.*; за слѣдующіе 24 выпуска *1 руб.*, а за пересылку въ другіе города: за 12 выпусковъ *75 коп.*, а за 24—*1 руб. 50 к.*

Казенныя и общественныя бібліотеки и господа служащіе всѣхъ вѣдомствъ могутъ вносить подписныя деньги помѣсячно, по третямъ года, или въ другіе сроки, какіе они признаютъ для себя удобнѣйшими; но съ *непреклоннымъ* правиломъ, чтобы требованія на высылку изданія на подобномъ условіи были дѣлаемы чрезъ ближайшихъ начальниковъ и не иначе, какъ на имя редакціи. При этомъ редакція покорнѣйше проситъ гг. подписавшихся высылать адреса самыя вѣрныя, дабы безвинно не заслужить нареканія отъ гг. желающихъ знать чудные подвиги своихъ соотечественниковъ.

Періодическое изданіе «Кавказцы» имѣетъ предметомъ передать потомству, перомъ и карандашомъ, замѣчательнѣйшіе подвиги, совершенные на Кавказѣ, съ свѣдѣніями о жизни лицъ, ими прославившихся отъ генерала до рядоваго. О каждомъ лицѣ говорится отдѣльно, и, если можно, прилагается его портретъ, планъ мѣстности, гдѣ происходило дѣло, или рисунокъ, изображающій подвигъ. Описанія слѣдуютъ одно за другимъ, не стѣняясь какимъ-либо опредѣленнымъ порядкомъ; а по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, по мѣрѣ ихъ изготовленія. Но наружный видъ изданія принять такой, что въ послѣдствіи можно будетъ расположить описанія въ порядкѣ алфавитномъ или хронологическомъ.

Изданіе выходитъ по два раза въ мѣсяцъ, выпусками въ 2 листа каждый, въ большую четвертку: текстъ печатается на хорошей бѣлой бумагѣ новымъ шрифтомъ, чисто, опрятно; приложенія, числомъ до трехъ въ мѣсяцъ, изготовляются лучшими нашими художниками и печатаются на китайской бумагѣ.

Подписка принимается: въ С. Петербургѣ: въ редакціи, находящейся въ С. Петербургской крѣпости, въ квартирѣ плацъ-маіора, полковника *Новоселова*; въ конторѣ изданія, учрежденной при книжномъ магазинѣ *Я. А. Исакова* (въ С. Петербургѣ, въ Гостиномъ Дворѣ, по Суконой линіи, подъ № 24), и въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта;— въ Москвѣ: у книгопродавца *Ө. И. Салаева*;— въ Тифлисѣ: у книгопродавца *Г. В. Бернштама*.

Редакція принимаетъ на себя ручательство за исправную и своевременную доставку выпусковъ только въ томъ случаѣ, когда подписка принята въ этихъ мѣстахъ.

Выпуски рассылаются въ конвертахъ, заклеенныхъ наглухо.

Редакція не дѣлаетъ блпстательныхъ обѣщаній, а даетъ только слово употребить всѣ усилія, чтобъ сдѣлать изданіе вполне достойнымъ его назначенія. Она не будетъ щадить ни трудовъ, ни издержекъ и величайшею себѣ наградою будетъ считать, что сдѣлаетъ достояніемъ общимъ подробности о подвигахъ и жизни храбрыхъ соотечественниковъ. — Вся чистая прибыль отъ изданія, за покрытіемъ издержекъ, предоставляется въ пользу раненыхъ Кавказцевъ и семействъ убитыхъ. По этому въ концѣ каждаго года будетъ приложенъ списокъ всѣхъ гг. подписавшихся, какъ сочувствующихъ благой цѣли изданія.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, ноября 20-го дня 1857 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

КАВКАЗЦЫ

ИЛИ

ПОДВИГИ И ЖИЗНЬ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛИЦЪ,

ДѢЙСТВОВАВШИХЪ НА КАВКАЗѢ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СОИЗВОЛЕНІЯ,

ВЫХОДЯЩЕЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Гвардіи Полковника Семена Новоселова.

ВЫПУСКИ 1-й—12-й.

Благотворительное назначеніе прибыли отъ изданія «Кавказцы» — на успокоеніе проливавшихъ кровь за Вѣру, Царя и святую родину, заставляеть Редакцію покорнѣе просить другія періодическія изданія — не перепечатывать ея статей и рисунковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1857.

СОДЕРЖАНІЕ ВЫПУСКОВЪ 1—12:

Жизнеописаніе подполковника Бибанова.
Подвигъ рядоваго Уколова.
Жизнеописаніе генераль-маіора Слѣпцова.
Молодецкое дѣло при Ахметь-Горскомъ укрѣпленіи.
Жизнеописаніе генераль-маіора Пассека.
Жизнеописаніе генераль-лейтенанта Фрейтага.
Подвигъ казака Василья Дохторова.
Подвигъ рядовыхъ Ефима и Тильченко.
Жизнеописаніе капитана Гулевича.
Жизнеописаніе полковника Вильде.
Жизнеописаніе генераль-лейтенанта Глазенапа.
Подвигъ рядоваго Абликаримова.
Жизнеописаніе генераль-маіора князя Орбельяна.
Жизнеописаніе генерала отъ кавалеріи Власова.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ НИМЪ:

Заглавный листъ.
Подвиги подполковника Бибанова.
Подвигъ рядоваго Уколова.
Портретъ генераль-маіора Слѣпцова.
Дѣло при Гехахъ.
Молодецкое дѣло при Ахметь-Горскомъ укрѣпленіи.
Карта Сѣвернаго и Нагорнаго Дагестана.
Портретъ генераль-маіора Пассека.
Портретъ генераль-лейтенанта Фрейтага.
Плѣнь казака съ женою.
Ауль Черкей.
Подвигъ полковника Вильде.
Портретъ генераль-лейтенанта Глазенапа.
Подвигъ рядоваго Абликаримова.
Бѣгство Шамвля изъ Кабарды.
Портретъ генераль-маіора князя Орбельяна.
Портретъ атамана Власова.
Штурмъ аула Гимры.
Видъ Дарьяльскаго ущелья.

Изд. Гв. Полковника Новоселова.

Печ. И. Корелинъ

Наказной Атаманъ Войска Донскаго
Генералъ отъ Кавалеріи
ВЛАСОВЪ.

ГЕНЕРАЛЬ ОТЪ КАВАЛЕРІИ МАКСИМЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ВЛАСОВЪ.

Максимъ Григорьевичъ Власовъ, наказной атаманъ славнаго Войска Донскаго, — по Всемилостивѣйшему выраженію въ Божѣ почивающаго Государя Императора Николая Павловича *), — ознаменовалъ «долголѣтнее поприще свое подвигами неустрашимости во время войны и государственными заслугами—въ продолженіе управленія Войскомъ Донскимъ», и тѣмъ стяжалъ право «на особенную Монаршую признательность.» Каждый Русскій вполнѣ раздѣляетъ такое Высочайшее мнѣніе, весь Донъ навсегда сохранить въ памяти любимаго своего атамана.

Максимъ Григорьевичъ доблестно сражался вмѣстѣ съ богатырями Великой Екатерины, былъ однимъ изъ подвижниковъ Благословеннаго Монарха, участвуя со славою въ первой войнѣ съ Наполеономъ, въ Турецкихъ походахъ, въ изгнаніи изъ предѣловъ отечественныхъ дерзкаго пришельца и въ освобожденіи Европы отъ ненавистнаго ига,

*) Высочайшій рескриптъ на имя генераль-лейтенанта Хомутова, отъ 3-го іюля 1848 года.

и, наконецъ, назначенный вождемъ Донцевъ на Кавказѣ, во время славнаго Ермолова, онъ сдѣлался страхомъ для Закубанцевъ; во дни незабвеннаго Государя Императора Николая, онъ неустрашимо сражался при усмирении Польши, облеченный Монаршею довѣренностію Августѣйшаго Благодѣтеля Дона, былъ главнымъ исполнителемъ благихъ намѣреній въ Божѣ почивающаго Государя Императора.

Шестидесяти-лѣтняя служба четыремъ Монархамъ, возторженная преданность къ Царю, изумлявшій энтузіазмъ ко всему, что касалось чести и пользы Отечества, патриархальное благочестіе, евангельская доброта — составляли блистательныя черты знаменитаго мужа, славное имя котораго не умретъ среди Донцевъ и Черноморцевъ.

Предѣлы и направленіе нашего изданія, къ сожалѣнію, не дозволяютъ передать всѣ подробности о военныхъ подвигахъ, административной дѣятельности, государственныхъ заслугахъ и доблестяхъ гражданскихъ знаменитаго атамана съ тою полнотою, какъ бы желали и какъ заслуживаетъ блистательная его служба и прекрасная жизнь. Священный долгъ Донцевъ — говоримъ прямо, безъ обиняковъ, какъ

думаемъ — увѣковѣчить память славнаго своего земляка-атамана, собравъ, на поученіе потомству, всѣ частности его доблестной жизни *); мы же, поневолѣ, ограничиваемся краткимъ ея очеркомъ, позволяя себѣ войти въ подробности только объ его дѣйствіяхъ на Кавказѣ.

Максимъ Григорьевичъ родился на Дону, въ станицѣ Раздорской, 13-го августа 1767 года. Сынъ бѣднаго казачьяго офицера, онъ, девяти лѣтъ отъ роду, взятъ былъ отцемъ своимъ, отправлявшимся въ походъ на границу Польши, и на пути оставленъ у Кіевопечерскихъ монаховъ, для обученія его грамотѣ и закону Божію. Въ 1784 году, возвращаясь со службы Царской на родину, отецъ привезъ его въ Черкасскъ и, не будучи въ состояніи, по ограниченнымъ своимъ средствамъ, дать сыну лучшее воспитаніе, опредѣлилъ его казакомъ въ Войсковое Правленіе, для изученія писмоводства. Черезъ три года, — 7-го октября 1787 года Власовъ сдѣланъ былъ писаремъ станицы Раздорской; но гражданская служба была ему не по душѣ: онъ бредилъ ратнымъ полемъ, мечталъ о подвигахъ бранныхъ и, 1-го марта 1791 года, поступилъ въ полкъ Грекова, — бывший послѣ Чернозубова, — съ которымъ, по 10-е мая слѣдующаго года, былъ на берегахъ Двины, въ кордонной стражѣ по Польской границѣ. Скоро загремѣлъ тамъ громъ русскихъ пушекъ, и Власовъ, съ 16-го мая, принявъ участіе въ кампаніи, съ отличіемъ сражался: 23-го — при Кобринѣ, 27-го — при Борисовѣ, 30-го — при Столбцахъ; 21-го іюня — при Мирѣ и 29-го — при Мстибовѣ. За храбрость въ послѣднемъ сраженіи, и вообще за отличіе, оказанное въ кампаніи, онъ произведенъ, 10-го іюля 1792 года, на двадцать второмъ году отъ роду, въ сотники.

Славный 1794 годъ доставилъ Власову новые случаи къ отличію: 20-го мая онъ сражался при городѣ Лидѣ, 29-го — при мѣстечкѣ Борунахъ, 8-го іюля и 29-го августа — при

*) До сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, находится только одна статья о жизни Максима Григорьевича Власова — это *Биографическій очеркъ*, помѣщенный въ *Сѣверной Пчелѣ*, 1848 г., №№ 207 и 208, прекрасно, но кратко написанный однимъ изъ адъютантовъ покойнаго атамана, горячей пристрастности котораго къ доблестному начальнику много обязано и наше жизнеописаніе.

Вильнѣ; 8 го сентября — при взятіи Ковно и разбитіи подъ нимъ непріятельскаго авангарда. За неустрашимость при взятіи приступомъ Вильно и вообще за отличіе въ теченіе этой кампаніи, онъ произведенъ, 18-го ноября того же года, въ есаулы.

Съ 1-го января 1795 по 1-е марта слѣдующаго года Власовъ провелъ на бивуакахъ, содержа со своею сотнею кордоны на Прусской границѣ. По возвращеніи на Донъ, онъ употреблялся, Войсковымъ Правленіемъ, по разнымъ внутреннимъ порученіямъ, которыя существенною важностію своею свидѣтельствуютъ о заслуженномъ уже имъ довѣрїи начальства.

Такимъ образомъ, съ 15-го августа 1799 года по 1-е марта 1800 года, онъ былъ помощникомъ начальника 1-го Донскаго начальства; съ 29-го сентября этого года по 11-е февраля слѣдующаго — находился въ Криминальной Экспедиціи (нынѣ уголовный судъ); за тѣмъ, по 14-е февраля 1802 года, въ Экспедиціи для рѣшенія старыхъ гражданскихъ дѣлъ, а съ того времени — у исправленія дѣлъ въ Атаманской Канцеляріи.

Въ 1805 году Власову поручено было управленіе письменными дѣлами канцеляріи войсковаго атамана Платова; но, съ этого года наступила знаменитая десятилѣтняя эпоха войнъ Императора Александра Благословеннаго, славно оконченныхъ въ Парижѣ. Донцы, въ то незабвенное время, по выраженію Государя, «превозмогли древнюю славу предковъ своихъ.» Рвеніе къ военному поприщу побудило Власова отказаться отъ мирныхъ занятій и, 1-го ноября 1805 года, онъ поступилъ въ Атаманскій полкъ. Но, въ этотъ годъ, Власовъ не успѣлъ принять участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, потому что выступилъ въ походъ только въ самый день занятія Вѣны Французами (1-го ноября 1805 года); а едва истекъ мѣсяць послѣ этого событія, какъ русскія войска возвратились уже въ свои предѣлы.

Въ 1807 году война возобновилась снова, съ бѣльшимъ жаромъ. Съ этой войны началась громкая, европейская слава Донскаго Войска и его знаменитаго атамана Платова.

«Врожденная бдительность Донскихъ воиновъ, — какъ объявилъ Благословенный Монархъ во *всенародное извѣстіе* въ похвальной грамотѣ, при которой *отъ лица бла-*

годарнаго отечества даровалъ Войску почетное знамя, — предупреждала сокровеннѣйшія намѣренія непріятеля и недремлющимъ окомъ главнокомандующему служила.» Власовъ выступилъ въ походъ съ тѣмъ же полкомъ, и принялъ участіе въ подвигахъ Донцевъ послѣ Эйлаусскаго сраженія, когда Платовъ, по отъѣздѣ князя Багратиона въ Петербургъ, принявшій начальство надъ авангардомъ, слѣдовалъ за Французами, отступавшими на лѣвый берегъ Пассарги. Весь путь непріятеля устѣявъ былъ брошенными обозами, умершими, издыхавшими солдатами и лошадьми. Торопливость въ отступленіи достигла до того, что кромѣ страдальцевъ, оставленныхъ Французами въ повозкахъ, наши находили многихъ непріятельскихъ солдатъ, лежавшихъ на снѣгу безъ покрова и одежды. Казаки, а въ числѣ ихъ и Власовъ, дѣйствовали неумолимо: отъ сраженія при Эйлау до 1-го марта, съ небольшимъ въ мѣсяцъ, взято было Донцами въ плѣнъ: 37 офицеровъ и 2,254 чел. нижнихъ чиновъ. День и ночь тревожа непріятеля и окончательно изнуривъ его кавалерію, казаки надоѣли Наполеону до такой степени, что въ одномъ изъ тогдашнихъ бюллетеней онъ далъ имъ, почетный въ этомъ случаѣ, эпитетъ: «посрамленіе рода человѣческаго.»

Въ исходѣ февраля главныя силы враждовавшихъ армій заняли кантониръ-квартиры, на которыхъ находились до мая мѣсяца; но малая война продолжалась на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Тамъ происходили непрерывныя сшибки между Платовымъ и Зайончикомъ, и казаки всюду являлись грозой Французовъ. Въ это время Власовъ лично участвовалъ въ сраженіяхъ: 17-го февраля — подѣ Гутштатомъ, 19-го — при сел. Шарникѣ, 20-го — при Зоммерфельдѣ, 21-го — при Петерсвальдѣ, 22-го — при Бенернѣ, 23-го и 24-го — подѣ Феймаркомъ при выбитіи непріятеля изъ лѣсу, между сел. Ладиху и Цехерномъ, 19-го марта — при сел. Котѣ, Рудахъ и Дембовицѣ, 20-го апрѣля — при Малгѣ и Омულъ-Офенѣ, въ отраженіи непріятеля отъ Пасенгейма и въ прогнаніи его до Едвабно, и 30-го — снова при сел. Рудахъ и Котѣ.

1-го мая, когда хотѣли начать наступательныя дѣйствія нашихъ войскъ, Власовъ участвовалъ въ нападеніи Платова на Алленштейнъ.

Три недѣли спустя дѣйствительно возобновились наступательныя дѣйствія. Власовъ, произведенный, между тѣмъ, 7-го мая, въ войсковые старшины, участвовалъ въ отраженіи непріятеля при сел. Бергфридѣ; 24-го — въ разбитіи Французовъ и взятіи значительнаго числа плѣнныхъ при Гутштатѣ; въ слѣдующіе два дня — при рѣкѣ Пассаргѣ (которую, для узнанія о передвиженіяхъ непріятеля, неумолимыя Донцы переплывали, арканами выхватывали плѣнныхъ изъ рядовъ вражескихъ, увозили пушки съ прислугою, подрывали ящики съ зарядами); 27-го — въ поверхности, одержанной Русскими снова при Гутштатѣ, и въ слѣдующіе три дня — въ дѣлахъ около Гейльсберга и въ самомъ генеральномъ сраженіи 29-го, — когда Русскіе побѣдили оборонительно, — и 2-го іюня — въ сраженіи подѣ Фриландомъ, рѣшившимъ войну. При послѣдовавшемъ за тѣмъ отступленіи нашей арміи, Власовъ находился въ арріергардѣ и участвовалъ въ дѣлахъ: 4-го іюня подѣ Велаяу и при отраженіи сильнаго непріятельскаго нападенія у Таплакена; 5-го, 6-го и 7-го — при селеніяхъ Битинаръ, Юргайченъ и другихъ, въ непрерывныхъ битвахъ нашего арріергарда съ французскимъ авангардомъ, при чемъ Донцы употребляли все усилія задерживать напиравшую на насъ непріятельскую армію: заваливали дороги, жгли мосты, выставляли засѣки и изъ-за нихъ, спѣшенныя, останавливали непріятеля мѣткимъ огнемъ; вытягивались въ одну линію и стремительно лавою ударяли ему во фронтъ, обхватывали фланги, заскакивали въ тылъ, а по ночамъ приводили непріятеля въ нерѣшимость, зажигая въ разныхъ направленіяхъ большіе огни. Все это дало нашей арміи возможность отступить въ порядкѣ, сохранить артиллерію и обозы и перенравиться чрезъ Нѣманъ. Вскорѣ за тѣмъ, въ Тильзитѣ, заключенъ миръ.

Кромѣ чина войсковаго старшины, наградою Власову за эту кампанію былъ орденъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ и, отъ Прусскаго Короля, орденъ «за заслуги.»

Въ это время Россія вела также войну и съ Турціею. Власовъ, съ Атаманскимъ полкомъ, отправился изъ Пруссіи въ Молдавскую армію; съ 1-го марта 1808 года былъ въ походѣ чрезъ Молдавію и Валахію, и, наконецъ, въ

1809 году, снова находился въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ, въ новыхъ сѣчахъ съ врагами отечества.

Первыя его встрѣчи съ Турками были — подъ Браиловымъ, 26-го и 27-го іюня, 19-го и 20-го іюля. Потомъ, 31-го іюля, онъ сражался подъ Мачиномъ, съ 11-го по 22-е августа — находился при блокадѣ и покореніи Гирсова, при чемъ, за отличіе, получилъ Монаршее благоволеніе. 29-го и 30-го — участвовалъ въ осадѣ Кюстенджи, за что также удостоенъ Высочайшаго благоволенія. 4-го сентября — сражался при Рассеватѣ, и награжденъ орденомъ Св. Анны 2-й степени. 11-го — участвовалъ въ рекогносцировкѣ Силистріи и въ отраженіи вылазки непріятели изъ этой крѣпости. 23-го — находился въ сраженіи между селеніями Колонетро и Копаклы, кончившемся разбитіемъ турецкихъ войскъ и взятіемъ въ плѣнъ командовавшаго ими двухъ-бунчужнаго паши, съ его знаменемъ, за что, 20-го января 1810 года, произведенъ въ подполковники; 24-го — участвовалъ въ отраженіи вылазки изъ Силистріи и покушенія непріятели на нашъ лагерь и, наконецъ, 9-го октября, сражался при Татарицѣ, за что получилъ отъ главнокомандовавшаго благодарность.

Насталъ великій 1812 годъ. Война съ Турціею была уже окончена и, въ ожиданіи заключенія мира, часть войскъ нашихъ направлена къ западнымъ границамъ. 21-го января, Власовъ назначенъ командиромъ полка своего имени, съ которымъ содержалъ посты надъ Нѣманомъ. Здѣсь получилъ онъ благодарность отъ главнокомандовавшаго 1-ю западною арміею, въ приказѣ по арміи, «за исправность кумандуемаго имъ полка и попеченіе въ содержаніи какъ людей, такъ и лошадей.»

Въ ночь, съ 11-го на 12-е іюня, Наполеонъ вторгся въ заповѣдныя предѣлы Православной Рूसи, и началась война, которая должна была превзойти всѣ войны, упоминаемыя въ лѣтописяхъ міра. 610,000 воиновъ, а съ нестроевыми до 700,000 человекъ, — въ числѣ которыхъ были всѣ народы твердой земли Европы, за исключеніемъ Шведовъ, Датчанъ и Турокъ, — съ 190,000 лошадей и 1372 орудіями, предводимые первымъ полководцемъ нашего вѣка и опытнѣйшими генералами, упиравшіеся на цѣпь крѣпостей по Вислѣ, Одеру и Эльбѣ, съ увѣренностію въ побѣдѣ, —

шли «прославить оружіе Французское», съ убѣжденіемъ, что «Россія увлекается рокомъ», что судьба ея должна исполниться! Благословенный Монархъ Святой Руси, на эти пышныя слова приказа завоевателя, отвѣчалъ, *что не положитъ оружія, доколь ни единого непріятельскаго воина не останется въ царствѣ Его,* — и сдержалъ Свое слово.

Въ эту незабвенную годину Донцы, ополчившіеся поголовно, стояли въ первыхъ рядахъ защитниковъ родины, участвовали во всѣхъ сраженіяхъ и стычкахъ, совершившихся какъ въ предѣлахъ Россіи, такъ и внѣ ихъ, до самаго покоренія Парижа. Спаситель отечества и освободитель Европы, Александръ Благословенный; особеннымъ похвальнымъ манифестомъ, изданнымъ во всенародное извѣстіе, ознаменовалъ признательность и благоволеніе Свое къ подвигамъ Донцовъ и, отъ лица благодарнаго Отечества, пожаловалъ Донскому войску почетное знамя при похвальной граматѣ «во свидѣтельство предъ цѣлымъ свѣтомъ, что Донское воинство, въ войну съ Французами, оказало важныя отечеству услуги.»

Власовъ, съ полкомъ своего имени, былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей этого незабвеннаго времени. Страшно дымилась сабля его въ крови непріятели: 18-го іюня — при Большихъ-Солешникахъ, 19-го — при Ольшанахъ, 24-го — при Каменѣ, 27-го іюля — при разбитіи непріятельской кавалеріи у Молево-Болото, и, по заслугамъ, замѣнена — отъ Монаршихъ щедротъ — золотою саблею, съ надписью: «за храбрость.»

Достойно оцѣнивая мужество Власова и его воинскіе таланты, Барклай-де-Толли, во время отступленія 1-й западной арміи, поручалъ ему по нѣскольку казачьихъ полковъ, и, съ полною довѣренностію, употреблялъ его преимущественно въ арріергардѣ. Власовъ блистательно оправдывалъ почетное назначеніе: онъ не зналъ усталости, и, какъ будто вовсе не вѣдая сна, цѣлыя ночи проводилъ въ цѣпи съ казаками, прислушивался къ малѣйшему шороху: казалось, и листъ на деревѣ не могъ шелохнуться, не бывъ замѣченъ имъ. Глубоко набожный, онъ каждое предпріятіе начиналъ теплою молитвою; за то и не было у него ни одного дѣла

съ непріятелемъ, ни одного шага противъ него, который бы не былъ увѣнчанъ успѣхомъ.

6-го августа, когда главныя силы наши оставили уже пелище Смоленска, и только нѣсколько полковъ упорно держались еще въ Петербургскомъ предмѣстїи, Власовъ находился на правомъ флангѣ и стремительными атаками удерживалъ переправившагося чрезъ Днѣпръ непріятеля, и неоднократно опрокидывалъ его съ чувствительною потерей. Потомъ, отъ Смоленска до Бородина, онъ постоянно прикрывалъ отступление нашей арміи, и почти ежедневно бился съ Французами. 7-го августа, у селенія Заболотье, противъ всей непріятельской кавалеріи и части пѣхоты, тѣснившихъ арріергардъ нашъ, непрерывныя атаки Власова удерживали напоръ непріятеля, старавшагося обойти нашъ лѣвый флангъ и отбросить отъ Московской дороги. Послѣ жестокаго боя при Валутиной горѣ до самой переправы арміи чрезъ Днѣпръ, Власовъ, командуя полками: своего имени, Харитонова 7-го и Симферопольско-Татарскимъ, удерживалъ самыя отчаянныя натиски многочисленной непріятельской кавалеріи, стремившейся по большой Московской дорогѣ, и не рѣдко одерживалъ надъ нею поверхность, не допустивъ ни однажды отрѣзать себя отъ арріергарда. 20-го августа, при Гжатскѣ, имѣя подъ начальствомъ полки: своего имени, Татарскіе — Бугскій и Перекопскій и 1-й Теплярскій, онъ отразилъ сильную кавалерійскую атаку и два раза обращалъ непріятеля назадъ съ большою потерей. 24-го, со вѣренной ему бригадою, не доходя до Бородина, уничтожилъ болѣе двухъ непріятельскихъ эскадроновъ.

25-го и, въ день народнаго побоища, 26-го августа Власовъ находился на правомъ флангѣ арміи, съ полками: своего имени, Краснова 1-го, Андріанова и Перекопскимъ Татарскимъ. 27-го, съ этими же полками и вновь присоединенными къ нему: Чернозубова, Симферопольскимъ Татарскимъ и 1-мъ Башкирскимъ, при городѣ Можайскѣ, онъ прикрывалъ отступление нашихъ армій, и дѣйствовалъ столь успѣшно, что непріятель вынужденъ былъ остановить преслѣдованіе и держаться оборонительно.

При дальнѣйшемъ отступленіи нашемъ къ Москвѣ, Власовъ постоянно былъ на стражѣ, оберегая тылъ и фланги

армій, не давая непріятелю нигдѣ ни малѣйшей надъ собою поверхности.

Во время партизанской войны, когда главныя силы наши находились въ Тарутинскомъ лагерѣ, казаки какъ сѣтью окружили полчища Французовъ, раскинутыя въ окрестностяхъ столицы, и Власовъ постоянно находился въ поискахъ для истребленія мародеровъ, непріятельскихъ партій и фуражировъ.

Едва Наполеонъ вышелъ изъ сожженной Москвы и спѣшилъ проложить обратный путь разстроенной арміи своей, Власовъ устремился во слѣдъ ему, — наносилъ всевозможный вредъ, — отбивалъ знамена, пушки, забиралъ въ плѣнъ генераловъ, офицеровъ и множество солдатъ. 13-го октября, между селеніями Томашево и Уварово, съ полками: своего имени, Слюсарева 2-го, Шамшева 2-го и Траилина, онъ разбилъ 6 эскадроновъ Голландской гвардіи, шедшей отъ Боровска къ Малому-Ярославцу; а потомъ, до 3-го ноября, состоя въ авангардѣ, преслѣдовалъ непріятеля по дорогамъ къ Вильнѣ. 4-го ноября, при Смоленскѣ, у самаго Днѣпра, быстрымъ ударомъ полка своего имени на непріятельскую пѣхоту, Власовъ разбилъ ее и взял на мѣстѣ 9 орудій. 8-го, во весь день слѣдуя впереди непріятеля, сильно тѣснилъ и поражалъ его, и напоследокъ, напавъ на авангардъ, шедшій къ Оршѣ, разбилъ его; на другой день, близъ этого же города, сдѣлалъ нѣсколько сильныхъ атакъ на двѣ большія колонны непріятельской пѣхоты, которыя хотя и сильно защищались, но были разбиты и взяты въ плѣнъ. 13-го, Власовъ атаковалъ непріятеля, бывшаго въ селеніи Шиковѣ, и быстрымъ ударомъ полка своего имени принудилъ оставить селеніе и спастись бѣгствомъ въ ближайшій лѣсъ; 19-го, атаковавъ оставшагося на дорогѣ, въ лѣсу, непріятеля, взял у него одну пушку; 20-го, сильно преслѣдовалъ и тѣснилъ его, а 28-го, при Вильнѣ, съ полками: своего имени, Харитонова 7-го и Сулина 9-го, разбилъ большую пѣхотную колонну непріятеля и еще взял орудіе.

« Казаки дѣлаютъ чудеса », доносилъ Кутузовъ Государю, и, по истинѣ, они вполне заслужили этотъ лестный отзывъ знаменитаго полководца. Не взирая на лишенія всякаго рода, на посѣпшность бѣгства непріятеля, они сидѣли у него на плечахъ, не давая отдыха ни на минуту, — въ особенности

отъ Вильны до Нѣмана, погоня ихъ за Мюратомъ, которому Наполеонъ, при бѣгствѣ изъ Россіи, ввѣрилъ остатки своихъ войскъ, представляла зрѣлище невиданное. Армія, за пять мѣсяцевъ состоявшая болѣе чѣмъ изъ полумилліона людей, во всей воинской силѣ, славѣ и красотѣ, бѣжала безъ оглядки, преслѣдуемая горстью казаковъ. Донцы напирали на нее, сколько позволяли силы людей и лошадей и, настигая Французовъ, ударяли въ дротики, или били ихъ изъ пушекъ, везомыхъ на полозьяхъ, и Кутузовъ доносилъ Государю: «Исполнились слова Вашего Императорскаго Величества, усѣяна дорога костями непріятельскими!» Власовъ самымъ дѣятельнымъ образомъ участвовалъ въ этомъ истребленіи знаменитой Великой Арміи, и, между прочимъ, 9-го декабря, стремительною атакою выбилъ укрѣпившагося въ Ковнѣ непріятеля; потомъ, преслѣдуя его за Нѣманъ, съ полками: своего имени, Харитоновъ 7-го и Сулина 9-го, отбилъ двѣ пушки и взялъ въ плѣнъ 125 штабъ и оберъ-офицеровъ и 2237 рядовыхъ, за что награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-го класса.

Отечество было спасено; но, по высокой мысли Императора Александра, «что нѣтъ мира съ нарушителемъ всеобщаго спокойствія», побѣдоносныя наши войска перешли границу, и началась новая брань за освобожденіе Европы. Власовъ принималъ и въ ней славной участіе.

19-го декабря онъ поступилъ въ летучій отрядъ генералъ-адъютанта Чернышева. Кому не извѣстны славные подвиги этого страшнаго для Французовъ отряда! Нынѣ, въ назиданіе юнаго поколѣнія, готовящагося на военное поприще, дѣла Чернышевскаго отряда, — подъ Люнебургомъ, Гальберштатомъ, Касселемъ, Суассономъ, — излагаются какъ образцовыя и отважнѣйшія партизанскія дѣйствія.

Блестательно проводилъ Чернышевъ при Маріенвердерѣ послѣдній день великаго Двѣнадцатаго года: здѣсь пали предъ нимъ сильно защищенныя батареи, и изъ 15-ти, еще дымившихся противу насъ непріятельскихъ пушекъ, отбитыхъ Власовымъ послѣ кроваваго боя, Русскіе прогремѣли славу совершившимся событіямъ.

Въ 1813 и 1814 годахъ Власовъ постоянно находился въ отрядѣ Чернышева, который, являясь то среди, то въ тылу Французскихъ армій, переходилъ огромныя простран-

ства, забиралъ по пути снаряды, пушки, обозы, плѣнныхъ; преграждалъ соединеніе непріятельскихъ войскъ, уничтожалъ ихъ запасы, истреблялъ переправы.

5-го января 1813 года Власовъ выбилъ изъ селенія Карвица и мѣстечка Коснина непріятельскія пѣхотныя колонны, и, преслѣдуя ихъ до мѣстечка Семпельбурга, нанесъ Французамъ большой вредъ, за что и произведенъ, 2-го февраля, въ полковники. 9-го января, при Шарлотенбургѣ, близъ Берлина, онъ, полками: своего имени и Сысоева 3-го, атаковалъ непріятеля, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ 7 офицеровъ и 130 рядовыхъ; 20-го, участвуя въ выбитіи Французовъ изъ самаго Берлина, преслѣдовалъ ихъ до мѣстечка Бельцига, — послѣ чего, неоднократно переправляясь черезъ Эльбу, сражался съ непріятелемъ и особенно отличился, 21-го марта, у г. Люнебурга, при истребленіи корпуса генерала Морана, — за что награжденъ вторично золотой саблею съ надписью: «за храбрость.» 5-го апрѣля, между селеніемъ Аншгеймомъ и мѣстечкомъ Гисфорномъ, Власовъ выдержалъ сильный натискъ непріятеля; 6-го и 7-го участвовалъ нѣ отраженіи атаки его; 13-го при Нейдорфѣ и Емзинѣ также удерживалъ непріятеля; 18-го мая участвовалъ при взятіи непріятельскаго запаснаго парка въ Гальберштатѣ, при чемъ, съ двумя казачьими полками, ходилъ нѣсколько разъ въ атаку артиллерійскаго парка, подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ, и за дѣло это награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3-й степени. 26-го, при Лейпцигѣ, будучи отряженъ, съ полкомъ своего имени, занять дорогу отъ мѣстечка Тауха, онъ встрѣтилъ 4 эскадрона непріятельской кавалеріи, ударилъ на нихъ, обратилъ въ бѣгство, гналъ до самыхъ городскихъ воротъ, и взялъ въ плѣнъ 2 офицеровъ и 122 рядовыхъ, — за что удостоенъ Высочайшаго благоволенія.

Послѣ возобновенія военныхъ дѣйствій въ августѣ мѣсяцѣ, Власовъ, съ честію, участвовалъ въ дѣлахъ около Бельцига, и, между прочимъ: 12-го числа разбилъ, съ полкомъ своего имени, до 3-хъ непріятельскихъ эскадроновъ и взялъ 30 плѣнныхъ, а 15-го, съ тѣмъ же полкомъ, не только содѣйствовалъ нашему и Прусскому отрядамъ разбить Французовъ, но даже взялъ въ плѣнъ шедшія на нихъ три колонны, въ которыхъ было 20 штабъ и оберъ-

офицеровъ и 1207 рядовыхъ. За этотъ блистательный подвигъ онъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 3 класса. Съ 25-го августа по 6-е сентября Власовъ находился при блокадѣ Виттенберга, былъ въ ежедневныхъ перестрѣлкахъ и выдержалъ, съ примѣрною твердостью, всѣ вылазки непріятеля. 16-го и 18-го, при городѣ Касселѣ, съ полкомъ своего имени и частию Изюмскаго гусарскаго, онъ атаковалъ Французовъ, взялъ батарею, овладѣлъ 6-ю пушками и 16-ю зарядными ящиками, — за что произведенъ въ генераль-маіоры; 18-го октября участвовалъ въ разбитіи непріятеля при Ганау, при чемъ, съ полкомъ своего имени, взялъ до 400 плѣнныхъ; 19-го дѣятельно преслѣдовалъ Французовъ отъ Фульды до Франкфурта, — за что награжденъ орденомъ Св. Анны 2-й степени, украшеннымъ алмазами.

Съ 22-го ноября по 9-е декабря Власовъ находился въ Голландіи, гдѣ, держа, съ своимъ полкомъ, въ блокадѣ крѣпость Куверденъ, не допускалъ непріятеля, при его вылазкахъ, разорять окрестныя селенія.

Въ достопамятную трех-мѣсячную кампанію 1814 года во Франціи Власовъ состоялъ въ авангардѣ корпуса генераль-адъютанта барона Винценгероде, съ которымъ и переправился, въ началѣ января, черезъ Рейнъ у Дюссельдорфа; 12-го—участвовалъ въ овладѣніи Литтихомъ, а 17-го—Намюромъ, послѣ чего находился въ движеніи черезъ Лаонъ, на соединеніе съ Силезскою арміею, бывшею подъ начальствомъ знаменитаго Блюхера, — при чемъ, 1-го февраля, въ отрядѣ генераль-адъютанта Чернышева, участвовалъ въ разбитіи непріятеля подъ Суассономъ, взялъ въ плѣнъ одного генерала, 6 офицеровъ и 300 рядовыхъ и отбилъ одну пушку, а 2-го числа участвовалъ во взятіи штурмомъ этого города, — за что награжденъ золотою саблею, украшенною алмазами, съ надписью: «за храбрость». Потомъ онъ былъ въ движеніи къ Реймсу, а оттуда, по соединеніи съ Силезскою арміею, черезъ Суассонъ, въ слѣдованіи на позицію между этимъ городомъ и Краономъ. 21-го февраля онъ участвовалъ въ дѣлѣ при Бери-о-Бакѣ; 22-го—въ обходномъ ночномъ движеніи кавалерійскаго корпуса барона Винценгероде черезъ Шевренъ къ Фетье; 24-го—въ расположеніи на позиціи при Лаонѣ, а въ слѣдующіе два дня, при этомъ же городѣ, въ генеральномъ сраженіи, съ бывшею подъ

личнымъ начальствомъ Наполеона, Французскою арміею, въ разбитіи и преслѣдованіи ея до Суассона. 7-го марта находился при занятіи г. Реймса, во время слѣдованія Силезской арміи къ Шалону.

Послѣ сраженія при Арсисѣ, Наполеонъ, желая отвлечь союзныя арміи отъ Парижа, пошелъ на Сень-Дизье. Власовъ, находясь въ летучемъ отрядѣ генераль-адъютанта Чернышева, слѣдовалъ неотступно за арміею Наполеона, который, узнавъ о движеніи союзниковъ къ Парижу, спѣшилъ на помощь своей столицѣ, черезъ Васси, Труа и Сансъ. Отрядъ Чернышева, въ пути слѣдованія своего, предупреждалъ даже Французскую армію, составляя какъ бы ея авангардъ и, при Вильневѣ, сдѣлалъ на нее нѣсколько удачныхъ нападений. 21-го марта онъ двинулся на Орлеанскую дорогу, переправясь черезъ рѣки Юнну и Луень, а 22-го явился у Мальзерба, гдѣ встрѣтилъ шедшій въ Орлеанъ, подъ прикрытіемъ 700 человекъ пѣхоты и конницы, транспортъ съ 22-мя французскими пушками. Власовъ, съ полкомъ своимъ, участвовалъ въ разбитіи этого транспорта, при чемъ почти все прикрытіе его взято въ плѣнъ. То былъ послѣдній подвигъ Власова въ эту знаменитую кампанію.

Вполнѣ цѣня заслуги вѣреннаго Максиму Григорьевичу (Власова 3-го) полка, Государь Императоръ Всемилоствѣйше пожаловалъ ему, при похвальной грамотѣ, отъ 12-го октября 1821 года, знамя, бѣлое, съ изображеніемъ: посрединѣ — государственнаго герба, а по угламъ — вензеля Августѣйшаго Имени Своего, со знакомъ ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія на древкѣ, въ копъѣ и съ надписью на полотнѣ: «за отличную храбрость въ пораженіи непріятеля въ Отечественную войну 1812 года.»

Лично, Власовъ, за кампанію 1813 года, получилъ отъ Короля Шведскаго орденъ Св. Меча, а одна золотая сабля, пожалованная ему отъ Государя Императора, замѣнена, по возвращеніи въ отечество, объявленіемъ Монаршаго благоволенія.

Въ 1815 году Власовъ снова былъ въ походѣ до Парижа, состоя при 3-мъ корпусѣ, а потомъ, 1-го марта 1816 г., возвратился на Донъ.

Но, не долго текли для него мирные дни. Черезъ три года онъ снова сѣлъ на коня, будучи назначенъ, 22 го мая 1819

года, походнымъ атаманомъ казачьихъ полковъ при Отдѣльномъ Грузинскомъ корпусѣ, — что нынѣ Кавказская Армія, — въ то время расположенныхъ, большою частію, на Кавказской Линіи и въ Черноморіи.

Тогда главнымъ начальникомъ Кавказскаго края былъ А. П. Ермоловъ. Власовъ скоро обратилъ на себя вниманіе доблестнаго вождя.

Въ началѣ 1820 года возникли беспорядки въ Имеретіи. Князья этого владѣнія, поддерживаемые Ахалцыхскимъ пашею, приняли начальство надъ многочисленными толпами бунтовщиковъ; нѣсколько нашихъ военныхъ постовъ было атаковано; движеніе транспортовъ сдѣлалось не безопаснымъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ произошли даже довольно жаркія сшибки между нашими войсками и бунтовщиками. Мятежникамъ много способствовало гористое мѣстоположеніе и дефилеи. Ермоловъ вѣрилъ усмиреніе бунта начальнику корпуснаго штаба, генераль-маіору Вельяминову. Съ нимъ находился и Власовъ, вступившій въ Имеретію 26-го апрѣля. Скорыми и рѣшительными мѣрами возмущеніе пресѣчено въ самомъ началѣ: въ теченіе двухъ мѣсяцевъ восстановлено совершенное спокойствіе, и 27-го іюля Власовъ возвратился изъ Имеретіи.

Въ то же время владѣтель Казы-Кумыхскаго ханства, Сурхай-Ханъ, извѣстный своимъ коварнымъ поведеніемъ, нарушилъ данную имъ Россіи присягу и, будучи изгнанъ княземъ Мадатовымъ изъ Аваріи, отправился къ генераль-лейтенанту Мустафѣ, хану Ширванскому, жепатому на его дочери. Этотъ владѣлецъ, не смотря на всѣ предупрежденія со стороны Ермолова, далъ способъ Сурхай-Хану удалиться въ Персію и пропустилъ его чрезъ свои владѣнія. Подобнымъ же образомъ онъ принялъ и препроводилъ въ Персію сына бѣжавшаго Шихъ-Али-Хана Дербентскаго. Всѣ эти обстоятельства заставили подозрѣвать Мустафа-Хана въ измѣнническихъ намѣреніяхъ противъ Россіи. Наконецъ одинъ изъ его приближенныхъ, нарочно захваченный нами, открылъ всѣ его тайны и злоумышленія. Узнавъ объ этомъ, Мустафа-Ханъ отправилъ въ Персію большую часть своего имущества и нѣкоторыхъ приверженныхъ ему людей, а самъ, не зная еще на что рѣшиться, находился въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Персіею, собиралъ войска для своей защи-

ты, потомъ намѣревался бѣжать, не сопротивляясь, и въ то же самое время, въ письмахъ къ Ермолову, клялся, что онъ есть самый вѣрнѣйшій, преданный и усердный подданный Государя Императора.

Ермоловъ, чтобы пресѣчь однимъ разомъ всѣ происки Мустафы-Хана и не допустить его произвести возмущеніе въ Ширвани, приказалъ нашимъ войскамъ поспѣшно занять ханство.

Власову, съ 1000 челов. казачевъ, приказано было вступить въ Ширванское ханство отъ Зардоба, что на Курѣ, а генераль-маіору барону Вреде предписано командировать туда же, изъ Кубы, баталіонъ пѣхоты и 6 орудій. Велѣдъ за тѣмъ долженъ былъ слѣшить и другой баталіонъ, смѣнившись съ занимаемыхъ имъ постовъ. Какъ скоро наши войска вступили въ границы Ширвани, Мустафа-Ханъ бѣжалъ въ Персію, а ханство его поступило въ русское управленіе. Жители изъявили чистосердечную радость и дали обѣщаніе быть вѣрноподданными Россійскому Монарху.

Власовъ находился въ Ширвани съ 9-го августа по ноябрь и, за быстроту движеній съ войсками въ самое знойное время, при недостаткѣ въ продовольствіи, получилъ, въ приказѣ по корпусу, благодарность Ермолова *).

6-го декабря Власовъ назначенъ командующимъ Черноморскимъ казачьимъ войскомъ, бывшимъ въ то время весьма малолюднымъ и только начинавшимъ еще устраиваться. Ему поручено было и завѣдываніе тамошнею кордонною стражею

*) Приводимъ выписку изъ этого приказа, отданнаго 8 сентября 1820 года, № 22:

«Войска Донскаго г. генераль-маіору Власову 3 обязанъ я отдать справедливую похвалу, за скорое прибытіе съ отрядомъ въ Ширванскую область. Ни лѣтнее время, необычайно знойное, ни въ пути недостатокъ въ продовольствіи, не препятствовали быстрому казачьему движенію, что способствовало удержанію спокойствія между жителями, которыхъ побѣгъ Мустафы, бывшаго хана, могъ привести въ замѣшательство. Командира 1-й бригады 21-й дивизіи г. генераль-маіора Вреде долгомъ поставляю благодарить за ускоренный маршъ пѣхоты и артиллеріи изъ Кубы въ Ширванскую область. Вижу, по времени, что минуты не потеряю и съ удовольствіемъ замѣчаю, что войскамъ нашимъ нѣтъ путей непроходимыхъ....»

противъ Закубанскихъ народовъ. Такимъ образомъ, для дѣятельности Максима Григорьевича открылось обширное поле, и онъ блистательно оправдалъ возложенную на него обязанность: во время являлся всюду, гдѣ только горцы задумывали прорваться въ наши предѣлы, и побѣдоносно отражалъ всѣ покушенія ихъ.

Войдемъ въ подробности замѣчательнѣйшихъ изъ тогдашнихъ дѣйствій Власова, память о которыхъ живетъ донынѣ въ разсказахъ благодарныхъ Черноморцевъ.

Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ пребыванія Власова на Кубани, — именно до октября 1821 года, — не произошло ничего важнаго въ этой части края, но около этого времени Закубанцы, подстрекаемые Портою, начали безпокоить наши границы. Въ ночи, со 2-го на 3-е октября, скопище ихъ, простиравшееся до 3000 человекъ, собравшись въ камышахъ, покрывающихъ берега Кубани, скрытно переправилось чрезъ эту рѣку, въ дистанціи Петровскаго поста, и вошло въ земли Черноморскаго войска, чтобы — по прежнимъ примѣрамъ — разграбить нѣсколько казачьихъ станицъ. Но Власовъ бодрствовалъ: онъ имѣлъ уже предварительное свѣдѣніе о намѣреніи Закубанцевъ вторгнуться въ наши предѣлы; но не зная еще мѣста, избраннаго ими для нападенія, долженъ былъ, изъ предосторожности, раздѣлить свои силы — по всей линіи, а когда получилъ извѣстіе о пунктѣ переправы, то, съ величайшею поспѣшностію, собралъ, съ ближайшихъ постовъ, съ небольшимъ 400 казаковъ, взялъ три орудія и засѣлъ на пути хищниковъ. Между тѣмъ, Черноморцы, пользуясь темнотою ночи, пропустили враговъ нѣсколько впередъ и потомъ отрѣзали имъ возможность отступленія къ рѣкѣ. Послѣ того, Власовъ отрядилъ одну партію преслѣдовать непріятеля, давъ ей приказаніе — открыть перестрѣлку и, показывая видъ, что отступаетъ, навести Закубанцевъ на то мѣсто, гдѣ самъ онъ остановился съ орудіями; другой же партіи велѣлъ встрѣтить непріятеля и, при началіи съ нимъ перестрѣлки, зажечь на всѣхъ ближайшихъ постахъ маяки и дѣлать сигнальные выстрѣлы изъ пушекъ. Мракъ ночи препятствовалъ хищникамъ замѣтить малочисленность казаковъ. Появленіе нашихъ съ разныхъ сторонъ, произведенная тревога и вспыхнувшіе по всей кордонной цѣли огни, — являвшіе тогда

совершенно новое зрѣлище въ томъ краю, — все это смутило Закубанцевъ. — Они дрогнули. Ночная темнота нарисовала предъ устрашенными глазами ихъ массы войскъ, а убѣжденіе въ дѣятельности и прозорливости Власова увеличило эти массы до огромныхъ размѣровъ. Полагая себя окруженными со всѣхъ сторонъ, горцы ринулись назадъ, стремительно понеслись въ бѣгство къ густому камышу, по которому проложили дорогу шедшіе впередъ; но едва поравнялись съ засадою, Власовъ, съ спѣшенными казаками, открылъ сильный перекрестный огонь, осыпалъ ихъ пулями и картечью изъ трехъ пушекъ своихъ и, приведя въ совершенный беспорядокъ гналъ и кололъ пиками. Закубанцы столпились въ одну массу и, терпя безпощадно пораженіе, бросились въ разныя стороны. Паническій страхъ обуялъ бѣгущихъ: они не узнавали другъ друга и сами поражали своихъ же товарищей. Наконецъ, разстроенная толпа эта устремилась къ переправѣ чрезъ Кубань, но сбита Власовымъ съ прямой дороги на нее, напираемая со всѣхъ сторонъ казаками и громимая картечью и пулями, загнана была въ Калаусскій лиманъ, — не глубокой и не топкой, но, по обширности своей, непроходимый прибережный заливъ. Передніе всадники, не видя конца воды, хотѣли воротиться, но ихъ тѣснили бывшіе сзади, гонимые ужасомъ и настигаемые казаками, и никакая уже сила не могла остановить ихъ: всѣ увлекали другъ друга впередъ и поглощались пучиною. Стремительность казаковъ, преслѣдовавшихъ Закубанцевъ, простиралась до такой степени, что и изъ нихъ четыре человека также потонули въ заливѣ. 4-го октября, восходящее солнце освѣтило страшную картину: Калаусскія поля были покрыты трупами горцевъ; воды лимана волновались отъ предсмертныхъ судорогъ всадниковъ и коней, и изъ хлябей его слышались послѣдніе стоны погибавшихъ. Уронъ непріятеля былъ чрезвычайный; сами Шапсуги считали утонувшими въ лиманѣ болѣе 20 князей и около 1200 всадниковъ; много, кромѣ того, было убитыхъ въ камышахъ; въ плѣнъ взяты: одинъ князь и 45 всадниковъ, и отбиты два знамени. Съ нашей стороны потеря была совершенно ничтожная.

Ермоловъ, отдавая полную справедливость храбрости, благоразумному распоряженію и дальновиднымъ соображе-

ніямъ Власова, замѣтнымъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ, признавалъ, что со времени водворенія войска Черноморскаго на Кубани, не происходило подобнаго пораженія хищниковъ на землѣ, войскомъ занимаемой.

За это дѣло Государь Императоръ Всемилоостивѣйше пожаловалъ Власова кавалеромъ ордена Св. Владиміра 2-й ст. большаго креста.

Все Закубанье какъ громомъ поражено было вѣстью о Калаусской битвѣ; повсюду раздались вопли горести, и горы огласились клятвою мести. Нѣсколько разъ потомъ Закубанцы готовили ковы Власову, но бдительность его обращала эти ковы на собственное ихъ поражение.

3-го февраля 1822 года, Власовъ примѣрно наказалъ Закубанцевъ, тревожившихъ своими набѣгами третью часть кордонной линіи и покушавшихся напасть на станицу, строившуюся близъ Елисаветинскаго поста. Въ октябрѣ того же года, отразивъ набѣгъ хищниковъ, онъ преслѣдовалъ ихъ за Кубань и нанесъ сильное поражение скопищамъ горцевъ на рѣчкахъ Пшецисѣ, Кунипсѣ и Бугуцдырѣ, — за что получилъ снова благодарность Ермолова, въ приказѣ по корпусу.

Въ слѣдующемъ году Власовъ самъ произвелъ нападеніе на Закубанцевъ, по одному имени подвластныхъ Турецкому правительству, которое, повидимому, не имѣло довольно силы прекратить ихъ набѣги и хищничества въ нашихъ границахъ, или даже и не хотѣло заняться этимъ. Въ теченіе предшествовавшихъ лѣтъ, Ермоловъ получалъ безпрестанно донесенія отъ начальниковъ Кавказской линіи и Черноморскаго кордона, генераловъ Сталя 2-го и Власова, что паша Анапскій, не смотря на всѣ наши старанія сохранить пріязненныя связи съ Турецкимъ правительствомъ, тайно возмущаетъ противъ насъ Закубанцевъ и ободряетъ ихъ къ разбоямъ, а чрезъ это, безпокойства по Кубанской границѣ нашей никогда не прекращаются. Испытавъ, что мирныя внушенія наши совершенно бесполезны, Ермоловъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ оружію, и разрѣшилъ генералъ-маіоровъ Сталя 2-го и Власова — переходить съ войсками за Кубань, какъ скоро они удостовѣрятся въ намѣреніи Закубанцевъ сдѣлать вторженіе въ наши границы, особенно

если можно напасть съ выгодою на ихъ скопища, когда они будутъ гдѣ-либо собираться. Имѣя это разрѣшеніе и признавая нужнымъ наказать двухъ Абадзехскихъ князей Чигинейскаго племени, извѣстныхъ своими разбоями и дававшихъ у себя пристанище сборищамъ хищниковъ, Власовъ переправился, 4-го марта 1823 года, за Кубань, напалъ внезапно на три, принадлежащія тѣмъ князьямъ, аула, сжегъ ихъ и захватилъ множество рогатаго скота и овецъ. На возвратномъ пути къ Кубани, онъ былъ атакованъ сильною партіею Абадзеховъ, старавшихся отбить добычу, но выславъ противъ нихъ стрѣлковъ, поддержанныхъ сомкнутою пѣхотою, скоро опрокинулъ непріятеля и принудилъ его бѣжать. Отрядъ Власова состоялъ: изъ 250 человекъ Навагинскаго пѣхотнаго полка, изъ двухъ орудій легкой артиллеріи, 600 пѣшихъ и 200 конныхъ казаковъ. Дѣло происходило верстахъ въ 10 отъ Кубани, на правой сторонѣ рѣчки Тихинькой.

Съ нашей стороны потеря состояла: изъ 2 человекъ убитыхъ (въ числѣ коихъ былъ 9-го коннаго полка сотникъ Табановъ), и изъ 7 казаковъ и 3 рядовыхъ Навагинскаго пѣхотнаго полка раненыхъ. Со стороны непріятеля, кромѣ убитыхъ, главную потерю составляли плѣнные, которыхъ взято мужскаго и женскаго пола 141 человекъ. Польза отъ взятія плѣнныхъ была очевидна: они могли промѣниваться на нашихъ плѣнныхъ, въ разныя времена захваченныхъ Закубанцами.

Осенью того же года, получивъ извѣстіе отъ пріверженныхъ намъ людей, что конная партія Закубанцевъ, состоящая изъ 1500 человекъ, готова ворваться въ предѣлы войска Черноморскаго и напасть на вновь учреждаемыя станицы прибывшихъ изъ Малороссіи переселенцевъ, Власовъ собралъ, сколько могъ, по скорости, войска, и самъ лично отправился на мѣста, наиболѣе подверженныя опасности.

Утромъ 12-го октября, отрядъ его прибылъ, форсированнымъ маршемъ, къ Александрову посту, лежащему на Кубани, и вскорѣ за тѣмъ, на другомъ берегу этой рѣки, услышанъ былъ шумъ, обнаружившій переправу непріятеля, скрытаго прибрежнымъ густымъ лѣсомъ и камышами.

СПИСОКЪ

ПОДПИСАВШИХСЯ

НА ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ «КАВКАЗЦЫ».

Редакцію осчастливили подпискою на изданіе :

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Александровна — за 36 выпусковъ, въ 5 экземплярахъ, Всемилостивѣйше соизволила пожаловать 150 руб. сер.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Феодоровна — на первые 12 выпусковъ, въ 5 экземплярахъ.

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ — на первые 12 выпусковъ въ 2-хъ экземплярахъ.

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Николай Николаевичъ — на первые 12-ть выпусковъ.

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Михаилъ Николаевичъ — на первые 12-ть выпусковъ.

Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Елена Павловна — на 36 выпусковъ въ 3-хъ экземплярахъ.

Ея Величество Королева Нидерландская Анна Павловна.

Его Императорское Высочество Принцъ Ольденбургскій — за первые 12-ть выпусковъ, въ 2-хъ экземплярахъ, соизволилъ пожаловать 100 руб. сер.

Изъ частныхъ лицъ и казенныхъ мѣстъ, сколько до сихъ поръ извѣстно, удостоили подпискою на Кавказцевъ:

- Адлербергъ**, графъ Владиміръ Θεодоровичъ, министръ Двора Его Императорскаго Величества, въ С. Петербургѣ. 1 экземпляръ.
- Андрониковъ**, князь Ревасъ Ивановичъ, генералъ-майоръ, въ Грузіи. 1.
- Анчутинъ**, заводскій уставщикъ, Томской губер. въ гор. Барнауль. 1.
- Араболо**, Лука Павловичъ, его благородіе, въ Одессѣ. 1.
- Армстронгъ**, Николай Адамовичъ, генер.-май. въ С. Петербургѣ. 1.
- Архангельской**, Михалъ, священникъ, въ С.-Петербургѣ. 1.
- Базена**, Иванъ Алексѣевичъ, генералъ-лейт. въ С. Петербургѣ. 1.
- Базуновъ**, купецъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Баклановъ**, Яковъ Петровичъ, ген.-майоръ въ Тифлисъ. 1.
- Баранскій**, подполк., въ С. Петербургѣ. 1.
- Барятинскій**, князь Анатолій Ивановичъ, въ Царскомъ Селѣ.
- Беккеръ**, Павелъ Васильевичъ, директоръ Рихельевского лицея. 4.
- Блудовъ**, графъ Дмитрій Николаевичъ, дѣйств. тайн. сов., въ С. Петербургѣ. 1.
- Блюмъ**, подполковникъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Бодановъ**, Николай Петровичъ, купецъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Бодановъ**, купецъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Бенецкий**, Александръ Павловичъ, штабсъ-кап Чернигов. губ. въ г. Козельцѣ. 1.
- Боничевскій**, Иванъ Григорьевичъ, подполковникъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Бородинъ**, статс. сов., въ С. Петербургѣ. 1.
- Бородинъ**, Михалъ Васильевичъ, купецъ, Пермской губ. въ г. Екатеринбургѣ. 1.
- Бонмартенъ**, подполковникъ, Ставропольской губ. въ селѣ Бѣлоглинскомъ. 1.
- Бриммеръ**, Эдуардъ Владиміровичъ, ген.-лейт. въ крѣп. Новогеоргіевской. 1.
- Брокъ**, Петръ Θεодоровичъ, министръ финансовъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Броневскій**, Николай Богдановичъ, ген.-майоръ, въ Гродно. 1.
- Броневскій**, Павелъ Николаевичъ, ген.-майоръ, въ Воронежѣ. 1.
- Бутурлинъ**, Александръ Петровичъ, ген.-лейт., въ Ярославлѣ. 1.
- Бучиковъ**, штабсъ-капитанъ, въ Грузіи. 1.
- Бушкова**, Елисавета Петровна, почет. гражд., Ярослав. губ. въ г. Мологѣ. 1.
- Бульскій**, Илья Васильевичъ, дѣйств. статс. совѣтн. въ С. Петербургѣ. 1.
- Бѣляскій**, Константинъ Яковлевичъ, генералъ-лейтен., въ С. Петербургѣ. 1.
- Ваксель**, Валеріанъ Николаевичъ, майоръ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Василевскій**, Михалъ Алексѣевичъ, майоръ, Орловской губ. въ г. Кромы. 1.
- Василевскій**, Степанъ Васильевичъ, дѣйств. статс. совѣт., въ С. Петербургѣ. 1.
- Васильева**, Авдотья Карловна, ея высокоблагор. въ Москвѣ. 1.
- Васильевъ**, Александръ Алексѣевичъ, художникъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Васильевъ**, Василій Александровичъ, подполковникъ, въ Симферополь. 1.
- Васильчиковъ**, князь Иларіонъ Иларіоновичъ, генер.-адъютантъ, въ Кіевѣ. 1.
- Ведмейеръ**, Александръ Александровичъ, ген.-майоръ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Веймарнъ**, Александръ Владиміровичъ, генер.-майоръ, въ Нижнемъ Новгородѣ. 1.
- Верховскій**, священникъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Весенрикъ**, Василій Ивановичъ, дѣйств. стат. совѣт. въ С. Петербургѣ. 1.
- Вислицевъ**, подпоручикъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Виттъ**, штабсъ-капитанъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Волжинъ**, Николай Николаевичъ, Курской губ. въ г. Дмитріевѣ. 2.
- Волковъ**, Константинъ Александровичъ, поруч. Олонекской губ. въ г. Вытегрѣ. 1.
- Воейковъ**, Василій Михайловичъ, капитанъ, въ г. Полоцкѣ. 1.
- Волконскій**, князь Александръ Алексѣевичъ, въ Вологдѣ. 1.
- Воронцовъ**, купецъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Вороновъ**, поручикъ, въ г. Николаевѣ. 1.
- Врангель**, баронъ Александръ Евстафьевичъ, генералъ-адъютантъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Вушицъ**, Василій Θεодоровичъ, полковникъ, Херсонской губ. въ г. Бобринцѣ. 1.
- Гавериловъ**, казначей, въ Кронштадтѣ. 1.
- Гагаринъ**, князь Иваанъ Владиміровичъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Ганзенъ**, Василій Васильевичъ, ген.-майоръ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Гейденъ**, графъ Θεодоръ Логивовичъ, ген.-майоръ, въ Москвѣ. 1.
- Германовъ**, поруч. Могилевск. пѣхотн. полка. 1.
- Гертовъ**, Николай Павловичъ, полков. въ С. Петербургѣ. 1.
- Гертовъ**, Александръ Павловичъ, берггаунтманъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Головинскій**, Андрей Александровичъ, полков. Харьковской губ. въ г. Старобѣльскѣ. 1.
- Головинъ**, Евгений Александровичъ, генералъ отъ инфантеріи, въ С. Петербургѣ. 1.
- Горскій**, Николай Ивановичъ, генер.-лейтен. въ Новочеркасскѣ на Дону. 1.
- Горчаковъ**, князь Михалъ Дмитріевичъ, ген.-адъютантъ, въ Варшавѣ. 10.
- Готовскій**, Михалъ Семёновичъ, полковникъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Грabbе**, Павелъ Христофоровичъ, генер.-адъютантъ, Полтав. губ. въ г. Прилукѣ. 1.
- Гречь**, Николай Ивановичъ, дѣйств. стат. совѣт. въ С. Петербургѣ. 1.
- Григорій**, Митрополитъ Новгородскій, С. Петербургскій, Эстляндскій и Финляндскій, въ С. Петербургѣ. 1.
- Грипенбергъ**, полковникъ, въ Свеаборгѣ. 1.
- Гусельниковъ**, заводскій кандидатъ, Томской губ. въ г. Барнауль. 1.
- Гущинъ**, Семён Семеновичъ, купецъ, въ СПб. 1.
- Давыдовъ**, купецъ, въ С. Петербургѣ. 2.
- Дарамъ**, Дмитрій Ивановичъ, генер.-майоръ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Дезидеріевъ**, Павелъ Иларіоновичъ, его высокоблагородіе, Бессараб. обл. въ г. Кишиневѣ. 1.
- Демидовъ**, полковникъ, Радомской губ. въ г. Кельцѣ. 1.
- Долгоруковъ**, князь Василій Андреевичъ, генер.-адъютантъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Дубельтъ**, Михалъ Леонтьевичъ, полковникъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Дублянский**, Викентій Павловичъ, поруч., Курской губ. въ г. Бѣлгородѣ. 1.
- Евдокимовъ**, капитанъ, въ Москвѣ. 1.
- Еремьевъ**, Афонасій Емельяновичъ, купецъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Ермоловъ**, Алексій Петровичъ, генер. отъ артиллеріи, въ Москвѣ. 1.
- Ермоловъ**, Дмитрій Николаевичъ, генер.-майоръ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Ерофьевъ**, Семён Ерофьевичъ, поручикъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Жуковский**, Владиміръ Владиміровичъ, полков., въ г. Казанѣ. 1.
- Заблацкий**, Павелъ Парфентьевичъ, профессоръ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Завьяловъ**, Василій Васильевичъ, его высокоблагородіе, Оренбургской губ. въ г. Уфѣ. 1.
- Зедергольмъ**, майоръ, въ Грузіи. 1.
- Зарембо**, прапорщ. Могилевск. пѣхотн. полка. 1.
- Ивановъ**, штатный смотритель Юрьевскихъ училищъ, Владимірской губ. въ г. Юрьевѣ. 1.
- Игнатова**, Марія Ивановна, супруга генералъ-адъютанта, въ С. Петербургѣ. 1.
- Игнатьевъ**, Павелъ Николаевичъ, генер.-адъютантъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Ильищенко**, Владиміръ Степановичъ, его высокоблагородіе, Полтавской губ. въ г. Благодатномъ. 1.
- Исидоръ**, митрополитъ экзархъ Грузіи, въ Тифлисъ. 1.
- Калашниковъ**, Александръ Петровичъ, купецъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Канисальскій**, Михалъ Дмитріевичъ, дѣйств. ст. сов. Херсонск. губ. въ г. Александріи. 1.
- Карпинскій**, Илюдоръ Александровичъ, его благородіе, Томской губ. въ Змеиногорскомъ рудникѣ. 1.
- Карповъ**, Акимъ Акимовичъ, генер.-лейтен. въ Варшавѣ. 1.
- Катапановъ**, Иванъ Мироновичъ, коллеж. ассес. Томской губ. въ г. Кузнецкѣ. 1.
- Катенина**, Варвара Ивановна, супруга генер.-адъютанта, въ Оренбургѣ. 1.
- Катенинъ**, Александръ Андреевичъ, генералъ-адъютантъ, въ Оренбургѣ. 1.
- Кауфманъ**, Константинъ Петровичъ, генералъ-майоръ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Квистъ**, капитанъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Кейпинъ**, Порфирій Николаевичъ, губернский секретарь, Енисейской губ. на Георгіевскомъ приискѣ. 1.
- Кикинъ**, Николай Евграфовичъ, его высокоблаг. Нижегородской губ. въ г. Починки. 1.
- Киттеръ**, баронъ Отто Карловичъ, штабсъ-капитанъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Кишинскій**, Николай Семеновичъ, генер.-майоръ, Бессарабской области въ г. Кишиневѣ. 1.
- Кнустъ**, Александръ Яковлевичъ, ген.-майоръ, Вятской губ. въ Ижевскомъ оруж. заводѣ. 1.

Кованько, Алексѣй Ивановичъ, полковникъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Ковалевскій, Егоръ Петровичъ, генер.-маіоръ, въ С. Петербургѣ. 1.
Кобозевъ, Иванъ Степановичъ, потомств. поч. гражд., Таврической губ. въ г. Керчи. 1.
Ковшинъ, Иванъ Прокофьевичъ, его высокобл., Таврической губ. въ г. Перекопѣ. 1.
Козловскій, князь Иванъ Димитріевичъ, въ г. Самарѣ. 1.
Козловъ, Александръ Алексѣевичъ, художникъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Колмыковъ, Егоръ Ѳедоровичъ, купецъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Кононовъ, Александръ Михайловичъ, полковн., Московской губ. въ г. Коломнѣ. 1.
Копыловъ, Платонъ Сергѣевичъ, купецъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Корфъ, баронъ Василій Сергѣевичъ, генералъ-адъютантъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Корфъ, баронъ Николай Ивановичъ, генер. отъ артallerii, въ С. Петербургѣ. 1.
Косьяндеръ, маіоръ, въ С. Петербургѣ. 1.
Коцебу 2, Павелъ Евстафьевичъ, ген.-адъютан., въ Варшавѣ. 1.
Кратцъ, Иванъ Ѳедоровичъ, подполковникъ, въ Свеаборгѣ. 1.
Крашенинниковъ, купецъ, въ С. Петербургѣ. 4.
Криласовъ, урядникъ, Томской губ. въ Сузунскомъ заводѣ. 1.
Кропотковъ, Дмитрій Андреевичъ, подполк. въ С. Петербургѣ. 1.
Кудряшевъ, Павелъ Ивановичъ, потомственный почет. гражд. въ С. Петербургѣ. 1.
Кузнецовъ, Ѳедоръ Ивановичъ, войсков. старшина, въ укр. Темуръ-Ханъ-Шурѣ. 1.
Ламбертъ, графъ Карлъ Карловичъ, генералъ-адъютантъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Лебедевъ, Николай Семеновичъ, полковн., Оловенской губ. въ г. Вытегрѣ. 1.
Леонтьевъ, Борисъ Николаевичъ, штабсъ-капитанъ, Пензенской губ. въ г. Керенскѣ. 1.
Липинъ, Дмитрій Ивановичъ, купецъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Линдфорсъ, Иванъ Ѳедоровичъ, полковникъ, въ Москвѣ. 1.
Луцкиновичъ, Николай Андреевичъ, дѣйствиел. стат. совѣт., въ С. Петербургѣ. 1.
Майдель, Яковъ Карловичъ, полков., въ С. Петербургѣ. 1.
Маликовскій, Николай Сильвестровичъ, его благородіе, въ С. Петербургѣ. 1.
Мандерштернъ 1, Карлъ Егоровичъ, ген. отъ инфантерii, въ С. Петербургѣ. 1.
Мандерштернъ 2, Евгений Егоровичъ, генер.-лейтенантъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Матвѣевъ 2, Ефимъ Матвѣевичъ, полковникъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Мирковичъ, Ѳедоръ Яковлевичъ, генералъ отъ инфантерii, въ С. Петербургѣ. 1.
Михайловъ, Михайла Александровичъ, его благородіе, Рязанской губ. на ст. Гавриловской. 1.
Михалевъ, Павелъ Николаевичъ, городничій, Тобольской губ. въ г. Березовѣ. 1.
Мищенко, маіоръ, Дербентск. губ. въ укрѣп. Ахты. 1.
Мироинскій, Константинъ Юсифовичъ, капитанъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Мурузи, Дмитрій Егоровичъ, подполковникъ, Псковской губ. въ посадь Сольцу. 1.

Мустьяцъ, Константинъ Семеновичъ, штабсъ-капитанъ, въ Царскомъ Селѣ. 1.
Назимовъ 3, Сергій Ивановичъ, генер.-маіоръ, Псковской губ. въ посадь Сольца. 1.
Науменковъ, Николай Васильевичъ, Харьковск. губ., въ г. Славянскѣ. 1.
Недовъсковъ, Сергій Аркадьевичъ, полковникъ, Тверской губ. въ г. Бежецкѣ. 1.
Никитинъ, Василій Павловичъ, полковникъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Ниродъ 2, графъ Александръ Евстафьевичъ, генералъ-маіоръ, въ Царскомъ Селѣ. 1.
Овсѣенко, прапорщ. Могилевск. пѣхотн. полка. 1.
Оклябжю, Иванъ Дмитріевичъ, его высокоблагородіе, Орловской губ. въ г. Ельцѣ.
Окуловъ, Иванъ Егоровичъ, купецъ, Иркутской губ. въ г. Кяхтѣ. 1.
Олоховъ 2, Платонъ Алексѣевичъ, ген.-маіоръ, въ Стрѣльнѣ. 1.
Онацевичъ, Антонъ Антоновичъ, коллеж. совѣт. въ г. Вильно. 1.
Орлова-Денисова, графиня Елисавета Алексѣевна, въ С. Петербургѣ. 1.
Осиповъ, Михайл Гавриловичъ, его высокоблагородіе, въ С. Петербургѣ. 1.
Панасевъ, Владиміръ Ивановичъ, тайный совѣт. въ С. Петербургѣ. 1.
Паткуль 2, Александръ Владиміровичъ, ген.-адъютантъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Петровъ, Иларіонъ Ивановичъ, капитанъ, Олонецкой губ. въ г. Вытегрѣ. 1.
Печаткинъ, Вечеславъ Петровичъ, купецъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Пинкорнелли, Николай Ѳедоровичъ, полковникъ, въ Полтавѣ. 1.
Платовъ, графъ Иванъ Матвѣевичъ, въ Новочеркасскѣ на Дону. 1.
Подгурскій, Левъ Францовичъ, маіоръ, Харьковской губ. въ г. Старобѣльскѣ. 1.
Политковский, Владиміръ Гавриловичъ, ген.-лейтенантъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Попилинъ, Яковъ Трофимовичъ, купецъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Пономаревъ, Александръ Дмитріевичъ, капитанъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Понятовскій, Андрей Степановичъ, кол. совѣт., въ Екатеринославѣ. 1.
Протасовъ, Петръ Кузмичъ, штабсъ-капитанъ, въ Царскомъ Селѣ. 1.
Пятинъ, Михайл Титовичъ, коллеж. совѣт., Бессарабской обл. въ г. Кишиневѣ. 1.
Ранъ, Михайл Михайловичъ, его высокоблагородіе, въ г. Владиміръ. 1.
Ратьковъ, книгопродавецъ въ С. Петербургѣ. 1.
Рауеръ, Иванъ Осиповичъ, кашганъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Рахманчиковъ, Аркадій Александровичъ, его высокоблаг., Тамб. губ. въ сель Знаменскомъ. 1.
Розенъ, баронъ, полковникъ, въ Твери. 1.
Рудановскій, Петръ Александровичъ, губери секрет. въ Новгородѣ. 1.
Рузановъ, Алексѣй Михайловичъ, купецъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Савицъ, Платонъ Александровичъ, полковникъ, въ Царскомъ Селѣ. 1.
Самойловичъ, полковникъ, Курской губ. въ г. Старо-Осколѣ. 1.
Самойловъ, кашганъ, Томской губ. въ Сузунскомъ заводѣ. 1.
Сафоново, Степанъ Васильевичъ, тайный совѣт., въ С. Петербургѣ. 1.

Сафоново, Александръ Гавриловичъ, его высокобл., Тульской губ. на ст. Николаевской. 1.
Селивановъ, Петръ Николаевичъ, штабсъ-капитанъ, Рязанской губ. въ г. Зарайскѣ. 1.
Сеньковскій, Николай Алексѣевичъ, поручикъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Скарятинъ, Николай Ивановичъ, прапорщикъ, въ г. Ябургѣ. 1.
Смирновъ, Владиміръ Савичъ, дѣйств. стат. совѣт. въ С. Петербургѣ. 1.
Соколовъ, Ефимъ Ивановичъ, почет. граждан., въ С. Петербургѣ. 1.
Сокуровъ, Ѳедоръ Егоровичъ, почет. граждан., въ С. Петербургѣ. 1.
Солодовниковъ, Николай Назаровичъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Сорокинъ 1, Алексѣй Ѳедоровичъ, ген.-лейт., въ Свеаборгѣ. 2.
Страховъ, Иванъ Сергѣевичъ, Саратовской губ. въ г. Кузнецкѣ. 1.
Строинова, графиня Юлія Петровна, въ С. Петербургѣ. 1.
Тарханъ-Моуаровъ, князь, полковникъ, въ урочищѣ Бѣлый Ключъ. 2.
Тенлевъ, Дмитрій Гавриловичъ, купецъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Тимашевъ, Александръ Егоровичъ, генералъ-маіоръ, въ С. Петербургѣ. 1.
Тимковскій, исправ. долж. смотр. Шуйскихъ учил., Владимірской губ. въ г. Шуѣ. 1.
Толстой, Николай Матвѣевичъ, ген.-адъютантъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Томицъ, Иванъ Антоновичъ, полковникъ, въ Саратовѣ. 1.
Трубецкой, Василій Ивановичъ, полков. Ярославской губ. въ Юрментѣ. 1.
Тяпалковъ, Василій Ивановичъ, ген.-маіоръ, въ Киевѣ. 1.
Успенскій, Петръ Ивановичъ, титул. совѣтн., въ Новгородѣ. 1.
Ушаковъ, капитанъ, въ С. Петербургѣ.
Филковскій, Василій Александровичъ, его высокоблагородіе, Томской губ. въ г. Барнауль. 1.
Филадельфинъ, Александръ Тимофѣевичъ, губери секретарь, въ Новгородѣ. 1.
Филевъ, Сергій Михайловичъ, его высокоблагородіе, Тверской губ. въ г. Зубцовѣ. 1.
Франкъ, баронъ Николай Александровичъ, въ Екатеринославѣ. 1.
Флевичкій, Іоаннъ, діаконъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Фрейманъ, Эдуардъ Антоновичъ, ген.-маіоръ, въ С. Петербургѣ. 1.
Фрѣловъ и Тюменьковъ, купцы, въ С. Петербургѣ. 1.
Чѣботаревъ, Адамъ Петровичъ, полковникъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Шабельскій, Петръ Ивановичъ, штабсъ-ротмистръ, въ С. Петербургѣ. 1.
Шапошиниковъ, Василій Ивановичъ, полковникъ, въ Новочеркасскѣ на Дону. 1.
Шаронъ, полковникъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Шестаковъ, Петръ Сергѣевичъ, штабсъ-кап. въ Могилевѣ. 1.
Шиловъ, Иванъ Александровичъ, купецъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Шрамовъ, подполк., Томск. губ., въ дер Баннова. 1.
Шредеръ, Дмитрій Николаевичъ, его высоблаг. въ С. Петербургѣ. 1.
Штиберъ, лѣсничій, Тамбовской губ., въ г. Моршанскѣ. 1.

<i>Штилицъ</i> , баронъ Александръ Любимовичъ, въ С. Петербургѣ. 1.	Александровскій Брестскій кадетс. корпусъ. 1.	Командиръ Колывапскаго пѣхотнаго полка. 1.
<i>Шульцъ 1</i> , Морицъ Христіановичъ, ген.-маіоръ, въ Динаминдѣ. 1.	Владимірскаго Кіевскаго кад. корп. 1.	» Минскаго гарнизоннаго баталіона. 1.
<i>Шульцъ</i> , полковникъ, Каменецъ Подол. губ. въ м. Меджибожѣ. 1.	Михайловскій Воронежскій кад. корп. 5.	Канцелярія Министерства Финансовъ. 1.
<i>Шустровъ</i> , Василій Михайловичъ, кунецъ, въ Москвѣ. 1.	Канцелярія Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса. 1.	Статистическій Комитетъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 1.
<i>Эншельгардъ 2</i> , баронъ Василій Богдановичъ, генераль-маіоръ, въ Новгородѣ. 1.	Штабъ отдѣльнаго гренадерскаго корпуса. 1.	Второй департаментъ С. Петербургской Управы Благочинія. 1.
<i>Эншельгардъ</i> , Евгений Васильевичъ, его высок. въ Смоленскѣ. 1.	Штабъ 4-го армейскаго корпуса. 1.	Архангельское Губернское Правленіе. 1.
<i>Юнмейстеръ</i> , книгопродавецъ, въ С. Петербургѣ. 1.	Библіотеки: Артиллерійскихъ бригадъ, Инженерныхъ командъ и Саперныхъ батал. 87.	Контора Общества благородныхъ дѣвицъ. 3.
<i>Юркевичъ</i> , Николай Ильичъ, вице-губернаторъ, въ Калугѣ. 1.	Лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ. 1.	Управленіе Варшавскаго Учебнаго Округа. 1.
<i>Юрѣва</i> , Екатерина Петровна, вдова дѣйств. ст. сов. 1.	» Волынскій » 1.	Правленіе Дерптскаго университета. 1.
<i>Яблонскій</i> , Иванъ Осиповичъ, въ С. Петербургѣ. 1.	» 2-й Стрѣлковый баталіонъ. 1.	Курская гимназія. 1.
	» Гродненскій гусарскій полкъ. 1.	Екатеринославская гимназія. 1.
	Кіевскій гренадерскій Короля Нидерландскаго полкъ. 1.	Ставропольская гимназія. 1.
	Сибирскій гренадерскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго полкъ. 1.	Кутаисская гимназія. 1.
	Сѣвскій пѣхотный полкъ. 1.	Николаевская Чесменская богадѣльня. 1.
	Суздальскій пѣхотный полкъ. 1.	Симбирское Нѣмецкое собраніе 3.
	Грузинскій гренадерскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полкъ. 1.	Газетная Экспедиція С. Петербургскаго Почтамта. 14.
	Нижегородскій драгунскій Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полкъ. 2.	Редакціи:
		Артиллерійскаго Журнала. 1.
		Журнала Министерства Народн. Просв. 1.
		Русской Бесѣды. 1.
		Военно-Медицинскаго Журнала. 1.
		Экономическаго Указателя. 1.
		Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ. 1.

Инженерный Департаментъ. 1
Инженерный Ученый Комитетъ. 1.
Академія Инженерная 2.
1-й кадетскій корпусъ. 1.

Государь Императоръ о намѣреніи издавать «Кавказцы» Всемиловѣйше соизволилъ отозваться: «весьма хорошая мысль»; а потомъ лично осчастливилъ редактора-издателя много-милостливыми словами: «благодарю за доброе намѣреніе». Вышедшіе выпуски «Кавказцевъ» имѣли счастье удостоиться благосклоннаго принятія Его Величествомъ и Членами Августѣйшаго Семейства. Высшее начальство снисходительно изъявило полную готовность содѣйствовать благой цѣли изданія. Наконецъ, просвѣщенные соотечественники, всѣхъ состояній, встрѣтили предпріятіе общимъ сочувствіемъ, которое выразилось въ лестныхъ отзывѣхъ изъ С. Петербурга и Москвы, съ Кавказа и изъ Польши, съ Дона и съ Сибири. Все это налагаетъ на Редацію священную обязанность неусыпно трудиться и способствовать, сколько возможно, къ распространенію «Кавказцевъ», какъ изданія исключительно назначеннаго къ сохраненію подвиговъ, совершенныхъ на Кавказѣ, и прибыль отъ котораго предоставлена къ успокоенію раненыхъ и на помощь семействамъ павшихъ, во славу русскаго оружія. По этому, Редація находитъ возможнымъ предложить слѣдующія облегченія къ подпискѣ:

За первые 12 выпусковъ, состоящіе изъ 24 листовъ текста, съ 18 приложеніями, вышедшіе до 1 января 1858 года, цѣна остается прежняя, то есть *шесть рублей*.

За слѣдующіе 24 выпуска (№№ 13—36), состоящіе изъ 48 листовъ текста, съ 36 приложеніями, имѣющіе выйти въ теченіе 1858 года, цѣна *двѣнадцать рублей*.

Но подписавшіеся на первые 12 выпусковъ до 1-го января 1858 года, вносятъ за 24 выпуска слѣдующаго года только *десять рублей*.

Желающіе подписаться на одинъ текстъ безъ рисунковъ платятъ половину.

За доставку на домъ въ С.-Петербургѣ прилагается: за первые 12 выпусковъ — 50 к.; за слѣдующіе 24 выпуска 1 руб., а за пересылку въ другіе города: за 12 выпусковъ 75 к., а за 24—1 руб. 50 коп.

Казенныя и общественныя бібліотеки и господа служащіе всѣхъ вѣдомствъ могутъ подписныя деньги по-мѣсячно, по третью года, или въ другіе сроки, какіе они признаютъ для себя удобнѣйшими; но, съ *непреклоннымъ* правиломъ, чтобы требованія на высылку изданія, на подобномъ условіи, были дѣлаемы чрезъ ближайшихъ начальниковъ и не иначе, какъ на имя Редаціи. При этомъ редація покорнѣйше проситъ гг. подписавшихся, высылать адреса самыя вѣрныя, дабы безвинно не заслужить нареканія отъ гг. желающихъ знать чудные подвиги своихъ соотечественниковъ.

Періодическое изданіе «Кавказцы» имѣетъ предметомъ передать потомству, перомъ и карандашемъ, замѣмательнѣйшіе подвиги, совершенные на Кавказѣ, съ свѣдѣніями о жизни лицъ, ими прославившихся отъ генерала до рядоваго. Изданіе хотя посвящено преимущественно описанію подвиговъ несравненныхъ военно-сухопутныхъ Кавказскихъ войскъ; но на страницахъ его найдутъ также мѣсто доблестныя дѣла и другихъ лицъ великой семьи русской; а) славные подвиги *моряковъ*, совершенные ими при берегахъ Кавказа; б) неустрашимость и самоотверженіе духовныхъ лицъ, достойныхъ *служителей Христовыхъ*, которые, съ крестомъ въ рукѣ, укрѣпляютъ мужество воиновъ, внушеніемъ твердаго упованія на всеильную помощь Божію, успокоиваютъ раненыхъ, исповѣдуютъ умирающихъ, иногда подъ свистомъ пуль и гуломъ ядеръ; в) прекрасное исполненіе святаго долга *медицинскими чинами*, часто совершаемаго ими подъ вражьиными выстрѣлами; г) живѣйшее участіе въ кавказской брани нашихъ соотечественницъ, которыя, — какъ истинныя Россіянки, — безтрепетно дѣйствуютъ, во время непріятельскихъ штурмовъ, на батареяхъ и перевязочныхъ пунктахъ и вообще усердно содѣйствуютъ къ оборонѣ укрѣпленій и д) ревностное исполненіе своихъ обязанностей дипломатами и гражданскими чинами, которыя, своими дѣйствіями, часто сопряженными съ лишеніями всякаго рода, а нерѣдко и съ опасностію для жизни, способствуютъ упроченію русской власти въ краѣ. Сюда же войдутъ жизнеописанія ученыхъ, прославившихся своими изслѣдованіями о Кавказѣ, облегчающими благотворныя мѣры Правительства въ этой любопытной части великаго нашего отечества.

Множество подвиговъ и лицъ, уже отмѣченныхъ Исторіею, и еще большее число новыхъ, доннынѣ замѣченныхъ ею, оставленныхъ ею безъ вниманія, займутъ въ предпринимомомъ изданіи принадлежащее имъ мѣсто. Въ немъ будутъ и тѣ, которые славно пали на полѣ брани, и тѣ, которые послѣ геройскихъ дѣлъ почли въ мирной могилѣ, и тѣ, которые отличены нынѣ почестями, и, наконецъ тѣ, которые укрылись въ уединеніе, на отдыхъ, послѣ трудной жизни. О каждомъ лицѣ говорится отдѣльно и, если можно, прилагаются его портретъ, планъ мѣстности, гдѣ происходило дѣло, или рисунокъ, изображающій подвигъ.

Описанія слѣдуютъ одно за другимъ, не стѣсняясь какимъ-либо опредѣленнымъ порядкомъ, а по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, по мѣрѣ ихъ изготовленія. Но раружный видъ изданія принять такой, чтобы, въ послѣдствіи, можно было расположить ихъ въ порядкѣ алфавитномъ или хронологическомъ.

Изданіе выходитъ съ 1-го іюля 1857 года по два раза въ мѣсяцъ, выпусками въ 2 листа каждый, въ большую четверку; текстъ печатается на хорошей бѣлой бумагѣ, новымъ шрифтомъ, чисто, опрятно; приложенія, числомъ до **трехъ** въ мѣсяцъ, изготовляются лучшими нашими художниками и печатаются на китайской бумагѣ. Изданіе каждаго года получитъ великолѣпный заглавный листъ, а каждый выпускъ имѣетъ особую обертку.

ПОДПИСКА принимается: въ С.-Петербургѣ: въ редакціи, находящейся въ С.-Петербургской крѣпости, въ квартирѣ Плацъ-Маіора, Полковника *Новоселова*; въ конторѣ изданія, учрежденной при книжномъ магазинѣ *Я. А. Исакова* (въ Гостиномъ Дворѣ, по Суконой Линіи, подъ № 24), и въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта; — въ Москвѣ: у книгопродавца *Ө. И. Салаева*; — въ Тифлисѣ: у книгопродавца *Г. В. Бернштама*.

Редація принимаетъ на себя ручательство за исправную и своевременную доставку выпусковъ только въ томъ случаѣ, когда подписка принята въ этихъ мѣстахъ. — Выпуски разсылаются въ конвертахъ, заклеенныхъ наглухо.

Приступивъ къ изданію «Кавказцы», Редація не дѣлала блистательныхъ обѣщаній, а дала только слово трудиться, по мѣрѣ силъ своихъ и употребляетъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать изданіе вполне достойнымъ его назначенія. Не щадя ни трудовъ, ни издержекъ, величайшею себѣ наградою Редація считаетъ, что сдѣлаетъ достояніемъ общимъ подробности о подвигахъ и жизни достойныхъ соотечественниковъ. — Всю чистую прибыль отъ изданія, за покрытіемъ издержекъ, предоставляя въ пользу раненыхъ Кавказцевъ и семействъ убитыхъ, Редація въ концѣ каждаго года будетъ обнародовать имена всѣхъ лицъ, сочувствующихъ благой цѣли изданія.

Воззвание Редакции къ соотечественникамъ о доставленіи свѣдѣній о жизни и подвигахъ Кавказцевъ, портретовъ ихъ и рисунковъ, съ признательностію скажемъ, превзошло ожиданія. Со всѣхъ сторонъ обширной Россіи получаютъ матеріалы, нерѣдко драгоцѣнные, которые иначе могли бы утратиться или, по крайней мѣрѣ, долго бы, если не на всегда, остаться неизвѣстными.

Въ непродолжительномъ времени будутъ напечатаны: походъ Петра Великаго въ Дагестанъ, съ картами и рисунками; путешествіе по Кавказу Императора Николая Павловича и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, также съ картою и рисунками; жизнеописанія незабвеннаго для Кавказа генерала отъ артиллеріи Алексѣя Петровича Ермолова, славнаго князя Цицианова, героя-богатыря Вельяминова, безпримѣрно-храбраго Карягина, сподвижниковъ Петра Великаго — Матюшкина и Левашова, графовъ: Зубова и Гудовича; князя Аргутинскаго-Долгорукова, описаніе плѣна капитановъ Глѣбова и Торнау, жены полковника Махина, академика Гмелина и штабсъ-капитана Новоселова; много отдѣльныхъ описаній подвиговъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, совершенныхъ какъ въ прежнее время, такъ и въ послѣдніе годы, а также описанія защиты укрѣпленія Ахты и славнаго паденія Вельяминскаго форта и Михайловскаго укрѣпленія.

Сверхъ того, въ Редакціи дѣятельно изготавляются жизнеописанія *) генераль-адъютантовъ: свѣтлѣйшаго князя А. С. Меншикова, князя М. Д. Горчакова, Н. Н. Муравьева, князя А. И. Барятинскаго, П. Х. Граббе, П. Е. Коцебу, свѣтлѣйшаго князя А. А. Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго, А. А. Катенина, барона А. Е. Врангеля и графовъ: К. Х. и К. К. Бенкендорфовъ; генераловъ: Е. А. Головина, Н. Н. Муравьева, маркиза Пауллучи, Торماسова, князя Гагарина, И. М. Лабынцова, генерала Горскаго, знаменитаго страдальца за родину А. П. Волинскаго, — одного изъ главнѣйшихъ сподвижниковъ Петра къ упроченію русскаго вліянія на Кавказѣ, — и дѣятельныхъ участниковъ въ походѣ Великаго Императора на Дербентъ — Ф. И. Соймонова, генераль-адмирала графа Апраксина и генерала Кропотова; генераловъ: Несвѣтаева, Булгакова, Текелли, Якоби, Небольсина, Бибилова, графа Баранова, Кнорринга, Портнягина, князя Мадатова, Лисаневича, Бакланова, Кюге-фонъ-Клюгенау, Сулова, Кишинскаго 1 и 2-го, Кауфмана; полковника Кауфмана; генераловъ Полтинина и Бѣлявскаго, князей Эрстовыхъ и Орбельяновъ, Бебутовыхъ и Авдранниковыхъ, генераловъ Раевского и Рудаковскаго; воеводы Бутурлина, — доблестнаго защитника Тарковъ въ 1605 году; князя М. П. Барятинскаго, нашего посланника къ Персидскому Шаху при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ; генераль-аншефа князя И. Ф. Барятинскаго, сподвижника Петра Великаго: генералиссимуса Суворова; генераловъ Шульца и Бурцова, флигель-адъютанта Скобелева, доктора Гривквиста, капитана 1-го ранга Веселаго, графа Гейдена, адмирала Станюковича, капитана Фохта, адмирала Хрущова, генерала Адлерберга, воеводу Засѣкина и Хворостинскаго, Щербину, генераловъ Тотлебена, — славно дѣйствовавшего на Кавказѣ при Екатеринѣ II, Ковалевскаго и Панкратьева, адмирала Серебрякова, генераловъ: Вравкена, Каптера, Годлевскаго, Альбранта, Малиновскаго, Индреніуса и Миценко, полковниковъ: Юдина, Камкова, Рагузы, штабсъ-капитана Мадлинскаго, майора Щедры, князей Чевчевадзе, доктора Троицкаго, адмирала Нахимова, жены капитана Жоржа и жены штабсъ-капитана Байдакова, капитана Добрышина, князя В. В. Долгорукова, — главнокомандовавшего на Кавказѣ при Екатеринѣ I, атамановъ Платова и Заводовскаго: барона Медема — генерала времени Екатерины II, адмирала Пустошкина, есаула Ляпина, Александра Бестужева (Марлинскаго), жены подпоручика Богуславскаго, адмирала Грейга, генерала Лихачева, подпоручика Маевского, генерала барона Николаи, штабсъ-капитана Пружановскаго, подполковника Трескина, генераловъ Броневскихъ; безсмертнаго Грибоѣдова, князей Васильчикова и Дондукова-Корсакова, графа Строганова, Дьяконова, генераловъ: Мавюкина и Малиновскаго, іеромонаха Макарія и игумена Ефрема, патріарховъ-каэоликосовъ Арменю-Грегорианской Церкви Ефрема, Іоаннеса и Нарсеса и многихъ другихъ.

Сообщая этотъ списокъ заготовляемыхъ жизнеописаніямъ, Редакція имѣетъ въ виду единственно полученіе *въ скорѣйшемъ времени*, матеріаловъ о поименованныхъ лицахъ, могущихъ дополнить имѣющіяся свѣдѣнія. Руководствуясь строжайшимъ безпристрастіемъ, Редакція спѣшитъ собрать наиболѣе свѣдѣній о дѣйствителяхъ ближайшей эпохи въ томъ предположеніи, чтобы доставить возможность людямъ, хорошо знающимъ событія и лица, исправить неизбѣжныя погрѣшности; но изъ списка видно, что въ тоже время не упущено стараніе собрать свѣдѣнія о доблестныхъ отцахъ и дѣлахъ.

Славные герои кавказскіе, это наше убѣжденіе, вполне поймутъ и оцѣнятъ желаніе Редакціи имѣть наиболѣе матеріаловъ; этимъ доставится возможность лучше исполнить предпріятіе, которое возлюбленный Монархъ нашъ удостоилъ осчастливить наименованіемъ «добраго намѣренія». Дѣйствительно, только при общемъ сочувствіи, Редакція можетъ свято исполнить принятую на себя обязанность: потому что, — она это сознаетъ, — одинъ человекъ, какъ бы не былъ онъ дѣятеленъ, никогда не въ состояніи довести подобнаго изданія до той степени, на которой желательно видѣть его, по важности предмета. Редакціи нужно не матеріальное одобреніе, — на святой Руси, благодаря Бога, найдется число лицъ дорожащихъ отечественной славой и готовыхъ принести лепту свою на помощь раненымъ и семействамъ, падшимъ на брани, которые своею подпискою поддержать изданіе. Но Редакціи желательно, чтобы русскіе воины и ихъ семейства продолжали, чрезъ «Кавказцевъ», дѣлиться съ соотечественниками имѣющимися у нихъ свѣдѣніями о доблестныхъ подвигахъ и подробностями о жизни дѣйствителей, и тѣмъ доставляли средства представить, перомъ и карандашемъ, возможно большее число ихъ, возможно полнѣе и возможно вѣрнѣе и совершеннѣе. Не должно останавливаться отъ мысли, что имѣющееся въ виду свѣдѣніе незначительно, что матеріалы малы по объему, — часто одно слово, одинъ анекдотъ, одна черта замѣчательнаго лица драгоцѣннѣе при составленіи его жизнеописанія, характеризуетъ его лично, происшествіе и эпоху лучше, чѣмъ кипы писанной бумаги. Въ подобномъ предпріятіи скромность неумѣстна. Подвигъ, совершенный для отечества, принадлежитъ не лицу, но отечеству.

*) Здѣсь имена славныхъ и извѣстныхъ Кавказцевъ выставлены по количеству матеріаловъ объ ихъ подвигахъ, имѣющихся въ Редакціи, въ настоящее время.

Редакторъ и издатель, Плацъ-Маіоръ С.—Петербургской крѣпости, Лейбъ-Гвардіи Сапернаго батальона
Полковникъ С. Новоселовъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, декабря 21-го дня 1857 года.

Ценсоръ В. Бекетовъ.